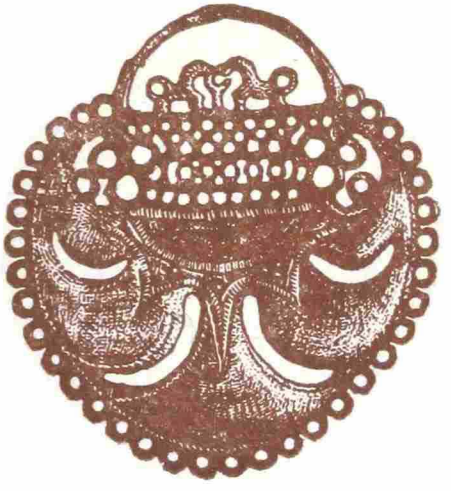
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1983

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1983

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Б. А. Рыбаков **(главный редактор)**
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова **(отв. секретарь),** ***Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,***
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева **(зам. главного редактора)**
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Мацкевой Л. Г., Адаменко О. М., Пашкевич Г. А., Татаринов К. А. (Киев, Львов, Ивано-Франковск). Природная среда и мезолит Запада Украины 5
Курбансахатов К. К. (Ленинград). Стратиграфия верхних слоев Северного холма Анау 30
Членова Н. Л. (Москва). Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) 47
Марченко К. К. (Ленинград). Еще раз к вопросу о каллипидах 67
Пичикян И. Р. (Москва). Александр-Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца) 80
Сымонович Э. А. (Москва). Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов 91
Обломский А. М. (Москва). О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры 103

Публикации

Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) 121
Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. (Ленинград, Махачкала). О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) 130
Потехина И. Д. (Киев). О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным 144
Стефанов В. И., Днепров С. А., Корочкова О. Н. (Свердловск). Курганы федоровского типа могильника Урефты I 155
Охотников С. Б. (Одесса). Поселение Надлиманское-VI в Нижнем Поднестровье 167
Шилов В. П. (Москва). Запорожский курган (К вопросу о погребениях аорсской знати) 178
Старостин П. Н. (Казань). Богородицкий могильник 193
Алексеев Л. В. (Москва). Берестяная грамота из древнего Мстиславля . . 204
Воробьева Е. В., Тиц А. А. (Харьков). Анализ и реставрация Успенского собора XII в. в Галиче 213

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1983 г.

Иоаннисян О. М. (Ленинград). Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века 231
Толмачева М. М. (Москва). Технология кузнечного ремесла Старой Рязани 245
Пугаченкова Г. А. (Ташкент). Иштиханские древности (некоторые итоги исследований 1979 г.) 259

Заметки

Журавлев А. П. (Петрозаводск). Ранненеолитическое поселение Пегрема IX (Онежское озеро) 271
Колотухин В. А. (Симферополь). Многослойное поселение в юго-восточном Крыму 277
Чалый В. В. (Ростовская обл.). Новые поселения срубной культуры в Нижнем Подонье 282
Рубан В. В. (Киев). Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея 285
Фахрутдинов Р. Г. (Казань). Скифские зеркала бассейна Казанки . . . 291

Критика и библиография

Захаров В. А. (Краснодарский край). Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979 294
Попконстантинов К. (г. Шумен, Болгария). Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979 297
Малевская М. В. (Ленинград). Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979 299
Бутузова Г. А., Фрейденберг М. М., Хохлов А. Н. (Калинин). Средневековое оружие на Балканах в работах Д. Петрович 302

Хроника

Седов В. В., Смирнов К. А. (Москва). V Международный конгресс финно-угроведов 308
Гиголашвили Е. (Тбилиси). Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда 311
Козенкова В. И. (Москва). XI Крупновские чтения (Новороссийск, 1981 г.) 315

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1
1983

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Matskevoi L. G., Adamenko O. M., Pashkevich G. A., Tatarinov K. A. (Kiev, Lvov, Ivano-Frankovsk). The Environment and the Mesolithic of the Western Ukraine 5
Kurbansakhatov K. K. (Leningrad). Upper Layers of the Northern Mound in Anau 30
Chlenova N. L. (Moscow). Prehistory of the Herodotus Trade Route 47
Marchenko K. K. (Leningrad). Once More on the Callipidae 67
Pichikyan I. R. (Moscow). Alexander-Heracles (a Graeko-Bactrian Portrait of the Great Military Leader) 80
Symonovich E. A. (Moscow). Chernyakhovo Culture and Sites of the Kiev and Kolochin Types 91
Oblomsky A. M. (Moscow). On the Chronology of Some Fibula Types of the Zarubintsy Culture 103

Publications

Serikov Yu. B. (Nizhniy Tagil). The «Liaisons» Method as Applied to the Study of the Mesolithic Site Vyika-II (Middle Trans-Urals Area) 121
Korobkova G. F., Gadjiev M. G. (Leningrad, Makhachkala). Cultural and Economic Peculiarities of the Ginchi Settlement in Daghestan 130
Potekhina I. D. (Kiev). Anthropological Characteristics of the Sredniy Stog-II Population 144
Stefanov V. I., Dneprov S. A., Korochkova O. N. (Sverdlovsk). Fyodorovka Mounds of the Urefty-I Burial Ground 155
Okhotnikov S. B. (Odessa). Nadlimanskoe-VI Settlement on the Lower Dniester 167
Shilov V. P. (Moscow). The Zaporozhie Mound (Towards the Problem of Burials of the Aors Nobility) 178
Starostin P. N. (Kazan). Bogoroditsky Burial Ground 193
Alexeyev L. V. (Moscow). A Birch-Bark Scroll from Ancient Mstislavl 204
Vorobyeva E. V., Tits A. A. (Kharkov). An Analysis of 12th-Century Church of the Assumption in Galich and Its Restoration 213
Ioannisyan O. M. (Leningrad). New Data on One of the Monuments of 12th-Century Galich Architecture 231
Tolmacheva M. M. (Moscow). Technology of Blacksmith's Work in Staraya Ryazan 245
Pugachenkova G. A. (Tashkent). Ishtikhan Antiquities (Some Results of 1979 Researches) 259

Notes

Zhuravlev A. P. (Petrozavodsk). Pegrema-IX — an Early Neolithic Settlement at the Onezhskoe Lake 271
Kolotukhin V. A. (Simferopol). A Multilayer Settlement in the South-East of the Crimea 277
Chaly V. V. (Rostov Region). New Timber-Grave Culture Settlements on the Lower Don 282
Ruban V. V. (Kiev). The Yagorlyk Settlement Ceramics from the Kherson Museum Collection 285
Fakhrutdinov R. G. (Kazan). Scythian Mirrors in the Kazanka River Basin . . 291

Book Reviews and Bibliography

Zakharov V. A. (The Krasnodar Territory). Medyntseva A. A. The Tmutarakan Petroglyph, Moscow, 1979 294
Popkonstantinov K. (Shumen, Bulgaria). Medyntseva A. A. The Tmutarakan Petroglyph, Moscow, 1979 297
Malevskaya M. V. (Leningrad). Voronin N. N., Rappoport P. A. 12th-13-th Century Smolensk Architecture, Leningrad, 1979 299
Butuzova G. A., Freidenberg M. M., Khokhlov A. N. (Kalinin). [Rev.]. The Balkan Mediaeval Weapons in the Works by D. Petrović 302

Chronicle

Sedov V. V., Smirnov K. A. (Moscow). The 5th International Congress of Finno-Ugric Studies 308
Gigolashvili E. (Tbilisi). An All-Union Scientific Conference on the Latest Archaeological Discoveries and the Centenary of the 5th Archaeological Congress 311
Kozenkova V. I. (Moscow). The 11th Krupnov Readings (Novorossiisk, 1981) 315

МАЦКЕВОЙ Л. Г., АДАМЕНКО О. М., ПАШКЕВИЧ Г. А.
ТАТАРИНОВ К. А.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И МЕЗОЛИТ ЗАПАДА УКРАИНЫ

Археологические исследования на поселениях каменного века запада Украины проводятся уже более 100 лет [1], однако систематические полевые работы, в частности стационарные раскопки мезолитических памятников, относятся здесь лишь к последнему тридцатилетию [2]. Эти исследования, связанные прежде всего с работами С. Н. Бибикова, П. И. Борисковского и А. П. Черныша, до недавнего времени локализировались в Карпато-Днестровском регионе, в основном на территории Черновицкой области. В начале 70-х годов начаты планомерные стационарные исследования мезолитических памятников Ивано-Франковской, Львовской и Закарпатской областей, а также частично сопредельных территорий, которые согласно генетическим формам рельефа включают Западное Подолье, Предкарпатье и Закарпатье, а также в других смежных регионах [3, с. 123—129; 4, с. 129—134; 5; 6, с. 65—75; 7, с. 111, 112]. За последние 10 лет здесь открыто и обследовано более 120 мезолитических памятников. Стационарные раскопки проводились на поселениях Старуня I, где вскрыто 1649 м², Воропцев II — 1213 м², Незвиско IX — 307 м², Каменица II — 300 м², Каменица I — 240 м², Брюховичи VI — 204 м², Каменица IV — 201 м², Незвиско XXI — 184 м², Каменица V — 166 м² и Незвиско XII — 72 м². Разведочные раскопки и шурфы площадью не более 20 м² заложены еще на 17 памятниках.

Комплексность работ достигалась в основном путем привлечения к полевым исследованиям экспедиций Института общественных наук АН УССР специалистов различных профилей. На важнейших памятниках побывали: из Ивано-Франковского института нефти и газа О. М. Адаменко (геоморфологические и стратиграфические наблюдения), М. Д. Петруняк и Н. Х. Белоус (петрография), а также И. М. Гуневский (Львовская школа № 18, голоценовые физико-географические условия), Г. А. Пашкевич (Институт археологии АН УССР, спорово-пыльцевой анализ), О. К. Кащишин (Ивано-Франковский краеведческий музей, голоценовая флора и растительность), К. А. Татаринов (Львовский мединститут — фауна позвоночных) и Т. Д. Билинкевич (Природоведческий музей АН УССР, фауна моллюсков). Получены ценные заключения и консультации, проведен обмен мнениями с работающими на иных памятниках этой и сопредельных территорий И. К. Ивановой (Комиссия по изучению четвертичного периода АН СССР), Н. С. Демидюком и А. Б. Богуцким (Львовский политехнический институт, геоморфология), П. М. Долухановым (Институт археологии АН СССР, палеогеография), из Львовского университета Ю. А. Ермоленко (геоморфология), Е. П. Рыбачком (петрография), М. Д. Зденюком (спорово-пыльцевой анализ) и В. А. Горецким (палеонтология), а также И. Г. Пидопличко (Институт зоологии АН УССР, палеозоология и другие вопросы). Привлечены материалы и других специалистов, работавших ранее и в настоящее время на данной и сопредельных территориях. Это позволило решать комплексно проблемы мезолита и окружающей среды этой зоны.

Исследования дают основания полагать, что в долине Днестра и на сопредельных территориях природные условия и геологическое строение в мезолитическое время создавали, видимо, особенно благоприятную среду для обитания человека [8, с. 3—21; 9, с. 225—273; 10,

с. 7—18]. Показательными в этом плане являются и геологические условия залегания мезолитического культурного слоя в разрезе стоянки Независко XXI в Западном Подолье на стыке его с Предкарпатьем. Здесь в северной стенке раскопа 1975 г. можно наблюдать кору выветривания по гипсоносным известнякам, представленную щебнистыми пятнисто-окрашенными глинами, содержащими большое количество обломков гипса. Верхняя часть коры выветривания разбита морозными клиньями, а глинистый элювий нарушен мелкими криотурбациями. Это указывает на достаточно суровые климатические условия, предшествовавшие времени накопления вышележащих отложений. В основании последних залегает маломощный (0,1—0,2 м) слой буровато-серых плотных суглинков, содержащих большое количество известковых журавчиков. Не исключено, что эти суглинки сформировались в одну из заключительных фаз поздневюрмского похолодания. Выше суглинков залегает слабо развитая эмбриональная ископаемая почва темно-бурого цвета с нечеткой верхней границей, что свидетельствует о кратковременности почвообразовательного процесса. Это же подтверждается и ее малой мощностью — всего 20 см. Возможно, эту почву следует датировать одной из фаз потепления позднеледниковья. Над эмбриональной почвой залегают суглинки бурые, плотные, оскольчатые, переменной мощности (от 0,5 до 1,0 м), которые сформировались в предголоценовое время. Выше — постепенный переход к хорошо развитой черноземной почве, четко подразделяющейся на горизонты А и В. В нижнем горизонте, представленном серыми и темно-серыми рыхлыми суглинками, наблюдается большое количество кротовин, проникающих вглубь на 1,5—2 м, т. е. в нижележащие слои. Верхний горизонт представлен темно-серыми и черными гумусированными суглинками и гумусом. Мезолитический культурный слой зафиксирован по всей мощности горизонта В голоценовой почвы.

Кроме стратиграфических показателей, отмеченных в районе с. Независко, налицо и несколько иные условия, зафиксированные в Закарпатье и на других территориях. Приведем в качестве примера описание стратиграфического разреза поселения Каменица II к северу от г. Ужгорода. В этом месте долина р. Уж имеет ширину до 1 км и врезана в холмистое низкогорье Выгорлат-Гутинской вулканической гряды. Дно долины занято первой надпойменной (3—4 м) и пойменной (0,5—1 м) террасами. Местами к склонам холмов прислонены небольшие обрывки II надпойменной (6—8 м) террасы. На одном из таких фрагментов II террасы против центра с.Каменица расположена стоянка. Аллювий террасы в интервале глубин от 0,55 до 8 м (от уреза воды в реке) представлен галечниками средними и крупными, с редкими валунами, сцементированными рыжевато-серой песчано-глинистой массой. Поверхность аллювиальных галечников неровная, со следами размыва и интенсивного выветривания, что свидетельствует о предголоценовом перерыве. На эту размытую и выветренную поверхность налегает маломощный (0,5—1 м) голоценовый покров, представленный делювиально-пролювиальными супесями светло-серого цвета. Непосредственно в раскопе 1977 г. Каменицы II эти супеси залегают в интеравле 0,2—0,55 м. Они интенсивно карбонатизированы (горизонт С современной почвы), рыхлые, в сухом состоянии сыпучие, содержат редкую примесь щебня и галек, а также отдельные мезолитические орудия.

Выше от 0,2 м (по другим раскопам от 0,6 м) и до 0 м залегает современная почва с двумя горизонтами — подпочвой В и гумусовым А, в которых сосредоточена главная масса мезолитических орудий. По типу почва представлена серым подзолом с дерновым слоем. Вероятнее всего, что подпочва В начала формироваться здесь не в самом раннем голоцене, как в Независко XXI. Тем не менее слабая интенсивность почвообразования не позволяет относить ее к атлантическому периоду. В близких стратиграфических условиях зафиксированы и мезолитические памятники Черновицкой области и других сопредельных территорий [2, с. 132].

Результаты палинологического исследования отложений из нижней части почвы, на контакте с бурым суглинком (Незвиско XXI, глубина 0,9 м), дают основания считать, что формирование этой части толщи происходило в начале голоцена [11, с. 84—93]. Климатические условия еще были достаточно суровыми, сохранявшими параметры позднеледниковья, благоприятными для существования, возможно, на грани пределов выживания, видов, требующих более холодных условий, чем в настоящее время в Днестровском каньене. К числу этих холодолюбивых видов относятся обычные для растительного покрова верхнего дриаса береза низкая и плаун плауновидный (табл. 1). Можно предположить, что в окрестностях стоянки Незвиско XXI во время формирования описанного спорово-пыльцевого комплекса произрастали сосновые и березовые редкостойные леса с хорошо развитым травянистым покровом. Значительные площади занимали луга и, вероятно, луговые степи, растительный покров которых был образован главным образом злаками и разнотравьем. Обилие обнаруженных в описанных отложениях макроостатков сосны указывает на существование соснового леса в непосредственной близости от места обитания человека.

Выше по разрезу, в нижнем горизонте черноземной почвы, фиксируются изменения, которые дают основания считать, что образование спорово-пыльцевого комплекса происходило во второй половине раннего голоцена, в бореальном периоде. Именно для этого времени характерно падение значений пыльцы березы при постоянном подъеме значений пыльцы сосны, а также появление в небольшом количестве пыльцы широколиственных пород. Судя по достаточно высоким значениям пыльцы трав в составе спорово-пыльцевых спектров, можно предположить распространение в окрестностях стоянки лугов и разнотравно-злаковых степей. Подобные изменения отражают смягчение и увлажнение климата. Аналоги таким спектрам мы находим в работах М. Костинюка [12, с. 393—412], М. В. Черевко [13], а также А. Т. Артюшенко [14, с. 86—94].

Спорово-пыльцевые спектры из вышележащих отложений (контакт между горизонтами В и А черноземной почвы и подпочвы), вероятно, отразили условия климатического оптимума голоцена и формировались в атлантическом периоде, т. е. в то время, когда благодаря улучшившимся климатическим условиям широколиственные породы достигли максимума своего распространения в Европе. В окрестностях стоянок Незвиско IX и Незвиско XXI распространялись смешанные широколиственно-сосновые и чистые широколиственные, дубовые, а также грабово-дубовые леса на плодородных почвах. В составе растительного покрова значительную роль играли травянистые формации. Вероятно, это были луговые степи с мезофитным разнотравьем.

Почвы, формирование которых началось в пребореальное время, широко развиты не только на водораздельных пространствах и высоких террасах. Их можно также наблюдать в разрезах высокой пойменной террасы Днестра и его притоков близ сел Незвиско, Долина, Вистря, Петрилов и других пунктов. Эта почва залегает на пойменных суглинках, за счет которых она сформировалась, и относится обычно к лугово-болотному типу. Цвет ее от темно-бурого до черного, почва плотная, часто оглеенная. Мощность до 1 м. Сверху она перекрыта так называемым пойменным наилком, иловатыми супесями светло-серого цвета с типичной ленточной слоистостью, мощностью до 20—30 см. Наилок формируется в эпохи крупных половодий, которые повторяются в долине Днестра через 10—15 лет. С поверхности наилок переработан современными почвообразовательными процессами, которые пока не привели к образованию полнопрофильной современной почвы. Она значительно уступает в этом смысле залегающей ниже почве атлантического времени. Все это свидетельствует о весьма благоприятных условиях атлантического периода. На смежных территориях были, видимо, примерно такие же условия, о чем свидетельствуют палинологические и другие данные [15, с. 5—72].

Таблица 1

Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений разреза стоянок Незвиско IX и Незвиско XXI

Глубина, м	0,1	0,3	0,5	0,7	0,9	0,1	0,3	0,7	0,9
Сумма подсчитанных пыльцы и спор	360	607	409	409	362	490	387	428	352
Общий состав, %:									
Пыльца деревьев и кустарников	34	34,7	33	34	23	18	19	30	35
Пыльца трав и кустарничков	42	50	43	46	50	59	56	44	44
Споры	24	15,3	24	20	27	23	25	26	21
Состав пыльцы деревьев и кустарников, %									
Пихта (Abies)	0,8	0,5	–	–	–	2,5	1,5	–	–
Ель (Picea)	9	5,1	0,7	2,2	5,8	8,6	1,5	3,8	–
Сосна обыкновенная (Pinus silvestris)	69,3	64	70,5	82,7	72	70	51	84,4	86,8
Можжевельник (Juniperus)	–	–	0,7	1,4	–	–	–	1,5	–
Ольха (Alnus)	9	8,2	13	5	8,2	3,3	9	1,5	4,2
Береза пушистая (Betula pubescens)	5	10	5,8	1,4	3,5	9,8	13	4,7	7,4
Береза бородавчатая (Betula verrucosa)	–	2	–	–	5,8	–	–	0,8	–
Береза низкая (Betula humilis)	–	–	–	–	–	–	–	0,8	0,8
Граб (Carpinus)	0,8	2	0,7	–	–	2,5	–	–	–
Бук (Fagus)	–	–	–	–	–	–	4,5	–	–
Дуб (Quercus)	–	2,1	1,4	2,2	1,2	–	–	–	–
Вяз (Ulmus)	4,5	1,1	3,7	2,2	–	–	7,5	–	–
Липа (Tilia)	1,6	2,1	2,8	2,9	3,5	3,3	7,5	1,5	–
Ива (Salix)	–	1,0	–	–	–	–	–	–	–
Орешник (Corylus)	–	1,9	–	–	–	–	4,5	1,0	0,8
Крушина (Rhamnus)	–	–	0,7	–	–	–	–	–	–
Состав пыльцы трав и кустарничков, %:									
Эфедра (Epfedra)	–	1,4	–	–	–	0,3	–	–	–
Злаки (Poaceae)	2,5	5,7	2,3	2,1	5	4,7	9,5	10,2	7,7
Осоковые (Cyperaceae)	12,5	14	22	18,6	20,4	5,5	7,7	8,7	23,5
Лилейные (Liliaceae)	1,3	1,7	–	–	–	1,2	0,4	1,2	3,5
Крапива (Urtica)	3,9	0,7	0,5	2,1	0,5	1,2	0,4	–	3,2
Гречишные (Polygonaceae)	3,2	–	–	1,0	2,7	4,3	1,8	2,1	1,9

(продолжение табл. 1)

Глубина, м	0,1	0,3	0,5	0,7	0,9	0,1	0,3	0,7	0,9
Сумма подсчитанных пыльцы и спор	360	607	409	409	362	490	387	428	352
Щавель (Rumex)	0,6	0,3	–	–	–	–	–	1,2	–
Маревые (Chenopodiaceae)	4,5	2,7	3,4	2,1	3,8	18	5,4	9	5,7
Гвоздичные (Caryophyllaceae)	–	1,2	0,5	0,5	0,5	1,8	0,4	0,7	0,5
Маковые (Papaveraceae)	–	3,7	–	1,0	–	–	4,5	2,1	–
Лютиковые (Ranunculaceae)	5,9	–	8,6	3,7	8,3	1,8	5,9	–	1,0
Крестоцветные (Brassicaceae)	2,5	2,6	–	–	5,5	12	2,5	3,9	15,8
Розоцветные (Rosaceae)	17,4	4,5	7,5	11,8	2,2	4	6,3	11	8,4
Бобовые (Fabaceae)	1,9	2,1	4,6	0,5	4,4	1,8	2,5	9	–
Зонтичные (Apiaceae)	2,6	3,4	2,3	1,0	1,0	6,4	3,6	0,7	–
Свинчатковые (Plumbaginaceae)	–	1,3	–	3,7	5	0,3	–	–	–
Вьюнковые (Convolvulaceae)	4,5	1,7	0,5	1,5	1,0	–	0,9	–	–
Бурачниковые (Boraginaceae)	5,2	1,2	2,3	8	2,7	0,3	1,3	1,2	–
Губоцветные (Lamiaceae)	4,5	4,4	5,8	4,2	3,8	2,5	2,5	–	0,5
Подорожник (Plantago)	–	0,3	–	–	–	–	0,4	2,6	0,5
Мареновые (Rubiaceae)	2,6	6,7	6,4	8	2,2	2,7	7,2	3,2	10,8
Сложноцветные (Asteraceae)	18	34,5	30	27,6	25	26	27,2	27,6	16
Полынь (Artemisia)	3,9	3,1	2,8	2,1	5	2,5	2,8	1,2	1,0
Василек (Centaurea)	2,5	2,8	–	0,5	1,0	2,7	5	3,7	–
Водные и прибрежно-водные:									
Рогоз (Typha)	–	–	–	–	–	–	–	0,7	–
Ежеголовник (Sparganium)	–	–	0,5	–	–	–	–	–	–
Уруть (Myriophyllum)	–	–	–	–	–	–	1,8	–	–
Споры, %:									
Печеночные мхи (Hepaticae)	3,5	1,1	–	–	2,1	9,2	3	–	12
Зеленые мхи (Bryales)	78,6	62	68	80,4	64,5	43,4	60	62,3	62,3
Сфагновые (Sphagnum)	3,5	2,3	–	–	–	5,8	2	2,8	–
Плаун (Lycopodium sp.)	–	2,3	–	–	1,2	2,5	4	0,9	–
Плаун булавовидный (Lycopodium clavatum)	1,2	2,3	2	1,2	3,1	2,4	3	4,7	3
Дифазиум уплощенный (Diphazium complanatum)	1,2	–	–	–	–	–	–	–	–
Ликоподиелла заливаемая (Lycopodiella inundata)	–	–	2	1,2	–	–	–	0,9	–
Плаунок плауновидный (Selaginella selaginoides)	–	–	–	–	3,1	–	–	–	5,4
Хвощ (Equisetum)	–	–	6	6,2	1,2	0,8	–	–	–
Гроздовник (Batrychium sp.)	–	17	10	7,4	8,4	4,2	4	6,4	10,8
Многоножковые папоротники (Polypodiaceae)	12	13	12	3,6	15,4	31,7	24	22	5,5

Общий состав териофауны на данной территории указывает на лесостепную обстановку, что вполне увязывается с материалами палинологического анализа. По мнению К. А. Татаринова [16, с. 3—54], Прикарпатье в то время представляло всхолмленную равнину с лесостепной растительностью. Териофауна занимала промежуточное положение между мадленским и муридным (современность) фаунистическими комплексами. В палеозоогеографическом отношении это среднеднестровский участок (естественно только для Прикарпатья), фаунистическими особенностями которого являются такие виды, как малый лебедь, крупный сокол, клест-сосновик, дикий кролик, хорек-перевязка, и ряд других [16, с. 3—54]. Наличие в составе фауны клеста-сосновика говорит в пользу достаточно обширных массивов сосновых лесов, а кролик и перевязка — обитатели степных злаково-разнотравных участков — свидетельствуют о наличии степных биотопов. Состав добываемых мезолитическими охотниками Западного Подолья, Предкарпатья и Закарпатья зверей и птиц подтвержает, что природные условия в те времена были уже близки современности, хотя вначале, видимо, с элементами тундры (табл. 2). Так, быки, например, обитали среди влажных пойменных лугов, поднимаясь по склонам Карпат до 700—800 м над уровнем моря, но тут, вероятно, долго не задерживались [17, с. 114—122]. Дикие лошади, как и быки,— индикаторы лугостепных равнинных и предгорных биотопов, что подтверждают и раскопки в Виняве на Ополье [18, с. 797—800]. Косули — типичные лесостепные обитатели разреженных лесных массивов с лужайками, опушками и полянами с богатым разнотравьем. Кабаны больше тяготеют к лесным массивам, но охотно выходят на обширные лесные опушки и влажные луга, добывая себе корм. Они избегают чистых сосновых или еловых насаждений, отдавая предпочтение смешанным древостоям с превалированием бука и дуба. Подольский слепыш и обыкновенный хомяк достаточно четко подтверждают присутствие лугов, вообще открытых травянистых биотопов. Близкие показатели физико-географических условий дают также разнообразные речные и сухопутные моллюски (определения Т. Д. Билинкевич), раковины которых прослежены на многих поселениях (табл. 3).

Топографические элементы ландшафта уже мало чем отличались от современных. Об этом можно судить по геоморфологическим и неотектоническим данным. Так, работами В. П. Палиенко доказано, что амплитуды голоценовых тектонических поднятий и опусканий в Прикарпатье не превышали 2—5 м и редко достигали 10 м [19]. Аналогичной была и глубина вреза водотоков в течение голоцена. Такое обстоятельство позволяет допускать, что и топография размещения мезолитических поселений сохранилась в значительной мере без изменений. В этом плане отметим, что основные памятники зафиксированы здесь в двух основных типах рельефа. Это прежде всего V—VI террасы Днестра, высотой 120—160 м (Незвиско IX, XII и XXI). Такое местоположение поселений кажется на первый взгляд неудобным из-за определенного расстояния от уреза воды в реке. Вместе с тем детальный анализ позволяет допускать, что жители поселений пользовались родниковой водой, как это уже неоднократно фиксировалось и на других территориях. Такое предположение подкрепляется наличием небольших балочек в районе стоянок и родниками, некоторые из них функционируют и в настоящее время. Поселения находятся, как правило, на южных склонах балок.

Вторым типом топографических условий является расположение поселений на I и II террасах Днестра и малых рек (стоянки Каменица I, II, IV, Лука II и Воронцев II) либо на террасовидном уступе небольших потоков (Брюховичи VI). Культурный слой на большинстве памятников довольно стабильно расположен в подпочве (голоценовая почва В), реже — в сопредельных ей горизонтах на глубине 30—180 см.

Характерно, что памятники, расположенные в топографических условиях первого типа, отличаются и значительно бóльшей насыщенностью культурного слоя. Так, в мезолитическом комплексе Незвиско XII на 1 м² площади зафиксировано 101 кремневый предмет (I тип), а в Во-

роцеве II — пять изделий и в Каменице IV — только одна находка на квадрат (II тип). Весьма вероятно, что такое распределение остатков материальной культуры свидетельствует о продолжительности обитания на поселениях, а возможно, и вообще об условиях жизни в таких местах.

Группы памятников, выделенные на основании компонентов природной среды, отличаются и по номенклатурному составу каменного инвентаря, составляющего основную массу всех находок. Исходным материалом для производства каменных орудий, по мнению Г. И. Раскатова, служили прежде всего кремневые желваки, заключенные в сенонских мергелях, широко развитых на западе Украины [20, с. 64—75], иные специалисты приводят данные об использовании кремней из туронских, сеноманских и других отложений [21]. Значительное количество каменных предметов из мезолитических памятников данных регионов было проанализировано Е. П. Рыбачком [22], Н. Х. Белоус и М. Д. Петруняком [23]. Эти исследования позволили сделать вывод о широком использовании человеком здесь разнообразного кремня из пород мелового, юрского и олигоценового возраста. Кроме того, использовались кремнистые аргилиты, песчаники, туфы, а также гранитоиды. Главная масса каменных материалов имеет местное происхождение, месторождения их расположены на расстояниях 10—50—70 км от стоянок. Встречаются обломки пород, месторождения которых находятся на расстояниях около 200 км и более. Об этом свидетельствует обсидиан из стоянок Старуня I и Вороцев II. Спектральные и другие виды анализов позволили Е. П. Рыбачку допустить, что этот обсидиан происходит из Трансильвании, хотя не исключается и Закарпатская область. Такое широкое определение связано с тем, что как в Закарпатской области УССР, так и на сопредельных территориях зафиксировано значительное количество месторождений обсидиана, который близок по составу и интенсивно использовался человеком уже начиная с палеолита [24, с. 25—28; 25; 26; 27, с. 51—54; 28, с. 71—94; 29, с. 207—219].

Все эти данные позволяют делать выводы о каменном сырье, которое использовал человек во времена мезолита в данных регионах. Согласно большинству источников, это был разнообразный кремень и кремнистые породы. Цвет кремня чаще всего беловато-серый и черный, хотя присутствуют и другие, в том числе темно-серый кремень различных оттенков, голубой, желтый и др. В Предкарпатье и в Западном Подолье в большинстве исследованных комплексов основная масса кремневых предметов покрыта интенсивной белой (молочной) патиной, что позволяет отличать их от более ранних из стратифицированных памятников этой территории, на которых патина в основном отсутствует, и от более поздних, на которых патинизация не такая интенсивная и имеет светло-голубоватый оттенок (стоянки Незвиско IX, XII, XXI и Вороцев II). Интересно, что материалы из песчаных дюн (почти исключительно кремневые предметы) независимо от того, к раннему или позднему этапу каменного века они относятся, почти все, без исключения, не имеют выразительной патины (Кунин I, II, Баранное I, Павлов I, Рудно III и Брюховичи VI). Это позволяет допускать, что на данных территориях патинизация является прежде всего результатом специфики залегания кремней.

Кроме кремня, в значительных комплексах, как правило, фиксировалось определенное количество предметов из песчаника, сланцев, кварцита и других близких пород, а также отдельные экземпляры изделий из обсидиана в Предкарпатье (Вороцев II и Старуня I). На многих же поселениях Запарпатья (Каменица I—V, Среднее I—IV) артефакты из обсидиана уже представлены значительными сериями. Таким образом, в целом для большинства регионов налицо достаточно разнообразный состав каменного сырья, при преобладании кремневого. Выразительное исключение составляют материалы из Закарпатья, где кремневые изделия не патинизированы и чаще всего не представлены большими сериями. В этом регионе зафиксировано значительное количество

Таблица 2

Фауна позвоночных

№ п.п.	Роды и виды	Поселения										Всего	Средняя масса мяса особей, кг	Характер местности преимущественного проживания, время года	Практическое использование человеком
		Брюховичи VI	Кунин I	Незвиско IX	Жовтень I	Каменица II	Каменица IV	Воробцев II	Воробцев V	Старуня I	Баранное I				
	Животные, имеющие важное хозяйственное значение														
1	Бык (Bos aff. taurus L.)	–	–	–	5/1	–	–	26/2	–	–	–	31/3	200	Лесостепь. Круглый год	Мясо, сухожилия, шкура и кости
2	Бык (Bos sp.)	–	–	–	–	5/2	–	5/3	–	–	–	10/5	150	То же	То же
3	Олень северный (Rangifer tarandus L.)	6/1	2/1	–	–	–	–	26/1	–	3/1	–	37/4	80	Лесостепь. Зима	»
4	Олень благородный (Cervus elaphus L.)	–	–	1/1	–	2/1	2/1	–	–	–	–	5/3	130	Лесостепь. Круглый год	»
5	Косуля (Capreolus sp.)	–	–	–	–	–	–	54/4	–	–	–	54/4	18	То же	»
6	Свинья дикая (Sus scrofa L.)	–	–	–	–	–	–	13/3	–	3/1	–	16/4	90	Лес. Круглый год	»
7	Лошадь (Equus aff. equus Pidop.)	–	–	–	–	–	–	12/3	–	–	–	12/3	200	Лесостепь. Круглый год	»
8	Собака (Canis familiaris L.)	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	–	1/1	16	То же	Участие в охоте и другие функции, иногда мясо, мех и кости
9	Лисица (Vulpes vulpes L.)	–	–	–	3/1	–	–	10/2	–	–	–	13/3	6	Лес, лесостепь. Чаще зимой	Мех и кости
10	Заяц (Lepus sp.)	–	–	–	–	–	–	24/1	–	–	–	24/1	4	Лесостепь. Чаще зимой	Мех и мясо
11	Бобр речной (Castor fiber L.)	–	–	–	–	–	–	19/2	–	–	–	19/2	25	Лес и водоем. Круглый год	Мех, мясо, кости и бобровая струя
	Итого	6/1	2/1	1/1	8/2	7/3	2/1	189/21	–	7/3	–	222/33			

(продолжение табл. 2)

№ п.п.	Роды и виды	Поселения: Брюховичи VI	Кунин I	Незвиско IX	Жовтень I	Каменица II	Каменица IV	Воробцев II	Воробцев V	Старуня I	Баранное I	Всего	Средняя масса мяса особей, кг	Характер местности преимущественного проживания, время года	Практическое использование человеком
	Случайные объекты, имеющие подчиненное хозяйственное значение														
12	Слепыш подольский (Spalax polonicus Mch.)	–	–	–	–	–	–	16/7	–	–	–	16/7	0,3	Степь. Чаще зимой	Мех
13	Хомяк обыкновенный (Cricetus cricetus L.)	–	–	–	–	–	–	9/2	–	–	–	9/2	0,2	Степь и лесостепь. Весна – лето	»
14	Щука (Esox sp.)	–	–	–	–	–	–	–	2/1	–	–	2/1	2	Водоем. Обычно весной	Мясо и кожа
	Итого	–	–	–	–	–	–	25/9	2/1	–	–	27/10			
	Неопределенные объекты														
15	Тетеревиные (Tetraonidae)	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	1/1	2/2	0,8	Лес и лесостепь	Мясо, перья и кости
16	Копытные (Ruminantia)	–	–	–	–	–	–	51/?	–	–	–	51/?	50	То же	Мясо, шкуры и кости
17	Неопределенные млекопитающие (Mammalia)	–	–	–	–	–	–	30/?	–	–	1/1	31/1	?	»	То же
	Итого	–	–	–	–	–	–	81/?	–	1/1	2/2	84/3			
	Всего	6/1	2/1	1/1	8/2	7/3	2/1	295/30	2/1	8/4	2/2	333/46			

Примечание: в числителе — кости, в знаменателе — особи.

Таблица 3

Фауна беспозвоночных (моллюски)

№ п.п.	Наименование моллюсков	Поселения					Всего	Средняя масса мяса особей, г	Биотоп (характер местности преимущественного обитания)
		Кунин I	Незвиско IX	Воронцев II	Старуня I	Каменица I			
					Пресноводные				
1	Перловица толстая (Unio crassus)	–	–	27/23	–	3/2	30/25	20	В реках на песчаном или илистом грунте, где нет быстрого течения
2	Перловица обыкновенная (Unio pictorum L.)	–	–	9/6	–	–	9/6	50	В реках и озерах, на песчаном или илистом дне, где нет быстрого течения
3	Перловица (Unio sp.)	–	–	18/15	3/2	–	21/17	30	В реках, на песчаном или илистом грунте, где нет быстрого течения
4	Беззубка обыкновенная (Anodonta cygnea)	–	–	1/1	–	–	1/1	50	Держится на песчаном грунте рек, озер, прудов и речных запруд
5	Обыкновенный прудовик (Limnaea stagnalis)	2/2	–	–	–	–	2/2	5	В заросших прудах, старицах, больших ямах, заполненных водой, в запрудах, озерах и нередко в прибрежной зоне больших рек
	Всего	2/2	–	55/45	3/2	3/2	63/51		
					Сухопутные				
1	Улитка виноградная (Helix pomatia)	–	–	2/2	–	–	2/2	15	В лиственных лесах, в зарослях кустарника
2	Геликс лютесценс (Helix lutescens)	–	7/5	–	–	–	7/5	10	В кустарниках, в лесу, на скалах, обросших мхом. Предпочитает тенистые и влажные места
3	Геликс (Helix sp.)	–	–	–	4/2	–	4/2	10	В тенистых и влажных местах
4	Монаха картусиана (Monacha carthusiana)	–	–	–	–	1/1	1/1	10	На открытых степных участках
	Всего	–	7/5	2/2	4/2	1/1	14/10		
	Итого:	2/2	7/5	57/47	7/4	4/3	77/61		

Примечание: в числителе — обломки, в знаменателе — особи.

предметов из обсидиана, радиолярита, андезито-базальтов, доломита и других пород камня, чаще всего вулканического происхождения. Преобладают крепкие плотные породы, их твердость по шкале Мооса составляет от 3 до 7, чаще 5,5—7, изредка 3—5.

Техника расщепления каменного сырья в эпоху мезолита на этой территории дает нам совокупность типов заготовок: разнообразных отщепов и пластинчатых сколов, подразделенных на суперпластины, макропластины, пластины, пластинки и микропластинки, а также нуклеусы. Уже эти материалы на многослойных памятниках, где представлены более ранние (Незвиско XXI) и более поздние слои (Незвиско IX, XII, XXI и Каменица I), дают достаточно значимые отличия от позднепалеолитических и раннеэнеолитических комплексов. Так, прослежено, как правило, постепенное уменьшение количества нуклеусов со скошенной ударной площадкой, а также с ретушированной боковой гранью. Эти типы хорошо представлены в позднем палеолите на данной и сопредельных территориях. Особенно выразительные показатели прослежены на пластинчатых сколах. Так, по сравнению с материалами позднего палеолита уменьшается процент крупных изделий и возрастает количество микропластинок. Характерно, что ведущими сериями, как правило, уже представлены пластинки или пластины, которые свидетельствуют о возросшей в мезолите стандартизации и унификации кремневых изделий.

Между отдельными пунктами данной территории налицо некоторые отличия и по типу вторичной обработки камня (технике ретуширования). Так, на стоянках Незвиско XII и XXI ретушь хотя уже и отжимная, но в ряде случаев еще нестойкая, с переходами от крупнофасеточной к мелкофасеточной, от высокой к низкой. Более стабильна вторичная обработка на Незвиско IX, а особенно на Каменице I, II, IV, Вороцеве II, Старуне I и Луке II, где подавляющее большинство орудий обработано устойчивой мелкофасеточной ретушью.

Наибольшее количество информации об особенностях мезолитических памятников запада Украины, безусловно, дают орудия, номенклатурный список которых для данной территории насчитывает более 100 типов и подтипов. На большинстве памятников ведущие серии составляют скребки, скобели, ножи и резцы. На ряде пунктов геометрические микролиты, по форме напоминающие трапеции, представлены в значительных сериях (Каменица I и Старуня I); на других памятниках они выявлены лишь в отдельных экземплярах (Незвиско XII и Вороцев II). Найдены наконечники, близкие свидерскому, хвалибоговицкому, аренсбургскому и иным типам (Незвиско XXI, XII, Брюховичи VI, Кунин I, Старуня I и Вороцев II), в том числе наконечники треугольные с округлым основанием (Незвиско XII). В несколько большем количестве встречаются разнообразные острия. Некоторые формы орудий, отмеченные в мезолите, известны уже в конце палеолита. Отметим серию высоких скребков типа карене (Незвиско XII), а также единственный экземпляр подобного изделия в Вороцеве II. Интересно, что в неолитическом слое Незвиско XII они почти отсутствуют. В этом плане показательна также еще значительная серия пластинок с притупленным ретушью краем (Незвиско XII) и отдельные экземпляры подобных изделий на других поселениях; наличие на иных памятниках скребков-резцов, а также превышение количества резцов над скребками (Незвиско XII).

Культурный слой стоянок Незвиско IX, XII и XXI насыщен кремневыми изделиями и достигает, как правило, не менее 0,5 м. Соотношения групп каменных артефактов свидетельствует о долговременном ведении хозяйства и обработке камня на месте. Обобщающий анализ каменного инвентаря и других компонентов культурного слоя дают основания подобный тип поселений, вслед за Г. Чайлдом [30, с. 23], считать остатками палеолитических общин, которые приспособились к новым условиям жизни в голоцене и доживали иногда вплоть до неолита. Такие поселения некоторые исследователи именуют памятниками голоценового палеолита [31, с. 13], другие — эпипалеолитическими [32, с. 213—

Рис. 1. Остатки жилища на стоянке Незвиско XXI

223; 33, с. 66—70]. Иное дело стоянки типа Каменица II и Вороцев II Эти поселения расположены непосредственно на берегах рек, на уровнях всего нескольких метров от уреза воды. Культурный слой таких памятников, как правило, рассеян по горизонтали и по вертикали, находок очень мало, мощность отложений редко достигает более 0,2 м. Специфичен на этих стоянках и набор каменных изделий: нуклеусы нередко представлены лишь единичными экземплярами, а орудия составляют большой процент. Эти обстоятельства позволяют предполагать, что такие поселения скорее всего носили кратковременный характер. Подобные памятники зафиксированы и на многих других территориях, они характерны для многих эпох, в том числе для конца палеолита и мезолита [34, с. 23; 1, с. 354].

Естественно, что и хозяйственная деятельность жителей стоянок, расположенных в различных физико-географических условиях, была, как правило, разной. В этом плане интересны хозяйственно-бытовые комплексы. Это прежде всего места обработки кремня, где зачастую представлены все основные компоненты кремневых индустрий, а также очагов и жилищ. В этом плане значительный интерес представляют два скопления известняковых камней, расположенных по кругу, диаметром около 5 и 7 м, зафиксированные в культурном слое поселения Незвиско XXI (рис. 1). Близкие комплексы прослежены и в Каменице I, II, IV, V, Старуне I и на других поселениях. Подобные находки на многих территориях, согласно археологическим, этнографическим и иным данным, интерпретируются как остатки жилых сооружений типа чумов или шалашей [35, с. 130]. У предполагаемого входа в одно из таких жилищ из Незвиско XXI обнаружено место обработки кремня. Представляют интерес конусовидные полости, диаметром до 25 см и глубиной до 50 см, которые прослежены в естественных выходах гипсоносных известняков в непосредственной близости от предполагаемых жилищ. Возможно, это следствие деятельности систематических потоков воды, которые стекали с более высоких точек шалашей или чумов. Не исключено, что такие полости могли использоваться в хозяйственной и иной деятельности человека, в частности быть составными компонентами культовых комплексов.

На поселении Вороцев II после того, как был снят культурный слой до предполагаемой дневной поверхности мезолитического комплекса, прослежено некоторое количество более низких точек залегания подпоч-

вы В. Это, вероятно, также остатки жилищ, прежде всего углубленных и хозяйственных ям.

Согласно сводкам Г. И. Раскатова [20, с. 64—75], а также К. А. Татаринова [36, с. 51—62; 37, с. 55—63], в описываемых регионах зафиксировано значительное количество фаунистических остатков раннеголоценового времени. А между тем, как свидетельствуют многочисленные данные, на этой территории жизнь человека находилась в зависимости от охоты на диких животных. Доказательств тому достаточно: находки костей различных позвоночных в местах поселений; наскальные рисунки и использование костей для изготовления орудий; кремневые и другие орудия, предназначенные для охоты. Фаунистические остатки зафиксированы здесь на поселениях Баранное I, Брюховичи VI, Вороцев II и V, Жовтень I, Каменица II и IV, Кунин I, Независко IX и Старуня I. Среди находок костей выделяется 333 фрагмента от 46 особей, принадлежавших 15 формам рыб, птиц и млекопитающих. Из фауны позвоночных выявлены имеющие важное хозяйственное значение северный и благородный олени, косуля, бык, кабан, дикая лошадь, собака, лисица, заяц и бобр. Отметим также имеющих подчиненное хозяйственное значение слепыша подольского, хомяка обыкновенного и щуку. Наиболее характерным для большинства памятников мог быть вид охоты скрадыванием. Основными орудиями уже чаще индивидуальной, а не коллективной охоты, видимо, были лук и стрелы с цельными и составными наконечниками; объектами охоты — средние и мелкие животные. Загонная охота, как реликт палеолитического образа жизни, была наиболее целесообразна у поселенцев памятников типа Независко IX, XII и XXI. Об этом может свидетельствовать фауна (прежде всего носорог, лошадь, зубр и лось), рельеф и другие особенности таких их аналогов, как Молодово, Оселеевка и Атаки. Однако следует вспомнить, что Ф. Энгельс писал: «Исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, т. е. таких, которые живут только охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна» [38, с. 29].

Наряду с охотой, согласно полученным данным, в описываемых регионах, видимо, были значительные возможности и для собирательства съедобных плодов, кореньев и моллюсков. На стоянках Вороцев II, Кунин I, Каменица I, Независко IX и Старуня I отмечено 77 остатков раковин, принадлежащих 61 особи, в том числе восьми-девяти формам пресноводных (три вида перловицы, обыкновенный прудовик и беззубка) и наземных (геликсы двух или трех видов и монаха картузиана). Этнографические параллели и многочисленные аналоги на других регионах [39, с. 140—141; 40] позволяют также предполагать, что и на этой территории моллюски служили определенным дополнением к пищевому рациону. Возможно и рыболовство, особенно у жителей поселений типа Каменица I, II, Вороцев II, Павлов I и Лука II, где оно являлось одним из важных видов хозяйственной деятельности. По этому вопросу, однако, равно как и о зачатках производящей экономики, мы пока не располагаем значительным количеством фактов. Лишь в самом предварительном плане можно говорить о первоначальном этапе приручения быка (Вороцев II). Индивидуальному способу охоты, вероятно, способствовало и приручение волчат, что привело к появлению первых одомашненных животных — охотничьих собак (Старуня I).

Как свидетельствуют палеоэкономические и иные расчеты, несмотря на наличие многих иных видов хозяйственной деятельности, охота здесь остается основным видом добычи пищи (0,3 кг мяса в сутки). Учитывая и иные пищевые возможности, предполагается, что на поселении Вороцев II люди проживали около 170 дней.

На основании показателей индексов родственности комплексов анализа хронологических, типологических, этнокультурных, физико-географических и иных данных в описываемых регионах выделено девять групп типов памятников (табл. 4). На эпонимах зачастую были проведены значительные стационарные раскопки, давшие большое количе-

Каменные предметы на основных памятниках

Таблица 4

Наименование предметов	Поселения (группы и количество пунктов, отнесенных к данной группе)																	
	I-5		II-25		III-5		IV-13		V-4		VI-5		VII-5		VIII-4		IX-35	
	Кунин I	Краснал III	Незвиско XXI	Каменица V	Незвиско XII	Незвиско XIX	Незвиско IX	Старуня II	Каменица II	Каменица IV	Воропев II	Брюховичи VI	Старуня I	Кунин II	Каменица I	Баранное I	Лука II	Дубровка I
Каменные предметы	782	889	2460	1650	7268	124	2946	73	542	262	5604	530	4892	1044	1693	949	126	77
Каменное сырье	10	4	95	20	249	4	62	–	36	7	434	16	18	4	50	1	3	1
Нуклеусы	2	33	115	27	107	3	82	2	13	8	51	9	59	1	87	1	3	3
Отщепы (отщеповидные сколы)	172	163	711	611	1649	22	884	16	63	74	995	85	1070	197	605	272	29	20
Пластинчатые сколы и их сечения:	356	357	714	484	2592	31	883	18	58	16	1404	138	1999	248	340	248	29	18
1. Микропластинки (ширина до 0,5 см)	5	3	4	1	88	–	8	1	1	–	53	–	24	–	2	4	1	–
2. Пластинки (ширина от 0,5 до 1 см)	85	73	86	68	866	3	121	3	35	7	555	41	611	114	67	65	7	3
3. Пластины (ширина от 1 до 2 см)	239	222	470	278	1346	21	551	13	19	9	738	88	1226	130	216	159	19	12
4. Макропластины (ширина от 2 до 3 см)	27	57	141	108	252	6	188	1	3	–	58	7	133	4	53	20	2	3
5. Суперпластины (ширина более 3 см)	–	2	14	29	40	1	15	–	–	–	–	2	5	–	2	–	–	–
Орудия с ретушью или с резцовими сколами:	63	71	189	119	458	17	340	19	140	54	651	82	691	91	209	68	38	21
1. Скребки	22	22	77	39	99	6	96	3	84	24	178	28	142	22	92	20	15	11
2. Скобели	7	4	29	24	49	4	68	3	23	9	100	18	184	10	35	9	7	3
3. Резцы	2	19	29	16	122	1	85	7	12	6	133	1	45	4	13	9	3	2
4. Резчики	2	7	4	13	24	–	3	–	–	4	26	4	46	5	3	3	4	–
5. Ножи и серпы	21	8	35	20	110	4	72	3	17	7	132	24	167	28	39	18	5	4
6. Наконечники (с обработкой черешка)	4	7	2	–	3	–	–	–	–	–	12	3	32	3	–	–	–	–
7. Острия (без обработки черешка)	2	–	6	2	27	1	8	3	1	1	27	1	14	2	3	1	1	–
8. Рубящие орудия	–	–	2	1	9	1	1	–	1	–	–	–	–	–	5	–	–	–
9. Терочно-шлифовальные орудия	1	–	1	–	–	–	2	–	–	–	4	1	6	4	2	–	–	–
10. Комбинированные орудия и орудия вторичного использования	–	3	2	2	10	–	4	–	–	–	12	–	2	1	–	–	3	–
11. Многоцелевые (геометрические микролиты)	2	1	1	1	3	–	1	–	–	–	18	2	50	12	13	7	–	1
12. Орудия для обработки камня	–	–	1	1	2	–	–	–	2	3	9	–	3	–	4	1	–	–
Отходы производства и обломки	179	261	636	389	2213	47	695	18	232	103	2069	200	1055	503	402	359	24	14

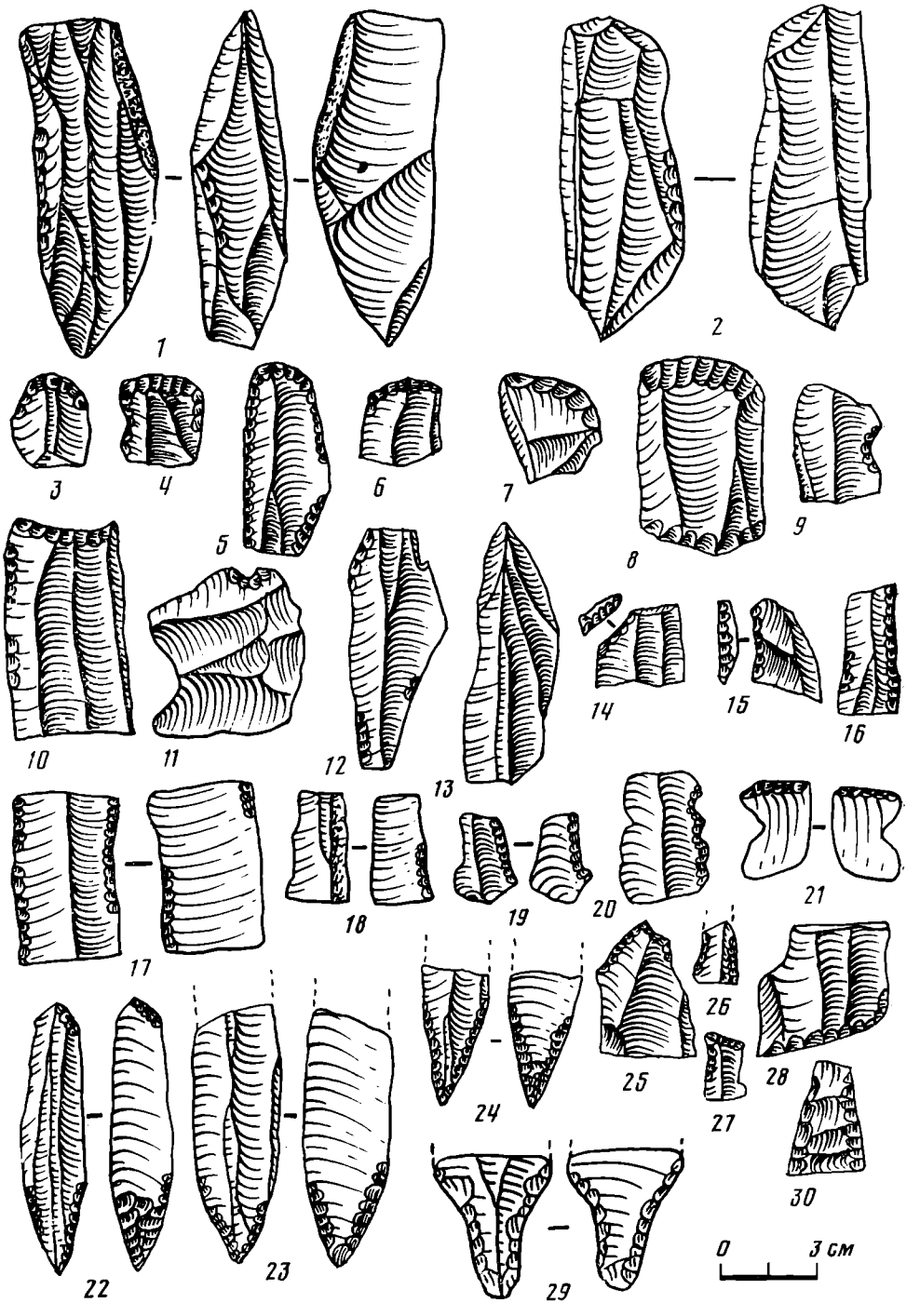


Рис. 2. Стоянка Кунин I

ство каменного инвентаря, фаунистических и других материалов, остатки жилищ и иных хозяйственных сооружений.

Выделены следующие группы типов памятников.

I. Кунин I. К группе отнесено пять поселений на территории Предкарпатья. Для каменного инвентаря этих памятников характерны позднесвидерские черты при иногда незначительных, возможно, тарденуазских примесях (рис. 2). В целом стратиграфические условия и каменный инвентарь комплекса Кунин I близки зафиксированным в Нобеле I, культурный слой которого, согласно данным Г. А. Пашкевич, залегает в отложениях позднедриасового времени [4, с. 132—134]. По большинству показателей близкими аналогами группы являются также Корост [41, с. 51—57] и Скауне [42, с. 5—34].

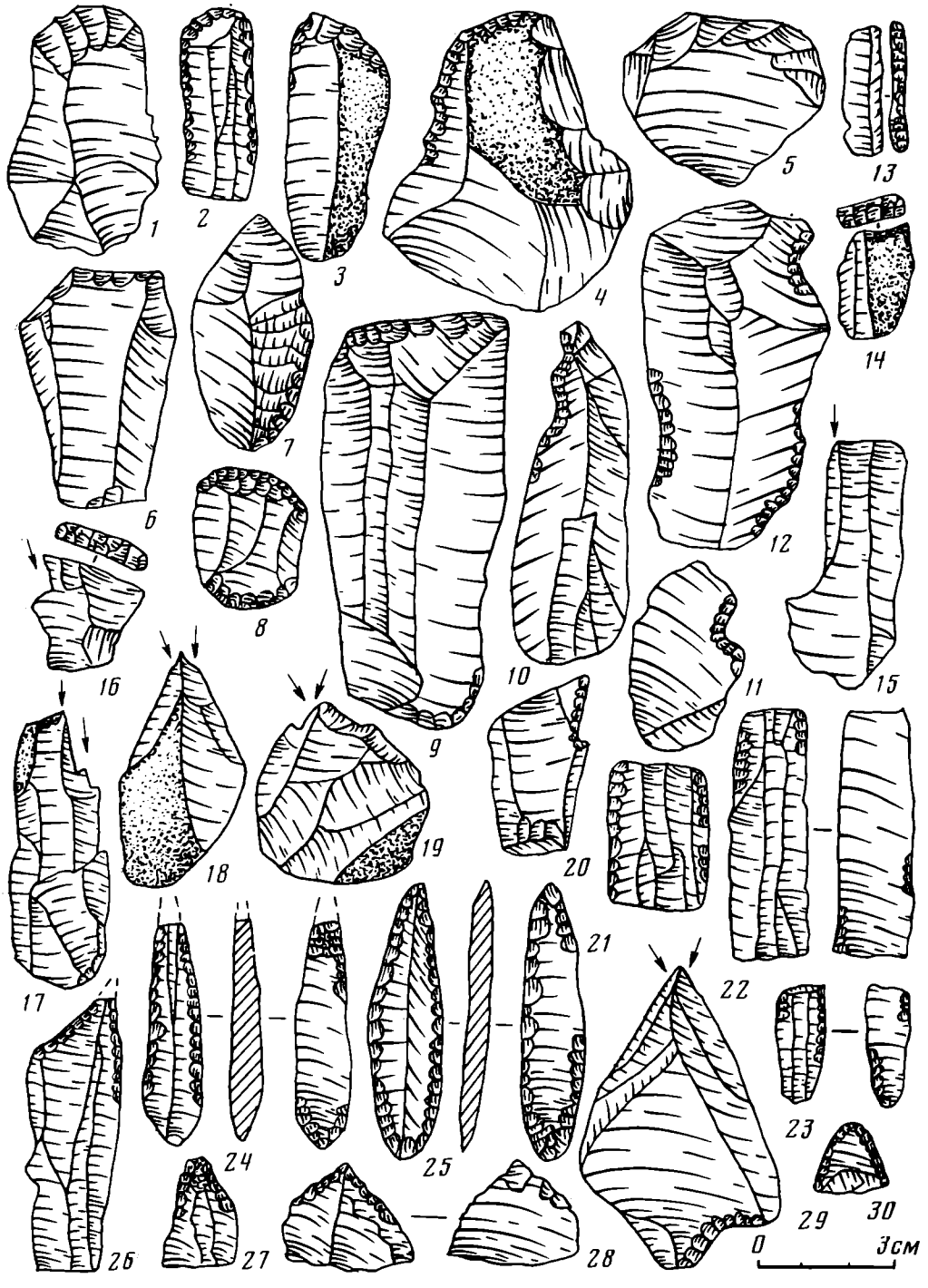


Рис. 3. Стоянка Незвиско XXI

II. Незвиско XXI. К группе отнесено восемь пунктов в Западном Подолье и 17 в Закарпатье. Согласно данным Г. А. Пашкевич, Незвиско XXI залегает в отложениях раннеголоценового, пребореального времени [11, с. 90]. Для каменного инвентаря характерны местные позднепалеолитические (близкие мадленским) черты (рис. 3). Сходство стратиграфических условий и аналогичный каменный инвентарь позволяют видеть ближайшие аналогии этому памятнику в материалах молодовской фазы [2, с. 36—50], а также до некоторой меры и Хонта [33, с. 69—70; 43, с. 125—138].

III. Незвиско XII. К группе отнесено пять поселений на территории Западного Подолья. Характерны местные палеолитические (близкие граветтским) черты (рис. 4). Комплекс Незвиско XII близок ма-

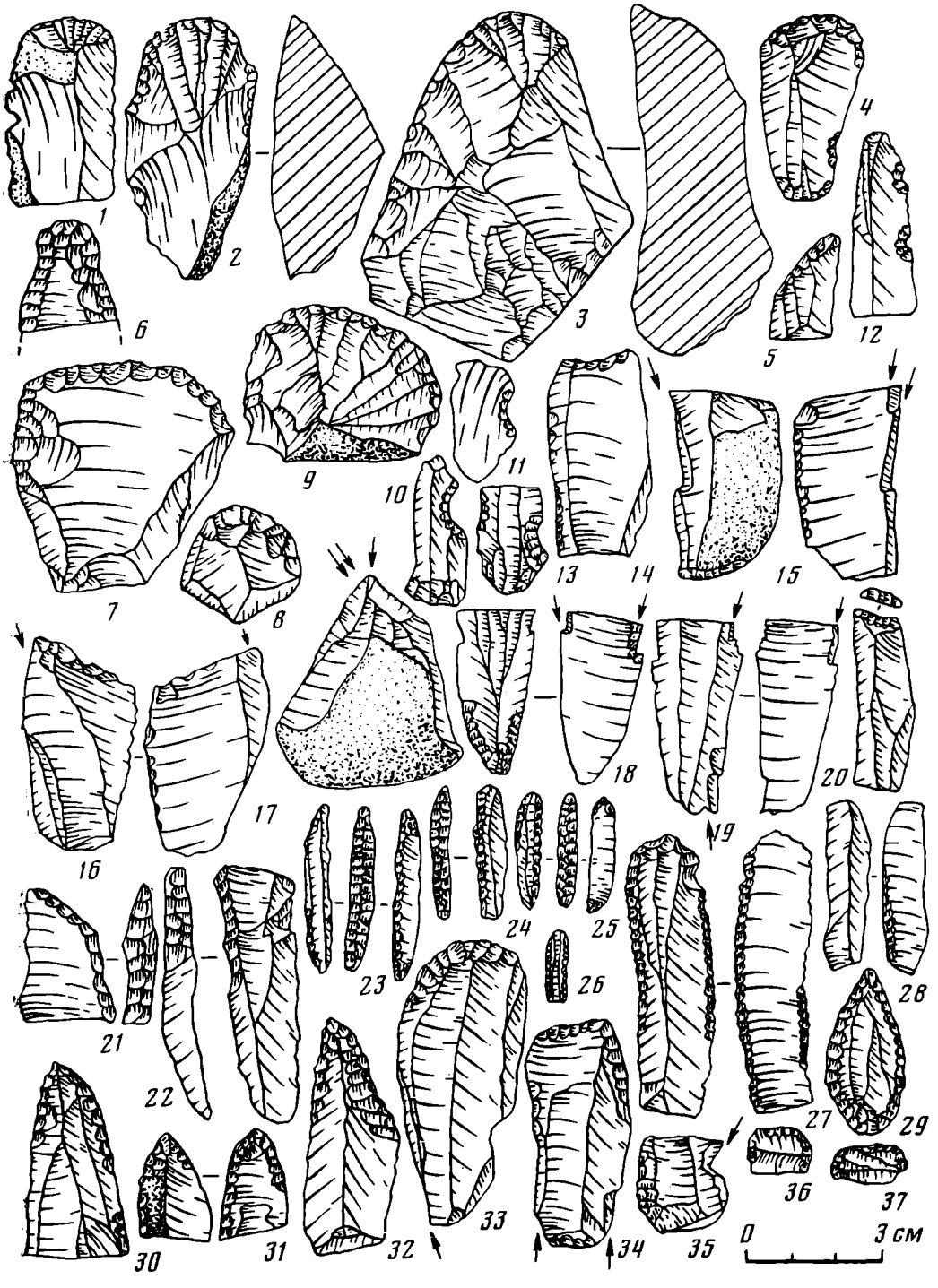


Рис. 4. Стоянка Незвиско XII

териалам оселеевской фазы, памятники которой залегают в отложениях пребореального времени [2, с. 133—134]. Сходство стратиграфических условий и аналогичный каменный инвентарь позволяют отнести и материалы из Незвиско XII к этому времени. По большинству показателей кроме Оселеевки близким аналогом Незвиско XII являются материалы из Лапоша [44, с. 256—257, рис. 13].

IV. Незвиско IX. К группе отнесено 13 пунктов из территории Западного Подолья. Согласно данным Г. А. Пашкевич, Незвиско IX залегает в отложениях бореального времени. Камень имеет местные палеолитические (близкие ориньяко-граветтским) черты (рис. 5). Близость стратиграфических условий и аналогичный каменный инвентарь позволяют видеть ближайшие аналоги Незвиско IX в памятниках атак-

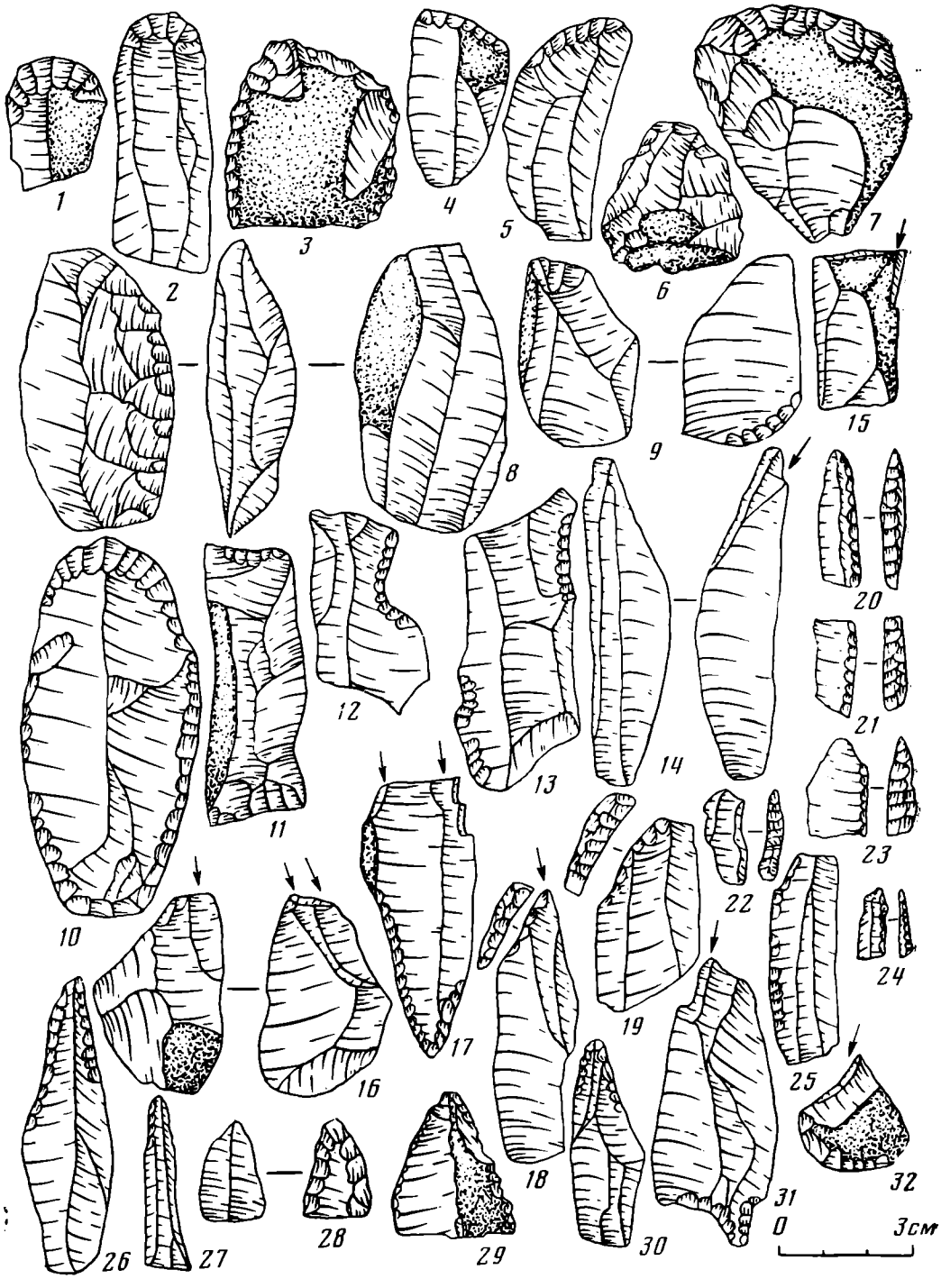


Рис. 5. Стоянка Незвиско IX

ской фазы на Днестре [2, с. 134], второго слоя грота Бринзены [45, с. 142—143], а также на поселениях граветьена IV, по А. Паунеску [44, с. 252—253, рис. 11].

V. Каменица II. Группа представлена четырьмя пунктами в Закарпатье; на трех из них проведены стационарные раскопки. По данным О. М. Адаменко, Каменица II залегает, вероятно, в отложениях бореального времени. Налицо хорошо выраженный микролитизм с граветтскими чертами без заметных признаков свидерского и тарденуазского влияния (рис. 6). Группа близка поселению Сексард-Паланк [33, с. 66—68; 46, с. 159—202].

VI. Вороцев II. К группе отнесено пять пунктов на территории Предкарпатья. Для камня характерны позднесвидерские, тарденуаз-

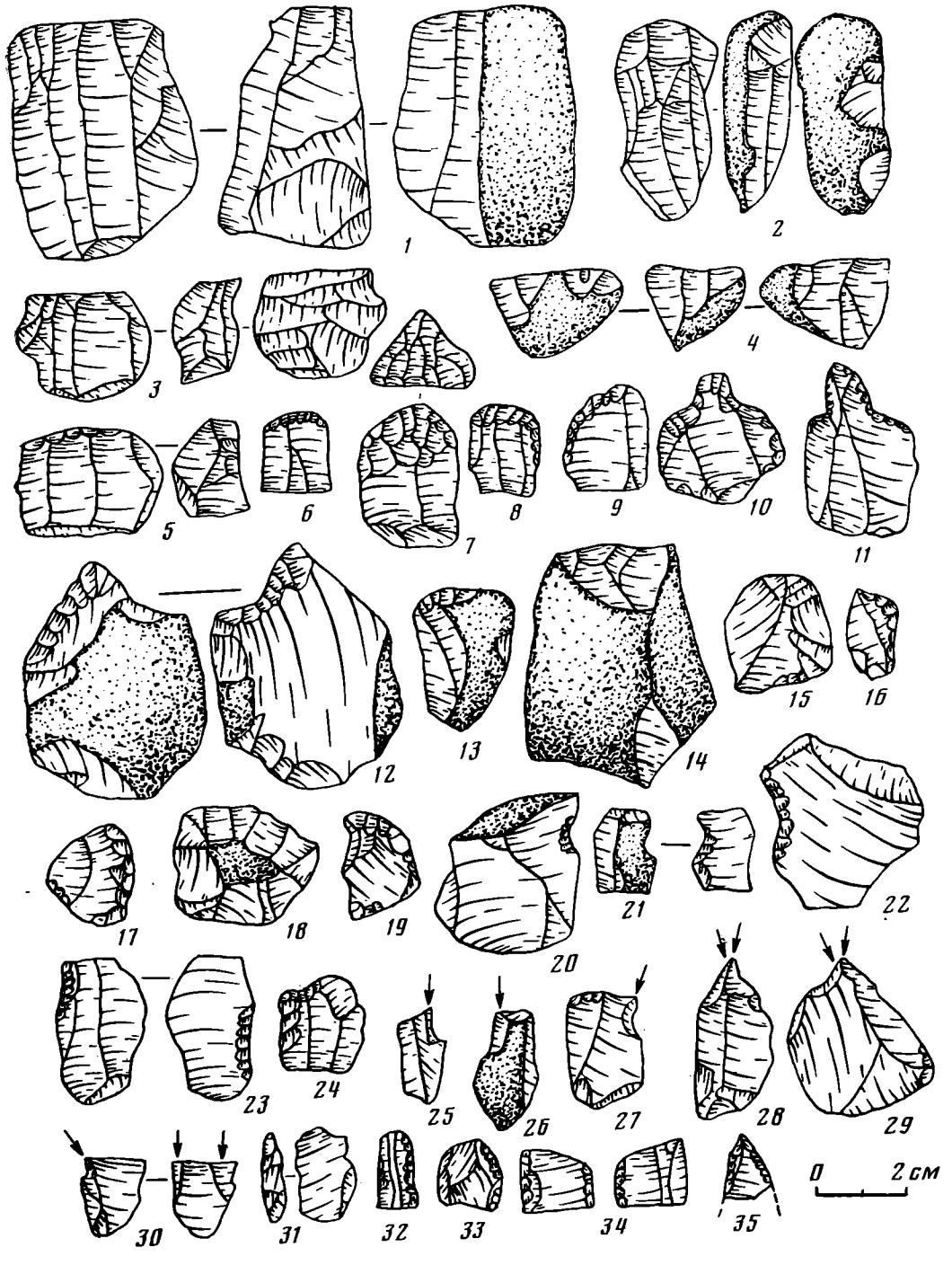


Рис. 6. Стоянка Каменица II

ские и иные черты (рис. 7). Типология основных находок, физико-географические условия и другие показатели Вороцева II близки Карве I и другим памятникам юнсдорфской группы [47, с. 128, 146]. Вместе с тем в комплексе Вороцева II представлены все виды вкладышей, которые характерны, по Л. В. Кольцову, для раннетарденуазской [48, с. 20], а также до определенной меры и совтеррской культур [49, с. 345—374]. Это обстоятельство, а также иные данные позволяют отнести комплекс Вороцев II к бореальному времени, хотя не исключается и иная датировка.

VII. Старуня I. К группе отнесено пять пунктов в Предкарпатье. Характерны выраженные позднесвидерские и тарденуазские черты (рис. 8). Синтезирует элементы таких памятников, как Рипичень-Из-

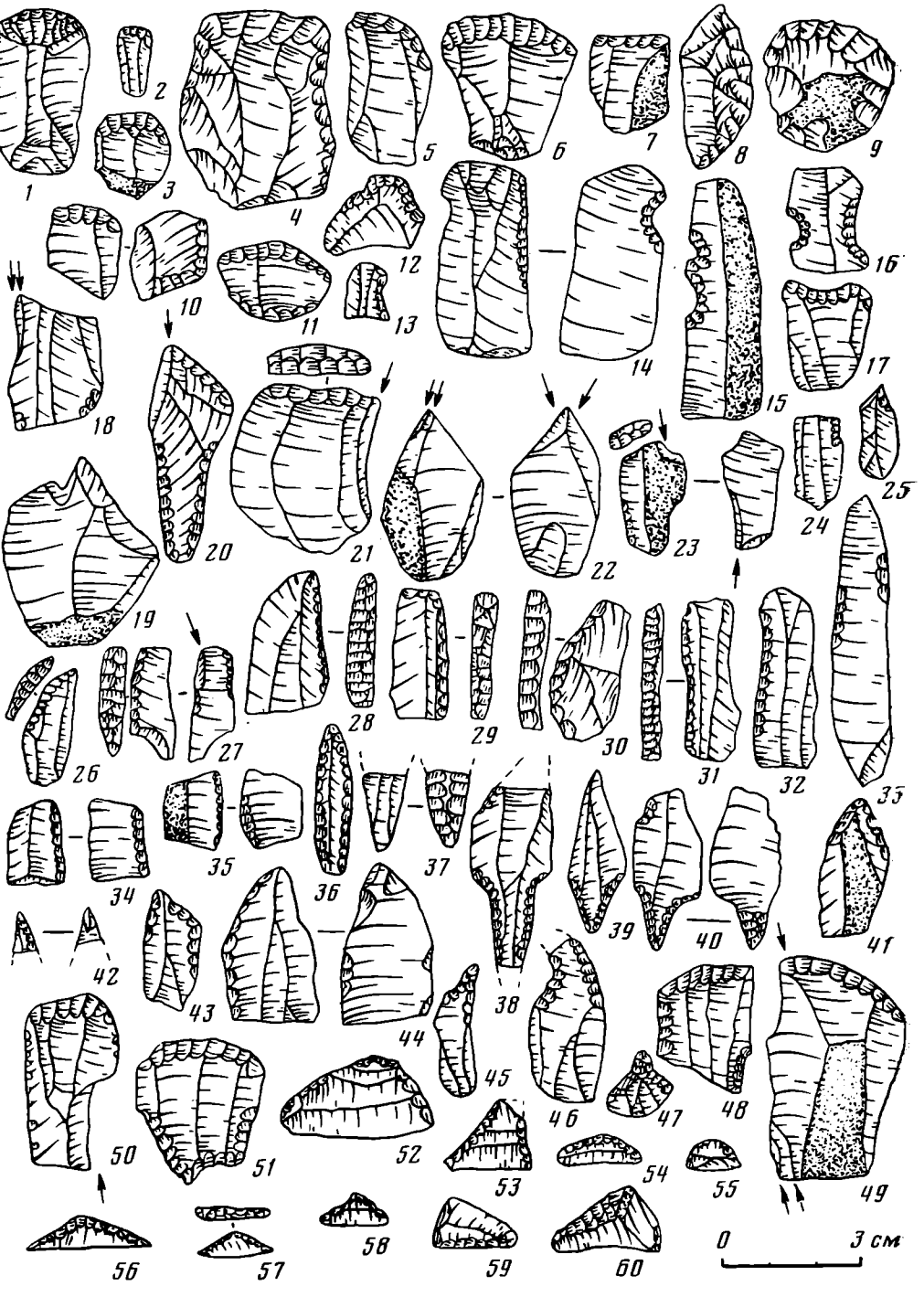


Рис. 7. Стоянка Вороцев II

вор, Ербичень [44, с. 264, 265, рис. 17, 18] и Скауне [44. с. 342, рис. 56]. Согласно стратиграфическим наблюдениям и до некоторой меры аналогам, предположительно датируется бореальным временем.

VIII. Каменица I. К группе отнесено четыре пункта из Закарпатья и Предкарпатья. Характерны тарденуазские и яниславицко-коморницкие черты (рис. 9). Комплекс близок таким памятникам, как Середь I [15, с. 5—72], Седлигет [33, с. 55; 50, с. 177—182] и Гумешты [44, с. 268—269]. Согласно стратиграфическим условиям, а также по аналогиям, комплекс Каменица I, видимо, датируется концом бореального — началом атлантического периода.

IX. Лука II. К этой группе отнесено 35 пунктов в Западном Подолье, Предкарпатье и Закарпатье. Для каменного инвентаря харак-

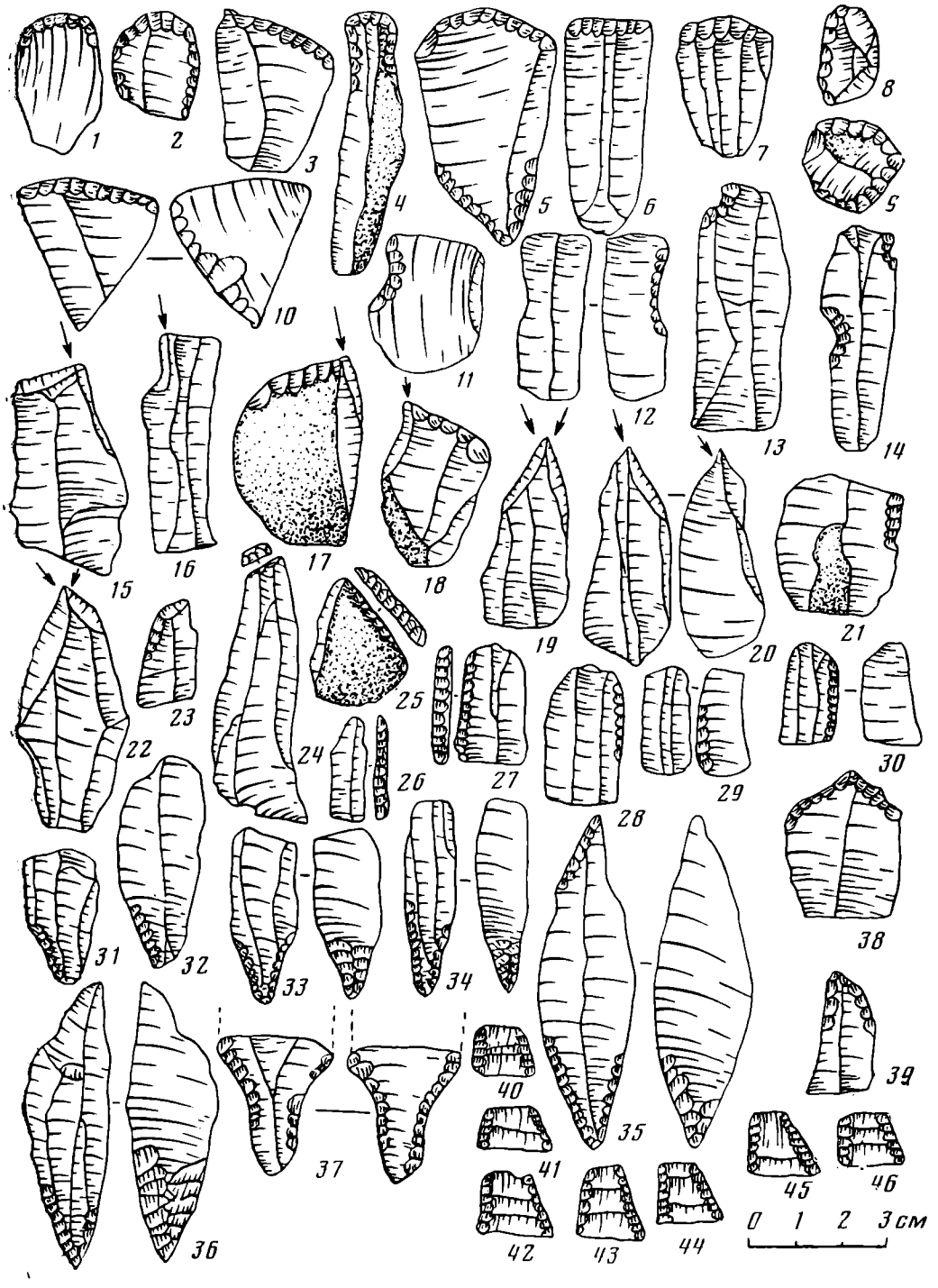


Рис. 8. Стоянка Старуня I

терны позднеграветтские черты. Геометрические микролиты и свидероидные наконечники отсутствуют полностью, либо составляют менее одного процента орудий (рис. 10). Аналоги: Луговое II [35, с. 99—102] и, до некоторой меры, Фрумушика [2]. Стратиграфические условия залегания Луки II и аналоги позволяют отнести комплекс к началу атлантического времени.

Группы памятников данной территории, находящейся в географическом центре Европы, отнесены к восточному варианту позднесвидерской культуры (Кунин I), молодовской культурной области, генетически связанной с местным палеолитом (Незвиско XXI, XII и IX), к памятникам с позднеграветтскими чертами (Каменица II), при позднесвидерских, тарденуазских и иных элементах (Вороцев II и Старуня I), к янисла-

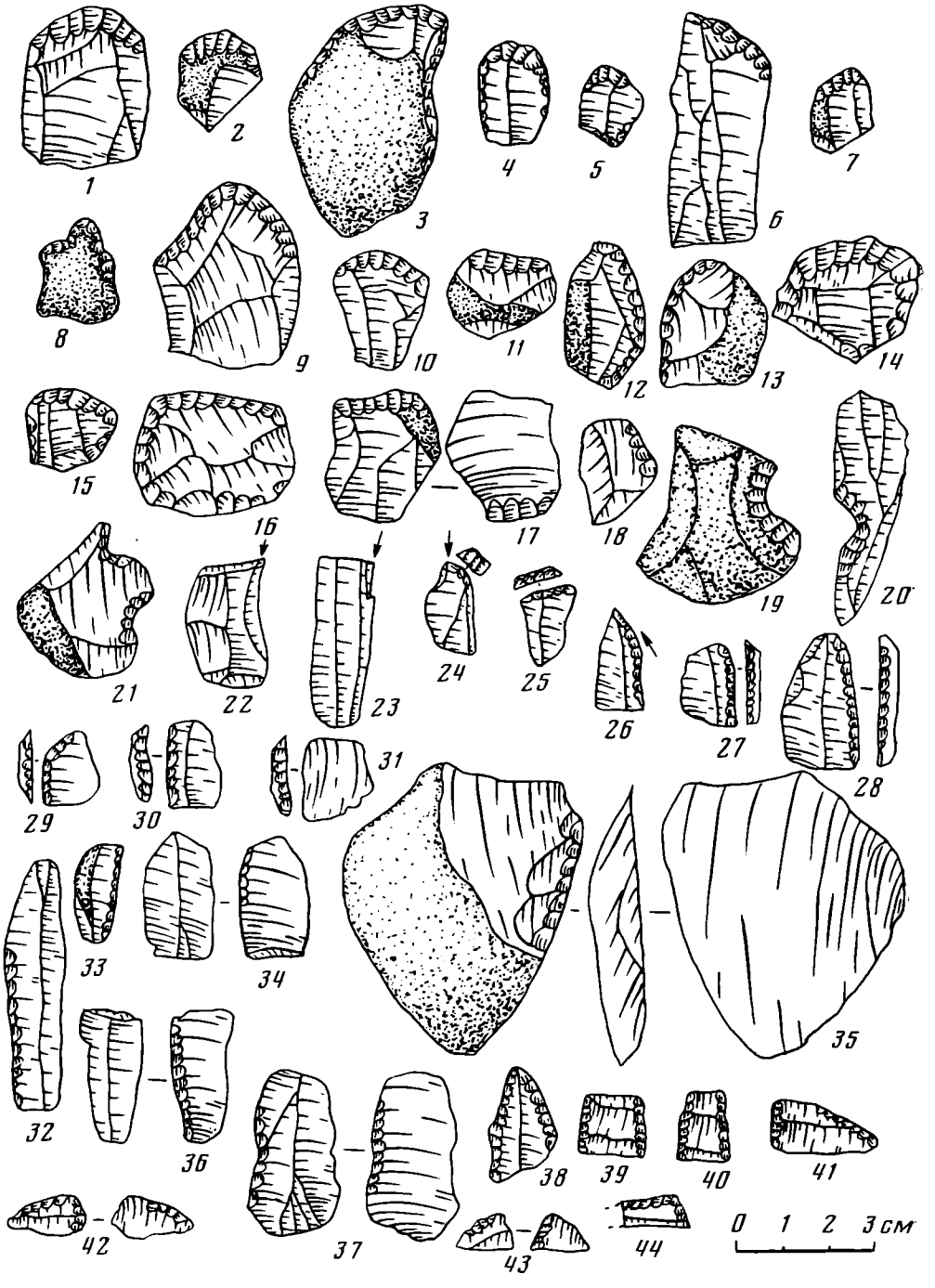


Рис. 9. Стоянка Каменица I

вицко-коморницкой культурной области при наличии тарденуазских черт (Каменица I) и трансформированных поздних элементах памятников типа Каменицы II (Лука II).

Карпатские горы уже с конца палеолита, как предполагал еще П. П. Ефименко [51, с. 41], не были непроходимым барьером для заимствований, миграций, обмена и других причин появления в Западном Подолье, Предкарпатье и Закарпатье элементов разнообразных индустрий конца палеолитического и мезолитического времени. Поэтому наряду с углубленными работами на равнине и в предгорной части необходимо также комплексное исследование карпатских перевалов. На сопредельных территориях Карпат уже зафиксированы важные материалы, в том числе стоянка Скауне в Румынии, которая находится на высоте 1327 м над уровнем моря [52, с. 51].

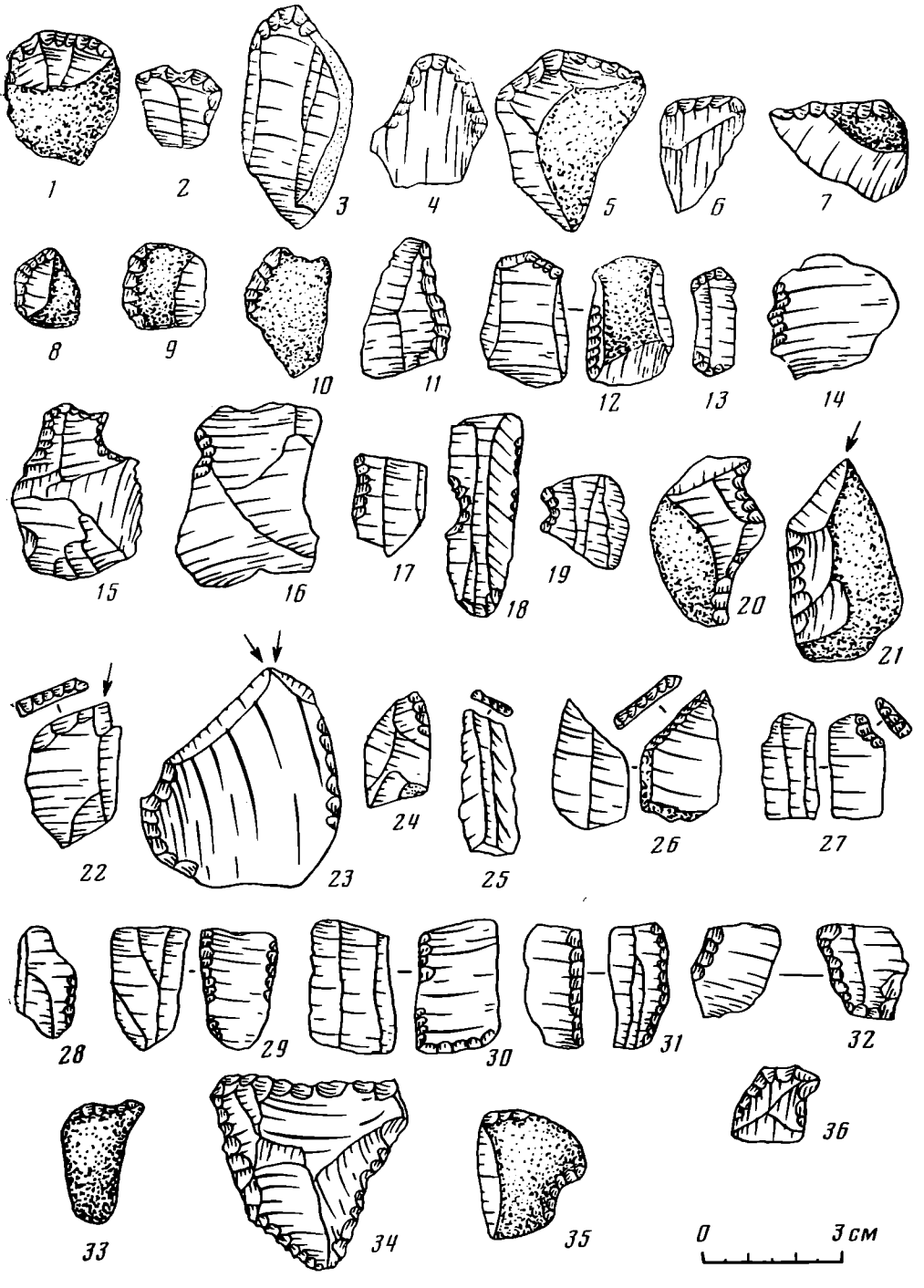


Рис. 10. Стоянка Лука II

Таким образом, наряду с интерпретацией уже выявленных материалов целесообразными являются углубленные комплексные исследования мезолитических памятников при раскопках их на значительных площадях, а также поиски новых поселений, особенно на территории собственно Карпатских гор. Накопление новых фактов, дальнейшее внедрение в археологию методов точных наук, а также совершенствование комплексного анализа уточнят многие конкретные вопросы интерпретации памятников данных и сопредельных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисковский П. И.* Палеолит Украины.— МИА, 1953, № 40.
2. *Черниш О. П.* Стародавнє населення Подністров"я в добу мезоліту. Київ: Наукова думка, 1975.

3. *Мацкевой Л. Г.* Некоторые особенности мезолита Предкарпатья.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.
4. *Грибович Р. Т.* Некоторые данные о мезолите и природной среде мезолитического времени Западной Волыни.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.
5. *Зализняк Л. Л.* Мезолит Юго-Восточного Полесья: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1979.
6. *Клапчук М. М.* Палеолітичні та мезолітичні місцезнаходження поблизу Делятина.— Археологія, 1980, № 34.
7. *Мацкевой Л. Г.* Дослідження пам"яток доби мезоліту та раннього неоліту на Західному Поділлі, Предкарпатті та Закарпатті.— Тези доповідей V Подільської історико-краєзнавчої конференції. Кам"янець-Подільський: Пединститут, 1980.
8. *Іванов Б. М.* До питання про розвиток рельєфу Карпат в четвертинному часі.— Праці експедиції по комплексному вивченню Карпат і Прикарпаття. Серія геолого-геоморфологічна. Львів, 1956, т. III.
9. *Иванова И. К.* Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Поднестровья.— Тр. КИЧП, 1959, № 15.
10. *Иванова И. К.* Природные условия обитания людей каменного века в бассейне р. Днестр.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.
11. *Пашкевич Г. А.* Палинологическая характеристика разрезов мезолитических стоянок Незвиско Ивано-Франковской области.— В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев: Наукова думка, 1981.
12. *Kostyniuk M.* Analiza pylkowa dwóch torfowisk w okolicy Rudek i Sambora.— Kosmos, 1938, Ser. A. Rozprowy, r. LXIII, z. III.
13. *Черевко М. В.* Історія розвитку рослинності Північно-Західного Прикарпаття в голоцені на підставі спорово-пилкових досліджень Наддністрянсько-Самбірських боліт: Автореф. канд. дис. Київ: Інститут ботаніки АН УРСР, 1967.
14. *Артюшенко А. Т.* К истории растительности Прикарпатья в голоцене.— В кн.: Палинологические исследования осадочных толщ Украины и смежных районов. Киев: Наукова думка, 1976.
15. *Bárta J.* Pleistocénne piesočné duny pri Seredi a ich paleolitické a mezolitické osídlenie.— SA, 1957, r. V, № 1.
16. *Татаринов К. А.* Фауна неогеновых и антропогеновых позвоночных Подолии и Прикарпатья, ее история и современное состояние: Автореф. докт. дис. Киев: Институт зоологии АН УССР, 1970.
17. *Татаринов К. А., Бачинский Г. А.* Пещерные захоронения плиоценовых и антропогеновых позвоночных в западных областях Украины.— Бюл. МОИП. Отд. биол., 1968, т. 73, вып. 5.
18. *Татаринов К. А.* Печерні гієни з четвертинних відкладів Опілля.— Доповіді АН УРСР, 1958, № 7.
19. *Волков М. Г., Купраш Р. П., Палієнко В. П., Соколовський І. Л., Чирка В. Г., Швидкий Ю. М.* Морфоструктура нафтогазоносних областей УРСР. Київ: Наукова думка, 1974.
20. *Раскатов Г. И.* К вопросу о четвертичной фауне, флоре и палеолите Восточных Карпат, Предкарпатья и Закарпатья.— Бюл. КИЧП, 1953, № 18.
21. *Сеньковський Ю. М.* Силіцити крейди південно-західного схилу Східно-Європейської платформи. Київ: Наукова думка, 1973.
22. *Рыбачек Е. П.* Заключение о названиях, структурах и местах отбора горных пород на основании изучения изготовленных из них прозрачных шлифов. Львов, 1976. (Рукопись. Архив кафедры петрографии Львовского госуниверситета, а также Института общественных наук АН УССР.)
23. *Петруняк М. Д., Белоус Н. Х.* Особенности пород каменных орудий человека мезолита запада УССР. Ивано-Франковск, 1979. (Рукопись. Архив кафедры геологии, минералогии и петрографии Ивано-Франковского института нефти и газа.)
24. *Бобриевич А. П.* К минералогии липаритовых обсидианов районов Герцевце — Феделешовце в Закарпатье.— Минералогический сборник Львовского геологического общества. Харьков: Изд. Харьковского госуниверситета, 1952, № 6.
25. *Малеев Е. Ф.* Неогеновый вулканизм Закарпатья. М.: Наука, 1964.
26. *Salát J., Ončáková P.* Perlity, ich výskyt, petrochémia a praktické použitie. Bratislava, 1964.
27. *Bánesz L.* Hromadný nález obsidiánovej suroviny na gravettskom sídlisku v Cejkove, okr. Trebišov.— AR, 1974, XXVI, № 1.
28. *Nandris J.* A Re-consideration of the South-East European Sources of Archaeological Obsidian.— BIA, 1975, № 12.
29. *Williams O., Nandris J.* The Hungarian and Slovak Sources of Archaeological Obsidian: an Interim Report on Further Fieldwork, with a Note on Tektites.— JAS, 1977, v. 4, n. 3.
30. *Чайлд Г.* У истоков Европейской цивилизации. М.: Изд. иностр. лит., 1952.
31. *Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы.— МИА, 1966, № 126.
32. *Окладников А. П.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР.— МИА, 1966, № 126.
33. *Габори М.* Мезолит.— В кн.: Археология Венгрии. Каменный век. М.: Наука, 1980.
34. *Ефименко П. П.* Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья.— СА, 1960, № 4.
35. *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1977.

36. *Татаринов К. А.* Плейстоценовые позвоночные Подолии и Прикарпатья.— Бюл. КИЧП, 1966, № 32.
37. *Татаринов К. А.* Фауна позвоночных антропогеновых отложений Подолии и Прикарпатья и ее стратиграфическое значение.— В кн.: Материалы по четвертичному периоду Украины. Киев: Наукова думка, 1974.
38. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, т. 21.
39. *Бибиков С. Н.* Об использовании улиток Helix в позднепалеолитическое время.— МИА, 1941, № 2.
40. Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972.
41. *Савчук А. П.* Мезолітичні знахідки на Горині.— Археологія, 1979, № 30.
42. *Nicolăescu-Plopşor C. S.* Sur la présence du swidérien en Roumanie.— Dacia, 1958, NS, t. II.
43. *Gábori M.* Az epipaleolitikum lelöhelye Honton.— AÉ, 1956. 83. kötet. 2. szám.
44. *Păunescu A.* Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României. Bucureşti, 1970.
45. *Кетрару Н. А.* Памятники эпох мезолита и неолита. Кишинев: Штиинца, 1973.
46. *Vértes L.* Die Ausgrabungen in Szekszárd — Palánk und die archäologischen Funde.— Świątowit, 1962, t. XXIV.
47. *Gramsch B.* Das Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder. T. 1. Berlin, 1973.
48. *Кольцов Л. В.* О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы.— СА, 1979, № 4.
49. *Rozoy J. G.* Tardenoisien et Sauveterrien.— Bul. SPF, 1971, t. LXVIII, № 1.
50. *Gábori M.* Mezolitikus leletek Szödligetröl.— AÉ, 1956. 83. kötet. 2. szám.
51. *Ефименко П. П.* К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы.— СА, 1956, XXVI.
52. *Николэеску-Плопшор К. С.* К изучению палеолита Румынии.— СА, 1962, № 3.

L. G. Matskevoi, O. M. Adamenko, G. A. Pashkevich, K. A. Tatarinov

THE ENVIRONMENT AND THE MESOLITHIC OF THE WESTERN UKRAINE

Summary

The last decade saw regular investigations of the Mesolithic monuments in this area. Cultural complexes are usually found in the subsoil B at a depth of from 30 to 180 cm (later Drias, Atlantic). The fauna (excluding the reindeer), flora, climatic conditions and the relief are similar to the contemporary ones (Tables I-III) while the settlement pattern is closely connected with the environment and, probably, with specialised economies. Monuments bearing marked local Palaeolithic features are primarily found on high terraces (V-VI) with springs nearby (Nezvisko IX, XII and XXI) or on the I and II Dniester terraces and terraces of smaller rivers (Kamenitsa I-IV, Vorotsev II and Luka II). Stone industry is represented mainly by artifacts of local stone (flint, obsidian, andesite and basalt), though there are a number of artifacts made of stone imported from 200 and more kilometres afar. Study of chronological, typological, physico-geographical and other data and the use of similarity indices permitted to group more than 120 settlements into 9 types, dated between the 10th and 4th millennia B.C. (Figs. 1-10). The authors relate them to the eastern variant of the later Svider culture (Kunin I) of the Molodovo culture area genetically connected with the local Palaeolithic (Nezvisko XXI, XII and IX); to the monuments revealing some later Gravettian features (Kamenitsa II) accompanied by the later Svider, Tardenoisian and some other elements (Vorotsev II and Starunya I) of the Yanislavitse-Komornitsa culture area exhibiting also some Tardenoisian features (Kamenitsa I) and also some transformed elements of the monuments of the Kamenitsa II (Luka II) type. Concentration of various ethnocultural influences, their synthesis and other transformations can be seen against the varied ecological background.

КУРБАНСАХАТОВ К. К.

СТРАТИГРАФИЯ ВЕРХНИХ СЛОЕВ СЕВЕРНОГО ХОЛМА АНАУ

Северный холм Анау расположен в 12 км восточнее Ашхабада, на берегу маленькой речки Кельте-Чинар. Холм имеет округлую форму и слегка вытянут с юго-запада на северо-восток, по длинной оси на 102 м, по короткой — около 84 м. Высота холма над окружающей равниной 12 м.

Северный холм Анау издавна привлекал внимание многих исследователей. Изучение этого памятника берет свое начало еще с конца прошлого столетия. В 90-х годах XIX в. генералом А. В. Комаровым была прорыта траншея с целью обнаружения богатого царского захоронения [1]. В 1904 г. на Анау проводила раскопки американская экспедиция Р. Пампелли при участии немецкого археолога Г. Шмидта [2]. Результатом этих работ явилось получение стратиграфической колонки культур древнеземледельческих племен, которая получила название анауской и сохранялась как руководящая до 50-х годов.

Остановимся подробнее на работах этого времени. Раскопки были начаты с очистки траншеи и углубления ее концов. На дне траншеи были заложены две галереи с целью изучения нижних слоев поселения. Для изучения верхних слоев поселения были заложены крупные террасы на северном и южном склонах холма. На западном склоне северной половины холма были вскрыты средние напластования. Таким образом, была установлена непрерывная цепочка напластований холма через западный раскоп между террасами, вскрывшими верхние слои, и галереями, вскрывшими нижние слои поселения. Самые нижние слои холма изучались путем прорытия шахт. Методика работ американской экспедиции заключалась в основном в фиксации остатков сырцовых стен, сосудов, погребений и описания характера культурного слоя на высотных отметках.

На основании полученных данных были выделены две культуры, последовательно сменивших друг друга в период обживания холма. Верхние слои холма были отнесены к культуре II, которая была выделена между отметками +40 и +25 футов (+12 и +7,5 м). Ниже отметки +25 футов (+7,5 м) культурные напластования были отнесены к культуре Анау I. По данным американской экспедиции, мощность слоев времени Анау IБ составляет 11,2—11,9 м, а времени Анау IА — от 3,1 до 4,2 м [2, с. 121]. Верхние четыре слоя вновь заложенного стратиграфического разреза, составляющие 4,5 м, соответствуют напластованиям культуры Анау II. Исходя из этих данных, можно заключить, что под уровнем современной равнины мощность культурного слоя составляет более 8 м, а следовательно, мощность культурных слоев времени Анау IБ американской экспедицией, видимо, завышена [2]. Керамический материал культуры Анау I был разделен на три группы, культуры Анау II — на пять групп. Полихромную керамику, найденную в слоях культуры Анау II, Г. Шмидт считал привнесенной из более развитого культурного центра [2, с. 121—137]. Результаты раскопок американской экспедиции не дают нам представления о стратиграфии этого поселения, поскольку четкой последовательности архитектурных остатков и их эволюции не дано. Классификация керамики, которая позволила все же выделить две культуры в процессе развития поселка, также не совершенна.

В 1953 г. с целью изучения самых нижних слоев холма С. А. Ершовым был заложен шурф на юго-восточной его окраине. Этот шурф

имел глубину 9 м. Нижние слои, с XVIII по XII ярус, мощностью в 3,5 м, были отнесены ко времени Анау IA. Верхние слои шурфа, с XI по I ярус, мощностью в 5,5 м, были отнесены ко времени Анау IБ [3]. В стратиграфическом разрезе напластования времени Анау IБ вскрыты до глубины 3,5 м и находятся выше основания шурфа С. А. Ершова на 1 м. По этим данным, культурные слои времени Анау IБ на северном холме Анау составляют 10 м.

В 50-х годах работами Б. А. Куфтина и В. М. Массона была определена более детальная стратиграфия для оседло-земледельческих поселений, заменившая устаревшую и внесшая множество коррективов [4; 5]. В результате возникла необходимость уточнения стратиграфии самого северного холма Анау. В 1977 г. в северной стене траншеи А. В. Комарова (в наиболее высокой ее части) первоначально был заложен стратиграфический разрез (3×3 м) с целью получения более четкой, детальной стратиграфии северного холма Анау. Разрез дал содержательный и интересный материал. В следующем сезоне разрез был расширен на всю длину поселения в направлении запад — восток и достиг более 40 м. Западная его часть вплотную подходит к западному раскопу американской экспедиции. В средней части разреза небольшой участок вплотную приближается к северным террасам (I—IV), раскопанным экспедицией Р. Пампелли, но также не пересекается с ними. Таким образом, для широких раскопок была заведомо выбрана та часть холма, где вскрываемые напластования не были ранее потревожены. Для более четкой фиксации материала весь рабочий участок был разделен вертикалями на трехметровые секторы, каждый из которых получил свое буквенное обозначение (рис. 1).

Прежде чем перейти к конкретному описанию результатов стратиграфического изучения, необходимо обосновать метод работы, примененный при раскопках северного холма Анау.

При изучении культурного слоя памятника мы определяем понятие «слой» как «законсервированное» время, где отдельные отрезки слоев отражают определенные отрезки времени. Поэтому одним из основных требований в изучении полной свиты слоев памятника, т. е. всех отрезков времени, является стратиграфическое изучение всех напластований. Под понятием стратиграфия мы подразумеваем порядок расположения культурных слоев. Говоря о методических приемах стратиграфического изучения, надо отметить, что у всех исследователей оно сводится к определенному подходу в распределении материалов по слоям, где они оперируют довольно немногочисленным набором терминов, на которые делится стратиграфическая шкала. Попытаемся со своей точки зрения передать смысл этих терминов или параметров: а) строительный горизонт — определенная свита слоев, одновременно существовавшая и ограниченная прослойками полов и жилых уровней, дающая возможность для прослеживания и сопоставления в процессе исследования; б) слой, так же как строительный горизонт, является вспомогательной единицей и часто отождествляется со строительным горизонтом; в) ярус — условная метрическая единица деления стратиграфической шкалы; г) штык — наименьшая единица деления стратиграфической шкалы. Мы часто сталкиваемся в литературе с термином «слой», который зачастую включает в себя разные понятия. Рассматривая «слой» как макропонятие, мы приравниваем его к строительному горизонту. Как микропонятие «слой» — прослойка внутри строительного горизонта, отражающая реальную картину его жизнедеятельности и запустения.

Обратимся конкретно к раскопкам северного холма Анау, к разрезу траншеи Комарова. Вскрытие напластований в разрезе производилось штыками. В рамках открытого комплекса штыки в процессе работы были объединены в ярусы по 50 см. В пределах условных ярусов удалось выделить последовательно сменяющие друг друга строительные горизонты или слои. Правильность выделения подкреплялась вскрытием на горизонтальной плоскости разреза остатков сохранившихся строений. На сегодняшний день изучено 10 последовательно сменяющихся слоев, ко-

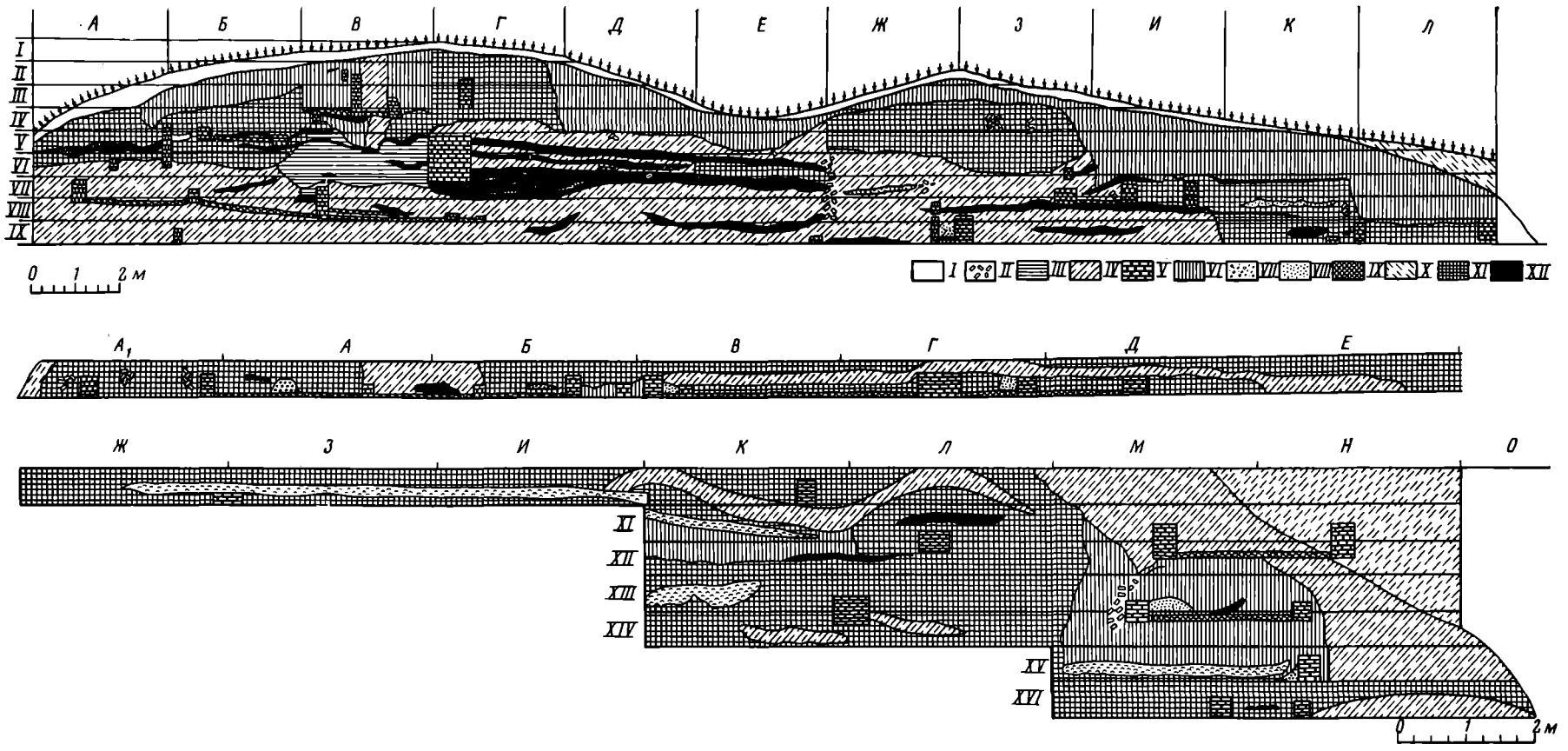


Рис. 1. Разрез траншеи Комарова северного холма Анау — ярусы I—XVI. I — надувной слой; II — обвалившийся сырцовый кирпич; III — плотный мусорный слой с зольными включениями, IV — рыхлый мусорный слой с примесью керамики, камней, костей и угля; V — остатки стен из сырцового кирпича; VI — разрушенный кирпич с включениями золы, керамики и камней; VII — гравий; VIII — горелый слой; IX — промазки полов; X — верхние разрушенные слои; XI — плотный слой с примесью битого кирпича, керамики, костей и камней; XII — зольпик

торые удалось выявить по остаткам и расположению сырцовых стен, промазкам полов, характеру культурного заполнения и др.

Слой 1 зафиксирован на самых верхних участках холма, в секторах В и Г, и был выделен в пределах I и II ярусов. Он состоит в основном из дерна толщиной до 0,5 м. Его подстилают напластования, состоящие в основном из остатков разрушенного кирпича с примесью керамики, костей и мелкой гальки. Строения северного холма Анау возведены из сырцовых формованных кирпичей, в тесто которых примешан саман. Кирпичи двух типов: квадратный (40×40×10 см) и прямоугольный со сторонами 50—46×25—23×12—10 см. В секторе В выявлены остатки стены высотой 0,2 м и такой же ширины. Слой 2 имел лучшую сохранность строительных остатков, которые сконцентрированы в секторах В и Г во II—IV ярусах. В секторе В были обнаружены две параллельные стены, вероятно, представляющие часть одного помещения: высота западной — 0,9 м при толщине 0,2 м; восточная стена сохранилась в высоту на 0,45 м при толщине 0,23—0,25 м. Между этими стенами выявлена промазка пола. Слой 3 (IV—VI ярусы) по сохранности сырцовых построек выгодно отличается от вышерассмотренных. Остатки помещений и отдельных стен группируются в западной части разреза в секторах А—Г. На пересечении секторов А и Б вскрыта стена высотой в 1 м при толщине 0,2 м. К середине этой стены с восточной стороны примыкает горелый слой. По-видимому, это место несохранившегося очага. Восточнее этой стены вскрыта часть помещения, ограниченного двумя стенами, расстояние между которыми составляет 1,5 м, а толщина стен соответственно 0,25 и 0,4 м. Сохранность стен в высоту — 0,25 м. Восточная стена с внутренней стороны обложена обломками расписной керамики времени Намазга I. На восток от этого помещения идут мощные зольные и мусорные слои, которые заканчиваются, упираясь в самую крупную стену, встреченную в разрезе. В высоту она сохранилась на 1 м, имея такую же толщину. Можно предположить, что эта стена ограничивала западный комплекс застроек. За этой стеной в восточном направлении залегают мощные зольные отложения с включениями горелых слоев, которые тянутся на 8 м на стыке секторов Е и Ж и упираются в массу обвалившихся кирпичей, видимо, от разрушенной стены.

В следующем слое 4 (VII—VIII ярусы) сырцовые постройки обнаружены уже в двух противоположных концах разреза: в западном (секторы А—Г) и в восточном (секторы Ж—И). Между ними находился незастроенный участок с мусорным заполнением и включениями крупных зольников. В восточной части застройки можно отметить две параллельно расположенные на расстоянии 1 м стены толщиной по 0,25 м. Сохранность их соответственно 0,25 и 0,4 м. Обе стены, между которыми прослежен пол, лежат на зольнике, что позволяет нам отнести их к одному помещению. Восточнее этого помещения находится еще одна стена толщиной 0,25 м.

В западной части разреза в пределах раскопа строения удалось оконтурить на горизонтальной плоскости (рис. 2). В пределах секторов А, Б, В вскрыта часть овального помещения, вытянутого по оси З—В на 5,25 м. Между внутренней стенкой, перпендикулярной основной стене помещения, и последней, видимо, был очаг, судя по скоплению золы и прокаленности этого угла помещения. В пределах секторов В и Г вскрыто круглое помещение диаметром 1,7 м. К этому помещению с востока примыкает прямоугольная пристройка. В слое 5 (X ярус) основные строения были обнаружены в восточной части разреза в секторах Ж—Л (рис. 2). Маленькие помещения, группирующиеся в секторах К и Л, можно охарактеризовать как хозяйственные клетушки. Возможно, самое юго-восточное помещение из этой группы являлось жилым, поскольку в нем выявлен очаг. В секторах К, И, З также встречены остатки хозяйственных помещений, в одном из которых обнаружена врытая в пол корчага. Еще западнее, в секторах Ж и З, вскрыта часть, видимо, жилого дома. В северо-восточном углу его находился двухкамерный

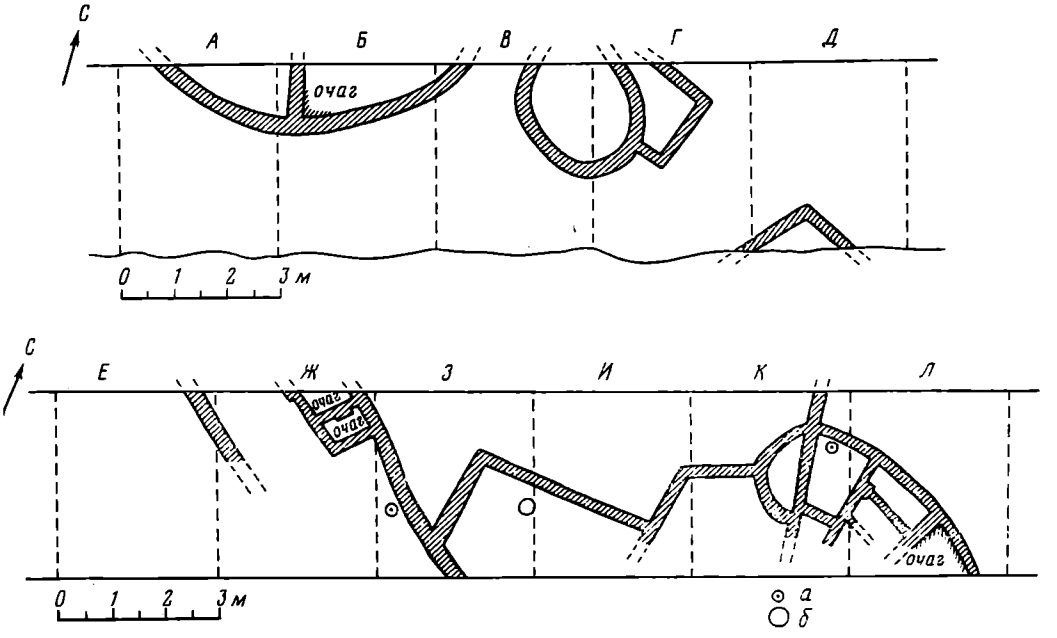


Рис. 2. *А* — строительные остатки строений слоя 4 северного холма Анау; *Б* — строительные остатки строений слоя 5 северного холма Анау: *а* — подпятник; *б* — вкопанная в пол корчага

очаг 1,5×0,75 м, небольшая часть которого уходит за пределы раскопа. В южной секции очага обнаружена только зола, а в северной — поверх золы расчищен 15-сантиметровый слой мелкой гальки. Конструкция, аккуратная отделка, размеры, заполнение и незначительная прокаленность стенок отличают его от обычных бытовых очагов.

На уровне слоя 6 (X ярус) разрез достиг в длину более 40 м. В этом слое все остатки строений удалось вскрыть в горизонтальной плоскости. Строения можно разделить по крайней мере на три обособленных комплекса (рис. 3). Первый комплекс расположен в секторах $А_I$—Д. К нему относится часть большого помещения в секторах А и Б, к которому примыкает квадратное помещение. Внутри большого помещения вскрыта округлая стенка, видимо являющаяся частью круглого помещения, которое находилось несколько выше. По-видимому, это круглое помещение было построено чуть позже основного, однако в течение одного периода. Западнее от этих построек, в секторе $А_I$, вскрыта стена, идущая в юго-юго-восточном направлении и прерывающаяся в траншее Комарова. Восточнее группы помещений также обнаружена стена, выходящая на траншею. Возможно, что перед нами две стены, ограждающие группу помещений в отдельный комплекс. Следующая группа строений расположена в секторах В—Д. Центральным здесь являлось жилое помещение с двумя очагами. Один очаг (0,4×0,4 м) примыкал к южной стене, другой (0,3×0,5 м) к западной. Стены и пол этого помещения аккуратно оштукатурены, пол окрашен в черный цвет. На стенах местами сохранились пятна красной краски. Заполнение представляло однородную массу без каких-либо находок. К центральному помещению примыкали три небольших помещения и одно крупное, видимо, подсобного характера.

Второй комплекс строений (секторы Е—И) состоял из трех расположенных рядом круглых помещений с толщиной стен 0,2—0,25 м, сохранившихся в высоту на 0,2 м. Среднее помещение несколько крупнее двух крайних — диаметр 1,8 м, два других — 1,5 м. Все три помещения были пустые, за исключением нескольких фрагментов керамики. В среднем помещении на полу прослежены прокаленные участки. В западном круглом помещении на полу прослежены остатки истлевшего камыша, возможно, упавшей части плоского перекрытия. Третий ком-

плекс остатков строений вскрыт в секторах И—М. Здесь расчищена часть дома, ограниченная полукруглой стеной, в северной части которой обнаружен проход. С запада к стене, выходящей к краю траншеи, пристроено прямоугольное помещение, заполненное мелким гравием. Внутри округлого дома обнаружены небольшие постройки. Видимо, основная часть застройки находилась в пределах траншеи Комарова и не сохранилась. В секторе М почти параллельно стене округлого дома обнаружена еще одна стена, видимо относящаяся к следующему комплексу, имеющему тенденцию застройки в восточном направлении к краю поселения. При сносе строений слоя 6 под стеной, расположенной на пересечении секторов Б и В, было обнаружено детское (7 лет) погребение, впущенное в культурный слой седьмого строительного горизонта. Костяк имел общую ориентацию СЮВ, головой на С, лицом на З. Скелет лежал на плетеной подстилке, на правом боку с подогнутыми руками и ногами. В затылочной части черепа — небольшое отверстие. У шейных позвонков и у бедер ребенка обнаружено несколько сотен бисеринок и около десятка бус из известняка, которые, вероятно, были нашиты на одежду (рис. 4, *11, 12*). Возможно, здесь была погребена девочка. При снятии скелета под верхней частью позвоночника был обнаружен рог крупного рогатого скота, стоящий вертикально остирем вверх.

Дальнейшие работы по углублению разреза были связаны с большими трудностями по выемке и переброске земли, поэтому раскапываемая площадь на уровне XI яруса была сокращена в длину до 11 м. В связи с этим ширина разреза была увеличена и достигла 5,5 м. Слой 7 (XI—XII ярусы) разреза выявлен в пределах секторов К—Н. На этом участке вскрыто два помещения — круглое, диаметром 2,2 м, и квадратное со сторонами в 3 м. Заполнение круглого помещения было зольным с примесью угольков. Не исключено, что это сгоревшее перекрытие, упавшее на пол. В квадратном помещении у западной стены обнаружена врытая в пол корчага. Пол был оштукатурен и окрашен в черный цвет

Слой 8 (ярусы XIII, XIV) оконтурен в секторах К—Н. В секторах К и Л обнаружено два помещения шириной 2 м, образованные общими стенами. Восточное квадратное помещение вскрыто целиком, западное — частично. Толщина северной стены 0,6 м, а остальных — 0,25 м. В секторах М и Н изучено еще одно полностью вошедшее в разрез помещение и по крайней мере два частично вошедшие в него.

При исследовании слоя 9 (XV ярус) раскапываемая часть была еще несколько сокращена и выведена на самую окраину поселения. В секторе М расчищена часть прямоугольного помещения с выступом у юго-восточной стены. На

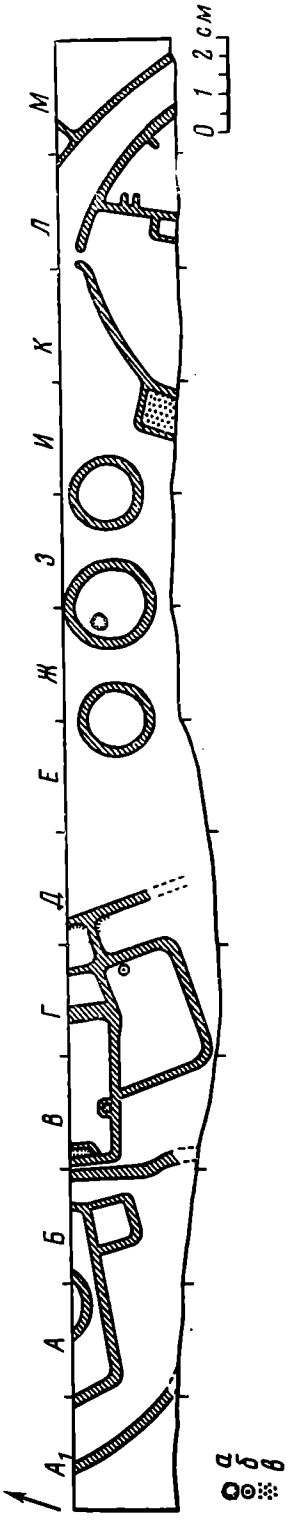


Рис. 3. Строительные остатки строений слоя 6 северного холма Апау: *а* — очаг, *б* — подпятник, *в* — мелкая галька

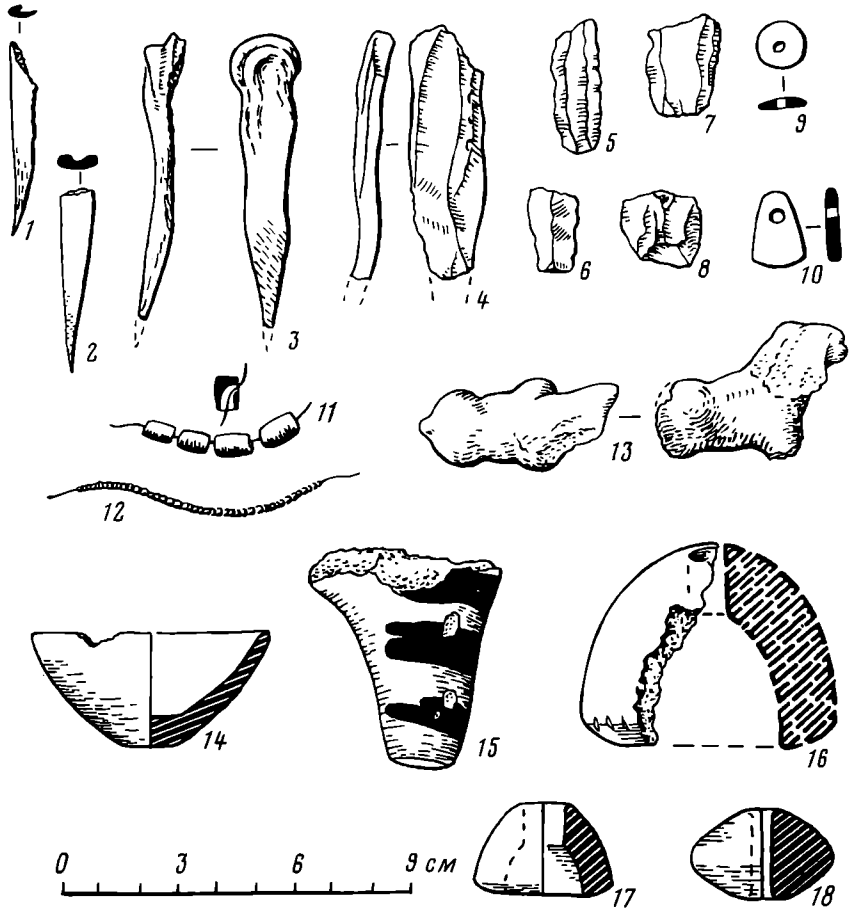


Рис. 4. Предметы из северного холма Анау: *1—3* — кость; *4—12* — камень; *13* — глина; *14—18* — терракота

юго-восточном краю раскопа вскрыта часть прямоугольного помещения, стены которого выклиниваются в восточном направлении к краю поселения. С западной стороны этого помещения вскрыто другое, меньшее, видимо представлявшее хозяйственный закуток.

Последний из вскрытых слоев, слой 10 (XVI ярус), раскопан в секторах М—О. В северо-западном углу оконтурено круглое помещение диаметром 1,8 м. Толщина стены 0,25 м при сохранности в 0,2 м. Кроме этого, в противоположной части раскапываемой площади вскрыты, по крайней мере, два прямоугольных, частично сохранившихся помещения, параметры которых трудноопределимы.

Самая массовая группа находок, керамика, была обработана статистически, при помощи коэффициента сходства комплексов, разработанного В. Робинсоном и с успехом применяемого многими исследователями [6; 7]. Наибольший коэффициент сходства между комплексами равен 200. Обычно близкие по времени комплексы имеют коэффициент сходства 120—150 и выше, комплексы с коэффициентом сходства выше 170 — практически одновременны. В керамике северного холма Анау по функционально-технологическим признакам удалось выделить 11 групп (табл. 1). Из табл. 1 видно, что нижние шесть комплексов имеют почти одинаковый набор групп керамики. В слое 4 прослеживается существенное изменение в наборе керамических групп: появляется краснолощеная и серая керамика, значительно уменьшается количество светлофонной толстостенной как расписной, так и нерасписной. Таким образом, на рубеже слоев 4 и 5 происходит смена керамических комплексов (табл. 2). Технологически толстостенные сосуды (1—5 см) имеют грубое, пористое тесто с большой примесью растительности, толченого камня и песка. Как правило, в изломе черепки имеют черную полосу, которая пока-

Таблица 1

Слои	Краснофонная тонкостенная нерасписная	Краснофонная тонкостенная расписная	Светлофонная тонкостенная нерасписная	Светлофонная тонкостенная расписная	Краснолощеная	Серая	Краснофонная толстостенная нерасписная	Краснофонная толстостенная расписная	Светлофонная толстостенная нерасписная	Светлофонная толстостенная расписная	Кухонная
1	44	13	—	4	26	6	6	—	1	—	—
2	25	22	1	—	24	5	14	3	4	1	1
3	21	23	3	2	18	10	5	6	5	1	5
4	24	22	4	3	15	5	3	2	7	10	4
5	4	40	—	4	—	—	2	—	20	24	6
6	14	20	—	4	—	—	11	2	33	18	4
7	—	19	—	1	—	—	15	2	27	3	3
8	8	19	1	7	—	—	12	1	25	6	6
9	6	10	2	6	—	—	10	2	42	—	—
10	2	21	—	—	—	—	—	12	12	1	1

Таблица 2

Слои	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	200	148	133	129	48	75	72	110	76	79
2	148	200	163	157	68	100	112	79	88	115
3	133	163	200	168	85	95	103	110	87	121
4	129	157	168	200	105	141	109	120	89	120
5	48	68	85	105	200	138	126	137	120	125
6	75	100	95	141	138	200	156	169	146	121
7	72	112	103	109	126	156	200	173	152	151
8	79	110	110	120	137	169	173	200	155	139
9	76	88	87	89	120	146	152	155	200	125
10	79	115	121	120	125	121	151	139	125	200

зывает на недостаточную степень обжига. Ангоб на толстостенных сосудах либо зеленовато-белый, либо розовый. Тонкостенные сосуды (0,2—1 см) изготовлены из хорошо отмученной глины, часто с примесью мелкорубленого самана и мелкозернистого песка. Цвет черепка в изломе однороден, что позволяет говорить о хорошем обжиге тонкостенных сосудов. Ангоб тонкостенной посуды двух цветов — от зеленовато-желтого до кремового и розового. Особняком стоят две группы тонкостенной керамики — краснолощеная и серая. Краснолощеная керамика представлена в основном круглодонными сосудами шаровидной формы, в меньших количествах — мисками и блюдами с плоским дном. Тесто этих сосудов имеет значительную примесь гипса. Поверхность их покрыта ангобом и залощена. На стенках сосудов имеются черные пятна закопченности, образовавшиеся при обжиге. Серые сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью мелкодробленного кварца, поверхность покрыта темным ангобом и в большинстве случаев залощена. Эта группа керамики сильно выделяется отличным качеством изготовления и разнообразием форм. Кухонные сосуды с закопченными стенками имеют грубое тесто с примесью шамота.

Вся посуда изготовлена ручным способом, без применения гончарного круга. Комплексы керамики из слоев 5—10 имеют близкое сходство в фактуре, формах и видах орнаментов сосудов. Во всех этих шести слоях двумя основными, подавляющими в количественном отношении группами керамики являются толстостенная светлофонная нерасписная и тонкостенная краснофонная расписная керамика. Другие группы представлены в значительно меньших количествах. По формам сосуды в этих слоях можно подразделить на четыре вида: чаши, горшки, миски и корчаги.

Орнаментация керамики рассмотрена по слоям снизу вверх, в порядке эволюционного развития. Самый нижний, слой 10, характеризуется керамикой с росписью в виде контурных треугольников, образованных наклонными полосами, идущими от горизонтальной полосы (рис. 5, *38*), горизонтальных рядов силуэтных треугольников, силуэтных треугольников,

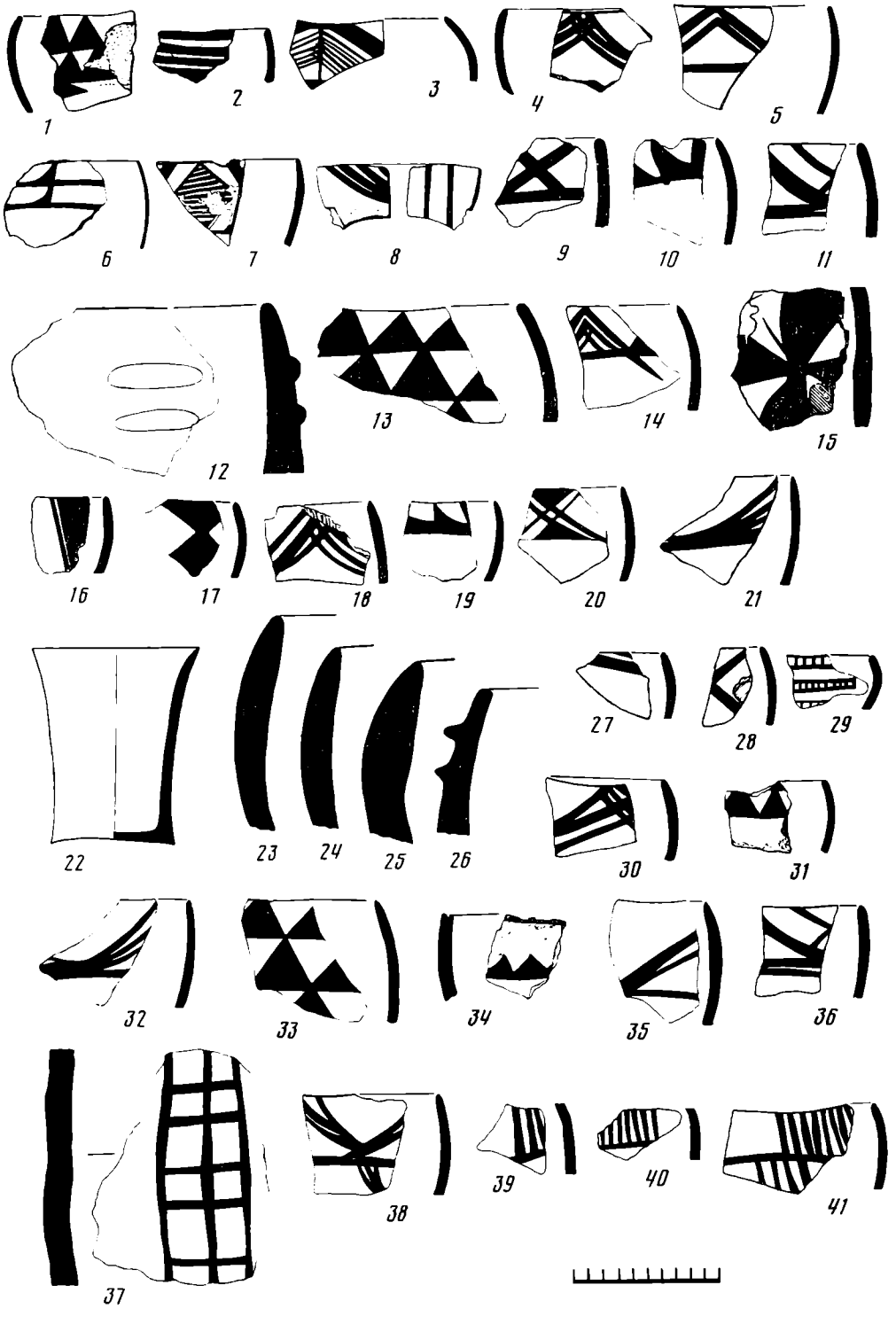


Рис. 5. Керамика северного холма Анау: слой 6 (*1—8*); слой 7 (*9—15*); слой 8 (*16—28*); слой 9 (*29—36*); слой 10 (*37—41*)

сомкнутых вершинами, наклонных широких лент с «ресничками», сетчатого орнамента (рис. 5, *37*) и, наконец, роспись внутри сосуда в виде полосы, спускающейся к его дну. Примечательно, что в этом слое встречено три фрагмента с росписью в виде параллельных, небрежно нанесенных вертикальных полос, ограниченных рамками горизонтальных линий, которые довольно близко напоминают роспись на джейтунской посуде (рис. 5, *39—41*) [8]. В комплексе следующего, слоя 9, встречены разнообразные мотивы росписи: контурные треугольники, образованные косыми лентами (рис. 5, *30*, *35*), горизонтальные ряды силуэтных тре-

угольников (рис. 5, *33*). В орнаментации керамики слоя 8 традиционно встречаются ряды горизонтально расположенных силуэтных треугольников, ленты, образованные рядами силуэтных прямоугольных треугольников (рис. 5, *19*), фриз из сомкнутых вершинами силуэтных треугольников (рис. 5, *17*), орнамент в виде лопасти (рис. 5, *16*), контурные треугольники, образованные лентами (рис. 5, *18*, *21*), фриз из параллельно расположенных вершинами друг к другу силуэтных треугольников (рис. 5, *20*). В комплексе слоя 7, как и в вышерассмотренных, подавляющим в количественном отношении видом росписи являются горизонтальные ряды силуэтных треугольников.

Из других видов орнаментации отметим контурные треугольники, образованные пересекающимися лентами (рис. 5, *11*), фриз из сомкнутых вершинами треугольников; силуэтный крест, образованный четырьмя треугольниками (рис. 5, *15*); чередование фоновых и силуэтных квадратов, образующих рисунок шахматной доски (рис. 6, *6*).

В слое 6 расписная керамика принципиально не отличается от рассмотренной выше. Основные орнаменты — горизонтальные ряды силуэтных треугольников (рис. 5, *1*), наклонные ленты, образующие контурные треугольники (рис. 5, *5*), четыре параллельные полосы вдоль венчика (рис. 5, *2*), «елочка» в виде толстых лент, между которыми параллельно вписаны тонкие полосы (рис. 5, *3*), пиловидные ленты. Встречена также роспись на внутренней поверхности сосуда в виде ветки растения.

И, наконец, комплекс слоя 5 стратиграфического разреза дал мотивы росписи, которые в общих чертах продолжают ту же традицию орнаментации керамики. Традиционна роспись: в виде горизонтальных рядов силуэтных треугольников (рис. 6, *14*), широких лент, включающих в себя силуэтные треугольники (рис. 6, *35*), силуэтных треугольников, соединенных вершинами (рис. 6, *32*), лент, включающих в себя волнистые линии (рис. 6, *38*), пересекающихся ромбов, заполненных сеткой (рис. 6, *30*), лопастного орнамента с зубчиками (рис. 6, *39*). Встречен 1 экз. с росписью внутри сосуда, схематично изображающей дерево (рис. 6, *40*).

Комплексы четырех верхних слоев отличаются набором керамических групп и видов росписи от комплексов нижележащих слоев. Однако в целом расписная керамика из слоев 3—4 и даже из слоя 2 продолжает традиции росписи сосудов из нижних слоев северного холма Анау. В комплексе слоя 4 встречена роспись следующих видов: горизонтальные ряды силуэтных треугольников (рис. 6, *22*), контурные треугольники, образованные наклонными лентами (рис. 6, *20*, *25*); толстая лента, параллельно которой идет более тонкая (рис. 6, *24*); наклонные ленты с «ресничками» (рис. 6, *21*) и, наконец, внутренняя роспись в виде крестовидной фигуры на дне сосуда.

В слое 3 по-прежнему велико количество фрагментов с росписью в виде горизонтальных рядов силуэтных треугольников (рис. 6, *10*, *14*), встречена роспись в виде чередующихся фоновых и силуэтных квадратов, образующих рисунок шахматной доски (рис. 6, *6*), параллельных полос вдоль венчика (рис. 6, *4*, *5*), косых лент, образующих контурные треугольники (рис. 6, *1*).

Представляют интерес впервые появляющиеся в слое 3 два фрагмента с полихромной росписью очень невыразительного характера. Расписная керамика слоя 2 опять-таки продолжает основные традиции росписи предыдущих комплексов. Здесь встречены ряды силуэтных треугольников (рис. 7, *23*), контурные треугольники, образованные наклонными лентами, пиловидные ленты (рис. 7, *17*, *22*, *25*). Найдено и три фрагмента с полихромной росписью, представляющей собой фриз из крупных зетовидных фигур (рис. 7, *11—13*). В этом же слое на трех фрагментах встречена монохромная роспись, резко отличающаяся от монохромной росписи нижних напластований поселения. Это фриз, включающий прямоугольник, заполненный косой штриховкой, и вертикальные полосы (рис. 7, *9*); фриз из треугольников, заполненных косой штриховкой , и дополнительный элемент — горизонтальный зигзаг (рис. 7, *10*), и фриз, где изображен прямоугольник, заполненный волнистыми линиями (рис. 7, *8*).

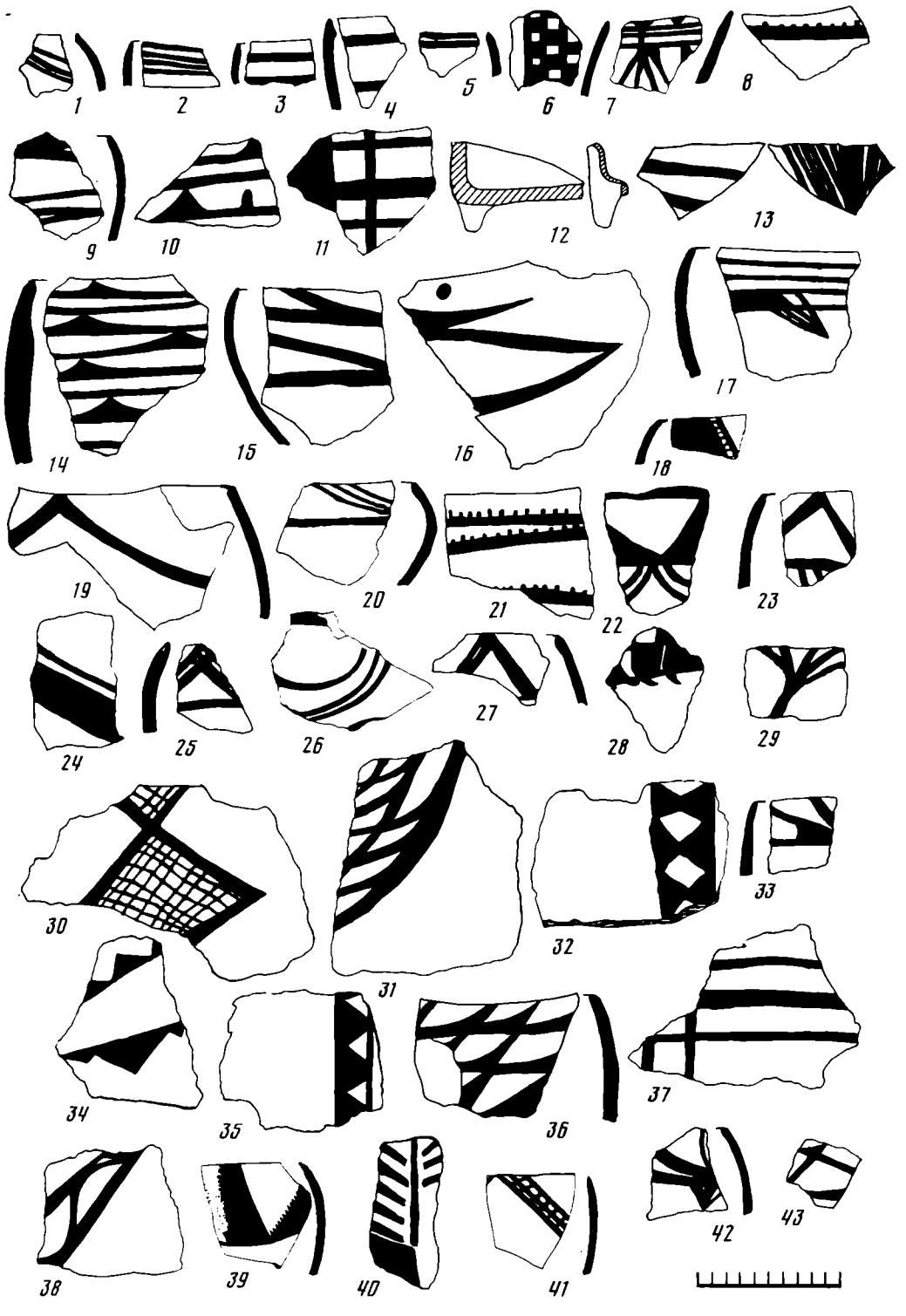


Рис. 6. Керамика северного холма Анау: слой 3 (*1—18*); слой 4 (*19—29*); слой 5 (*30—43*)

В комплексе кроющего слоя поселения расписная керамика единична. Здесь обнаружено 2 экз. с полихромной росписью дугами по краю сосуда (рис. 7, *1*) и фризом из треугольников, соединенных вершинами (рис. 7, *2*). Монохромная роспись представлена фризом из прямоугольников с вписанными в него силуэтными треугольниками (рис. 7, *7*), параллельными полосами вдоль венчика (рис. 7, *3*) и зубчатыми лентами (рис. 7, *5*). Встречен 1 экз. сосуда с процарапанным орнаментом (рис. 7, *4*).

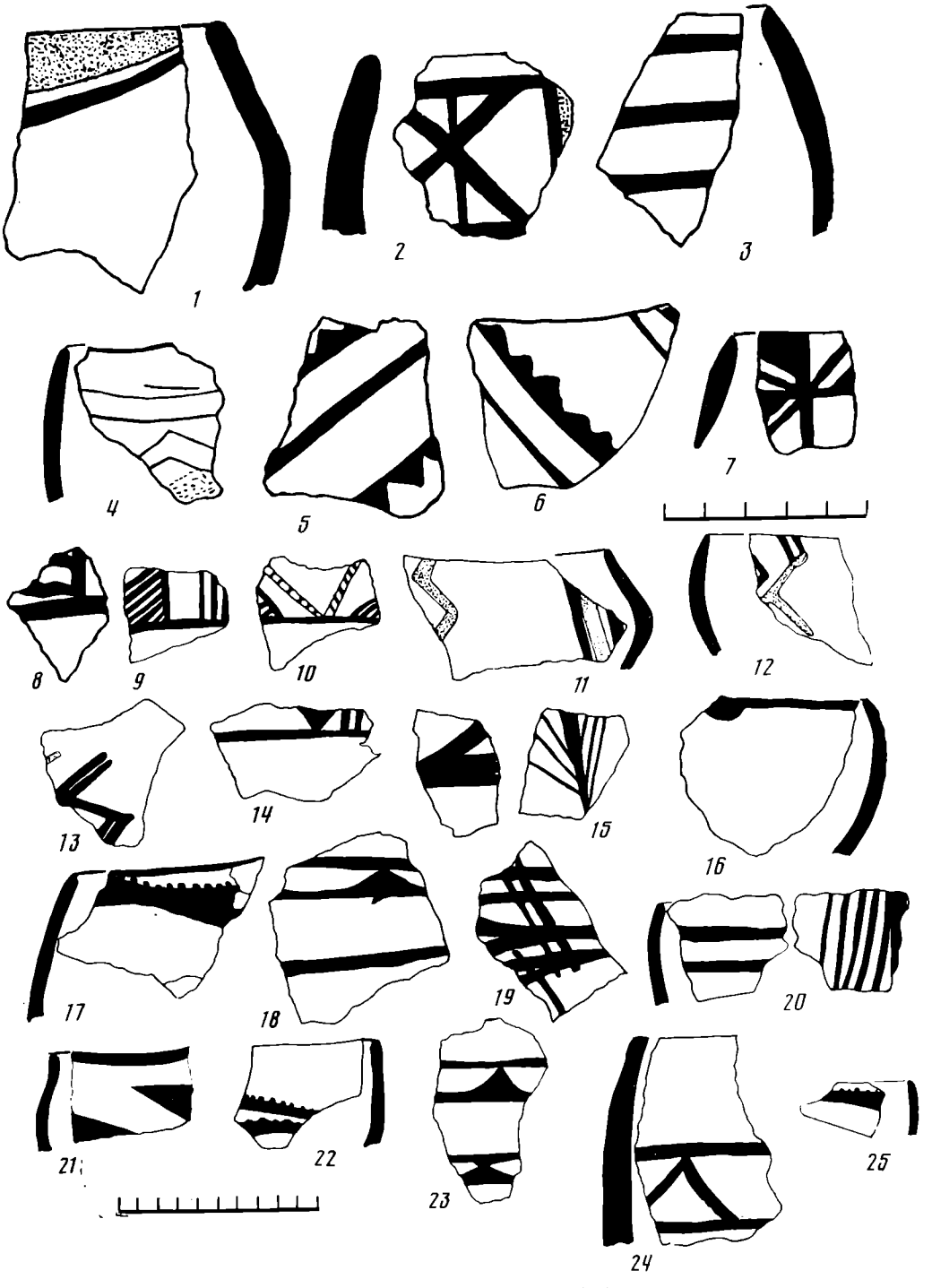


Рис. 7. Керамика северного холма Анау: слой 1 (*1—7*); слой 2 (*8—25*)

В целом комплексы из слоев 1—4 характеризует большое количество расписной керамики, типичной для нижних слоев памятника (слои 5—10). В слоях 1—4 в единичных экземплярах появляется полихромная керамика, в довольно значительном количестве представлены группы краснолощеной и серой керамики. Серые сосуды имеют новые, ранее не встречавшиеся формы.

Стратиграфическое изучение северного холма Анау дает возможность сопоставления керамических комплексов эпонимного памятника с комплексами из других синхронных поселений Южного Туркменистана. Керамический материал слоев 5—10 северного холма Анау находит аналогии в расписной керамике из всех трех строительных горизонтов Дашлыджи-депе [9]. На керамике обоих поселений встречены горизон-

тальные ряды силуэтных треугольников с различными добавлениями [9, табл. XVIII, *4—7*]; широкие наклонные ленты, образующие контурные треугольники [9, табл. XVIII, *11—15*]; фриз из силуэтных треугольников, сомкнутых вершинами [9, табл. XIX, *12, 18*]; лопастной орнамент [9, табл. XX, *2, 9*] и т. д. Расписная керамика северного холма Анау из слоев 5—10 находит также себе аналогии в расписной керамике из VIII—X строительных горизонтов поселения Геоксюр I; горизонтальные ряды силуэтных треугольников [9, табл. XVI, *1, 2, 4—7, 11, 12, 14*); наклонные ленты, образующие контурные треугольники [9, табл. XVI, *8, 9, 15, 18*]; фриз из сомкнутых вершинами силуэтных треугольников [9, табл. XVI, *10*].

Расписная керамика из слоев 5—10 северного холма Анау находит параллели и в материалах из верхнего слоя Яссы-депе в виде горизонтальных рядов силуэтных треугольников [9, табл. XII, *5, 7, 10—26*]; лент, образующих контурные треугольники [9, табл. XII, *27—30, 32—37*); лопастного орнамента [9, табл. XII, *3, 4, 8*].

В росписи керамики из XX—XXV ярусов шурфа № 5 и XXII—XXXVIII ярусов шурфа № 1 Намазга-депе также имеется ряд мотивов, схожих с росписями северного холма Анау: горизонтальные ряды силуэтных треугольников [9, табл. X, *1, 3, 6, 7*; табл. IX, *29, 36, 38*]; лопастной орнамент [9, табл. IX, *35, 37*]; силуэтные треугольники, сомкнутые вершинами и образующие фигуру креста [9, табл. IX, *27*], наклонные широкие ленты, образующие контурные треугольники [9, табл. IX, *23, 26, 48*; табл. X, *12, 17*]; роспись в виде параллельных полос у венчика [9, табл. X, *19;* табл. IX, *21*].

И, наконец, расписная керамика слоев 5—10 северного холма по мотивам росписи имеет большое количество аналогий с расписной керамикой из XVII—XXIV ярусов шурфа № 1 на Кара-депе. Аналогичны горизонтальные ряды силуэтных треугольников [9, табл. VII, *9, 11, 12*; табл. VI, *5, 10, 11, 16, 22*]; наклонные ленты, образующие контурные треугольники [9, табл. VI, *6, 14, 15*]; роспись в виде чередования силуэтных и фоновых квадратов, образующих рисунок шахматной доски [9, табл. VI, *7*]; широкая наклонная лента с вписанным в нее шахматным рисунком [9, табл. VII, *17*]. Керамика с полихромной росписью из северного холма Анау находит себе наиболее близкие аналогии в слоях Кара-4 [10, табл. XVI, *17, 4*] и в слоях Кара-5 и Кара-6[1]. Полихромная орнаментация находит также близкие аналогии и в XV—XIX ярусах шурфа № 5 и XVIII—XXII ярусах шурфа № 1 на Намазга-депе [10, табл. XVII, *5, 7, 15, 59*, 60, 68]. Монохромная керамика из верхних слоев северного холма Анау находит себе аналогии в слоях Кара-3 из раскопа № 1 на Кара-депе [10, табл. XIII, *6, 7, 22, 24, 32*], а также в слоях Кара-4 из раскопа № 1 на Кара-депе [10, табл. XVI, 5]. И, наконец, три экземпляра, один из которых с процарапанным орнаментом на сером сосуде, а два других с монохромной росписью, находят параллели в слоях Кара-1Б на самом Кара-депе [11, табл. VIII, *23*; табл. XXX, *9*; табл. XXVIII, *9, 10*].

Таким образом, слои 5—10 северного холма Анау синхронны: всем трем строительным горизонтам Дашлыджи-депе [12]; VIII—X строительным горизонтам поселения Геоксюр 1 [13]; верхним слоям Яссы-депе [4]; XX—XXV ярусам шурфа № 5 и XVIII—XXIV ярусам шурфа № 1 Намазга-депе [5] и, наконец, XVIII—XXIV ярусам шурфа № 1 [11] и слою 7 Кара-депе[2] (табл. 3). Переходя на язык относительной хронологии, слои 5—10 северного холма Анау можно уверенно отнести к слоям типа Намазга I, точнее к поздним этапам времени Намазга I, поскольку на сегодняшний день напластования этого времени вскрыты всего на 4 м.

---

[1] Параллели из слоев Кара-5 и Кара-6 взяты из любезно предоставленных нам неопубликованных материалов В. М. Массона.

[2] Материал из слоя Кара-7 взят из неопубликованных материалов В. М. Массона, за что автор приносит В. М. Массону глубокую благодарность.

Таблица 3

Вид росписи	Северный холм Анау	Кара-депе у Артыка	Данлыджи-депе
Горизонтальные ряды силуэтных треугольников	Слои 2–10	Массон, ТЮТАКЭ, т. X, с. 421, табл. I, *2*, *6*. Массон, слой Кара-5, слой Кара-6. Хлопин, САИ Б3-8, ч. I, табл. VI, *5*, *16*, *22*; табл. VII, *6*, *9*, *11*, *12*; табл. VIII, *27*; табл. XXIV, *19*, *28*	Хлопин, САИ Б3-8, ч. I, табл. XVIII, *4–7*; табл. XIX, *10*; табл. XX, *7*, *8*, *18*, *22*, *23*
Контурные треугольники, образованные наклонными линиями	Слои 2, 3, 4, 6, 7–10	Массон, ТЮТАКЭ, табл. I, *3*. Массон, слой Кара-6, слой Кара-7. Хлопин, табл. VI, *28*	Хлопин, табл. XVIII, *11–15*
Орнамент в виде шахматной доски	Слои 3, 5, 7	Массон, ТЮТАКЭ, табл. I, *7*. Хлопин, табл. VI, *17*	–
Фриз из силуэтных треугольников, сомкнутых вершинами	Слои 5, 8, 10	Массон, слой Кара-7. Хлопин, табл. VI, *30*	Хлопин, табл. XIX, *12*, *18*
Наклонные пиловидные ленты из силуэтных треугольников	Слои 5, 7	Массон, ТЮТАКЭ, табл. I, *9*. Хлопин, табл. VII, *7*, *10*	–
Орнамент в виде лопасти	Слои 2, 5, 8	Массон, ТЮТАКЭ, табл. I, *1*. Хлопин, табл. XXIV, *6*	Хлопин, табл. XX, *2*, *4*, *21*
Наклонные ленты со всевозможными заполнениями	Слои 4–8	Хлопин, табл. XXIV, *27*, *5*	–
Роспись во внутренней части сосудов в виде растений и т. п.	Слои 2, 3, 4, 5, 8, 10	Массон, ТЮТАКЭ, табл. I, *12*, *13*. Хлопин, табл. VIII, *28*; табл. XXIV	Хлопин, табл. XX, *24*, *25*

На рубеже слоев 5—4 стратиграфического разреза на северном холме Анау происходят существенные изменения в наборе групп керамики (табл. 1), которые означали смену керамических комплексов типа Намазга I комплексами типа Намазга II.

По керамическим материалам северного холма Анау комплекс времени Намазга II можно охарактеризовать следующим образом. Основным определяющим фактором керамики этого времени на Анау является присутствие краснолощеной и серой керамики. Полихромная керамика встречена в единичных экземплярах и определяющей на этом поселении быть не может. Монохромная керамика типа Намазга II встречена лишь в самом верхнем слое и также представлена единичными экземплярами. В этом же верхнем слое встречено три черепка, которые можно отнести ко времени раннего Намазга III. В целом же верхние слои 1—4 можно уверенно отнести к комплексам типа раннего Намазга II. Встреченные в самом верхнем слое несколько экземпляров керамики времени позднего Намазга II и раннего Намазга III, возможно, указывают на то, что жизнь на этом поселении в то время угасала, или же, переместившись на южный холм, в то же время в незначительной степени продолжалась на северном. Следует обратить внимание на долгое существование керамики типа Намазга I в комплексах типа Намазга II, что говорит в пользу культурной преемственности этих комплексов.

Из других находок предметов материальной культуры довольно многочисленной группой (несколько десятков) являются глиняные конусовидные пряслица со сквозным отверстием (рис. 4, *16—18*). При раскопках найдено около десяти экземпляров кремневых орудий, которые, по определению Г. Ф. Коробковой, в основном служили вкладышами для серпов (рис. 4, *4—6*). Костяные орудия представлены шпателями, лощилами и проколами (рис. 4, *1—3*). Встречена одна фигурка из необожженной глины, по-видимому изображающая барана (рис. 4, *13*). Металлических изделий не найдено.

Исходя из данных, полученных на северном холме Анау, в некоторой степени можно судить о типах застройки поселения, особенно применительно к слоям 4, 5 и 6. Несмотря на ограниченную площадь вскрытых строений, все же можно говорить о концентрации нескольких хозяйственно-жилых комплексов на поселении. Центром таких комплексов является прямоугольный в плане жилой дом, рядом с которым располагались двор, подсобные строения. Подобная застройка известна на поселениях Дашлыджи-депе [12] и Яссы-депе [4]. Но в планировке северного холма Анау вырисовывается отличительная черта: отдельные комплексы ограничены полукруглыми овальными в плане стенами, видимо несущими функции заборов, внутри которых располагались строения жилого и хозяйственного назначения (слой 4, секторы А—Б; слой 5, секторы К—Л; слой 6, секторы $А_1$—Б, В—Д, К—М).

Особое внимание привлекают круглые в плане строения (рис. 8), которые являются наиболее ранними среди древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана. Круглые строения диаметром от 1,5 до 2 м обнаружены в слоях 4, 6, 7 и 10. Судя по малым размерам помещений и отсутствию очагов, они явно хозяйственные.

Хронологически их можно отнести ко времени Намазга I (строения из слоев 6, 7 и 10) и Намазга II (слой 4). В Геоксюрском оазисе круглые в плане дома диаметром 6—7 м, расположенные в пределах застройки, были раскопаны в единичных случаях и интерпретировались как хозяйственные постройки общественного характера, в которых производился размол зерна [14, с. 79, 80]. Такого же плана дома диаметром от 3 до 6 м, но включенные в периметр оборонительной стены поселения, были обнаружены в том же Геоксюрском оазисе и рассматривались как жилые [14, с. 80—85].

В. М. Массон ранее отмечал влияние убейдской культуры на культуру Южной Туркмении. Одним из проявлений этих влияний было появление новшества и в области архитектуры — возникновение круглых в плане строений времени Намазга II, примерно в середине IV тыся-

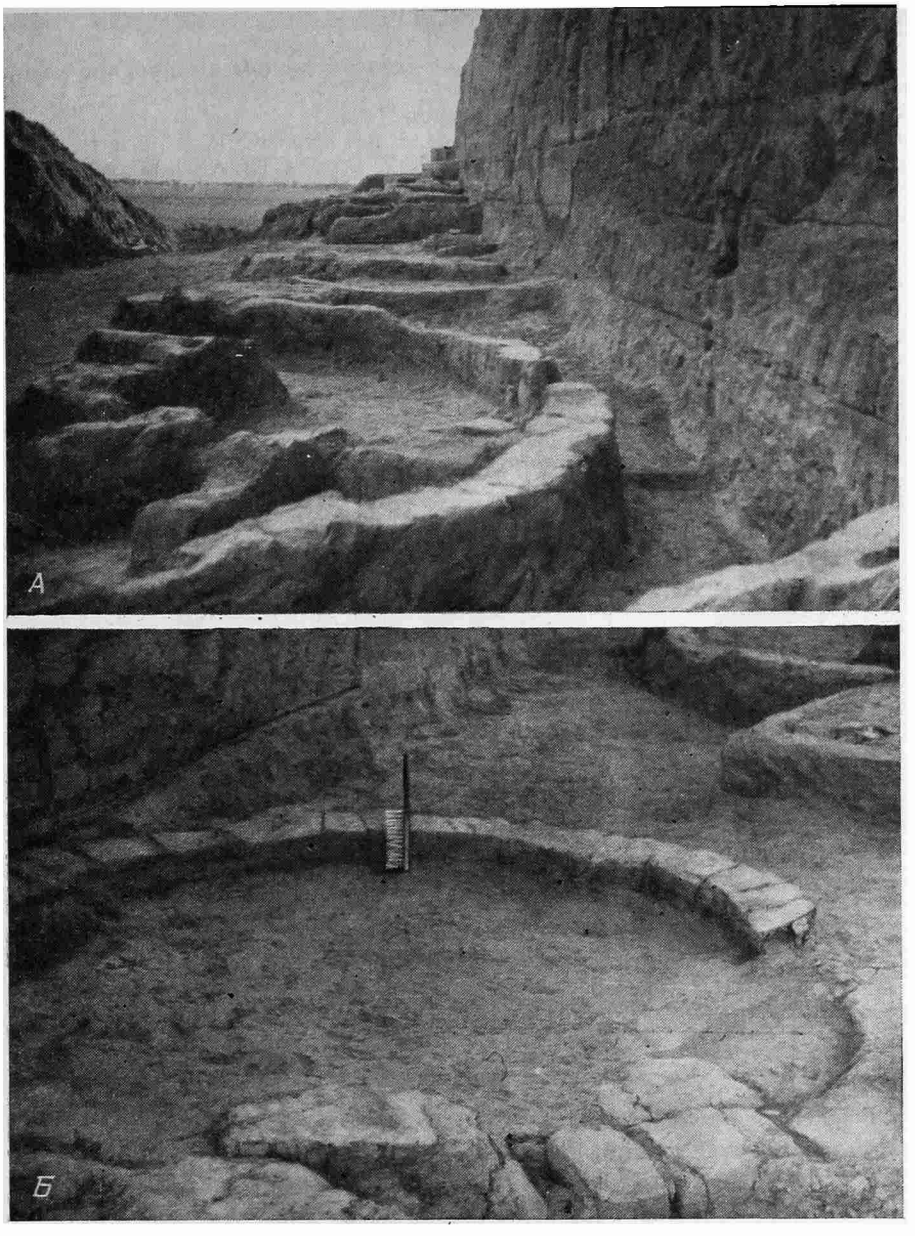


Рис. 8. *1* — вид с востока на слой 6 северного холма Анау; *2* — остатки круглого помещения (слой 6)

челетия до н. э. [15]. Открытия советских археологов на поселении Ярим-тепе II в Северной Месопотамии показывают, что для халафских поселений, относящихся к V тысячелетию до н. э., круглые в плане постройки являются характерной формой жилой архитектуры [16, с. 163, 164]. В Закавказье также устанавливается, что примерно в эту же эпоху основным типом жилищ становятся круглые постройки [17, с. 203—210; 18, с. 82—101]. Причем наряду с появлением на поселениях Закавказья круглых построек там появляются и импортные образцы характерной расписной халафской керамики, являющейся показателем прямого месопотамского культурного воздействия [19, с. 50, 51].

В связи с этим кажется возможным предположить, что месопотамские влияния коснулись в V тысячелетии до н. э. и северо-восточных областей, в частности северного холма Анау, что привело к появлению круглоплановых строений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаров А. В.* Закаспийская область в археологическом отношении.— Туркестанские ведомости, 1888, № 24—26.
2. Explorations in Turkestan. V. I. Washington, 1908.
3. *Ершов С. А.* Северный холм Анау.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, 1956, т. II.
4. *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— ТЮТАКЭ, 1956, т. VII.
5. *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— ТЮТАКЭ, 1956, т. VII.
6. *Robinson W. S.* A Method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits.— AmA, 1951, v. 16, № 4.
7. *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия Алтын-депе и количественный метод определения относительной хронологии.— КД, 1972, вып. IV.
8. *Массон В. М.* Поселение Джейтун. Л.: Наука, 1971.
9. *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении.— САИ. М., 1963, вып. Б3-8, ч. I.
10. *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении.— САИ. М.— Л., 1962, вып. Б3-8, ч. II.
11. *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка.— ТЮТАКЭ, 1961, т. X.
12. *Хлопин И. Н.* Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана.— ТЮТАКЭ, 1961, т. X.
13. *Сарианиди В. И.* К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау.— СА, 1960, № 3.
14. *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л.: Наука, 1964.
15. *Массон В. М.* Восточные параллели убейдской культуры.— КСИА, 1962, вып. 91.
16. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии.— СА, 1971, № 3.
17. Отчет Квемо Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси: Мецниереба, 1975.
18. *Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1973.
19. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л.: Наука, 1970.

K. K. Kurbansakhatov

UPPER LAYERS OF THE NORTHERN MOUND IN ANAU

Summary

The northern mound in Anau was first dug back in the 1890s; in 1904 R. Pumpelly obtained the first stratigraphic sequence for early landtilling south Turkmenian settlements. Then the Anau stratigraphy was made more precise by opening ten consecutive layers of the northern mound. Four upper layers (4.5 m thick) correspond to the Anau-II (Namazga-II) culture, six lower layers — to Anau-IB (Namazga-I) culture. The ceramic industry was treated statistically. Robinson coefficient of likeness was used and a shift of ceramic complexes at the turn of the fourth layer was established. Of special interest are the round constructions, the earliest in southern Turkmenistan, probably the result of Halaf influence.

ЧЛЕНОВА Н. Л.

ПРЕДЫСТОРИЯ «ТОРГОВОГО ПУТИ ГЕРОДОТА»

(из Северного Причерноморья на Южный Урал) *

В книге IV «Истории» Геродота дано описание пути, которым пользовались скифы и который шел от Ольвии на северо-восток вплоть до «подножия высоких гор» [1] [1, с. 192, 193]. «За Борисфеном [2] же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы... Эти земледельцы-скифы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа [3], а к северу — на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену... Восточнее этих скифов-земледельцев, на другой стороне реки Пантикапа, обитают скифы-кочевники... Во всей земле скифов, кроме Гилеи, не встретишь деревьев... Кочевники же эти занимают область к востоку на десять дней пути до реки Герра [4]. За рекой Герром идут так называемые царские владения... Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Их область к югу простирается до Таврики на восток — до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат также с Танаисом [5]. Севернее этих царских скифов живут меланхлены — другое, не скифское племя. Севернее меланхленов, насколько мне известно, простирается болотистая и безлюдная страна, за рекой Танаисом — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля их покрыта густым лесом разной породы. За будинами к северу сначала простирается пустыня на семь дней пути, а потом далее на восток живут фиссагеты — многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди, по имени иирки. Они также промышляют охотой... по всей их стране густы леса... Над иирками к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю. Вплоть до области этих скифов вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы. А оттуда земля уже твердая, как камень, и неровная. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножья высоких гор обитают люди. Как передают, все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, понтик. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием «асхи». Сок этот лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхи приготовляют в пищу лепешки. Скота у них немного, потому что пастбища там плохие. Каж-

---

* Статья представляет собой исправленный и дополненный текст доклада на VII Уральском археологическом совещании (Ижевск, 2 апреля 1980 г.).

[1] Большинство исследователей в этих горах видит Урал.

[2] р. Днепр.

[3] р. Ворскла по Б. А. Рыбакову [2].

[4] р. Молочная.

[5] р. Северский Донец по Б. А. Рыбакову.

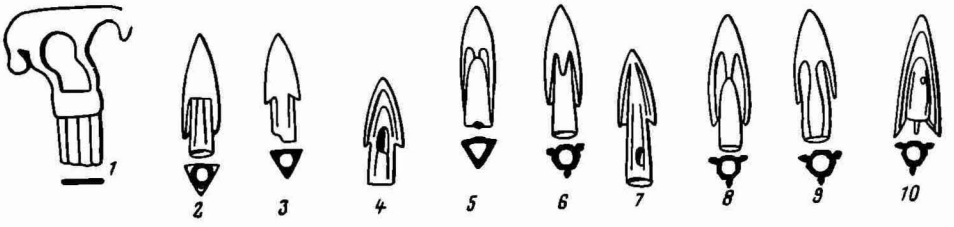


Рис. 1. Ольвийские зеркала из Среднего Поволжья. *1—10* — комплекс с обломком ольвийского зеркала (*1*) из кургана «Елга» у с. Преображенка б. Бузулукского уезда (ныне Свердловский р-н Оренбургской обл.). раскопки Ф. Д. Нефедова, 1888 г. [103]; *11*, *12* — комплекс из дер. Татарская Айша (находка Р. Валеева, 1977), фото Р. Г. Фахрутдинова; *13* — ольвийское зеркало из кургана 1 у с. Андреевка Богатовского р-на Куйбышевской обл. Раскопки Г. И. Матвеевой, 1975 (фото Г. И. Матвеевой)

дый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрышки...[6] Имя этого народа — аргиппеи. Страны до этих лысых людей и народы, живущие по сю сторону их, хорошо известны, так как к ним иногда приходят скифы. Ведь сведения о них можно легко получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских тор-

[6] Видимо, описана юрта (или, точнее, ее прототип — чум, так как настоящая юрта изобретена много позже). В жаркое время часть покрышек с юрты снимают. Первым это сооружение как юрту определил Э. Миннз [3, с. 104]; очень подробно вопрос о юртах у аргиппеев рассматривает Э. Филлипс [4, с. 126], но он слишком буквально понимает текст Геродота, полагая, что аргиппеи летом жили просто под растущими деревьями, а на зиму закрывали эти деревья покрышками из меха. Таких жилищ никогда не было, но в скифское время известны уже конические чумы (рисунок одного из них сохранился на костяном амулете, найденном в кургане А-17 могильника Казылган в Западной Туве, V в. до н. э.) [5, с. 85, рис. *4*, *3*].

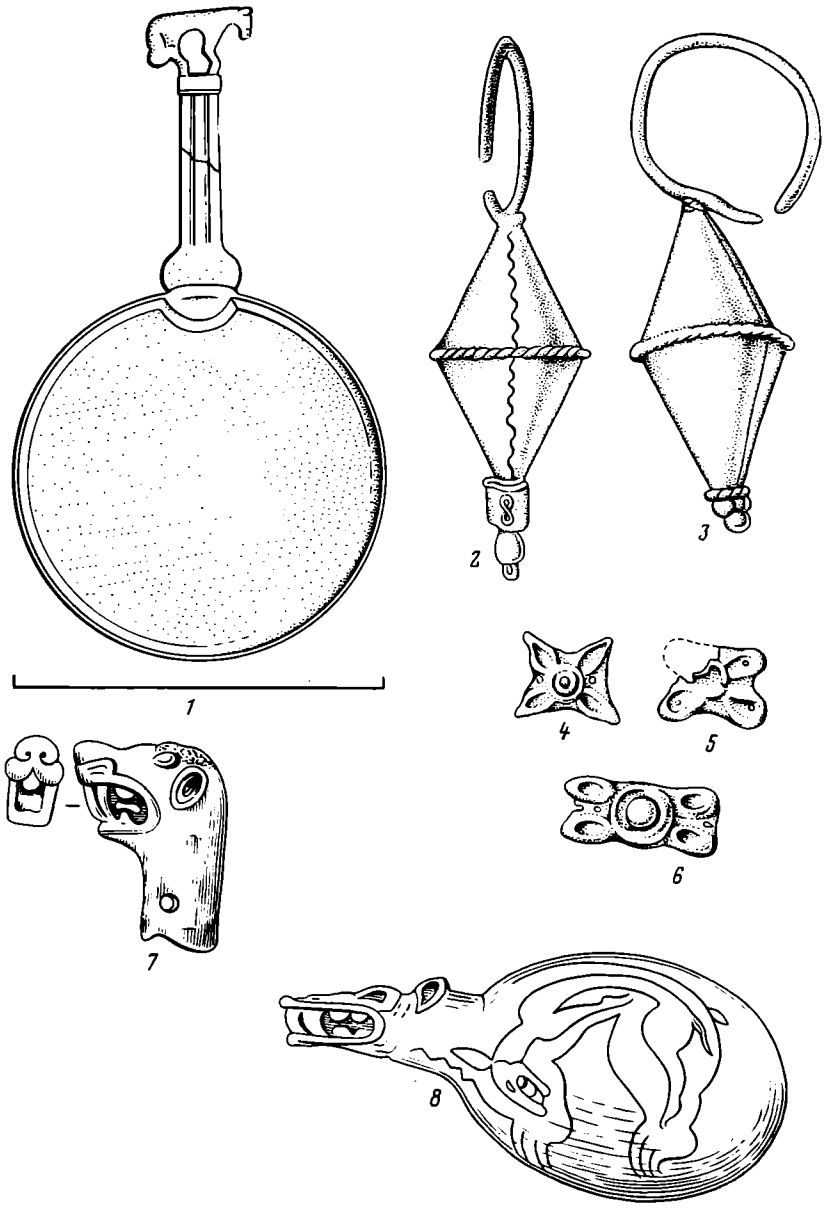


Рис. 2. Комплекс с ольвийским зеркалом из кургана Биш-Оба близ Орска (раскопки П. С. Назарова, 1890) [103]. *1* — бронза, *2—6* — золото, *7*, *8* — кость

говых городов. Скифы же когда приходят к аргиппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках. Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, недоступные горы, и никто их еще не переходил... Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны. Но о землях к северу от исседонов и лысых мы ничего не знаем, кроме того, что они сами рассказывают... Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: «арима» у скифов значит единица, а «спу» — глаз».

В 1947 г. Б. Н. Граков в статье о торговых взаимоотношениях Ольвии с Поволжьем и Приуральем [6], а также в последующих работах [7, с. 47, 48, рис. 13; 8, с. 55, 58] проследил этот путь по археологическим материалам, а именно по находкам ольвийских зеркал VI и V вв. до н. э. из районов Бузулука и Орска (рис.1, *1—10*; рис. 2 и 3) и крестообразной бляхи в Зуевском могильнике ананьинской культуры. Б. Н. Граков сделал отсюда вывод о реальности этого торгового пути, который

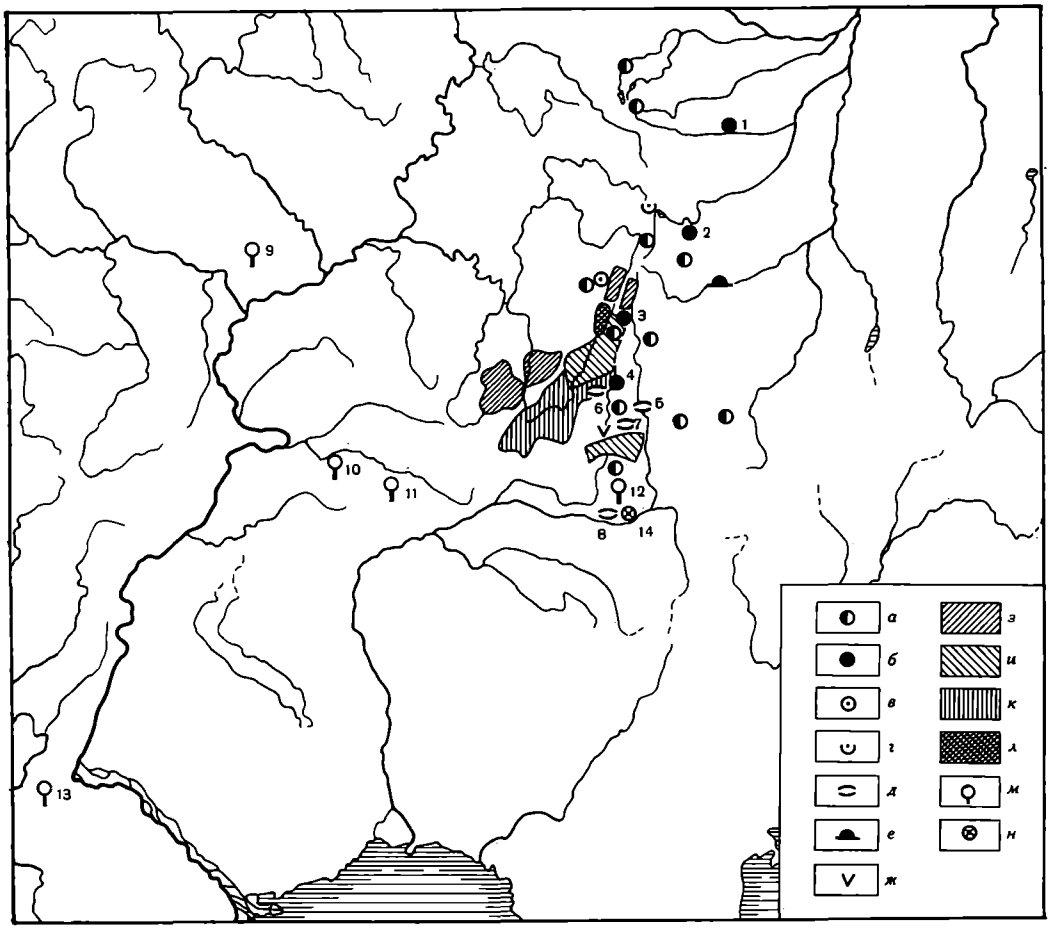


Рис. 3. Ольвийские зеркала на «торговом пути Геродота» и предполагаемая область аримаспов. *а* — месторождения золота; *б* — места находок золота в андроновских памятниках: *1* — Замараево; *2* — Черняки I; *3* — Спасское III; *4* — Кусеевский рудник; *в* — гора Иремель; *г* — гора Таганай; *д* — курганы «с усами»: *5* — I Давлетовские, *6* — II Ахметовские; *7* — Баишево; *8* — Губерля; *е* — Бобровские курганы (с инвентарем казахстанского типа); *ж* — с. Юлуково (ярмарка ловчих птиц); *з* — *л* — районы расселения современных башкирских родоплеменных групп: *з* — юрматинцы, *и* — тамьяно-табынцы; *к* — кипчаки; *л* — кубеляк-телевцы; *м* — места находок ольвийских зеркал: *9* — Татарская Айша; *10* — Андреевка; *11* — Преображенка («Елга»); *12* — Биш-Оба; *13* — Аксеновский могильник; *н* — *14* — локализация одноглазого великана из казахской сказки

шел из Ольвии, пересекал Дон, по Волге шел на север, проходил к южным отрогам Урала и там заканчивался. Он предполагал, основываясь на сходстве орудий и украшений срубной и андроновской культур и на находках срубных сосудов в Западном Казахстане, что этот путь существовал еще в доскифскую эпоху и что греки, как только начали проникать в Северное Причерноморье, узнали про этот путь, (Аристей из Проконнеса добрался до страны исседонов).

К настоящему времени на этом намеченном Б. Н. Граковым пути найдены еще два ольвийских зеркала. Одно из них найдено в кургане 1 у с. Андреевка Богатовского р-на Куйбышевской обл., на р. Самаре (см. рис. 3 и 1, *13*) в комплексе с железным ножом, каменным жертвенником и золотой бляшкой с изображением козла в «зверином стиле» [9, с. 162] [7]. Это зеркало по форме относится к группе I (по В. М. Скудновой), с трехреберной ручкой и фигуркой так называемой пантеры на конце, размеры же его (длина 34 см, диаметр 20 см) несколько превышают обычные размеры ольвийских зеркал.

[7] Благодарю Г. И. Матвееву за сведения о зеркале и сопровождающем его инвентаре.

Второе зеркало найдено было в 1977 г. Р. Валеевым у дер. Татарская Айша Высокогорского р-на Татарской АССР, под Старой Казанью, на правом берегу старицы р. Казанки, на подошве горы, где расположено Камаевское городище. Вместе с ним было найдено и другое бронзовое зеркало, овальной формы, ручка его не сохранилась, диск без бортика по краю, размеры 14,5×12,5 см; в нижней части, там, где прикрепляется ручка, имеется полукруглая выемка [10, с. 176][8] (рис. 1, *11*, *12*). Первое зеркало — ольвийского типа, по форме относится к группе III (по В. М. Скудновой): ручка с тремя ребрами, на конце головка барана; размеры же его (длина 32,5 см, диаметр диска 18,5 см) значительно превышают размеры зеркал этой группы. Второе зеркало — с накладной ручкой (железной, костяной или деревянной), в данном случае не сохранившейся. Такие зеркала бытовали с VI в. до н. э. у скифов [11, с. 152] и савроматов [12, с. 156, 157]. По данным Р. Г. Фахрутдинова, на месте находки этих двух зеркал не было ни разрушенного погребения, ни культурного слоя поселения, но поблизости расположено ананьинское городище. Вполне возможно, впрочем, что эти два зеркала и не связаны ни с каким местным памятником, а представляют собой клад, зарытый кем-то на этом «торговом пути» — может быть, даже человеком, который вез их для обмена.

В 1962 г. В. М. Скуднова, рассмотрев все находки ольвийских зеркал на территории СССР, пришла к выводу, что эти зеркала — изделия скифских мастеров, что нет веских оснований утверждать, что все они изготовлены в Ольвии (она предполагает, что значительная часть их изготовлена в Карпатском бассейне) и что торговые связи Причерноморья с Заволжьем возникли не у Ольвии, а у скифов [13, с. 7—25]. Н. А. Онайко считает, что зеркала «ольвийского типа» относятся к изделиям того типа, где греческие и скифские элементы тесно переплетены, слиты воедино, и что отнюдь не все зеркала «ольвийского типа» изготовлены в Ольвии [14, с. 10, 21, 22, 34; 15, с. 70, 71]. Что касается находок зеркал ольвийского типа в Карпатском бассейне, то действительно они там очень многочисленны (известно 22 шт.) [16, с. 523—544; 17, с. 35, 36] (в Северном Причерноморье, по сводке В. М. Скудновой,— 18) [13, с. 24, таблица]. Однако автор сводок этих зеркал в Карпатском бассейне М. Пардуч считал, что их прототипы несомненно происходят из Ольвии или других черноморских мастерских [17, с. 36, 71]. Но скифские они или греческие по происхождению, изготовляли их греческие или скифские мастера — нет сомнения в том, что в Среднее Поволжье и на Урал они попадали из Северного Причерноморья. Сам Б. Н. Граков вовсе не утверждал, что «торговым путем» на Урал пользовались только жители Ольвии (против чего собственно и возражала В. М. Скуднова), а считал, что греки узнали про этот путь от скифов, а те — от населения, предшествовавшего им в Северном Причерноморье [6]. Единственное сомнение в том, что путь этот вел на Урал из Ольвии или вообще из Северного Причерноморья, заключается в том, что зеркал «ольвийского типа» довольно много и на Северном Кавказе. В. М. Скуднова в своей сводке называет два таких зеркала из Пятигорска, одно из Хабаза в Кабардино-Балкарии, одно из окрестностей Нальчика и два из Таманп — всего 6 [13, с. 9, 10, 12—14, 24 (таблица)]. По сводке В. Б. Виноградова, с Северного Кавказа (без учета таманских зеркал) происходит семь зеркал ольвийского типа [18, с. 136, 137]. Добавив сюда два зеркала из Тамани, одно из-под Анапы и два из-под Новороссийска[9], получаем 12 зеркал ольвийского типа, найденных на Северном Кавказе. Возникает вопрос: может быть, они попали на Среднюю Волгу и Урал с Северного Кавказа, а вовсе не из Причерноморья? Может быть, путь проходил с Северного Кавказа по Волге, ведь одно зеркало найдено в Улан-Эрге близ Астрахани [20, с. 73, 64, рис. 12, *б*], а другое в Аксеновском могиль-

[8] См. заметку Р. Г. Фахрутдинова «Скифские зеркала бассейна Казанки» в этом номере журнала.

[9] Последнее зеркало из-под Новороссийска найдено в 1972 г. в разрушенном могильнике в Цемдолине [19, с. 143, 144].

нике на р. Есауловский Аксай, левом притоке Дона, в пределах Волгоградской обл.? [21, л. 24, рис. 157] [10]. Думается, что на этот вопрос уже сейчас можно ответить отрицательно. Все зеркала ольвийского типа найдены в западной части Северного Кавказа, не восточнее Нальчика, в основном в Кабардино-Пятигорье, в памятниках каменномостско-березовского типа или архаической скифской эпохи, VI в. до н. э. Известно, что каменномостско-березовская культура имела достаточно интенсивные связи со Средним Поволжьем и Волго-Камьем, где найдены кобанские топоры, клепаный сосуд жемталинского типа, обломки кавказских бронзовых поясов, переделанные в женские украшения, кинжалы каменномостского или киммерийского типа [22, с. 160, табл. XXIX, *1*, *5*, *7*; табл. XXX, *13*; 23, рис. 12, *3*; 13, *1*; 15, *2*; 16-А, *9*; 16, *5* г; 34, *4*; 38, *1*, *3*, *5*; 59, *7*; 69; 84] и другие специфические каменномостские и кобанские вещи. В Нижнем Поволжье эти северокавказские вещи отсутствуют; путь, по которому они попали в Среднее Поволжье, проходил по Дону, Хопру и Суре [11]. Восточнее устья р. Белой вещей каменномостского и кобанского типов нет, их нет ни в Южном Приуралье, ни тем более в Зауралье. Следовательно, каменномостцы не знали восточной части «торгового пути Геродота», и зеркала ольвийского типа попали на Южный Урал не от них. Кроме того, в пользу предположения, что «торговый путь Геродота» шел на Урал из Причерноморья, свидетельствует и то, что он существовал еще в срубную эпоху. Это предполагал еще Б. Н. Граков; в настоящее время это его предположение может быть подтверждено и уточнено на большом материале. На составленной автором данной статьи карте срубных памятников (рис. 4) [12] видно, что они распространены в большом количестве по Средней Волге, от Приказанского Поволжья до Волгограда. От Среднего Поволжья они тянутся на юго-запад несколькими полосами: по рекам Суре и Хопру, по р. Медведице; оба эти пути выводят на Средний Дон (между устьями Медведицы и Битюга), а далее — на левые притоки Северского Донца — Деркул, Айдар, Оскол и, пересекая Северский Донец,— в Среднее Поднепровье (от устья Ворсклы до Запорожья), в основном Левобережное. Все перечисленные районы изобилуют раннесрубными памятниками, и представленная карта иллюстрирует распространение раннесрубной культуры из Поволжья на Левобережную Украину. В степной части Украины, как Левобережной, так и Правобережной, раннесрубных памятников мало; здесь распространены лишь позднесрубные памятники или валиковая керамика, а в более раннее время — многоваликовая керамика, ее прямой предок, как считают В. Д. Рыбалова, Д. Я. Телегин, И. Н. Шарафутдинова и С. Н. Братченко [24, с. 81; 25, с. 61; 26; 27; 28, с. 343].

Третий путь из района Волгограда ведет на Нижний Дон; однако в низовьях Дона, ниже устья р. Сал, раннесрубных памятников также почти нет, здесь распространена также позднесрубная или валиковая керамика.

Путей со Средней Волги на Южный Урал в срубную эпоху также было несколько. Один из них шел из Приказанского Поволжья по Нижней Каме и Белой, другие — из Ульяновского и Куйбышевского Поволжья по рекам Б. Черемшану, Кондурче, Соку и Кинели на реки Ик, Дему и Белую. Самый южный из них шел по рекам Самаре и Уралу в Зауралье.

Поскольку антропологами (Г. Ф. Дебецом, Т. С. Кондукторовой, С. И. Круц) установлено, что носители срубной и, видимо, многоваликовой культур — прямые физические предки скифов [29, с. 164, 181, 182; 30, с. 9; 31, с. 21, 22, 72—74; 32, с. 223—225], то вполне логично предположить, что они и передали скифам знания о путях со Средней

[10] Курган № 10, погр. 1. VI в. до н. э. Благодарю В. П. Шилова, сообщившего мне об этой находке.

[11] *Халиков А. Х., Членова Н. Л.* Киммерийские памятники на Средней Волге. Доклад на Археологической сессии 1969 г. в Ленинграде.

[12] Ввиду крайней многочисленности срубных памятников на карту нанесены далеко не все, а примерно десятая их часть, при этом нанесены все памятники, находящиеся на границах срубной культуры.

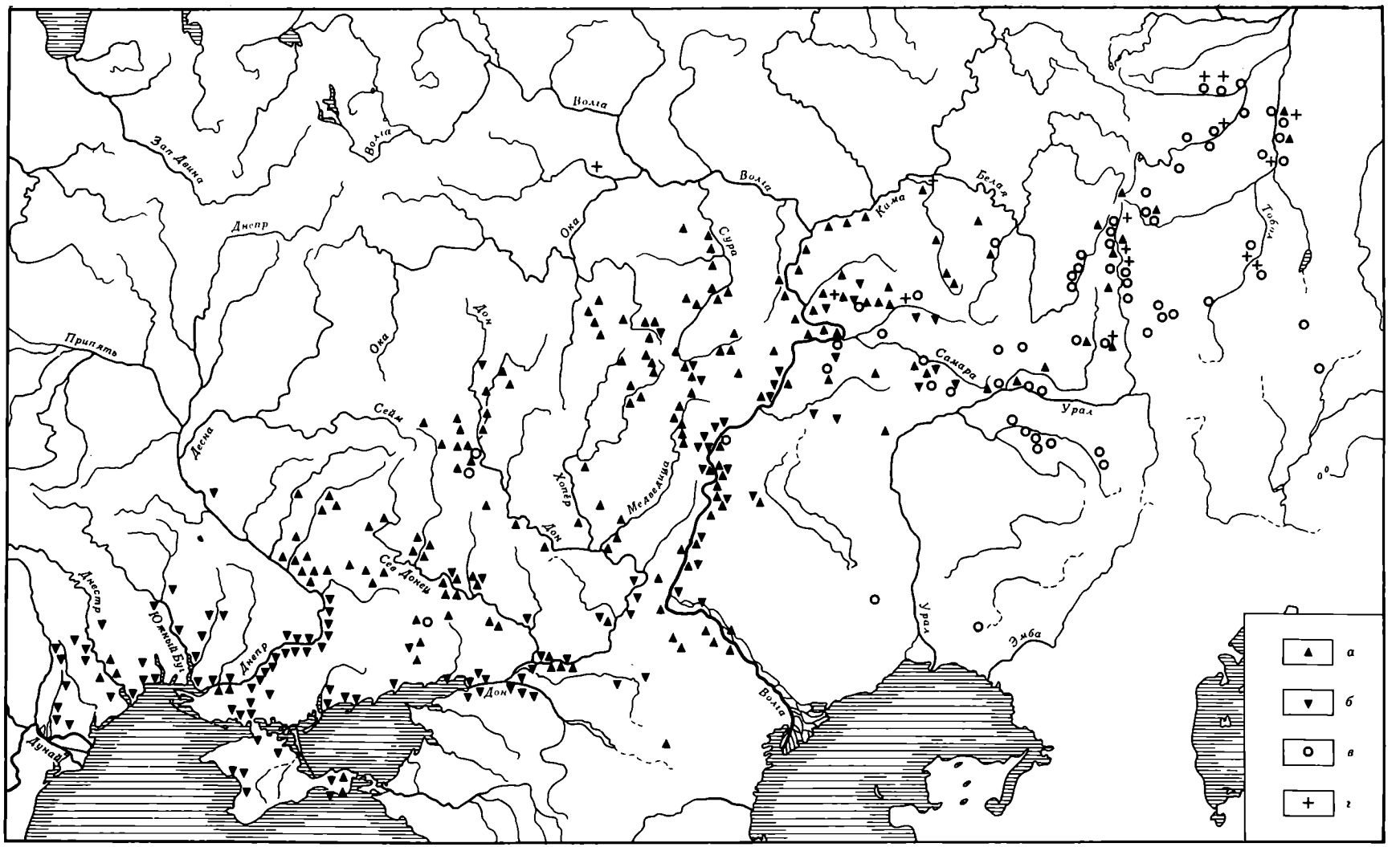


Рис. 4. Распространение срубных и андроновских памятников в Северном Причерноморье и в Зауралье, *а* — раннесрубные памятники; *б* — позднесрубные; *в* — андроновско-алакульские; *г* — андроновско-федоровские памятники

Волги в Северо-Западное Причерноморье (и обратно) и о путях со Средней Волги на Южный Урал, сыгравших столь важную роль в истории носителей срубной культуры. Ведь тот путь, который во времена Геродота, т. е. в V в. до н. э., стал торговым[13] и связывал народы, говорившие на разных языках (так что скифам приходилось объясняться с аргиппеями с помощью семи переводчиков на семи языках), для предков скифов — носителей срубной культуры — был путем их собственного расселения, их «исторической дорогой», на всем протяжении которой говорили на одном и том же языке (или очень близких языках), торной дорогой, которой пользовались многократно и в том и в другом направлении в течение нескольких веков, которую должны были отлично знать несколько поколений срубников, как все народы знают и помнят свою прародину, даже отдаленную, даже, если от нее оторваны навсегда. Совершенно естественно было передать сведения об этом пути своим потомкам. Как всякая торная дорога, этот путь имел несколько ответвлений.

В VII в. до н. э. одним из этих ответвлений воспользовался Аристей из Проконнеса (несомненно, разузнав о нем от местных жителей) для своего путешествия к исседонам[14]. Поскольку от его поэмы «Аримаспея» сохранился лишь незначительный отрывок, подробности его пути остались неизвестны, известен лишь конечный пункт его путешествия — страна исседонов. Относительно того, где она располагалась, существуют самые разные мнения. Одно из них было основано на ошибочном указании Птолемея о нахождении в нынешнем Восточном Туркестане двух городов — Исседона «серского» и Исседона «скифского». Поэтому исседонов искали в Тибете (В. Томашек) [37], а аримаспов и «стерегущих золото грифов» — на Алтае (исходя из того, что Алтай богат металлами) (А. Гумбольдт, впоследствии С. И. Руденко [38; 39 с. 18, 19, карта]) или даже на Енисее (Л. Бек). Ж. Бертело и А. Н. Бернштам отождествляли исседонов с усунями и помещали в Тянь-Шане и Восточном Туркестане [40, с. 358, 359; 41][15]. Между тем еще в 1916 г. А. Германн разъяснил ошибку Птолемея [42, с. 2240—2242] (точнее, Маринуса из Тиры, которому следовал Птолемей), исходившего из иранского путеводителя по Восточному Туркестану, переводного с китайского (из анналов династии Хань), где упоминаются «Большие юэчжи» — иранский переводчик ошибочно перевел «Большие юэчжи» как «массагеты». К тому же локализация исседонов в Тянь-Шане и Восточном Туркестане противоречит указанию Геродота, что исседоны живут «за рекой Араксом» напротив массагетов [1, 205 (с. 75)] (Аракс в данном случае — Амударья).

---

[13] Б. Н. Граков отметил, что путем этим скифы пользовались для торговли, а не для сбора дани, так как задонские племена были независимы от царских скифов [6, с. 25].

[14] У Стефана Византийского сказано, что исседонов упоминал еще греческий поэт Алкман, живший в VII в. (около 690 г. до н. э.) [33. с. 94]. Источники Алкмана неизвестны. И. В. Пьянков [35, с. 177; 36, с. 185—187] почему-то думает, что путь Аристея не повторял позднейшего торгового пути, описанного Геродотом, и вообще не имел с ним ничего общего. Он считает, что Аристей пересек Кавказ, вышел к Кубани и в степях Северного Кавказа попал к скифам. «От скифов Аристей пришел к исседонам. Этот переход он совершил, скорее всего переправившись через Волгу в месте ее наибольшего сближения с Доном» [36, с. 186]. Как дальше проходил его путь, И. В. Пьянков не сообщает, но судя по тому, что аргиппеев он помещает на Южном Урале, а исседонов — то ли «в степях и лесостепях Зауралья» [34, с. 21], то ли в Казахстане [35, с. 176, 177], на Тоболе или Ишиме [36, с. 186], он предполагает, видимо, что Аристей двигался на восток по степной полосе, южнее «торгового пути Геродота». Однако, как видно по нашей карте (рис. 4), даже аборигены этих мест, носители срубной и андроновской культур, избегали селиться и передвигаться в сухих степях и полупустынях Нижнего Поволжья, Прикаспия и в области между Южным Уралом и Северным Приаральем, вдали от рек. Кочевники-скифы, судя по Геродоту, этим путем на Южный Урал и в Зауралье не ходили, а для грека Аристея пуститься в одиночку в такой путь было бы чистым безумием. Если даже Аристей, направляясь к исседонам, пересек Кавказ и вышел к Кубани, то значительно проще для него было добраться далее до Нижнего Дона, а затем идти по одному из ответвлений описанного выше пути, проторенного поколениями срубников и известного скифам.

[15] На карте в книге С. И. Руденко [39, с. 19] массагеты помещены между Каспием и Амударьей, а исседоны — южнее оз. Иссык-Куль.

Все это позволило считать столь восточную локализацию исседонов неприемлемой, не говоря о том, что совершенно невероятно, чтобы греки в VII в. до н. э. знали Алтай, Енисей, Восточный Туркестан и Тибет [33, с. 95] [16]. Последняя по времени попытка поместить исседонов далеко на востоке принадлежит Дж. Болтону [43]. Он помещает аргиппеев на западных склонах Алтая, а исседонов — не к востоку, а к югу и к юго-западу от них, ближе к истокам Ишима и далее к Сырдарье (чтобы они были «напротив» массагетов) [43, с. 115].

Между тем еще в 1837 г. К. Мюллер предположил, что исседоны жили в районе Урала. В 50—60-х годах Э. Филлипс и К. Киндерман, исходя из анализа трудов Аристея и Геродота, помещают исседонов в Зауралье (но предполагают, что область их могла простираться и до Алтая [44; 45, с. 162; 4, с. 128; 46, с. 335, 337, 340]. Столь же давно исследователи стали отождествлять упоминаемый Геродотом напиток аргиппеев «асхи», получаемый из плодов дерева «понтик», с напитком башкир и татар, изготовленным из вишни и называемым ими «ачы», «эче» (по-татарски), [47, т. 1, с. 204; т. 2, с. 757] или «асы», «эсе» (по-башкирски) [48, с. 148, 298], что в переводе значит «кислый», «горький» [49; 50; 51]. Степная вишня (вишенник) растет на Южном Урале и в Зауралье в районе Шадринска, Челябинска, Кургана и вплоть до Петропавловска [52, с. 213; 53, с. 491; 54; 55, с. 126] [17]. Местожительство аргиппеев у подножья высоких гор, их дома — «деревья, покрытые войлоком», т. е. чумы или юрты, употребляемый ими напиток из степной вишни, растущей на Южном Урале и в Зауралье, название которого сохранилось в башкирском языке,— все это позволяет локализовать их в степной части современной Башкирии и на Южном Урале. В таком случае исседоны, живущие к востоку от них, должны располагаться по среднему и верхнему течению р. Урал и в Зауралье. Помещение исседонов в среднем и верхнем течении р. Урал и в Зауралье никак не противоречит данным Геродота, что исседоны живут «на востоке по направлению солнца за рекой Араксом напротив массагетов» (Геродот, IV, 201). По эллино-скифской традиции р. Аракс — это Амударья, которая впадает в Каспийское море [см. 59, с. 508, прим. 148]. В соответствии с этим Д. А. Мачинский помещает массагетов на восточном берегу Каспийского моря, «напротив» исседонов [60, с. 32, карты 1 и 2], а исседонов — по среднему течению р. Урал [18]. К. Ф. Смирнов поместил их в верхнем течении Урала, отождествляя с восточно-уральской группой савроматской археологической культуры [60, с. 31, 36; 61, с. 131, 134] [19]. В этом случае одноглазые аримаспы и стерегущие золото грифы, которые, по Геродоту, живут

---

[16] Тем не менее на с. 99 Р. Хенниг пишет: «Кочующие исседоны населяли бассейн Оби и Иртыша и доходили до долины реки Исеть». Также и И. В. Пьянков, помещая исседонов (конечный пункт путешествия Аристея) на Тоболе или Ишиме, тем не менее далее пишет: «Но слухи об Алтае доходили и до Аристея» [36, с. 186, 187]. Откуда это известно?

[17] И. И. Соколов и Д. Г. Киекбаев отождествляют с аргиппеями башкирскую родоплеменную группу тазлар или таззар («таз» по-башкирски — «плешивый» [56], цитировано по Д. Г. Киекбаеву [57, с. 233]). Группа тазлар локализуется в Западной Башкирии, так что ее местоположение соответствует аргиппеям. Однако, во-первых, по данным Р. Г. Кузеева, тазлар — одни из самых поздних пришельцев на территорию Башкирии (в XIII—XIV вв.), пришли они с территории Казахстана [58, с. 44]. Во-вторых, в отличие от топонимов, сохраняющихся на месте иногда в течение многих веков, несмотря на смену населения, названия племен и народов — этнонимы — их носители обычно переносят с собой, когда мигрируют, а не меняют на местные. Все это заставляет относиться к отождествлению аргиппеев с тазлар с большой долей сомнения. Все же считаю нужным упомянуть о нем.

[18] И. В. Пьянков пишет: «Исседоны Аристея и Алкмана — это поздние западные андроновцы (включая и андроновцев Центрального Казахстана), а исседоны Геродота весьма правдоподобно были отождествлены с носителями тасмолинской культуры в Казахстане, генетически связанной с андроновской культурой» [35, с. 177]. Однако андроновцев в VII в. до н. э. уже не существовало, а тасмолинская культура отнюдь не связана генетически с андроновской.

[19] При этом Д. А. Мачинский массагетов помещает между Каспием и Амударьей, по Узбою (который отождествляет с Араксом Геродота), а К. Ф. Смирнов помещает между р. Уралом и Эмбой «дако-массагетский массив племен».

«выше» исседонов, должны располагаться по верхнему течению р. Урал (и севернее) и по восточному склону Уральских гор. Такая локализация не противоречит данным Дамаста Сигейского о том, что Рипейские горы находятся «за аримаспами», а Уральские горы — западнее аримаспов, т. е. «перед нами», если путь шел с запада. Но дело в том, что рассматриваемый путь ни в срубно-андроновскую, ни в скифскую эпоху не пересекал Уральские горы (Геродот подчеркивает, что эти горы «никто еще не переходил»), а обходил их с юга и востока, вверх по течению рек Сакмары и Урала (рис. 3, 4) и только после этого поворачивал к востоку, к Уральским горам, которые и оказывались в этом случае «за аримаспами».

Эта локализация подтверждается и письменными, и археологическими, и этнографическими данными. В сохранившемся (у византийского комментатора Цеца) отрывке из поэмы Аристея «Аримаспея» говорится: «Выше к северу соседит с исседонами народ многочисленный, крепкий и воинственный, богатый конями, овцами и быками, глаз же один эти люди с косматыми волосами имеют на своем прекрасном лбу» (Цитировано по М. П. Алексееву [62, с. XX]). Эсхил в «Прикованном Прометее» пишет: «Остерегайся грифов с острым клювом, собак безмолвных Зевса, берегись и войска одноглазых аримаспов, что на конях кочуют и живут у златоструйных вод реки Плутона» [62, с. XX]. Дамаст Сигейский около 400 г. до н. э. пишет: «Выше скифов живут исседоны, еще выше этих — аримаспы, за аримаспами находятся Рипейские горы, с которых дует Борей и никогда не сходит снег, а за этими горами живут гипербореи до другого моря» [33, с. 92]. Наконец, у Плиния в «Естественной истории» (VII, 2) есть такой отрывок: «Недалеко от места возникновения Аквилона и так называемой его пещеры, называемой Гекмитрон (т. е. «земная дебрь» или «земной запор»), обитают уже упомянутые аримаспы, отличающиеся одним глазом посредине лба; они будто бы постоянно воюют из-за рудников с грифами, которых предание представляет в виде крылатых зверей, выкапывающих в подземных шахтах золото... об этом писали многие, а особенно знаменитые Геродот и Аристей Проконнесский» [33, с. 92]. Суммируя эти данные, получаем, что аримаспы были одноглазыми, жили «над» исседонами, у какой-то золотоносной реки, а «за ними» находились Рипейские горы, с которых дует холодный ветер Аквилон или Борей, и есть пещера этого ветра, и они воюют из-за золота, добываемого в шахтах, с крылатыми и остроклювыми грифами. Предполагаемая область обитания аримаспов удовлетворяет всем этим требованиям. Если Рипейские горы — это Урал (с которым их отождествляют многие древние авторы), то «златоструйная река Плутона» — это р. Урал (Яик, в древности Даик). Действительно, золото на Урале известно главным образом на восточных склонах хребтов Южного Урала[20] (в районе Миасса и верховьев Урала и еще южнее — в районе хребта Ирендык, в междуречье Урала и Сакмары). Эти золотоносные районы были известны еще в предскифскую эпоху носителям андроновской культуры: кусочек золота найден в Замараевском поселении на р. Исети [63, с. 19], бронзовый кинжал с позолоченным клинком — в могильнике Черняки I близ Челябинска на р. Миассе, бронзовая подвеска в золотой фольге — в могильнике Спасское III в верховьях Урала [64, с. 43, рис. 10, 12, с. 165]; по всей вероятности, носители андроновской культуры первыми начали разрабатывать золото на территории современного Кусеевского рудника на склоне горы Тукан — верховья р. Урал, бассейн р. Большой Кизыл — там найдены маленькие древние шахты, а в них каменные шлифованные песты, типичные для андроновской культуры[21] [65, 276—

[20] За исключением Березовского месторождения близ Свердловска.

[21] О том, что в андроновскую эпоху добывали не только россыпное, но и рудное золото, свидетельствует и памятник в Змеиногорске (Западный Алтай) и в районе г. Степняк (Северный Казахстан). В Змеиногорске в шахтах на глубине 20 м были найдены медные кирки, каменные молоты и скелет древнего рудокопа с кожаным мешком, в котором была руда, содержащая золото [67, с. 356; 68, с. 327—330]. Я. И. Сунчугашев считает, что древние выработки в Змеиногорске

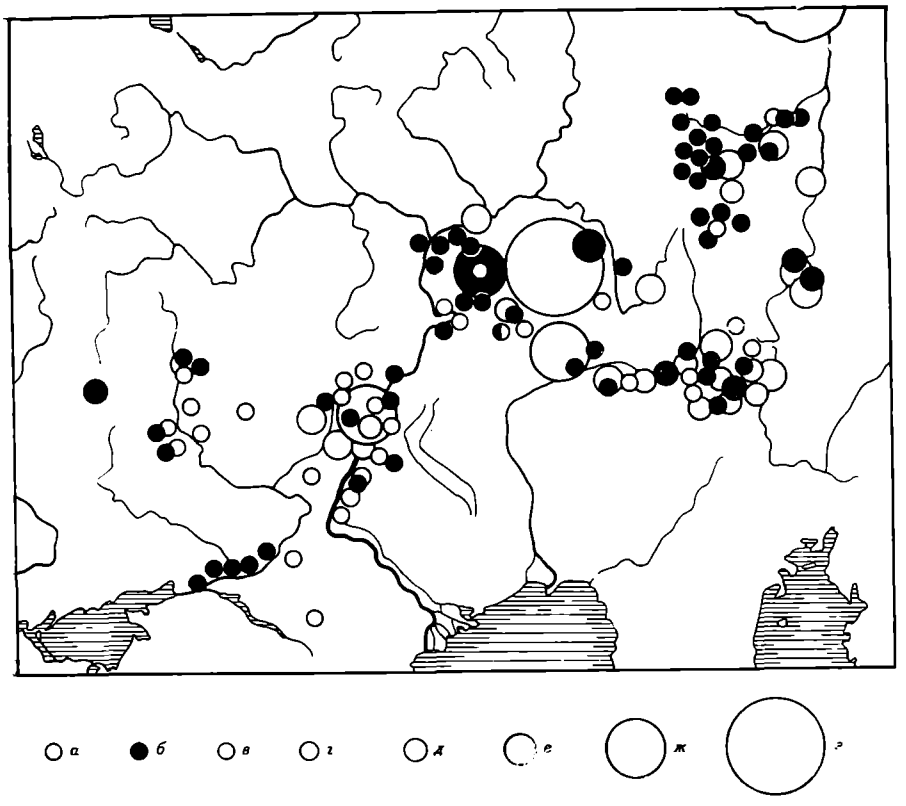


Рис. 5. Распространение металла из зауральских рудных источников (Еленовско-Ушкаттинской и Волго-Уральской групп) в срубных и андроновских памятниках Урала, Приуралья, Поволжья и Подонья [94; 96; 97]. *а* — металл Еленовско-Ушкаттинской группы; *б* — металл Волго-Уральской группы; *в* — 1 находка; *г* — 2—3 находки; *д* — 4—6 находок; *е* — 7—10 находок; *ж* — 11—15 находок; *з* — 49 находок

279; 66, с. 198, № 1876] (см. рис. 5). Весь Южный Урал от Челябинска до Магнитогорска, верховья рек Миасса и Урала были густо заселены андроновцами; андроновские и срубно-андроновские памятники есть и на р. Таналык (см. рис. 4). Так что район этот и добыча золота были хорошо освоены людьми андроновской культуры и проникавшими сюда людьми срубной культуры. Вероятнее всего, золото привлекало сюда и скифов. Что касается грифов, якобы стерегущих золото, то прототипами этих персонажей скорее всего послужили вполне реальные хищные птицы, которыми славился Южный Урал,— соколы и ястребы. Известный зоогеограф С. В. Кириков сообщает, что еще в конце XIX в. соколы-сапсаны гнездились в верховьях р. Белой, по рекам Нугуш и Кизыл и в верховьях Сакмары. Еще в 20-х годах нашего века в с. Юлуково, в верховьях Сакмары, находилась ярмарка ловчих птиц — соколов-сапсанов, соколов-балобанов и ястребов. Птицы эти настолько славились, что за ними в верховья Сакмары приезжали казахи с верховьев Эмбы, туркмены из Ургенча и даже узбеки из Андижана [73, с. 165, 171, 172; 74, с. 22]. Представления скифов о том, что эти птицы «стерегли золото», основаны, вероятно, на представлениях, существовавших еще на Ближнем Востоке, у хеттов (где и сложился образ грифона) [75, с. 2—8] о том, что вообще грифоны — стража и охрана. Эти представления проникли к скифам и народам «скифского круга» вместе с изображениями птицевидных грифонов; головы птицевидных грифонов часто украшают навершия и перекрестья кинжалов-акинаков, «охраняя» их. Соколами (особенно белыми) славился и Северный Урал (как сообщают источники

относятся к скифской эпохе [69, с. 134, 135]. Однако такие медные кирки, как найденные в Змеиногорском руднике, относятся к андроновской эпохе, судя по находкам их на поселении Бес-Тюбе в Северном Казахстане [70, рис. 17]. О добыче и обработке золотой руды у г. Степняк см.: [71; 72, с. 273, 274].

XIII—XVII вв., от Марко Поло до Герберштейна и Барберини, [62, с. 34, 39, 93, 95, 132, 133]), но как будто только с эпохи средневековья, а сведения древних о грифах относятся к Южному Уралу.

Что касается северного ветра, Аквилона или Борея, то Южный Урал и Зауралье представляют собой район, где постоянно дуют северные ветры [77, с. 47; 78, с. 61, 62; 79, с. 88; 80, табл. XI, *в*, с. 709], причем в летнее время преобладающие ветры — северные (а люди, которые направлялись сюда за золотом и для торговли, вероятнее всего, прибывали летом, а не зимой).

Известно, что ветры сильнее на открытых склонах гор и сила их зависит от абсолютной высоты. Чрезвычайно интересны данные современных метеостанций Южного Урала, выявившие необычайной силы ветры на горе Таганай (в 30 км к ССВ от г. Златоуста). Сильные ветры (более 15 м/с) характерны там для 110—154 дней в году (т. е. в некоторые годы дуют почти через день), тогда как в Златоусте ветры сильнее 15 м/с бывают только от 5 до 41 дня в году, а в Челябинске — 9 дней в году [78, с. 77; 80, с. 709, табл. XI, *в*]. На горе Таганай зимой случаются ветры силой 35—40 м/с [22], т. е. близки к скорости арктических и антарктических ветров, а ветры силой 18—20 м/с — обычное явление [80, с. 616], тогда как, например, в Нязепетровске ветры сильнее 16—17 м/с вообще не бывают [80, с. 615, 616]. Описывая условия работы на метеостанции на горе Таганай, А. А. Цветаев пишет: «При таких бурях многие приборы метеорологической станции оказывались поломанными и сброшенными с площадки, а наблюдатели, выходя для измерения, были вынуждены держаться за веревку» [81, с. 103]. Совершенно естественно, что такая гора должна была представляться древним как «дом ветра». Но высота горы Таганай всего 1102 м. Подлинным «домом ветра» должны были представляться высочайшие горы Южного Урала — Ямантау (1638 м) и Иремель с вершиной Кабан (1586 м), где ветры, видимо, еще сильнее (но нет метеостанций). Из них гора Иремель, производящая своей внушительностью и уникальной красотой очень сильное впечатление (описана в специальном очерке Д. Н. Мамина-Сибиряка) [82; 83, с. 3, 5, 44—45], должна была особенно действовать на воображение древних. Судя по всему, эту гору (где находится исток р. Белой) знали уже в срубно-андроновскую эпоху (андроновские и срубные памятники зафиксированы всего в 80 км ниже по р. Белой — см. рис. 4), и весьма возможно, что уже в эту эпоху она почиталась.

В этой же связи чрезвычайно интересны предания башкир о духах-хозяевах ветров Пэрей и хозяине ветров Пэрей, все разрушающем и проводящем большую часть времени и пещерах и расселинах скал [55, с. 319; 84, с. 26, 27], в котором трудно не узнать ветер Борей античных источников и его пещеру, близ которых живут аримаспы. Близость названия ветра Борей у греков и Пэрей у башкир, вероятно, случайное созвучие. Трудно представить себе, чтобы греческое название ветра Борей, которое мог сообщить местным жителям Аристей во время своего путешествия, удержалось в этом районе 2700 лет. Столь же мало вероятно, что Борей — название, бытовавшее на Южном Урале у аримаспов, и здесь его мог услышать Аристей, сообщить своим сородичам-грекам, и таким образом это слово превратилось в греческое. Возможно, что Пэрей — разновидность башкирского «Пярий» — дух, демон [23], восходящее, несомненно, к иранскому «пери»; имеет ли отношение к этому слову «пери» греческое Борей — неизвестно, но если и имеет, то родство это восходит к весьма отдаленной эпохе и не имеет отношения к эпохе Аристея. Но очевидно, что восходящие к Аристею сведения античных авторов о том, что аримаспы живут вблизи ветра Борея и его пещеры, базируются на преданиях местных уральских племен, которые сохранились в этих местах до современности, несмотря на смену населения.

[22] 19 случаев за период с 1936 по 1965 г. [80, с. 616].

[23] См., например, сказки «Богатырь Биши», «Богатырь Тяш-паш, Хултан-гол и Хултан-бай», «Кусяр-хан», «Царь пяриев». Ни один из этих пяриев не является воплощением ветра, но они могут летать по воздуху [85].

Предания о Пэрей распространены у башкир тамьян-тангауров, кипчаков и юрматинцев, живущих в междуречье Сакмары и Урала, Белой и Урала и верхнем течении Белой [55, карта-вклейка между с. 48 и 49]. Все эти родоплеменные группы башкир сложились в достаточно позднее время, с VIII по XIII вв. (по Р. Г. Кузееву) из различных элементов как угорского, так и кипчакского и даже центральноазиатского происхождения и проникли на территорию юго-восточной Башкирии после многочисленных переселений, в том числе и по территории Башкирии [86, с. 19, 21, 27, 28]. Поскольку представления о ветре Пэрей бытуют в указанном районе у столь различных по происхождению родоплеменных групп, как юрматинцы и кипчаки, представляется весьма вероятным, что эти предания и сказки не принесены ими из Приаралья и других мест, а восприняты от местных жителей Урала. В этой связи интересно, что представления о «боге северного ветра» бытовали и у финно-угорских народов, например у коми (под именем «Войпель», где «вой» — север и «тӧл» — ветер [87, с. 60, 61]. А у коми-зырян бытовали и представления о «горе ветров», выразившиеся в названии горы Тельпосиз на Северном Урале («Тельпосиз» в переводе с коми-зырянского и значит «гора ветров»). Финно-угорский пласт в этногенезе башкир, в том числе и юго-восточных, хорошо прослежен и лингвистами и этнографами на самом различном материале, от топонимики до прикладного искусства [88, с. 283—286; 89, с. 288; 90, с. 175—177, и др.].

Одноглазость аримаспов, неоднократно подчеркиваемая древними источниками, должна, по-видимому, иметь основу в представлениях древних народов о каких-то сверхъестественных одноглазых существах, божествах или духах.

Широко известны, например, греческие предания о циклопах и кавказские предания об одноглазых великанах. Исследователи, пытавшиеся локализовать аримаспов, обращались обычно к мифологии народов Центральной Азии (тюрков, бурят, монголов, тибетцев) [90, с. 174; 92, с. 13]. Между тем сказки об одноглазых существах (шурале, леших) есть и у башкир (кубеляк-телевцев) [84, с. 24], т. е. кубеляк и теляу [58, с. 43], живших в XVIII в. [55, с. 51] в верховьях рек Урала и Миндяка, т. е. в том же районе, где распространены и сказки о ветре Пэрей. Здесь надо оговориться, что сказки о шурале-леших распространены не только у башкир, но и у татар. Шурале представляют с хвостом, рогатым, но не обязательно с одним глазом [92, с. 236]. Такие предания распространены и у финно-угорских народов. Например, у удмуртов есть предания об одноглазом и однорогом великане палэсмурте [93, с. 202]. В этой же связи чрезвычайно интересны предания об одноглазых великанах, записанные в Казахстане и чрезвычайно близкие к греческому об Одиссее и циклопе Полифеме. Одно из них вошло в огузский героический эпос «Книга моего деда Коркута» [94, с. 80—83] и, как считают исследователи, относится к числу древнейших сказаний в этом эпосе, к сырдарьинскому периоду истории огузов [95, с. 598, 629, 630; 96, с. 136]. Известно восемь вариантов этого предания в Казахстане, из них три — в Приаралье и на Сырдарье, два — в Кокчетавском районе, один — в районе оз. Балхаш и два — из неизвестных мест в Казахстане. Примечательно, что в казахских преданиях одноглазый великан называется «деу» или «диу», это слово восходит к иранскому «дэв» («великан»), что указывает на то, что тюркоязычное население Казахстана унаследовало этот образ от более древнего, ираноязычного населения этой территории, а не принесло его с Алтая или из Центральной Азии. Особенно интересно предание, записанное Л. С. Бергом на северном берегу Аральского моря, об одноглазом великане Деу, «жившем в горах близ того места, где ныне находится г. Орск» [97, с. 9—12], т. е. в Губерлинских горах, юго-восточных отрогах Урала — всего в 100 км южнее тех башкирских родоплеменных групп, у которых были распространены предания об одноглазых шурале и ветре Пэрей. Тот факт, что не только различные группы башкир, но и приаральские казахи локализуют одноглазых сверхъестественных существ на Южном Урале, вероят-

нее всего, свидетельствует о том, что и башкирские и казахские предания восходят к тем преданиям древнего населения Южного Урала, которые слышал и Аристей, но которые могли возникнуть и раньше эпохи Аристея.

Если нанести на карту все признаки, характеризующие аримаспов и их местоположение (высокие горы, где дует северный ветер; золотоносный район; пункты, где найдено золото и изделия из него андроновской эпохи, относящиеся к этому району: места обитания соколов и ястребов в этом районе), то все они поместятся на небольшой площади длиной 296 км (от с. Черняки до г. Баймак) и шириной 64 км (от горы Иремель до верховьев р. Урала) — см. рис. 3. Если же нанести на карту еще и гору Таганай и с. Юлуково, где была ярмарка ловчих птиц и места расселения башкирских родоплеменных групп, у которых распространены предания о ветре Пэрей и одноглазых шурале, то эта площадь будет больше — 376×320 км (см. рис. 3). Однако и в том и в другом случае речь идет о совершенно конкретном небольшом географическом районе, хорошо известном еще в андроновскую эпоху и в VII в. до н. э., когда с этим районом связывали предания об аримаспах и грифах[24]. Андроновцев (и срубников) привлекали на Южный Урал больше всего медные руды, столь необходимые людям бронзового века. Исследователи (Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых, С. Н. Кореневский) неоднократно отмечали наличие андроновского южноуральского по составу металла у срубного населения Башкирии и Поволжья [98, с. 33, рис. 30; с. 112, 122, 124; 99, с. 111, 112; 100, с. 55—57; 101, с. 66—68] (см. рис. 5). По-видимому, срубники импортировали андроновский металл разными способами, в том числе и ездили за ним на Южный Урал, о чем и говорят их памятники в этом районе. Таким образом, в срубно-андроновскую эпоху путь, описанный Геродотом (во всяком случае его восточная часть), был путем за медью. Попутно андроновцы и срубники открыли здесь и золото. В скифскую эпоху описанный Геродотом путь, так называемый торговый путь, был в основном путем за золотом — что иное могло побуждать скифов отправляться в такую даль и брать с собой семь переводчиков? Не исключено, что и Аристей, официальной целью которого было достичь гипербореев, в действительности искал золото[25]. В обмен на золото могли идти различные изделия скифского и греческого производства, в том числе и те ольвийские зеркала, по которым Б. Н. Граков и проследил этот путь.

Но и южноуральская медная руда продолжала поступать в скифское время на территорию лесостепной Украины в немалом количестве. Доля ее составляла в VI—IV вв. до н. э. от 24 до 36% общего количества медной руды, потребляемой на территории лесостепной Украины [102, с. 92].

Вопрос о том, с какой археологической культурой можно отождествлять аримаспов, пока не может быть решен окончательно. Обратим внимание на то, что ольвийское зеркало из Биш-Обы найдено в районе Орска (см. рис. 3), т. е., очевидно, еще в земле исседонов, путь до кото-

---

[24] И. В. Пьянков [36, с. 184] считает, что сказания об одноглазых великанах заимствованы кочевниками Казахстана у греков «еще в глубокой древности». Автору настоящей статьи это представляется совершенно невероятным. Путешествие грека Аристея на Южный Урал было уникальным явлением для VII в. до н. э. В VI—V вв. до н. э. греки из причерноморских колоний пользовались «торговым путем Геродота», но вряд ли они излагали жителям Южного Урала «Одиссею» с помощью семи переводчиков. В более позднее время на Южном Урале не известно никакого импорта из Греции или причерноморских колоний, который свидетельствовал бы о связях между этими территориями. Что же касается Казахстана, то связи его с Грецией или греческими колониями Причерноморья не подтверждаются вообще никакими фактами. Столь же невероятно утверждение Х. Короглы: «Скифы перенесли этот центральноазиатский миф на запад, где он впоследствии вошел в древнегреческий эпос» [96, с. 138],— хотя бы потому, что «Одиссея» создана до скифской эпохи.

[25] К. Киндерман также предполагал, что путешествие Аристея преследовало практические цели, но он считал, что Аристей отправился для налаживания торговых связей [46, с. 336].

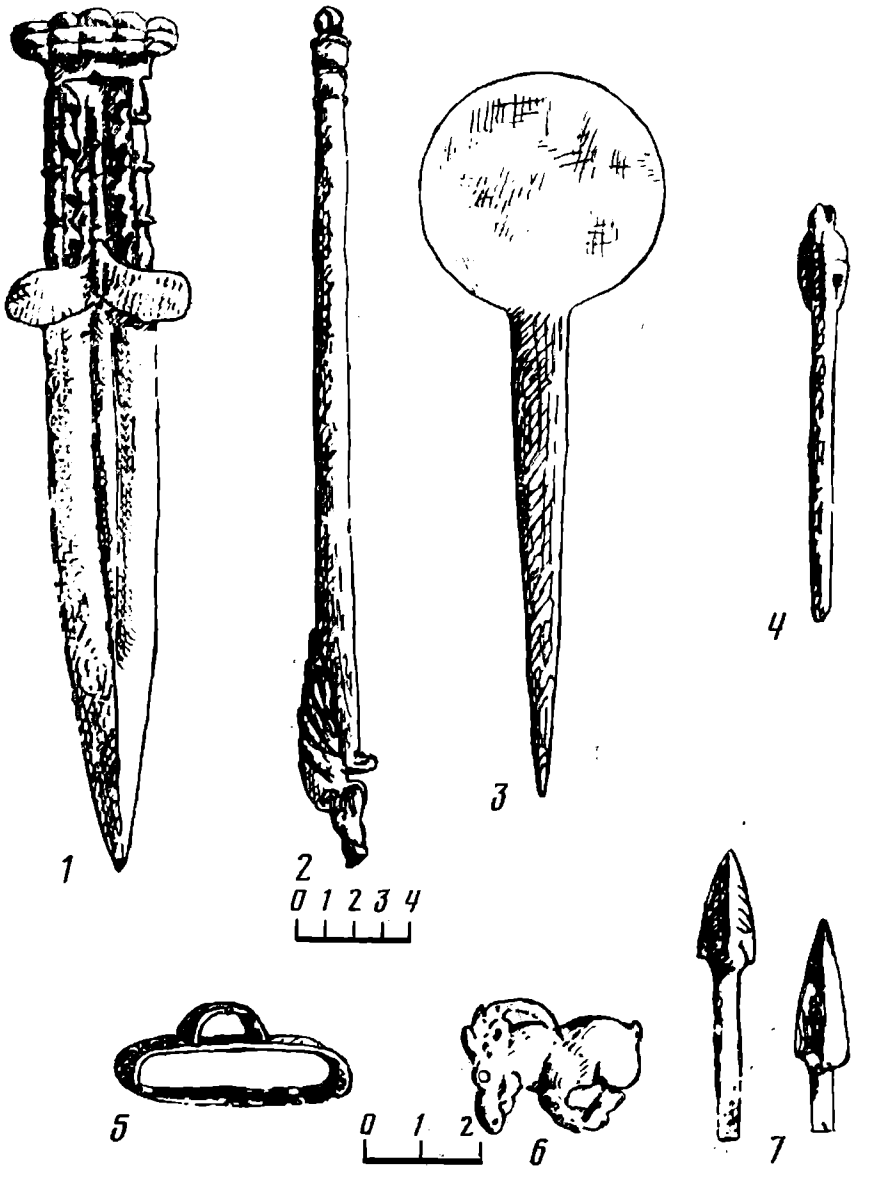


Рис. 6. Комплекс из кургана 4 Бобровского могильника близ г. Троицка [98].
1—7 — бронза

рых был грекам известен, как пишет Геродот. Аримаспы жили «выше» исседонов, т. е., вероятно, севернее и восточнее их и в Уральских горах. Среди различных памятников сарматского облика на Верхнем Урале, относимых К. Ф. Смирновым к исседонам, выделяется погребение в Бобровском могильнике в районе г. Троицка, раскопанное Г. И. Матвеевой [103, с. 212—214]. Инвентарь его, в особенности кинжал-акинак с характерным навершием, а также зеркало (рис. 6) идентичны предметам тасмолинской культуры Казахстана (в особенности могильника Нурманбет IV), на что обратила внимание Г. И. Матвеева. Кроме того, на Южном Урале в четырех пунктах известны курганы «с усами», характерные для тасмолинской культуры — I Давлетовские, II Ахметовские, X Баишевский курганы и курганы близ пос. Губерля (разведки Н. А. Мажитова, М. Х. Садыковой, Р. Б. Исмагилова и В. А. Иванова) [66, с. 195, 196, № 1845, с. 191, № 1769; 104, с. 2, 3, 11], причем первые из них расположены близ Сибаевского месторождения золота, а вторые — возле древнего Кусеевского золотого рудника, известного в андроновскую эпоху (см. рис. 3). Курганы «с усами» существовали длительное время, вплоть до III—IV вв. н. э., и, поскольку южноуральские курганы «с усами» не

Рис. 7. Часть карты Птолемея

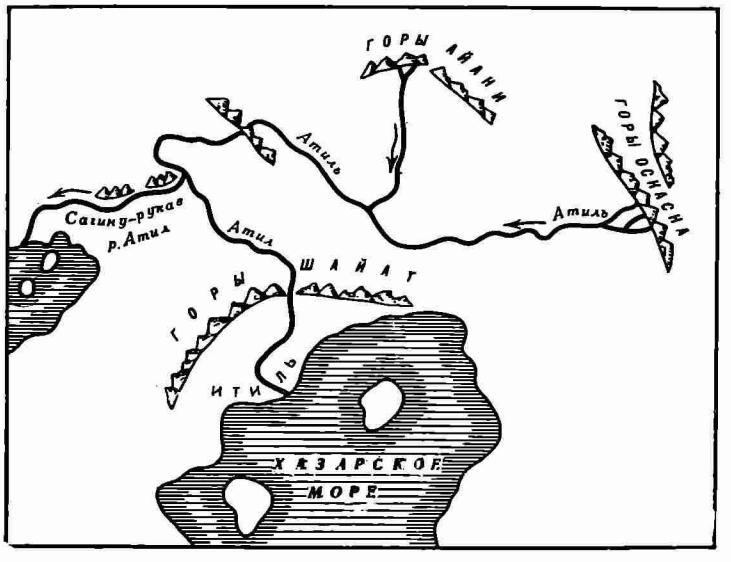


Рис. 8. Часть карты Идриси [99]

содержали находок, трудно сказать о них что-либо определенное. Все же расположенное у Троицка погребение той же культуры, относящееся к VI в. до н. э., позволяет надеяться, что и курганы «с усами» тоже ранние, и высказать в порядке рабочей гипотезы предположение, что они оставлены аримаспами. В таком случае с культурой аримаспов можно отождествить тасмолинскую культуру, основной массив которой расположен в Казахстане[26]. Греческие путешественники сталкивались, по-видимому, только с носителями северо-западной части этой культуры, расположенной в Южном Зауралье.

В связи с вопросом о существовании в древности пути на Южный Урал очень интересна часть карты Птолемея (II в. до н. э.), на которой изображена Волга (Rha) и р. Урал (Daix) (см. рис. 7). Волга показана текущей с севера, с Гиперборейских гор (видимо, это Северный Урал), у нее два истока (видимо, Кама и Вятка), четко изображен «локоть» Волги у современного Волгограда и узкий перешеек между Волгой и Доном. Показан крупный левый приток Волги, текущий с Риммийских гор (Юж-

[26] М. К. Кадырбаев отождествлял с носителями тасмолинской культуры и аримаспов, и исседонов, и аргиппеев [105, с. 408 и карта на с. 308]. Л. С. Клейн размещает аримаспов на огромной территории, охватывающей бассейны Тобола, Ишима и Иртыша и доходящей до оз. Балхаш [106, с. 232, рис. 2]. Эта территория совпадает с распространением тасмолинской культуры, но автор исходит не из этой культуры, а из территории, где была собрана Сибирская коллекция Петра I [106, с. 232, 233].

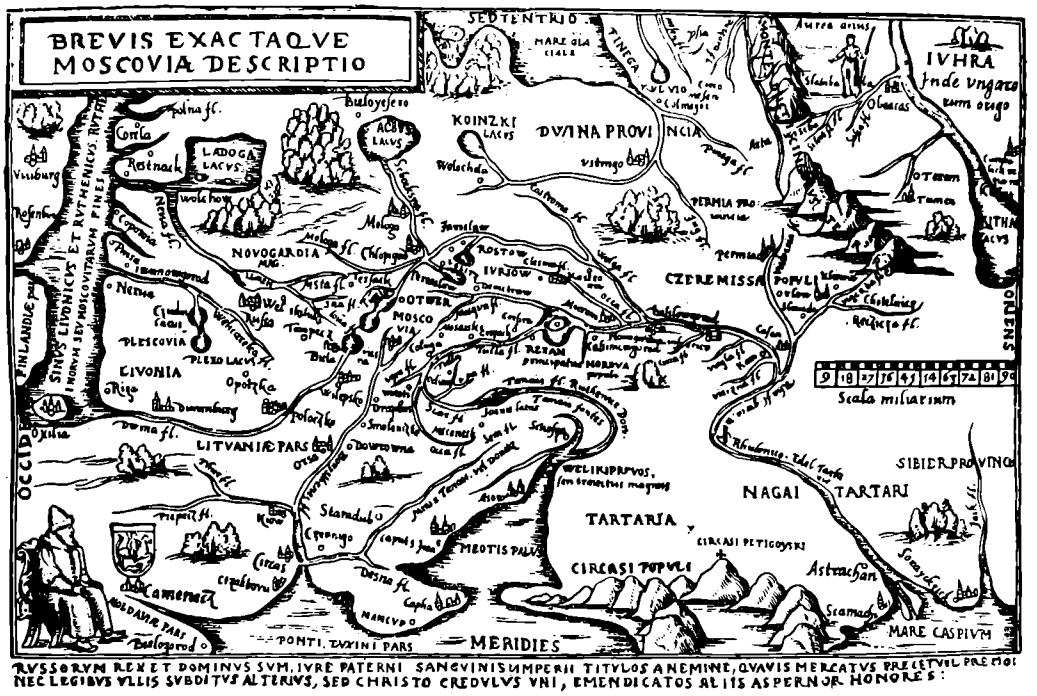


Рис. 9. Карта Герберштейна

ный Урал); судя по всему, это р. Белая, но устье ее изображено ниже волгоградского «локтя», где у Волги вообще нет притоков, во всяком случае хоть сколько-нибудь значительных; р. Урал (Daix) также показана текущей с гор, и изображено два ее крупных правых притока, текущих с Риммийских гор. Этими притоками могут быть только Таналык и Сакмара. Такие точные сведения о верхнем течении Урала и горах Южного Урала тем более удивительны, что на гораздо более поздних картах, от карты Идриси XII в. до карты Герберштейна XVI в., р. Урал либо вообще не изображалась (на карте Идриси, см. рис. 8) [27], либо изображалась очень схематично, без всяких притоков (см. карту Герберштейна, рис. 9). При этом Идриси, как и все арабские географы, начиная с IX в., был прекрасно знаком с картой Птолемея и во многом основывался на ней [108, с. 19, 283], но часть его карты, где изображены Волга и Урал, гораздо менее точна, чем карта Птолемея. Знания древних о Южном Урале к этому времени были основательно забыты. Герберштейн основывался на русских источниках [109, с. 538; 110, с. 84], а русские в это время еще не были знакомы с Южным Уралом.

Поскольку Птолемей знал название Волги — Ра, восходящее к индоиранской (т. е. срубно-андроновской) эпохе (авестийское название Волги — Raŋha, ведийское — Rasa), то можно думать, что и сведения его о течении Волги, а также и Урала тоже восходят — через скифскую — к индоиранской эпохе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Стратановского Г. Г. Л.: Наука, 1972.
2. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
3. *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
4. *Phillips E. D.* The Argippaei of Herodotus.— Artibus Asiae, 1960, v. XXIII, № 1—2.
5. *Вайнштейн С. И.* Памятники скифского времени в Западной Туве.— УЗ ТНИИЯЛИ, 1955, вып. III.

[27] На этой карте показано два истока Волги (Атиль): один течет с севера, с гор. Айани (Северный Урал), и, видимо, соответствует Каме, другой — с востока, с гор Оскаска (Южный Урал), и, видимо, соответствует р. Белой (прорисовка карты Идриси — по Б. А. Рыбакову [107]).

6. *Граков Б.* Чи мала Ольвія торговельни зносини з Поволжям и Приураллям в архаичну і класичну епохи? — Археологія. 1947, № 1.
7. *Граков Б.* Скіфи. Київ: Видавніцтво АН УРСР, 1947.
8. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
9. *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* Исследования в бассейне р. Самары и на Самарской луке.— АО — 1975. М., 1976.
10. *Фахрутдинов Р. Г.* Исследования в Старой Казани.— АО — 1979. М., 1980.
11. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наукова думка, 1968.
12. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
13. *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии.— ТГЭ, 1962, т. 7, вып. 3.
14. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, вып. Д1—27. М., 1966.
15. *Онайко Н. А.* Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
16. *Párducz M.* Scythian mirrors in the Carpatian Basin.— Swiatowit, 1960, № 23.
17. *Parducz M.* Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken.— AAH, 1973, t. XXV, fasc. 1—2.
18. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-ингушское книжн. изд-во, 1972.
19. *Онайко Н. А.* Археологические памятники в районе Новороссийска и Геленджика.— АО — 1972. М., 1973.
20. *Бондарь Н. Н.* Торговые сношения Ольвии со Скифией VI—V вв. до н. э.— СА, 1955, т. XXIII.
21. *Шилов В. П.* (Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 г.). Архив ИА АН СССР, р-1, № 4625-а.
22. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.
23. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М.: Наука, 1977.
24. *Рыбалова В. Д.* О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
25. *Рыбалова В. Д.* Сабатиновские поселения р. Синюхи и некоторые проблемы поздней бронзы.— В кн.: Проблемы археологии, вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
26. *Телегин Д. Я.* Питання відносної хронології пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я.— Археологія. 1961, т. XII.
27. *Шарафутдинова І. М.* Поселения епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука.— Археологія, 1964, т. XVII.
28. *Братченко С. Н.* Пам'ятки багатоваликової кераміки.— В кн.: Археология Української РСР, т. I, Київ: Наукова думка, 1971.
30. *Дебец Г. Ф.* О физических типах людей скифского времени.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
31. *Кондукторова Т. С.* Антропология древнего населения Украины. М.: Изд-во МГУ, 1972.
32. *Круц С. И.* Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.
33. *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
34. *Пьянков И. В.* Бактрийский гриф в античной литературе.— История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976.
35. *Пьянков И. В.*— ВДИ, 1967, № 4.— Рец. на кн.: *Bolton J. D. P.* Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962.
36. *Пьянков И. В.* Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978.
37. *Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den Scythischen Norden.— Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, 1889, B. 117.
38. *Гумбольдт А.* Центральная Азия. Т. 1. М., 1915.
39. *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
40. *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культур Семиречья и Тянь-Шаня.— СА, 1949, т. XI.
41. *Berthelot I. A.* L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolemée. P., 1930.
42. *Hermann A.* Issedoi.— RE. IX, 1916.
43. *Bolton J. D. P.* Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962.
44. *Müller F. H.* Der ugrische Volksstaat. Berlin, 1837, B. I.
45. *Phillips E. D.* A further note on Aristeas.— Artibus Asiae, 1957, v. XX, № 2—3.
46. *Kindermann K.* Die älteste Kunde Sibiriens im klassischen Altertum.— In: Ost und West in der Geschichte der Denkens und der Kulturellen Beziehungen. B., 1966.
47. Русско-татарский словарь. Т. 1. Казань, 1955; Т. 2. Казань, 1956.
48. Русско-башкирский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964.
49. *Erman A.* Travels in Siberia. L., 1848.
50. *Мищенко Ф.* Известия Геродота о внескифских землях России.— ЖМНП, 1896, ч. CCCVIII, XI—XII.
51. *Лурье С. Я.* История древней Греции. Ч. 1. Л., 1940.

52. БСЭ, 2-е изд. Т. 8. М., 1951.
53. Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929.
54. *Соломатов М. Н.* Вишня в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1962.
55. *Руденко С. И.* Башкиры. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
56. *Соколов И. И.* Территория Башкирии и ее население в свете историков древности. Рукопись.— Архив Башкирского ИЯЛИ ФАН СССР.
57. *Киекбаев Д. Г.* Вопросы башкирской топонимии.— УЗ БГПИ, Сер. филол., Уфа, 1956, вып. VIII, № 2.
58. *Кузеев Р. Г.* Краткий очерк этнической истории башкирского народа.— АЭБ, 1973, т. V.
59. *Стратановский Г. А.* Примечания.— В кн.: Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Стратановского Г. А. Л.: Наука, 1972.
60. *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСб. ГЭ, 1971, вып. 13.
61. *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
62. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск: Крайгиз, 1932, т. 1, ч. 1.
63. *Сорокин В. С.* Андроновская культура. Вып. 1.— САИ, вып. В3—2, М.— Л., 1962.
64. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.
65. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.
66. Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976.
67. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786, ч. II, кн. 2.
68. *Розен М. Ф.* Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике на Алтае.— СА, 1952, т. XVI.
69. *Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975.
70. *Черников С. С.* Поселения эпохи бронзы в Севрном Казахстане.— КСИИМК, 1954, вып. 53.
71. *Черников С. С.* Древнее горное дело в районе г. Степняк.— Изв. АН Каз. ССР. Сер. археол., 1948, вып. 1.
72. *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1958, т. 5.
73. *Кириков С. В.* Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
74. *Кириков С. В.* В лесах и степях Южного Урала. М.: Географгиз, 1953.
75. *Погребова Н. Н.* Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации: Канд. дис. ИА АН СССР, 1946. Архив ИА АН СССР, р-2, № 364.
76. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах / Пер. и комментарии А. И. Малеина. Спб., 1908.
77. *Ситнов М.* Климат Урала.— В кн.: Природа Урала. Свердловск, 1936.
78. Природа Челябинской области. Челябинск, 1964.
79. *Кувшинова К. В.* Климат.— В кн.: Природные условия и естественные ресурсы СССР. Т. 5. Урал и Приуралье. М., 1968.
80. Справочник по климату СССР. Вып. 9, часть IV. Ветер. Свердловск, 1971.
81. *Цветаев А. А.* Климатические особенности горного района Иремель.— В кн.: Вопросы физической географии Урала. М., 1960.
82. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Гора Иремель.— «Землеведение», 1894, т. 1.
83. *Цветаев А. А.* Горы Иремель (Южный Урал). Уфа, 1960.
84. *Руденко С. И.* Башкирские сказки и поверья.— АЭБ, 1973, т. V.
85. Башкирские народные сказки. Уфа, Башгосиздат, 1941.
86. *Кузеев Р. Г.* Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия и история формирования башкирской народности.— АЭБ, 1971, т. IV.
87. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
88. *Миржанова С. Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка.— АЭБ, 1971, т. IV.
89. *Камалов А. А.* Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир. АЭБ, 1971, т. IV.
90. *Шитова С. И.* Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства.— АЭБ, 1971, т. IV.
91. *Phillips E. D.* Legend of Aristeas: Fact and Fancy in early Greek Notions of East Russia, Siberia and Inner Asia.— Artibus Asiae, 1955, v. XVIII, pt 2.
92. Татарские народные сказки. Казань, 1970.
93. *Остроумов Н.* Новые варианты сюжета о Полифеме (одноглазе).— ЭО, 1891, кн. IX, № 2.
94. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. Бартольда В. В. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
95. *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.
96. *Короглы Х.* Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976.
97. *Берг Л. С.* Кочующие этнографические сюжеты.— Изв. Киргизского филиала ВГО. Фрунзе, 1963, вып. 4.

98. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
99. *Черных Е. Н.* Металл — человек — время. М.: Наука, 1972.
100. *Кореневский С. Н.* О древнем металле бассейна р. Самары.— В кн.: Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.
101. *Кузьминых С. В.* О химическом состава металла украшений богатого женского захоронения Ново-Ябалаклинского могильника.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
102. *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981.
103. *Матвеева Г. И.* Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка.— АЭЕ, 1964, т. II.
104. *Исмагилов Р. Б.* Отчет о разведочных работах в Башкирии летом 1971 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. 4523.
105. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
106. *Клейн Л. С.* Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов.— Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
107. *Рыбаков Б. А.* Русские земли на карте Идриси 1154 года.— КСИИМК, 1952, вып. XLIII.
108. *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература.— Избр. соч. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1957, т. IV.
109. *Замысловский Е. Е.* Герберштейн и его историко-географические сведения о России. Спб., 1884.
110. *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М.: Наука, 1974.
111. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вып. Д1-9. М.: Наука, 1964.

N. L. Chlenova

PREHISTORY OF THE HERODOTUS TRADE ROUTE

Summary

The route from the Northern Circumpontic to the southern Urals used by the Scythians and described by Herodotus in his *Histories* was known back in the Timber Grave-Andronovo epoch (Mid-2nd-early 1st millennia B. C.). This is clearly seen from a map showing location of the Timber Grave culture monuments reproduced in Fig. 4. The dissemination of the Timber Grave culture followed the western part of this route (from the Volga basin to the Ukraine and further to the north-western Circumpontic). Its eastern part was, probably, a copper route (from the Volga to the South Urals and the trans-Urals area). It is an established fact that the Timber Grave culture population in the Volga and the Urals areas used metal similar to the Andronovo metal from the trans-Urals region, the south of which was, at the time, a gold-mining locality. The Timber Grave culture population passed this information to their direct descendants, the Scythians, so in the Scythian times the Herodotus trade route probably became a «golden route». A number of facts indicate that the Argippaei occupied the Southern Urals, the Issedones — the middle and upper Ural River, while the Arismapsys were probably the bearers of the Tasmola culture, some of the monuments of which were found in the southern trans-Urals area. The gold field in the south of trans-Urals was widely known in the Antiquity: the Ptolemaic map (Fig. 7) showed with considerable precision the Ural (Daik) River and its tributaries.

МАРЧЕНКО К. К.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КАЛЛИПИДАХ

Успешное развитие археологических исследований памятников античного времени в Нижнем Побужье в последние годы привело к существенному расширению базы источников. Появилась возможность использовать ранее неизвестные материалы при решении ряда кардинальных вопросов хронологии и истории греческой колонизации этого района (см., например [1, 2]); вновь пробудился интерес к интерпретации этнокультурной принадлежности населения, оставившего нам многочисленные следы оседлой и кочевой жизни в окрестностях Ольвии. Важнейшим составным элементом такого рода интерпретаций по праву стало критическое переосмысление под углом зрения вновь полученных данных археологии известного сообщения Геродота о каллипидах — эллинах-скифах (Herod., IV, 17). В результате современная историография Северного Причерноморья раннего железного века обогатилась еще одной новой, оригинальной концепцией, трактующей каллипидов как полукочевое племя скифов, обитавшее за пределами зоны постоянных поселений Нижнего Побужья позднеархаического времени [3, с. 73; 4; 5].

Насколько основательно данное переосмысление или, точнее, насколько эта трактовка предпочтительней более ранних точек зрения? Решить поставленную задачу, по всей видимости, можно, только осветив вопрос о каллипидах в целом.

Свою диафесу племен Скифии Геродот начинает так: «От торгового города борисфенитов, составляющего наиболее срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут каллипиды, представляющие собою эллинов-скифов, выше их живет другой народ, именуемый алазонами. Как эти последние, так и каллипиды во всем ведут такой же образ жизни, как скифы, но хлеб сеют и употребляют в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо... Народы эти живут вдоль реки Гипаниса к западу от Борисфена» (Herod., IV, 17) [1]. Нужно заметить, что имеющиеся разночтения приведенного перевода касаются понимания лишь отдельных слов и, как правило, для нас малосущественны [2].

Никаких иных прямых упоминаний каллипидов в тексте «Истории», как известно, больше нет. Лишь еще в одном пассаже четвертой книги содержится косвенная информация, формирующая отчасти наше представление об эллинах-скифах как о довольно небольшом этносе, обитавшем на сравнительно ограниченном пространстве приморской части Гипаниса. Здесь сообщается, что горький ручей Эксампей, протекающий по границе скифов-пахарей и северных соседей каллипидов — алазонов, впадает в Гипанис в месте, отстоящем от моря на расстояние всего четырех дней плавания (Herod., IV, 52). Вот, пожалуй, и все, что касается самих сведений Геродота.

Первое, что необходимо отметить в критике источника,— весьма вероятную достоверность интересующего нас сообщения. В самом деле, несмотря на наличие в четвертой книге «Истории» естественных оши-

[1] Перевод Ф. Г. Мищенко [6, с. 311, 312].

[2] Впрочем, один из последних переводчиков Геродота, Г. А. Стратановский, дает почему-то двойной этникон каллипидов в форме «эллинские скифы», заметно меняющей семантику греческого ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι [7, с. 191]. Базируется ли такое исправление этникона на каком-то оригинальном толковании всего пассажа или нет, к сожалению, неизвестно. В силу этого я в дальнейшем буду опираться на прежнее понимание — «эллины-скифы».

бок, преувеличений и, возможно, контаминаций, частично указанных еще историками XIX в. (см., например [9, с. VII, XIII—XIV; 10, с. 452, 526, 527]), несмотря даже на прокламируемый и четко проводимый в жизнь самим Геродотом принцип фиксации услышанного (Herod., II, 123; IV, 195; VII, 152), вообще-то говоря не гарантирующий нам добросовестности и хорошей осведомленности его информаторов [11, 12, с. 98], есть серьезные основания полагать в данном случае высокую степень надежности сведений, почерпнутых «отцом истории» скорее всего из весьма компетентных источников, в число которых, например, мог входить Тимн — эпитроп скифского царя Ариапифа (Herod., IV, 76) [11, стб. 431].

Вместе с тем очевидно греческое или сильно переработанное эллинами, а не собственно скифское происхождение информации, послужившей основой для создания диафесы племен «Скифского логоса», ничуть не умаляя достоверность конкретного сообщения, ставит, однако, довольно узкие границы его адекватного понимания. В силу этого целый ряд важнейших аспектов вопроса, прямо не освещенных историком, таких, например, как происхождение, этническая принадлежность и даже точная локализация каллипидов, оказывается за пределами однозначного понимания текста.

Ничего по существу не меняет в этой оценке, к сожалению, и привлечение дополнительных литературных источников — сообщений Помпония Мелы (De chorogr., II 1, 7) и Страбона (XII, 3, 21). Помимо признания факта существования близких и, возможно, независимых от Геродота сведений о каллипидах у логографов [8, с. 23] возникает лишь впечатление полного забвения этого этноса уже задолго до времени написания «Географии» Страбона. Отсюда вполне понятно стремление комментаторов подтвердить и по возможности дополнить скудную и несколько загадочную (особенно что касается двойного этникона каллипидов) информацию Геродота с помощью независимых от литературной традиции материалов, и прежде всего данных археологии.

Постепенно, по мере накопления фактов и расширения археологических изысканий, стало формироваться понимание и исключительной сложности, а в некоторых случаях и невозможности однозначной этнической атрибуции конкретных археологических материалов, тем более материалов, происходящих из зоны активного взаимодействия различных культур и этносов, каковой в античную эпоху несомненно являлся район, прилегающий к Ольвии. Наибольшие сомнения, однако, в настоящее время вызывает другое — сама правомочность прямого, непосредственного сопоставления столь разных по природе исторических источников, каковыми являются труд Геродота и факты археологии. Указанное сомнение, разумеется, не означает отрицания возможности такого рода сопоставлений в принципе. Речь идет об ином — отсутствии в данном случае каких бы то ни было промежуточных ступеней («билингв»), позволяющих хотя бы примерно определить условия и границы оправданного перехода с уровня античной литературной традиции к данным археологии и обратно.

Перечисленным, к сожалению, не ограничиваются объективные трудности, стоящие на пути создания вполне обоснованной развернутой концепции каллипидов. Впрочем, и сказанного достаточно для того, чтобы предполагать гипотетичность представлений, прямо или косвенно созданных на основе археологических материалов. В этих условиях, как кажется, любое решение стоящей перед нами задачи будет иметь также относительную ценность.

Вернемся, однако, к самому свидетельству Геродота. Хорошо известно, что интерес к каллипидам возник очень давно (буквально со времени первых научных переводов «Истории») и с тех пор не затухает. И это понятно, поскольку от точности локализации эллинов-скифов и соседствующих с ними алазонов во многом зависит и убедительность определения мест обитания целого ряда других племен Скифии. Но дело, естественно, не только в этом. Особое любопытство комментаторов вызывало и продолжает вызывать использование «отцом истории» двойного этнико-

на по отношению к каллипидам, имеющего, быть может, прямое касательство к важной и во многом дискуссионной проблеме раннего железного века — взаимодействию эллинских и варварских элементов в Северном Причерноморье. В результате в настоящее время существует большое количество разнообразных суждений об этом этносе, оценивающих последний с самых различных точек зрения и в разных аспектах [3].

В систематизированном (т. е. поневоле несколько упрощенном) облике суждения о каллипидах выступают в следующих группах: локализация, хозяйство и культура, этнос. Начнем с наиболее важного для нас аспекта — локализации. В настоящее время в этом плане четко выделяются три основные точки зрения.

1. Территория каллипидов в V в. до н. э. более или менее совпадала с территорией современного Нижнего Побужья. Такой точки зрения вне зависимости от той или иной идентификации «торжища борисфенитов» придерживалось и, по всей видимости, продолжает придерживаться большинство исследователей. Существуют незначительные для нашей систематизации вариации этого взгляда. Так, например, И. В. Яценко [13, с. 97] и В. Л. Зуц [14, с. 42, 43] размещают каллипидов только к западу от Гипаниса, оставляя левый берег для Геродотовых скифов-земледельцев; Л. М. Славин же [15, с. 172] и А. И. Мелюкова [16, с. 54] склонны дотягивать зону обитания этого этноса вплоть до Днестровского лимана.

2. Территория обитания каллипидов гораздо шире района Нижнего Побужья и, возможно, на западе доходила до Истра, где Эфор в передаче Пс. Скимна (Anon., PPE, 841-SC, с. 89) помещал карпидов, отождествляемых рядом ученых с каллипидами (см., например [17, с. 29; 18, стб. 1608; 19, стб. 929; 20, с. 339, 340, примеч. 3]). Вторая точка зрения существовала в основном в XIX — первой половине XX столетия. В настоящее время такое расширительное толкование территории эллинов-скифов, по всей видимости, отрицается всеми.

3. Относительно небольшая территория расселения каллипидов практически полностью находилась в степной части Побужья к северу от зоны стационарных поселений Днепро-Бугского лимана. Эта последняя, существенно отличная от предыдущих локализация появилась совсем недавно. Наиболее развернутая аргументация позиции дана в работе А. С. Русяевой и М. В. Скржинской [3, с. 32—34].

Следующий аспект комментариев — хозяйство и культура каллипидов. Здесь более или менее четко выделяются опять-таки три основные точки зрения.

1. Каллипиды — сильно эллинизованное оседлое земледельческое племя. Данная точка зрения была высказана еще в XIX столетии (см., например [21, с. 43; 23, с. 1299]) и до недавнего времени поддерживалась большинством современных исследователей, в том числе В. Д. Блаватским [24, с. 53], Б. Н. Граковым [25, с. 61], А. И. Мелюковой [16, с. 54], Ф. М. Штительман [26, с. 271, 272], Н. В. Шафранской [27, с. 43], И. В. Яценко [13, с. 97], М. Ф. Болтенко [28, с. 53] и т. д. Несколько иные позиции по этому же вопросу занимал Я. В. Доманский, также считавший каллипидов оседлым земледельческим племенем, но отнюдь не затронутым сильной эллинизацией [29, с. 29—35]. Близкой с формальных позиций вариацией этой же точки зрения представляется в конечном счете и недавнее суждение Д. С. Раевского, считающего внешне эллинизованных эллинов-скифов оседлым земледельческим племенем жрецов [30, с. 156—159].

2. Каллипиды — особое оседлое земледельческое население, возникшее в результате смешения греков и варваров и обладавшее эллинской культурой. Эта точка зрения, кстати, одна из наиболее ранних, но значительно менее распространенная в настоящее время, имеет тем не менее

[3] Общее количество такого рода суждений столь велико, а отличия между ними подчас столь незначительны, что это ставит под сомнение целесообразность их последовательного рассмотрения здесь. Думается поэтому, что наиболее удобной формой обзора литературы вопроса в нашем случае будет ее систематизация.

в числе своих приверженцев таких маститых ученых, как Н. Надеждин [31, с. 78], А. Бек [32, с. 81], В. В. Латышев [34, с. 17—19; 35, с. 182, 183]. В свое время к ней примыкал также Ф. Г. Мищенко [36, с. 64]. Значительно позднее ее поддержали К. Кречмер [19, с. 929], П. Н. Третьяков [37, с. 28], Я. Зборил [38, с. 420], Дж. Кук [39, с. 54] и, наконец, совсем недавно — Б. А. Рыбаков [40, с. 124]. Весьма близким, если не тождественным, этой же позиции кажется в конечном счете мнение М. И. Артамонова, постоянно подчеркивавшего неоднородный состав варварской основы «эллинов-скифов», но одновременно допускавшего и смешение этой основы с греками [41, с. 149, 150; 42, с. 115].

3. Помимо этих основных, традиционных точек зрения в последнее время все большее число сторонников завоевывает совершенно иное определение хозяйственного уклада каллипидов, выступающих отныне в качестве сильно эллинизованного полукочевого-полуземледельческого племени. Сама идея считать степные земледельческие племена скифского времени полукочевыми витала давно. Впрочем, впервые четко, правда без прямого указания на каллипидов, она была высказана только Б. Н. Граковым [25, с. 39, 61]. Позднее совершенно определенно «эллинов-скифов» стали считать полукочевым племенем А. М. Лесков [43, с. 294], Я. В. Доманский [60, с. 162] и, по всей видимости, Л. А. Гиндин [44, с. 13]; сходное решение вопроса в принципе допускает и Б. А. Рыбаков [40, с. 186, 187]. Наиболее полное оформление такое толкование каллипидов получило в работах В. М. Отрешко [5, с. 29—32] и особенно А. С. Русяевой и М. В. Скржинской [4, с. 34—36]. Замечу также, что А. С. Русяева и М. В. Скржинская сам переход части кочевников каллипидов к земледелию объясняют воздействием эллинов [4, с. 35].

Третий и последний основной аспект комментариев — этнос. В данном случае в силу обилия различных, часто взаимоисключающих друг друга точек зрения ограничусь лишь простым перечислением некоторых из них. Первая и основная точка зрения, поддерживаемая большинством отечественных и современных исследователей: каллипиды — скифы; вторая, также ранняя и также, как уже отмечалось выше, довольно представительная — этнически смешанное население; третья — фракийцы [18, 23]; четвертая — либо фракийцы, либо скифы [22, стб. 1656—1657]; пятая — славяне [33, с. 220]; шестая — эллины [45, с. 151—153]; седьмая — потомки доскифских племен [40, с. 187].

Если мы теперь на основании только что сгруппированного материала построим нечто вроде упрощенной корреляционной решетки отдельных мнений, то легко установим, что за пределами зоны стационарных поселений Нижнего Побужья, в степи, помещают лишь полукочевников каллипидов-скифов, занявшихся земледелием под сильным воздействием эллинов. Все же остальные «виды» эллинов-скифов — от скифского или фракийского оседлого племени земледельцев до особого смешанного населения и даже отчасти полукочевников [43, с. 294; 5, с. 40, примеч. 67] — довольно спокойно уживаются в пределах этой ограниченной приморской части «Старой Скифии» Геродота (IV, 99).

Рассмотрение трансформации взглядов на каллипидов во времени, особенно важное в силу несомненного углубления источниковедческой базы как в сфере более тонкого историко-филологического анализа, так еще более в плане расширения археологических знаний, выявляет на удивление незначительное уменьшение количества одновременно существующих позиций. В этом отношении можно еще раз отметить лишь явно наметившийся отказ от признания в карпидах Эфора каллипидов Геродота, да практически полное забвение позиции сторонников фракийской принадлежности этого этноса. Более того, в настоящее время спектр мнений явно расширился, причем расширился едва ли не по всем основным аспектам комментария. Все это, разумеется, не может не настораживать, являясь по сути своей косвенным подтверждением сделанного ранее вывода о сложности совмещения информации, заключенной в интересующем нас отрывке IV книги «Истории», с археологической базой, обычно привлекаемой для ее объяснения.

Теперь, когда мы так или иначе рассмотрели существующие концепции каллипидов, можно приступить к их критической оценке. Начать следует, по всей видимости, с локализации, ибо, все дальнейшее направление работы зависит от вывода этой части анализа.

Как сказано, на сегодняшний день по этому вопросу имеется всего две точки зрения. Согласно последней из них, «каллипиды занимали не особенно обширную территорию (приблизительно в пределах от Николаева и несколько выше Новой Одессы, в западной части ниже до с. Каменки, между Бугом и Днепром — до Херсона)» [4, с. 34]. На чем основывается эта на удивление точная локализация этноса? Оснований, помимо обнаруженных здесь скифских погребений V—IV вв. до н. э. [4, с. 34, 35], несколько. 1. Археологические открытия последнего десятилетия в районе Нижнего Побужья показывают, «что все поселения, расположенные в сельской округе Ольвии (т. е. по берегам Бугского, Днепро-Бугского и Березанского лиманов.— *К. М.*), были основаны эллинами и не могут соответственно считаться каллипидскими» [4, с. 35; 5, с. 40]. 2. Ольвийское государство не могло допустить функционирования на своей сельскохозяйственной территории целого варварского племени, ибо это нарушило бы его целостность, а посему, следовательно, Геродот начинает свою диафесу с племен, живущих уже по соседству с землями этого государства [4, с. 29; 1, с. 7].

Кроме этих двух основных соображений приводятся как минимум еще два косвенных: локализация Геродотом каллипидов и алазонов по р. Гипанису к западу от Борисфена «не дает никакого права размещать эти племена только к западу от Гипаниса в ближайших окрестностях Ольвии» [4, с. 33], и эмпорием борисфенитов (Herod., IV, 17) следует считать все-таки не Ольвию, а греческое поселение на о. Березань [4, с. 33].

Рассмотрим эти доводы по отдельности. Прежде всего необходимо отметить, что наличие в очерченном районе небольшой серии кочевнических погребений V—IV вв. до н. э., содержавших наряду с прочим некоторое количество изделий греческих ремесленников [46, с. 133 и сл.], ровным счетом ничего не доказывает. При фиксируемом в настоящее время на археологическом уровне сходстве погребальной обрядности населения скифского времени степной зоны Северного Причерноморья [47, с. 7; 48, с. 11—13] (ср. [49, с. 125 и сл.]), указанные памятники почти с одинаковым основанием могут быть отнесены практически к любому племени, известному нам здесь в VI—IV вв. до н. э. по данным античной литературной традиции, в том числе, например, алазонам, что, кстати сказать, и делают сами авторы публикации этих комплексов [46, с. 149, 150]. Нетрудно также заметить, что все остальные доводы не имеют прямого отношения к выдвинутой локализации. Они в лучшем случае работают против размещения каллипидов в пределах Нижнего Побужья, не более. Причем лишь один из них, первый, непосредственно вытекающий из интерпретации конкретных археологических материалов, кажется на первый взгляд вполне убедительным. Второй же довод находится в явном противоречии с литературной традицией, свидетельствующей о длительном функционировании целых варварских этносов на землях, располагавшихся вблизи греческих городов, считавших их своей собственностью. Само собой разумеется, что во всех этих случаях речь идет о каких-то формах зависимости (см., например [50, с. 80 и сл.; 51, с. 110—113]). Напомню также, что даже сам Милет — метрополия Ольвии, возможно, имел таких соседей в лице малоазийского племени гергифов [10, с. 472].

Вернемся к первому доводу. Главное, на что необходимо обратить внимание в этой связи,— это на неоправданную упрощенность вывода, будто поселения, основанные эллинами, не могут считаться каллипидскими. В таком утверждении явно не хватает гибкости и учета всех существующих точек зрения, поскольку среди последних есть и такая: каллипиды — смешанное с эллинами население Нижнего Побужья.

В самом деле, спрашивается: почему, собственно говоря, на поселениях, возникших в результате греческой колонизации этого района и находившихся под непосредственным культурным, хозяйственным и, вполн-

не вероятно, политическим контролем ольвиополитов, не могло проживать этнически смешанное население? Быть может, однако, у нас нет оснований предполагать здесь такого смешения? Отнюдь. Как показывают результаты изучения материальной культуры всех наиболее изученных к настоящему времени поселений позднеархаического периода, в состав их жителей наряду с эллинами входило какое-то количество выходцев из различных районов Северного Причерноморья и даже Карпато-Дунайского бассейна [52, с. 153, 154; 2, с. 141]. Заметим далее, что сейчас этот вывод в той или иной мере принимается и частью сторонников исключительно греческой культурной принадлежности памятников [4, с. 26; 5, с. 37, 38]. Другое дело определение роли этой варварской примеси в социальной, хозяйственной и культурной жизни Ольвийского государства. Как полагают, например, А. С. Русяева и М. В. Скржинская, она вряд ли была сколь-либо значительной [4, с. 26]. Так ли это в действительности, сказать трудно. При отсутствии соответствующих письменных данных и недостаточной разработанности конкретных археологических материалов любая оценка такого рода выглядит пока по меньшей мере гипотетичной.

Что же касается выяснения удельного веса аборигенов в составе жителей сельскохозяйственных поселений ольвийской округи, то в данном случае, как нам кажется, дело даже сейчас не столь уж бесперспективно. Некоторые возможности косвенного решения дает сопоставление процентов лепной и кружальной посуды в керамических комплексах отдельных памятников региона [53, с. 93 и сл.]. На основании такого рода сопоставлений, выявляющих значительно более высокий, нежели в Ольвии, процент лепной посуды, находившейся в обращении жителей Нижнего Побужья [54, с. 66], создается впечатление о пребывании здесь и относительно большего числа варваров, продолжавших, несмотря на широко развитый импорт изделий греческих гончаров (и это весьма знаменательно!), использовать керамику (в том числе и столовую), созданную по облику и подобию бытовавшей во внутренних районах Северного и Северо-Западного Причерноморья.

Небезынтересным в этой же связи представляется и наличие статистически достоверных расхождений удельных весов такой посуды при сравнении отдельных комплексов — от 9—10% на Бейкушском поселении до 15—18% на пос. Старая Богдановка-2 и 34—36% на пос. Куцуруб-1[4]. Данное обстоятельство позволяет мне вслед за Я. В. Доманским предполагать одновременное функционирование на берегах Бугского, Днепро-Бугского и Березанского лиманов постоянных поселений с более или менее выраженным варварским составом жителей [29, с. 33].

Вообще же следует подчеркнуть, что возникшее было в процессе широкого обследования этого района впечатление почти идиллического однообразия, если даже не тождества, материальной культуры рядовых памятников VI — первой трети V в. до н. э. [55, с. 4—6; 2, с. 139, 140; 4, с. 27; 5, с. 38—40] с началом широких стационарных раскопок начинает понемногу рассеиваться. Постепенно обрисовываются целые комплексы, в том числе и культового назначения, имеющие не только большое число количественных, но и значительные качественные (культурные) различия. Особенно настораживает то обстоятельство, что составы группы лепной керамики некоторых поселений заметно отличаются не только на статистическом уровне, о чем уже упоминалось выше, но и по типологическому составу, а ведь речь в данном случае как раз и идет об одном из наибо-

[4] Не могу согласиться с выводом В. М. Отрешко, объясняющим определенные различия в процентных соотношениях разных групп керамики на поселениях «преимущественно случайными отклонениями от среднестатистической картины», поскольку, мол, «при увеличении объема материала эти различия обычно погашаются» [5, с. 37]. Приведенные автором в доказательство этого положения примеры либо показывают обратное, либо просто не соответствуют требованиям, предъявляемым в статистике к случайным выборкам, способным более или менее адекватно характеризовать представляемые ими генеральные совокупности [5, с. 36, 37]. Впрочем, и сам В. М. Отрешко допускает возможность существования статистически достоверных отклонений, совершенно справедливо полагая их следствиями каких-то более сложных, в том числе функциональных, различий поселений [5, с. 37].

лее показательных с этнической точки зрения элементов материальной культуры раннего железного века.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Лепная керамика правобережного поселения Старая Богдановка-2, расположенного в 14 км к северу от Ольвии, содержит в своем составе четыре компонента — степной, лесостепной, Карпато-Дунайский и, возможно, крайне небольшой греческий. Точно такая же картина наблюдается на Березани и в Ольвии [56, с. 157 и сл.]. В то же время соответствующие материалы левобережного поселения Лупарево-2, что прямо против Ольвийского городища, представлены лишь степной керамикой, а правобережного поселения Куцуруб-1, находящегося уже значительно южнее Ольвии, в 7 км к северо-востоку от г. Очаков,— главным образом фрагментами посуды карпато-дунайского облика, без заметной примеси керамики лесостепных районов Украины.

Связано ли все это только с функциональной неоднородностью комплексов и филиацией самой эллинской общины Нижнего Побужья или здесь сокрыты какие-то иные причины — остается догадываться. Ясно одно: достоверная картина этнического состава населения позднеархаического периода этого района в настоящее время не может быть нарисована без учета материалов, прямо указывающих на присутствие здесь значительного контингента выходцев из различных областей степной и лесостепной зон Северного Причерноморья и Фракии.

Что касается остальных доводов сторонников новой локализации каллипидов, то их приятие или неприятие при нашем подходе к этому аспекту вопроса в общем-то малосущественно. Действительно, какое, скажем, значение для нас будет иметь расширение области обитания эллинов-скифов и на левый берег Гипаниса, если он на участке к югу от г. Николаева входит в зону распространения стационарных поселений [55, карта]? Другое дело изменение пункта отсчета Геродота. В данном случае, пожалуй, признание в «эмпории борисфенитов» архаического поселения на о. Березань работает даже против самих авторов рассматриваемой точки зрения. Это явствует хотя бы уже из того обстоятельства, что Березанское поселение находится значительно южнее Ольвии, и в таком случае все аграрные поселения Нижнего Побужья как раз и оказываются выше эмпория.

Перейдем теперь к выяснению обоснованности хозяйственного и культурного аспектов новой концепции. Следует сразу же подчеркнуть, что взятая сама по себе идея считать каллипидов полукочевым-полуземледельческим племенем, обитающим в степной части Побужья, в общетеоретическом плане безупречна, поскольку может быть подкреплена соответствующей разработкой Б. Н. Гракова о принципиальной возможности существования подобных племен в степной зоне Северного Причерноморья раннего железного века, с одной стороны [25, с. 39, 61], и многочисленными свидетельствами исторической этнографии — с другой [57, с. 11 и сл.].

Какие же, однако, доводы выдвинуты для подкрепления столь ответственного вывода? В сущности, их три: почти полное отсутствие поселений земледельцев в Нижнем Побужье середины — второй половины V в. до н. э. [4, с. 27; 5, с. 34], замечание «отца истории» о том, что каллипиды занимались всем прочим так же, как скифы, но хлеб сеяли и т. д. [4, с. 34, 35; 5, с. 31, 32], и последнее — одно из названий этноса — каллипиды, т. е. прекрасноконные [4, с. 35]. Рассмотрим их.

В настоящее время едва ли не общим местом стало признание факта прекращения жизни в первой трети V в. до н. э. на большей части многочисленных аграрных поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода, что связывается главным образом с активизацией военно-политической деятельности кочевых скифов в Северо-Западном Причерноморье [2, с. 142, 143; 58, с. 106—108; 59, с. 58 и сл.; 60, с. 159 и сл.]. В силу этого легко догадаться, что даже такой любознательный путешественник, как Геродот, при всем своем желании мог увидеть здесь в лучшем случае лишь крайне ограниченное число «хуторков», на которых к тому

же едва теплилась жизнь[5]. Вполне понятен поэтому и тот скептицизм, с которым подошли к традиционным представлениям о каллипидах некоторые археологи, работающие по скифо-античной проблематике: следы оседлой жизни на берегах Днепро-Бугского лимана середины — второй половины V в. до н. э. кажутся ныне столь невыразительными, особенно по сравнению с более ранним периодом, что это невольно ставит под удар саму возможность постоянного функционирования здесь сколько-нибудь значительных групп земледельцев, а тем более целого племени варваров.

Все это, разумеется, так или почти так. Как представляется, однако, полностью отбрасывать эти, пускай даже относительно неяркие свидетельства продолжения оседлой жизни в приморской части Побужья, было бы преждевременно. И вот почему. С ними связано одно любопытное и на первый взгляд странное обстоятельство: как, каким образом могли существовать, пусть весьма небольшие, но совершенно незащищенные, поселения земледельцев в период едва ли не безраздельного господства здесь скифов Ариапифа, Скила и Октамасада, настроенных в своей массе явно враждебно к грекам (Herod., IV, 76, 78, 80)? Пожалуй, столь же странным на этом фоне реальной опасности представляется и другое — одновременный расцвет хозяйственной и строительной деятельности на обширном, но также абсолютно незащищенном предградии Ольвии [62, с. 3 и сл.]. Подробная характеристика предградия с точки зрения базовой функции, этнокультурной и социальной принадлежности его жителей, приведенная мною в другой работе [2, с. 143; 63], позволяет сразу же сделать попытку объяснить это загадочное явление: физическое продолжение жизнедеятельности некоторых открытых поселений, равно как и образование самого предградья, могло быть скорее всего обеспечено не самими эллинами, а зависимой от них, в значительной степени варварской по своему происхождению группой населения Нижнего Побужья. О возможности видеть в этой группе каллипидов Геродота — несколько ниже.

Сейчас же, по-видимому, вполне уместно напомнить и иное решение рассматриваемого вопроса. Спрашивается, почему, собственно говоря, «отец истории» в конкретном случае с каллипидами обязательно должен был базироваться на личных впечатлениях? Или иначе: откуда такая убежденность в полном соответствии всех частей Геродотовой картины расселения скифских этносов времени возможного посещения историком Ольвии? Ведь это только не более чем оправданное предположение, а отнюдь не утверждение самого автора. Почему, скажем, нельзя допустить, что вся эта диафеса или хотя бы ее отдельные части хронологически более близки времени скифского похода Дария? Такое допущение не представляется невероятным ни с точки зрения основной задачи Геродота, ни в силу существования независимых и более ранних сведений о скифах, в том числе и о каллипидах, в трудах так называемых логографов, из которых он в той или иной степени и мог черпать недостающую ему информацию [11, стб. 422—433; 64, с. 149]. Таким образом, нельзя полностью отказываться и от синхронизации сведений, содержащихся в главе 17 четвертой книги «Истории», с периодом расцвета оседлой жизни на многочисленных поселениях земледельцев Нижнего Побужья второй половины VI — первой четверти V в. до н. э.[6]

Второй довод сторонников новой трактовки хозяйственного уклада каллипидов основан на наличии у Геродота четкого сопоставления образа жизни скифов и «эллинов-скифов» во всем, кроме занятия земледелием. Как полагают эти исследователи, в данном месте Геродот под этнонимом «скифы» имеет в виду только кочевников, поскольку, мол, такой вывод явствует из всего контекста «Скифского логоса» [4, с. 34; 5, с. 31]. Следовательно, заключают А. С. Русяева и М. В. Скржинская, единственное, что сближает каллипидов с эллинами — это занятие земледелием;

[5] В числе таких памятников в настоящее время предположительно можно назвать следующие поселения: у Закисовой балки [61, с. 130], Лупарево-2, Кукуруб-1 и Станислав.

[6] Сходное решение вопроса допускает в принципе и В. М. Отрешко [5, с. 34].

отсюда и только отсюда, по их мнению, может быть понят и двойной этникон этого этноса — «эллины-скифы» [4, с. 34, 35].

Это заключение убедительно и с точки зрения логики и, тем более, с позиций самого Геродота, уверенно относившего к скифским племенам прежде всего и главным образом степных кочевников, образовывавших в его глазах основную ударную силу в военно-политической истории Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. Следует прибавить к тому же, что убедительность указанного суждения можно заметно усилить, обратив внимание на отсутствие такого же или сходного сопоставления в тексте «Истории» в местах упоминания других этносов Скифии — «скифов-пахарей» (IV, 17) и «скифов-земледельцев» (IV, 18), которых большинство современных исследователей относят к категории оседлых земледельческих племен или племенных объединений.

При этом, однако, не исключен и иной подход к тексту соответствующих глав IV книги, основанный на самом факте включения Геродотом в состав скифских этносов наряду с номадами и совершенно явных оседлых земледельцев — тех же «скифов-пахарей». В этой связи существенно отметить и то, что само по себе такое странное на первый взгляд, скажем даже противоестественное, объединение антагонистов в реальной исторической действительности у «отца истории» выглядит вполне закономерным и оправданным, прочно базируясь на местной генеалогической легенде (Herod., IV, 5). Именно в силу возможности органического слияния у Геродота кочевников и земледельцев в одно целое допускается и другое, расширительное толкование этнонима «скифы», превращающегося, таким образом, в интересующем нас пассаже либо просто в удобную форму сравнения более низкого (примитивного) образа жизни с более высоким (цивилизованным), либо в вольное или невольное указание на какую-то отличную, т. е. не скифскую, принадлежность каллипидов, либо в то и другое вместе.

Третий и последний довод рассматриваемой трактовки, основанный на самом названии этноса, не представляется серьезным сразу по двум причинам. Во-первых, как известно, возможен еще один аналогичный перевод греческого καλλιπιδαι — «потомки прекрасноконных» [25, с. 39] [7], уже не дающий исключительного права утверждать какую-то особенно большую роль коневодства у эллинов-скифов во времена Геродота, и, во-вторых, нельзя не учитывать, что причины возникновения этого эллинского, а не собственно варварского определения могли, судя по всему, быть самыми различными, вплоть до чисто внешних, случайных и даже надуманных, что в какой-то степени понимали еще древние (Strab., XII, 3, 21) [8].

На этом, собственно, и можно было бы закончить анализ доводов в пользу отнесения каллипидов к категории полукочевых племен, обитавших в степной части Побужья, за пределами зоны стационарных поселений Бугского, Днепро-Бугского и Березанского лиманов. Прежде, однако, следует хотя бы коротко остановиться на интерпретации двойного этникона этноса — «эллины-скифы».

Сразу же замечу, что именно в этом, с моей точки зрения, едва ли не наиболее существенном аспекте вопроса сторонники новой концепции проявили чрезмерную сдержанность. Одни из них вообще отказались от попытки раскрыть содержание двойного этникона, ссылаясь на отсутствие дополнительной информации [5, с. 34], другие же, лишь несколько видоизменив одну из наиболее распространенных в настоящее время позиций, объясняют употребление столь необычного для Геродота термина своего рода желанием историка указать на некоторую схожесть образа жизни

[7] Напомню также о существовании и иных переводов этникона. См., например [38, с. 420; 69, с. 137 и сл.].

[8] В этой связи весьма странной представляется позиция А. С. Русяевой и М. В. Скржинской, почему-то уверенных в существовании лишь одного принципа, которым будто бы только и руководствовался Геродот, присваивая греческие названия тем или иным варварским племенам, а именно: «по основному занятию» [4, с. 35]. О путях формирования варварских этнонимов у античных авторов см. [70, с. 4].

кочевников каллипидов и эллинов, выражавшуюся в занятии тех и других земледелием [4, с. 34, 35]. Впрочем, в последнем случае одно принципиальное дополнение все-таки есть: выращивание хлеба и прочих продуктов земледелия каллипидами, алазонами, скифами-пахарями, да, по всей видимости, и остальными скифскими племенами, мыслится этими исследователям только как результат активного воздействия Ольвии на варварское население Северного Причерноморья [3, с. 73; 4, с. 35, 36]. Создается впечатление, таким образом, что это население до своего контакта с греками вообще не знало обработки полей. В данной связи остается лишь недоумевать: что же нам теперь делать с местной генеалогической легендой скифов, в которой прямо назван плуг среди золотых предметов, упавших с неба (Herod., IV, 5), или, например, как объяснять относительное постоянство видового состава культурных растений Северного Причерноморья начиная с эпохи неолита и едва ли не до средневековья [71, с. 201; 72, с. 68 и сл.]?

Число недоумений, вызванных столь необычной оценкой влияния Ольвии на хозяйство кочевых племен Скифии, этим, естественно, не ограничивается (см., например [33, с. 216—218]), но ответ на них в рамках рассматриваемого комментария, увы, отсутствует, да он, по-видимому, и невозможен. Таким образом, и эту сторону новой концепции следует признать неудовлетворительной.

Поищем теперь более убедительную точку зрения на каллипидов среди двух оставшихся традиционных позиций. Поскольку обе они локализуют «эллинов-скифов» в приморской части Побужья, сразу же перейдем к хозяйственному и культурному аспектам комментариев.

Первое, наиболее распространенное на сегодняшний день представление о каллипидах — как о небольшом сильно эллинизованном земледельческом племени скифов — после некоторых размышлений следует также признать неудовлетворительным, но, разумеется, не на уровне критики текста самого литературного источника, а из-за отсутствия реальных археологических свидетельств, подтверждающих факт существования в районе Нижнего Побужья такого племени. В самом деле, как бы мы ни старались сейчас интерпретировать материалы архаических и классических поселений этого района, какое бы соотношение эллинских и варварских элементов в их культуре ни усматривали, нельзя не видеть между ними и Ольвией прямой причинно-следственной связи, ощущаемой буквально во всем: от сходства целого ряда элементов материальной культуры до взаимообусловленности их исторических судеб. Иными словами, можно думать, что буквально любое из ныне известных постоянных поселений позднеархаического времени появилось и функционировало здесь только в связи с появлением и функционированием в этом районе Березани и Ольвийского полиса [1, с. 7 и сл.; 2, с. 131 и сл.].

Вторая точка зрения, как отмечалось выше, представляет каллипидов в виде особого населения Нижнего Побужья, возникшего в результате смешения эллинов со скифами или, как вариант, от смешения представителей различных варварских племен Причерноморья, втянутых по разным причинам в культурную и экономическую орбиту Ольвии. Напомню также, что, по нашим наблюдениям, именно эта позиция оказалась совершенно непоколебленной новыми археологическими данными. Напротив, здесь, в сфере археологических фактов, обнаруживаются вполне реальные следы жизни на аграрных поселениях ольвийской округи середины VI—V в. до н. э. какого-то, скорее всего значительного, количества разноэтничных варваров.

Весьма существенным обстоятельством, на которое следует обратить особое внимание в случае принятия указанной точки зрения, является необходимость признания существования социальной зависимости такой группы жителей от эллинов, так как трудно, да и невозможно себе представить для столь раннего времени иной формы отношений автаркичной, сословной общины ионийцев и искусственно возникшей гетерогенной прослойки, призванной, по всей вероятности, в конечном счете содействовать снабжению этой общины необходимыми для ее нормального воспроизвод-

ства продуктами земледелия и скотоводства, в том числе, возможно, и конями. То обстоятельство, что варварский компонент населения Нижнего Побужья с самого начала не образовывал системы типа род — племя, не могло не создавать реальных предпосылок его быстрой и глубокой эллинизации, охватывавшей не только одни внешние стороны культуры, но, очевидно, и область религиозных представлений; вполне естественной в этих условиях представляется и частичная метизация аборигенов (ср. [4, с. 26]). Четкое, вполне адекватное объяснение в этом случае получает и двойной этникон каллипидов, употребленный, таким образом, Геродотом прежде всего в своем основном, т. е. этнографическом, а не относительно более редком топонимическом, значении (ср. [27, с. 37 и сл.]).

Единственным серьезным возражением версии оказывается сомнительная возможность определения эллинов-скифов термином «этнос», что как раз и делает Геродот. Впрочем, как установлено соответствующими исследованиями, семантика этого слова в древнегреческом языке не ограничивалась областью определения родственных по крови групп населения, она гораздо шире [65, с. 78, 67, с. 9 и сл.]. Термином «этнос» греки могли называть сословия, часть населения страны, группы населения, выделенные не только по профессиональному или социальному признакам, но и по признаку возраста, физических или даже нравственных качеств. Причем, как замечает А. И. Доватур, такое словоупотребление не было необычным и для V в. до н. э. [67, с. 10]. Правда, следует заметить, что сам Геродот всего только два раза отчетливо использует термин «этнос» в значении сословия. Во всех остальных случаях, а их 143, это слово употребляется им как будто в своем основном смысле — племя, народ [66, с. 122, 123]. Тем не менее исключения есть. Следует даже полагать, что их в действительности несколько больше, поскольку вполне вероятно наличие в тексте «Истории» и других невольных, сейчас трудно устанавливаемых отклонений от основного правила. Нельзя исключать, в частности, что именно диафеса этносов Скифии как раз и содержит примеры такого рода «ошибочного» словоупотребления [68, с. 123, 126].

Завершая, таким образом, рассмотрение основных концепций, можно сделать вывод, что в настоящее время наиболее достоверно и в согласии с данными археологии Нижнего Побужья каллипидов Геродота объясняет гипотеза, одним из виднейших сторонников которой в свое время являлся Василий Васильевич Латышев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русяєва А. С.* Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е.— Археологія, 1979, № 30.
2. *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья.— ВДИ, 1980, № 1.
3. *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды.— АИУ — 1976— 1977. Ужгород, 1978.
4. *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды.— ВДИ, 1979, № 4.
5. *Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья.— СА, 1981, № 1.
6. *Мищенко Ф. Г.* Геродот. М., 1888.
7. *Геродот.* История. В 9 книгах / Перевод и примечания Стратановского Г. А. Л.: Наука. 1972.
8. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
9. *Мищенко Ф. Г.* Не в меру строгий суд над Геродотом. М., 1888.
10. *Busolt G.* Grichische Geschichte bis zur Schlacht bei Charoneia. Gotha, 1895, Bd., II².
11. *Jacoby F.* Herodotos.— RE, Supplbd. II, 1913.
12. *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.
13. *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 36.
14. *Зуц В. Л.* До питання про утворення Ольвіської держави.— Археологія, 1965, т. XIX.
15. *Славін Л. М.* До питання про ольвійсько-скіфські відносини.— Історичний збірник Київського Державного Університету, 1954, т. XIII, № 5.
16. *Мелюкова А. И.* Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э.— МИА, 1971, № 177.

17. *Брун Л. Ф.* Опыт соглашения противуположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях.— В кн.: Черноморье. Одесса, 1880, ч. II.
18. *Patsch C.* Carpi.— RE, III, 6, 1899.
19. *Kretschmer K.* Scythae.— RE, IIa, 1921.
20. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
21. *Люперсольский П. И.* О каллипидах у Геродота (IV, 17).— Тр. VI АС. Одесса, 1888, т. II.
22. *Hermann A.* Kallipidai.— RE, X, 2, 1919.
23. *Tomaschek.* Alasones.— RE, I, 1894.
24. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
25. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
26. *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50.
27. *Шафранская Н. В.* О миксэллинах.— ВДИ, 1956, № 3.
28. *Болтенко М. Ф.* Herodoteanea.— МАСП, 1960, вып. III.
29. *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э.— АСб. ГЭ, 1961. вып. 2.
30. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
31. *Надеждин Н.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями.— ЗООИД, 1844, т. I.
32. *Böck A.* Corpus inscriptionum graecarum Auctoritate et impensis Academioe litterarum Regie Borsus. Berlin, 1843, v. II.
33. *Neumann K.* Die Hellenen in Skytenlande. Berlin, 1855, Bd. I.
34. *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. Спб., 1887.
35. *Латышев В. В.* Население Херсонской губернии за 2400 лет до нашего времени.— В кн.: Pontika. Спб., 1909.
36. *Мищенко Ф. Г.* К вопросу о царских скифах.— Киевская старина, 1884, май.
37. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
38. *Zbořil J.* Herodotova Skythie a sousede.— SA, 1959, roč. 7—2.
39. *Cook J. M.* The greekc in Ionia and the East. N. Y., 1962.
40. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
41. *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии.— Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 85, Сер. историч. наук, вып. 13.
42. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
43. *Лесков А. М.*— СА, 1977, № 3.— Рец. на кн.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
44. *Гиндин Л. А.* Членение скифских племен в свете семантической дистрибуции глаголов обитания в IV кн. Геродота.— Симпозиум «Античная балканистика». Тезисы докладов. М., 1980.
45. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966.
46. *Ковпаненко Т. Г., Бунятян Е. П.* Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области.— В кн.: Курганы на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1978.
47. *Мурзин В. Ю.* Степная Скифия VII—V вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1979.
48. *Бунятян Е. П.* Рядовое население степной Скифии IV—III вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1981.
49. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
50. *Свенцицкая И. С.* Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э.— ВДИ, 1967, № 4.
51. *Нейхарт А. А.* Рабство в малоазийских торговых греческих городах.— В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л.: Наука, 1968.
52. *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э.— ВДИ, 1974, № 2.
53. *Марченко К. К.* Комплекс лепной керамики античных поселений Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо — 1979. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
54. *Марченко К. К.* Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э.— СА, 1972, № 4.
55. *Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В. В.* К истории Ольвийской сельской округи.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1980.
56. *Марченко К. К.* Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
57. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
58. *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила. Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н. э.— СА, 1980, № 3.
59. *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблемы политического устройства (часть II).— ВДИ, 1981, № 3.
60. *Доманский Я. В.* Ольвия и варвары в V в. до н. э.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы

II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо — 1979. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
61. *Отрешко В. М.* Архаические и классические слои на поселении у Закисовой балки.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев: Наукова думка, 1975.
62. *Козуб Ю. І.* Передмістя Ольвії.— Археологія, 1979, № 29.
63. *Марченко К. К.* К вопросу о так называемом предместье Ольвии.— ВДИ, 1982, № 3.
64. *Грантовский Э. А.* Проблемы изучения общественного строя скифов.— ВДИ, 1980, № 4.
65. *Шмидт Р. В.* Из истории Фессалии.— ИГАИМК, 1934, вып. 101.
66. *Поплинский Ю. К.* К вопросу о возникновении термина «этнос».— СЭ, 1973, № 1.
67. *Доватур А. И.* Политика и полития Аристотеля. М.— Л.: Наука, 1965.
68. *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.
69. *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
70. *Абаев В. И.* О некоторых «варварских» топо-, этно- и антропонимах у античных авторов.— Симпозиум «Античная балканистика»: Тезисы докладов. М., 1980.
71. *Янушевич З. В.* Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976.
72. *Янушевич З. В.* Палеоботанические исследования в древнейших земледельческих центрах.— Природа, 1981, № 8.

K. K. Marchenko

ONCE MORE ON THE CALLIPIDAE

Summary

The subject of the article is a critical analysis of the main premises of a new conception on the Callipidae (Herod. IV, 17) treating them as a small nomad Scythian tribe which came to the steppe part of the Bug basin at the borders of the Olvia polis at the end of the 6th century B.C. and took to agriculture under direct and active Greek influence [3; 4]. The author comes to the conclusion that this opinion, despite its seemingly logic and attractive character, cannot be accepted and cannot replace traditional notions. One of the earlier hypothesis which seems to be the most probable one and in accord with the literary tradition and latest archaeological data treats the Callipidae as an individual, ethnically mixed and socially dependent, group in the lower Bug which emerged in the region as a result of the Hellenistic colonisation.

ПИЧИКЯН И. Р.

АЛЕКСАНДР-ГЕРАКЛ

(греко-бактрийский портрет великого полководца)

Об эллинистическом портрете в Греко-Бактрии до настоящего времени можно было судить исключительно по монетным изображениям [1, с. 29]. В 1979 г. при раскопках храма Окса — античной крепости Тахти-Сангин, охраняющей вместе с легендарным Тахти-Кубадом переправу в верховьях Амударьи, была открыта целая галерея портретов, выполненных в местной глине и алебастре — материалах столь хрупких, что изготовление высокохудожественных произведений монументального искусства на месте не может вызывать сомнений[1]. Одна находка из слоновой кости в храме, непосредственно связанная с портретами на монетах, открывает новый этап в изучении греко-бактрийского искусства.

Рельефное изображение Александра Македонского в облике Геракла украшало лицевую часть устья ножен вотивной миниатюрной махайры (рис. 1). Тахти-сангинский портретный бюст передает зрелый юношеский облик полководца [2, с. 124—133; 197—214][2]. Голова дана анфас, слегка повернута влево и едва заметно склонена к левому плечу. Взор широко открытых глаз без прорисовки зрачков обращен выше зрителя. Округлый овал лица стянут шлемом из шкуры льва (голова): верхняя челюсть льва венчает лоб, нижние челюсти обрамляют щеки героя в виде нащечников шлема. За головой Александра развевающиеся тонко моделированные локоны-завитки гривы, а на груди — лапы льва, перевязанные в гераклов узел (сохранились одна лапа и часть шкуры на левом плече, правая лапа и узел — утрачены). На лице потертости — нос и губы спереди немного стерты.

Контур лица тахти-сангинского Александра овальный в отличие от круглых типов скопасовских голов. Широко открытые глаза посажены близко друг к другу и не очень глубоко, но массивные надбровья выступают вперед, не нависая над глазами, что все же придает выражению лица пафос, свойственный всем портретам Александра, роднящий и собирающий их по одному уже этому признаку. Следует отметить также отсутствие на лбу и переносице морщин и прищура глаз, характерных для позднеэллинистического времени.

Как правильно отметил К. Гебауэр, вопрос об атрибуции каждого портрета Александра может иметь единственную перспективу решения,

---

[1] Раскопки с 1976 г. проводятся Тахтикубадским отрядом (И. Р. Пичикян) Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (руководитель член-кор. АН ТаджССР Б. А. Литвинский).

[2] Обломок склеен автором из нескольких вертикально расслоившихся тонких чешуек слоновой кости, найденных в разных местах спаявшегося от окислов конгломерата, представляющего собой культовый заклад № 2 в дальнем северо-западном углу 20-метрового обводного коридора храма на глубине 3,5 м от современной дневной поверхности и в 0,5—0,65 м над реальным материком. Заклад содержал 2000 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел и несколько предметов из кости: втулки с изображением фазана, две миниатюрных обкладки ножек махайры (на одной изображение Александра). На фрагменте лицевой стороны бутеролп (размеры портретного бюста: высота 3,3, ширина 2,8 см) изображение головы сохранилось полностью (высота — 1,2, ширина — 0,9, вместе с обнаженной шеей высота — 2,0 см, глаз — 0,13, нос — 0,3 см). С обратной стороны следы паза и вертикального вреза, обычного для устьев ножен махайр, как миниатюрных, так и подлинных, функциональных, найденных в большом количестве в культовых закладах храма [3, с. 202—212]. (Хранится в Институте истории им. А. Дониша АН ТаджССР, инв. № 1091—1134.)

Рис. 1. Александр в львином шлеме Геракла. Тахти-Сангин. Кость слоновая

если его рассматривать с точки зрения всего существующего материала [4, с. 32]. Александра Македонского изображали самые известные скульпторы Греции: Лисипп, Леохар, Евтикрат, Евфранор [5, с. 150]. В настоящее время иконография портретов Александра хорошо разработана, а обширная литература [5—20] по атрибуции его портретов во многом облегчает нашу работу. Поскольку атрибуция тахти-сангинского портрета не представляет сложностей, необходимо помимо аналогий определить его место в иконографической типологии.

Успешную классификацию по мастерам-исполнителям осуществил О. Ф. Вальдгауер. Его работу можно было бы продолжить с расширительной классификацией по школам, так как авторство большинства портретов Александра установить невозможно. В этом плане при специальном монографическом исследовании можно было бы сгруппировать все известные работы по методу Дж. Биэли, примененному при изучении аттической вазописи, и назвать мастеров по именам наиболее характерных портретов [21; 22], но это не входит в нашу задачу. Классификацию по школам ваяния географического диапазона произвели М. Бибер и К. Гебауэр, но их работы не отличаются исчерпывающей полнотой [4; 9—11]. Прекрасная работа К. Гебауэра распределяет известные автору монетные чеканы и скульптуры с изображением Геракла и Александра по региональным школам. По мнению ученого, собранные им скульптурные работы александрийской школы могут быть противопоставлены всего лишь 12 мраморным работам всего остального Средиземноморья [4, с. 33]. Однако это не так. В последние годы археологические журналы публикуют и переиздают новые атрибуции портретов Александра, которые пополняются за счет изучения музейных и частных коллекций [23, с. 411, рис. 29—32; 25, с. 106—115], а также благодаря

археологическим раскопкам, чему могут быть свидетельством раскопки в Эгах [24, с. 3, фото на обложке] и на Тахти-Сангине. Завоевали уже право на существование классификация с выделением римского идеализированного портрета и так называемая группа римского исторического портрета в иконографии Александра Великого [23; 25]. Существуют и типологические группы, основанные на самых разнообразных признаках, в том числе и на эмоциональных характеристиках. Так, О. Я. Неверов, классифицируя обожествление создателя огромной эллинистической монархии в соответствии с этапами апофеоза владыки (что само по себе содержит очень здравую, хотя и не новую мысль [4, с. 2]), видит эволюцию и в стиле портретов Александра. Это и приводит О. Я. Неверова к типологии, основанной на эмоциональных началах [26, с. 86]. Есть классификации произвольные, трудноопределимые, основанные неизвестно на каком принципе типологии [6; 12]. Классификацию по видам и жанрам искусства осуществляли только нумизматы, выделяя из всей совокупности профильные изображения на монетах.

Собственно обобщающей иконографической типологии образа Александра в изобразительном искусстве нет, так как каждый исследователь исходил из коллекции портретов, со временем в значительной мере пополняющейся, которой он располагал или которая была ему доступна. Это и понятно. Разнообразие материала, хронологические различия, стилевые характеристики, возрастные и сюжетные несоответствия представляют сложность для единой методически надежной типологии изображений Александра.

Мы предлагаем типологическую характеристику изображений Александра Македонского по статурным сюжетам, в которую должны войти все античные изображения, вне зависимости от времени, места изготовления, материала и автора-исполнителя портрета великого полководца. Одни и те же работы древних скульпторов-портретистов могут при этом попасть в разные типологические группы: 1) Александр — мальчик; 2) Александр — палестрит, воин; 3) Александр — философ, государственный деятель; 4) Александр — обожествленный герой или бог; 5) Александр идеализированного облика.

В каждой типологической группе предлагается проследить хронологическое распределение от прижизненных портретов к эллинистическим копиям, а от них к римским историческим портретам. За монументальной скульптурой, если она существует, в каждой группе следуют мелкая пластика, глиптика и монетные изображения, следовательно, и материал скульптурных работ в мраморе, известняке, кости предшествует копиям в терракоте и металле (поскольку подлинные бронзовые шедевры нам пока неизвестны).

По идее, хронологически самой ранней должна быть первая группа раннеюношеских портретов. На самом деле большая часть этой группы дошла в римских копиях, т. е. выполнена в римском портретном стиле [6, с. 41, табл. 1—13; 4, табл. 8, 12].

Вторая группа: Александр — палестрит или обнаженный Александр с копьем (дорифор) восходит к известной по письменным источникам прославленной статуе Лисиппа [6, с. 217, рис. 27]. Однако в копиях фигура Александра искажена весьма свободной трактовкой (иногда в обратном, зеркальном отражении). Известны две группы подобных статуэток, бронзовых и мраморных [5, с. 152, 166, рис. 59, 62; 6, табл. VI, XI]. Для них характерна в разной степени умения переданная копиистами поликлетовская постановка фигуры (хиазм и движение в статике), героическая нагота молодого атлетического тела и очень обобщенно трактованное лицо, что и позволяет нам выделить их в группе воинов. Александр-воин изображался в панцире, в шлеме, иногда со щитом (сюда следует отнести и Александра на коне, в полном военном облачении). Но главное отличие всех изображений воина Александра — это эмоциональная насыщенность характеристики образа героя или ее идеализированная трактовка. Все копии очень разнохарактерны, выполнены в разном материале и в целом сильно отступают от оригиналов, сделанных

скульпторами с натуры. За исключением помпейской мозаики [13, с. 240], основную их массу составляют сильно уменьшенные реплики вроде геркулановской статуэтки «Александр на коне» [13, с. 240], не позволяющие из-за обобщенности лиц судить о сходстве с оригиналом. Лучшим, пожалуй, образцом этой группы может служить копия Лисипповского портрета, возможно, конной статуи, дошедшая на золотом медальоне Абукира [27, с. 12, рис. 5; 20, с. 254, рис. 5].

Третья группа : Александр — философ. Степень уверенности в атрибуции изображений Александра в античном искусствоведении — разная. Нет сомнения в том, что подписная герма из Лувра (коллекция Азара) изображает Александра Великого. Но сначала она приписывалась Л. Л. Курциусом Леохару [28], Т. Шрайбером Лисиппу [6, с. 28, табл. 14], затем гораздо более убедительно переатрибуирована О. Ф. Вальдгауером Евфранору [5, с. 164—165]. У нее есть близкая аналогия в Британском музее, также ошибочно относимая к копиям со скульптуры Лисиппа [4, с. 7, табл. 14, *3*, *4*]. Принимающаяся за исходную подписная герма в настоящее время оценивается очень низко, может быть, незаслуженно, из-за плохой сохранности памятника. М. Бибер прямо пишет, что это очень плохая копия [9, с. 181], а О. Ф. Вальдгауер указывает на искажение глаз, допущенное копиистом. И все же это изображение в достаточной мере передает не только литературный образ Александра — мудрого полководца и государственного деятеля, созданный античными авторами (Plut. Mor., 328—333), но и отражает блестящую характеристику О. Ф. Вальдгауера: «Александр — питомец Аристотеля, воспитанный на великих эллинских учителях и поэтах, Александр — герой и великий завоеватель, завершитель чаяний эллинства о покорении Востока, одаренный гениальными организаторскими способностями...» [5, с. 165]. Как отмечает Т. Шрайбер, Александр на портрете изображен в зрелом возрасте. Мы, добавив, что в нем подчеркнута мудрость государственного мужа, Александра-философа, отнесли бы Луврский и Британский портреты к этому типу иконографии.

При рассмотрении четвертой типологической группы основное внимание будет уделено лишь образу Александра в облике Геракла, так как остальные ипостаси, не столь распространенные, мало что дают при сопоставлении с нашим изображением.

Пятая типологическая группа, наиболее многочисленная, состоит преимущественно из копий римского времени, сделанных с недошедших эллинистических работ, изображавших идеализированного Александра [6, с. 45; 29, с. 1; 9, рис. 1—6, табл. 6—8; 20, рис. 24, *9—12*; 12, рис. 1—4, 5, 7, 14]. Александр в действительности был очень красив (Arr. Anab., VII, 28, 1), но скульпторы эллинизма после его смерти старались наделить его и без того красивые черты неземной красотой. Эта линия развития, судя по количеству копий, была наиболее близкой вкусам римской эпохи.

К пятой группе, несомненно, должны относиться и все изображения Александра малой пластики, т. е. на предметах, которые имели большей частью прикладной характер. Терракотовые статуэтки, являющиеся отпечатками матриц, гири, отлитые в формах, миниатюрные изделия из хрусталя и драгоценных металлов должны расцениваться как идеализирующие изображения полководца. Мастера передавали образ Александра чисто символически, соблюдая иконографический канон, но не преследуя портретных задач в передаче облика царя.

Возвращаясь к четвертой типологической группе, отметим, что исследователи представляют разное количество образов обожествления Александра. О. Я. Неверов, касаясь этого вопроса косвенно, приводит лишь основные иконографические типы этой группы: Александра-Геракла, Диониса, Аммона и Гелиоса [26, с. 87]. К. Гебауэр дает более обширный, но тоже неполный список: Александр-Гелиус, Гений, Диоскур, Аммон-Карней, Гермес, Дионис, Геракл, Арес, Асклепий, Речной бог, Сатир, Аттис [4, с. 1]. В обоих случаях отсутствует Александр-Зевс (Юпитер) [6, с. 113, табл. VII], не упоминается Александр в слоновьем шлеме,

Рис. 2. Перевоплощение Геракла в Александра на эллинистических монетах ГИМ: *1* — № 756; *2* — № 737; *3* — № 738; *4* — № 739; *5* — № 815; *6* — № 771; *8* — № 3411

послуживший, очевидно, прообразом изображения греко-бактрийскому чекану Деметрия.

Остановимся на изображениях Александра в облике Геракла. Профильные изображения Геракла-Александра и Александра в львином шлеме превалируют над статуарными скульптурными портретами других групп, так как они представлены массовым материалом — нумизматикой на многочисленных сериях монет времени Александра, диадохов, особенно Лисимаха, и эпигонов (рис. 2). Сопоставления монетных изображений Геракла, Александра в облике Геракла, Митридата в облике Александра-Геракла и Коммода в облике Геракла показывают эволюцию исследуемого образа. Первоначально на монетах изображался Геракл с надежным для атрибуции апотропеем — шкурой льва, т. е. голова Геракла, изображенная в профиль, была увенчана львиной маской. Подобные профильные изображения Геракла широко известны на античных монетах IV в.: на золотом статере из Тарента [30, рис. 64], тетрадрахмах Фасоса [30, рис. 61], двойных статерах Дикайи (Фракия) [30, рис. 60].

Геракл на тетрадрахмах Александра олицетворяет мужественного, испытанного в схватках бойца (часто со сломанной переносицей, с гипотоническими припухлостями надбровных дуг и щек, словно после только что завершенного панкратия) [31, № 31—39]. Недаром все изображения кулачных бойцов имеют большое сходство с его мужественным и несколько устало-мрачным обликом.

Александр «перевоплощался» в Геракла еще при жизни, не только на монетах путем механической подмены Геракла портретным профилем Александра. Немаловажным являются неоднократные и явно не случайные упоминания авторов о родстве Александра с Гераклом, о стремлении возвыситься и совершить подвиг, достойный легендарного предка, или превзойти его, включая не только штурмы неодолимых препятствий и выход на бой в одиночку с многочисленным врагом, но и непосредственное единоборство со львом (Curt. VIII, I, 11—17). Сложный процесс перевоплощения Александра на монетах очень точно описан К. Гебауэром: «На тетрадрахмах Александра,— пишет К. Гебауэр,— наблюдатель при желании может узнать Александра в виде Геракла, потому что Александр лично ассимилировался с этим богом» [4, с. 2].

Однако большинство исследователей, в том числе и К. Гебауэр, видят переломный момент в иконографии Александра одновременно на всех монетах именно в 327 г. до н. э., об этом говорит изучение чекана Амфиполиса, Тарса, Сидона, Пеллы, Тира, Вавилона, Александрии и других небольших серий. «Александр, по мнению К. Гебауэра,— тогда вступил в сознание человека того времени как сверхсила, от которой зависела судьба всех. Легенда о его сказочных успехах в Индии в этом году достигла Запада; между тем распространялись слухи, что он сам иногда выступал в качестве Геракла. Поэтому чеканщик мог осмелиться индивидуализировать голову Геракла как портрет Александра. С тех пор не существует ни одного изображения Геракла в строгом смысле. Если тип где-то прерван, то новое лицо, по крайней мере в каком-то оттенке, всегда появляется с тех пор» [4, с. 11—12]. Несмотря на смесь ницшеанства с наивностью в рассуждениях К. Гебауэра, основная линия развития иконографии Александра передана верно, нас в данном случае интересует дата «переломного момента» этого эволюционного ряда. Выборка монет эллинистического времени (рис. 2) показывает, как Геракл постепенно перевоплощался в Александра в облике Геракла. Гораздо яснее это видно, когда вместо бородатого Геракла на монетах того же города появляется Александр в львином шлеме. Интересную схему перевоплощения Александра в Геракла в этом смысле показала М. Бибер на монетах. Кос, как и другие города-государства распавшейся великой державы, между 300 и 200 гг. чеканил идеализированную голову Александра в облике Геракла вместо бородатого Геракла [9, с. 178, рис. 10]. С большой долей вероятности можно предположить, что в формировании иконографии Александра в образе Геракла значительную роль сыграли не сами монетные изображения, а монументальная скульптура, одним из авторов которой был, вероятнее всего, любимый придворный скульптор Лисипп. Скульптура могла возникнуть и после успешного единоборства со львом, когда Александр неподалеку от Мараканды, оттолкнув Лисимаха, ставшего впоследствии царем, подобно Гераклу вышел на поединок и одним ударом сразил льва редкой величины (Curt. VIII, I, 11—17). О статуарных изображениях Александра в облике Геракла убедительно свидетельствуют и подлинники эпохи эллинизма [6, рис. 20]. Да и само разнообразие монетных изображений говорит о том, что использовались разные статуарные образцы [33, табл. I—VIII]. Упомянутая распространенность изображений Александра на монетных чеканах его многочисленных преемников — диадохов и эпигонов — была вызвана тем, что Александр стал, по очень точному замечанию О. Я. Неверова, «необходимым компонентом в династическом культе, который оформлялся в державах Птолемеев, Селевкидов, Атталидов. Окруженный мистическим ореолом образ Александра Великого придавал как бы видимость легитимности их власти» [26, с. 86].

Параллельно общей линии развития изображения Александра уже на монетах диадохов появляется дополнительная, «маскарадная» линия образов Александра — Геракла — Аммона. Селевкиды и Птолемеи заимствуют у своего предшественника образ Амона, а через 200 лет после Александра вновь возрождается образ Александра-Геракла другим крупным полководцем древности — Митридатом Евпатором, а почти через

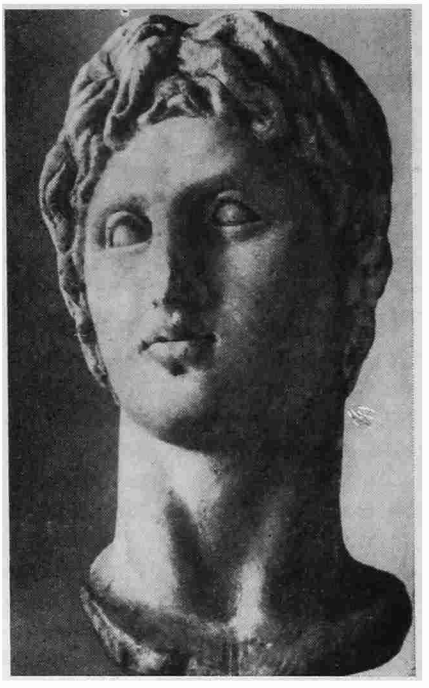


Рис. 3. Александр Каирский

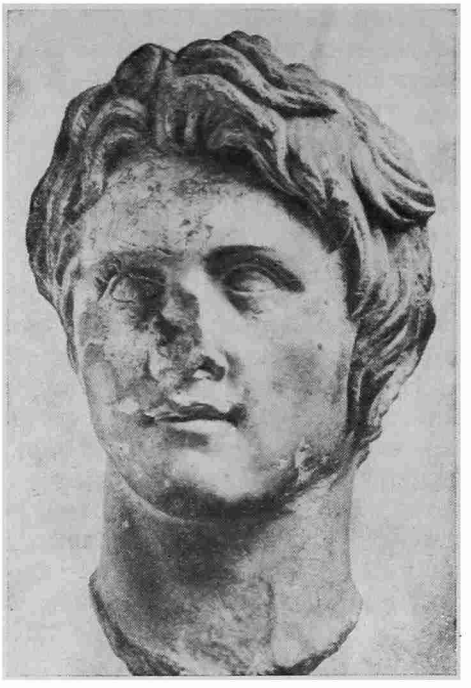


Рис. 4. Александр Дрезденский

пять столетий, уже в жанре фарса,— безвольным римским императором Коммодом для отражения причастности рода Антонинов к покровительству Геракла. Митридат Евпатор заимствовал два статуарных типа Александра Македонского [26, с. 86], его предшественником был Лисимах [24, № 54]. Интересным представляется то обстоятельство, что до нас дошли не только монетные изображения, но и скульптурный портрет Коммода. В львиной шкуре, с дубинкой Геракла и яблоками Гесперид в руке, образ императора, созданный придворным скульптором, вполне соответствует отзыву Лампидия: «выражение лица тупое, как у пьяниц, и речь беспорядочная» [34, с. 67, рис. 112]. Монеты Коммода (182—192) иконографически повторяют, как и монеты Александра, свой монументальный скульптурный прототип. На них Коммод изображен профилем влево, лицо с тонким аристократическим носом, маленьким ртом и скромно опущенными глазами отражает внутреннюю апатию [50, рис. 141], что сильно отличает его от Александра.

В дополнение к иконографическому анализу по сходству для определения изображенного на тахти-сангинском портрете может быть применен логический метод исключения. Из четырех изображаемых персонажей в львином шлеме, учитывая место находки, реальным претендентом остается только Александр. Об этом говорит каноничность идеализации облика, открытое юношеское лицо, несвойственное в передаче черт мужественного Геракла. Митридат и Коммод не подходят, так как время изготовления махайры более раннее, чем их появление на исторической арене: кроме того, Греко-Бактрийское царство к их времени уже пало под ударами кочевников — около 140 гг. до н. э.[3]

[3] Собственно наша атрибуция рельефного портрета Александра Македонского в облике Геракла ни у кого из отечественных специалистов по античной археологии и искусству сомнений не вызывала. На обсуждениях доклада об античных находках на Тахти-Сангине в 1980 г. в Москве (Институт востоковедения АН СССР, Институт археологии АН СССР, ГМИИ им. А. С. Пушкина), в Ленинграде (Гос. Эрмитаж, Ленинградское отделение ИА АН СССР) и Душанбе (Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР) выступающие поддерживали мнение о несомненности атрибуции Александра. Автор искренне благодарен ныне покойному В. Д. Блаватскому, а также М. М. Кобылиной, Ю. Е. Чистякову, О. Я. Неверову и З. А. Биллимович за ценные советы. Помощь в работе над нумизматической коллекцией ГИМа оказали Н. А. Фролова и А. Никитин, любезно предоставившие фотографии монет, за что автор выражает особую признательность. Все фотографии монет в статье сделаны нумизматом А. Никитиным.

Рис. 5. Александр в львином шлеме. Саркофаг царского некрополя в Сидоне

При общем сходстве изображений идеализирующей тенденции III в. до н. э. тахти-сангинский портрет Александра схож не только с обликами полководцев на монетах, но и близок скульптурам александрийско-косской школы эллинистического периода [4, с. 35, 94, табл. 6, 9], дошедшим частью в копиях римского времени [4, с. 48, 63, табл. 14, 15] (рис. 3, 4).

Хорошей аналогией тахти-сангинскому Александру может служить юношеский портрет Александра из музея Афинского Акрополя. Есть сходство в мягкой трактовке глаз, бабочковидной форме губ [35, с. 13—28], округлом овале лица. Афинский портрет относят к копиям с работы Леохара, которая была посвящена после битвы при Херонее (338 г. до н. э.), в Филиппейон. Ф. Граве пишет, что она выглядит греческим оригиналом позднеэллинистического времени [20, с. 246, 249, рис. 5, 6].

Как нам представляется, дефференциация по материалу вообще не может быть определяющей, так как скульптура из слоновой кости из-за хрупкости материала сохраняется в силу чрезвычайно счастливых обстоятельств. Число известных скульптур эллинистического времени недавно пополнилось портретными головками из предполагаемой гробницы Филиппа Македонского в Эгах, одна из которых изображает Александра [24]. Атрибуция портретной головки из Эг очень достоверна: скульптор, передавший молодого Александра с поднятой вверх головой, открыл целую галерею подобной иконографии эллинистического времени и римских подражаний. Наиболее близкой по художественным особенностям и трактовке изображения Александру из Эг является мраморная голова из Александрийского музея (№ 3405), датированная III в. до н. э., возможно, действительно круга Лисиппа [4, с. 35, табл. 6].

Очень близки тахти-сангинскому портрету головы с так называемого саркофага Александра Македонского, изображающие Александра в сцене сражения и в сцене охоты (рис. 5). На наш взгляд, эти изображения правомерно приписываются Александру [36, табл. 23; 9, рис. 7, 8]. Драматизм и неукротимую волю к победе этим образам придают наклоны голов лбом вперед, что редко встречается в иконографии полководца, голова которого обычно передается слегка поднятой вверх и обра-

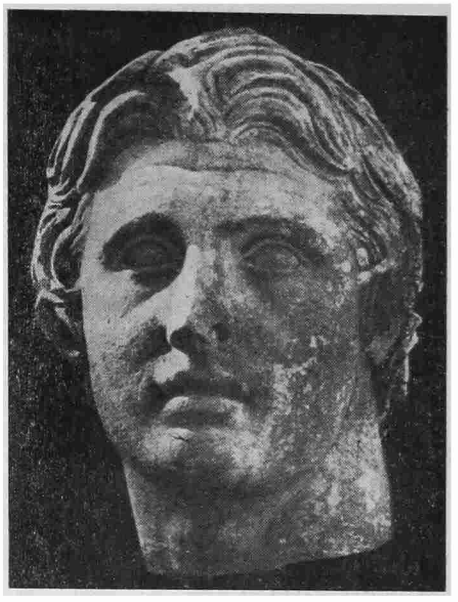


Рис. 6. Александр-Пергамский, голова гигантской статуи

Рис. 7. Александр-Геракл из Пергамской рельефной группы

щенной немного влево, как на гигантской знаменитой реплике из Пергама [9, рис. 11] и на других изображениях, в том числе и на тахти-сангинском портрете. Очень близок этому же типу и пергамский «Геракл», персонифицированный Г. Крамером как Митридат. Осуществленная Г. Крамером идентификация этой статуи с образом Митридата Евпатора нам представляется совершенно неубедительной [37, с. 182, 200—205, рис. 2, *11*, *12*]. «Геракл» (рис. 7) значительно больше похож на Александра с саркофага Александра [36, табл. 23] (оба в львином шлеме, выражение и сходство лиц поразительное) (рис. 5) и еще более на гигантскую голову Александра из Пергама (рис. 6), приписываемую Лисиппу [9, рис. 7, *11*], чем на портреты Митридата, а тем более Аттала II или Аттала III, как представлялось знатокам античности Винтеру и Л. Курциусу [28, с. 65, рис. 7]. Скорее мы тут имеем дело или непосредственно с портретом Александра, или с влиянием его портретов на эллинистическую скульптуру. Поскольку пергамский Геракл из северного зала святилища Афины связан как будто со скульптурой Прометея, мы не можем настаивать на атрибуции этой фигуры Александру, однако мы должны констатировать их необыкновенное сходство. Гигантскую голову Александра из Пергама с этой скульптурой роднят не только абсолютное сходство как общего облика, так и отдельных черт лица (трактовка лба, носа, губ, постановка головы), но также, что наиболее существенно, наличие хищного, львиного пафоса, свойственного всем эллинистическим портретам Александра, т. е., как отмечает К. Гебауэр, «большому количеству оригинальных мраморных голов, которые можно сравнивать скорее по наличию пафоса, чем по внешнему сходству» [4, с. 22].

Тахти-сангинский портрет Александра Македонского объединяет всю серию работ, как скульптурных, так и вычеканенных на монетах, где Александр передается в облике Геракла в львином шлеме. Поскольку в тахти-сангинском портрете Александра очевидно копирование неизвестного нам оригинала, ставшего прототипом для многочисленных реплик и копий III в. до н. э., и в нашем портрете чувствуются идеализирующие черты, характерные для раннего эллинизма, мы датируем изображение Александра в широких рамках III в. Предложенную датировку подкрепляет сопоставление с идентичными монетными чеканами 300—200 гг. до н. э. Это вполне согласуется с датирующей характеристикой миниатюрной греческой вотивной махайры, которую украшал рельеф. Приведенные соображения твердо указывают на дату — III в. до н. э.

Значение этой находки трудно переоценить из-за высокой культурологической значимости чисто греческого портрета, приоткрывающего завесу «загадочного» греко-бактрийского искусства. Это высокохудожественное произведение — первый греко-бактрийский портрет Александра, воспроизводящий облик облеченного в победные регалии царя-героя Искандера, каким он дошел до нас в среднеазиатских народных преданиях.

Наша задача — как можно тщательнее исследовать каждый из многочисленных памятников изобразительного искусства, посвященных в храм Окса на Тахти-Сангине, чтобы можно было говорить об общем облике, традициях и составных компонентах греко-бактрийского искусства конкретно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеймаль Е. В.* Бактрийский портрет.— Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тезисы докладов. Ереван, 1980.
2. *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Археологические открытия на юге Таджикистана.— Вестн. АН СССР, 1980, № 7.
3. *Пичикян И. Р.* Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии.— СА, 1980, № 4.
4. *Gebauer K.* Alexanderbildnis und Alexandertypus.— AMitt 1938/39, 63/64.
5. *Вальдгауер О. Ф.* Портреты Александра и их значение для истории портретной скульптуры IV в. до н. э.— Этюды по истории античного портрета. М.— Л.: ОГИЗ — ИЗОГИЗ, 1938.
6. *Schreiber Th.* Studien über Bildnis Alexander des Grossen. Leipzig, 1903.
7. *Kaerst I.* Alexandros III. der Grosse.— RE, 1894, I.
8. *Hoffmann W.* Das literarische Porträt Alexander des Grossen im griechischen und römischen Altertum. Leipzig, 1907.
9. *Biber M.* Ein idealisirtes Porträt Alexander des Grossen.— JDAI, 1925, 40.
10. *Biber M.* The Sculpture of the Hellenistic Age. N. Y., 1955.
11. *Biber M.* Alexander the Great in Greek and Roman Art. Chicago, 1964.
12. *Kleiner G.* Das Bildnis Alexanders des Grossen.— JDAI, 1950/1951, 65/66.
13. *Bertelli G.* Alessandro III di Macedonia.— Enciclopedia Italiana Fondata da Giovanni Treccani. I. Roma, 1958.
14. *Koepp F.* Über das Bildnis Alexanders des Grossen.— 52. Programm zum Winckelmannfest. Berlin, 1892.
15. *Emerson A.* The Portraiture of Alexander the Great: A Terracotta Head in Münich.— AJA, 1887, v. III.
16. *Bernoulli J. J.* Die erhaltenen Darstellungen Alexanders des Grossen. München, 1905.
17. *Holscher T.* Ideal und wirklichkeit in den Bildnisen des Alexanders des Grossen. Heidelberg, 1971.
18. *Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
19. *Goukowsky P.* Essai sur les origines du Mythe d'Alexandre. I. Mancy, 1978.
20. *Grave V. V.* Zum Herrscherbild Philipps II und Philipp III. von Makedonien.— AA, 1973, № 3.
21. *Beazley J. D.* Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956.
22. *Beazley J. D.* Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford, 1963.
23. *Zagdaun M. A.* Collection Paul Cannellopoulos.— BCH, 1979, t. CIII.
24. *Андроникос М.* Гробницы македонских царей. Уникальная археологическая находка — возможно, захоронение отца Александра Македонского.— Курьер ЮНЕСКО, 1979, № 7.
25. *Nimeyer H. G.* Alexanderkopf in Sevilia.— AA, 1978, I.
26. *Невсров О. Я.* Митридат и Александр. К иконографии Митридата VI — СА, 1971, № 2.
27. *Delbrueck R.* Zwei Porträts.— JDAI, 1925, 40.
28. *Curtius L.* Bronze Statuette eines Heracles in Neapel.— Antike Plastic. W. Amelung zum Sechzigsten Geburtstag. Leipzig, 1928.
29. *Wiegand Th.* Ein neues Alexanderporträt.— JDAI, 1899, 14.
30. *Lange K.* Götter Griechenlands. Meisterwerke Münzkunst. Berlin, o/J.
31. Monnaies. Grecques-Romaines. Bysantines-Galoises. Fraçaises-Etrangères. Drouot rive Gauche-Salle, № 6, 7 Aatole — France, 75007, Paris, 21—22, juin 1979.
32. *Buschor E.* Das hellenistische Bildnis. München, 1949.
33. *Newell E. T.* Alexander Hoards.— Numismatic Notes and Monograps. N. Y., 1923, № 19.
34. *Бритова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Римский скульптурный портрет. Очерки. М.: Искусство, 1975.
35. *Ashmole B.* Demeter of Cnidus.— JHS, 1951, LXXI.
36. *Akurgal E.* Ancient Civilisations and Ruins of Turkey. Istanbul, 1969.
37. *Krahmer G.* Eine Ehrung für Mithridates VI. Eupator in Pergamon.— JDAI, 1925, v. 40.

I. R. Pichikyan

ALEXANDER-HERACLES

(A Graeko-Bactrian Portrait of the Great Military Leader)

Summary

The author publishes a carved relief portrait of Alexander the Great, found in the Oks Temple in Takhta-Sangin, on the upper Amudarya. This emotional and dramatic portrait showing the great military leader in full face in the bloom of youth wearing the lion helmet of Heracles, his legendary ancestor, is carved on small ivory sheath of a votive mahaira. This image is directly connected with Alexander's portraits on 3rd-century B.C. coins which are a continuation of a series of tetradrachmas showing Alexander together with Heracles wearing the lion helmet. Both of them are shown in profile. The author considers the Takhta-Sangin portrait to be close to Alexander's images on his sarcophagus, his original and copied sculptural portraits of the Alexandria-Koss school collected by K. Hebauer. As the former is not the original but a copy obviously idealising Alexander's image which is typical of the early Hellenistic plastics, it is dated within a broad timespan of the 3rd century B.C. This object, together with other purely Greek finds testify to the Hellenisation of Bactrian culture and of considerable antique component in the synthesis of the Graeko-Bactrian art.

СЫМОНОВИЧ Э. А.

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА И ПАМЯТНИКИ КИЕВСКОГО И КОЛОЧИНСКОГО ТИПОВ

В последние годы все более четко выделяется группа памятников киевского типа, генетически и культурно связывающихся с колочинскими материалами Верхнего Поднепровья. До недавнего времени культурный облик памятников киевского типа был не вполне ясен из-за большого количества относимых к ним изолированных и случайных находок, к тому же нередко сделанных на многослойных песчаных дюнах с переотложенными слоями и нарушенной стратиграфией. Наиболее подробно об этой культурной группе писал ее первооткрыватель В. Н. Даниленко [1, с. 65—92]. Были названы главнейшие места находок II—IV вв. н. э. в Анисове, Новых Безрадичах, Белгородке, Глевахе, Ирпине, Казаровичах, Обухове, Ходосовке, Абидне и наследующие им памятники колочинского этапа развития в Андрусовке, Новых Безрадичах, Рипневе II, Сахновке-Гончарихе и Ходосовке [1, с. 67—69]. Особо должны быть отмечены новые раскопки ряда поселений и могильников возле Киева и на север от него в Подесенье и левобережном Поднепровье, проведенные под руководством Е. А. Горюнова, Н. М. Кравченко, Е. В. Максимова, Р. В. Терпиловского, А. М. Шовкопляс и др. [2, с. 99—112; 3, с. 42—50; 4, с. 87—98; 5, с. 91—108; 6, с. 11—21; 7, с. 61—71; 8, с. 21—37; 9, 123—141]. Эти исследования представили характерные материалы из «закрытых» комплексов: полуземляничных жилищ, хозяйственных ям, керамики из вымосток очагов и подов печей — в меньшей степени из погребений с трупосожжениями, которые изучены слабее.

Одним из важнейших дискуссионных положений было соотношение памятников киевского типа и черняховской культуры. Первоначально высказанное предположение о прямом эволюционном развитии: зарубинецкая культура — киевский тип, при полном противопоставлении и исключении из этой линии развития черняховской культуры, оказалось весьма шатким. В. Н. Даниленко утверждал, что «на территории, прежде занятой черняховской культурой, выработалась довольно единообразная восточнославянская культура, с черняховской генетически не связанная» [10, с. 28]. Его позиция имеет своих последователей, о чем свидетельствует, например, высказывание М. Б. Щукина [11, с. 83] о том, что на Левобережье и в Среднем Поднепровье «параллельно с черняховской культурой существуют памятники киевского типа; при этом без следов активного взаимодействия друг с другом». Сделаны попытки констатировать якобы и территориальное разобщение обоих культурных явлений. Так, в районе Обухова под Киевом Н. М. Кравченко и ее сотрудники обозначают зону памятников киевского типа, где «черняховские памятники неизвестны» [4, с. 88]. Как будто бы подобное разграничение намечают разведки и на южной Черниговщине, примерно по р. Вересочь[1]. Правда, другие локальные карты, как, например, приведенная Ю. В. Костенко для районов бассейна р. Трубежа, вовсе не подтверждают обособленного расположения тех и других памятников [12, с. 99, рис. 1]. Картографирование памятников киевского типа показывает большую область совмещения этих и черняховских поселений и могильников (рис. 1).

[1] По материалам экспозиции Черниговского историко-краеведческого музея 1979 г.

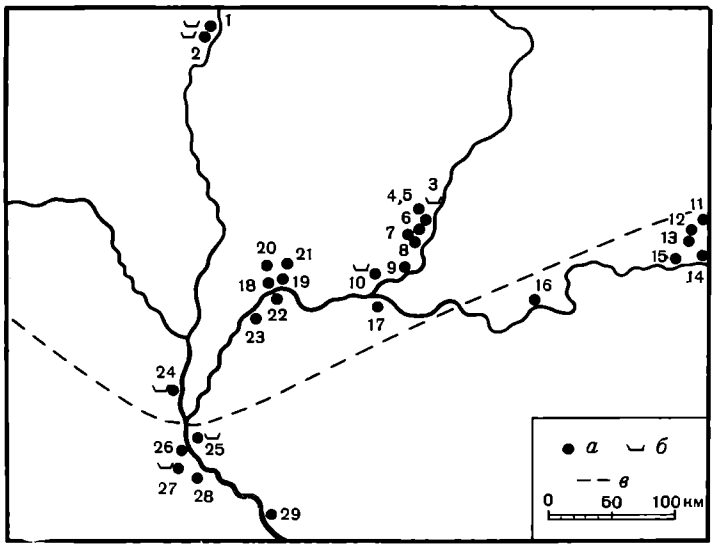


Рис. 1. Схема распространения основных памятников киевского типа (по Е. В. Максимову и Р. В. Терпиловскому с дополнениями автора). *1* — Абидня; *2* — Тайманово; *3* — Смяч; *4* — Колодезный Бугор; *5* — Целиков Бугор; *6* — Форостовичи; *7* — Заярье; *8* — Лавриков Лес; *9* — Вишенки; *10* — Киреевка; *11* — Воробьевка 2; *12* — Тазово; *13* — Букреевка 2; *14* — Лебяжье; *15* — Авдеево; *16* — Комаровка; *17* — Долинское; *18* — Ульяновка; *19* — Киселевка 1 и 2; *20* — Роище; *21* — Макошин; *22* — Выбли; *23* — Золотинка; *24* — Казаровичи; *25* — Бортничи; *26* — Ходосовка; *27* — Новые Безрадичи; *28* — Обуховка; *29* — Решетки. *а* — поселения; *б* — могильники; *в* — северная граница лесостепи

Пока не имеется полной карты, но схема главнейших памятников киевского типа в Поднепровье составлена и опубликована Е. В. Максимовым и Р. В. Терпиловским. Она включает 28 пунктов, среди которых наиболее южным названы Решетки между устьями рек Трубежа и Супоя, а северным — Абидня на Могилевщине в БССР [5, с. 93, рис. 1]. Более широкую зону, занятую памятниками киевского типа, на Левобережье дает картосхема О. В. Сухобокова, где массовое распространение «позднезарубинецких» пунктов показано по р. Орели и среднему течению С. Донца, тогда как самые северные отмечаются в верховьях р. Десны, в пределах УССР [13, с. 126, рис. 1]; на северо-востоке также показаны пункты в пределах Курского Посеймья. Таким образом, памятники киевского типа, даже по предварительному картографированию, распространены не только в пределах лесостепи, особенно насыщенной черняховскими памятниками, но на юге выходят и в степную зону. Само собой разумеется, невозможно представить изолированное развитие черняховского населения и племен киевского типа, живших в тесном соседстве. Практически нет в этой полосе памятников киевского типа, лишенных черняховских материалов. Культурную близость этих находок зафиксировали в результате работ в районе Обухова Н. М. Кравченко, Н. С. Абашина и Е. Л. Гороховский [4, с. 92]. В Новых Безрадичах была круговая черняховская миска и подвязного типа фибула. Были фибулы, характерные для памятников черняховского типа, и в Ходосовке. Встречаются явные подражания черняховским материалам, как, например, в Долинском, где была серовато-коричневая подлощенная биконическая миска, найденная вместе с грубой лепной посудой [14, с. 66, рис. 12].

Более сложным является вопрос о лежащих севернее лесных областях, где черняховских памятников нет. Еще до начала изучения памятников киевского типа была установлена интенсивная инфильтрация материалов черняховской культуры далеко на север (рис. 2). Здесь, по-видимому, контактировали разноэтничные племена. Характерным примером связей с балтоязычными племенами является клад черняховских сосудов из Литвы в Вевиршаны [15, с. 27, рис. 11, *11—13*], на древних финноязыч-

ных территориях под г. Тулой, где С. А. Изюмовой выкопаны костяные многочастные гребни или находка железного гребешка для расчесывания шерсти из Ябары в Эстонии [16, с. 104, 105 рис. 26, *8*]. Ценны наблюдения Е. В. Максимова о распространении античного импорта за пределами черняховской культуры и возможной их связи с зарубинцами [17, с. 110—112].

Крайне интересно, что характерные для черняховских памятников находки встречены не только на позднезарубинецких или памятниках киевского типа, но и на колочинских или близких им. Например, Е. А. Шмидт опубликовал тонкостенную сероглиняную лощеную мисочку со Смоленщины и обломки металлических вещей, в том числе фибул, найденных на раннесредневековых городищах с керамикой, считавшейся характерной для VI—VII вв. н. э. [18, с. 33, рис. 13, *11*, *27*]. Ю. А. Липкингом при раскопках поселения Лебяжье под Курском возле раннесредневекового могильника [19, с. 141—146] найдена в печи вместе с посудой колочинского типа черняховская мисочка, покрытая лощением [20, с. 62]. В этой связи стало понятнее сочетание в Авдееве черняховской посуды с лепными горшками, близкими находкам из Колочина [21, с. 68—84; 22, с. 153, 154]. Эти и подобные им находки [14, с. 66, рис. 12] заставили настороженно относиться к датировкам колочинского типа древностей только периодом третьей четверти I тысячелетия н. э. и допускать возможность их существования в V в. н. э. Таким образом, еще большей реальностью стала возможность связывать колочинскую культуру с памятниками киевского типа, расцвет которых, как и черняховских, судя по публикациям, относится к III—IV вв. н. э.

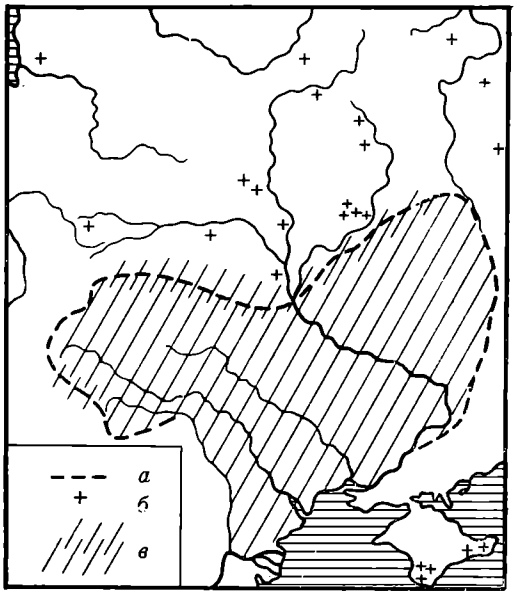


Рис. 2. Инфильтрация отдельных предметов черняховского типа за пределы северной границы культуры. *а* — граница распространения основных черняховских памятников; *б* — находки, типичные для черняховских памятников, за пределами распространения культуры; *в* — зона тесных культурных контактов памятников киевского типа и черняховской культуры

На вопрос о степени близости и взаимодействия черняховской культуры и древностей киевского типа могут дать ответ лишь сравнительно большие по масштабу раскопки самых последних лет. Попытку установить степень такой близости отразил исследователь Подесенья Р. В. Терпиловский в тезисах своего доклада «Памятники киевского типа Подесенья и черняховская культура» [23, с. 88—89; 24]. На основании изучения на Черниговщине поселений: Ульяновка, Роище, Киселевка 2 и Выбли, отмечаются довольно тесные связи их с культурой полей погребений. Круговая черняховская посуда составляет на них от 1—2 до 8% всей керамики. Но главное, этим связи не ограничиваются. Они прослеживаются и в сходстве железных орудий труда (наральники с узким лезвием и скобели), в таких характерных предметах быта, как многочастные костяные гребни, в характерных поясных пряжках фибулах и типах бус. Мало того, отмечается сходство в домостроительстве и топографии поселений. Для памятников Подесенья в районе г. Новгорода-Северского Р. В. Терпиловский констатирует уменьшение связей с черняховской культурой (Мезин, Заярье, Лавриков Лес, Киреевка, Форостовичи).

Наглядность проникновения вещей черняховского типа на основные известные памятники киевского типа иллюстрируют рис. 3 и 4, а также табл. 1.

Таблица 1

Памятник и время его существования	Керамика		Прочие предметы, характерные для черняховской культуры	Античный импорт
1	2	3	4	5
Абидня, БССР; широкая дата – II–V вв., узкая – III–IV вв.	Преобладание лепной посуды	–	До десятка подвязных железных фибул	Медная монета Геты (209–212), ручка от римского бронзового сосуда
Барышовка, бассейн р. Трубеж; вторая-третья четверти I тысячелетия	Лепная позднезарубинецкая посуда	–	14-гранная и др. бусы	–
Вовки, бассейн р. Псла, р. Грунь, многослойное поселение	Лепная посуда раннего железного века – до VIII–IX вв. (в том числе киевского и пеньковского типов)	Черняховская круговая посуда	Фибула II–III вв.	–
Волошиновка, бассейн р. Трубеж; III–IV вв.	Лепная позднезарубинецкая посуда киевского типа	То же	Бронзовая пряжка, бусы	–
Выбли, Подесенье; III–IV вв.	Лепная керамика	Круговые кухонные горшки черняховской культуры	Острие, иглы и пр.	–
Золотинка, Подесенье, р. Бугры	Лепная позднезарубинецкая посуда	Несколько фрагментов круговой серолощеной посуды черняховского типа	–	–
Обухов III, Поднепровье, под Киевом; III–IV вв.	Лепная керамика киевского типа	Нижняя часть круговой черной лощеной миски черняховской культуры и лепные воспроизведения черняховских мисок	–	–
Казаровичи, Поднепровье, устье р. Ирпень; II–III вв.	Лепная керамика позднезарубинецкого (киевского) типа и фрагменты с «расчесами»	Чернолощеные сосуды	Шпора, арбалетная фибула подвязного типа	Обломки амфор
Киселевка II, Подесенье, на Черниговщине; III–IV вв.	Лепная позднезарубинецкая керамика	Отдельные фрагменты черняховской круговой посуды	Заклепка костяного многочастного гребня, бусы	–

(продолжение таблицы 1)

Памятник и время его существования	Керамика		Прочие предметы, характерные для черняховской культуры	Античный импорт
1	2	3	4	5
Коржи, на дюнных выдувах бассейна р. Трубеж	Биконические лепные сосуды	Круговая черняховская керамика	–	
Новые Безрадичи, Поднепровье, под Киевом; III–IV вв.	Лепная посуда киевского типа	Черняховская круговая посуда	Шпора, фибула, железный гребень	Римская монета
Осиповка, бассейн р. Орели; II–III вв.	Лепная посуда позднезарубинецкого типа	Комплексы черняховских круговых сосудов	Подвеска-лунница, обоюдоострая проколка-«стиль»	Обломки амфор
Роище, Подесенье, на Черниговщине; III–IV вв.	Цилиндро-биконические лепные сосуды киевского типа	Круговая черняховская посуда, составляет до 5–8% всей керамики	Многочастный костяной гребень, обломки ротационного жернова, железный наральник	То же
Тайманово, БССР; широкая дата – II–VIII вв.	Груболепная керамика: зарубинецкая, доколочинская и корчакская	Круговая черняховская посуда	Многочастный костяной гребень, фибула с ромбической ножкой, бусы	–
Ульяновка I, Подесенье, на Черниговщине; III–V вв.	Лепная керамика киевского типа	Круговая черняховская посуда, составляющая до 1–2% от всей керамики, но в отдельных сооружениях превышающая 5%	Костяной многочастный гребень, обломки ротационных жерновов, пряжки и пр.	Обломки амфор
Хитцы, левобережное Поднепровье многослойный памятник; V–VIII вв.	Лепная керамика с преобладанием пеньковских форм	Круговая черняховская и волынцевская посуда	Костяной многочастный гребень, лощило и пр.	–
Хлопков I, бассейн р. Трубеж; III–IV вв. (?)	Лепная посуда, имеющая параллели в керамике киевского типа	Преобладает круговая черняховская посуда, в том числе в гончарном горне	Костяной многочастный гребень	Обломки амфор
Черногородка, Поднепровье, под Киевом; III–IV вв. (?)	Лепная посуда киевского типа (?)	Обломки круговой черняховской посуды	–	–

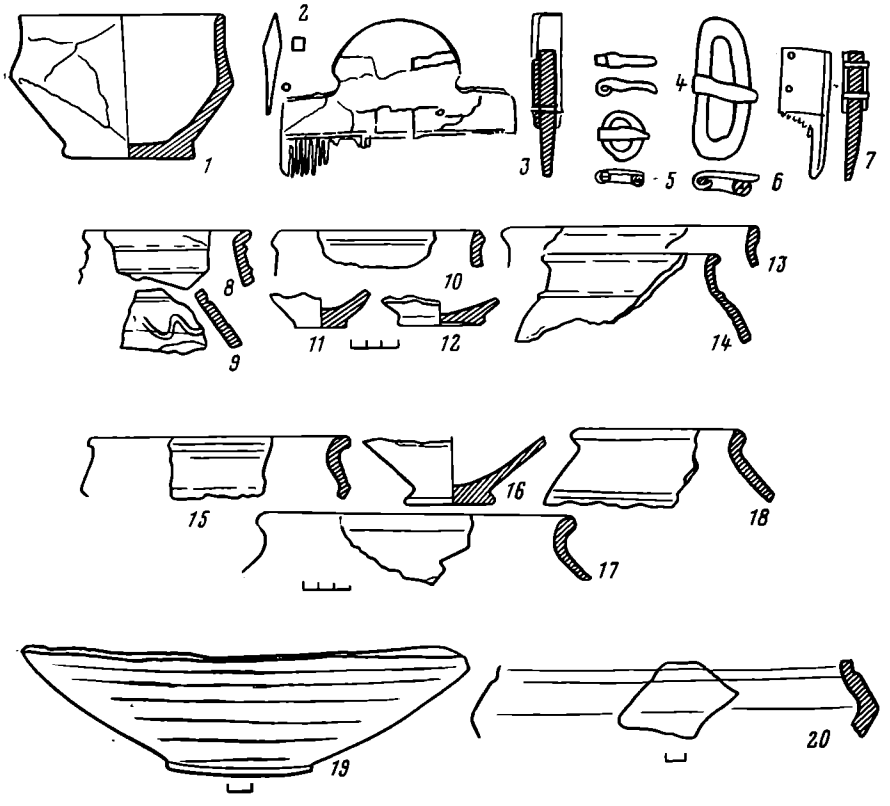


Рис. 3. Находки, типичные для черняховской культуры, на памятниках киевского типа. *1, 19* — Обухово; *2, 3, 5, 6, 8—14* — Ульяновка; *4* — Киселевка; *7, 15—18* — Роище; *20* — Золотинка

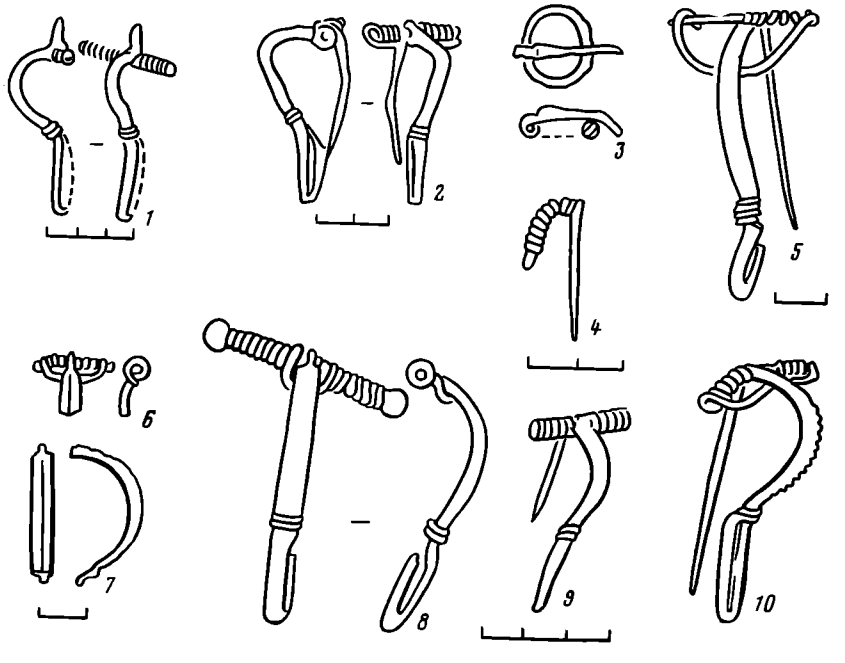


Рис. 4. Фибулы и пряжка, типичные для черняховской культуры, с памятников киевского типа. *1* — Лавриков Лес; *2* — Казаровичи; *3* — Смяч; *4* — Киреевка; *5* — Рудня; *6, 7* — Петровичи; *8* — Кветунь; *9* — Бирин; *10* — Жуковка

Таблица с неоспоримостью показывает культурные связи основных, известных по раскопкам и публикациям памятников киевского типа с черняховскими. Это касается не только тех областей, где обе культурные группы сосуществуют. То же прослеживается севернее, вне пределов черняховской культуры. Возникает вопрос: является ли это только

Таблица 2

Группа керамики	Глубина, м				
	0—0,2	0,2—0,4	0,4—0,6	0,6—0,8	0,0—1,0
Лепная посуда	42/18%	119/21%	103/23,5%	57/21%	20/19%
Грубая гончарная посуда	133/56,5%	308/56%	235/53,5%	154/58%	60/57%
Лощеная гончарная посуда	59/25%	111/20%	92/21%	54/20%	25/23%
Импорт, амфоры и пр.	1/0,5%	15/3%	10/2%	3/1%	1/1%

Примечание. Дробью дано общее количество и процент керамики по группам.

Таблица 3

Подсчет групп керамики с поселения Букреевка 2 (1978 г.)

Раскоп II	Глубина 0—0,8 м	%	Раскоп I	Глубина 0—0,8 м	%
Лепная посуда	183	79,5	Лепная посуда	235	69
Грубая гончарная керамика	19	8,0	Грубая гончарная посуда	77	22
Лощеная гончарная керамика	13	6,0	Лощеная гончарная посуда	28	8
Античный импорт	15	6,5	Античный импорт	3	1

свидетельством торговых связей племен, совершенно друг другу чуждых? Если указанная общеупотребительность инвентаря еще может вызывать сомнения в известном культурно-этническом родстве, то совпадения определенных типов лепной местной посуды, топографии поселений и типов полуземляночных построек и их отопительных устройств, о которых писал Р. В. Терпиловский, говорит в пользу взаимодействия родственных групп населения.

Для решения данного вопроса представляются особо значимыми памятники второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э., исследовавшиеся последние годы в Курской обл. Картографирование показало, что здесь в настоящее время учтено около 50 черняховских памятников. При этом нужно помнить о далеко не полном разведочном обследовании развитой гидрографической сети Посеймья и Верховьев Псла. Нет сомнений, что на окраинных территориях наряду с типичными однослойными черняховскими памятниками имеются поселения сложного культурного облика. Ярким примером селища черняховского облика из небольшого числа раскапывавшихся объектов явилась Снагость 2. Там полуземлянки сочетались с развалом обожженной глиняной обмазки от наземной постройки. Среди находок много глиняных ткацких грузил. Время существования этого селища определялось, кроме выразительных форм черняховской посуды и обломков амфор, находкой железного гребня, характерного для III в. н. э. [25, с. 88]. Выразительна таблица (см. табл. 2) подсчетов групп керамики поселения Снагость 2 с четырех вскрытых площадей размерами 10×10 м.

Общий итог подсчетов керамики черняховского поселения Снагость 2:1 — лепная керамика — 341 фрагмент (21,3%); 2 — грубая гончарная керамика — 890 фрагментов (55,5%); 3 — лощеная гончарная керамика — 341 фрагмент (21,3%); 4 — импорт — амфорные обломки — 30 фрагментов (1,9%). Очевидно, решительное преобладание над лепной типично черняховской круговой посуды, с перевесом грубой гончарной керамики, что характерно для многих лесостепных селищ культуры полей погребений эпохи расцвета. Первые представления об обряде погребения черня-

ховских племен для Курской обл. дали раскопки Замощанского могильника [26, с. 5—7]. Раскопки ряда других памятников подтвердили наблюдения о существовании на них черняховского культурного слоя (Авдеево, Снагость 1, Воробьевка 2, Колосовка, Новоселовка), однако картину осложняла их многослойность. Тем не менее наличие на них «закрытых» комплексов, присущих каждому хронологическому периоду,— ям, построек и очагов — позволило существенным образом дополнить представление о черняховской культуре в Посеймье.

Новым этапом работ явились исследования Курской новостроечной экспедиции на север от Курска в 1977—1978 гг. Прежде всего должно быть названо во многом близкое поселению Снагость 2 селище Букреевка 2, неподалеку от места слияния рек Тускарь и Виногробля, относящееся к III—IV вв. н. э. Здесь тоже было фиксировано сочетание наземной постройки и углубленных в землю жилищ, датируемых бронзовыми фибулами подвязного типа, 14-гранной сердоликовой бусиной, типично черняховской гончарной посудой и обломками амфор [27, с. 95] (табл. 3).

Общий подсчет керамики из культурного слоя ям и построек (слой 1978 г.) дал следующие соотношения: 1) лепная керамика — 1105 (75%); 2) грубая гончарная посуда — 242 (17%); 3) лощеная гончарная посуда — 90 (6%); 4) импорт — 29 (2%). Как видно из табл. 2, соотношения групп керамики отличаются от черняховского поселения Снагость 2 прежде всего в сторону увеличения количества лепной керамики, составляющей в Букреевке около $^3/_4$ всей посуды, тогда как в Снагости 2 она не достигла и $^1/_4$. По времени существования, особенностям домостроительства, типу хозяйства оба поселения очень близки. Однако фибула из Букреевки 2 очень напоминает одну из находок коллекции из Фрауэнбургского (Франзенбургского) клада, где была найдена монета императора Феодосия II (448 г.) [28, с. 298; 29]. Это позволяет предполагать несколько более позднее время проникновения черняховской культуры в верховья р. Сейм и его северных притоков, чем, например, зафиксировано для Снагости 2, расположенной на среднем Сейме у восточной границы Курской обл. Кроме того, в Букреевке 2 известны печи-камины, т. е. отопительные устройства в виде пещерки, выкопанной в одной из стен полуземлянки, как это прослежено, например, в поздних полуземлянках Журавского среднеднепровского черняховского поселения. Букреевка 2, по-видимому, относится к памятникам переходного типа: от предполагаемой для Курской обл. эволюции материальной культуры с элементами черняховскими и киевского типа к более поздней и характерной для колочинского времени.

Не менее характерно сочетание на другом поселении на р. Тускарь, возле с. Тазово, преобладающей в массе лепной керамики весьма разнотипного облика с гончарной черняховской посудой. В числе находок, датирующих поселение, был многочастный костяной гребень, скрепленный металлическими заклепками [30, с. 81].

Самыми поздними памятниками Посеймья в районе Курска явились поселения Каменево 1 и 2 (конец IV—V в. н. э.). В последнем семь полуземлянок было расположено по кругу, как это наблюдалось Е. В. Максимовым для более раннего времени на поселении на Пилипенковой горе [31, с. 43]. Каменевские полуземлянки, как правило, имели поддерживающий крышу столб, расположенный в центре, отапливались они очагами. В заполнении построек и многочисленных ям преобладала лепная керамика с плавным биконическим перегибом тулова, большею частью близкая по типам колочинской или киевской. Она вполне соответствует находкам, сделанным на Лебяжьинском могильнике [19, с. 146, рис. 5]. Черняховская посуда составляет 1—2%, хотя в отдельных постройках и ямах ее несколько больше (например, в полуземлянке 4). Таким образом, удается наметить эволюционно-типологические ряды, сведенные в предварительно составленную таблицу (рис. 5). Последняя особенно важна потому, что охватывает вещи и лепную посуду прежде всего однослойных датированных памятников. Лепная керамика — важнейший

показатель, поскольку ее явно не ввозили в массовых количествах. Следовательно, она в случаях наблюдаемой преемственности отражает генетическую близость памятников, во всяком случае, связи групп племен, ассимилирующих и ассимилируемых, местных и пришлых для Курского Посеймья. Достаточно точно датируемые вещи из поселения (из полуземлянок и ям) Каменево 2 — это железные фибулы балтийских типов, относящиеся к V—VI вв. н. э. Находки верхней части античного стеклянного кувшина и некоторых бронзовых вещей не позволяют отодвигать нижнюю границу ранее конца IV в. н. э. Таким образом, представляется возможным передатировать на основании построенного эволюционного ряда памятники колочинского типа и их возникновение относить к позднеримскому времени. Поселения же Каменево 1 и 2 — еще не последний этап развития колочинской культуры, как об этом свидетельствуют поясные наборы VI—VII вв. н. э. из Лебяжьинского могильника [19, с. 146, рис. 5, 10—15; 32, табл. XI]. Вхождение в эволюционные ряды лепной керамики, типичной для черняховской культуры, в том числе с преднамеренно ошершавленной поверхностью (Букреевка 2), и постепенное ее исчезновение и новая унификация на позднейших стадиях колочинского этапа показывают сложный путь развития раннесредневековой культуры Посеймья.

Вот некоторые главнейшие итоги и предположения по предложенной теме.

1. Безоговорочно можно констатировать проникновение древностей черняховского типа далеко за пределы собственных границ распространения этой культуры. На север они проникают в области балтийских и финских племен. На востоке заходят в сарматизированные области Левобережного Днепра. К юго-западу доходят до памятников Крыма. В западном и северо-западных районах украинского и белорусского Полесья и Волыни мы видим взаимодействие и контакты с вельбарско-цецельскими и позднепшеворскими племенами.

2. В настоящее время определенно фиксирована взаимосвязь не только зарубинецкой, но и черняховской культур с памятниками киевского типа как в областях, где сосуществуют обе культурные группы, например в Среднем Поднепровье в районах г. Обухова или г. Переяслав-Хмельницкого и пр., так и за пределами северной границы распространения типичных поселений и могильников черняховского типа, что особенно наглядно проявляется в районах Подесенья (Р. В. Терпиловский) и Курской обл. (Э. А. Сымонович).

3. Первоначально исследователи обратили внимание на внедрение в культуру памятников киевского типа отдельных черняховских предметов, что отнесли за счет торговых связей и импорта. Однако постепенно выяснилось сходство и в выборе мест поселения, и в употреблении одинаковых бытовых вещей и украшений, использовании сходных орудий труда (ротационных жерновов и узколезвийных железных наральников). Кроме ограниченного количества круговой посуды памятники киевского типа имеют формы лепных сосудов, чрезвычайно близкие черняховским, в частности биконическим формам и пр. Общими оказались некоторые типы полуземляночных построек и в ряде случаев очагов с субструкциями из черепков. Главное же, были обнаружены специфические для Поднепровья печи-камины, выявленные в Букреевке 2. Связывает культуры и общность античного импорта. Все это заставляет исключить момент случайных связей и видеть в этом лишь результат проникновения импорта.

4. В то же время лепные сосуды киевского типа известны на черняховском юге вплоть до степных областей, подтверждая этнографическую и, весьма вероятно, генетическую близость населения, в той или иной степени родственного зарубинецкому субстрату. Делается все более вероятной гипотеза о тесном контактировании разных племен при продвижении черняховского землевладельческо-скотоводческого населения, сдвинутого со своих мест натиском кочевников в северные области пограничья лесной и лесостепной зон.

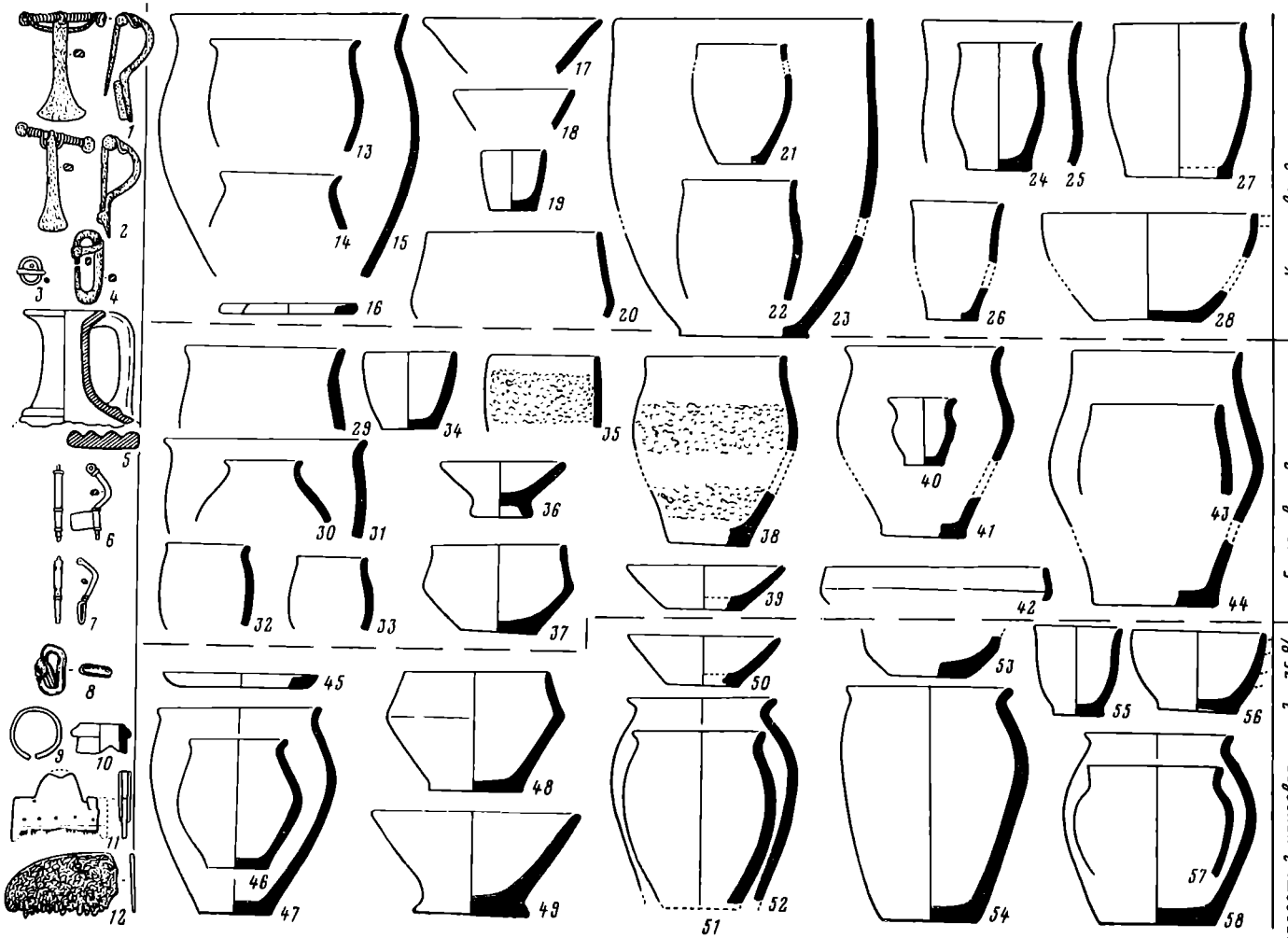


Рис. 5. Датирующие материалы (*1—12*) и лепная посуда памятников Посеймья первой половины I тысячелетия н. э. (в крайней правой графе даны названия основных памятников и процентные соотношения групп лепной керамики и черняховской круговой). *1—5*, *13—28* — Каменево 2; *6*, *7*, *29—44* — Букреевка 2; *8*, *47*, *48* — Авдеево; *9*, *11*, *54* — Тазово; *10*, *12*, *50*, *53* — Снагость 2; *45*, *49* — Колосовка; *46*, *51*, *52*, *55*, *56*, *58* — Замощанский могильник; *57* — Лебяжье

5. В Курском Посеймье в постзарубинецкое время намечается линия развития от памятников типично черняховского облика до смешанных в культурном отношении поселений, сочетающих в посуде элементы зарубинецкие, черняховские и киевского типа. На позднейших этапах, с V—VI вв. н. э., они характеризуются включением и дальнейшим развитием пеньковских и колочинских элементов. Наличие же в Посеймье колочинских поселений и могильников VI—VII вв. н. э. показывает, к какой культурной общности приводит предполагаемая нами линия культурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецкі пам"ятки київского типу.— Археологія, 1976, № 19.
2. *Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы истории лесостепного Левобережья в V — начале VIII веков.— СА, 1973, № 4.
3. *Горюнов Е. А.* Про періодизацію старожитностей другої та третьої чверті I тисячоліття н. е.— Археологія, 1975, № 18.
4. *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Е. Л.* Нові пам"ятки I тисячоліття н. е. в Київскому Подніпрв"і.— Археологія, 1975, № 15.
5. *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа близ Чернигова.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наукова думка, 1978.
6. *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
7. *Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Керамика пізньозарубинецького поселення Обухів III.— Археологія, 1975, № 18.
8. *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселение киевского типа у с. Ульяновка на Десне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев: Наукова думка, 1979.
9. *Терпиловский Р. В.* Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесенье.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наукова думка, 1977.
10. *Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4.
11. *Щукин М. Б.* К предыстории черняховской культуры.— АСб. ГЭ, 1979. т. 20.
12. *Костенко Ю. В.* Пам"ятки I тис. н. э. в поріччі р. Трубежа.— Археологія, 1978, № 28.
13. *Сухобоков О. В., Юренко С. П.* Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тысячелетии н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наукова думка, 1978.
14. *Мельніковска О. М.* Могильник юхновської культури та раньосредньовічне поселення на Чірнігівщині.— Археологія, 1977, № 24.
15. *Сымонович Э. А.* Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культур полей погребений.— КСИА, 1973, вып. 133.
16. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-западе Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.) Таллин: Эстгосиздат, 1955.
17. *Максимов Е. В.* Античний імпорт на Середньому Придніпров"ї в зарубинецький час.— Археологія, 1963, т. XV.
18. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.). Смоленск: Смоленское книжн. изд-во, 1976.
19. *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посемье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
20. *Липкинг Ю. А.* Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском.— АО — 1968. М., 1969.
21. *Алихова А. Е.* Авдеевское селище и могильник.— МИА, 1963, № 108.
22. *Сымонович Э. А.* Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курска.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
23. *Терпиловский Р. В.* Памятники киевского типа Подесенья и черняховская культура.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород. Тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР, 1978.
24. *Терпиловский Р. В.* Население Нижнего и Среднего Подесенья IV—V вв. Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1980.
25. *Сымонович Э. А., Сокол К. Ф.* Поселения черняховской культуры у с. Снагость в Посеймье.— АО — 1977. М., 1978.
26. *Липкинг Ю. А.* Замощанская дюна под Суджей.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979.
27. *Сымонович Э. А.* Курская новостроечная экспедиция.— АО — 1978. М., 1979.
28. *Смишко М. Ю.* Раннеславянская культура Подпестровья в свете новых археологических данных.— КСИИМК, 1952, вып. XLIV.
29. *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929.

30. *Сымонович Э. А.* Курская новостроечная экспедиция.— АО — 1979. М., 1980.
31. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наукова думка, 1978.
32. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв.— САИ, вып. Е1—2. М., 1979.

E. A. Symonovich

CHERNYAKHOVO CULTURE AND SITES OF THE KIEV AND KOLOCHIN TYPES

Summary

Inadequate information on the monuments of the Kiev type gave rise to an opinion that they were a complete antipode to the Chernyakhovo culture monuments. At present, with the advance of archaeological studies the pattern of development of the Slavonic monuments of the northern forest-steppe zone border from the Zarubintsy Culture to the monuments of the Kiev type (Fig. 1) and then to the Kolochin type became more clear. The contribution of the Chernyakhovo culture into the ethnogenic process could not be rejected. New archaeological investigations at Kiev, Chernigov, on the left banks of the Desna and the Seim revealed a synchronous character of the Kiev and Chernyakhovo cultures (Fig. 2). The following features are common for both of them: close resemblance between Chernyakhovo pottery and modelled pots and biconic bowels; finds of wheeled pottery of Chernyakhovo type on the monuments of the Kiev culture and the use of similar tools by the population of both cultures such as ard points, sicles and the like, and rotational mill — stones; identical character of some ornaments such as fibulae, buckles and close resemblance of harness and of other objects (bone combs, beads etc.) characteristic of urnenfeld (Figs. 3, 4). Objects of religious cult, location of settlements, peculiarities of house-building, heating systems also demonstrate close resemblance. Mass materials of the 1977-1979 diggings at Kursk evidenced infiltration into the region of the Chernyakhovo population misplaced by the nomads, its close connection with the Kiev type monuments (Fig. 5) and the fact that they had introduced into the kindred milieu of the Slavonic tribes along the Seim, some economic innovations of the population of the antuquity area loosing, at the same time, their specific Chernyakhovo traits.

ОБЛОМСКИЙ А. М.

О ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ФИБУЛ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хронология фибул зарубинецкой культуры стала в последнее время предметом научной дискуссии. Поправки к схеме А. К. Амброза предложили Л. Д. Поболь и К. В. Каспарова. Л. Д. Поболь, исходя из идеи о смене во времени фибул среднелатенской и позднелатенской конструкций, составил свою систему относительной и абсолютной хронологии [1, с. 116—122]. В этой связи он критиковал А. К. Амброза, который, напротив, считал, что многие типы фибул среднелатенской схемы синхронны позднелатенским [2, с. 17—20]. К. В. Каспарова пересматривала в основном абсолютную хронологию А. К. Амброза. Были изменены даты ранних фибул с треугольным щитком на ножке [3, с. 75], расчлененных фибул среднелатенской схемы [4, с. 81—84; 5, с. 58, 59], «воинских» одночленных фибул [6, с. 139]. Система хронологии Ю. В. Кухаренко, как правило, на практике не применяется, хотя аргументированная критика ее отсутствует. Таким образом, в настоящее время существует параллельно несколько схем хронологии зарубинецких фибул. Возникает вполне понятный вопрос: какую же схему предпочесть для датирования зарубинецких памятников? Ведь фибулы пока единственная массовая категория вещей зарубинецкой культуры, пригодная для определения ее хронологии.

В этой связи основной целью настоящей статьи является анализ необходимости и правомерности передатировок фибул, попытка свести новые данные о хронологии зарубинецких фибул в единую систему. Для этого в первую очередь необходимо разработать относительную хронологию фибул на территории зарубинецкой культуры.

В статье рассматриваются проволочные и узкопластинчатые фибулы зарубинецкой культуры, иными словами, все фибулы, обнаруженные на классических зарубинецких могильниках, за исключением группы фибул **с треугольным щитком на ножке.** Проволочные фибулы и фибулы из узкой пластины наиболее близки типологически к фибулам европейского латена: это дает возможность непосредственного сравнения их с набором латенских фибул и разработки относительной хронологии с привлечением европейских шкал. Хронология фибул с треугольным щитком — тема отдельного исследования, так как определить ее можно только по взаимной встречаемости в комплексах фибул этой группы с проволочными и узкопластинчатыми фибулами.

Рассмотрение изменений, внесенных в хронологию последних в 70-е годы, начнем с анализа группы поправок, предложенных К. В. Каспаровой к системе А. К. Амброза. К. В. Каспарова указывает, что в литературе наметился отход от системы абсолютной хронологии Я. Филипа [4, с. 85], на которой основана схема А. К. Амброза [2, с. 13]. Следовательно, необходимо изменить даты ранних зарубинецких фибул и соответственно дату возникновения зарубинецкой культуры. Для датировки фибул в статье 1978 г. она применяет хронологическую схему начала 1970-х гг., по которой начало латена С (наиболее спорный вопрос в схеме Я. Филипа) определяется началом II в. до н. э. [4, с. 85]. В другой, вышедшей в 1981 г. статье [5], К. В. Каспарова предлагает новую передатировку расчлененных фибул и фибул с треугольным щитком на ножке. На этот раз фибулы датируются по двум хронологическим

схемам конца 1970-х гг. В этих новейших схемах граница латена В и С определяется следующим образом: в первой — около 225 г. до н. э., во второй — около середины III в. до н. э. [5, с. 58, 59].

От первого изменения датировок ранних фибул зарубинецкой культуры до второго прошло всего 3 года. Как известно, за это время не был ни раскопан, ни опубликован новый зарубинецкий материал, расширяющий представление о раннем этапе этой культуры. Чем же вызвана необходимость двукратного изменения его хронологии? К. В. Каспарова в обоих случаях ссылается на процесс изменения хронологии латенских фибул в Средней Европе [4, с. 82, 85, 86; 5, с. 58, 59, 62, 63], однако критический разбор аргументации новых хронологических разработок ею не проводится. Все использованные схемы принимаются К. В. Каспаровой безоговорочно.

Особую проблему представляют поиски ареала прототипов фибул зарубинецкой культуры в Средней Европе. Как известно, хронологические позиции латенских фибул могут изменяться в зависимости от того, на какой территории они распространены. Это традиционное положение недавно было вновь подтверждено при сопоставлении хронологических схем Ф. В. Ходсона и Я. Филипа [28, с. 33]. Упоминает об этом и К. В. Каспарова [5, с. 62]. В обеих ее статьях выдвигается положение о решающей роли юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры [4, с. 85—87; 5, с. 74, 75]. Однако при конкретном датировании фибул применяются не только схемы Й. Тодоровича [4, с. 84, 85] и В. Зирры [4, с. 82], разработанные на материалах Балкан, Карпатской котловины и Нижнего Подунавья, но и схемы, построенные преимущественно на материалах латена Польши, Чехословакии, ясторфской культуры [4, с. 85; 5, с. 58—60] и севера Средней Европы, а также схема Х. Поленца, разработанная для междуречья Рейна и Майна. Иными словами, для определения хронологии зарубинецких фибул применяются схемы, созданные по материалам различных, причем довольно далеких друг от друга, территорий, связи которых с зарубинецкой культурой нуждаются в доказательстве.

Третья проблема, на которую хочется обратить внимание, — проблема определения абсолютной хронологии ранних фибул. В статье 1978 г. К. В. Каспарова, разбирая хронологические позиции расчлененных фибул среднелатенской схемы на основании системы хронологии З. Возьняка и В. Зирры, писала, что фибулы с 8-образной спинкой могут датироваться временем латена С1 (рубеж III—II вв. до н. э. — первая половина II в. до н. э.), а фибулы с шариками на ножке — II — началом I в. до н. э. [4, с. 82, 83]. Видимо, эти датировки предлагались К. В. Каспаровой как возможные, но не окончательные, потому что далее указано, что «расчлененные фибулы зарубинецких памятников, типологически близкие кельтскими из Юго-Восточной Европы, возможно относить к середине II в. до н. э.» [4, с. 85]. В этом случае возникает сразу несколько вопросов. Если руководствоваться при определении датировок этих фибул системой хронологии, использованной К. В. Каспаровой [4, с. 82, 83], то последовательнее было бы применить датировки, предложенные авторами хронологических схем. Но, поскольку примененная К. В. Каспаровой схема разработана для Средней Европы, остается неясным, когда появляются эти фибулы на зарубинецкой территории (в какой момент их бытования в Средней Европе). Не ясно также, когда они исчезают: ведь время исчезновения их в Средней Европе и на территории зарубинецкой культуры может не совпадать. На зарубинецкой территории эти фибулы могли существовать и дольше. Если же принять вторую предложенную в статье датировку, первый вопрос снимается: фибулы появляются в середине II в. до н. э. Но возникает новый вопрос: а каким же образом удалось определить эту дату с такой степенью точности?

В статье К. В. Каспаровой (1981 г.) все расчлененные фибулы отнесены к латену С1 [5, с. 59], что соответствует периоду с 225 по 150—120 гг. до н. э. по одной из использованных систем хронологии,

середине III — первой половине II в. до н. э. по другой [5, с. 58]. Как и в первой статье, это лишь возможные даты. Далее указывается, что нижняя хронологическая граница зарубинецкой культуры (а соответственно и нижняя дата фибул) — конец фазы С1, т. е. 170—150 гг. до н. э. Такое определение нижней даты расчлененных фибул, по мнению К. В. Каспаровой, подтверждается клеймами на амфорах с городища Пилипенкова гора [5, с. 76]. Но это сопоставление не проясняет вопроса о ранней дате фибул: фибулы и клейма происходят с разных памятников Среднего Поднепровья (фибулы — из Пироговского могильника). Теоретически фибулы могли появиться как раньше, так и позже клейм: ведь они не обнаружены вместе в комплексах. Система синхронизации материалов зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, где была бы доказана одновременность фибул и клейм по сочетанию с другими вещами, как известно, отсутствует.

Тем не менее дата появления расчлененных фибул на зарубинецкой территории определяется очень «точно»: в пределах 20 лет. «Точная» дата появления зарубинецкой культуры служит К. В. Каспаровой для обоснования «хиатуса» между зарубинецкими и скифскими памятниками Поднепровья [5, с. 63, 64].

Не уточняет раннюю дату расчлененных фибул (а также тесно связанную с ней раннюю дату зарубинецкой культуры) утверждение, что юго-западные вещи: поясной крючок из Отвержичей, удила из Велемичей II, фибулы с 8-образной ножкой [4, с. 86, 87; 5, с. 73—75] — характерны для периода формирования зарубинецкой культуры [5, с. 75]. Абсолютная дата этого периода зависит от начальной даты указанных вещей, а она определяется только ссылками на европейскую хронологию. Действительно, можно определить период существования этих типов вещей по Х. Поленцу или Й. Тодоровичу, однако вопрос, когда именно попадают эти вещи на территорию зарубинецкой культуры, остается нерешенным.

Если для расчлененных фибул К. В. Каспарова пыталась определить в основном их нижнюю дату, то для «воинских» фибул была предпринята попытка определить период их исчезновения. Для этого К. В. Каспарова сопоставляет их с фибулами типов M и N по классификации Ю. Костшевского и показывает их большую типологическую близость [6, с. 131—133]. Фибулы типов M и N в хронологических шкалах Чехословакии и Польши относятся к финальному периоду позднего латена [6, с. 135, 136]. Далее утверждается, что на зарубинецких могильниках практически отсутствуют (если не считать фибулы типа «Альмгрен 68» из Отвержичей) вещи эпохи латена B1. Отсюда делается очень логичный вывод, что зарубинецкая культура классического облика не переживает финальный период латена D. А затем высказывается мнение, что этот период датируется для зарубинецкой культуры так же, как и для пшеворской, т. е. не позже 40-х годов н. э. [6, с. 139]. Соответственно и конечная дата полесских могильников определяется строго по «пшеворскому стандарту»: не позже середины I в. н. э. [6, с. 139]. Возможность более длительного по сравнению с пшеворской культурой существования «воинских» фибул у зарубинцев не допускается. Это тем более странно, что сама же К. В. Каспарова приводит обширную библиографию, где показано, что финальный период латена D даже в Средней Европе в разных местах датируется по-разному [6, с. 136—138]. Привлечение к датировке фибул позднелатенской схемы комплексов из Северного Причерноморья мало что дает, так как здесь есть комплексы, датирующиеся и всем I в. н. э., и только его началом [6, с. 129, 130].

Хронологическая схема Л. Д. Поболя подробно проанализирована в рецензии К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. Авторы рецензии утверждают, что конструкция фибулы — не показатель хронологического периода. Большая группа фибул среднелатенской схемы в Средней Европе относится к латену D, что наблюдается во всех могильниках с хорошо разработанной горизонтальной стратиграфией [7, с. 249]. На территории зарубинецкой культуры, как известно, встречаются ком-

плексы, где фибулы среднелатенской схемы найдены с фибулами не только позднелатенскими, но и с раннеримскими периода B2 (Гриневичи Вельки, погр. 13). Система хронологии Л. Д. Поболя создана на неверных основаниях.

Таким образом, при рассмотрении литературы 70-х годов, посвященной изменению хронологии фибул зарубинецкой культуры, выясняется, что наиболее важными являются два вопроса: проблема возможности «переноса» среднеевропейской хронологии на материалы зарубинецкой культуры и проблема точности полученных в этом случае абсолютных дат. Ответ на эти вопросы должен состоять из определения (если это возможно) пределов, в которых допустимо попадание прототипов фибул, имеющих среднеевропейское происхождение на зарубинецкую территорию, и периода «переживания» (если он был) этих фибул у племен зарубинецкой культуры. Для решения этой задачи предлагается следующий метод. В качестве ранней даты фибулы принимается время появления ее прототипа в Средней Европе. Естественно, что до этого момента фибула не может попасть на зарубинецкую территорию. Верхняя дата фибулы («период переживания») определяется по сочетанию фибул разных типов в закрытых комплексах зарубинецкой культуры. Абсолютные датировки фибул, полученные таким способом, будут широкими, поскольку покажут время, в пределах которого фибулы могут бытовать на зарубинецкой территории.

Чтобы иметь возможность сопоставлять фибулы зарубинецкой культуры с фибулами латенской культурной провинции, необходимо классифицировать зарубинецкие фибулы по тем принципам, которые положены в основу типологии фибул латена. Как известно, при классификации латенских фибул обычно принимается во внимание их схема, форма спинки и ножки («профиль фибулы»), орнаментация (как правило, вид рельефных украшений). В качестве дополнительных признаков привлекается форма приемника [1], длина пружины и размеры.

Классификацией зарубинецких фибул специально занимались Ю. В. Кухаренко [8, с. 30—35] и А. К. Амброз [2]. В обеих типологических схемах учтены все эти признаки. Однако состав конечных типологических разрядов и их количество получились различными. Как представляется, основная причина этого — недостаточная последовательность А. К. Амброза в их выделении. В качестве примера рассмотрим типологию, предложенную А. К. Амброзом для гладких проволочных фибул среднелатенской схемы.

Различные типы фибул этой группы выделены на основании разноплановых признаков: тип «табл. 1, *14*» выделен по сходству с кельтскими фибулами [2, с. 19], при выделении типа «табл. 1, *15*, *16*» использованы размеры, профиль фибулы и длина пружины [2, с. 19]. Тип «табл. 1, *17*» выделен по форме ножки и особенности заготовки (фибулы не проволочные, а пластинчатые), а также по орнаментации, привлеченной в качестве дополнительного признака [2, с. 20]; при выделении типа «табл. 2, *8*» учитывался только профиль фибулы, а для типа «табл. 2, *6*, *7*» — только размер [2, с. 20]. В отдельную группу объединены фибулы Северного Причерноморья (т. е. по территориальному признаку). Фибулы «неапольского варианта» выделены по форме скрепы, профилю и длине пружины [2, с. 22].

Классификация Ю. В. Кухаренко, составлена более последовательно. Профили фибул, их орнаментация, длина пружин и размеры учитываются для каждого конечного типологического разряда [8, с. 30, 31, 33, 34]. Поэтому классификация Ю. В. Кухаренко более пригодна для сопоставления зарубинецких фибул с фибулами европейского латена. Однако и она нуждается в некотором уточнении.

Ю. В. Кухаренко учитывал и конструкцию («схему») фибулы, на этой основе он выделял «группы вариантов» [8, с. 30]. Фактически этот

---

[1] Основным этот признак становится лишь при отделении рамчатых позднелатенских фибул от позднелатенских со сплошным приемником — «воинских».

признак рассматривался как типообразующий. Однако сами типы Ю. В. Кухаренко не выделялись. Выделить их тем не менее необходимо. Исходя из общей схемы фибулы, к типу 1 (фибулы раннелатенской схемы) относится вариант А [8, с. 30], к типу 2 (фибулы среднелатенской схемы) относятся варианты Б—К [8, с. 30, 31], к типу 3 (фибулы позднелатенской схемы) — варианты Л—Т, к типу 4 (фибулы с подвязным приемником) — вариант Ф [8, с. 33, 34].

В вариант Г объединены Ю. В. Кухаренко почти все гладкие проволочные и узкопластинчатые фибулы среднелатенской схемы без учета их профилировки. По этому признаку «группу Г» можно разбить на три самостоятельных варианта. К варианту Г1 будут относиться фибулы с дугообразной спинкой, к варианту Г2 — со спинкой, изогнутой в виде скобы, а к варианту Г3 — фибулы, изогнутые «в виде знака вопроса» (т. е. со спинкой, выгнутой в верхней части корпуса, и с прогнутой ножкой).

Фибулы вариантов П и Р отличаются друг от друга лишь по одному признаку: у фибул варианта П спинка проволочная, а у экземпляров варианта Р — пластинчатая [8, с. 33, 34]. Выделение двух вариантов имело бы смысл, если бы они различались по хронологии. Однако есть факты, свидетельствующие о синхронности этих двух вариантов. Так, в погр. 37 Чаплинского могильника фибула варианта Р встречена с фибулой варианта М [9, табл. VIII, *4*, *5*]. В погр. 129 того же могильника с фибулой варианта М встречена фибула варианта П [10, рис. 41, *11*, *12*]. Правомерно, по-моему, объединить их в один вариант П/Р.

Необходимо также четче определить границы между вариантами М и Н, а также О и П/Р. К варианту Н следует отнести все фибулы с рамчатым приемником, имеющие прогиб ножки, пусть даже незначительный, слабый. Тогда к варианту М относятся фибулы с прямой, не прогнутой ножкой. По тому же принципу подразделяются варианты О и П/Р. Вариант О имеет прямую ножку, П/Р — прогнутую. Типологически фибулы варианта О очень близки к экземплярам варианта П/Р со слабоизогнутой ножкой (рис. 3, *6*, *7*). Скорее всего они и развиваются из последних: ведь оба варианта различаются лишь по профилировке, а она имеет тенденцию к сближению.

Фибулы варианта Л уникальны для зарубинецкой культуры: у них спинка приварена к ножке (рис. 2, *1*). По своей профилировке и конструкции они занимают переходное положение между фибулами типа 2 варианта Г2 и типа 3 варианта М (рис. 2, *2*; 3, *2*).

В работе используются фибулы из могильников Велемичи I [11, с. 28—44, табл. 11—23], Велемичи II [11, с. 45—50, табл. 28—36; 12], Воронино [11, с. 55—60, табл. 38—42], Отвержичи [11, с. 26, табл. 10; 13; 14], Черск [11, с. 66, 68, табл. 9], Ремель [11, с. 52—54, табл. 11], Семурадцы [15], Чаплин [9; 10], Пирогов [16; 17], Корчеватое [18], Витачев, Девич-Гора [19], Вишенки и Зарубинцы [20] (табл. 1)

Как уже указывалось выше, датировка латенских фибул может быть неодинаковой на различных территориях. Поэтому особое значение для определения «периода возможного попадания» прототипа той или иной проволочной или узкопластинчатой фибулы к племенам зарубинецкой культуры приобретает правильность определения территории, откуда эти фибулы происходят.

Этот вопрос ставится в последних работах К. В. Каспаровой. По ее мнению, прототипы расчлененных фибул с 8-образной ножкой (тип 2, вариант В по Ю. В. Кухаренко) и ранних экземпляров фибул с треугольным щитком на ножке происходят с Балкан [3, с. 71—73; 4, с. 85, 86; 5, с. 73—75]. Балканское происхождение имеют также поясной крючок из Отвержичей с подковообразным орнаментом [3, с. 76, 86; 5, с. 74], удила с двудырчатыми псалиями из могильника Велемичи II [4, с. 87; 5, с. 73], «гибридная орнавасско-зарубинецкая фибула» из погр. 105 того же могильника [4, с. 83, 84; 5, с. 74]. К. В. Каспарова считает, что контакты с кельто-иллирийцами юго-запада Европы были этнокультурными [5, с. 75].

Распределение фибул по зарубинецким могильникам *Таблица 1*

Могильник	№ погребения и количество фибул (в скобках)	Тип и вариант фибул
Чаплин	11(1), 14(1), 59(2), 105(1), 109(2), 117(2), 122(2), 123(1), 142(1), 144(1), 212(1), 217(1), 241(2), 266(1), 267(1)	Тип 2, вариант Г2
	7(1), 246(1)	Тип 2, вариант Д
	89(2)	Тип 3, вариант Л
	47(1), 56(1), 86(1), 101(1), 165(1), 222(1), 226(1), 248(1)	Тип 3, вариант М
	21(1), 37(1), 115(1), 129(1), 143(1), 162(1), 210(1), 253(2)	Тип 3, вариант Н
	6(1), 29(1), 131(1), 192(1), 214(1), 246(1)	Тип 3, вариант О
	25(1), 37(1), 47(1), 128(2), 129(1), 143(1) 137(1), 146(1), 148(1), 159(1), 163(2), 181(2), 227(1), 228(1), 229(2)	Тип 3, вариант П/Р
	152(1)	Тип 3, вариант С
	25(1), 58(1)	Тип 3, вариант Ф
	211(1)	Тип 3, вариант М(О?)
	1(1)	Тип 3, вариант М(Н?)
	33(1)	Тип 3, вариант О(П/Р?)
Велемичи I	108(1)	Тип 2, вариант Б
	88(1)	Тип 2, вариант Г1
	60(1), 67(1), 70(1)	Тип 2, вариант Г2
	109(1)	Тип 2, вариант Г3
	82(1)	Тип 3, вариант М
	81(1), 62(1), 69(1), 75(2), 111(1)	Тип 3, вариант П/Р
	47(2)	Тип 3, вариант Т
	36(1), 48(1)	Тип 3, вариант Н(П/Р?)
	76(1)	Тип 3, вариант О(П/Р?)
Велемичи II	105(1)	Тип 2, вариант Б
	80(1), 104(1)	Тип 2, вариант Г1
	20(1), 42(1), 59(1), 45(2)	Тип 2, вариант Г2
	59(1)	Тип 2, вариант Г3
	102(1)	Тип 3, вариант М
	93(1)	Тип 3, вариант О
	50(1), 52(1), 78(1), 81(1), 85(1), 100(1)	Тип 3, вариант П/Р
	81(2)	Тип 3, вариант Т
	76(1), 101(1)	Тип 3, вариант О(П/Р?)
	86(1)	Тип 3, вариант Н (М, О, П/Р?)
Ремель	1(1)	Тип 2, вариант Г2
Черск	1(1)	Тип 2, вариант Г2
Семурады	18(1)	Тип 3, вариант Н
	21(1)	Тип 3, вариант П/Р
	12(1)	Тип 3, вариант П/Р (Т?)
	20(1)	Тип 3, вариант М (Н, О, П/Р?)
Отвержичи	21(1), 31(1)	Тип 2, вариант Г2
	1(1), 24(1)	Тип 3, вариант П/Р
	26(1)	Тип 3, вариант М (Н, О, П/Р?)
Воронино	25(1)	Тип 2, вариант В
	16(2), 17(1), 25(1), 29(1), 39(1)	Тип 2, вариант Г2
Корчеватое	12(1), 34(1), 37(1)	Тип 2, вариант Г2
	13(1)	Тип 2, вариант Г3
Зарубинцы (нумерация фибул дается по рис. 3 публикации)	3	Тип 2, вариант Г2
	2, 9	Тип 2, вариант Г3
	1	Тип 3, вариант П/Р
Вишенки (нумерация фибул дается по рисунку № 6 публикации)	8	Тип 2, вариант Г2
	7	Тип 2, вариант Г3
Девич-гора (с. Триполье)	2(1)	Тип 2, вариант Г1 (Г2, Г3, Д)
Витачев	1(1), 2(1)	Тип 2, вариант Г2
	2(2)	Тип 2, вариант Г3
Пирогов	26(1)	Тип 2, вариант В
	57(1)	Тип 3, вариант М
	39(1), 61(1)	Тип 3, вариант П/Р

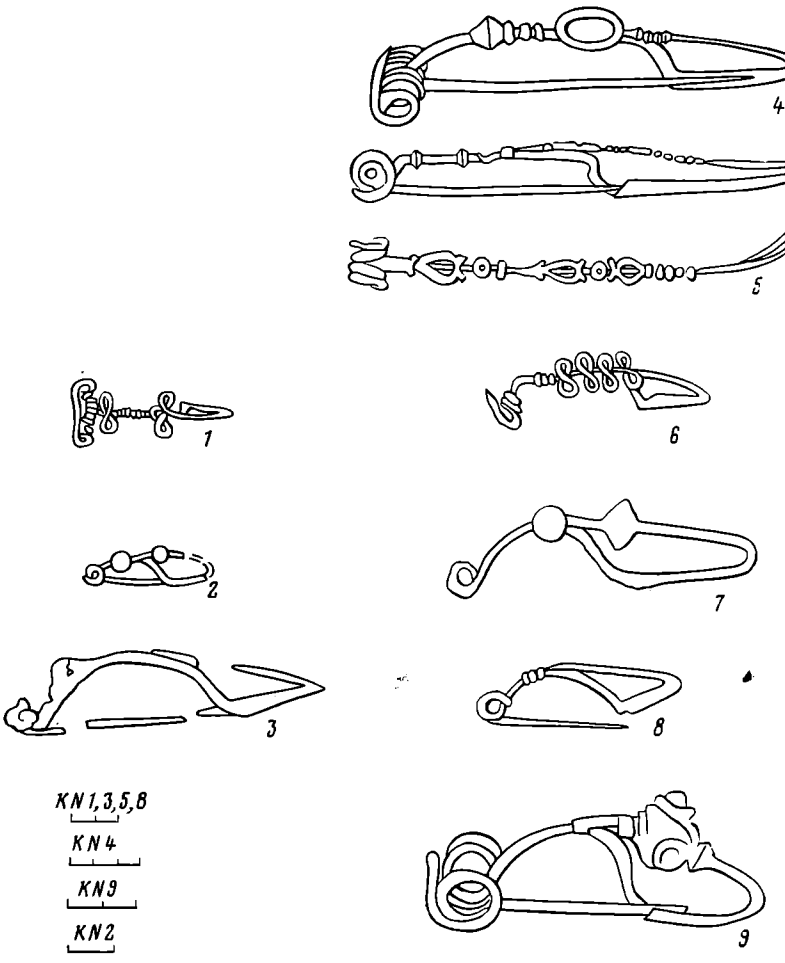


Рис. 1. Сопоставление фибул латена С Чехословакии и зарубинецкой культуры.
Зарубинецкие фибулы: *1* — тип 2 вариант В (Воронино, погр. 25); *2* — тип 2 вариант Б (Велемичи I, погр. 108); *3* — тип 2 вариант Г1 (Велемичи II, погр. 104). Фибулы Чехословакии по типологии Я. Филипа: *4* — «дисковидная» фибула; *5* — «богато украшенная» фибула; *6* — фибула с 8-образной ножкой; *7* — фибула «с шариками на ножке», *8* — фибула варианта В1А по Й. Бженю; *9* — фибула «с большой шаровидной пяткой составной конструкции»

Теория юго-западных связей зарубинецкой культуры мне представляется недостаточно аргументированной: все вещи, которые К. В. Каспарова приводит как происходящие с Балкан, известны не только на Балканах, о чем, кстати, пишет и сама К. В. Каспарова. Так, фибулы с 8-образной ножкой, кроме Югославии, происходят еще из памятников Румынии, Венгрии и Словакии [4, с. 81]. Орнаваские фибулы, кроме юго-западного европейского региона, известны и в Чехии [4, с. 83]. Поясному крючку из Отвержичей К. В. Каспарова, кроме юго-западных, находит еще и множество ясторфских аналогий, причем на ясторфской территории хорошо известна и орнаментация подковками [13, с. 156]. Факт широкого распространения этих фибул и поясных крючков ставит под сомнение утверждение К. В. Каспаровой об их обязательном балканском происхождении: они могли попасть в зарубинецкие погребения и из других областей.

Относительно удил из Велемичей II можно лишь сказать, что принадлежность их к зарубинецкой культуре не доказана: они «обнаружены вместе с черепом лошади на окраине могильника, в слое чистого песка на глубине 0,55 м. Никаких других вещей при этом захоронении не найдено» [12, с. 98].

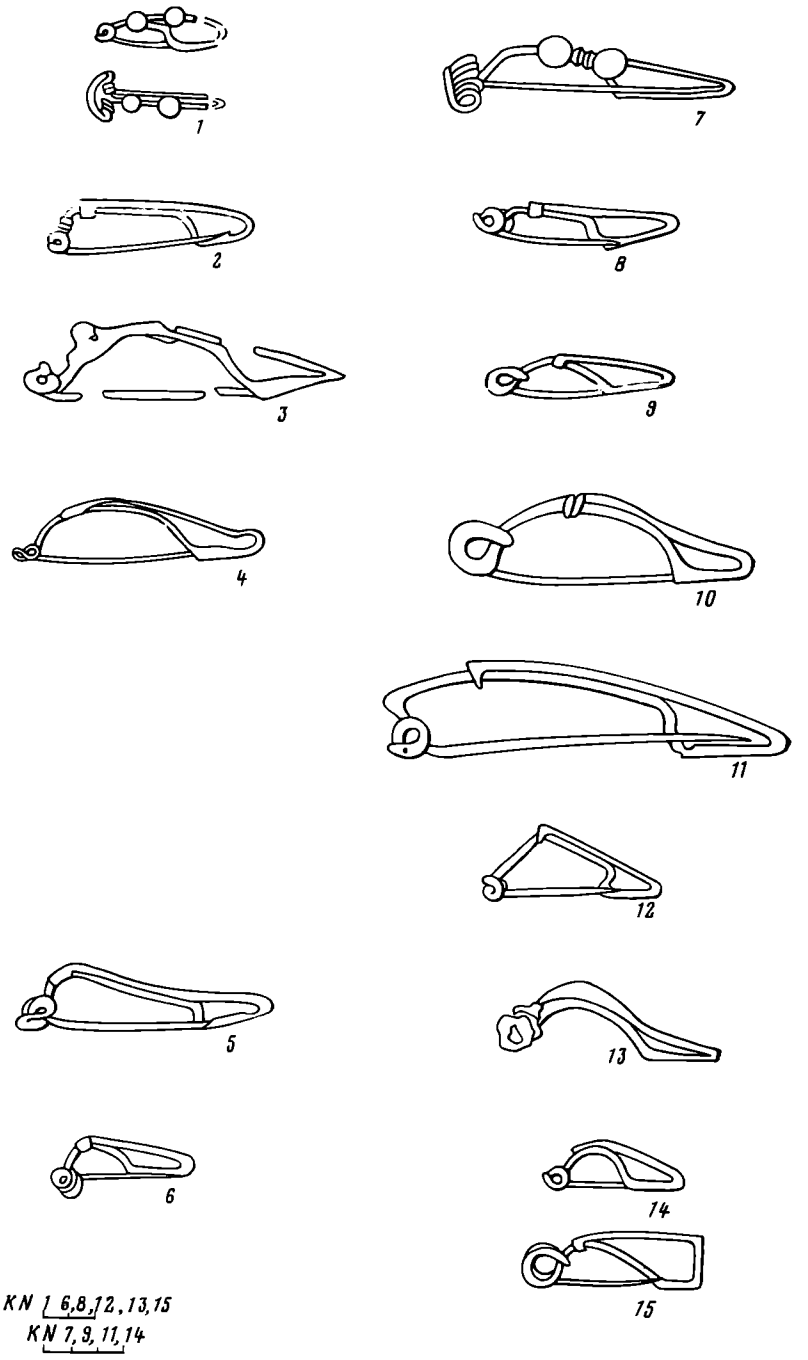


Рис. 2. Сопоставление фибул среднелатенской схемы позднего латена Польши и зарубинецкой культуры.
Зарубинецкие фибулы: *1* — тип 2 вариант В (Воронино, погр. 25); *2* — тип 2 вариант Г2 (Чаплин, погр. 122); *3* — тип 2 вариант Г1 (Велемичи II, погр. 104); *4* — тип 2 вариант Г1 (Велемичи I, погр. 89); *5* — тип 2 вариант Г3 (Вптачев, погр. 2); *6* — тип 2 вариант Д (Чаплин, погр. 246). Фибулы Польши по типологии Ю. Костшевского: *7* — фибула «с двумя шариками на ножке»; *8* — тип B; *9* — тип A; *10*, *13* — тип E; *11* — тип C; *12* — тип F; *14* — тип G/H; *15* — тип J

Доказать балканское происхождение фибул с треугольным щитком («зарубинецкого типа») можно было бы, только установив, что копьевидные югославские фибулы возникают раньше, т. е. формально могут быть прототипами «зарубинецких». Датировки, которые К. В. Каспарова приводит для типологически ранних экземпляров копьевидных, выглядят следующим образом: фибула из Земуна (кат. № 540) — III—II вв. до н. э. [3, с. 74], из Езерине (погр. 393*а*) — 110—35 гг. до н. э.

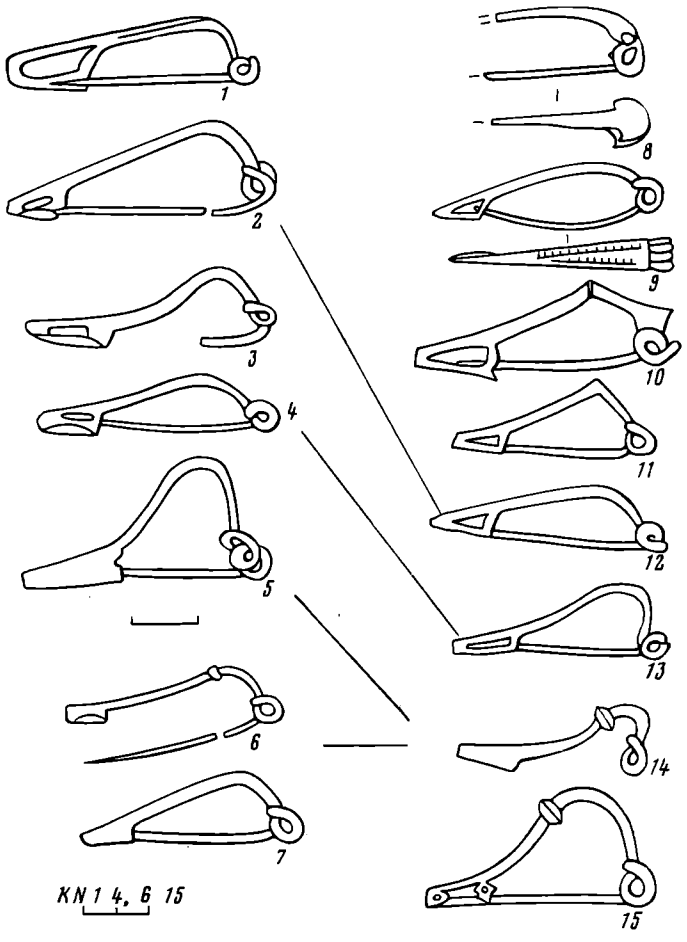


Рис. 3. Сопоставление фибулы позднелатенской схемы позднего латена Польши и зарубинецкой культуры.
Зарубинецкие фибулы: *1* — тип 3 вариант Л (Чаплин, погр. 89); *2* — тип 3 вариант М (Чаплин, погр. 101); *3, 4* — тип 3 вариант Н (Чаплин, погр. 115, 143); *5, 6* — тип 3 вариант П/Р (Зарубинцы, Чаплин, погр. 148); *7* — тип 3 вариант О (Чаплин, погр. 192).
Фибулы Польши по типологии Ю. Костшевского: *8* — тип I; *9* — «наухеймская» фибула; *10* — тип К; *11* — тип L; *12* — тип «Ю. Костшевский, рис. 15»; *13* — тип М; *14* — тип N; *15* — тип О

[3, с. 73], из Горицы — II—I вв. до н. э. [3, с. 72], из Езерине и Рибича (погр. 37 и 278) — конец II — середина I в. до н. э., фибулы с узкими щитками из Земуна — II в. до н. э. [3, с. 75], т. е. наиболее ранние образцы не дают оснований датировать их возникновение точнее, чем «где-то во II в. до н. э.». Но ведь так же датируются и наиболее ранние зарубинецкие фибулы. Это подтверждает комплекс из погр. 105 Велемичей II, где фибула «зарубинецкого» типа с маленьким щитком найдена вместе с расчлененной [12, рис. 18, № 1, 5]. Вопрос о прототипе фибул с треугольным щитком пока еще далек от разрешения.

По моему мнению, выяснить, по какой хронологической шкале следует датировать прототипы фибул зарубинецкого ареала, можно лишь при сопоставлении полного набора типов фибул, а не отдельных вещей с фибулами различных культурных групп латена. Только при сходстве большинства типов фибул можно будет утверждать, что между сравниваемыми территориями существовали тесные связи, что они не были случайными. Сопоставление классификационных схем должно проводиться с ближайшими к территории зарубинецкой культуры землями латенской культурной провинции.

Наиболее полная типология фибул юго-запада Европы составлена Й. Тодоровичем. Из 13 типов фибул средне- и позднелатенских схем,

выделенных им [21, с. 51—54], зарубинецкие аналогии имеют лишь «фибулы составной конструкции варианта А» [21, с. 51] (близки к зарубинецким типа 2 вариантов Б, Г1 и Г2); «фибулы, украшенные филигранью, варианта А» (близки к зарубинецким типа 2 варианта В) [21, с. 53]. Некоторые экземпляры фибул с пластинчатым приемником подобны зарубинецким вариантам О [21, табл. LV, № 6, 25] и П/Р [21, табл. LIV, № 5, 6]. Таким образом, югославский набор фибул обнаруживает лишь минимальное сходство с зарубинецким.

Среди фибул латена С Семиградья выделяются два основных типа: «младшие варианты мюнсингенских» и «фибулы с 8-образной ножкой» [22, с. 39, 40, рис. 1, *6*, *8*, *9*]. На зарубинецкой территории представлен лишь второй тип (тип 2, вариант В по Ю. В. Кухаренко). Из пяти типов латена С, представленных на территории группы Падеа-Панагюрской колонии (Румыния и Болгария), в могильниках зарубинецкой культуры имеют аналогии лишь фибулы с двумя шариками на ножке и копьевидная из Леляче [22, с. 119—121, рис. 12, *3*, *4*]. По К. В. Каспаровой, некоторую близость к фибуле с треугольным щитком из погр. 105 мог. Велемичи II обнаруживают фибулы орнавасского типа [4, с. 83]. Орнавасские фибулы имеются среди древностей этой группы [22, с. 119].

Из четырех типов фибул латена D к зарубинецким типа 2 варианта Г1 близки фибулы типа A/D Ю. Костшевского (с уточнениями З. Возьняка) [22, с. 122, рис. 12, *7*, *8*], а к варианту Г2 типа 2 — фибулы типа В. Правда, сходство последних с зарубинецкими фибулами довольно приблизительно: некоторые экземпляры типа В из Олтении имеют очень длинную ножку и бусину на ножке [22, рис. 12, *8*]. В целом на кельтских памятниках Румынии зарубинецкий комплекс фибул имеет мало аналогий: из 13 вариантов типов 2 и 3 (исключая фибулы с треугольным щитком) (рис. 2) к румынским близки лишь три варианта. Фибулы кельтских памятников Румынии не могут служить прототипами зарубинецких.

Другую типологию фибул латена С для Румынии предложил В. Зирра [23, с. 56—59]. Для этого периода он выделяет три группы фибул. Первая группа подразделяется на четыре варианта [23, с. 56]. Среди зарубинецких фибул аналогии имеют лишь фибулы с 8-образной ножкой («особая группа» В. Зирры) и гладкие проволочные фибулы, близкие к варианту Г1 [23, с. 58, 59, рис. 28, 1/III].

Набор фибул культуры Поянешты-Лукашевка гораздо ближе к зарубинецкому комплексу этих украшений. Д. А. Мачинский выделяет здесь четыре типа фибул [24, с. 83—85]. Из них зарубинецкие аналогии имеют фибулы с двумя шариками на ножке [25, рис. 105, *1*, *2*; 339, *6*], фибулы типа В по Ю. Костшевскому [25, рис. 163, *2*; 167; 339, *2*; 26, табл. 7, *6*, *13*, *22*, *28*, *29*, рис. 6], а также фибулы с треугольным щитком на ножке из культурного слоя селища Лукашевка [26, рис. 5]. В недавно вышедшей публикации мог. Долиняны приведены погребения с фибулами типов D/E [27, рис. 3, *6*; 5, *12*; 6, *5*], G/H [27, рис. 6, *6*; 7, *9*], M, [27, рис. 6, *8*; 7, *8*] по типологии Ю. Костшевского, которые близки к зарубинецким вариантам, соответственно Г1, Д, Н и П/Р. Здесь же обнаружены не имеющие аналогий на зарубинецкой территории фибулы типа J [27, рис. 4, *7*].

Большую степень близости к зарубинецким фибулам латена С обнаруживают фибулы Чехословакии. Здесь находятся прототипы практически всех ранних проволочных зарубинецких фибул: расчлененных с 8-образной ножкой (тип 2, вариант В по Ю. В. Кухаренко) [29, с. 102, рис. 30, *7*; 30, с. 361—363, рис. 9, *6*], с шариками на ножке [29, с. 109, рис. 34, *5*, *7*, *8*; 30, с. 361, рис. 9, *2*, *4*], гладких проволочных типа 2 варианта Г1 [29, с. 361, рис. 9, *1*, *3*, *7*, *8*]. Я. Филип и Б. Бенадик выделяют пять типов фибул латена С, имеющих широкое распространение в Чехословакии [29, с. 108; 30, с. 361—363]. Из них три типа имеют аналогии среди фибул зарубинецкой культуры (рис. 1).

В период латена D эта близость теряется: из 10 типов этого периода (по Й. Бженю) [31, с. 196, 197] с зарубинецкими сходны лишь фибулы типа В1 варианта «а» (сопоставимы с типом 2 вариантом Г1) [31, с. 208—210, табл. 2, *14*, *17*, *20*, *33*] и типа В2 (похожи на зарубинецкие типа 2 варианта Г2) [31, с. 212, табл. 3, *217*, *228*]. Встречаются на оппидумах Чехии и орнавасские фибулы [31, табл. 3, *229*, *242*].

Совершенно иную картину для латена D мы получим, если обратимся к территории пшеворской и оксывской культур. Из 13 типов фибул этого периода выделенных Ю. Костшевским (с модификациями Р. Хахманна [32, табл. 2]), к зарубинецким вариантам близки восемь (рис. 2; 3). В латене С в Польше распространены аналогичные зарубинецким типа 2 варианта Б фибулы с шариками на ножке [33, с. 16, 17].

Фибулы тех же типов обнаружены и на памятниках ясторфской культуры [35, с. 127—130, 138—142]. Однако на зарубинецкой территории не встречены ни разу такие характерные для ясторфа фибулы, как «фибулы позднелатенской схемы угловатого профиля» [35, с. 128, табл. IX, *28*], «поморские» [35, с. 128, табл. IX, *23*], «типа Захов» [35, табл. IX, *24*], фибулы типа J по Ю. Костшевскому [35, с. 129, табл. IX, *26*] и типа «Helmshagen» [35, с. 129, табл. IX, *26*]. Из общего набора ясторфских фибул на зарубинецкой территории встречены лишь те, которые параллельно ясторфу существуют в пшеворской и оксывской культурах.

Таким образом, к набору зарубинецких проволочных и узкопластинчатых фибул наиболее близки фибулы латена С Чехословакии и фибулы пшеворской, оксывской культур и культуры Поянешты-Лукашевка.

В таком случае правомерно сопоставлять зарубинецкие гладкие проволочные фибулы среднелатенской схемы и фибулы позднелатенской конструкции с фибулами латена С—D типологии Ю. Костшевского — Р. Хахманна. Параллельные зарубинецким типы фибул пшеворской и оксывской культур будут являться их прототипами. Фибулы типов А и D Ю. Костшевского близки к зарубинецким вариантам Г1 типа 2, так как имеют пологую дуговидную спинку (рис. 2, *3*, *4*, *9*, *10*) [32, табл. 2, *1*, *2*, *8*, *9*]. Фибулы варианта Г2, как и фибулы типа В по типологии Ю. Костшевского, имеют скобчатую спинку и, следовательно, являются их посттипами (рис. 2, *2*, *8*) [32, табл. 2, *3*]. Фибулы варианта Г3 по своей профилировке близки к некоторым фибулам типа Е (рис. 2, *6*, *14*) [35, табл. IX, *5*]. Фибулы типа 2 варианта Д по размерам и профилировке близки к польским типа G/H [32, табл. 2, *13—16*] (обе группы фибул имеют небольшие размеры и резко выгнутые дугой спинки — рис. 2, *6*, *14*). Фибулы типа «Ю. Костшевский, рис. 15» являются прототипами зарубинецких типа 3 варианта М (рис. 3, *2*, *12*). Как и последние, они имеют полого изогнутую в верхней части спинку, прямую ножку и рамчатый приемник [32, табл. 2, *22*]. К. В. Каспарова убедительно продемонстрировала близость фибул типов М и N Ю. Костшевского к «воинским» и «позднелатенским с рамчатой ножкой» фибулам зарубинецкой культуры (по классификации А. К. Амброза) [6, с. 131—133]. В классификационной схеме Ю. В. Кухаренко этим типам параллельны фибулы вариантов Н и П/Р типа 3. Их сближают с пшеворско-оксывскими профилировка «в виде знака вопроса» и формы приемников. Кроме профилировки все перечисленные выше варианты зарубинецких фибул близки к польским также и тем, что не имеют рельефных украшений на спинке (кроме «позднелатенских» и «воинских», а также польских типов М и N — рис. 3, *3—6*, *13*, *14*) [6, с. 131—133]. Пружины гладких проволочных фибул среднелатенской схемы и фибул позднелатенской конструкции, как и польские, имеют обычно не более шести витков [8, с. 30, 31, 33, 34, 35].

Поскольку прототипы зарубинецких проволочных фибул происходят из Чехословакии и с территории пшеворской и оксывской культур, то необходимо рассмотреть проблему относительной и абсолютной хронологии фибул в этих регионах, как наиболее важную для зарубинецкой культуры.

Относительная хронология фибул культуры Поянешты-Лукашевка, к сожалению, не разработана: составить более-менее полное представление о наборе фибул этой культуры стало возможным лишь после публикации в 1981 г. мог. Долиняны [7].

В недавно вышедшем исследовании о кельтах в Польше указывается, что для Средней Европы наиболее пригодна схема относительной хронологии Я. Филипа [28, с. 39]. Этот вывод был сделан им после детального сопоставления шкал Ф. В. Ходсона, Д. Крамера и Я. Филипа. Выяснилось, что первые две отличаются от системы Я. Филипа не только абсолютными датами, но и наличием множества вещей, не имеющих аналогий в восточнолатенской области, а также различным положением на шкалах относительной хронологии вещей общих типов [28, с. 33—38]. В этой связи разберем положение прототипов зарубинецких расчлененных фибул, а также фибул типа А на хронологической шкале Чехословакии.

Я. Филип рассматривает среднелатенские фибулы с 8-образной ножкой в общей группе фибул с «восьмерками» и имитацией пружины на ножке. Фибулы среднелатенской схемы с таким орнаментом он относит ко всему горизонту фибул составной конструкции, т. е. к латену С. При этом указывается, что некоторые экземпляры доживают и до «времени расцвета оппидумов» (латен D) [29, с. 102]. Аналогичное мнение высказывает Б. Бенадик, исследователь кельтских могильников Словакии. Здесь они датируются всем средним латеном [30, с. 363]. Некоторые исследователи относят фибулы из Пирогова и Воронина только к первой фазе латена С [22, с. 157]. Факты этому противоречат: комплекс погр. 25 мог. Воронино следует датировать первой фазой позднего латена. Здесь обнаружены вместе фибула с 8-образной ножкой и фибула, близкая к типу В по классификации Ю. Костшевского (вариант Г2 для зарубинецкой территории) [11, табл. 40 *8*, *15*].

Фибулы с шариками на ножке Я. Филип датирует горизонтом расчлененных фибул составной конструкции (т. е. первой фазой латена С). Иного мнения придерживается Б. Бенадик. Он указывает, что они сосуществуют с гладкими фибулами составной конструкции, относящимися к типу А. Ю. Костшевского [30, с. 361], и вместе с ними характеризуют поздний горизонт могильников Словакии. Б. Бенадик доказывает свое утверждение, показывая связи этих двух типов фибул с одними и теми же типами вещей в комплексах [30, с. 361; 36, с. 478]. Точка зрения Б. Бенадика хорошо согласуется с мнением Р. Хахманна о том, что фибулы с шариками на ножке существуют и в латене С2, и в первой фазе латена D [32, табл. I].

Фибулы типа А и фибулы с шариками на ножке синхронизируются и по материалам губинской группы, что подтверждается фактами совместных находок этих типов фибул в погребениях [33, с. 14, 16, 17]. В уже упоминавшейся работе о кельтах в Польше они датируются всем латеном С и первой фазой латена D [22, с. 158]. Видимо, это и есть наиболее вероятное время их существования в Чехословакии и Польше.

Дискуссионной является относительная хронология фибул типа А по классификации Ю. Костшевского. Р. Хахманн указывал, что эти фибулы существуют в ранней фазе латена D [32, с. 233], хотя появляются и раньше [32, табл. I]. Попытка уточнить их раннюю дату была предпринята для губинской группы. Исходя из предположения, что фибулы типа А «хронологически сцеплены с раннелатенскими», время их возникновения было отнесено к началу латена С1. Основным аргументом при этом являются лишь ссылки на П. Рейнеке [33, с. 15].

В системах Б. Бенадика и Я. Филипа, основанных на корреляции сотен комплексов среднеевропейского латена, между временем появления фибул типа А и концом латена В всегда лежит один период относительной хронологии: в первом случае период существования фибул с большой шаровидной пяткой составной конструкции [30, с. 360; 36, с. 478], и во втором — «горизонт расчлененных составных фибул» [29, с. 108]. Иными словами, в Чехословакии фибулы типа А появляются не в начале лате-

Таблица 2

Взаимовстречаемость фибул разных типов в комплексах зарубинецкой культуры

Могильник, № погребения	Варианты фибул									
	В	Г2	Г3	Д	М	Н	П/Р	О	Т	Ф
Воронино, 25	1	1								
Велемичи II, 59		1	1							
Витачев, 2		1	2							
Чаплин, 246				1				1		
» 47					1		1			
» 37						1	1			
» 129						1	1			
» 163							1	1		
» 192							1	1		
Велемичи II, 81							1		1	
Чаплин, 25							1			1

на С, а где-то во второй его половине. Однако не исключена возможность и более ранней датировки фибул этого типа в Чехословакии. Для соседней территории Румынии В. Зирра приводит два комплекса из могильника Киумешти, где фибулы типа А обнаружены вместе с фибулами с большой шаровидной пяткой как раннелатенской, так и составной конструкции (погр. 3 и 18) [23, с. 10, 19, 21, рис. 5, II—IV, VI; рис. 8, III, V, VI]. Видимо, массовое распространение фибул типа А нужно относить к латену С2 — первой фазе латена D, однако возможно появление их в фазе С1.

Для латена D пшеворской и оксывской культур принята шкала Р. Хахмана, где этот период разделен на три фазы. Опыт более дробного членения латена D был предпринят на основании анализа могильника в Варшкове [37, с. 239—242]. Однако, как выяснилось, периодизация Варшкова отражает лишь хронологические особенности Нижнего Повисленья и прилегающего Поморья [38, с. 18, 19]. Вариант разделения поздней фазы латена D на две подфазы был предложен на материалах могильников Мазовии. Для могильников в Весюлках и Вымыслове выделились группы погребений с фибулами типа М по Ю. Костшевскому (1-я подфаза) и типов N и О (2-я подфаза) [38, с. 22, 23]. Для древностей зарубинецкой культуры это подразделение существенного значения не имеет, так как здесь фибулы вариантов Н и П/Р типа 3 (поститипы фибул типа М и N) встречены в одних комплексах (табл. 2). Да и в Мазовии известны случаи нахождения фибул типа М с фибулами «Альмгрен 75 и 77», то есть уже римского времени (могильник Коложаб, погр. 72) [38, с. 23]. Следовательно, фибулы типа М все же существовали и во второй подфазе. Прототипы зарубинецких фибул распределяются по шкале Р. Хахманна следующим образом: тип В — первая фаза, G/N и «Ю. Костшевский, рис. 15» — вторая фаза, М, N, О — третья фаза [32, с. 233—239]. Фибулы типа D, имеющие профиль в виде знака вопроса, Р. Хахманн относит к третьей фазе латена D [32, табл. 1].

Особую проблему представляет собой абсолютная хронология периодов среднеевропейского латена. Как уже указывалось выше, в работах польских археологов наметился в последнее время отход от системы датировок, предложенной Я. Филипом. В наиболее развернутой форме критика этой системы была дана в 1970 г. Для нас наиболее интересна аргументация необходимости изменения дат подпериодов латена С. Я. Филип датировал возникновение фибул среднелатенской схемы второй половиной II в. до н. э. [29, с. 111]. В 1970 г. было предложено передвинуть дату этого события (совпадающего с началом латена С) в начало II в. до н. э. [28, с. 39]. В качестве доказательства этого тезиса приводится комплекс из Церетоло (Валахия), где обнаружен меч средне-

латенского типа (комплекс датирован на основании этрусских импортных изделий не позже начала II в. до н. э. [28, с. 37]) и рельеф из Пергама, где изображен умбон в виде тесьмы, также характерная вещь латена С. Рельеф тоже датируется началом II в. до н. э. [28, с. 37]. Эти аргументы представляются достаточно убедительными. Подпериод С1 по схеме 1970 г. относится к первой половине II в. до н. э., а С2 — ко второй его половине. Эта дата принимается как условная: она нигде не аргументируется, а дается лишь в резюме [28, с. 252].

Вторично, с целью уточнить дату возникновения пшеворской и оксывской культур, пересмотр системы Я. Филипа был предпринят в 1977 г. В этой схеме абсолютной хронологии предлагалось датировать начало фазы С1 серединой или второй половиной III в. до н. э., начало С2 — первой половиной II в. до н. э. К сожалению, эти даты никак не аргументируются, кроме ссылки на мнение многих исследователей [34, с. 45]. Поэтому следует принять датировки, предложенные в 1970 г., как более обоснованные.

Начало латена D Р. Хахманн определял в промежутке между 120 и 100 гг. до н. э. [32, с. 251—255]. Конец периода D, по Р. Хахманну, должен относиться ко времени правления Августа [32, с. 258], т. е. кончается примерно в 14 г. н. э. Длительность каждой из трех фаз определялась в среднем в 30 лет.

Для пшеворской и оксывской культур начало третьей фазы латена D обычно датировалось 15 г. до н. э. [39, с. 5]. В 1972 г. была предпринята попытка более точного определения хронологических границ всех периодов латена D. Исходной точкой в цепи доказательств является положение о том, что хорошо датированные наухеймские фибулы появляются во второй половине I в. до н. э. [38, с. 20]. Фибулы К по Ю. Костшевскому, которые, согласно Р. Хахманну, возникают в начале второй фазы латена D, предшествуют им (основание для этого заключения — анализ относительной хронологии могильников Карчевец и Вилянов) [38, с. 17—19]. Следовательно, фибулы типа К, а значит, и вторая фаза латена D, датируются временем с первой половины I в. до н. э. [38, с. 20].

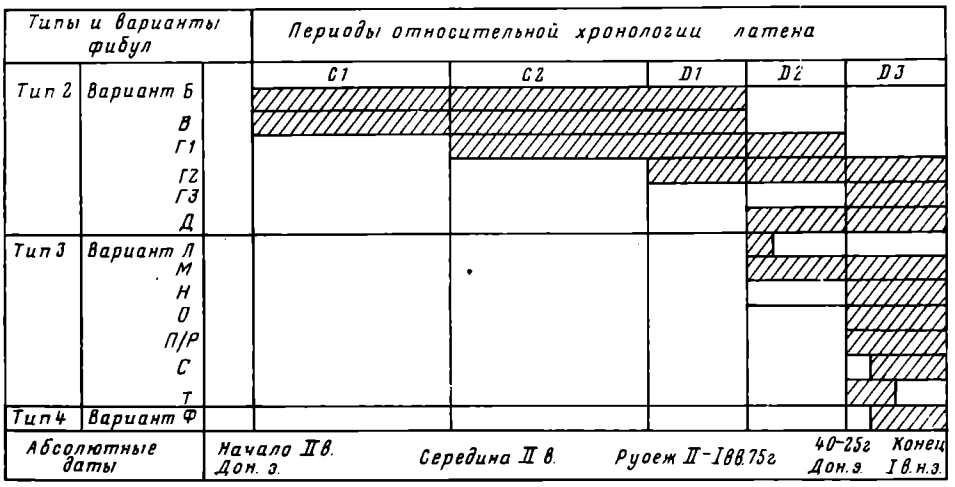
В той же работе указывается, что третью фазу латена D нельзя начинать с такой точной даты, как 15 г. до н. э. Эта дата основана на предположении, что оппидумы Тюрингии и Баварии (в том числе и Манхинг), где есть наухеймские фибулы, но еще нет фибул типов М и О (характеризующих третью фазу латена D), были разрушены римлянами в 15 г. до н. э. По мнению многих исследователей, нет твердых оснований связывать с римлянами разрушение Манхинга [38, с. 21]. По этой причине дата начала третьей фазы латена D определяется осторожно: между 40 и 25 гг. до н. э. [38, с. 21].

Конец третьей фазы латена D пшеворской культуры падает на 40-е гг. н. э. Эта дата хорошо аргументирована путем сопоставления римских фибул периода В 1 пшевора и Чехословакии [40, с. 458, 459].

В обобщающей работе по хронологии Средней Европы, увидевшей свет в 1977 г. [34], была предпринята попытка изменить традиционную синхронизацию трех фаз Р. Хахманна с латеном D. Первая фаза здесь синхронизируется с концом латена С1 — латеном С2, лишь остальные две фазы относятся к латену D [34, с. 115, 117]. Начало первой фазы Р. Хахманна было передатировано серединой II в. до н. э. [34, с. 116]. Основанием для этой синхронизации служит существование многих фибул первой фазы в латене С на кельтской территории (фибул типа А, расчлененных с двумя шариками и др.) [34, с. 115]. Как известно, Р. Хахманн относил к первой фазе появление фибул позднелатенской схемы «угловатого профиля» в бассейне Средней и Нижней Эльбы [34, с. 128, 138]. Иными словами, если в первой фазе уже существуют фибулы позднелатенской схемы, то именно ею начинается период позднего латена для «латенизированных культур» севера Средней Европы. Таким образом, опровергнуть традиционную синхронизацию первой фазы Р. Хахманна с началом латена D можно, лишь доказав, что позднела-

Таблица 3

Синхронизация различных вариантов фибул зарубинецкой культуры



тенские фибулы «с угловатым профилем» появляются не на первой фазе, а позже, т. е. не синхронны с фибулами среднелатенской схемы первой фазы (типов А, В, расчлененных с двумя шариками и др.) В работе 1977 г. аргументация Р. Хахмана не разбирается, а лишь указано, что на Нижней Эльбе перечисленные выше фибулы среднелатенской схемы появляются раньше, чем фибулы позднелатенской конструкции «с угловатым профилем» [34, с. 128], а на Средней Эльбе первая фаза датируется позже чем в пшеворе [34, с. 138].

Существенных аргументов, подкрепленных корреляцией вещей и анализом могильников, подтверждающих передатировки, не приводится, поэтому следует пока сохранить традиционную синхронизацию всех трех фаз Р. Хахманна с латеном D.

Таким образом, в данной статье принимаются следующие даты фаз латена D: первая фаза — 120 г. до н. э.— примерно первые 25 лет I в. до н. э.; вторая фаза — вторая четверть I в. до н. э.— 40—25-е годы до н. э.; третья фаза — конец I в. до н. э.— 40-е годы н. э.

Посмотрим, как распределяются фибулы зарубинецкой культуры по этой хронологической шкале (табл. 3).

Из зарубинецких комплексов происходят всего лишь две фибулы с 8-образной спинкой (табл. 1). Одна из них обнаружена в погр. 25 мог. Воронино с фибулой типа 2 варианта Г2 (табл. 2). Последние, как указывалось выше, происходят от фибул типа В по классификации Ю. Костшевского. Следовательно, фибулы с 8-образной спинкой (типа 2 варианта В) на зарубинецкой территории могут датироваться от начала латена С (время появления таких фибул в Чехословакии) до первой фазы позднего латена (время существования фибул типа В по классификации Ю. Костшевского в пшеворской и оксывской культурах).

На зарубинецкой территории найдены две фибулы типа 2 варианта Б (с шариками на ножке). Одна из них обнаружена в комплексе с фибулой «зарубинецкого типа» (Велемичи II, погр. 105), что, конечно, не уточняет датировку фибул варианта Б. Однако в мог. Поянешты культуры Поянешты-Лукашевка, набор фибул которой близок к зарубинецкому, такая фибула найдена вместе с фибулой типа В по типологии Ю. Костшевского [25, рис. 339, № 2, 6]. Вероятно, и на территории зарубинецкой культуры они могут существовать весь латен С и первый период латена D, т. е. от времени появления фибул с шариками на ножке в Чехословакии вплоть до исчезновения фибул типа В по Ю. Костшевскому в Польше, что вполне согласуется с мнением Р. Хахманна о датировке фибул с шариками на ножке.

Трудно установить пока дату фибул типа 2 варианта Г1. Их всего три (табл. 1), и ни одна из них не обнаружена в комплексе с прово-

лочными или узкопластинчатыми фибулами других вариантов. Поэтому период существования их определяется приблизительно, по датировкам наиболее вероятных прототипов. Они могут датироваться от периода С2 (время массового распространения фибул типа А в Чехословакии и Польше) по вторую фазу латена D (время исчезновения фибул типа D/E по классификации Ю. Костшевского), т. е. в пределах второй половины II в. до н. э.— 40-х годов н. э.

Фибулы типа 2 варианта Г2 — наиболее классовый вариант фибул среднелатенской схемы. В пшеворской и оксывской культурах фибулы типа В по Ю. Костшевскому появляются в первой фазе позднего латена. Этот период и будет являться нижней датой фибул Г2 на зарубинецкой территории. Верхняя дата их определяется по совместной находке в комплексах с ними фибул варианта Г3 (табл. 2). Последние относятся к третьей фазе позднего латена, так как они типологически близки к фибулам М и N по Ю. Костшевскому этого периода (имеют одинаковую с ними профилировку). Прототипы фибул Г3, группа фибул типа D по Ю. Костшевскому с профилем в виде знака вопроса, помещаются Р. Хахманном в третью фазу позднего латена. Поэтому фибулы варианта Г2 будут датироваться всем поздним латеном, от его первой до третьей фазы, т. е. примерно 120 г. до н. э.— 40-ми годами н. э., а фибулы Г3 — концом I в. до н. э.— 40-ми годами н. э.

Фибулы варианта Д должны датироваться со второй фазы латена D (так как в это время появляются их прототипы — фибулы типа G/H) до третьей фазы того же периода, так как одна из них обнаружена в комплексе с фибулой типа 3 варианта О (табл. 2), т. е. в пределах второй четверти I в. до н. э.— 40-х годов н. э.

Фибулы типа «Ю. Костшевский, рис. 15» появляются во второй фазе. Их посттипы, фибулы типа 3 варианта М, могут существовать и в третьей фазе, так как они встречены в комплексах с фибулами Н и П/Р, существующих в третьей фазе (табл. 2), т. е. они охватывали период от середины I в. до н. э. до 40-х годов н. э. Фибулы варианта Л, исходя из их типологических особенностей, должны датироваться серединой I в. до н. э. Эти фибулы, представляя собой переходный между Г2 и М вариант, могли появиться после того, как фибулы варианта М впервые попали на зарубинецкую территорию. Мастер, изготовивший эти фибулы, пытался сделать фибулу позднелатенской схемы, но, владея лишь техникой изготовления среднелатенских фибул, он сделал две среднелатенские фибулы со скобчатым профилем (признак варианта Г2), а ножку приварил к дужкам фибул (рис. 3, *1*). Получилась имитация позднелатенских фибул варианта М в среднелатенской технике.

Фибулы вариантов Н и П/Р синхронны, так как найдены в одних комплексах (табл. 2). Их прототипы, фибулы типов М и N по типологии Ю. Костшевского, существуют в основном в третьей фазе латена D. Следовательно, фибулы типа Н и П/Р должны датироваться концом I в. до н. э.— 40-ми годами н. э. Фибулы варианта О типологически близки с П/Р и обнаружены с ними в погр. 192 Чаплинского могильника (табл. 2). Скорее всего, они синхронны П/Р и также относятся к третьей фазе латена D. Фибулы типов Н, П/Р, О, Г3 и частично синхронные им фибулы других типов составляют наиболее поздний хронологический пласт фибул на классических могильниках зарубинецкой культуры. К. В. Каспарова убедительно показала, что в плане относительной хронологии этот поздний пласт можно полностью синхронизировать с третьей фазой латена D Р. Хахманна [6, с. 133, 135]. Единственная фибула периода В1 найдена в культурном слое могильника Отвержичи, в комплексах «классических» могильников материалы этого периода отсутствуют.

В предыдущих рассуждениях принималась «пшеворская» дата конца третьей фазы латена (40-е годы н. э.). Однако есть некоторые косвенные данные, ставящие под сомнение правомерность использования этой даты для зарубинецкой территории. Фибулы, характеризующие третью фазу латена D — типа 3, варианты М, Н, О и П/Р — синхронизируются

между собой. Синхронизируются они и с IV вариантом фибул с треугольным концом ножки, что общеизвестно [2, с. 17, 18; 12 с. 86 и др.]. Дальнейший этап эволюции фибул с треугольным щитком — фибулы V варианта, который развивается из IV [2, с. 16, 18; 8, с. 32]. Фибулы V варианта надежно датируются по погр. 13 мог. Гриневичи Вельки и погр. 4 мог. Рахны. В первом случае они встречены с двумя глазчатыми типов 53 и 58/59 по О. Альмгрену [41, рис. 97, 99]. Первый Р. Ямка датирует второй — третьей четвертями I в. н. э., отмечая, что они могли существовать и позже [42, с. 58, рис. 53], вторые — четвертой четвертью I в. н. э.— третьей четвертью II в. н. э. [42, с. 64, рис. 55]. Следовательно, дата комплекса — четвертая четверть I в. н. э. Во второй комплекс входят кроме фибулы с треугольным щитком V варианта фибула со «слабо намеченной кнопкой на конце приемника» [43, рис. 7, *6*], которая датируется концом I — первой половиной II в. н. э. [2, с. 43], и другая, которая идентифицируется как «Альмгрен 53» [43, рис. 7, *8*]. Дата комплекса — конец I в. н. э. Если принять «пшеворскую» дату конца третьей фазы латена, то между временем исчезновения фибул IV варианта с треугольным щитком и временем появления фибул V варианта возникает хронологический разрыв. Но ведь его быть не должно, поскольку фибулы V варианта эволюционируют из IV. Вероятно, прав А. К. Амброз, который датировал «воинские» фибулы всем I в. н. э. [2, с. 17, 23—25].

Условными являются начальные даты расчлененных зарубинецких фибул: комплексы зарубинецкой культуры не дают возможности для их точного определения. Как видно из изложения проблемы их хронологии, зарубинецкие комплексы и комплексы культуры Поянешты-Лукашевка указывают лишь на их конечную дату (начало I в. до н. э.). Можно только сказать, что расчлененные фибулы появляются на зарубинецкой территории «где-то во II в. до н. э.», но, в начале его или в конце, достоверно определить невозможно.

Датировки «фибул бойев», «подвязных верхнеднепровской серии» и «щипцовой» принимают без изменений по А. К. Амброзу. После выхода его работы не было обнаружено ни одного нового факта, который противоречил бы предложенной А. К. Амброзом хронологии этих фибул.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Т. I. Минск: Наука и техника, 1971.
2. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966.
3. *Каспарова К. В.* О фибулах зарубинецкого типа.— АСб. ГЭ, 1977, вып. 18.
4. *Каспарова К. В.* Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях).— В кн.: Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
5. *Каспарова К. В.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры.— СА, 1981, № 2.
6. *Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья.— СА, 1976, № 3.
7. *Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Щукин М. Б.* Рец.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Т 1—3. Минск, Наука и техника, 1971—1974 — СА, 1976, № 4.
8. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, вып. Д1-19. М., 1964.
9. *Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник.— МИА, 1959, № 70.
10. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Т. II. Минск: Наука и техника, 1973.
11. *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, вып. Д1-29. М., 1961.
12. *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велемичи II.— АСб. ГЭ, 1972, № 14.
13. *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у дер. Отвержичи.— МИА, 1969, № 160.
14. *Каспарова К. В.* Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Припятского Полесья.— АСб. ГЭ, 1976, № 17.
15. *Поболь Л. Д.* Новые зарубинецкие могильники на Туровщине.— МИА, 1969, № 160.
16. *Кубышев А. И., Максимов Е. В.* Пироговский могильник — МИА, 1969, № 160.
17. *Кубишев А. І.* Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника (розкопки 1966—1967 рр.).— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ: Наукова думка, 1976.

18. *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник.— МИА, 1959, № 70.
19. *Куза А. В., Кубишев А. І.* Нові зарубинецькі пам'ятки на Середньому Придніпров'ї.— Археологія, 1971, № 3.
20. *Петров В. П.* Зарубинецкий могильник.— МИА, 1959, № 70.
21. *Todorović J.* Kelti u jugoistočnoj Europi. Beograd, 1968.
22. Wchodnia pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław etc., 1974.
23. *Zirra V.* Un cimitar celtik în nord — vestul României. Museul regional Maramures (год и место издания в книге не указаны).
24. *Мачинский Д. А.* К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности культуры Поянешты-Лукашевка.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966.
25. *Vulpe R.* Sapaturile de la Poieneşti.— In: Materiale archeologice privid istoria veche a RPR. V. I. Bucureşti, 1953.
26. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, 1960, № 89.
27. *Смирнова Г. И.* Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине.— СА, 1981, № 3.
28. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc., 1970.
29. *Filip J.* Keltove ve střední Europe. Praha, 1956.
30. *Benadik B.* Chronologické vzťahy keltských pohrebisk na Slovensku.— SA, 1962, X — 2.
31. *Břeň J.* Význam spon pro datování keltskych oppid v Čechach.— SNM, 1964, XVIII — 5.
32. *Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eizenzeit. Studien zum Stand der Forschung im nördlichen Mitteleuropa und in Skandinavien.— In: 41 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1960.
33. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—Iw. p.n.e. Wrocław etc., 1975.
34. Archeologia pierwotna i wcześnosredniewieczna. Cześć IV. Okres lateński w Europie. Kraków, 1977.
35. Materialy starozytne, 1957, t. II.
36. *Benadik B.* Odraz doby latenskej na Slovensku.— SA, 1971, XIX — 2.
37. Materiały zachodniopomorskie, t. XI. Szecin, 1965.
38. Mazowsze na przelomie er.— Wrocław etc., 1972.
39. Materiale do prahistorii ziem Polskich, 1970, t. 5, z. 4.
40. Wiadomości archeologiczne. 1970, t. XXXV, z. 4.
41. Wiadomości archeologiczne, 1922, t. VII.
42. Materiały starozytne, 1964, t. X.
43. *Хавлюк П. И.* Пам'ятки зарубинецькоі культури на Побужжі.— Археологія, 1971, № 4.

A. M. Oblomsky

ON THE CHRONOLOGY OF SOME FIBULA TYPES OF THE ZARUBINTSY CULTURE

Summary

The author forwards a method of dating plate and wire fibulae for which it is necessary, first, to establish a territory from which prototypes of the Zarubintsy fibulae infiltrated into the Zarubintsy culture area. For the mid-La Tène period it was the zone of Kelt burials in Czechoslovakia, for the late La Tène period — the Oksyw, Przeworsk and Poyaneshti-Lukashevka cultures. The earlier date of a fibula is the lower date of its prototype (that is, the earliest date of the fibula's infiltration into the Zarubintsy culture territory). The upper date is fixed on the basis of combinations of various fibula types in the Zarubintsy culture complexes. The use of this method supplied with Yu. Kukharenko's modified classification gave the following dates: Variants Б and В — 2nd century-first quarter of the 1st century B.C. Variant Г1 — second half of the 2nd century-the 40s of the 1st century B.C. Variant Г2—1st century B.C.-1st century A.D. Variant Д — second quarter of the 1st century B.C.-1st century A.D. Variant Л — mid-1st century B.C. Variants Г3, Н, О, П/Р — late 1st century B.C.-1st century A.D.

Публикации

СЕРИКОВ Ю. Б.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА «СВЯЗЕЙ» НА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ВЫЙКА II (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)

Современная археологическая наука находится в постоянном развитии. Все шире применяются для изучения археологических памятников методы естественных наук, совершенствуются приемы полевых и лабораторных исследований.

Однако очень часто, как справедливо отмечает В. Я. Сергин в своей рецензии на книгу А. Леруа-Гурана, при суммарной, обезличенной фиксации и обработке массового материала археологический памятник лишается наиболее тонкой и интересной своей характеристики, резко сужаются возможности познания бытовой обстановки, хозяйства и общественной жизни [1, с. 339].

Между тем возможности археологии в познании далекого прошлого вовсе не исчерпаны. Они находятся в прямой зависимости от совершенствования методических приемов полевых и лабораторных исследований. Эти методические приемы определяются характером памятника, его спецификой и состоянием разработанности основных проблем и частных вопросов изучаемой эпохи.

Для решения целого ряда вопросов, возникших при исследовании мезолитической стоянки Выйка II (Красноуральский р-н Свердловской обл.) [2, с. 177], нами была применена методика исследования так называемых «связей». Многие археологи сталкивались со случаями, когда отдельные каменные изделия можно было склеить из обломков или частей, найденных на разных участках стоянки. Например, к нуклеусу подклеиваются сколотые с него пластинки, пластинки склеиваются между собой, отщепы собираются в целый желвак и т. п. В работе французского археолога А. Леруа-Гурана это явление названо «связями» (liaisons) [3, с. 327]. Если ранее подобные случаи рассматривались просто как любопытные свидетельства производственной деятельности древних людей, то А. Леруа-Гуран, как отмечает В. Я. Сергин, увидел в них один из важнейших источников для реконструкции бытовой обстановки. Этот новый источник позволяет характеризовать дистанцию и направление перемещения материалов, играет важную роль при установлении границ комплексов и в соотношениях их во времени [1, с. 336—337].

Работа по установлению «связей» очень кропотлива и требует больших затрат времени. Начинается она с раскладывания материалов по сырью. Коллекция каменных изделий стоянки Выйка II насчитывает 3286 предметов. В ней представлены все основные типы каменных изделий, характерных для мезолитической эпохи: нуклеусы и скребки, резцы и резчики, скошенные острия и острия, пластинки с ретушью и без нее, отбойники и ретушеры, шлифованные орудия и их обломки, геометрические микролиты-трапеции. Обитатели стоянки Выйка II для своей производственной и бытовой деятельности использовали местное сырье, которое собирали, скорее всего, на перекатах р. Салды, протекающей рядом со стоянкой. На этих перекатах еще и сейчас можно найти кремнистые сланцы, яшмовидные породы, халцедоны, хрустали и кварциты. Раскладка материалов по сырью начинается с выделения редко встречаю-

щихся пород камня. Основная масса изделий со стоянки Выйка II изготовлена из различных пород кремнистого сланца. Обычно кремнистые сланцы очень однообразны, и далеко не всегда с большой долей уверенности можно отличить один кусок сланца от другого. Однако встречаются и образцы, резко отличающиеся от остальных по цвету, структуре или по включениям. В нашем случае редко встречающимся сырьем были: аметист, бурая яшма, сургучная яшма, сиреневый халцедон, зеленый туфопорфирит, светло-голубой сланец и некоторые другие. Разделение находок по сырью производилось визуально, однако правильность выделения групп доказывается тем, что именно в этих группах происходило соединение одних изделий с другими.

Прежде чем перейти к анализу «связей», необходимо отметить, что находки на стоянке залегают сразу под дерном и идут до глубины 30—35 см от современной поверхности (за исключением ям). Таким образом, слой, содержащий культурные остатки эпохи мезолита, имеет мощность всего 25—30 см. Памятник однослойный, керамики на всей площади раскопов не встречено, за исключением развала сосуда раннего железного века на трех квадратах в раскопе 1978 г. Кремневые находки встречены только возле очагов, межочажное пространство практически пустое, там обнаружены только единичные находки. В данной статье мы будем опираться на материалы раскопок 1974—1977 гг., так как раскоп 1978 г. вскрыл часть памятника, разрушенную старательскими шурфами. Раскопками 1974—1977 гг. методом сплошного раскопа вскрыта площадь в 341 м^2, обнаружено пять очагов.

В соответствии с принятой в нашей экспедиции методикой каждая находка специальным условным обозначением наносилась на план с указанием ее планиметрических и стратиграфических координат.

Нам удалось подобрать и склеить 31 кремневое изделие из 81 фрагмента, найденного на различных участках стоянки. Собранные изделия по количеству составляющих их фрагментов распределяются следующим образом: из двух фрагментов склеено 22 изделия, из трех — 4, из четырех — 2, из пяти — 1, из шести — 2. «Связи» по сырью включают значительно большее число кремневых изделий — 345.

Прежде всего «связи» были использованы для выяснения характера памятника. На площади раскопов было выявлено пять очагов. Встал вопрос: одновременны они или нет? Если очаги разновременны, то перед нами следы нескольких посещений древними людьми данной стоянки. Соответственно устанавливается и характер памятника: кратковременная стоянка небольшой группы мезолитических охотников-рыболовов. Если же очаги одновременны друг другу, то мы имеем право рассматривать данный памятник в качестве мезолитического поселения (его площадь оценивается не менее чем в 700 м^2).

Анализ «связей» позволил точно ответить на этот вопрос.

К нуклеусу, найденному у очага 2 (кв. М-11), удалось подклеить несколько изделий, найденных у очага 3,— пластинку (кв. З-13) и два отщепа (кв. Е-14 и И-14). К нему же подошли поперечный скол (кв. М-11) и расколотый нуклеус (кв. Л-14) (рис. 1, *а*). Значит, очаги 2 и 3 одновременны. Этот вывод мы делаем на основании того, что разрушение какого-то изделия на фрагменты (в данном случае обработка нуклеуса) происходит в относительно короткий отрезок времени.

У очага 5 найдено два обломка шлифованного орудия (кв. Д-26 и Г-27), которые удалось склеить. От этого же шлифованного орудия происходят еще два обломка, но они выделены по сырью. Найдены они на кв. Ж-21 и кв. С-11. Таким образом, здесь намечается связь очагов 1 и 5 (рис. 1, *б*).

На кв. М-9 у очага 2 был найден довольно массивный нуклеус из светло-голубоватого окремнелого сланца. К нему были подклеены пять изделий из третьего очажного комплекса: две пластинки (кв. Ж-12 и З-13), ребристая пластинка (кв. Е-12), поперечный скол (кв. Е-13) и отщеп-подправка площадки (кв. Е-12). От этого же нуклеуса происходит еще 96 изделий. Они легко выделяются среди прочих материалов по цве-

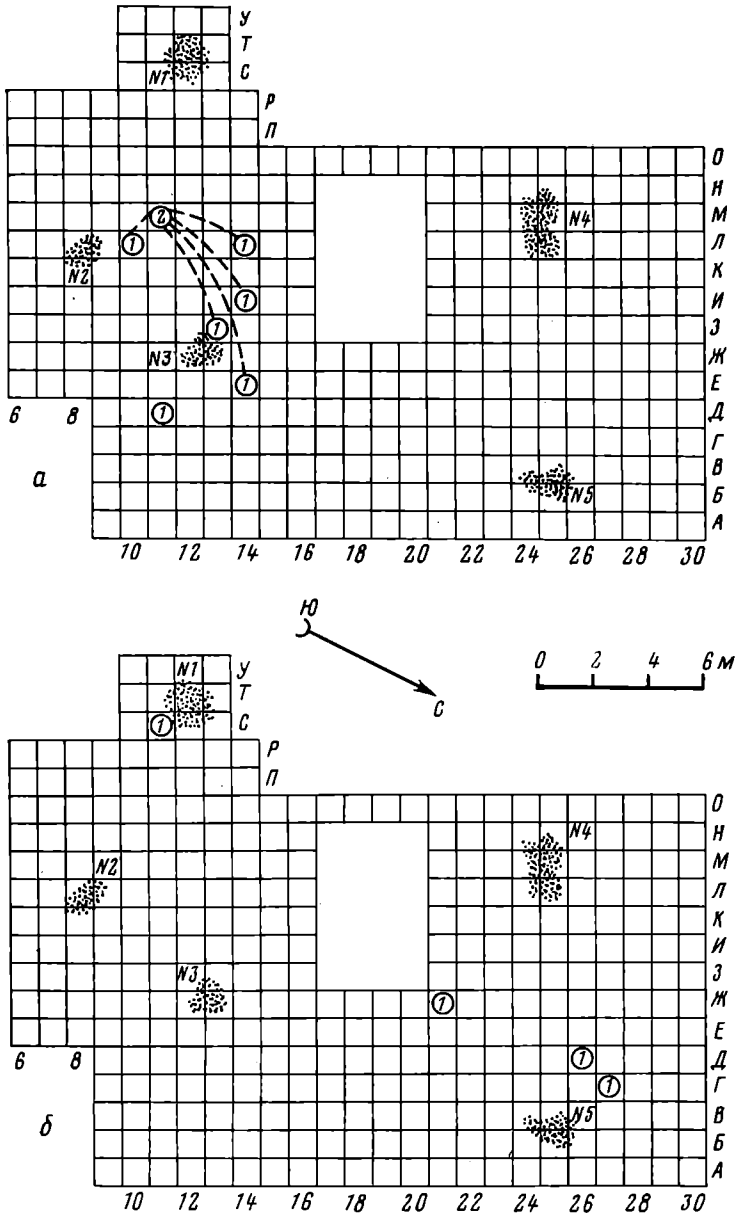


Рис. 1. *а* — «связи» по нуклеусу из зеленоватой породы; *б* — «связи» по шлифованному орудию. Цифрами в кружочке обозначено количество изделий; пунктирной линией показаны «связи» по склеившимся изделиям

ту и характерной желвачной корке. Размещение этих фрагментов по площади стоянки приводится на рис. 2, *а*. Здесь необходимо отметить несколько моментов. Три пластинки, найденные на кв. Б-30, В-28 и В-22, удалось подобрать и склеить. Фрагменты этого нуклеуса не только показали одновременность функционирования всех пяти очагов, но позволили наметить и пути перемещения материалов. Тот факт, что фрагменты нуклеуса происходят только из очага 3, свидетельствует о том, что завершение обработки нуклеуса приходится на очаг 3. А у очагов 4 и 5 этот нуклеус только начали обрабатывать. Об этом же свидетельствуют 24 фрагмента с галечной коркой у очагов 4 и 5 против трех фрагментов у очага 3. Любопытная деталь: несмотря на тщательную и кропотливую работу, нам не удалось склеить фрагменты, найденные у очага 3, с изделиями, происходящими из очагов 4 и 5. На наш взгляд, это может свидетельствовать о существовании еще одного, промежуточного участка, где происходила обработка данного нуклеуса.

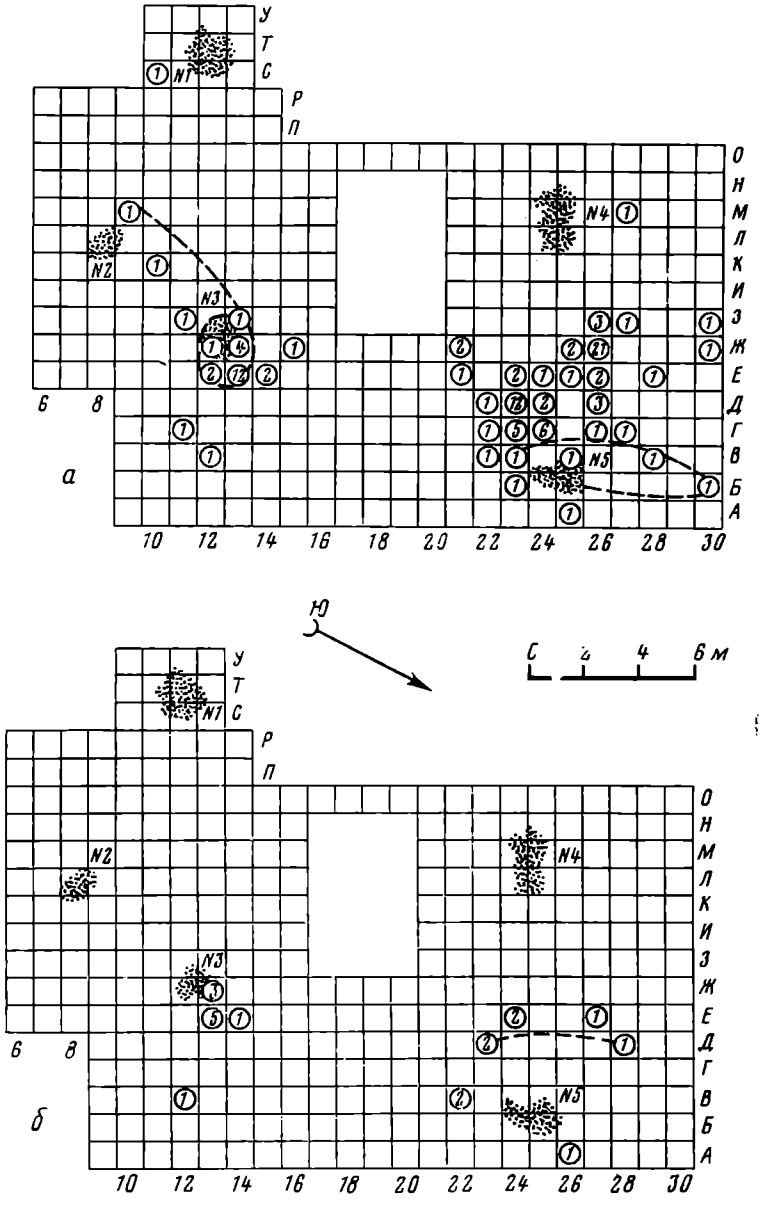


Рис. 2. *а* — «связи» по нуклеусу из светло-голубоватого сланца; *б* — «связи» по черному сланцу с полосчатой структурой

На кв. Е-13 (очаг 3) найдено пять отщепов черного окремнелого сланца с полосчатой структурой. Четыре из них склеились в один кусок. Между собой соединились еще два отщепа из этого же материала, найденные у очага 5 (кв. Д-23 и Д-28). Возле этих двух очагов (3 и 5) найдено еще 14 отщепов данного материала. У очага 3 они встречены на кв. Е-14, В-12 и Ж-13, у очага 5 — на кв. Е-24, В-22, А-26, Е-27 и Д-23 (рис. 2, *б*). Указанные «связи» объединяют очаги 3 и 5.

Интересные наблюдения были сделаны и в отношении «связи» по сырью. Сургучная яшма с характерным маслянистым блеском и однородной структурой редко встречается на стоянке Выйка II. Из коллекции находок в 3000 экз. всего 53 изделия из сургучной яшмы. Причем больше половины этих изделий (20 экз.) обнаружены на точке — рабочем месте мастера, которое находилось у очага 4 (кв. З-24). На соседних квадратах З-25 и Ж-25 найдено соответственно восемь и шесть изделий из яшмы. По-видимому, перед нами фрагменты одного куска яшмы. Подтверждением этому может служить тот факт, что пластинки с кв. З-24 и З-25, а также с кв. З-24 и Ж-25 склеились между собой. По пло-

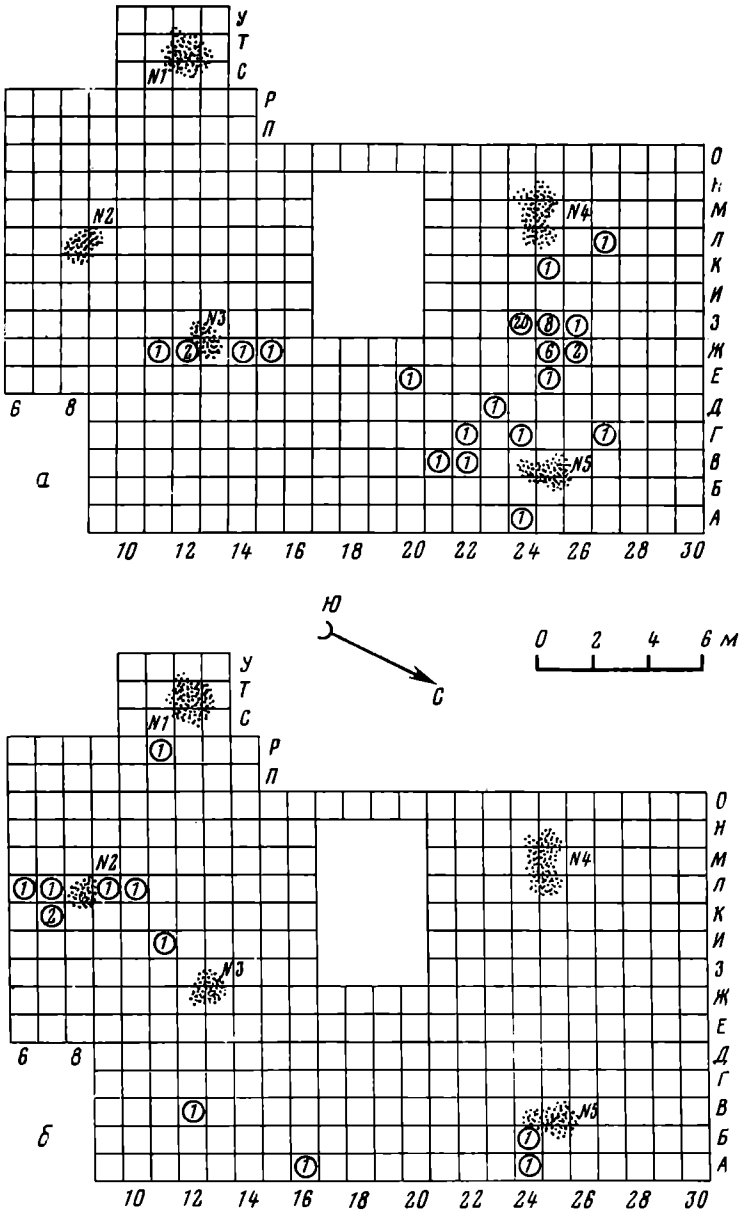


Рис. 3. *а* — «связи» по сургучной яшме; *б* — «связи» по зеленоватому слапцу

щади стоянки изделия из яшмы распределяются следующим образом. Четыре пластинки и один отщеп найдены у очага 3. Остальные изделия (33 пластинки, 2 резца, 12 отщепов и 1 ребристый скол) залегали у очагов 4 и 5 (рис. 3, *а*).

Очень интересная «связь» прослеживается по зеленоватому кремнистому сланцу. На кв. А-16 в межочажном пространстве был найден нуклеус из этого материала. Две пластинки от него залегали возле очага 5 (кв. А-24 и Б-24). Две другие пластинки найдены в районе очага 3 (кв. В-12 и И-11). Одна пластинка обнаружена около очага 1 (кв. Р-11). Остальные пластинки (6 шт.) залегали у очага 2 (кв. Л-7, Л-10, К-7, Л-6, Л-9) (рис. 3, *б*). Кроме того, две пластинки от этого нуклеуса обнаружены в раскопе 1978 г.

Таким образом, «связи» показывают одновременность всех пяти очагов стоянки Выйка II. Поскольку какая-то часть кремневых изделий несомненно была унесена со стоянки и, следовательно, не может быть учтена, мы обратились к материалам, которые использовались древними обитателями стоянки, но не представляли для них какой-либо ценности. Таким материалом в нашем случае явилась галька.

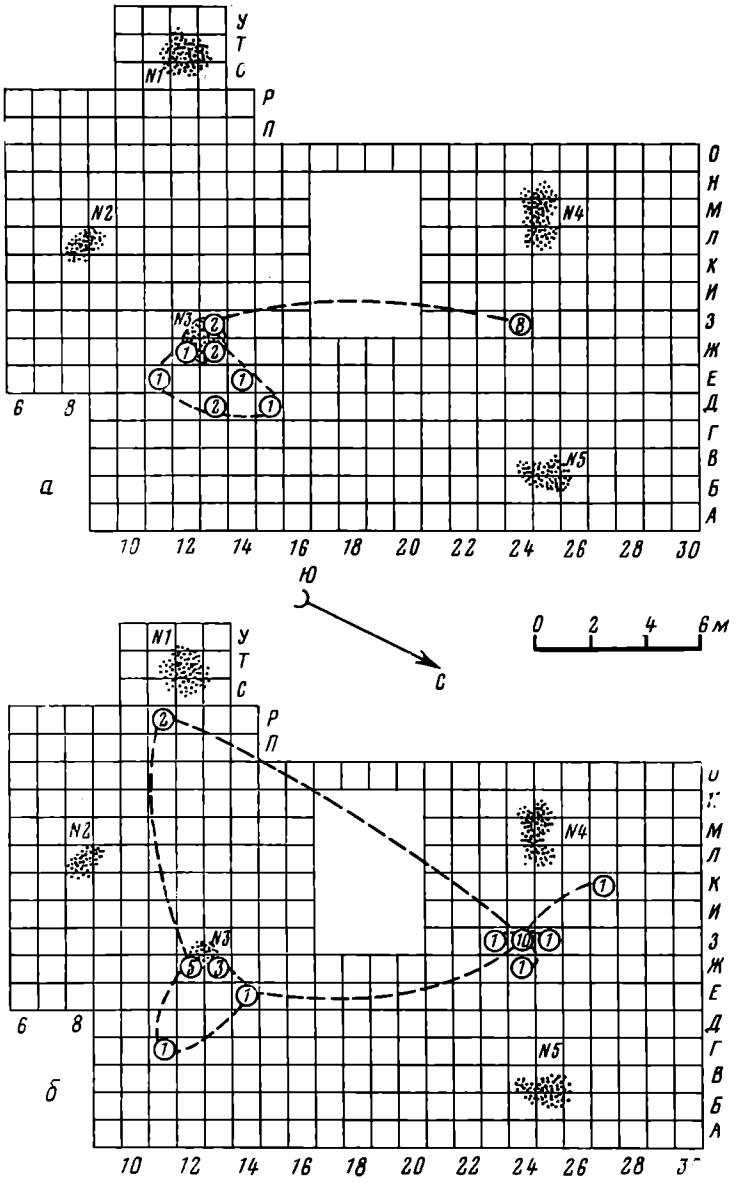


Рис. 4. *а* — «связи» по гальке I; *б* — «связи» по гальке II

В коллекции находок со стоянки Выйка II галечные материалы представлены достаточно широко. Здесь найдено 289 фрагментов расщепленной гальки и 14 целых галек (не считая отбойников и галечных нуклеусов). Расщепленная галька обнаружена во всех очажных комплексах. Основная масса расщепленной гальки не связана с производственной деятельностью населения Выйки II, однако она носит следы теплового расщепления. Можно полагать, что галька применялась для приготовления пищи. Предварительно накалив на огне, ее помещали в деревянные, кожаные или берестяные сосуда для кипячения воды. При резкой смене температур галька растрескивалась, а затем распадалась на куски. Не совсем понятен механизм перемещения гальки от очага к очагу. По-видимому, она переносилась вместе с сосудами (внутри них). Безусловно, этот вопрос еще требует дальнейшего изучения.

На кв. З-24 зафиксировано скопление целых и расколотых галек (89 фрагментов). Нам удалось склеить 32 гальки из 173 фрагментов. Из двух фрагментов состоят 15 галек или их частей, из трех — 6, из четырех — 4, из пяти — 3, из восьми — 1. Три гальки собраны практически полностью, соответственно из 18, 26 и 42 фрагментов.

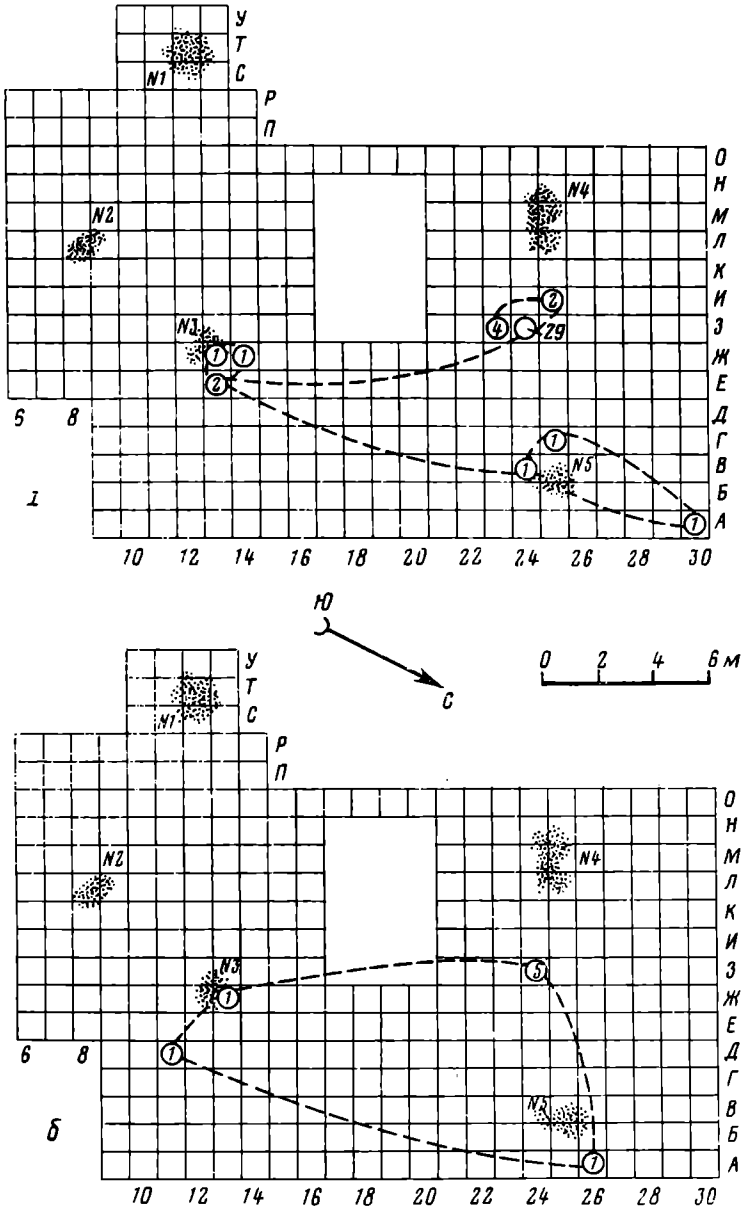


Рис. 5. *а* — «связи» по гальке III; *б* — «связи» по гальке IV

Галька I собрана из 18 фрагментов. Восемь кусков гальки обнаружены у очага 4 кв. З-24. Все остальные найдены вокруг очага 3 (кв. З-13, Ж-12, Ж-13, Е-11, Е-14, Д-13 и Д-15) (рис. 4, *а*). Данная галька увязывает очаги 3 и 4.

Галька II собрана из 26 фрагментов. 10 ее кусков находились в кв. З-24. Еще четыре фрагмента найдено поблизости, у очага 4 (кв. З-23, З-25, Ж-24, К-27). Возле очага 3 найдено 10 фрагментов этой же гальки (кв. Ж-12, Ж-13, Е-14, Г-11). А два фрагмента обнаружены на кв. Р-11 у очага 1. Эта галька указывает на одновременность очагов 1, 3, 4, (рис. 4, *б*).

Галька III собрана из 42 фрагментов. Большая часть кусков этой гальки находилась в кв. З-24 (28 фрагментов) и на соседних квадратах (З-23 и И-25). Три фрагмента гальки залегали возле очага 5 (кв. Г-25, В-24, А-30), а еще четыре — возле очага 3 (кв. Ж-13, Ж-14, Е-13) (рис. 5, *а*). «Связи» по этой гальке свидетельствуют об одновременности очагов 3—5.

Галька IV собрана из 8 фрагментов. Пять из них находились в кв. З-24 (очаг 4), один — в кв. А-26 (очаг 5) и два — в кв. Ж-13 и Д-11

(очаг 3). Как и предыдущая, эта галька увязывает очаги 3—5 (рис. 5, *б*).

Имеются и другие примеры «связей» по кремню и по гальке, которые мы не приводим в своей работе и которые указывают на одновременность очагов 2 и 3, 3 и 4, 4 и 5.

Таким образом, приведенные примеры «связей» позволяют уверенно говорить об одновременности функционирования всех пяти очагов, выявленных на памятнике раскопками. Следовательно, перед нами кратковременное (сезонное) мезолитическое поселение. И действительно, полевыми работами выявлены остатки двух жилищ наземного типа. С первым жилищем связан очаг 3 с каменной обкладкой по периметру, со вторым жилищем связан очаг 5. Наиболее тесная «связь» намечается между очагом 3 и очагом 5, т. е. между жилищами. Более того, удалось наметить связь между жилищами и наружными очагами (кстати, они значительно превышают по размерам жилищные очаги). Рисунки 1, *а* и 2, *а* хорошо иллюстрируют связь жилища 1 (очаг 3) с очагом 2. А рисунки 2, *а* и 3, *а* показывают связь жилища 2 (очаг 5) с наружным очагом 4. Эта связь подтверждается и полевыми наблюдениями: из жилища 2 к очагу 4 идет «дорожка» из находок (наружный очаг располагался перед входом жилища). Несколько особняком стоит очаг 1. По-видимому, жилище, с которым он мог быть связан, раскопками еще не выявлено.

Данные планиграфических исследований были проверены стратиграфическими. Мы исходили из того, что разрушение какого-либо предмета на части и распределение этих частей по площади памятника, а также по глубинам залегания происходило в относительно короткий отрезок времени. Следовательно, если фрагменты одного предмета залегают на глубинах, охватывающих всю мощность культурных отложений памятника, то этот памятник является однослойным.

Пять фрагментов, которые удалось склеить с нуклеусом (кв. М-11), залегали на глубинах 6, 8, 14, 16, 20 и 21 см. Обломки шлифованного орудия были найдены на глубинах 13, 22, 24 и 36 см. Три отщепа, соединившихся в один кусок, обнаружены на глубинах 7, 29 и 32 см. Нуклеус из голубоватого сланца и соединившиеся с ним изделия дают интервал глубин от 6 до 26 см. Если же добавить к ним все остальные отщепы и пластинки этого материала, то нижняя отметка глубины отодвигается до 36 см. Отщепы и пластины зеленоватого с белыми пятнами окремнелого сланца из клада возле очага 2 (48 изделий) распределяются в интервале глубин от 6 до 48 см. Изделия из сургучной яшмы залегали на глубинах от 10 до 38 см.

Подобную картину дает и изучение гальки. Фрагменты гальки I залегали на глубинах от 6 до 26 см, гальки II — от 8 до 31 см, гальки III — от 6 до 33 см, гальки IV — от 8 до 24 см. Такой же интервал глубин показывают и другие склеенные гальки.

Таким образом, «связи» и по кремневому материалу, и по галькам показывают, что находки распределяются по всей толще культурного слоя. Следовательно, памятник является однослойным.

В связи с этим интересен вопрос: как на кратковременном поселении мог образоваться культурный слой мощностью около 30 см? Археологические материалы и проведенные анализы «связей» как по планиграфии, так и по стратиграфии показывают, что перед нами действительно кратковременное поселение. На основании полевых наблюдений мы можем сказать, что в нашем случае нет культурного слоя в классическом его понимании. Есть суглинок, который содержит культурные остатки. Мощность этого суглинка обычно невелика, около 30 см. Очень часто этот суглинок включает культурные остатки нескольких эпох. Причем мощность его остается неизменной. Следовательно, вопрос нужно ставить так: почему за относительно короткий срок культурные остатки распределяются на значительную глубину (30—35 см)? Несомненным остается одно: каменные изделия распределились в суглинке в процессе функционирования памятника. Такое распределение могло бы произойти, если допустить, что поверхность памятника была не задернована (или сильно вытоптана). Проведенный эксперимент на стоянке-мастерской Боровка III,

где мы также столкнулись с этим явлением, показал, что распределение находок у очага в суглинке происходило на 23 см в глубину. Время функционирования очага — три недели. Для нас остается бесспорным факт, что перемещение каменных изделий по площади и по глубинам остановилось с прекращением функционирования памятника. Иначе не сохранились бы очажные комплексы, каменные обкладки очагов, наковальни, точки и т. п., выявленные при раскопках поселения Выйка II.

Применение метода так называемых «связей» помогло нам извлечь бóльшую информацию об изучаемом памятнике, чем можно получить, используя традиционные методы исследования. Установлена однослойность памятника (даже его одноактность), выяснен его характер — кратковременное мезолитическое поселение, установлена взаимосвязь и одновременность всех выявленных раскопками очажных комплексов, намечена связь между жилищами и наружными очагами перед жилищами. Выявленные «связи» показывают дистанцию и направление перемещения материалов, доказали возможность использования в качестве ценного археологического источника такого бросового материала, как галька. Кроме того, изучение «связей» позволяет поставить целый ряд вопросов, которые еще требуют дальнейшего разрешения (например, вопрос о механизме распределения каменных изделий в толще включающего их суглинка).

В целом можно с уверенностью констатировать, что так называемые «связи» являются ценным источником для всякого рода реконструкций. На кратковременных памятниках с тонким культурным слоем применение метода изучения «связей» обязательно приведет исследователя к выявлению наиболее тонких, детальных и интересных особенностей изучаемых памятников, которые помогут наиболее полно понять их характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергин В. Я.* Рец. на кн.: *Leroi-Gourhan A., Brezillon M.* Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalenien. Paris, 1972.— СА, 1976, № 3.
2. *Сериков Ю. Б.* Исследование памятников в Среднем Зауралье.— АО — 1976. М., 1977.
3. *Leroi-Gourhan A., Brezillon M.* Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalenien. Paris, 1972.

Yu. B. Serikov

THE «LIAISONS» METHOD AS APPLIED TO THE STUDY OF THE MESOLITHIC SITE VYIKA-II (MIDDLE TRANS-URALS AREA)

Summary

Stone Age objects are often «constructed» out of several fragments which opens up a possibility to analyse the «liaisons» revealed at the Mesolithic site Vyika-II following A. Leroi-Gourhan who saw in them a new source for archaeological reconstructions. Such analysis confirmed the one-layer structure of the monument, the synchronous and interconnected character of all hearths revealed by the diggings, established the existence of interconnected complexes a hearth in a dwelling — an outside hearth, and determined distances and directions of materials' replacements. Besides, the study of the «liaisons» posed a number of questions still awaiting their solution. The work done and the results obtained convinced the author in the fruitfullness of the method and the necessity of its further elaboration.

КОРОБКОВА Г. Ф., ГАДЖИЕВ М. Г.

О КУЛЬТУРНЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОСЕЛЕНИЯ ГИНЧИ

(Дагестан)

В настоящее время поселение Гинчи, расположенное на территории Северо-Восточного Кавказа и исследованное археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР [1], выделяется М. Г. Гаджиевым в самостоятельную культуру, предшествующую куро-аракской и сложившуюся под воздействием восточнозакавказской, переднеазиатской культуры и местного неолита [2, с. 7]. Это двухслойный памятник, содержащий материалы двух культурных комплексов: нижний горизонт — ранний, включает инвентарь докуро-аракского времени и датируется V—IV тысячелетиями до н. э.; верхний содержит материал куро-аракской культуры. Именно нижний слой явился основой для выделения новой докуро-аракской культуры, имеющей много черт сходства с памятниками шулавери-шомутепинского типа. Ранний комплекс Гинчи характеризуется каменной жилой архитектурой, прямоугольными постройками, толстостенной грубой керамикой с примесью песка и дресвы в тесте, покрытой ангобом или слоем жидкой обмазки, украшенной елочным резным орнаментом и налепами и сохранившей на наружной поверхности отпечатки ткани. Известны здесь и тонкостенные, залощенные сосуды, изредка имеющие налепные ручки со сквозным отверстием.

В процессе раскопок нижнего слоя Гинчи помимо каменных зернотерок, терочников, речных галек, ретушеров и других изделий было найдено 158 предметов из кремня, 12 из обсидиана, 8 из рога и кости. Кремень меловой светло-серых — бежевых тонов. Выходы его встречаются в Левашинском Акушинском районах, где сравнительно рано возникли мастерские по добыче и первичной обработке кремня в целях обмена [3, с. 198—203]. Поселение Гинчи находится вдали не только от этих районов, но и вне зоны естественного месторождения кремня вообще. Поэтому кремневого сырья здесь немного и расходовался он исключительно экономно. Об этом свидетельствуют данные трасологического анализа индустрии Гинчи, указывающие на полифункциональные назначения многих орудий — 18,4% от количества всех изделий. Особенно типично использование в новой функции старых, изношенных или поломанных иструментов. Чаще всего это были вкладыши серпов, которые переделывались в скребки, скобели, сверла, ретушеры и др. Поэтому многие изделия выполняли по две-три функции. Для изготовления орудий использовались главным образом правильные призматические пластины трапециевидного и треугольного сечения, скалывавшиеся с призматических и пирамидальных нуклеусов (табл. 1).

Вместе с тем отщепы составляют почти половину всей коллекции — 77 экз., или 48,5% (табл. 1). В это число входят образцы, полученные при подготовке нуклеусов. Среди них много отщепов с желвачной коркой. Большинство не имело следов вторичной обработки — 56 экз. из 77. Фактически их следует отнести к отходам производства, что подтверждается и при изучении их под бинокуляром. Изделий со вторичной обработкой среди отщепов было всего 24 экз. (27,2%) в пределах группы отщепов, или 13,2% по отношению к общему количеству изделий, в то время как среди пластин образцов с ретушью было 53 экз. из 58 (т. е. 91,4% в

Таблица 1

№ пп.	Группа, тип	Количество изделий	% в пределах группы	% по отношению к общему количеству
	Группа I. Нуклеусы	2		1,26
	Группа II. Пластины и изделия из них	58	–	36,54
1	Пластины с ретушью на двух краях	27	46,44	17,01
2	Пластины с ретушью на одном крае	11	18,92	6,93
3	Пластины с выщербинами	5	8,60	3,15
4	Пластины без ретуши	5	8,60	3,15
5	Острия	4	6,88	2,52
6	Скребки концевые	5	8,60	3,15
7	Скребок-скобель	1	1,72	0,63
	Группа III. Отщепы и изделия из них	77		48,51
1	Нож	1	1,30	0,63
2	Скребок	1	1,30	0,63
3	Резец	1	1,30	0,63
4	Отщепы с участками ретуши	13	16,90	8,19
5	Отщепы с выемками	2	2,60	1,26
6	Отщепы с выщербинами	3	3,90	1,89
7	Отщепы без следов вторичной обработки	56	72,80	35,28
	Группа IV. Обломки, осколки и сколы	21		13,23
1	Обломки и осколки с ретушью	3	14,28	1,89
2	Обломки и осколки без ретуши	16	76,16	10,08
3	Краевой скол нуклеуса	1	4,76	0,63
4	Скол переоформления орудий	1	4,76	0,63
	Итого:	158	100	100

пределах группы пластин, или 33,4% от общего количества изделий). В отдельную группу выделены кремневые предметы, не имеющие признаков отщепления от нуклеусов. Это обломки и осколки (18 экз.), большинство которых заведомо являлось отходами производства, и только три предмета имели ретушь (табл. 1).

Теперь обратимся к данным, полученным в ходе технико-морфологического и трасологического исследования каменных и костяных орудий Гинчи. С помощью микроскопа было изучено 121 изделие из камня и 8 из кости и рога.

Индустрия представлена собственно орудиями труда – 68 экз. (56,2%), отбросами производства, содержащими пластины и их обломки, отщепы без следов использования – 52 экз. (43%) и нуклеусы – 1 экз. (0,8%). О технике расщепления можно судить лишь по заготовкам орудий и отходам производства (см. табл. 2), так как нуклеусы практически отсутствуют.

Как свидетельствует анализ типов заготовок, для индустрии Гинчи характерна пластинчато-отщеповая техника раскалывания камня. Однако, учитывая, что орудия труда сделаны в основном из пластин и реже из отщепов (13,20%), следует говорить о преобладании пластинчатой техники. На основе анализа табл. 2 и произведенных статистических подсчетов выясняется, что при изготовлении орудий использовались главным образом крупные пластины, ширина которых 1,5–2 см (35%). Это образцы правильной призматической формы, длиной от 5 до 7,5 см. Значительно меньшим процентом представлены средние пластины шириной 1–1,4 см – 11,7%, единичны макропластины шириной свыше 2,5 см. Микролитические элементы в индустрии полностью отсутствуют.

Таблица 2

№ группы	№ типа	Тип заготовок	Общее количество типов	% от общего числа всех изделий
I		Пластины:	56	46,7
	1	крупные	42	35
	2	средние	14	11,7
II		Отщепы:	64	53,3
	3	крупные	2	1,6
	4	средние	24	20
	5	мелкие	38	31,7
		Итого:	120	100

Таблица 3

№ группы	№ типа и подтипа	Тип вторичной обработки (тип ретуши)	Общее число обработанных изделий	% от общего числа обработанных изделий
I		Заостряющая ретушь	22	50
	1	мелкая:	16	36,4
	а	со спинки по 1 краю	6	13,6
	б	со спинки по 2 краям	9	20,5
	в	со спинки по 3 краям	1	2,3
	2	крупная:	6	13,6
	а	со спинки по 2 краям	3	6,8
	б	со спинки по 3 краям	3	6.8
II		Затупливающая ретушь:	21	47,7
	3	мелкая:		
	а	со спинки по 1 краю	4	9,1
	б	со спинки по 2 краям	8	18,2
	в	со спинки по 3 краям	2	4,5
	4	крупная:	7	15,9
	а	со спинки по 1 краю	2	4,5
	б	со спинки по 2 краям	3	6.8
	в	со спинки по 3 краям	2	4.5
III		комбинированная:	1	2.3
	5	Сочетание затупливающей и заостряющей ретуши по 2 краям	1	2,3
		Итого:	44	100

Среди отщепов наиболее распространенными являются изделия мелких (1,5×3 см) — 31,7% — и средних (3,1—5 см) — 20% — размеров.

Вторичная обработка характеризуется разного рода ретушью. Из 121 орудия, просмотренного под бинокуляром, 44 имели намеренное оформление краев (см. табл. 3), что составляет 36,7% от числа всех изделий.

Данные табл. 3 показывают, что заостряющая и затупливающая ретушь представлены почти равным количеством — 50 и 47,7% соответственно, причем как в I, так и II группе преобладает мелкая ретушь (36,4 и 31,8%), являющаяся основной в технике ретуширования орудий Гинчи. Определяющий способ нанесения ретуши со стороны спинки — преимущественно по двум продольным краям — 54,6%. Совершенно не встречается зубчатая, противолежащая, двусторонняя ретушь. Неизвестен и способ нанесения ретуши со стороны брюшка. Техника резцового скола применена только трижды: в одном случае для получения лезвия резца, в другом — для оформления обушка ножа, в третьем — при переоформлении орудия. Широко применялась техника выпрямления пластин путем отсечения верхнего, загнутого внутрь конца и уплощения ударного бугорка, необходимая при изготовлении вкладышевых изделий, употреблявшихся в рукоятках или оправах.

Таблица 4

№ группы	№ типа	Тип изделий	Количество типов	% от количества типов
I		Пластины с регулярной ретушью:	31	59,6
	1	по 1 краю	9	17,3
	2	по 2 краям	20	38,5
	3	по 3 краям	2	3,8
II		Пластины с нерегулярной ретушью:	3	5,8
	4	по 2 краям	3	5,8
III		Скребки:	6	11,5
	5	концевые на пластинках с ретушью по боковым краям	5	9,7
	6	концевые на отщепах с ретушью по боковым краям	1	1,9
IV		Острия:	3	5,8
	7	асимметричные, с ретушью по боковым краям	3	5,8
V		Резцы:	1	1,9
	8	срединные на отщепах	1	1,9
VI		Отщепы с регулярной ретушью:	4	7,7
	9	по 3 краям	2	3,8
	10	по 1 краю	2	3,8
VII		Отщепы с нерегулярной ретушью:	3	5,8
	11	по 2 краям	3	5,8
VIII		Нуклеусы:	1	1,9
	12	конусовидной формы	1	1,9
		Итого:	52	100

Исходя из морфологических и технических признаков индустрии Гинчи, всю коллекцию каменных изделий можно подразделить на восемь групп (см. табл. 4).

На основе анализа предложенного типлиста можно говорить о сравнительном однообразии набора типов изделий, в котором ведущее место принадлежит пластинам с регулярной ретушью — 59,6%. Характерными типами можно назвать скребки (11,5%), второстепенными — отщепы с регулярной и нерегулярной ретушью (7,7 и 5,8%) и острия (5,8%). Остальные типы представлены единично и по градации Г. Ф. Коробковой [4, с. 12] могут быть отнесены к малозначимым видам, насчитывающим в индустрии не более 5% от числа набора типов изделий.

Итак, по данным технико-морфологического анализа каменных изделий индустрия Гинчи вырисовывается как своеобразный комплекс, отличающийся определенными особенностями. Его можно охарактеризовать как макропластинчатый без каких-либо признаков микролитоидности. Основными заготовками орудий служат крупные призматические пластины, в меньшей степени пластины средних размеров (11,7%) и средние отщепы (13,2%). В технике вторичной обработки ведущее место занимает мелкая заостряющая (36,4%) и мелкая затупливающая (31,8%) ретушь, нанесенная только со стороны спинки и преимущественно по двум про-

дольным краям (20,5 и 18,2% соответственно). В наборе типов изделий преобладают пластины с регулярной ретушью (59,6%) и скребки (11,5%) преимущественно концевой формы, реже острия. В целом инвентарь Гинчи с типологической точки зрения весьма беден.

Однако на Кавказе индустрия Гинчи не представляла собой какое-то изолированное явление. С ней неразрывно увязываются коллекции каменных изделий, происходящих из некоторых древнейших поселений Северо-Восточного Кавказа. По сырью, технике первичной и вторичной обработки, набору изделий индустрия Гинчи находит полное тождество с кремневым инвентарем трех позднеенеолитических — раннеэнеолитических поселений горного Дагестана (Малинкарат, Аркинда, Мучу-бахил-бакли), известных в литературе как Ругуджинские стоянки [3, с. 203—211]. Для них характерна также крупнопластинчатая индустрия. Изделия, как и в Гинчи, оформлялись краевой односторонней ретушью. Отсутствует зубчатая и противолежащая ретушь. В типологическом отношении здесь также выделяются группы пластин и отщепов. Типичны ретушированные пластины, скребки, острия, т. е. те изделия, которые характерны и для комплекса Гинчи.

На Северном Кавказе наиболее выразительная коллекция каменных изделий типа Гинчи-Ругуджа, происходит из поселения Агубеково близ г. Нальчика. Помимо большого количества отщепов и осколков без следов дополнительной обработки (751 экз.) в ней представлены пять нуклеусов для скалывания пластин и 45 изделий (орудий), имеющих законченную форму или обработанных дополнительно ретушью [5, с. 55—59]. Ведущее место среди заготовок, как и в Гинчи, занимали крупные пластины, сколотые с призматических и пирамидальных нуклеусов. В индустрии отсутствуют микропластины и геометрические микролиты. Типы вторичной обработки аналогичны Гинчи. Лишь на некоторых пластинах встречается плоская ретушь, несколько глубже заходящая на сторону спинки. Кроме того, в наборе орудий имеются долотовидные изделия, нуклевидные скребки, наконечник стрелы, неизвестные в Гинчи. Однако несмотря на эти незначительные различия, свидетельствующие о некоторой локальной специфике Агубековского поселения, в целом инвентарь последнего по технико-морфологическим признакам больше тяготеет к памятникам Северо-Восточного Кавказа, чем к другим областям рассматриваемого региона. Так, например, на территории Северо-Западного Кавказа на протяжении длительного отрезка времени, начиная от неолита и кончая эпохой бронзы, продолжала господствовать иная традиция в технике обработки камня. Для этого района характерна микролитоидная индустрия, а в наборе типов изделий встречаются пластины с выделенной головкой, с притупленным краем, двустороннеобработанные орудия и другие (Каменномостская пещера, Овечка, Мешоко) [6, с. 55—57, рис. 21, 22; 7, с. 73—98].

Прикубанские поселения находят яркие аналогии в неолитических и энеолитических памятниках Западного Закавказья [8, с. 124—138; 9, с. 113—118; 10, с. 46—48, рис. 18; 11; 12, с. 320, рис. 30, 31], с которыми их сближают наличие микролитоидных черт в технике расщепления камня и сходство в наборе инвентаря.

В эпоху неолита — энеолита на территории Восточного Закавказья локализуется особая культура, представленная целым рядом памятников: Шулаверис-Гора, Имирис-Гора, Цопи, Арухло и др. в Грузии; Шому-Тепе, Кюль-Тепе, Аликемек-тепеси в Азербайджане; Хатунарх, Техут в Армении. Каменный инвентарь поселений шомутепинской или шулаверис-шомутепинской культуры характеризуется пластинчатой техникой расщепления, в основе которой лежало получение крупных и средних пластин правильной призматической формы, прямого профиля, без ярких признаков микролитоидности [13, с. 53—55; 14, с. 22—27; 15, с. 151—165]. Неожиданно появившиеся в поздних слоях или поселениях (Цопи, Арухло 1, Имирис-Гора, Храмис-Гора и др.) единичные геометрические микролиты практически оказались здесь случайными изделиями, представленными в индустриях этих памятников меньше чем 1% [16, с. 53]. Для техники вторичной обработки типична мелкая затупливающая и заостряю-

щая ретушь, нанесенная чаще всего со стороны спинки по одному или двум краям; для набора орудий — пластины с ретушью, выемчатые изделия, резцы. Таким образом, по типам заготовок и основным видам ретуши индустрия шулавери-шомутепинской культуры как будто бы близка памятникам типа Гинчи и Ругуджа. Однако для первой характерны разнообразные приемы вторичной обработки, в том числе использование противолежащей, зубчатой, двусторонней ретуши, подтески, шлифовки и т. д., что совершенно нетипично для вторых. В Гинчи сырьем для орудий служил в основном кремень, в памятниках шулавери-шомутепинского типа — преимущественно обсидиан. Население Восточного Закавказья частично использовало в качестве заготовок орудий микропластины, реже геометрические микролиты, Северо-Восточного Кавказа — только крупные и средние пластины. Шомутепинцы обладали разнообразным арсеналом инструментов, обитатели Гинчи — весьма ограниченным набором, отличающимся от первого как составом, так и количественными соотношениями типологических групп [13, с. 53—55; 14; с. 28—20; 15, с. 151—167; 16, с. 47—53]. Все сказанное свидетельствует о том, что между памятниками типа Гинчи и Шому-Тепе существовали значительные расхождения, относящиеся к различиям культурно-хронологического порядка.

Таким образом, данные технико-морфологического анализа индустрии Гинчи и сравнительной характеристики с другими неолитическими и энеолитическими комплексами Западного и Восточного Кавказа позволяют говорить о наличии нового северо-восточнокавказского культурного очага, ярким представителем которого было поселение Гинчи. К этому очагу следует относить и памятники Ругуджа, и в какой-то степени Агубеково, расположенное в Центральном Предкавказье.

Трасологическое исследование материалов Гинчи значительно обогатило наше представление об индустрии и экономике этого интересного поселения. Заметно пополнился и стал более разнообразным состав орудий труда. Последние были выявлены среди отбросов производства, старых, изношенных изделий. Функциональная характеристика материала особенно важна для хозяйственной палеореконструкции и выявления локальных особенностей в экономике того или иного общества. В какой-то степени данные трасологического анализа содержат информацию этнокультурного порядка. Так, например, на основе следов износа на вкладышевых орудиях можно реконструировать тип самого наборного инструмента, являющегося специфичным только для определенного памятника или культуры. Данные реконструкции серпов из Гинчи показывают, что обитателям этого поселения было известно несколько типов жатвенных орудий, среди которых ведущее место занимал серп изогнутой или полулунной формы, лезвие которого состояло из одной крупной, удлиненных пропорций кремневой пластины с ретушью по краям [17, с. 39, 47]. Такие образцы, как правило, обладали самой высокой продуктивностью, на что указывают результаты многочисленных экспериментов,— 1,1 м²/мин. Несколько производительнее лишь аналогичные серпы, оснащенные обсидиановыми вкладышами. Последние единично представлены в индустрии Цопи и Хатунарха.

На территории Западного и Восточного Закавказья в это время бытуют серпы иной формы. Они имели тоже изогнутые очертания, однако вкладыши вставлялись в рукоятку либо в виде зубчиков, либо параллельно в паз полулунной оправы, образуя сплошное лезвие, составленное из нескольких плотно подогнанных пластин. Первый тип характерен для всей шомутепинской культуры, второй — для Аликемек-тепеси.

Своеобразный тип серпа из Гинчи еще раз подтверждает специфику индустрии этого поселения, отражающую, с одной стороны, местные технические традиции в изготовлении орудий, с другой — высокий уровень развития производительных сил данного общества, с третьей — этнокультурные особенности инвентаря Гинчи.

Результаты трасологического анализа материалов исследуемого памятника показали, что орудиям труда принадлежит 56,2%, нуклеусам — 0,8% и отходам производства — 43%. Однако для полноты функциональной ха-

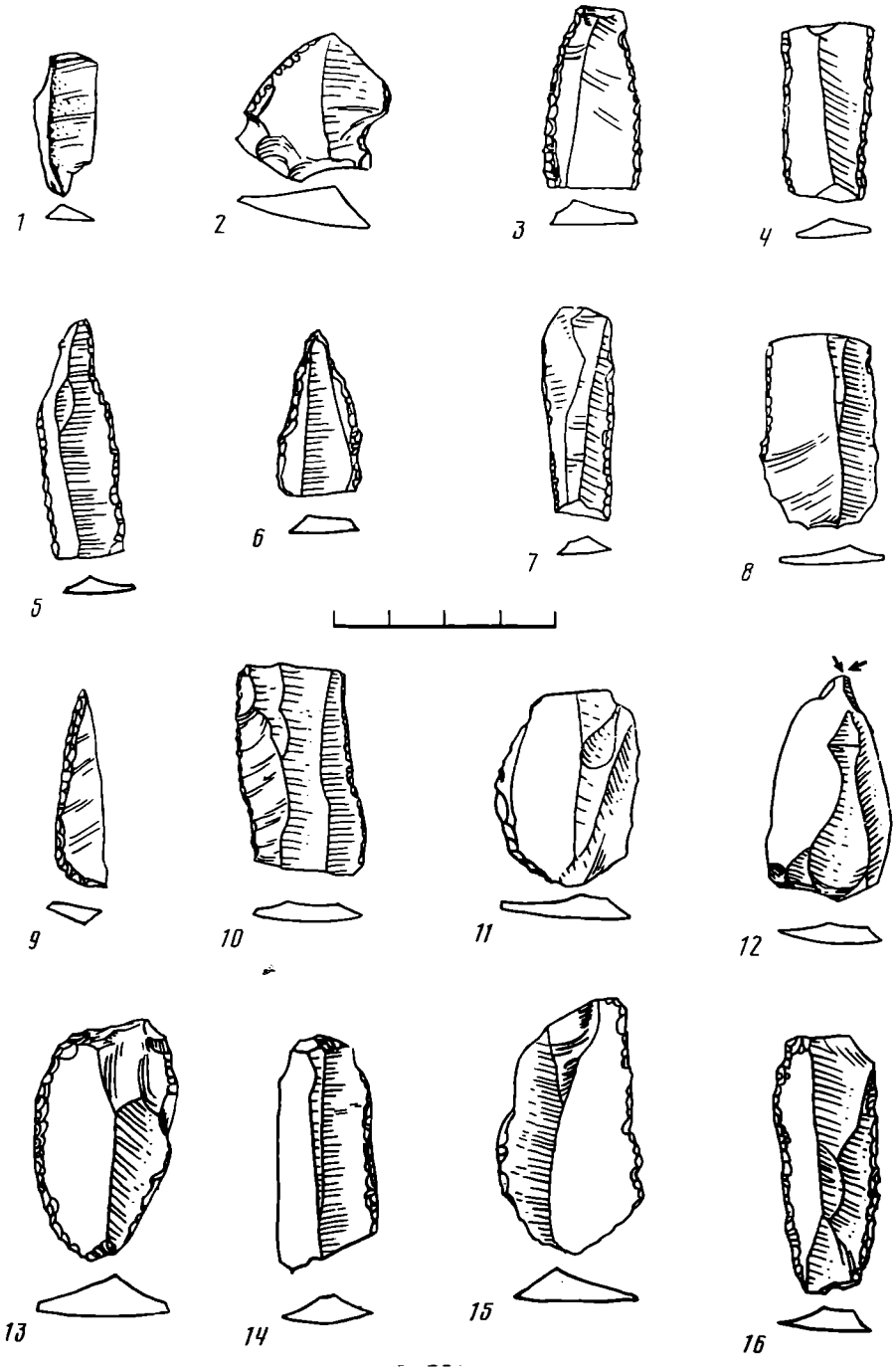


Рис. 1. Орудия труда из Гинчи: *1* — вкладыш серпа; *2*, *9—11*, *14* — боковые скребки; *3* — ретушер на скобеле; *4* — скобель; *5* — сверло-скобель; *6* — сверло; *7* — боковой скребок на двулезвийном серпе; *8*, *15*, *16* — вкладыши ножей; *12* — резец; *13* — концевой-боковой скребок с тремя лезвиями

рактеристики полифункциональные или комбинированные изделия необходимо учитывать в строгом соответствии с выполняемой ими функцией. Например, орудие, выполнявшее три функции — развертка-боковой скребок на двулезвийном серпе,— следует отнести и к разряду серпов, и к разряду скребков и разверток, т. е. с учетом комбинированных изделий число собственно орудий заметно увеличится (см. табл. 5).

Как видно из табл. 5, в индустрии Гинчи содержатся скребки, скобели, вкладыши серпов, ножи для разделки туш убитых животных, сверла, резцы, ретушеры и полифункциональные орудия (рис. 1 и 2). Интересны костяные изделия, среди которых определяются орудия, связанные главным образом с обработкой кожи, шитьем одежды и предметов домашнего обихода.

Таблица 5

№ группы	№ типа	Наименование орудий	Число орудий	% от общего числа орудий	Число орудий с учетом комбинированных	% орудий с учетом комбинированных
I		Кремневые	68	89,5	84	90,3
		Вкладыши серпов	7	9,2	15	16,1
	1	с одним лезвием	3	3,9	5	5,3
	2	с двумя лезвиями	4	5,3	10	10,8
II		Скребки:	24	31,6	31	33,8
	3	боковые с 1 лезвием	8	10,6	8	8,6
	4	боковые с 2 лезвиями	9	11,7	14	15,1
	5	концевые-боковые с 2 лезвиями	2	2,7	2	2,1
	6	концевые-боковые с 3 лезвиями	4	5,3	6	6,5
	7	концевые с 2 лезвиями	1	1,3	1	1
III		Ножи для разделки мяса:	9	11,7	10	10,8
	8	с 1 лезвием	6	7,8	7	7,6
	9	с 2 лезвиями	3	3,9	3	3,3
IV		Скобели:	10	13,2	15	16,1
	10	с 1 лезвием	4	5,3	6	6,5
	11	с 2 лезвиями	4	5,3	7	7,6
	12	с 3 лезвиями	1	1,3	1	1
	13	с круговым лезвием	1	1,3	1	1
V		Сверла:	2	2,7	4	4,3
	14	с асимметричным острием	2	2,7	4	4,3
VI		Резцы:	1	1,3	1	1
	15	со срединным лезвием	1	1,3	1	1
VII		Ретушеры	1	1,3	6	6,5
VIII		Комбинированные орудия	14	18,4		
	16	Развертка – боковой скребок на двулезвийном серпе	1			
	17	Боковой скребок с 2 лезвиями на однолезвийной пилке	1			
	18	Боковой скребок с 2 лезвиями на двулезвийном серпе	1			
	19	Боковой скребок с 1 лезвием на однолезвийном серпе	1			
	20	Концевой-боковой скребок с 3 лезвиями на двулезв. серпе	2			
	21	Скобель с 1 лезвием на однолезвийном серпе	1			
	22	Ретушер – боковой скребок с 3 лезвиями на двулезвийном серпе	1			
	23	Ретушер на двулезвийном скобеле	2			
	24	Ретушер на однолезвийном скобеле	1			

(продолжение табл. 5)

№ группы	№ типа	Наименование орудий	Число орудий	% от общего числа орудий	Число орудий с учетом комбинированных	% орудий с учетом комбинированных
VIII	25	Ретушер на двулезвийном ноже	1			
	26	Сверло-скобель с 2 лезвиями	1			
	27	Сверло на двулезвийном серпе	1			
IX		Пилки:	–	–	1	1
	28	с 1 лезвием	–	–	1	1
X		Развертки	–	–	1	1
XI		Костяные орудия:	8	10,5	9	9,7
	29	скребок для сгонки шерсти	1	1,3	1	1
	30	кочедык для плетения	1	1,3	1	1
	31	шпатель для керамики	2	2,7	2	2,1
	32	шилья	3	3,9	3	3,3
	33	шило-ретушер	1	1,3	2	2,1
		Итого:	76	100	93	100

Результаты сравнительного анализа табл. 5 и статистические подсчеты выделенных групп орудий показывают, что ведущими типами следует назвать скребки — 31 экз., или 33,3% (рис. 1, *2*, *9—11*, *13*; 2, *3*, *10*, *11*, *14*, *15*). Среди них преобладают боковые с двумя (14 экз., или 15,1%; рис. 1, *10*, *14*; 2, *14*, *15*) и одним (8 экз., или 8,6%; рис. 1, *9*, *11*) рабочими краями. Заготовками для них служили правильные призматические пластины; оба края, реже один, как правило, ретушированы. Только в одном случае лезвие скребка покрыто выщербинами, образовавшимися от работы (рис. 1, *11*). В пяти случаях заготовками являлись изношенные вкладыши серпов (рис. 1, *7*). Боковые скребки как новый вид орудий впервые были выделены в неолите Средней Азии и Казахстана и считались характерными для раннеземледельческих комплексов этого региона [18, с. 20]. Обнаружение их в Гинчи и энеолитических индустриях Кавказа [14, с. 24] свидетельствует об определенном параллелизме в развитии каменного инвентаря Средней Азии и Кавказа.

В группе скребков Гинчи выделены орудия концевой-боковой формы с тремя (6 экз., или 6,5%; рис. 1, *13*; 2, *10*, *1*) и двумя (2 экз., или 2,1%) лезвиями и двойной концевой скребок (рис. 2, *3*). Встречены изделия, изготовленные на серпах (рис. 2, *1*, *5*, *16*).

Второе место среди орудий занимают две группы — скобели (рис. 1, *4*; 2, *4*) и вкладыши серпов (рис. 1, *1*; 2, *6*, *12*), насчитывающие по 15 экз. каждая, что составляет 16,1%. Первые представлены довольно широким ассортиментом: с двумя лезвиями 7 экз. (рис. 1, *4*), с одним лезвием 1 экз. (рис. 2, *4*), с тремя лезвиями 1 экз. и с круговым лезвием 1 экз. Среди них выделяются пять орудий: изготовленных на однолезвийном серпе — 1 экз. (рис. 2, *9*), переделанных в ретушеры — 3 экз. (рис. 1, *3*) и сверла — 1 экз. (рис. 1, *5*).

Характер следов износа на вкладышах серпов позволяет реконструировать три типа жатвенных орудий (рис. 3). Это серпы шомутепинского типа с лезвием в виде зубчиков — 2 экз.; серпы изогнутой формы, оснащенные несколькими плотно подогнанными вкладышами, образующими сплошное лезвие,— 3 экз.; орудия подобной же формы, но снабженные

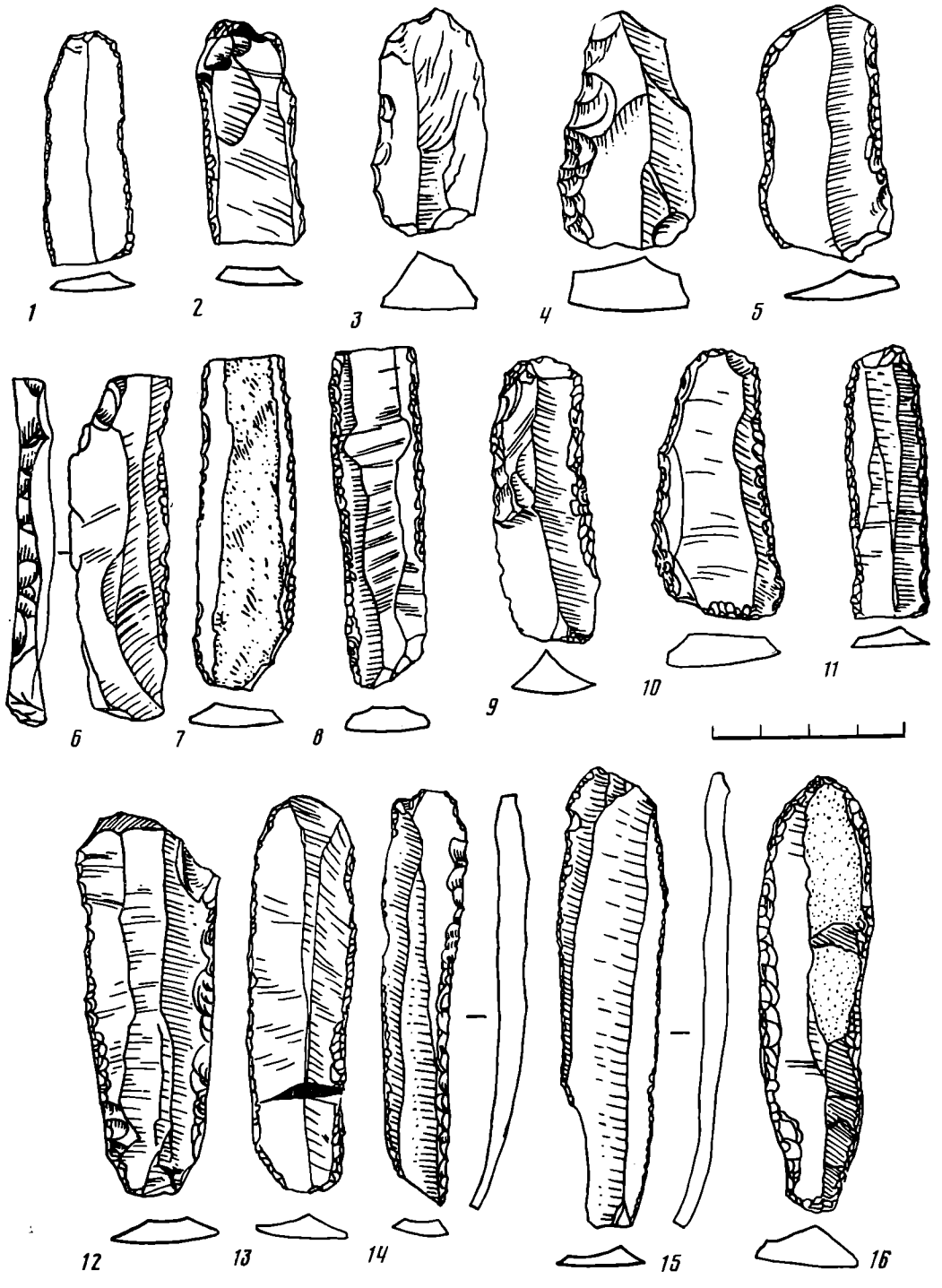


Рис. 2. Орудия труда из Гинчи: *1* — концевой-боковой скребок с 3 лезвиями на однолезвийном серпе; *2* — развертка-боковой скребок на двулезвийном серпе; *3* — концевой скребок с 2 лезвиями; *4* — скобель; *5* — концевой-боковой скребок на двулезвийном серпе; *6*, *12* — вкладыши серпов; *7* — вкладыш пожа; *8* — ретушер-боковой скребок на серпе; *9* — скобель на двулезвийном серпе; *10*, *11* — концевой-боковой скребок с тремя лезвиями; *13* — боковой скребок на двулезвийной пилке; *14*, *15* — боковые скребки; *16* — концевой-боковой скребок на однолезвийном серпе

лишь одной крупной пластиной удлиненных пропорций,— 10 экз. (рис. 2, *6, 12, 16*). Последние изделия почти полностью тождественны жатвенным инструментам из Хатунарха, Кюль-Тепе, Цопи на Кавказе и Ярым-Тепе в Северной Месопотамии [19, с. 159; 20, с. 13; 21; 16, с. 59; 22]. В группе серпов превалируют орудия с двумя рабочими краями (рис. 2, *2*, *11*, *12*, *16*) — 10 экз., и только 5 экз. имели одно лезвие (рис. 1, *1*, *7*; 2, *1*). Восемь жатвенных инструментов были переделаны в скребки

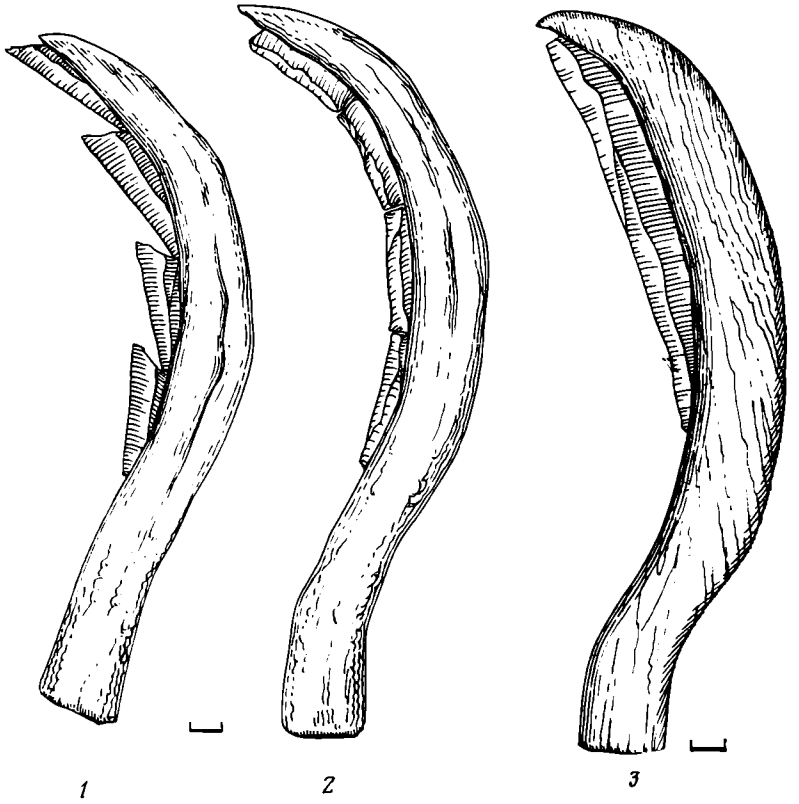


Рис. 3. Реконструкция жатвенных орудий из Гинчи: *1* — полулунный зубчатый серп (шомутепинский тип); *2* — аналогичный серп с несколькими плотно подогнанными вкладышами (тип Аликемек-тепеси); *3* — полулунный однопластинчатый серп

(рис. 1, *7*; 2, *1*, *5*, *16*), скобели (рис. 2, *9*), развертки (рис. 2, *2*), ретушеры (рис. 2, *8*).

Типичными орудиями, выделяемыми трасологически, являются ножи, использовавшиеся при разделе туш животных,— 10 экз., или 10,8% (рис. 1, *8*, *15*, *16*; 2, *7*). Среди них превалируют двулезвийные — 7 экз., и только 3 экз. имеют один рабочий край. Заготовками для них служили преимущественно пластины с краевой ретушью по одному или двум краям, пластины с выщербинами, отщепы. Одно орудие переделано в ретушер.

Сравнительно высоким процентом представлены ретушеры (6 экз., или 6,5%), в основном выполненные из старых, изношенных орудий — скобелей, ножей, серпов (рис. 1, *3*; 2, *8*). Только в одном случае определен ретушер, использовавшийся в монофункции. Это орудие с круговым лезвием.

Эпизодически встречены сверла — 4 экз., или 4,3% (рис. 1, *5*, *6*), порою изготовленные из предельно сработанных серпов и скобелей, резцы — 1 экз. (рис. 1, *12*), пилки — 1 экз. (рис. 2, *13*), развертки — 1 экз. (рис. 2, *2*). Последние три типа можно отнести к разряду случайных орудий, причем пилка и развертка выполнены из старых или переделанных инструментов.

Такова функциональная характеристика инвентаря с поселения Гинчи. На основании анализа табл. 5 выясняется, что определяющими типами изделий являются скребки, характерными — вкладыши серпов, скобели и ножи, которых в индустрии более 10%. Сферы производства, связанные с этими орудиями, занимали ведущее положение в хозяйстве обитателей Гинчи. Высокий процент жатвенных инструментов и прогрессивная форма рукояток, повышающая производительность этих орудий, большое количество зернотерок и курантов наряду с находками отпечат-

ков зерен хлебных злаков в стенках глиняных сосудов свидетельствуют о значительной роли земледелия, являющегося одной из ведущих отраслей хозяйства, достигшего достаточно высокого уровня развития. Но если учитывать процентное соотношение скребков, ножей для разделки туш животных, костяных и роговых орудий для обработки кож, насчитывающих в целом свыше 50% всех изделий, данные остеологических исследований,— все это говорит за то, что в комплексной экономике Гинчи ведущее место занимало скотоводство и в меньшей степени охота. Таким образом, можно полагать, что хозяйство у обитателей рассматриваемого поселения было сложным, и его можно охарактеризовать как скотоводческо-земледельческо-охотничье [23, с. 55—56] с доминантой скотоводческой отрасли. Интересно, что в системе этой комплексной экономики заметное положение приобретают производства, прямо или косвенно связанные с переработкой продуктов скотоводства и земледелия. Это растирание зерна, обработка шкур и выделка кож, шитье одежды и бытовой утвари из выделанного сырья, обработка кости и рога, изготовление костяных орудий и оправ к каменным изделиям. Большую роль в хозяйстве играли плотничьи работы, включающие как примитивную обработку дерева, так и отделку орудий, рукояток к ним, изготовление деревянной посуды для домашнего потребления, кормушек для скота, мелкой утвари, поделок и т. д. Это производство прямо стыкуется с производством орудий труда, имеющим огромное значение в жизни обитателей Гинчи. Последнее состояло из нескольких циклов: первичного расщепления кремня, обсидиана, трубчатых костей, членения дерева, преследующего получение заготовок для будущих орудий; вторичного оформления изделий, осуществлявшегося с помощью ретуширования лезвий и обушковых краев, резцовых сколов, скобления деревянных и костяных инструментов и рукояток, прорезания пазов в оправах, заточки и шлифовки на абразиве рабочих поверхностей шильев, лощил, качедыков, шпателей; крепления вкладышей в рукоятках и т. д. Жители прекрасно владели всеми этими техническими приемами, но ограничивали их использование в силу сохранившихся у них традиций, хозяйственных потребностей общества и уровня развития производительных сил.

На основании данных сравнительного сопоставления функциональных типолистов Гинчи, Цопи, Шулаверис-Гора, Арухло 2 и 3, Шому-Тепе, Аликемек-тепеси и других синхронных памятников Восточного Закавказья выясняется, что для всех них типично сложное производящее хозяйство земледельческо-скотоводческого направления. Вместе с тем, учитывая процентные соотношения орудий, занятых в той или иной отрасли экономики или домашних производствах, данные экологической ситуации расположения сравниваемых поселений, палеоэтноботанических, палеозоологических и этнографических исследований, можно заметить, что между рассматриваемыми хозяйственными комплексами наблюдаются некоторые различия локального характера. Последние прослеживаются как в пределах основных отраслей, так и домашних промыслов.

В настоящее время на территории Кавказа можно выделить три хозяйственных типа: земледельческо-скотоводческо-охотничий с преобладанием земледелия и скотоводства и подсобной ролью охоты (Шому-Тепе, Аликемек-тепеси, Арухло 3); земледельческо-скотоводческий с равным значением обеих отраслей, охота или охота и рыболовство носили вспомогательный характер (Шулаверис-Гора, Арухло 1 и 2); скотоводческо-земледельческо-охотничий, в котором ведущую роль играло скотоводство, земледелие и охота имели тоже важное, существенное значение (Цопи, Гинчи). Отмеченные выше различия и выделение среди хозяйственных комплексов Кавказа разных типов свидетельствуют о локальной вариабельности, прослеживаемой в основах хозяйства [24; 25, с. 25]. Наблюдаются некоторые расхождения и в домашних производствах сравниваемых памятников. В Шому-Тепе, Шулаверис-Гора, Арухло 1, 2 и 3, Цопи ведущим производством было производство по обработке дерева, кости и рога, с которым связано более 20% орудий. При этом в Шулавери, Арухло 2 и 3 большое значение приобретает резьба по кости и рогу, в то

время как в Цопи соответствующие инструменты составляют около 5%, а в Гинчи — менее 1%. Последний памятник отличается от Шулавери, Арухло 1, 2 и 3 ведущим положением кожевенного производства, охватывающего около 27% всех орудий труда.

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что и в пределах домашних производств тоже наблюдаются определенные различия. Некоторые локальные расхождения прослеживаются в наборе ряда типов орудий. Например, типичные для поселений Азербайджана вкладыши серпов с угловой заполировкой [14, с. 24—26], в Гинчи встречены эпизодически. Долотовидные орудия и резцы, широко распространенные в закавказских памятниках, в Гинчи либо единичны, либо вовсе не представлены. Ни в одном из кавказских памятников этого времени не обнаружен такой обширный ассортимент костяных изделий, как на поселениях шулавери-шомутепинского типа [26, с. 124—125].

В заключение отметим, что существование локальных различий в каменных индустриях Кавказа эпохи неолита — энеолита — явление вполне закономерное. Пути культурного развития Кавказского Причерноморья, Центрального и Восточного Закавказья и Северо-Восточного Кавказа начали расходиться еще в конце верхнего палеолита и мезолите (закавказский, губский, чохский варианты культуры) [27, с. 14—16]. Сложившаяся в это время этнокультурная ситуация в общих чертах сохраняется на Кавказе и в последующие эпохи. Неолитическая культура Черноморского побережья Кавказа неизвестна в Центральном и Восточном Кавказе, так же как культуры шулавери-шомутепинского и гинчинского типа не встречаются на западе [8, с. 146—148; 9, с. 116; 12, с. 318—321; 28, с. 79—147]. Куро-аракская культура Закавказья эпохи энеолита — ранней бронзы и ее северо-восточный вариант в Дагестане и Чечено-Ингушетии резко отличаются от майкопской культуры Прикубанья и очамчирской Кавказского Причерноморья [6, с. 155; 28, с. 365, 366, 409; 29, с. 16, 17; 30, с. 22, 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаджиев М. Г.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.— КСИА, 1966, вып. 108.
2. *Гаджиев М. Г.* К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев.— МАД, 1978, т. 8.
3. *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
4. *Коробкова Г. Ф.* Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии).— СА, 1975, № 3.
5. *Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.* Неолит поселения близ г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3.
6. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
7. *Столяр А. Д.* Мешоко — поселение Майкопской культуры.— Тр. Адыгск. ИЯЛИЭ, 1961, т. 2.
8. *Формозов А. А.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.— МИА, 1962, № 102.
9. *Небиеридзе Л. Д.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
10. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970.
11. *Джавахишвили А. И.* К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
12. *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
13. *Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-Гора.— КСИА, 1972, вып. 132.
14. *Аразова Р. Б.* Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана: Автореф. канд. дис. Баку: Ин-т истории АН АзССР, 1974.
15. *Кигурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
16. *Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М.* Обсидиановая индустрия Цопи.— В кн.: Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. VII. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
17. *Коробкова Г. Ф.* Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения).— СА, 1978, № 4.
18. *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, 1969, № 158.
19. *Абибуллаев О. А.* Некоторые итоги изучения Кюль-Тепе в Азербайджане.— СА, 1963, № 3.

20. *Нариманов И. Г.* О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане.— СА, 1971, № 3.
21. *Торосян Р. М.* Некоторые орудия труда неолита и энеолита.— ИФЖ, 1971, № 3.
22. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии.— СА, 1971, № 3.
23. *Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана.— В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М.: Наука, 1974.
24. *Коробкова Г. Ф.* Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ (к постановке проблемы).— УСА, 1972, вып. 1.
25. *Коробкова Г. Ф.* Методические и методологические обоснования комплексного изучения орудий труда.— В кн.: Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Тезисы совещания. Ашхабад: Ылым, 1980.
26. *Нариманов И. Г.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья.— В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1966.
27. *Бадер Н. О.* Варианты культур Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.— СА, 1965, № 4.
28. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
29. *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, 1961, № 100.
30. *Бжания В. В.* Древнейшая культура Абхазии: Автореф. канд. дис. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1966.

G. F. Korobkova, M. G. Gadjiev

CULTURAL AND ECONOMIC PECULIARITIES OF THE GINCHI SETTLEMENT IN DAGHESTAN

Summary

Archaeological investigations of the Ginchi settlement in the mountainous regions of Daghestan testified to the presence of a sedentary land-tilling culture in the north-eastern Caucasus between the 5th and 4th millennia B.C. Twelve obsidian, 158 flint and eight bone and antler objects were obtained, their technico-morphological analysis yielded the following results: 35 per cent of tools were made on large prism blades, 11.7 per cent — on medium-sized flakes. Secondary processing was predominantly fine pointing (36.4 per cent) and fine blunting retouch made unifacially and mainly along the two sides. Among the tools chipped blades (59.6 per cent) and scrapers (11.5 per cent) prevailled. More varied tool kit was brought out by tracological analysis of the Ginchi industry (Figs. 1-3): scrapers, racloirs, blades hafted into sicles and dressing knives, drills, burins, chipping tools and all-purpose tools. The predominant type was the scraper, the most characteristic one — the racloir, and the sicle and knife blade. The tool kit identifies the Ginchi economy as cattle-breeding, land-tilling and hunting.

ПОТЕХИНА И. Д.

О НОСИТЕЛЯХ КУЛЬТУРЫ СРЕДНИЙ СТОГ II ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Племена культуры Средний Стог II, населявшие в эпоху энеолита Поднепровье и более восточные области Украины, оставили на этой территории ряд поселений и могильников. Они давно уже стали объектом изучения как археологов, так и антропологов, не раз касавшихся в своих работах вопроса о происхождении и физическом типе носителей этой культуры.

Первые сведения об антропологическом материале из погребений среднестоговского типа были получены М. М. Герасимовым в результате изучения мужского черепа (погр. 2) из слоя С, обнаруженного А. В. Добровольским на стоянке Игрень 8 [1]. Сравнение этого черепа с двумя найденными там же неолитическими черепами (погр. 4 и 6) показало отсутствие сходства между ними как «по общему контуру профиля свода и форме лицевого скелета», так и по размерам [2, с. 269]. В этой же работе М. М. Герасимова имеются данные о мужском черепе с Сурского острова (погр. 2, закладка 1), который также относится к среднестоговской культуре и очень напоминает неолитический череп (№ 4) из Игрени 8 [2, с. 272]. Наиболее многочисленная среднестоговская серия черепов (8 мужских и 2 женских) [1] происходит из Александрийского могильника [3]. Сравнение этих черепов с известными неолитическими сериями Днепровского Надпорожья, проведенное Т. С. Сурниной, показало небольшие различия в строении лицевого скелета и выявило, что признаки, отличающие александрийские черепа от черепов Надпорожья, сближают их с древнеямными черепами.

Два среднестоговских мужских черепа из с. Каменные Потоки и два женских черепа из Второго Дереивского могильника изучены Г. П. Зиневич [4, с. 96—101]. По ее мнению, они обладают значительным сходством с александрийскими. На этом основании сделано предположение о «наличии на территории восточной части Украины единого антропологического типа» у носителей культуры Средний Стог II.

Кроме вышеупомянутых типично среднестоговских могильников имеются также памятники так называемого новоданиловского типа, близкие в культурно-хронологическом плане культуре Средний Стог II. Сюда относятся двойное мужское погребение (№ 21) в каменном ящике из Мариупольского могильника [5] и три мужских черепа из энеолитического могильника в г. Ворошиловграде [6]. Черепа из этих двух могильников обнаруживают большое сходство как между собой, так и с неолитическими сериями черепов из Надпорожья — Приазовья.

Таким образом, специалистами изучены 17 мужских и 4 женских черепа среднестоговцев и близких к ним носителей культуры новоданиловского типа. К сожалению, данные о посткраниальном скелете в этих работах отсутствуют.

За последнее время в результате раскопок на Игренском полуострове, возобновившихся в 1974—1978 гг. [7], данные о носителях среднестоговской культуры несколько расширились. Основу настоящего сообщения

[1] Из серии исключены три мужских погребения (13 и 14), которые, судя по обряду, не являются среднестоговскими, а также погр. 21, относящееся к срубной культуре.

Таблица 1

Распределение возрастных групп в Игренском могильнике и сравнительные данные [8; 9, с. 13, 14] (в %)

	14—20 лет	21—35 лет	36—55 лет	56 и более
Мезолит Поднепровья	2,1	33,3	47,9	16,7
Неолит Поднепровья	12,0	31,4	44,9	11,7
Энеолит – Игрень	10,0	30,0	50,0	10,0
Энеолит – Выхватинцы	–	19,2	52,8	28,0

Таблица 2

Эпоха	Могильник	Средний возраст погребенных	Число детей от общего количества погребенных, %
Мезолит	Васильевка III	23,0(33)	39
Неолит	Поднепровье в целом	29,5(413)	28,8
Энеолит	Игренский	26,7(20)	35
	Выхватинцы	20,9(52)	61

составляют антропологические материалы из Игренского среднестоговского могильника.

Игренские «среднестоговцы» относятся ко второму, дереивскому периоду этой культуры, а точнее, к более раннему его этапу (IIа), который датируется первой четвертью III тысячелетия до н. э.

Игренский среднестоговский могильник содержал 17 погребений, три из них – двойные. Антропологический материал оказался очень плохой сохранности. После тщательной реставрации удалось определить возраст, а у взрослых – и пол большинства погребенных. Возрастно-половое распределение следующее: взрослых – 65%, детей – 35%; из взрослых: мужчин – 62%, женщин – 38%. Наибольший процент смертности среди взрослых связан с возрастной группой 35—50 лет. Наименьшей смертности соответствовал период 14—20 лет. В могильнике обнаружена лишь одна погребенная старше 55 лет. Такое процентное распределение возрастных групп было типично и для других могильников первобытности (табл. 1).

Средний возраст погребенных в Игренском могильнике с учетом детской смертности составляет 26,7 года, что несколько выше, чем в мезолитических популяциях Поднепровья [8] и у носителей позднетрипольской культуры [10] (табл. 2). В то же время среднестоговские рыболовы с Игренского острова были менее долговечны по сравнению с носителями днепро-донецкой культуры, населявшими Поднепровье в эпоху неолита [8].

Столь короткая длительность поколений (средний возраст смерти) в Игренском могильнике обусловлена прежде всего относительно высоким процентом детских погребений. Для взрослых средняя продолжительность жизни суммарно составляла 38,6 года. Таким образом, изучаемая популяция находилась в обычной для того времени ситуации неперекрывающихся поколений [11]. Не совсем обычной представляется большая продолжительность жизни женщин (43,6 года) по сравнению с мужчинами (35,8 года). Результаты широких палеодемографических исследований [10; 12, с. 441] свидетельствуют о том, что в первобытности смертность среди женщин была значительно более частой в возрасте до 40 лет, чем у мужчин. В Игренском могильнике наблюдается обратное соотношение со значительной разницей (7,8 года) в пользу женщин. Такое же явление открыто В. П. Алексеевым [10] в Васильевском III мезолитическом (женщины были долговечнее мужчин на 8 лет) и в двух неолитических могильниках Поднепровья. Случайны ли такие отклонения или они отражают какие-то особенности хозяйственно-культурных укладов, способст-

вовавшие продлению жизни женщин, прояснится только после получения более многочисленных сведений о могильниках с подобной половозрастной структурой.

Материалом основного исследования послужили черепа из пяти мужских и двух женских погребений. Индивидуальные и средние размеры приведены в табл. 3.

Мужские черепа отличаются крупными размерами, развитым рельефом в области глабеллы и надбровья, умеренно выступающим наружным затылочным бугром и не очень большими сосцевидными отростками. Продольный диаметр варьирует от средних (179 мм) до очень больших (199 мм) величин. Поперечный диаметр средний, но встретились черепа с малым (136 мм) и очень большим (152 мм) его значением. Высота черепной коробки маленькая (112 мм от уровня порионов). Распределение по черепному указателю следующее: три черепа долихокранные, один мезокранный, один брахикранный. Лоб широкий, выпуклый. Лицо очень широкое в верхней части (112 мм), мезопрозопное. Как и многие признаки лицевой части, углы горизонтальной профилировки были измерены на одном черепе (погр. 3, костяк а). Они свидетельствуют о некоторой уплощенности лица на уровне орбит (назомалярный угол составляет 144°) и об умеренно профилированной его средней части (зигомаксиллярный угол — 131°). Ширина орбит варьирует от 40,5 до 47,4 мм, есть низкие (31 мм) и высокие (36,8 мм) орбиты. Сочетание таких размеров обусловливает мезоконхную форму глазницы. Высота носа в среднем большая (53,9 мм), а ширина в одном случае большая (26,5 мм), в другом — очень малая (21,0 мм). По широтно-продольному указателю нос платиринный (череп 3а). Переносье умеренно высокое.

Нижней челюсти присущи некоторые архаические черты: очень большая длина от углов (86,0 мм), малый наклон восходящей ветви (113°) и большая ее ширина.

На обоих женских черепах лицевая часть не сохранилась. Черепные коробки длинные (продольный диаметр достигает 185 и 181 мм). Одна из них (погр. 13) долихокранная, другая (погр. 18) — мезокранная, очень высокая. Лоб в обоих случаях среднеширокий, прямой. Нижняя челюсть из погр. 13 отличается большой массивностью. Челюсть из погр. 18 имеет небольшую толщину и высоту симфиза.

Остеологический материал еще более фрагментарен, чем краниологический. Основные размеры длинных костей свидетельствуют о не столь резко выраженной массивности строения тела представителей культуры Средний Стог II по сравнению с их предшественниками — людьми днепро-донецкой культуры (табл. 4).

Длина тела могла быть определена по одному женскому (погр. 13) и одному мужскому (погр. 17) скелетам. Рост этих людей в современном масштабе был средним или выше среднего (табл. 4).

Анализ игренской краниологической серии показал, что черепа в целом обладают чертами большой европеоидной расы. При изучении индивидуальной вариации основных антропологических признаков была выявлена значительная их изменчивость в мужской серии. Это подтверждают средние квадратические отклонения продольного и поперечного диаметров, высоты и ширины орбиты, ширины носа, черепного и лобно-поперечного указателей, превышающие стандартные величины. Фрагментарность многих признаков не позволяет, к сожалению, определить характер корреляционных связей между ними.

Попытаемся определить место игренских черепов среди краниологических серий иных могильников среднестоговской культуры — Александрийского, Дереивки 2, Каменных Потоков. Эти могильники представляют собой ближайшую аналогию с Игренским по археологическим данным (обряд погребения, инвентарь и др. [14, с. 113—115], табл. 5).

Сравнение мужских черепов из Игрени с серией из Александрийского могильника выявило некоторые различия в форме мозговой коробки (у черепов из Александрии продольный диаметр в среднем оказался больше на 8,4 мм) и пропорциях лица. Александрийские черепа имеют

Таблица 3

Индивидуальные и средние размеры черепов из Игренского энеолитического могильника

Признаки (№ по Мартину)	Мужские					M(n) *	Женские		M(n)
	45—55 лет	30—35 лет	35—40 лет	18 лет	40—45 лет		45—50 лет	34—45 лет	
	погр. № 2а	№ 3а	№ 5а	№ 7	№ 11		№ 13	№ 18	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	187	179	183	199?	189	187,4(5)	185	181	183,0(2)
1в. Продольный диаметр от офриона	182	174	176	196?	186	182,8(5)	180	180	180,0(2)
1—1в. Разница продольных диаметров	5	5	7	3?	3	4,6(5)	5	1	3,0(2)
8. Поперечный диаметр	136	140	152	140	139	141,4(5)	136	143?	139,5(?)
17. Высотный диаметр базионбрегма	—	—	—	—	—	—	—	146	146,0(2)
9. Наименьшая ширина лба	97	96	104	109	103	101,8(6)	97	95	96,0(2)
10. Наибольшая ширина	109	120	121	126	118	118,8(5)	117	115	116,0(2)
11. Ширина основания черепа	—	125	—	—	128	126,5(2)	—	118	118,0(1)
12. Ширина затылка	—	107	122	—	106	111,7(3)	102	114	108,0(2)
29. Лобная хорда	109	107	123	118	114	114,2(6)	110	—	110,0(1)
30. Теменная хорда	114	113	110	118	118	114,6(5)	109	121	115,0(2)
31. Затылочная хорда	—	102	—	—	95	98,5(2)	—	99	99,0(1)
23а. Горизонтальная окружность через офрион	—	515	535	—	527	525,7(3)	509	510	509,5(2)
24. Поперечная дуга порионбрегма — порион	—	317	—	—	310	313,5(2)	—	315	315,0(1)
25. Сагиттальная дуга	—	382	—	—	390	386,0(2)	—	—	—
26. Лобная дуга	125	125	145	135	137	133,4(5)	123	—	123,0(1)
27. Теменная дуга	125	132	130	130	133	130,0(5)	122	140	131,0(2)
28. Затылочная дуга	—	125	—	—	120	122,5(2)	—	115	115,0(1)
20. Ушная высота	—	112	—	—	112	112,0(2)	—	112	112,0(1)
7. Длина затылочного отверстия	—	—	37,2	—	—	37,2(1)	—	38	38,0(1)
16. Ширина затылочного отверстия	—	—	32,0	—	—	32,0(1)	—	31	31,0(1)
FS. Высота изгиба лба	—	32,6	30,0	—	27,0	29,9(3)	—	—	—
OS. Высота изгиба затылка	—	28,0	—	—	29,0	28,5(2)	—	20	20,0(1)
Надпереносье (1—6) по Мартину	—	6	6	2	4	4,5(4)	4	1	2,5(2)
Надбровные дуги (1—3)	—	2—3	2—3	1	2	2,0(4)	2	1	1,5(2)
Наружный затылочный бугор (по Брока)	4	3	2	—	4	3,3(4)	1?	1	1,0(2)

Продолжение табл. 3

Признаки (№ по Мартину)	Мужские					M(n) *	Женские		M(n)
	45—55 лет	30—35 лет	35—40 лет	18 лет	40—45 лет		45—50 лет	34—45 лет	
	погр. № 2а	№ 3а	№ 5а	№ 7	№ 11		№ 13	№ 18	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сосцевидный отросток (1—3)	—	2	3	1	2	2,0(4)	2	1	1,5(2)
8 : 1. Черепной указатель	72,7	78,2	83,1	70,4	73,5	75,6(5)	73,5	79,0	76,2(2)
17 : 1. Высотно-продольный указатель I	—	—	—	—	—	—	—	80,7	80,7(1)
17 : 8. Высотно-поперечный указатель I	—	—	—	—	—	—	—	102,1	102,1(1)
20 : 1. Высотно-продольный указатель II	—	62,6	—	—	59,3	61,0(2)	—	64,1	64,1(1)
20 : 8. Высотно-поперечный указатель II	—	80,0	—	—	80,6	80,3(2)	—	81,1	81,1(1)
1 : 25. Продольно-сагиттальный	—	46,9	—	—	48,5	47,7(2)	—	—	—
$\frac{29+30+31}{1}$ Суммы трех хорд	—	179,9	—	—	173,0	176,5(2)	—	—	—
12 : 9. Затылочно-лобный	—	111,5	117,3	—	102,9	110,6(3)	105,2	120,0	112,6(2)
12 : 10. Затылочно-корональный	—	89,2	100,8	—	89,8	93,3(3)	87,2	99,1	93,2(2)
27 : 26. Дуговой теменно-лобный	100,0	105,6	89,7	96,3	97,1	97,7(5)	99,2	—	99,2(1)
28 : 26. Дуговой затылочно-лобный	—	100,0	—	—	87,6	93,8(2)	—	—	—
28 : 27. Дуговой затылочно-теменной	—	94,7	—	—	90,2	92,5(2)	—	82,1	82,1(1)
9 : 10. Лобный указатель	89,0	80,0	86,0	86,5	87,3	85,8(5)	82,9	82,6	82,8(2)
9 : 8. Лобно-поперечный	71,3	68,6	68,4	77,9	74,1	72,1(5)	71,3	66,4	68,9(2)
29 : 26. Указатель изгиба лобной кости	87,2	85,6	84,8	87,4	83,2	85,6(5)	89,4		89,4(1)
FS : 29. Указатель высоты изгиба лба	—	30,5	24,4	—	23,7	26,2(3)	—	—	—
30 : 27. Указатель изгиба теменной кости	91,2	85,6	84,6	90,8	88,7	88,2(5)	89,3	86,4	87,9(2)
31 : 28. Указатель изгиба затылка	—	81,6	—	—	79,2	80,4(2)	—	86,1	86,1(1)
OS : 31. Указатель высоты изгиба затылка	—	27,5	—	—	30,5	29,0(2)	—	20,2	20,2(1)
16 : 7. Указатель затылочного отверстия	—	—	86,5	—	—	86,5(1)	—	81,6	81,6(1)
45. Скуловой диаметр	—	134	—	—	—	134,0(1)	—	—	—
48. Верхняя высота лица	—	72	72	—	—	72,0(2)	—	—	—
47. Полная высота лица	—	119?	—	—	—	119,0(1)	—	—	—
43. Верхняя ширина лица	—	109	115	—	—	112,0(2)	—	—	—
46. Средняя ширина лица	—	99	—	92?	—	95,5(1)	—	—	—
61. Ширина альвеолярной дуги	—	—	—	63,0	—	63,0(1)	—	—	—
63. Ширина нёба	—	—	—	30	—	30,0(1)	—	—	—
55. Высота носа	—	51,5	56,3	—	—	53,9(2)	—	—	—
54. Ширина носа	—	26,5	—	21,0	—	23,8(2)	—	—	—

Продолжение табл. 3

Признаки (№ по Мартину)	Мужские					M(n) *	Женские		M(n)
	45—55 лет	30—35 лет	35—40 лет	18 лет	40—45 лет		45—50 лет	34—45 лет	
	погр. № 2а	№ 3а	№ 5а	№ 7	№ 11		№ 13	№ 18	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
51. Ширина орбиты от максилло-фронтале	–	40,5	47,4	41,5	–	43,1(3)	–	–	–
52. Высота орбиты	–	31,0	36,8	–	–	33,9(2)	–	–	–
– Нижний край грушевидного отверстия	–	anthr	anthr	anthr		–	–	–	–
– Передненосовая кость (1–5 по Брока)	–	3	3	3	–	3,0(3)	–	–	–
– Глубина клыковой ямки	–	–	6,0	6,0	–	6,0(2)	–	–	–
Бималярная ширина fmo – fmo	–	101,5	109,0	–	–	105,3(2)	–	–	–
Высота назиона над fmo – fmo	–	16,5	–	–	–	16,5(1)	–	–	–
Зигомаксиллярная ширина	–	97,8	–	–	–	97,8(1)	–	–	–
Высота субспинальной точки над зигомаксиллярной хордой	–	22,0	–	–	–	22,0(1)	–	–	–
SC.(57). Симотическая ширина	–	10,5	–	–	–	10,5(1)	–	–	–
SS. Симотическая высота	–	5,0	–	–	–	5,0(1)	–	–	–
MC(50). Максиллофронтальная ширина	–	22,3	–	–	–	22,3(1)	–	–	–
MS. Максиллофронтальная высота	–	8,0	–		–	8,0(1)	–	–	–
Высота изгиба скуловой кости (по By)	–	9,0	7,0		–	8,0(2)	–	–	–
Ширина скуловой кости (по By)	–	51,0	54,0		–	52,5(2)	–	–	–
Назомалярный угол	–	144	–		–	144,0(1)	–	–	–
Зигомаксиллярный угол	–	131	–		–	131,0(1)	–	–	–
47 : 45. Лицевой указатель	–	88,8	–		–	88,8(1)	–	–	–
48 : 45. Верхний лицевой указатель	–	53,7	–		–	53,7(1)	–	–	–
52 : 51. Орбитный указатель	–	76,5	77,6		–	77,1(2)	–	–	–
54 : 55. Носовой указатель	–	51,5	–		–	51,5(1)	–	–	–
SS : SC. Симотический указатель	–	47,6	–		–	47,6(1)	–	–	–
45 : 8. Горизонтальный черепно-лицевой указатель	–	95,7	–		–	95,7(1)	–	–	–

Окончание табл. 3

Признаки (№ по Мартину)	Мужские					M(n) *	Женские		M(n)
	45—55 лет	30—35 лет	35—40 лет	18 лет	40—45 лет		45—50 лет	34—45 лет	
	погр. № 2а	№ 3а	№ 5а	№ 7	№ 11		№ 13	№ 18	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
MS : 50. Максиллофронтальный указатель	–	35,9	–		–	35,9(1)	–	–	–
9 : 45. Лобно-скуловой	–	71,6	–	–	–	71,6(1)	–	–	–
10 : 45. Корональио-скуловой	–	89,6	–	–	–	89,6(1)	–	–	–
66 : 9. Челюстно-лобный	–	116,7	–	–	–	116,7(1)	111,3	–	111,3(1)
48 : 46. Верхний срединицевой	–	72,7	–	–	–	72,7(1)	–	–	–
66 : 45. Челюстно-скуловой	–	83,6	–	–	–	83,6(1)	–	–	–
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	–	109	–	–	–	109,0(1)	–	–	–
79. Угол ветви нижней челюсти	–	113	–	–	–	113,0(1)	–	–	–
68. Длина нижней челюсти от углов	–	86	–	–	–	86,0(1)	–	–	–
70. Высота ветви	–	66	–	–	–	66,0(1)	–	–	–
71а. Наименьшая ширина ветви	–	36,3	–	–	–	36,3(1)	33,0	–	33,0(1)
65. Мыщелковая ширина	–	117	–	–	–	117,0(1)	–	–	–
66. Угловая ширина	–	112	–	–	–	112,0(1)	108	–	108,0(1)
67. Передняя ширина	–	45	50	47	–	47,3(3)	45	48	46,5(2)
69. Высота симфиза	–	35	33	32	–	33,3(3)	36	28	32,0(2)
69(1). Высота тела	–	34	33	32	–	33,0(3)	32	29	30,5(2)
69.(3). Толщина тела	–	12	15	11	–	12,7(3)	13	11	12,0(2)
С. Угол выступания подбородка	–	73	64	–	–	68,5(2)	–	–	–
66 : 68. Нижнечелюстной широтно-продольный указатель	–	130,2	–	–	–	130,2(1)	–	–	–
71а : 70. Указатель ветви нижней челюсти	–	54,5	–	–	–	54,5(1)	–	–	–
69(3) : 69(1). Толщина нижней челюсти	–	35,3	45,5	34,4	–	38,4(3)	40,6	37,9	39,3(2)
66 : 65. Нижнечелюстной широтный	–	95,7	–	–	–	95,7(1)	–	–	–

Таблица 4

Основные размеры длинных костей и рост погребенных в Игренском могильнике и сравнительные данные [9, 13]

Признак	Мужские			Женские		
	Игрень, Средний Стог II	днепро-донецкая культура [13]	Выхватинцы, позднее Триполье [9]	Игрень, Средний Стог II	днепро-донецкая культура [13]	Выхватинцы, позднее Триполье [9]
Бедренная кость:						
1. Наибольшая длина	–	471,9(35)	446,0(6)	414,0(1)	438,8(19)	423,3(3)
8. Окружность середины диафиза	95,7(3)	98,6(35)	86,4(7)	86,5(2)	86,6(20)	78,3(3)
Большая берцовая кость:						
1. Полная длина	–	398,0(24)	374,6(5)	340,0(1)	362,8(13)	341,5(2)
10б. Наименьшая окружность диафиза	80,0(2)	83,9(25)	74,0(5)	73,0(2)	75,4(13)	68,0(3)
Плечевая кость:						
1. Наибольшая длина	327,0(1)	339,2(22)	321,2(6)	–	320,1(10)	310,0(2)
7. Наименьшая окружность диафиза	70,3(3)	72,8(26)	64,7(6)	–	64,8(11)	58,5(2)
Лучевая кость:						
1. Наибольшая длина	252,0(1)	262,1(15)	252,0(3)	–	237,1(9)	235,5(2)
Рост, см:						
По формуле Дебеца (1971)	–	173,3	165,5	161,4	162,0	157,7
По формулам Пирсона и Ли	166,5	–	165,6	154,2	–	154,9
По формулам Троттер и Глезер	174,0	–	168,9	158,0	–	160,4

Таблица 5

Средние размеры мужских черепов из могильников культуры Средний Стог II и погребений новоданиловского культурного типа

№ по Мартину	Признак	Культуры и культурные типы						
		Средний Стог II			M(n)	новоданиловский тип		M(n)
		Игрень	Александрия	Каменные Потоки		мариупольский (п. 21)	ворошиловградский (п. 21)	
1	Продольный диаметр	187,4(5)	195,8(8)	210,5(2)	195,0(15)	194,5(2)	194,0(3)	194,2(5)
8	Поперечный диаметр	141,4(5)	141,6(8)	145,5(2)	142,1(15)	143(2)	145,2(3)	145,0(5)
20	Ушная высота	112,0(2)	119,8(8)	121(1)	118,5(11)	124,5(2)	117,5(2)	120,8(4)
9	Наименьшая ширина лба	101,8(5)	99,5(8)	105,5(2)	101,1(15)	98,5(2)	108,3(2)	103,4(4)
45	Скуловой диаметр	134(1)	140,1(8)	140(1)	139,5(10)	148,5(2)	145,5(2)	147,0(4)
48	Верхняя высота лица	72,0(2)	69,4(8)	72(2)	70,3(12)	71(1)	68(1)	69,5(2)
54	Ширина носа	23,8(2)	25,5(8)	23,5(2)	24,9(12)	28,0(1)	24,0(1)	26,0(2)
52	Высота орбиты	33,9(2)	31,6(8)	31,5(2)	31,9(12)	37,0(1)	33,8(3)	34,6(4)
77	Назомалярный угол	144(1)	139,3(8)	145(1)	140,3(10)	142,5(2)	138,6(1)	141,2(3)
	Зигомаксиллярный угол	131(1)	126,4(8)	130(1)	127,2(10)	132(1)	137(1)	134,5(2)
8 : 1	Черепной указатель	75,6(5)	72,5(8)	66,0(2)	72,8(15)	73,5(2)	74,9(3)	74,4(5)
48 : 45	Верхнелицевой указатель	53,7(1)	49,6(8)	52,1(1)	50,2(10)	45,8(1)	48,9(1)	47,4(2)
54 : 55	Носовой указатель	51,5(1)	49,7(8)	46,6(2)	49,3(11)	51(1)	48(1)	49,5(2)
52 : 51	Орбитный указатель	77,1(2)	73,5(8)	67,8(2)	73,2(12)	72,9(1)	75,6(3)	74,9(4)

более широкое лицо и низкие орбиты. Сопоставление этих групп по комплексу признаков с помощью критерия X^2 показало, что эти различия носят случайный характер (мера совпадения P соответствует 0,50).

Женские черепа из Игренского и Александрийского могильников обнаруживают большее сходство в строении мозгового отдела, чем мужские черепа из этих могильников, что хорошо подтверждается статистически (мера совпадения P соответствует 0,90).

Различия, наблюдающиеся между мужскими черепами из Каменных Потоков и Игрени, носят примерно такой же характер и направленность, как и отмеченные отличия игренских черепов от александрийских, но выражены они несколько сильнее. Однако, принимая во внимание ограниченное количество черепов и плохую их сохранность, эти отличия следует рассматривать как выражение большой внутригрупповой изменчивости признаков у среднестоговских черепов, а сравниваемые группы считать на данном этапе изучения вариантами единого, относительно гомогенного морфологического типа носителей культуры Средний Стог II, погребенных в могильниках Александрии, Каменных Потоков и Игрени. В действительности александрийские черепа в целом обладают комплексом признаков, характерным как для черепов из Каменных Потоков, так и для игренских.

Определим место среднестоговской серии среди синхронных краниологических материалов этой же территории. Наиболее близкими к антропологическому типу среднестоговцев оказываются черепа из погребений новоданиловского типа из Мариупольского и Ворошиловградского могильников. Сход-

ство их строения проявляется сильнее, чем различия, и подтверждается статистически (мера совпадения P соответствует 0,75). Новоданиловские черепа лишь несколько более долихокранны, скуловой диаметр у них (147 мм) на 7,5 мм больше, чем у среднестоговцев.

Среднестоговское и близкое к нему население, оставившее памятники новоданиловского типа, имеет признаки, характерные для протоевропеоидного типа. У них крупные, в основном долихокранные мозговые коробки большой высоты и широкие или среднеширокие (редко узкие) лица, часто весьма уплощенные в верхней части и сильнее профилированные на уровне зигомаксиллярного угла. Орбиты низкие, реже средневысокие (Игрень), нос чаще широкий, резко выступающий. Нижняя челюсть массивная.

Синхронное среднестоговскому трипольское население обладало совсем иным комплексом признаков, имеющим прежде всего сильную средиземноморскую основу. Такие признаки, как узкое, сильно профилированное лицо, небольшая, умеренно долихокранная невысокая черепная коробка, сразу же позволяют исключить их носителей из круга близких антропологических типов среднестоговцев. О реальности различий между ними по системе признаков с большой долей уверенности (P соответствует 0,05) позволяет говорить проведенный количественный анализ.

Процесс генезиса среднестоговцев, очевидно, следует связывать с племенами днепро-донецкой культуры, населявшими в неолите территорию Надпорожья — Приазовья и выделенными И. И. Гохманом [15, с. 171—175] в надпорожско-приазовский вариант протоевропейского типа. Сопоставление методом X^2 выявляет высокую вероятность их сходства ($P=0,95$). Среднестоговские черепа обладают такими же крупными размерами мозговой коробки, развитым рельефом. При этом у них наблюдается тенденция к уменьшению широколицести и общей массивности, а также к ослаблению профилировки в области назомалярного угла по сравнению с черепами носителей днепро-донецкой культуры. Правда, наличие последнего признака зафиксировано и на отдельных группах надпорожцев. Так, в серии из Васильевки II И. И. Гохман отмечает у половины черепов весьма сильную уплощенность верхней части лица (назомалярный угол больше 144°).

Таким образом, пропорции черепа и костей посткраниального скелета людей культуры Средний Стог II позволяют предполагать, что среднестоговская популяция сложилась на основе надпорожско-приазовского варианта. Причем такие особенности этого типа, как массивность и большая ширина лица, несколько ослабели на черепах носителей культуры Средний Стог II. Это могло произойти как в процессе эпохальной изменчивости, так и в результате участия в их сложении более грацильного компонента.

Следует добавить, что круг близких среднестоговцам форм не ограничивается территорией Украины. Сходным комплексом признаков (мера их совпадения соответствует 0,75) обладало также ранненеолитическое население Восточной Прибалтики, представленное краниологической серией могильника Звейниеки [16, с. 50—57]. Однако отмеченное сходство, по мнению Р. Я. Денисовой, недостаточно для вывода о генетическом родстве племен раннего неолита Восточной Прибалтики и среднестоговской культуры.

Большой интерес представляет вопрос о дальнейшем развитии среднестоговской популяции. Среди населения, сменившего среднестоговское и частично синхронного ему, наиболее близкими антропологически являются носители древнеямной культуры. Весьма вероятными преемниками антропологических черт среднестоговских племен были люди, погребенные в районах Криворожья (группа скорченных на спине скелетов) и Никополь-Михайловки [17, с. 101]. Хотя между древнеямными и среднестоговскими черепами имеется ряд существенных различий (у ямников значительно более узкое и неуплощенное лицо, более наклонный лоб и др.), один из выделенных С. И. Круц исходных для ямников антропологических типов (тип II, древнейший протоевропеоидный) по многим

признакам близок к типу среднестоговцев, в особенности погребенных в Игренском могильнике. Сопоставление древнеямных (тип II) и среднестоговских черепов с помощью критерия X^2 показывает, что различия между ними носят случайный характер (P соответствует 0,75). Таким образом, новые материалы говорят в пользу высказывавшихся ранее предположений [3, 17, с. 133] о генетическом вкладе племен культуры Средний Стог II в формирование некоторых групп древнеямного населения.

Дальнейшее изучение антропологического состава среднестоговцев на более широком материале позволит увереннее решать вопросы их происхождения, а также этнических взаимоотношений племен в эпоху неолита и меди — бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добровольский А. В.* Восьма Ігренська неолітична стоянка.— АП, 1949, т. 2.
2. *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу.— Тр. ИЭ, 1955, вып. 28.
3. *Сурнина Т. С.* Палеоантропологические материалы из Александрийского энеолитического могильника.— Тр. ИЭ, 1963, вып. 82.
4. *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967.
5. *Гохман И. И.* Антропологический материал из Мариупольского могильника.— Сов. антропология, 1959, № 2.
6. *Потехина И. Д.* Черепа из энеолитического могильника в г. Ворошиловграде.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.
7. *Телегин Д. Я., Зализняк Л. Л.* Отчеты о работе экспедиций Днепр — Донбасс, Степной неолитической и «Славутич» в 1974—1978 гг. Архив ИА АН УССР, № 1974/17, 1975/4, 1976/3, 1978/7.
8. *Потехина И. Д.* К вопросу о продолжительности жизни человека каменного века на Украине.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1981.
9. *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975.
10. *Алексеев В. П.* Палеоантропология СССР.— СА, 1972, № 1.
11. *Алексеев В. П.* Вектор времени в таксономическом континууме.— ВА, 1975, № 49.
12. *Genoves S.* Estimation of Age and Mortality.— In: Science in Archaeology. New York — Washington, 1970.
13. *Дебец Г. Ф.* О физическом типе населения днепро-донецкой культуры.— СА, 1966, № 1.
14. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка, 1973.
15. *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966.
16. *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975.
17. *Круц С. И.* Население территории Украины эпохи меди — бронзы. Киев: Наукова думка, 1972.

I. D. Potekhina

ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SREDNIY STOG-II POPULATION

Summary

The author cites data on sculls (Table 3) and bones of a postcranial skeleton (Table 4) from a Sredniy Stog burial ground on Igren 8 site on the Dnieper. Demographic analysis of the Igren population has led the author to conclude that the life span was short (26.7 years) being 35.8 years for men and 43.6 years for women. Intergroup analysis testify to the relative homogeneity of the population whose genesis should evidently be associated with the Dnieper-Donetsk culture tribes. The new materials support the hypothesis on the genetic contribution of the Sredniy Stog-II tribes into the formation of some groups of ancient pit-grave population on the Ukrainian territory.

СТЕФАНОВ В. И., ДНЕПРОВ С. А., КОРОЧКОВА О. Н.

КУРГАНЫ ФЕДОРОВСКОГО ТИПА МОГИЛЬНИКА УРЕФТЫ I

Курганная группа Урефты I находится в 12 км к северу от Челябинска на пологом южном берегу оз. Урефты. Она включала 17 насыпей, расположенных тремя группами на площади около 25 тыс. м², на расстоянии 0,3—0,5 км от воды. Данный участок береговой террасы, по-видимому, прежде не распахивался. Северо-западная группа включала четыре насыпи; две из них были полностью разрушены в результате прокладки магистрального трубопровода, две оставшиеся в 1979 г. были исследованы Г. В. Бельтиковой [1, с. 13—25]. В 1980 г. С. А. Днепровым были раскопаны все пять курганов юго-восточной группы. Центральная группа из восьми насыпей, расположенная на расстоянии соответственно 70 и 50 м от двух первых, осталась неисследованной.

В ходе раскопок выяснилось, что некоторые курганы были возведены на окраине ранних стоянок, в их насыпях (кург. I, III, V, VII) попадались фрагменты керамики эпохи ранней бронзы, кости животных и куски расколотой яшмы. Раскопки показали также, что могильник состоит из разнокультурных погребальных комплексов.

В земляном кургане II (северо-западная группа) обнаружено 17 погребений и найдено более 70 целых и раздавленных сосудов, алакульская принадлежность которых не вызывает сомнения [1, с. 15—25].

Особого внимания заслуживают погребальные сооружения, скрытые под оплывшими насыпями кургана I (северо-западная группа) и курганов III—VII (юго-восточная группа). Они отличались сложными конструкциями и содержали немногочисленные, но достаточно выразительные материалы, позволившие отнести данные объекты к федоровской культуре.

В кургане I диаметром 12 и высотой до 0,7 м под насыпью находилась кольцевая каменная оградка (рис. 1). Внутренний диаметр кольца — 7,0—7,2, ширина — 0,8—1,5, высота — 0,45 м. Оградка сложена на древней поверхности из больших плоских плит песчаника, известняка и кварцевых глыб, положенных плашмя друг на друга или поставленных вертикально. В насыпи и под ней найдено свыше 50 фрагментов от сосудов эпохи ранней бронзы, 4 фрагмента федоровской керамики и много костей животных. В центре погребальной площадки находилась могильная яма (2,5×1,9×0,35—0,5 м) с заплечиками вдоль продольных стен, имевшая прямоугольную форму и ориентированная по линии ЗСВ — ВЮВ. Все стены ямы были обложены большими и малыми каменными плитами, поставленными на ребро; некоторые из них имели следы подтески. Сохранились остатки деревянного перекрытия — фрагменты истлевшего дерева на верхних торцах плит. В могиле (ближе к северо-западному углу) найдено 17 неорнаментированных обломков сосуда.

Курган III имел сильно оплывшую насыпь овальной формы размером 12×8 и высотой 0,4 м. Еще до раскопок на поверхности были видны отдельные камни из ограды, которая находилась под насыпью на погребенной почве. Оградка хорошо сохранилась лишь в северо-восточном секторе, здесь она имела плотную кладку из глыб кварцита и известняковых плит, положенных плашмя друг на друга в два-три яруса. В юго-восточном и юго-западном секторах следы оградки сохранились в виде отдельных скоплений из нескольких камней. В центре кургана находилась могильная яма (2,5×2,0×0,75 м) подпрямоугольной формы, ориентированная с запада на восток. Восточная стенка ямы была выложена изнутри постав-

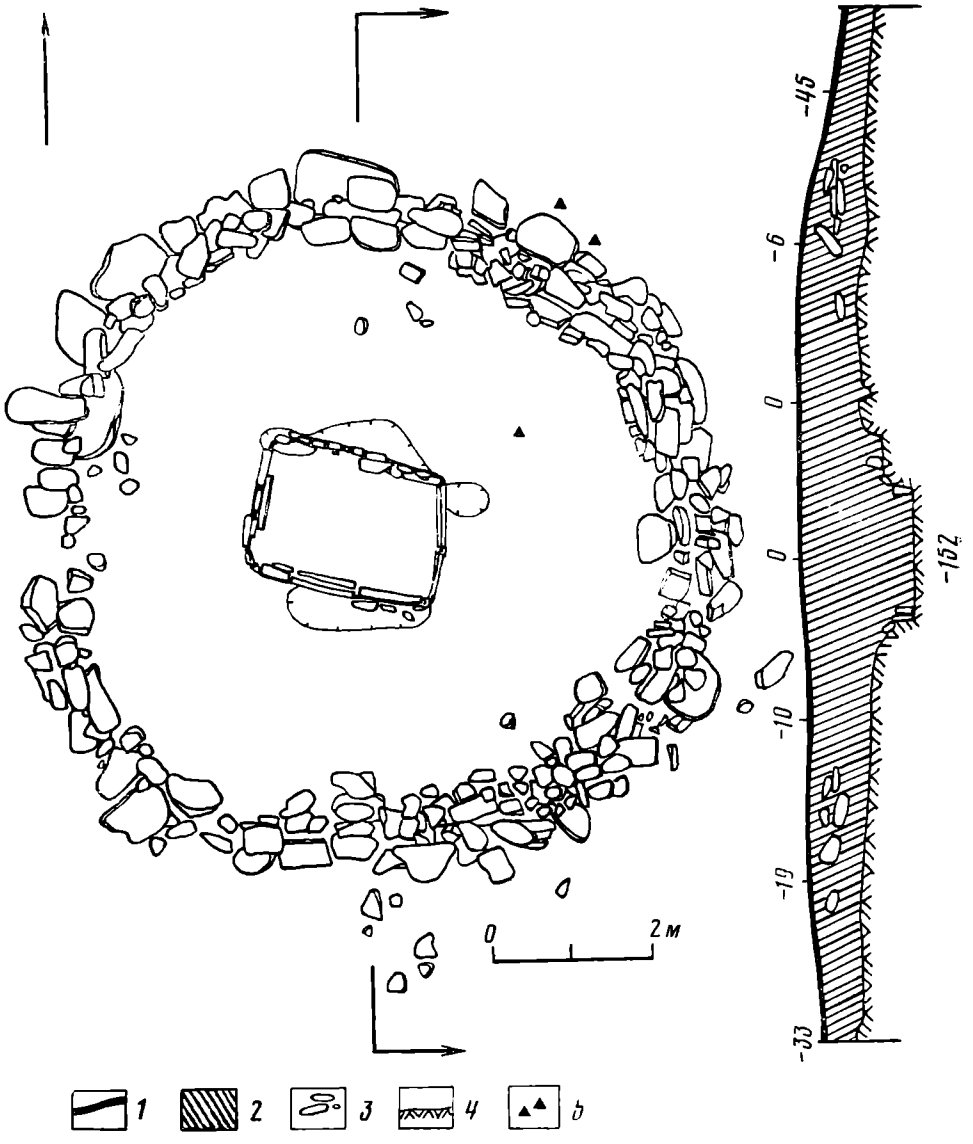


Рис. 1. Курган 1. *1* — дерн; *2* — гумусированный слой; *3* — камни; *4* — материковый суглинок; *5* — фрагменты федоровской керамики

ленными на ребро каменными плитами; в северо-восточном углу сохранились остатки двух березовых плах, положенных в «стык» на дно могилы.

В насыпи кургана и в заполнении ямы найдено много кусов расколотой яшмы, в юго-восточном секторе кургана на глубине от 0,2 до 0,6 м обнаружено 18 обломков алакульской керамики. На дне могилы найдено 6 фрагментов, возможно, от глиняного блюда.

Курган IV, располагавшийся в 20 м к востоку, имел овальную, вытянутую с запада на восток насыпь размером 11,8×10,5 и высотой 0,6 м. Под ней находилась каменная ограда округлой формы с выступом в северо-восточном секторе, имевшая внутренний диаметр около 6,5, ширину до 1,5 и высоту 0,3—0,75 м; камни покоились на погребенной почве и кучах выкида. В насыпи найден один обломок шейки от сосуда федоровского типа. Внутри ограды находились три могилы, расположенные в ряд близко друг от друга. Яма 1 (2,3×1,6×1,27 м) имела прямоугольную форму, ориентирована по линии СЗ—ЮВ; углы и частично стены по верхнему краю и низу обложены каменными плитами. На верхних гранях некоторых из них сохранились частицы истлевшего дерева. В северном углу ямы найдены кальцинированные кости; у северо-западной стены находились два глиняных блюда и сосуд (рис. 2, *1*). Могилы 2 и 3 были сделаны в общем углублении, имевшем подпрямоугольную форму,

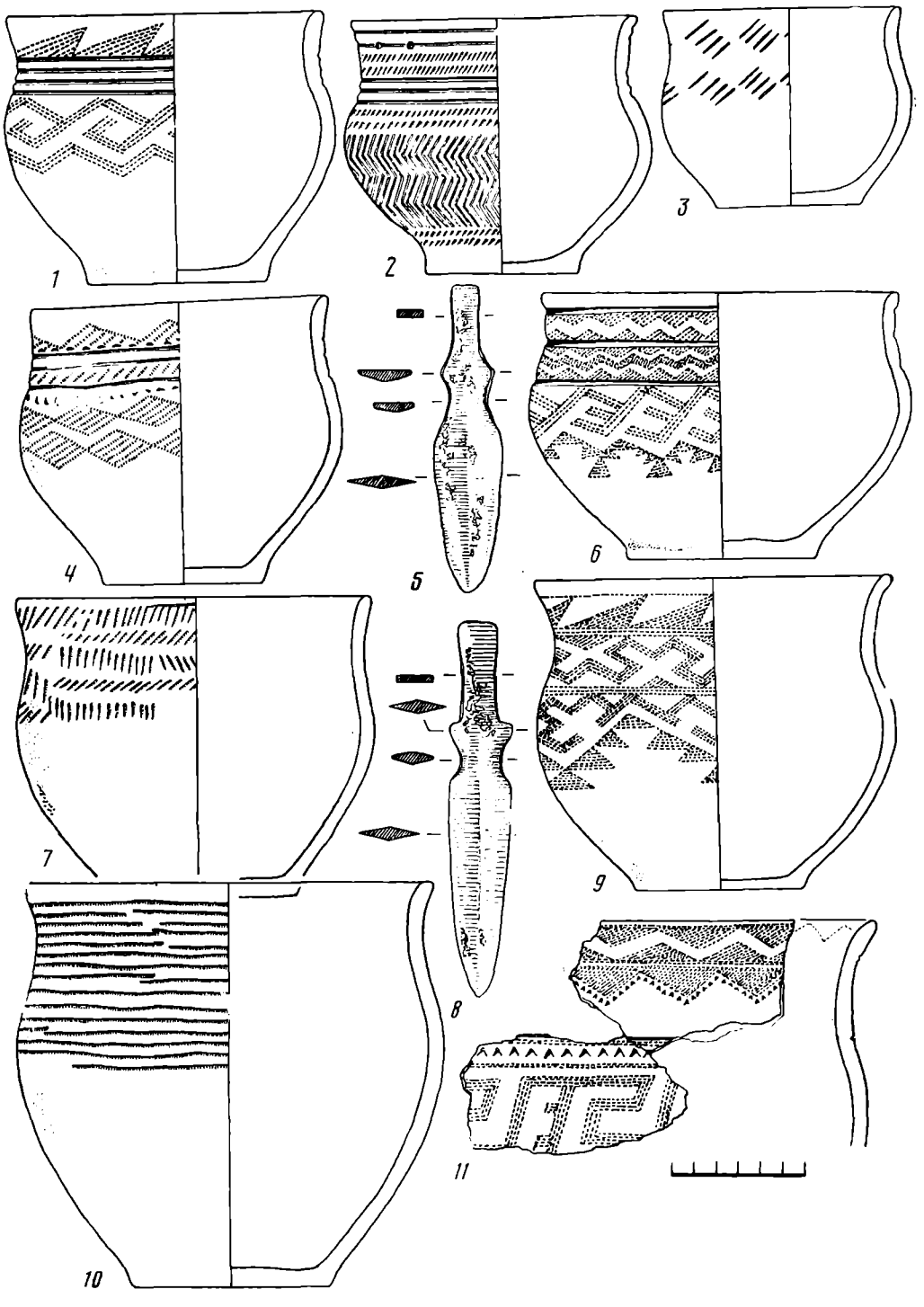


Рис. 2. Инвентарь из погребений могильника Урефты I. *1* — кург. IV; погр. 1; *2* — кург. IV, погр. 3; *3*, *9* — кург. VI, погр. 2; *4* — кург. IV, погр. 2; *5*, *7* — кург. VII, погр. 1; *6* — кург. VI, погр. 1; *8*, *10* — кург. VII, погр. 2; *11* — кург. 1

размером 2,7×1,7×1,6 м; ширина разделявшей их перемычки не превышала в основании 0,4 м. Могильная яма 2 (1,6×1,1×1,6 м) подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная по линии ЗСЗ—ВЮВ, находилась в центре погребальной площадки. На дне ямы у западной стенки находились развал сосуда и глиняное блюдо с «ушками» (рис. 2, *4*; 3, *1*), в котором лежали в анатомическом порядке три ребра от одной особи мелкого рогатого скота. Могильная яма 3 (1,65×1,2×1,53 м), примыкавшая к центральной с северной стороны, имела прямоугольную форму и была ориентирована с запада на восток. В заполнении найдены

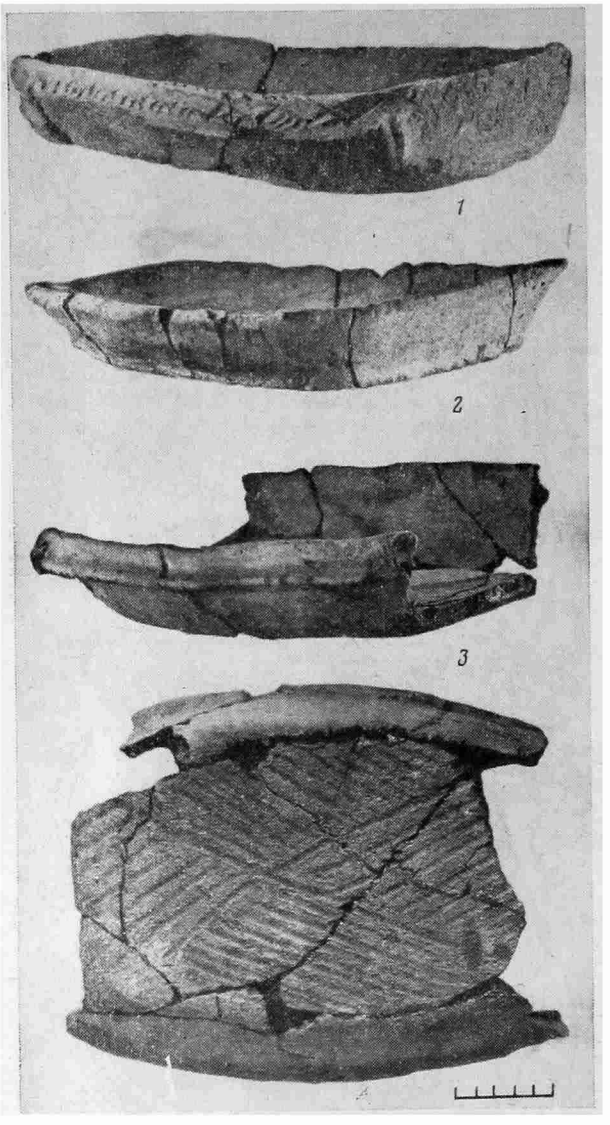


Рис. 3. Могильник Урефты I. Глиняные блюда. *1* — кург. IV, погр. 2; *2* — кург. IV, погр. 3; *3* — кург. VI, погр. 3

частицы древесного тлена, около западной стенки стояли горшок и глиняное четырехугольное блюдо (рис. 2, *2*; 3, *2*).

Курган V расположен в 30 м к северо-западу от кургана III. Под насыпью диаметром 12 и высотой 0,5 м находилась каменная оградка овальной формы, вытянутая по линии СВ—ЮЗ, имевшая внутренний диаметр 6,0×7,5, ширину около 2,0 и высоту до 0,4 м. Основание оградки покоилось на древней поверхности. В центре кургана располагалась могильная яма, к которой с юго-западной стороны примыкали несколько крупных камней. Яма неправильной формы с уступом с северной стороны (2,4×2,1××1,2 м), вытянута с запада на восток, юго-восточный и северо-западный углы облицованы известняковыми плитами. На верхнем ребре одной из плит и в заполнении ямы обнаружены остатки березовой плахи, перекрывавшей камеру по центру. В насыпи и могиле найдены расколотые куски серой и розовой яшмы, на дне ямы собрано около 20 чрезвычайно мелких фрагментов нижней половины сосуда. Курган VI (рис. 4), расположенный в 70 м к юго-западу от кургана V, имел насыпь, вытянутую с севера на юг на 13,5 м. Под ней скрывалась подчетырехугольная каменная ограда (по линии С — Ю — 11,8 м; З — В — 8,0 м, ширина свыше 1,5 м, высота около 0,5 м), сложенная на кучах выкида и древней поверхности из большого количества крупных и мелких плит, валунов, положенных плашмя друг на друга. Следует отметить некоторую разреженность каменной кладки в юго-западном углу оградки. По-видимому, с надмогильным сооружением связаны две кучи камней, примыкавшие к оградке с восточной стороны (рис. 4). В северо-восточном секторе под насыпью найден один фрагмент от сосуда федоровского облика. В кургане обнаружены три расположенные в ряд могилы. Яма 3 — ранняя из них; в профиле кургана хорошо видно, что она перекрыта слоем выкида из центрального погребения. Могильная яма 3 (2,1×1,6×1,05 м) неправильной подчетырехугольной формы, вытянута по линии З — В. Южная стенка и северо-западный угол по верхнему краю облицованы каменными плитами и валунами, в центральной части могилы находилось большое углистое пятно (0,9×0,25×0,02 м), у западной стенки стояло подчетырехугольное блюдо с «ушками» (рис. 3, *3*). Можно предположить, что могила 3 первоначально имела самостоятельное кольцо оградки, которая позднее была частично разобрана и перестроена. Каменная ограда кур-

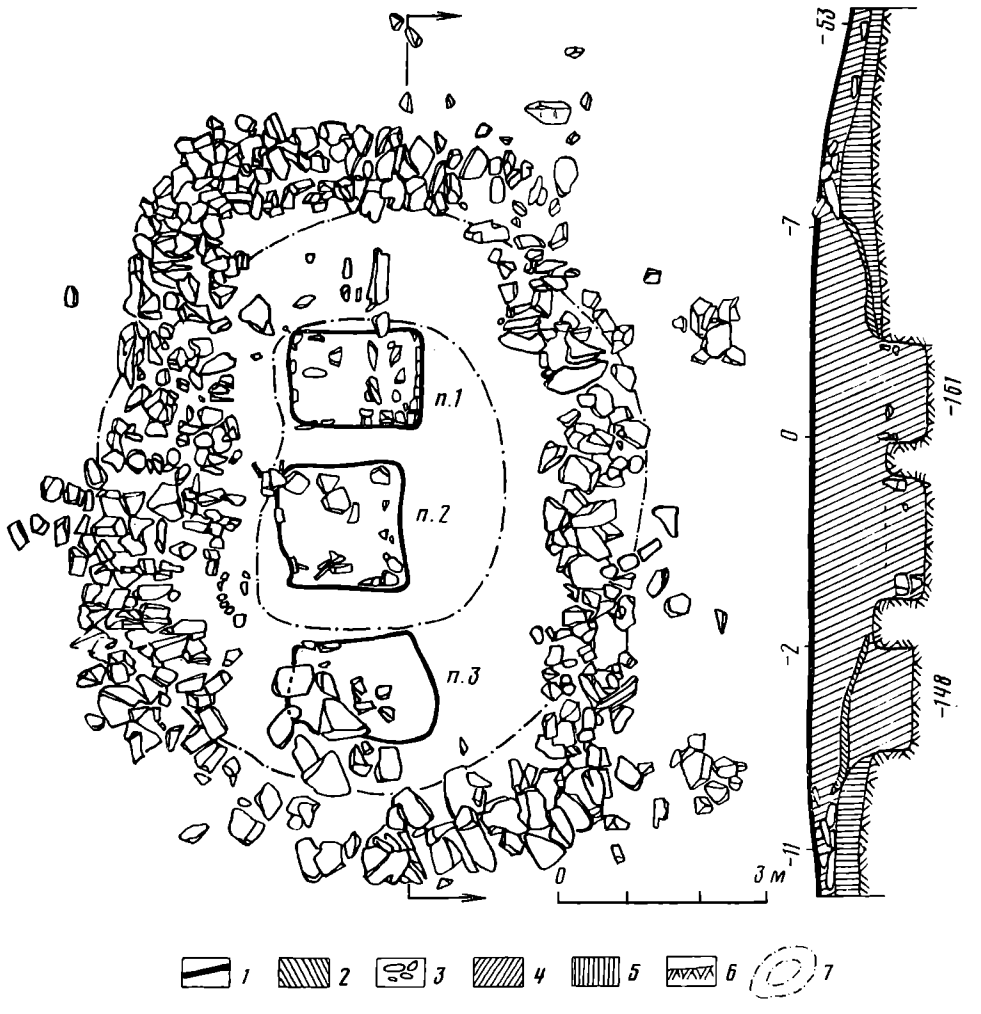


Рис. 4. Курган VI. *1* — дерн; *2* — гумусированный слой; *3* — камни; *4* — выкид; *5* — погребенная почва; *6* — материковый суглинок; *7* — границы выкида

гана VI приобрела окончательный вид после совершения захоронений в могилах 1 и 2. Центральная могила 2 (1,8×1,75×1,05 м) имела почти квадратную форму, стенами ориентирована по сторонам света. Все углы, за исключением северо-восточного, по верхнему краю обложены камнем; в юго-восточном углу и в центре ямы найдено несколько фрагментов березовых плах. В разных местах могилы на дне имелись пятна прокалов с углем; следы прокаливания обнаружены также на верхних гранях некоторых каменных плит и валунов. Около западной стены стояли два сосуда (рис. 2, *3*, *9*). Могильная яма 1 (рис. 5) прямоугольной формы, размером 2,1×1,3×1,1 м, вытянута по линии З — В. Северная и восточная стены и все углы ямы тщательно облицованы изнутри каменными плитами, некоторые камни забиты в стенки у верхнего края. Отдельные камни встречены также у южной и западной стен ямы. На многих камнях (на плоскостях, обращенных к центру могилы) имелись следы огня. Сохранились остатки перекрытия — березовые плахи, положенные поперек могильной камеры. На дне ямы обнаружено большое (1,5×0,7×0,08 м) пятно прокала с частицами угля, золой и мелкими кальцинированными косточками. В северо-восточной части пятна удалось зафиксировать остатки трех вертикально поставленных жердей, здесь же найден сосуд (рис. 2, *6*). Около западной стенки были найдены обломки глиняного блюда.

Курган VII (рис. 6), расположенный в 30 м к северу от кургана V, имел оплывшую насыпь диаметром 18 и высотой 0,6 м. Под ней находилась каменная ограда овальной формы, длина по линии С — Ю 13,6 м,

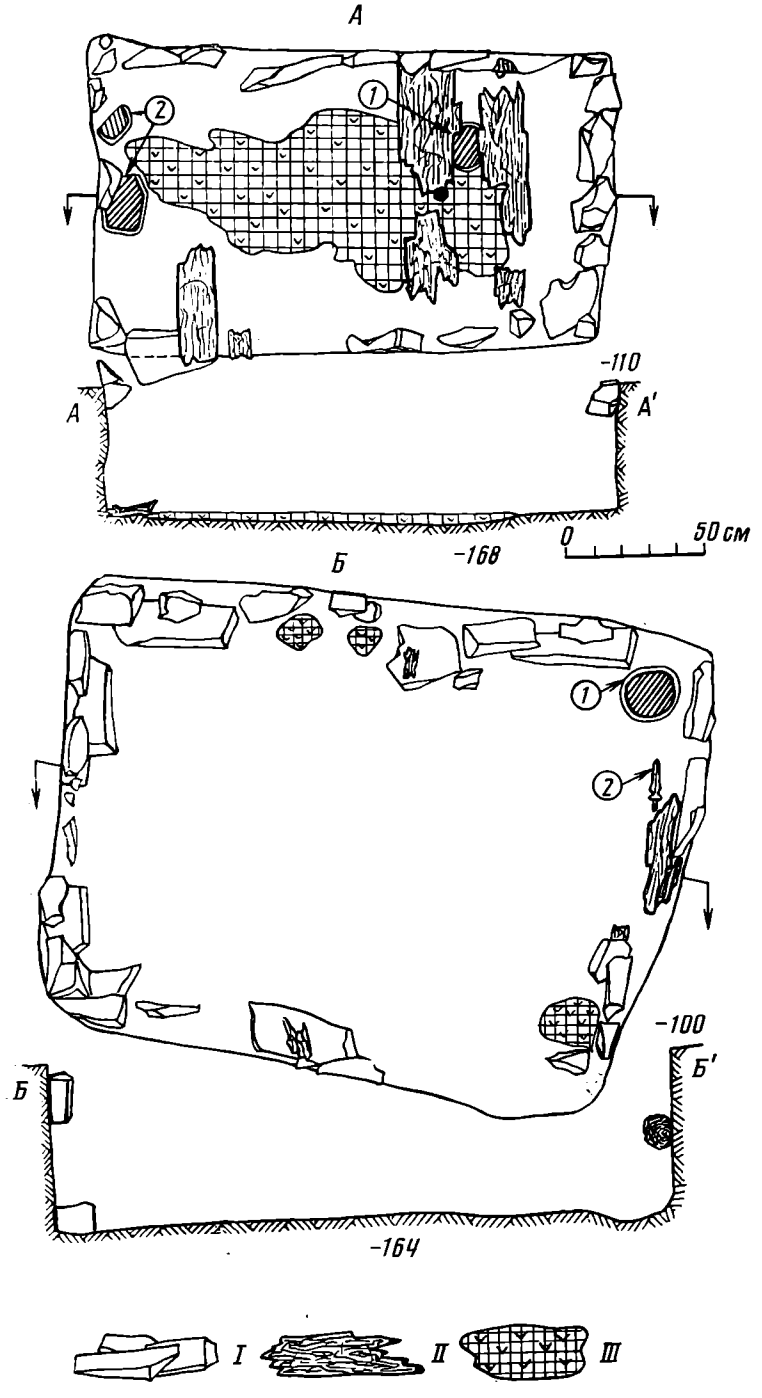


Рис. 5. Могильник Урефты I. А — кург. VI, погр. 1 (*1* — сосуд, *2* — блюдо); Б — кург. VII, погр. 2 (*1* — сосуд, *2* — нож). I — камни; II — остатки плах; III — остатки трупосожжений

ширина до 2,0 и высота 0,3—0,7 м. Ограда сложена из плотно подогнанных валунов и плит, положенных друг на друга в два-три и более ярусов, основание ее покоится на древней поверхности. В насыпи обнаружены три неорнаментированных фрагмента керамики. Курган VII содержал два, по-видимому, одновременных захоронения, которые были сделаны в общем углублении (рис. 6). Могильная яма 1 (2,6×1,8×0,9 м) подпрямоугольной формы, вытянута по линии З — В. Все углы и стены, за исключением северной, облицованы изнутри плитами; у южной стенки, кроме того, обнаружены остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально. Недалеко от их верхних торцов, на одной из плит (выше дна на 0,5 м),

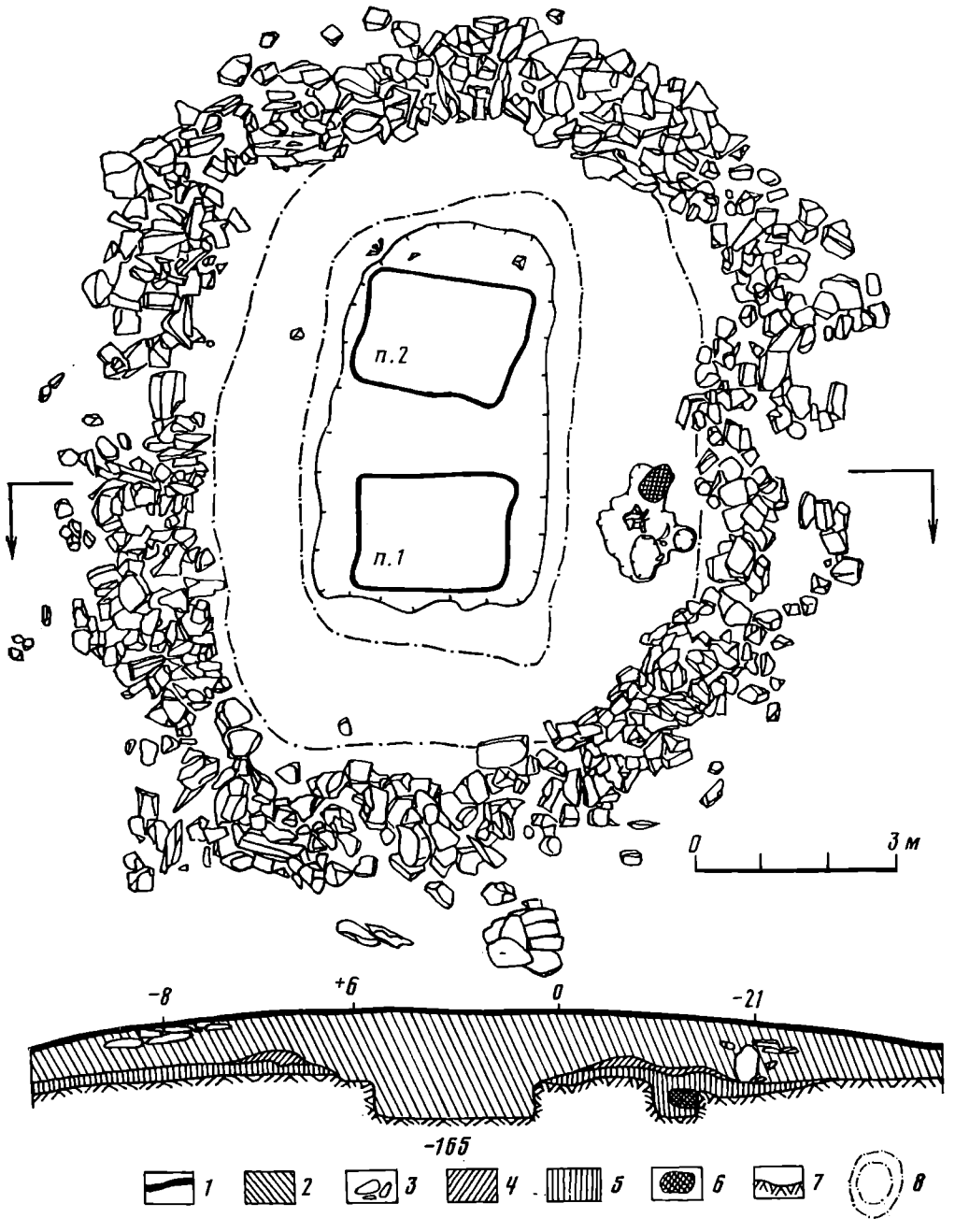


Рис. 6. Курган VII. *1* — дерн; *2* — гумусированный слой; *3* — камни; *4* — выкид; *5* — погребенная почва; *6* — прокал; *7* — материковый суглинок; *8* — границы выкида

найден бронзовый двулезвийный нож, лежавший клинком к центру ямы, а черенком упиравшийся в стенку. В северо-западном углу ямы найдены кальцинированные косточки и обломки сосуда (рис. 2, *5*, *7*). Могила 2 (2,5×1,9×0,65 м), находившаяся в 1 м к северу от первой, имела трапециевидную форму (рис. 5) и была ориентирована по линии ЗСЗ — ВЮВ. Стенки ямы облицованы камнем, у западной и восточной стен найдены остатки березовых плах. На дне около северной стенки и в юго-восточном углу находились углистые пятна с золой. В северо-восточном углу стоял сосуд, около него лежал бронзовый нож (рис. 2, *8*, *10*).

Интересный объект обнаружен под слоем выкида и погребенной почвой в 1,5 м к востоку от погребения 1. Здесь находилось углубление неправильной формы, размером 1,8×1,2×0,5 м, со следами прокала, золой, угольками и обожженными косточками в северо-восточной части; в центре ямы лежали остатки плохо сохранившейся берцовой кости шерстистого

носорога или мамонта[1]. Взаимосвязь между этим углублением и погребальными комплексами кургана VII, на наш взгляд, отсутствует.

Таким образом, в шести курганах исследовано 11 погребений. Три кургана (I, III, V) содержали по одной могиле, в кургане VII их было две, а в курганах IV и VI — по три. Рассмотренные погребальные сооружения близки по всем основным характеристикам, их объединяют подпрямоугольная форма могильных ям, преимущественная ориентировка могил по линии З — В, использование камня и дерева в устройстве могильных камер, насыпи и каменные ограды. Последние имели округлую либо овальную форму, только в одном случае оградка была подчетырехугольной (кург. VI). По-видимому, ограды возводились после того, как были вырыты могилы (в трех курганах они сложены на кучах выкида). Размеры могил неодинаковы. В большинстве случаев это большие ямы длиной от 2,1 до 2,6 м и шириной 1,6—1,9 м, две могилы можно назвать средними — 1,6×1,1 — 1,2 м (обе из кург. IV). Глубину могильных ям удавалось определить только в материке, в желтый суглинок могилы были врезаны на 0,5—1,2 м. В некоторых курганах (IV, VI, VII) могилы выкапывались в подготовленном углублении. В шести могилах сохранились остатки трупосожжений, причем в трех из них обнаружены пятна прокалов; в пяти ямах никаких следов захороненных нет.

Погребальный инвентарь присутствовал во всех могилах. В основном он представлен глиняными сосудами и блюдами, лишь в двух погребениях найдены бронзовые ножи. В ряде случаев посуда испорчена грызунами. Так, в погребениях из курганов I, III и V, сильно разрушенных норами, найдены лишь фрагменты (большей частью невыразительные) от сосудов и блюда, а в кургане VII обломки дна от сосуда из погребения 1 были вынесены почти на поверхность. В целом находок в могилах немного, размещались они преимущественно около западной стенки.

Говоря о могилах и деталях их устройства, нельзя не обратить внимания на следующие факты. Почти во всех могильных ямах (за исключением погр. 2 и 3 в кург. IV) зафиксирована частичная или сплошная облицовка стен и углов камнем. Часто стенки и углы могил облицовывались по верхнему краю, поэтому в разрезах ям хорошо видны как бы «висящие» камни (рис. 5). Каким образом они крепились к стене и почему не завалились в ямы — не ясно. Несколько забитых в стенки камней из погребения 1 кургана VI общей ситуации не меняют. Кроме того, во многих погребениях деревянные перекрытия являлись таковыми чисто символически. Трудно предположить, что одна, две или три березовые плахи могли действительно перекрыть яму размером, например, 2,5×1,9 м. Следует отметить и то, что в ряде случаев (кург. V, VI) остатки деревянного перекрытия (фрагменты березовых плах) залегали почти горизонтально либо с незначительным прогибом ко дну ямы. Отчетливых следов обрушившегося перекрытия не обнаружено ни в одном погребении. Единственное объяснение приведенным фактам заключается в том, что могилы, точнее, некоторые могилы, по-видимому, засыпались. На определенном уровне, ближе к верхнему краю, стенки засыпанной могилы обкладывались камнем, а поверх них, вдоль или поперек ямы, укладывались березовые плахи. Впрочем, иногда камни лежали на плахах. Разумеется, высказанное предположение носит в значительной степени гипотетический характер и нуждается в проверке.

Исходя из анализа надмогильных сооружений, устройства могил, способа погребения и размещения погребального инвентаря, урефтинские курганы I, III—VIII можно уверенно отнести к кругу федоровских могильников причелябинского района (Сухомесово, Смолино, Федоровский, Туктубаево и др.), для которых характерны в той или иной степени многие из перечисленных особенностей. Группа федоровских курганов могильника Урефты I выделяется среди них использованием камня в устройстве могил и оградок (почти в 100% случаев), наличием оградок

[1] Определения палеофаунистических остатков из могильника Урефты I сделаны сотрудником комплексной лаборатории археологических исследований Уральского университета П. А. Косинцевым.

с тремя погребениями и довольно большим количеством «пустых» (без останков захороненных) могил.

Обратимся к находкам. В восьми погребениях найдено восемь сосудов, шесть глиняных блюд и два бронзовых ножа (рис. 2, *6*). Кроме того, в курганах I, III и V, имевших по одному погребению, в ямах обнаружены мелкие разрозненные обломки от двух сосудов и одного блюда, реконструировать которые не представляется возможным. Все целые сосуды горшковидной формы, с плавным профилем, некрупные (диаметр устья от 10,5 до 16 см), обладают довольно устойчивым соотношением некоторых параметров: диаметр устья (по венчику) ненамного больше высоты, почти в 2 раза больше диаметра дна и чуть меньше наибольшего диаметра по тулову, которое приходится на половину высоты. С точки зрения технологии сосуды не образуют единой группы. В глиняном тесте содержатся очень незначительные примеси талька, шамот, у некоторых экземпляров отмечается повышенное содержание песка; встречается мелкотолченая кость и, возможно, помет домашних животных[2]; цвет поверхности от желтого и красноватого до темно-серого. Сосуды не производят впечатления сделанных только для помещения в могилы.

По мотивам и технике орнаментации урефтинская посуда также неоднородна. К числу классических федоровских можно отнести лишь три экземпляра (рис. 2, *1*, *6*, *9*), украшенные сложными геометрическими узорами из оттисков мелкой гребенки. Вполне федоровским является, на наш взгляд, сосуд из кургана IV (погр. 2; рис. 2, *4*), хотя орнаментация тулова поясками ромбов в целом нетипична для федоровской керамики.

Экземпляры, аналогичные сосудику из погр. 2 кургана VI (рис. 2, *3*), встречаются нечасто. Похожие образцы, украшенные двумя рядами наклонно расположенных групп оттисков гладкого штампа, найдены в кургане 5 Смолино [2, с. 64] и в черкаскульском погребении 326 на Таталачуке [3, с. 97, рис. 19, *1*]. Сосуды с «неоконтуренными» ромбами из оттисков гребенки имеются в материалах поселения Дуванское XVII и Чернозерского I городища[3], в которых хорошо представлена федоровская посуда. Кстати, урефтинский сосуд стоял в могиле рядом с великолепным федоровским горшком (рис. 2, *9*).

Интересны сосуды из кургана VII. Горшок из погребения 2 (рис. 2, *10*), украшенный почти до середины горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа, оригинален тем, что вполне федоровский орнамент на нем выполнен не совсем типичным способом (более привычны горизонтальные каннелюры). Сосуд из погребения 1 (рис. 5, *7*) отличается простым, небрежно нанесенным орнаментом, состоящим из поясков прямых или наклонных оттисков гребенчатого штампа. Экземпляры с грубым орнаментом изредка встречаются в федоровских погребениях [4, с. 159; 5, с. 65], но гораздо больше их в материалах поселений. Коллекцию «нетипичных» урефтинских сосудов заключает горшок из кургана IV (погр. 3; рис. 5, *2*). По форме и орнаментации (желобки под венчиком и на переходе к тулову, пояски косых оттисков мелкозубчатого штампа и вертикальные зигзаги из отпечатков гладкого штампа) его можно сопоставлять с образцами федоровской и черкаскульской посуды, но и в том и в другом случае не с типичными. Заметим, что данный сосуд стоял рядом с глиняным четырехугольным блюдом (рис. 3, *2*). По поводу мелких обломков от сосудов из курганов I и V можно сказать лишь то, что они не алакульские, так как не имеют столь характерного для последних жирного блеска (от обилия талька в глине). Возможно, на принадлежность ограды 1 указывают четыре фрагмента федоровской керамики, два из которых — от одного сосуда (рис. 2, *11*). Найдены они под насыпью и около камней оградки в северо-восточном секторе.

---

[2] Предварительный технологический анализ сделан Н. В. Варанкиным.

[3] Коллекции хранятся в кабинете археологии Уральского университета, шифры № 2051, 856.

Урефтинские глиняные блюда вытянутой подчетырехугольной формы с округлыми углами, размером (22—26) × (16,5—18) × (3,4—5,5) см, имеют по углам выступы — ручки («ушки»). Из шести блюд (от седьмого — из кургана III — дошли мелкие невыразительные фрагменты) орнамент имеется на пяти: чаще всего это равнобедренные треугольники с косой штриховкой вверх или вниз (по 2 экз.); три блюда опоясаны налепным валиком. Орнаментированы обычно стенки — на одну треть или половину с внешней стороны (рис. 3, *1*), у одного из экземпляров украшено дно (рис. 3, *3*). Узоры сделаны гребенчатым штампом или прочерчиванием. Некоторые блюда имеют следы прокаливания.

Глиняные подчетырехугольные блюда типичны для федоровских могильников, они известны в Туктубаево [4, с. 156], Федоровском могильнике [5, с. 65, 66], Смолино, Сухомесово, Исаковском [2, с. 22—34], Кинзерском [6, с. 256] и др. Сейчас к ним можно прибавить экземпляры из Урефтов I.

В обоих погребениях кургана VII найдены очень редкие в федоровских комплексах бронзовые ножи (рис. 2, *5, 8*). Ножи двулезвийные, с выемками у основания клинка, четко моделированным ромбовидным (рис. 2, *5*) или уступчатым (рис. 2, *8*) перекрестием и слегка расширяющимся к концу черенком. Наибольшее расширение клинки имеют в верхней трети, около выемок; по клинку проходит ребро. Оба ножа характеризуются четко выработанной формой. Длина экземпляра из погребения 1 — 14,0, ширина клинка (максимальная) — 3,1, черенка — 1,2 см. Параметры ножа из погребения 2: длина — 16,9, ширина клинка — 2,9 и черенка — 1,8 см. Оба орудия могли выполнять колющие и режущие функции.

Нахождение урефтинских ножей внутри одной ограды и в могилах, сделанных в общем углублении (рис. 6), дает основание синхронизировать их. Обе находки относятся к широко распространенным в европейской степи и лесостепи ножам срубно-андроновского типа, особенно многочисленным в Поволжье, на Урале и в Западном Казахстане [7—11 и др.]. Ножи этого типа имеют широкую дату, но урефтинские образцы занимают в ней более определенное место; форма клинка и четко моделированные перекрестки свидетельствуют о сравнительно позднем их возрасте — возможно, в пределах последней трети или четверти II тысячелетия до н. э.

В насыпи и в могильной засыпке курганов I, IV, V и VI найдено около 30 костей животных. Преобладают кости лошади, встреченные во всех четырех курганах; в погребении 2 кургана IV в глиняном блюде лежали три кости от одной особи мелкого рогатого скота; в кургане VI найдена одна кость крупного рогатого скота. Кроме того, в кургане I обнаружены кости лисы, птицы и косули. По-видимому, не все костные остатки можно соотносить с погребальными комплексами (по причинам, о которых говорилось выше), но весьма показательно явное преобладание костей лошади. Для сравнения заметим, что в алакульском кургане II Урефтинского I могильника найдены 43 кости от трех особей крупного рогатого скота, 45 костей от пяти особей мелкого рогатого скота и всего две кости лошади.

Анализ немногочисленных остатков из погребений приводит нас к выводу, сделанному ранее по элементам погребального обряда, о федоровской принадлежности исследованных курганов. По-видимому, мы имеем достаточные основания объединить урефтинские курганы I, III—VII в самостоятельный могильник федоровской культуры, тем более что при сравнении их с алакульским курганом II обнаруживается полное несовпадение по всем характеристикам. По бронзовым ножам из кургана VII федоровский могильник Урефты I предварительно датируется последней третью или четвертью II тысячелетия до н. э.

В заключение хотелось бы высказать некоторые соображения по ряду вполне конкретных проблем и вопросов федоровской культуры.

Говоря о посуде из федоровских курганов Урефты I, мы отмечали, что она неоднородна. Неоднородность погребальной посуды (по мотивам

и технике декора, технологии) обнаруживается в Федоровском [5, с. 63], Туктубаевском [4, рис. 1], Кинзерском [6, с. 256], Смолино и других могильниках федоровской культуры Зауралья. На наш взгляд, неоднородность федоровской погребальной посуды свидетельствует о том, что керамика с поселений характеризуется еще большим разнообразием типов. Поэтому неправомерно искать поселения только с классическими, пышно орнаментированными горшками; таких «чистых» керамических комплексов нет ни в одном могильнике, тем более их не будет на поселениях. Кроме того, погребальная посуда никоим образом не отражает реального соотношения различных типов посуды на поселениях [12, с. 50; 13, с. 84]. Основу керамических комплексов с поселений составляют разнообразные по размерам, форме и ее деталям сосуды с простыми и несложными узорами, нанесенными различными способами; нарядные федоровские горшки занимают в них весьма скромное место, их удельный вес достигает обычно 10—15% и редко превышает 20%. В состав посуды с поселений входят также экземпляры, украшенные таким специфическим элементом, как валик [14, 15][4].

О том, что на зауральских поселениях валиковая и федоровская нарядная керамика стратиграфически не расчленяется, говорил в свое время В. С. Стоколос [19, с. 96—105].

Свидетельством того, что федоровцы использовали в орнаментации налепные валики и могли украшать ими ту или иную посуду на поселениях, являются глиняные блюда с валиками — характернейшие находки в федоровских погребениях. Налепными валиками опоясаны три урефтинских блюда, одно блюдо из Сухомесово [2, табл. VIII, *1*], утолщения по бортикам имели также экземпляры из Туктубаево [4, с. 156].

И последнее обстоятельство, на которое мы хотели бы обратить внимание. Часто встречающиеся в литературе определения погребальной посуды как традиционной, консервативной или архаичной по сути своей неверны, так как точно такая же керамика всегда присутствует на поселениях. Совершенно очевидно, что федоровское население употребляло в повседневной жизни все типы посуды, но функции их, по-видимому, различались.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бельтикова Г. В.* Отчет о раскопках в Челябинской области летом 1979 г.— Архив кабинета археологии УрГУ, ф. II, д. № 333.
2. Андроновская культура. Вып. I.— САИ, вып. В 3—2. М.— Л., 1966.
3. *Казаков Е. П.* Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук.— В кн.: Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978.
4. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
5. *Сальников К. В.* Андроновский курганный могильник у с. Федоровки.— МИА, 1940, № 1.
6. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.
7. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. В 4—9. М., 1966.
8. *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— САИ, вып. В 3—12. М., 1971.
9. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
10. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы.— МИА, 1960, № 90.
11. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
12. *Кузьмина Е. Е.* Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона.— СА, 1965, № 4.
13. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— МИА, 1962, № 120.
14. *Стефанов В. И.* Исследования андроновских поселений в Тюменской области.— АО — 1979. М., 1980.
15. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1947, вып. XVII.
16. *Евдокимов В. В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол.— СА, 1975, № 4.

[4] Федоровская керамика с валиками и валиковая посуда с Алексеевского поселения [16—18] или Саргаров [19] — это совершенно различные комплексы.

17. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, 1979, № 2.
18. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.
19. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.

V. I. Stefanov, S. A. Dneprov, O. N. Korochkova

FYODOROVKA MOUNDS OF THE UREFTY-I BURIAL GROUND

Summary

The Urefty-I mound group is found on the southern shore of the Urefty Lake, 12 km to the north of Chelyabinsk. Seven mounds (one Alakul and six Fyodorovka mounds) were studied during two field seasons. The Fyodorovka mounds revealed eleven burials. Mounds I, III and V contained one burial each, mound VII — two burials, while mounds IV and VI — three burials each. They were characterised by an almost rectangular form, predominantly latitudal orientation of the burials which were partially or completely faced with stone, embankments, oval or rectangular stone fences. In six burials there were cremation remains (Fig. 5), with sizeable fire traces in three of them. Five burials exhibited no traces of those buried. In most cases grave goods were placed along the western side of the burials. Eight vessels, six clay dishes, two bronze knives (Fig. 2, *6*) and numerous animal, mainly horse, bones were found. A tentative date based on the evidence of the bronze knives is the last third or quarter of the 2nd millennium B.C.

ОХОТНИКОВ С. Б.

ПОСЕЛЕНИЕ НАДЛИМАНСКОЕ-VI В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Исследование сельских поселений VI—V вв. до н. э. в нижнем течении Днестра началось сравнительно недавно — в 1962 г. и ограничилось небольшими раскопками единственного к тому времени известного памятника подобного рода — Надлиманское III [1, с. 5—23]. Начиная с 1972 г. Надлиманским отрядом Причерноморской экспедиции Одесского археологического музея АН УССР в результате разведок берегов реки и лимана выявлено еще несколько пунктов с подъемным материалом VI—V вв. до н. э. [2, с. 84—96].

Изучение комплекса находок, полученного при раскопках таких поселений, как Надлиманское III, Беляевка I, Маяки IV, привело к убеждению, что их возникновение наряду с городами Тирой и Никонием явилось результатом греческой колонизации этого региона Северо-Западного Причерноморья. Об этом свидетельствовало, в частности, несомненное преобладание в их материальной культуре эллинского элемента. Это подчеркивается превосходством в процентном отношении гончарной посуды над лепной, наличием терракот, граффити и пр.[1]

В 1977—1978 гг. упомянутым отрядом проведены исследования еще одного памятника интересующего нас периода — поселения Надлиманское VI. Уже первые полученные результаты показали значительные отличия его от остальных и заставили несколько изменить сложившиеся представления о начальном этапе колонизации Нижнего Поднестровья.

Поселение расположено на высоком мысу первой надпойменной террасы восточного берега Днестровского лимана и ограничено глубокими древними балками. В этом отношении его топография ничем не отличается от других античных памятников, хотя бы от Надлиманского III, удаленного от него к северо-западу на 2,5 км. Мыс, где существовало поселение, имеет размеры 100×120 м и находится на расстоянии 0,3 км от центра с. Надлиманское Овидиопольского р-на Одесской обл. (рис. 1).

На его поверхности, полностью занятой лесопосадкой, собран подъемный материал — обломки керамики, обгоревшие камни. В результате раскопок выяснено, что культурный слой памятника представляет собой гумусированный чернозем мощностью до 0,8 м, переходящий постепенно в материковый суглинок светло-коричневого оттенка. Всего за два сезона раскопана площадь в 400 м², на которой обнаружено три помещения и 20 ям[2].

В раскопе I 1977 г. исследована землянка 1 неправильно-округлых очертаний размером 4×4 м и глубиной от современной поверхности 2 м, а от древнего горизонта — 1,4 м (рис. 2). При ее вскрытии фиксировались золистые прослойки, перемежающиеся глиняными включениями. Вдоль стен наблюдались глиняные расплывы. В северо-западной части расчищен завал небольших необработанных камней. Возле него находился довольно мощный слой золы в виде пятна диаметром 1,4 м и толщиной 0,4 м. После окончательной расчистки помещения выяснено следующее. Землянка имела наружные глинобитные стены, рухнувшие в древности на пол, представлявший собой утоптанный материк, слегка повышающий-

[1] Это превосходство особенно характерно для Надлиманского III, где пропорция между гончарной и лепной керамикой составляет соответственно 70% к 30%, найдено около 20 надписей на различных типах посуды и кости животного, пять архаических терракот, связанных в основном с земледельческими культами.

[2] Некоторые из ям представляли собой современные перекопы.

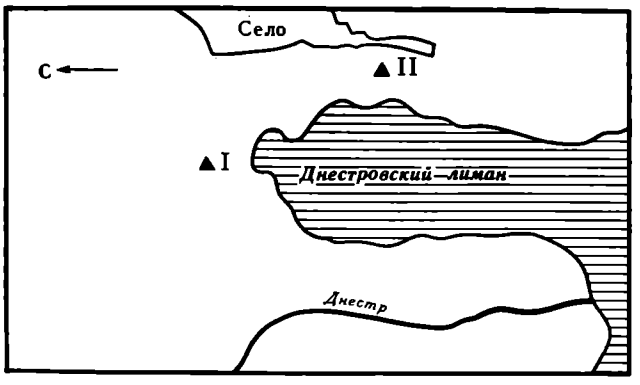


Рис. 1. Схема расположения памятников в районе с. Надлиманское. I — поселение Надлиманское III; II — поселение Надлиманское-VI

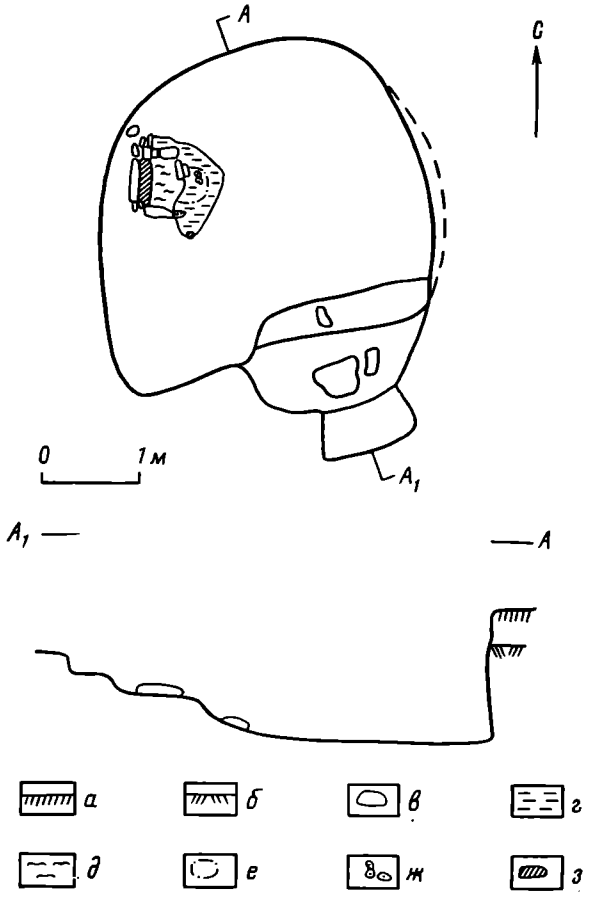


Рис. 2. План и разрез землянки 1. *а* — уровень древней дневной поверхности; *б* — материк; *в* — камни; *г* — пятно прокаленной почвы; *д* — обожженная глина; *е* — углубление с золой; *ж* — фрагменты керамики; *з* — комья зеленоватой глины

ся к югу, где находился вход из трех ступенек. Ступеньки были укреплены плоскими камнями — некоторые из них сохранились. Материковые стены помещения неровные, оплывшие, в восточной стене имелся небольшой подбой. На полу in situ обнаружены фрагменты лепной керамики, причем их скопления отмечены в нескольких местах. Расположение обломков указывает на то, что сосуды стояли целыми и затем были разбиты упавшими на них стенами и кровлей, а один из них, находившийся на ступеньках, скатился вниз, на пол.

В северо-западном углу землянки зафиксирована однокамерная печь прямоугольной в плане формы размером 0,68×0,65×0,2 м. Стенки ее выложены из небольших известняковых блоков размерами 0,25—0,4×0,1—0,5 м и укреплены по внешней стороне материковой глиной. Один из боковых камней завалился внутрь, где найдены обломки керамики, зола, каменный топор. Здесь же выявлены детали свода из обожженной глины толщиной до 1,5 см. Они сформованы в виде плоскостей, соединенных под прямым углом. Под печи в виде слоя сильно прокаленной глины толщиной 1 см постепенно поднимался как к боковым так и особенно резко к задней стенке, где он соединялся со сводом. Следы сильной прокаленности прослеживались и перед печью в виде пятна неправильных очертаний, а возле самого устья находилось углубление, заполненное золой, выгребавшейся, вероятно, из камеры. Причем это углубление перекрывалось слоем прокаленной почвы. Тут же обнаружены фрагменты лепной керамики и лепешкообразные комки необожженной глины зеленоватого оттенка. Обломки лепной посуды, а также необожженная глина, найденные внутри и возле печи, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что печь могла использоваться для обжига керамики. Однако небольшие размеры не позволяли обжигать одновременно более 1—2 сосудов, помещавшихся, очевидно, непосредственно в камере.

Установлено также, что землянка некоторое время стояла открытой и разрушалась постепенно. На это указывают прослойки чернозема, на-

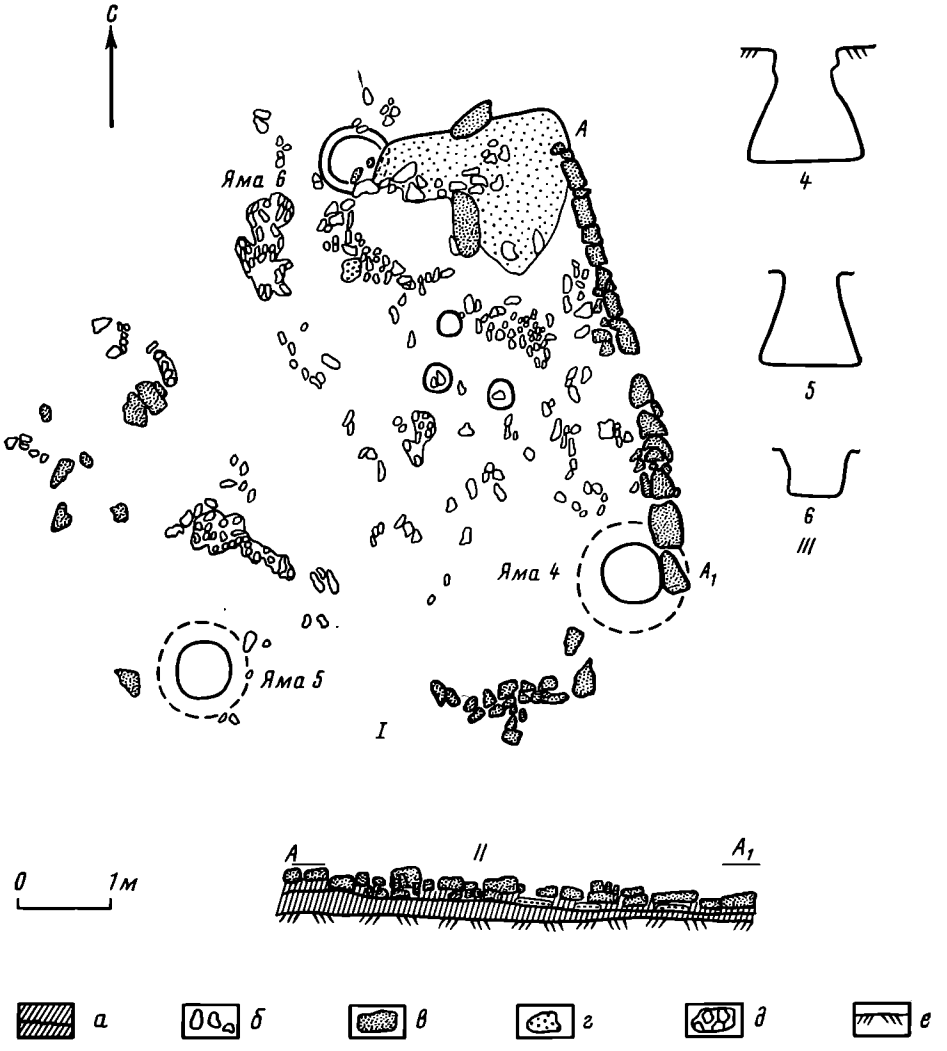


Рис. 3. Помещение 3. I — план; II — фасировка восточной стены; III — профили ям. *а* — древний чернозем; *б* — развалы мелких камней; *в* — камни кладки стены; *г* — глиняная обмазка; *д* — остатки керамической вымостки; *е* — материк

мытого водой между глинобитными развалами стен. Отсутствие в землянке ямки для опорного столба, а также отдельные следы упавшего перекрытия в виде слоев горелого камыша позволяют предполагать, что крыша опиралась непосредственно на наружные стены и была односкатной.

В раскопе II 1977 г. выявлены остатки наземного здания. Лучше всего сохранилась его восточная стена, вернее, ее основание. Удалось проследить также часть довольно разрозненной кладки южной стены (рис. 3). Восточная стена ориентирована на север с отклонением к западу. Длина ее 5 м, ширина — 0,3—0,4 м. Кладка однорядная, иррегулярная, выложенная из небольших (до 0,3 м длины), довольно грубо обработанных известняковых плит. Камни уложены на уровне древней дневной поверхности. Между некоторыми из них зафиксированы следы глиняной обмазки, служившей для их крепления. Отдельные камни упали внутрь помещения, погибшего, вероятно, от пожара. Об этом свидетельствуют повсеместные находки золы, угольков, кусков пережженной земли, следы горения на камнях и некоторых находках. В северной части здания сохранился развал глиняной обмазки, четко ограничивающей его угол. Обмазка лежала вниз заглаженной поверхностью на земляном, хорошо утрамбованном полу, остатки которого прослеживались и на остальной площади помещения. В нескольких местах пол был выстлан плоской галь-

кой, обломками амфор и других сосудов, подсыпался песком. Он имел легкий уклон к западу, а возле слоя обмазки его прорезали три ямки диаметром соответственно 0,24; 0,22; 0,3 м и глубиной 0,4; 0,46; 0,4 м. Они служили, вероятнее всего, для каких-то столбиков внутри здания. В пределах помещения находились и три довольно большие ямы. Две из них имели узкую цилиндрическую горловину и трапециевидное в разрезе вместилище. Размеры ямы 4 следующие: диаметр горла 0,7 м высота его 0,5 м, общая глубина 1,2 м, диаметр дна 1,2 м. В древности она, вероятно, перекрывалась каменной крышкой — плитой, упавшей затем на ее дно. Размеры плиты 0,6×0,45×0,2 м. В заполнении ямы от устья и почти до самого дна находился чернозем, затем шла прослойка золы, в которой обнаружены: днище хиосской амфоры V в. до н. э., обломки лепной посуды, камни, в том числе часть зернотерки и растиральники, обгоревшие кости, обмазка, керамический шлак.

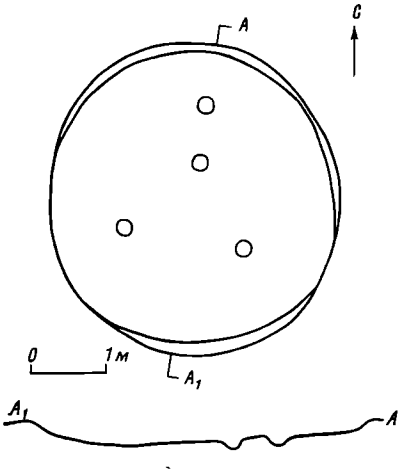


Рис. 4. План и профиль помещения 7

Яма 5 имела диаметр верхней части 0,65 м, а нижний ее диаметр составлял 1,1 м. Высота горла 0,22 м, стенок — 0,68 м. В заполнении, аналогичном яме 4, найдены: горло хиосской амфоры конца первой четверти V в. до н. э., обожженные камни, на одном из них сохранились следы глиняной обмазки. Яма 6, находившаяся у северо-восточного угла здания, имела широкое устье, диаметром 0,7 м, и плавно сужалась ко дну, диаметр которого равен 0,6 м. Глубина ямы 0,7 м. Она засыпана почти чистым черноземом, лишь в нижней части наблюдались прослойки золы, скопления мелких камней со следами горения, керамический шлак. Все описанные выше углубления вырыты в материке, но, по всей вероятности, их горловины находились несколько выше — на уровне пола.

И наконец, в раскопе 1978 г. открыто помещение 7, представлявшее собой округлое в плане углубление (4,2×3,8 м), незначительно (до 0,3 м) впущенное в материк (рис. 4). Пол неровный, плотно утрамбованный. В центре его находились четыре ямки глубиной 0,2 м и таким же диаметром, расположенные треугольником. Пол от центра слегка повышался к краям, вследствие чего стенок, как таковых, нет. В северо-западной части выявлены следы горения — скорее всего, от временного очага. В заполнении найдены обломки амфор, гончарной посуды и лепной керамики.

Подобные слегка углубленные в материк помещения овальной или круглой формы известны на многих памятниках скифского времени[3]. Они исследованы на поселениях VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье Беляевка I [3, с. 367] и Надлиманское III [4, с. 319], а также на городище того же времени Басовка в Посулье [5, с. 57, рис. 7]. Многие археологи, в том числе и В. А. Ильинская, склонны считать их остатками юртообразных жилищ. Однако, как нам кажется, более правильно определять эти объекты как основания шалашей. Они, судя по этнографическим параллелям, могли покрываться войлоком, берестой, шкурами, или же их стены сооружались из дерна — как, к примеру, у алтайских тюрков [6, с. 1—20] и казахов Акмолинской обл. [6, с. 55]. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что никаких следов их верхней части сейчас не прослеживается.

Таковы три типа помещений, различных по своим конструктивным деталям и, возможно, функциональному назначению, но существовавших,

[3] Единственное их отличие от помещения из Надлиманского-VI в том, что все они имеют ямку для центрального опорного столба. Здесь же она отсутствует, что предполагает другой способ крепления перекрытия.

судя по датирующему материалу, одновременно. Два из них — землянка (до сих пор встречались только полуземлянки, углубленные в материк на 0,6—0,8 м), и наземное здание исследованы на сельских памятниках VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье впервые.

В непосредственной близости от помещений располагались ямы, имевшие, очевидно, какое-то хозяйственное назначение. Все они круглые в плане, цилиндрические, усеченно-конические или грушеобразные. Так, яма 20 имела верхний диаметр 1,1 м, высоту стенок — 0,6 м, они плавно закруглялись к плоскому дну диаметром 1,2 м. В заполнении найдено довольно значительное количество керамики — обломки амфор Хиоса, лепная посуда. На месте ямы 21 на глубине 0,2—0,4 м от современной дневной поверхности наблюдался зольный расплыв, насыщенный керамикой, где выделяется крышка от лепного сосуда. Яма неглубока — 0,2 м в материке, верхний и нижний ее диаметры составляют 1,1 м. Возле нее прослежены также два небольших углубления, вероятно, от каких-то столбиков. Они засыпаны золистым грунтом. Их глубина 0,15 м, диаметр — 0,2 м. Размеры остальных ям цилиндрической формы колеблются от 0,15 до 0,68 м глубины в материке, а диаметр — от 1 до 1,4 м.

Из ям усеченно-конической формы отметим также три ямы, находившиеся в непосредственной близости от помещения 7. Размеры ямы 10: верхний диаметр 1,15 м, нижний — 1,4 м, глубина 0,7 м. Яма 17 располагалась рядом с ямой 18 и перерезалась ею. Слегка вогнутое дно диаметром 1,2 м плавно поднималось к стенкам, переходящим в устье диаметром 1,05 м. Яма 18, в свою очередь, восточной частью нарушила основание помещения 7. Заполнение всех ям состоит из почти чистой золы, насыщенной костями животных, в том числе и пережженных, лишь на дне ямы 10 прослежен слой чернозема мощностью 0,3 м.

Яма 2 располагалась юго-западнее землянки 1. В ее горловине зафиксирован крупный грубо обработанный камень. Камни различного размера попадались и по всему ее заполнению. Некоторые из них были выложены по окружности северной части стенки и укреплены глиняным раствором. Глубина ямы 0,6 м, верхний диаметр — 1 м, нижний — 1,35.

И наконец, яма 22 выделялась в культурном слое на уровне древнего горизонта золистым расплывом неправильных очертаний, т. е. она забрасывалась и после заполнения грушеобразного вместилища, вырытого в материке. Диаметр горла 1,1 м, общая глубина 1,4 м, диаметр ровного плоского дна 1,35 м. Яма засыпана золистой почвой с фрагментами керамики, среди которых были обломки от двух хиосских пухлогорлых амфор и одной амфоры неизвестного центра V в. до н. э. В придонной части обнаружены куски обмазки, плоский камень с пропилом в центре, множество мелких прямоугольных камней со следами горения.

Заполнение ям, раскопанных на поселении, свидетельствует о том, что они использовались для выброса золы, битой посуды, костей. В этом отношении наиболее показательны ямы 10, 17, 18. Что касается ям 4—6, находившихся внутри наземного помещения, то они, судя по их стратиграфии, были заброшены почти одновременно со зданием, длительное время стояли открытыми, вследствие чего и «затянулись» черноземом. Однако форма этих, а также других ям с узким горлом и расширяющимися книзу стенками, тщательная обработка их внутренней поверхности позволяют предположить, что их заполнение вторично, а первоначально они предназначались для хранения зерна и припасов. Это подтверждают многочисленные аналогичные по конструкции и способу обработки стенок зерновые ямы из поселений Северо-Западного Причерноморья [7, с. 267; 8, с. 58, 59].

Среди вещественного материала из раскопок на поселении первое место по количественному составу занимают амфоры. В основном это сосуды Хиоса первой — начала второй четверти V в. до н. э. [9, с. 99, 100] (рис. 5, *1*). В отношении к общему количеству найденных амфор (судя только по их днищам) они составляют 44% [10, с. 44]. У некоторых экземпляров на горле, под венцом, встречались характерные знаки в виде штампов-колец (рис. 5, *2*) или кружков с точкой посередине, нанесенных

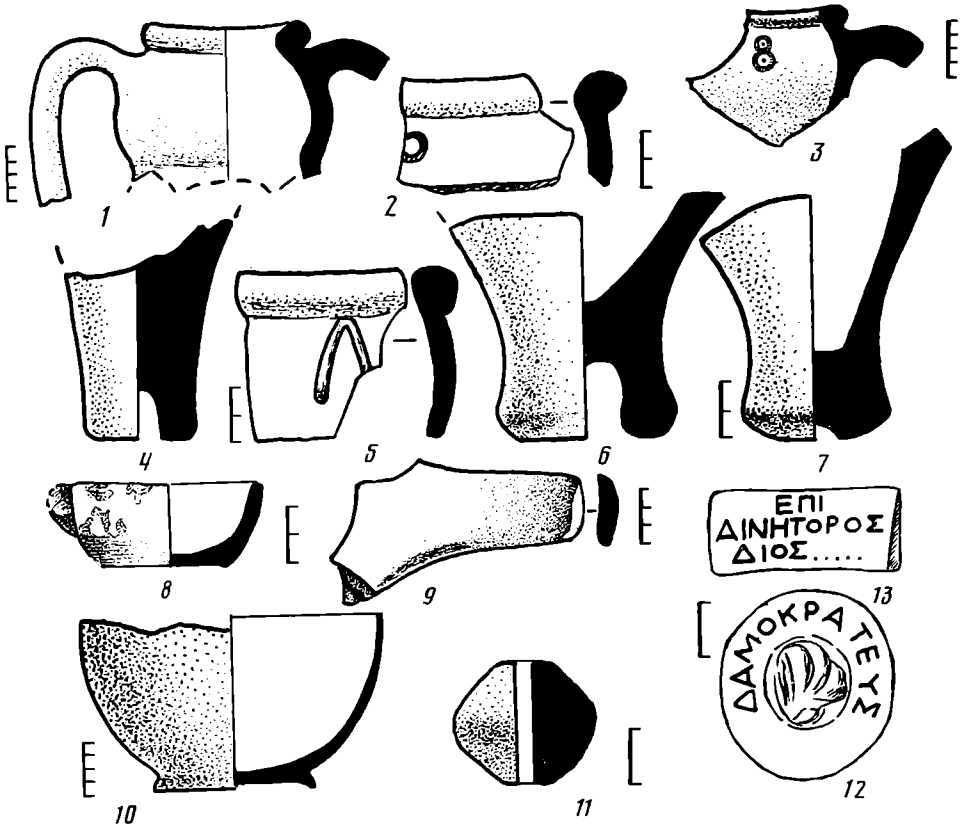


Рис. 5. Материалы с поселения Надлиманское VI. *1—7* — фрагменты амфор; *8* — ионийская чашечка; *9* — изделие из кости; *10* — часть сероглиняного сосуда; *11* —пряслице; *12*, *13* — родосские клейма на ручках амфор

темно-красной краской (рис. 5, *3*). На одном из них еще по сырой глине процарапана буква Λ (рис. 5, *5*) — по всей вероятности, обозначение цифры 30. Обнаружены обломки аттических (?) амфор со стаканообразным дном [11, с. 74, табл. III, *9*] (рис. 5, *4*), протофасосских, отождествляемых сейчас в основном с производством Самоса [12, с. 52, 53], фасосских V в. до н. э. [11, с. 80, 81, табл. VI, 16], амфор неизвестного центра [11, с. 90, табл. XIII, 27а] (рис. 5, *7*). В верхнем слое зафиксированы фрагменты эллинистических амфор: горло гераклейской, ручка синопской с неясным клеймом и три ручки от сосудов с о. Родос. Два клейма на них, происходящие, вероятно, от одной амфоры, относятся к третьей группе родосских клейм и датируются 220—180 гг. до н. э. [13, с. 92, 93, № 307] (рис. 5, *12*). Третье с эпонимом ΑΙΝΗΤΟΡΟΣ датируется, вероятно, этим же временем [14, с. 262, № 48 (рис. 5, *13*). Интересно отметить, что это пока первые экземпляры клейм Родоса на всем восточном побережье Днестровского лимана, где до сих пор они известны не были [15, с. 138]. Наличие подобного рода материалов свидетельствует о том, что жизнь на месте поселения в эллинистический период в той или иной форме продолжала существовать и в то время, когда на большинстве памятников Нижнего Днестра она прекратилась.

Остальные типы керамики как непосредственно из культурного слоя, так и из помещений и ям представлены следующими количествами: простая гончарная посуда — 232 фрагмента и один собравшийся сосуд, лепная керамика — 772 фрагмента и не менее восьми восстанавливаемых сосудов из землянки, греческая чернолаковая и ионийская — соответственно 1 и 6 обломков (не считая миниатюрной чаши).

Простая гончарная посуда представлена в большинстве своем фрагментами от мисок на кольцевом поддоне с закругленным внутрь венчиком в виде валика. Изредка встречались части от кувшинов, из-за незначительности размеров не поддающиеся удовлетворительной реконструкции. Из этой группы керамики собралась лишь нижняя часть сосуда

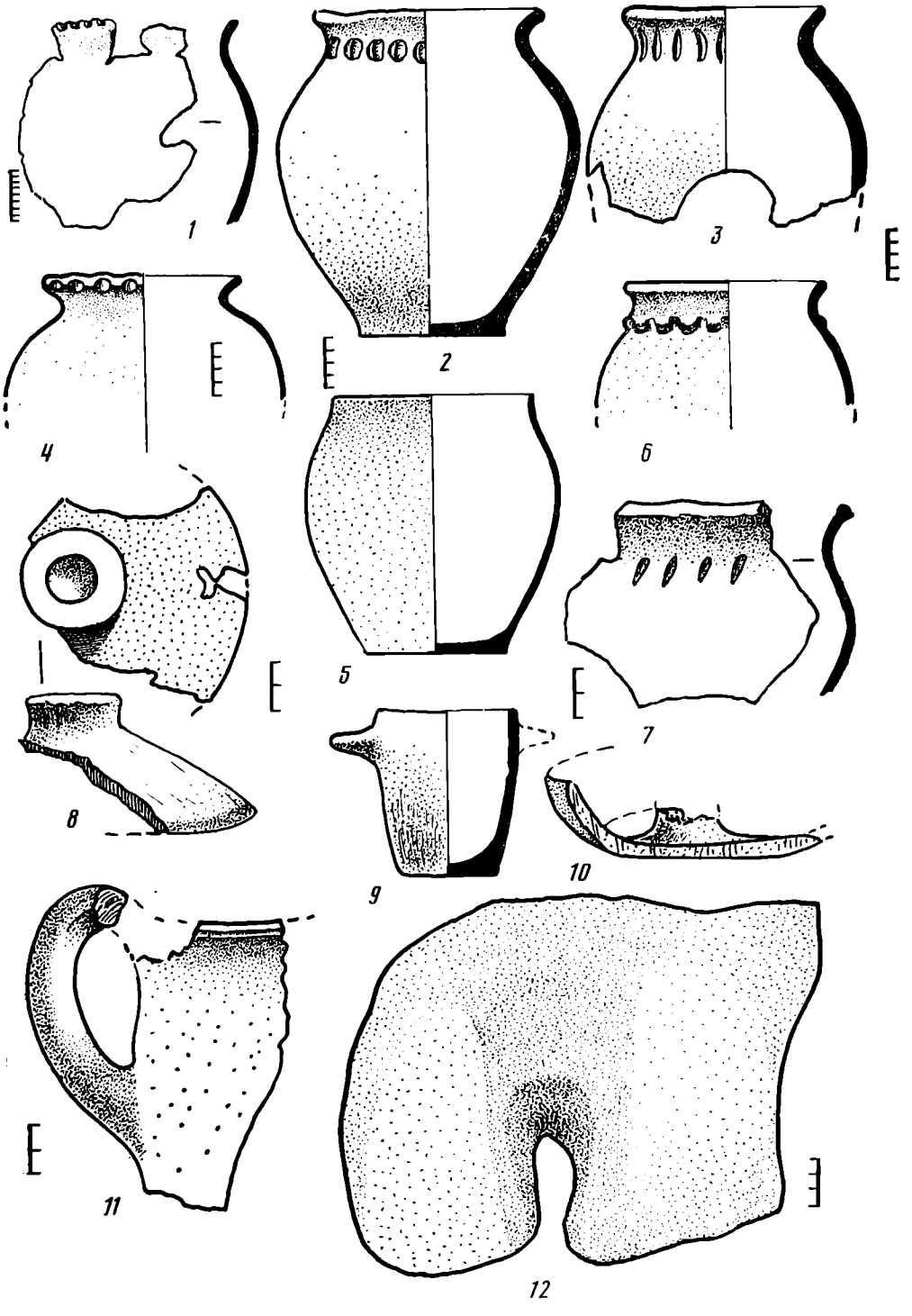


Рис. 6. Лепная керамика и камень с поселения Надлиманское-VI. *1—9*, *11* — лепная посуда: *10* — лепной светильник; *12* — камень со следами обработки

(вероятно, кувшина) на кольцевом поддоне. Он был разбит еще в древности, но затем использовался вторично — верхний край его обработан. Диаметр вместилища 22,5 см, дна — 12 см (рис. 5, *10*).

Наиболее значительное количество фрагментов лепной керамики обнаружено в землянке и наземном помещении 3, несколько меньше ее найдено в помещении 7. Она изготовлялась из грубого теста, иногда с очень значительной примесью шамота. Цвет поверхности колеблется от темно-серого до желтоватого. Подавляющее количество этой посуды (около 90%) принадлежало горшкам, которые можно разделить на три основных типа. Первый из них отличается короткой, сильно отогнутой наружу шейкой и крутым плечом. Горшки этого типа орнаментированы

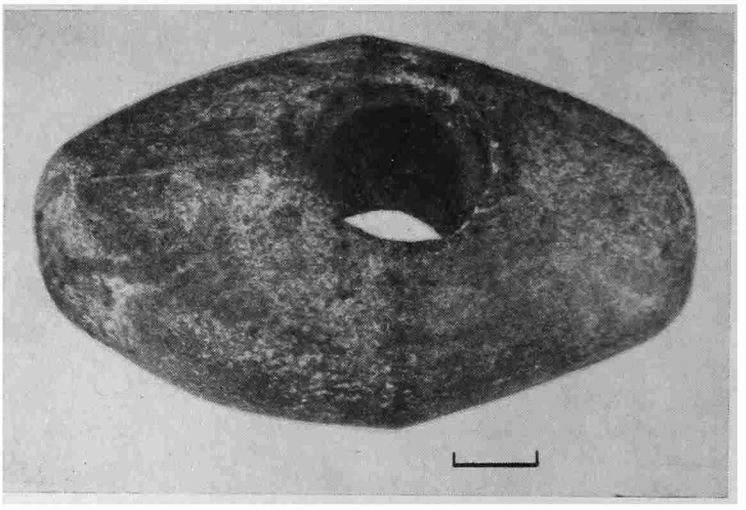


Рис. 7. Каменный топор с поселения Надлиманское-VI

защипами, ямками, насечками как по венчику, так и под ним или налепным валиком с защипами (рис. 6, *2—4*, *6*). Второй тип составляют горшки с короткой, менее отогнутой наружу шейкой и покатым плечом. Среди них выделяется фрагмент от крупного сосуда, который, судя по восстанавливаемому диаметру горла — 0,3—0,32 м и высоте — 0,55—0,6 м, вполне мог служить не только кухонным целям, но и в качестве своеобразной керамической тары (рис. 6, *1*). Орнаментация этих горшков повторяет в принципе орнаментацию первого типа (рис. 6, *7*). И третий тип представлен сосудами со слабо выделенной, слегка отогнутой наружу шейкой. Горшки этого типа не имеют орнамента (рис. 6, *5*). Все рассмотренные типы горшков, а также их орнаментация являются весьма характерными для посуды из памятников степного Причерноморья VI—III вв. до н. э. и отождествляются со скифским племенным миром [16, с. 160—164, рис. 6—9; 17, с. 214, 215, рис. 18, 19].

Вторую, меньшую группу лепной керамики составляют фрагменты и целые сосуды, имеющие аналогии среди гето-фракийской посуды. К ним относятся небольшая чаша баночной формы с двумя горизонтальными ручками-выступами (одна из них не сохранилась) (рис. 6, *9*) и фрагмент кубка с заглаженной поверхностью и круглой в сечении петлеобразной ручкой (рис. 6, *11*) [18, с. 101, рис. 5, *1*].

Встречались и лепные обломки, не поддающиеся четкой этнической интерпретации. Это крышка диаметром 14 см (рис. 6, *8*) и светильник из ямы 17, изготовленный по греческому образцу (рис. 6, *10*).

Из греческой привозной керамики найден лишь один незначительный фрагмент стенки с чернофигурным орнаментом — пальметтой и несколько обломков от ионийских сосудов, среди которых отметим небольшую чашечку с остатками ручки и следами темно-красного лака на поверхности (рис. 5, *8*).

Обнаружено несколько пряслиц (рис. 5, *11*), лопаточная кость животного с заполированной внутренней поверхностью, использовавшаяся, вероятно, в качестве лощила (рис. 5, *9*).

Из металлических изделий встречались обломки железных ножей с горбатой спинкой или серпов. Незначительность размеров не позволяет с твердой уверенностью определить их функциональное назначение.

В яме 22 найден плоский камень из сероватой крупнозернистой породы (рис. 6, *12*). В центральной его части расположена выемка, образованная, вероятнее всего, от длительного употребления камня в качестве точила.

Особый интерес представляет находка в печи землянки 1 каменного сверленого топора усеченно-ромбической формы, длиной 8 см (рис. 7). Средняя его часть украшена двумя небольшими поперечными валиками, ограниченными врезными углублениями. От отверстия для крепления ру-

кояти диаметром 2,5 см к сильно сбитому лезвию сделана продольная нервюра. Подобные топоры были широко распространены в эпоху средней бронзы на юге европейской части СССР [19, с. 53—55, рис. 26, *8*; 20, с. 166, 167, рис. 32, *1*]. До скифского времени, как указывал Б. Н. Граков, они не доживают [21, с. 146]. Но упоминания, правда довольно скупые, о находках подобных вещей в памятниках античного периода, в Ольвии в частности, все же имеются [22, с. 24]. Вероятнее всего, им придавалась роль своеобразных культовых предметов. Такое предположение можно высказать на основании многих этнографических примеров, когда случайно найденным каменным топорам поклоняются как упавшим с неба. Они становятся элементами и атрибутами небесного бога, наиболее связанными с его солнечной, огненной природой [23, с. 91—101; 24, с. 41, 42]. Это особенно интересно отметить в связи с тем, что и в скифском обществе секира (топор) в космологическом аспекте соответствует Колаксаю — Солнцу [25, с. 71].

Таковы основные итоги исследований поселения Надлиманское VI. Судя по датирующему материалу (а он представлен здесь только амфорами), оно возникло на рубеже VI и V вв. до н. э. и просуществовало до второй трети V в. до н. э. Непродолжительностью существования объясняется и сравнительно небольшая мощность культурного слоя, в верхних пластах которого встречена керамика более позднего времени — конца III — начала II в до н. э.

Занятие жителей поселения земледелием подтверждается наличием хозяйственных ям, зернотерок, растиральных камней и, возможно, фрагментов серпов. Повсеместные остатки костей животных свидетельствуют о скотоводстве. Находки пряслиц, керамического шлака, заготовок сырой глины указывают на занятия ткачеством и гончарством. Судя по большому количеству амфор, известное место в экономике поселка занимала торговля.

Сосуществование на одном памятнике трех различных типов помещений наряду с преимущественно скифским обликом посуды позволяет говорить не только об их скифской этнической принадлежности[4], но и свидетельствует, на наш взгляд, об определенном историческом этапе в жизни кочевых скифских племен, а именно о начавшемся в их среде процессе седентаризации.

Как неоднократно отмечалось в археологической литературе и подтверждается этнографическими параллелями, форма жилища, его конструкция в значительной степени соответствуют форме скотоводства. Кочевому образу жизни присущи кибитки, юрты (шалаши) [6, с. 1—20; 27, с. 14]. Переходному состоянию, оседанию на землю — постоянные жилища, вначале углубленные в землю, затем наземные. Причем нередко наблюдается сосуществование типов помещений кочевников и оседающих племен [28, с. 146, 147; 29, с. 51—63]. Подобная тенденция смены конструкций прослежена у племен VI—V в. до н. э. Приазовья [30], ногайцев Северного Причерноморья [31, с. 62, 63], более поздних народов — казахов Западного Казахстана [28, с. 140, 141], калмыков [32, с. 40] и мн. др.

Сочетание различных типов помещений на поселении Надлиманское-VI подтверждает, возможно, существование у скифов в начале V в. до н. э. по крайней мере двух из выделяемых пяти типов кочеваний, а именно когда часть населения кочует, часть занимается земледелием, носящим или подсобный, или самостоятельный характер [33, с. 11].

Но наибольший интерес на этом памятнике представляет, конечно, соотношение групп керамики. Как уже упоминалось, на всех поселениях VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье посуда, изготовленная на гончарном круге, всегда в тех или иных пропорциях преобладает над лепной керамикой. В Надлиманском-VI соотношение обратное. Кроме того, удивляет почти полное отсутствие греческой привозной посуды,

[4] На это указывает также и характер кладки наземного здания, типичный для варварской традиции каменного домостроительства в Северном Причерноморье [26, с. 34—37].

в то время как на расположенном всего в 2,5 км поселении Надлиманское III она представлена весьма широкой номенклатурой как аттического, так и ионийского производства.

Объяснить отсутствие греческой керамики случайностью, недостаточностью археологического материала будет, на наш взгляд, неправомерно. Вскрытая площадь (400 м^2) и количество фрагментов, исчисляемых сотнями, вполне достаточны для того, чтобы соотношения в объемах керамического комплекса, характерные для памятников этого времени, проявились в той или иной степени [5].

Думается, причина этого археологического факта заключается в общеисторической обстановке в степях Причерноморья в первой половине V в. до н. э., характеризовавшейся нестабильностью и переменами [35, с. 135, 136]. Наряду с греческими поселками возникают и скифские, что было связано, как показано выше, с седентаризационными процессами в их среде, вызванными также и внешним, греческим влиянием. Но взаимодействие двух этносов не исключало и определенной доли отчужденности. особенно в этот период. В рассматриваемое время во взаимоотношениях эллинов и варваров наблюдается своего рода баланс, когда существование двух миров идет где-то в тесной взаимосвязи, а где-то еще разрозненно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюкова А. И.* Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана.— В кн.: Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1980.
2. *Охотников С. Б.* Поселения VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье.— В кн.: Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1980.
3. *Охотников С. Б.* Исследование античных поселений в Нижнем Поднестровье.— АО — 1977. М., 1978.
4. *Охотников С. Б.* Поселение Надлиманское III.— АО—1979. М., 1980.
5. *Ільінська В. А.* Басівське городище.— Археологія, 1965, № 18.
6. *Харузин Н. Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
7. *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50.
8. *Охотников С. Б.* О земледелии архаических поселений Нижнего Поднестровья.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1979.
9. *Брашинский И. Б.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары.— СА, 1976, № 3.
10. *Охотников С. Б.* Из истории торговых связей архаических поселений Нижнего Поднестровья.— В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1981.
11. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
12. *Лейпунська Н. О.* Класифікація амфор архаїчного часу з Ольвії.— Археологія, 1973, № 8.
13. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1975.
14. *Леви Е. И.* Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры.— В кн.: Ольвия. М.— Л.: Наука, 1964.
15. *Василенко Б. А.* Древнегреческие керамические клейма, найденные на восточном берегу Днестровского лимана.— МАСП, Одесса: Маяк, 1971, № 7.
16. *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, 1956, № 50.
17. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975.
18. *Irimia M.* Observatii privind archeologia secolelor VII—V i.e.n. in Dobrogea.— In: Pontica. Museul de archeologie Constanta, 1975, VIII.
19. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
20. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры.— Тр. ГИМ, 1955, вып. 24.
21. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.: Изд-во МГУ, 1977.
22. *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени.— Киев: Наукова думка, 1979.
23. *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве.— СА, 1961, № 4.
24. *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. Спб., 1913.
25. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.

[5] Для сравнения укажем, что в Нижнем Побужье также есть памятники, на которых лепная посуда преобладала [34, с. 36, 37], однако слабая изученность не позволяет сделать окончательных выводов об их этнической принадлежности.

26. *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных жилых домов Северного Причерноморья: Автореф. докт. дис. М.: ЦНИИ теории и истории архитектуры, 1980.
27. *Маркова Л. В.* Типы сельского жилища Болгарии.— В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1968.
28. *Либеров П. Д.* К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, 1960, № 53.
29. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
30. *Гадло А. В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости.— В кн.: Этнография народов СССР (Сборник статей). Л., 1971.
31. *Шенников А. А.* Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.— В кн.: Славяно-русская этнография (Сборник статей). Л., 1973.
32. *Дарбанова В. П.* Традиционное западномонгольское жилище и его эволюция в условиях социалистического быта.— В кн.: Проблемы этнографии и этнической истории народов восточной и юго-восточной Азии. М.: Наука, 1968.
33. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
34. *Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья.— СА, 1981, № 1.
35. *Марченко К. К.* Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

S. B. Okhotnikov

NADLIMANSKOE-VI SETTLEMENT ON THE LOWER DNIESTER

Summary

The article publishes archaeological materials from Nadlimanskoe-VI settlement, one of the rare rural monuments of the late 6th-early 5th centuries B.C. on the lower Dniester (Tiras). There were discovered three types of dwellings: *yurtas* made of branches and straw, dug-outs with hearths, and ground constructions which were probably synchronous. It is the first monument of this type in the region the more so as modelled Scythian pottery prevails over wheeled one (excluding amphorae), while imported Greek pottery is practically absent. Another find was fragments of clay containers from Chios, Thasos, Attica and Samos (?). Landtilling is evidenced by traces of grain pits and graingrinders, while numerous bones of domestic animals point to stockbreeding. A Middle Bronze stone axe found in the hearth of a dug-out hints at the population's ideology.

The archaeological context of the settlement indicates that the striving for a settled way of life became stronger among the Scythians in the first half of the 5th century B.C. and that monuments of this epoch were marked by predominantly Scythian material culture.

ШИЛОВ В. П.

ЗАПОРОЖСКИЙ КУРГАН

(К вопросу о погребениях аорсской знати)

В декабре 1968 г. сотрудником Запорожского областного краеведческого музея А. Г. Ширяевым был исследован курган[1], материалы из раскопок которого были любезно переданы мне для обработки и публикации [1, с. 9—28; 2, с. 164—193]. Привожу данные его дневника: «В декабре 1968 г. в городе Запорожье на строительной площадке школы № 19 поселка Павло-Качкасс (ул. Республиканская.— *В. Ш.*) необходимо было срочно исследовать курган. Высота кургана 1,8 м, диаметр 20 м, форма сегментовидная. Вначале снималась северная половина насыпи кургана, затем, после фиксации профиля, южная. Насыпь состояла из чернозема (в центре.— *В. Ш.*) (рис. 1). На глубине 0,35 м от вершины кургана обнаружена каменная вымостка овальной формы (диаметр 4,5×5 м), состоявшая из камней неправильной формы, средний размер которых был 30—40 см. На расстоянии 5—5,3 м от центра кургана на глубине 0,4—0,5 м было выложено кольцо (ширина от 0,5 до 0,7 м), сложенное из камней размером 20—30 см. Толщина слоя погребального грунта под насыпью кургана 0,3 м.

На глубине 1,9 м, на уровне погребальной почвы, четко выделялся выкид из погребения. На глубине 2,1 м находился глинистый материк. В центре кургана находилась могильная яма прямоугольной формы (размер 2,9×1,8×1,5 м) — рис. 2. При расчистке заполнения могильной ямы на всем протяжении встречались небольшие фрагменты древесного угля. На глубине 0,4 м от погребальной почвы в ЮВ углу могильной ямы обнаружены две половины таза одной домашней лошади, лежавшие друг от друга на расстоянии 0,6 м. (Кости определяла В. И. Бибикова.) При дальнейшей расчистке в том же ЮВ углу, прямо под костями таза лошади, на глубине 0,45 м от погребальной почвы были обнаружены: браслет, одна разломанная на две половины и одна целая бляхи с изображением животных и восемь круглых бляшек с изображением барана. Они были разбросаны на площади 0,4×0,4 м. При дальнейшей расчистке в заполнении ямы были найдены два человеческих позвонка и до самого дна встречались фрагменты древесного угля. Дно обнаружено на глубине 1,5 м от погребенной почвы, оно было посыпано мелким песком. Толщина слоя песка 10 см. Погребение разграблено. В северо-западном углу были разбросаны небольшой фрагмент нижней челюсти, неполная бедренная и берцовая кости, пренадлежавшие, очевидно, мужчине пожилого возраста (человеческие кости определяла С. Круц). Около фрагмента бедренной кости была найдена небольшая прямоугольная обоймочка из золота. В юго-западном углу погребения находился тайник овальной формы. Глубина его достигала 0,4 м. Тайник был полностью ограблен[2].

Вот все данные дневника, которые были получены мною от А. Г. Ширяева. В письме, написанном мне заместителем директора Запорожского краеведческого музея В. Ф. Пешанова от 31 декабря 1968 г., было сказано: «...на этом участке (строительной площадке.— *В. Ш.*) я раскопал

[1] Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность А. Г. Ширяеву за передачу мне этих материалов: краткого дневника, фотографий процесса раскопок и вещей, а также чертежей — плана и разреза кургана и плана погребения.

[2] К сожалению, вещи не нанесены на план погребения и отсутствует фотография их на месте, в могиле.

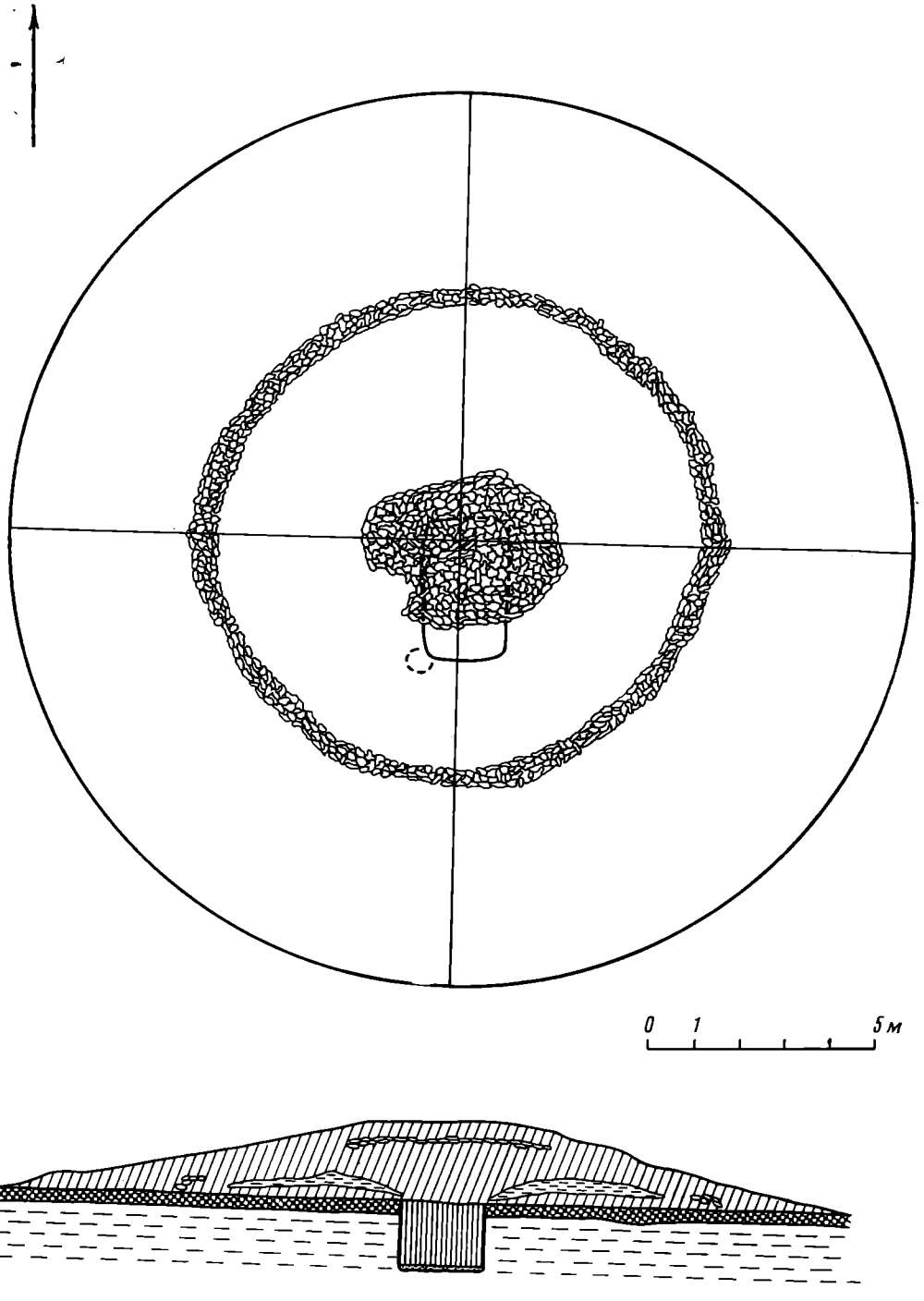


Рис. 1. Общий план кургана (чертеж)

три кургана. Два из них, сарматского времени, были разграблены начисто, а третий содержал погребение бронзового века. Центральное погребение в нем тоже оказалось разрушенным. Кроме трех курганов здесь же я доследовал еще одно сарматское погребение, обнаруженное строителями в ходе подготовки котлована. В кургане, которым я занимался в этом году весной (№ 4), в глубокой погребальной яме были выявлены: одна маленькая золотая пуговица (нашивная бляшка.— *В. Ш.*), панцирные пластинки, фрагменты амфоры римской поры. Еще одна золотая пуговка (нашивная бляшка, тоже маленькая.— *В. Ш.*) и два крупных фрагмента панциря были выявлены вне ямы на уровне начала светлого грунта».

Так что здесь на строительной площадке находился небольшой курганный могильник эпохи бронзы и сарматского времени. Относительно

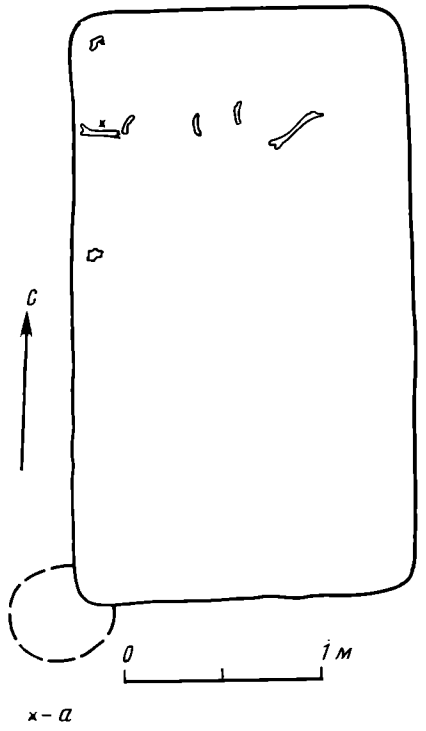


Рис. 2. План могилы Запорожского кургана (чертеж) *а* — местонахождение золотой обоймочки

кургана, раскопанного А. Г. Ширяевым, В. Ф. Пешанов пишет: «Во-первых, он приступил к расчистке ямы, когда наступили сумерки; во-вторых (это самое главное), он „лез" в погребальную яму при помощи бульдозера, который выхватил находки тогда, когда до дна ямы осталось всего 80 см». Судя по имеющейся у меня фотографии, стенки могильной ямы были срезаны бульдозером почти до уровня свода тайника (рис. 3).

К отчету А. Г. Ширяева необходимо сделать следующие примечания и добавления: 1. Диаметр центральной овальной каменной вымостки в тексте указан 4,5×5 м, а на чертеже, судя по приложенному масштабу, он равняется 4,4×3,3 м. 2. На чертеже коменная вымостка ориентирована длинной осью по линии ССВ—ЮЮЗ. Здесь несоответствие ориентировок длинных осей вымостки и могилы, что никогда не бывает в действительности. Видимо, каменная вымостка из песчаника была несколько разрушена грабителями с южной стороны. 3. Вокруг могилы и каменной вымостки на древнем горизонте был сооружен каменный кромлех из песчаника диаметром по линии З—В 12 м, по линии С—Ю — 11,3 м. Высота кромлеха от уровня погребенной почвы 0,4—0,5 м, ширина — 0,4—0,6 м. 4. На древнем горизонте под насыпью был обнаружен, судя по чертежу (профилю), выкид желтой материковой глины диаметром 9,5 м и высотой до 0,6 м. В отчете автор раскопок отмечает, что высота кургана 1,8 м, а выкид из могилы был выявлен на глубине 1,9 м, «на уровне погребальной почвы», материк 2,1 м, толщина же погребальной почвы 0,3 м. Здесь в измерениях явно небольшое несоответствие. Видимо, высоту кургана автор определил не от уровня погребальной почвы, а от горизонта современной поверхности (1,80 м) и добавил к ней мощность погребальной почвы (0,3 м). В этом случае, действительно, материк должен находиться на глубине 2,10 м. 5. Поскольку глубина могилы 1,5 м, а уровень краев могилы снят до 0,8 м от ее дна, надо полагать, что золотые вещи, находившиеся на глубине 0,45 м, как пишет сам автор раскопок, были вытащены ножом бульдозера из могилы и обнаружены уже в отвале земли бульдозера, о чем свидетельствует, кроме того, свежий поперечный излом на золотой обкладке правой половины пряжки и отдельные мелкие повреждения на левой половине.

Левая половина поясной пряжки (рис. 4, 5). Изготовлена из бледно-зеленоватого цвета золотой пластины толщиной 0,1—0,2 см. Нижняя и левые кромки пряжки прямые, а верхняя и правая части фигурные, форма такая же, как на аналогичных пряжках коллекции Петра I [3, табл. VIII, *7—8* и др.].

В центре внизу на пластинке оттиснута поверженная на землю фигура быка в профиль, вправо, с полураскрытым ртом. Передняя лопатка, ребра и бедро быка подчеркнуты восемью каплевидными вставками. В пяти из них сохранились вставки. Вставки удерживались в напаянных на золотую обкладку лоточках, края которых были слегка загнуты внутрь. Слева изображен напавший сверху на быка пантерообразный хищник с поднятым кверху хвостом, завершающимся головкой грифона. Несколько приподнявшись на задние ноги, он острыми когтями правой передней лапы терзает бок быка, а зубами вцепился в нижнюю челюсть быка несколько выше губы. Когти каждой лапы хищника моделированы в виде

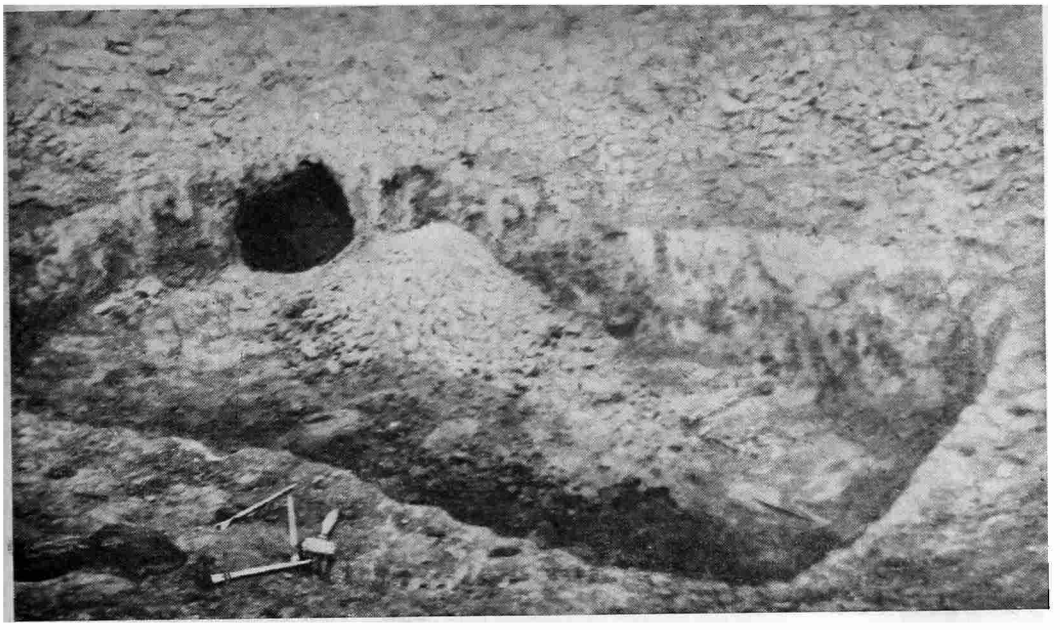


Рис. 3. Фото могилы с тайником

трех каплевидных гнезд с кое-где сохранившимися вставками. В ушах хищника сохранилась вставка каплевидной формы. Круп и ребра его выделены аналогичными вставками. В двух из них сохранились вставки. Справа, поднявшись на задние лапы, оттиснут второй пантерообразный хищник, напавший на первого. Когтями правой передней лапы он терзает за лопатку первого, а когтями левой передней — его шею и темя быка. Зубами он вцепился в холку первого хищника. Поднятый хвост его, как и у первого хищника, завершается головкой грифона.

Сверху в голову второго хищника вцепился зубами мелкий рогатый хищник, шея или холка которого подчеркнута двумя прямоугольными гнездами, в одном из которых сохранилась вставка из одонтолита. Очевидно, он изображен рогатым, и концы рогов его, видимо, завершаются четырьмя головками грифонов, образующих вместе с двумя одинаковыми головками грифонов на концах поднятых кверху хвостов двух пантер верхнюю рамку пряжки.

Глаза, ноздри и уши грифонов моделированы круглыми и семечковидными гнездами, в которых имелись вставки, частично сохранившиеся. Как показали химические анализы, вставки изготовлены из одонтолита — окаменелого зуба мамонта, окрашенного окисью меди в голубой, серо-зеленый и коричневый цвета. Мышцы на ногах хищников подчеркнуты продольными бороздами, а шерсть — поперечными насечками. Голова второго хищника частично срезана и помята, видимо, ножом бульдозера. Оборотной стороной золотая обкладка была надета на пластинчатую основу из железа толщиной 1,5—2 мм. Края золотой пластины загнуты на основу на 2—3 мм. Для предохранения оттиснутых изображений от помятости внутренняя полость между золотой обкладкой и железной основой заливалась смолой с примесью песка (битум), так же как на фалярах Садового [4, с. 128—130] и Кирсановского [5, с. 208] курганов и ряде других изделий.

Железная основа пряжки частично повреждена в результате коррозии, а частично, видимо, ножом бульдозера. На основе имеются четыре железные петли шириной 4,5 мм: две из них приварены вблизи верхнего, а две — у нижнего края пряжки. Диаметр отверстий петель около 4 мм. Внутри и вокруг петель наблюдаются остатки пятен ржавчины, на которой четко отпечаталась структура ремня. Петли размещаются горизонтально, и протянутые в них ремешки шли в вертикальном направлении.

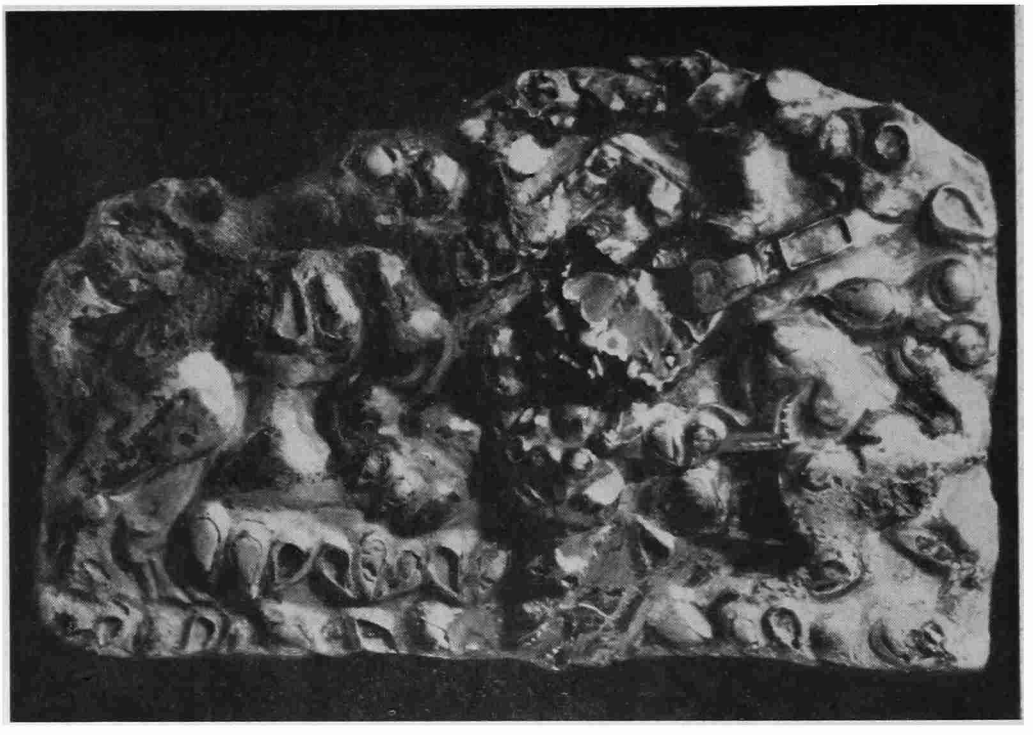


Рис. 4. Фото левой половины золотой застежки

Вставки отсутствуют в 13 гнездах. Размеры пряжки: длина 10,5 см, наибольшая ширина 6,8 см, общая толщина 1,8 см.

Правая половина поясной пряжки (рис. 5, *2*). Золотая обкладка изготовлена из золота более желтоватого оттенка. На пластинке оттиснут тот же сюжет, но в зеркально-обратном порядке. Бык здесь изображен головой влево. Эта пластина была сломана пополам. Небольшая средняя частица золотой обкладки и железной основы, а также петли для крепления ремней были, видимо, разрушены ножом бульдозера. В отличие от левой половины пряжки вытянутая шея или холка третьего хищника выделены тремя квадратными вставками. Вставки не сохранились в 20 гнездах. У левого края имеется массивный шип с пуговкой для застежки. Длина правой половины пряжки 10,7 см, ширина — 6,6 см, толщина — 1,8 см[3].

В коллекции золота Петра I Государственного Эрмитажа имеется 10 пар аналогичных парных пряжек и три непарные. Кроме того, одна непарная аналогичная пластина была обнаружена нами в погребении раннесарматского времени у с. Верхнее Погромное [6, с. 44, рисунок]. Однако все эрмитажные пластины и последняя пряжка отличаются от запорожской техникой изготовления. Запорожская пряжка обтянута с лицевой стороны тонкими золотыми пластинами со штампованными изображениями. Кроме того, как мы уже отмечали, с оборотной стороны запорожских пластин пряжки подложена железная основа, а пространство между обкладкой и основой заливалось для предохранения рельефных изображений от помятостей битумом, в то время как эрмитажные пряжки литые, монолитные, вес золота которых достигает 155,9—464,7 г. [3, с. 25]. К тому же пряжки из коллекции Петра I отличаются и по стилю. Видимо, они все более ранние, чем запорожские, а некоторые, безусловно, происходят из Сибири. Так, среди 56 «мест» золотых вещей, присланных

[3] Высказанное А. П. Манцевич мнение, что обе пластины изготовлены различными мастерами, звучит неубедительно. Поразительное сходство их стиля, одинаковая сюжетность и тот факт, что изображения на обеих пластинах оттиснуты зеркально, говорят о том, что обе пластины изготовлены в одной мастерской либо одним мастером, который хорошо знал сюжет воспроизведенного мифа и назначение каждой половины пряжки [1, с. 15, 16].

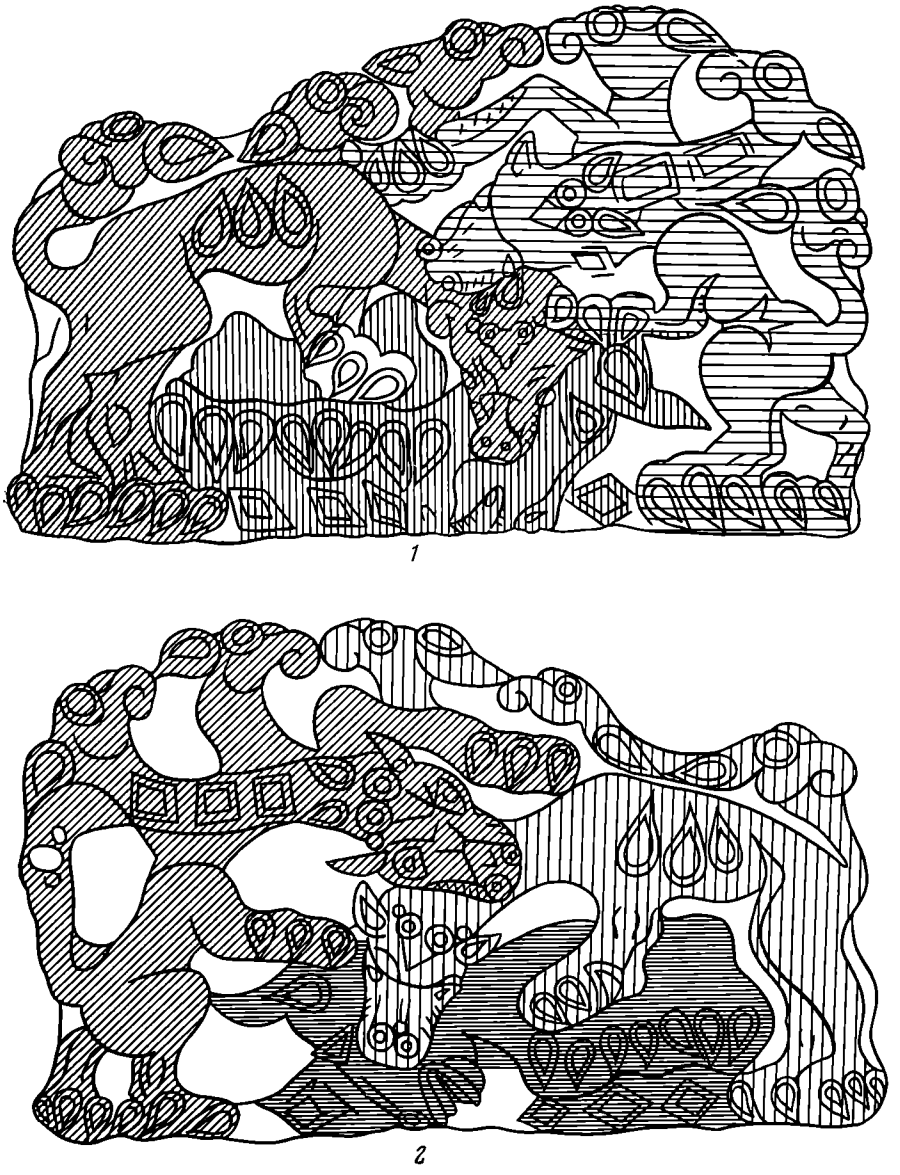


Рис. 5. Прорисовка золотых застежек по А. В. Брянцеву *1* — левая половина; *2* — правая половина

Петру I 12 декабря 1716 г., упоминаются в перечне две большие золотые бляхи с вылитыми на них львами [3, с. 11].

Итак, техника, стиль и тем самым время изготовления запорожской золотой пряжки и аналогичных золотых изделий из коллекции Петра I резко отличаются друг от друга.

Браслет изготовлен из золотого прута, утолщающегося к середине. Диаметр браслета 7,7—6,7 см, диаметр стержня 0,4—0,5 см. На концы прута надеты две полые внутри головки животного длиной 3,5 см. Каждая головка спаяна вместе из двух штампованных половинок. Они закреплялись на стержне браслета с помощью желобчатого хомутика диаметром 0,8 см и толщиной 0,15 см. Сомкнутые концы хомутика спаяны на внутренней стороне браслета, с внутренней стороны хорошо заметны следы шва. Внутренняя полость в каждой головке для предохранения рельефа от помятости была заполнена сероватым сыпучим веществом. Как показал химический анализ, произведенный И. В. Богдановой-Березовской, эта масса из извести, разведенной на органическом белке (яичный белок или творог) [1, с. 9, рис. 1, с. 10, 11].

Посредине вдоль морды — валик. Морда животного тупая, рот намечен полукруглой линией. На месте глаз и ушей сохранились гнезда от вставок. Гнезда для глаз круглые. Уши заостренные. В правом ухе одной

Рис. 6. Золотой фалар

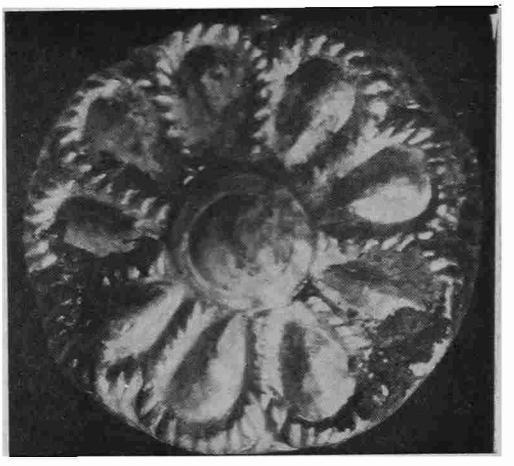


Рис. 7. Золотое навершие псалий

головки сохранилась вставка из светлого непрозрачного стекла. Между ушами два бугорка, обрамленные вокруг зернью,— основания рогов (?). С наружной стороны на головках имеются потертости от длительного употребления изделия. Одна головка браслета сильно помята. Как отмечала А. П. Манцевич, близкая по технике изготовления головка коня имеется в коллекции Петра I. Она напоминает также головку золотого браслета из погребения (курган 4, погр. 2), исследованного А. Н. Мелентьевым и Е. В. Шнайдштейн у Черного Яра, в Нижнем Поволжье[4].

Предметы конского убора. 1) Маленькие фалары (рис. 6). Шесть маленьких золотых фаларов, украшавших перекрестье ремней уздечки. Это круглые на бронзовой основе бляшки, покрытые снаружи золотой обкладкой толщиной 0,1—0,2 мм. Края обкладки завернуты на основу на 0,2 см. Остатки петель для прикрепления фаларов на месте перекрестья ремней сохранились на бронзовых основах лишь у двух фаларов. Концы петель припаивались в центре. Ширина ленты-петли 0,65 см, толщина — 0,5 мм. На золотых обкладках фаларов внутри рельефного ободка, украшенного косыми насечками (имитация веревочки), оттиснута одним штампом фигура сайгака с массивной характерной горбатой носовой частью морды, выделенной поперечной бороздкой. Морда сайгака изображена между двумя резко согнутыми в коленях ногами. На лопатках специальные гнезда с каплевидными вставками из голубоватого стекла. Задняя часть вывернута так, что видна одна правая задняя нога, круп которой также украшен стеклянной вставкой. Острые уши и круглые глаза моделированы вставками из того же стекла. В гнездах для глаз в трех случаях сохранились вставки из коричневого стекла (две в левом и одна в правом). Полое пространство между золотой обкладкой и бронзовой основой заполнено темной массой, окрашенной окисью меди. Диаметр фалара 3,65 см, высота — около 1 см. Изображения на всех фаларах чеканились одним пунсоном.

Судя по находкам в Жутовском кургане, на перекрестьях ремней крепилось восемь золотых фаларов. Следовательно, два фалара были утрачены во время ограбления могилы. Наиболее близкими аналогами нашим фаларам являются фалары из Кирсановского [5, с. 208, рис. 4 и 5] и Усть-Лабинского курганов [1, с. 20, рис. 11, *1*]. Перечень фаларов близкого круга дан в статье А. П. Манцевич [1, с. 18].

2) Золотые навершия псалий (рис. 7). К конской узде относятся также два круглых золотых наконечника псалиев с оттиснутым изображением девятилепестковой розетки, чеканенных одним пунсоном. Лепестки обрамлены валикообразными утолщениями с косыми насечками — имитация веревочки. Центр каждой бляшки украшала вставка из

[4] Материалы не опубликованы.

синеватого иризованного стекла размерами 0,7×0,8 см. Диаметр гнезда в основании 1,2, вверху — 0,8 см; глубина 0,3 см. Круглые основы — подкладки образовались в результате расковки концов стержней железных гвоздевидных псалий. Края золотой обкладки загнуты на 0,2 см на железную основу. Средняя часть псалий не сохранилась. Пространство между железной основой и золотой обкладкой было заполнено для предохранения рельефа от помятости пастой, окрашенной окисью железа. Железная основа сохранилась плохо. В каждой золотой обкладке наконечника имеется вырез там, где железная основа соединялась со стержнем псалия. Диаметр наконечника 3,8 см, высота — 1,1 см. Один псалий вместе с золотым навершием, видимо, был утрачен при ограблении могилы.

Псалии в Запорожском кургане были железные, гвоздевидные, с двумя утолщениями посредине, в которых имелись круглые отверстия для продевания уздечных ремней, как на уздечках среднесарматского времени Калиновского (34/1) и Жутовского (28/1) могильников [7, с. 491, рис. 59, *1—2*].

Судя по находкам в Жутовском кургане, в богатых сарматских погребениях встречаются обычно 2 больших фалара и 12 маленьких. Из них 8 маленьких украшали перекрестья ремней, а 4 служили навершиями псалий. Аналогичные украшения концов псалиев, но с иными сюжетами, оттиснутыми на золотой обкладке, имеются в конском наборе украшений Жутовского могильника (к. 28), Садовом кургане, Зубовском и других памятниках [2, с. 185, рис. 19; с. 186, рис. 21].

Датировка Запорожского кургана. А. П. Манцевич отнесла Запорожский курган ко II в. н. э. [1, с. 25]. Однако внимательное изучение обряда погребения, формы погребальных сооружений и инвентаря аналогичных сарматских погребений позволяет отнести его к более раннему времени. Как видно из описания, погребенный был захоронен в большой прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии С—Ю. В юго-западном углу вырыт тайник. К сожалению, из-за ограбления Запорожского кургана не удалось выяснить ни положение, ни ориентировку погребенного. Однако в настоящее время на правобережье Дона, вдоль р. Есауловского Аксая, нами выявлена целая серия богатых сарматских захоронений в прямоугольных и подквадратных могилах, в углах которых вырыты, так же как в Запорожском кургане, тайники. Приведем краткие данные об этих погребениях.

1. Жутовский могильник, Октябрьский р-н Волгоградской обл. (к. 28/1; первая половина I в. н. э.; рис. 8, *1*). Под курганом, в центре, обнаружена подквадратная могила размерами 3×2,4×2,5 м, ориентированная длинной осью по линии З—В. Яма перекрыта деревянным накатом и корой. У дна в северо-западном и юго-западном углах могилы выдолблены две ниши тайника размерами 0,4×0,5×0,3 м. В ней был погребен мужчина (?). Могила ограблена, но в ней были обнаружены: бронзовый котел, 14 золотых фаларов, 8 серебряных сосудов, 2 бронзовые пряжки, бронзовая обойма, куски ткани, кожаные сшитые ремни, 21 полусферическая золотая бляшка для нашивания на одежду, 20 золотых нашивных бляшек в виде углов, 3 лировидные золотые бляшки, обломок стенок канфара дутого стекла, обломки серолощеного кувшина, стенки красноглиняного гончарного кувшина, стеклянная витая ручка от кубка, обломки стенок бронзового сосуда, обломки железа, кусочек розовой краски, кусочек гешировой дисковидной бусины, обломки железного ножа, обломки железного перстня с овальной стеклянной вставкой на щитке, обломок бронзовой конической бусины, 2 бронзовых бубенчика.

2. Терновский могильник, Октябрьский р-н Волгоградской обл. (к. 6/1; I в. н. э.; рис. 8, *2*). В центре под насыпью обнаружена прямоугольная могила, ориентированная длинной осью по линии С—Ю. Размеры могилы 2,6×1,3×2,1 м. В дне могилы в северо-восточном углу ниша-тайник размерами 0,35×0,35×0,40 м. Могила ограблена. В засыпи и на дне обнаружены остатки костяка мужчины и следующий инвентарь: железные трехперые наконечники стрел, лощеный кувшин со сливом и витой ручкой, обломки стенок бронзового котла с валиком,

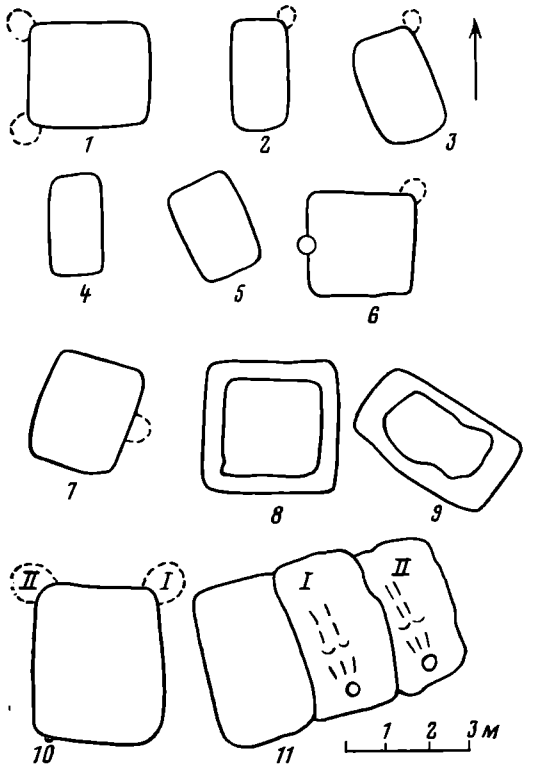


Рис. 8. Формы погребальных сооружений Нижнего Подонья. *1* — Жутово 28/1; *2—6* — Терновский могильник: *2* — 6/1, *3* — 7/1, *4* — 8/1, *5* — 10/1, *6* — 12/2; *7—8* — МТФ колх. «Светлый путь»: *7* — 49/1, *8* — 50/1; *9—10* — Чиково: *9* — 6/1, *10* — 39/1; *11* — Жутово 27/4

украшенным насечками, отщеп кремня, обломок клинка железного меча и обломки железной пряжки.

3. Терновский могильник 1966 г. (к. 7/1; II в. до н. э.; рис. 8, *3*). В центре под насыпью обнаружена прямоугольная могила, ориентированная длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ, размерами 2,65×1,5×1,5 м. Яма перекрыта деревом и камышом. В северо-восточном углу у дна могилы вырыта ниша-тайник размерами 0,8×0,7××0,7 м. Могила ограблена (рис. 2). В засыпи и на дне могилы обнаружены кости мужчины и следующий инвентарь: фрагменты железного меча с серповидным навершием и прямым перекрестьем, обложенным золотой фольгой, обломки железных кольчатых удил, двудырчатые железные гвоздевидные псалии, фрагменты железной бляшки, железный фрагментированный перстень с овальным щитком, 8 железных трехперых втульчатых наконечников стрел, 12 железных трехперых черешковых наконечников стрел, литая золотая пряжка, 7 ромбовидных золотых бляшек, 22 золотые бляшки в виде цикад, 13 золотых крестовидных бляшек, железный предмет неясного назначения, фрагмент слива серолощеного кувшина, фрагменты бронзового котла с поддоном.

4. Терновский могильник 1966 г. (к. 8/1; I—II в. н. э.; рис. 8, *4*). Под насыпью, в центре, обнаружена прямоугольная могила, ориентированная длинной осью по линии С—Ю, размерами 2,3×1,25×1,25 м. Погребение ограблено. В засыпи и на дне могилы обнаружены — зольное пятно, остатки костей взрослого человека и следующий инвентарь: обломки железного меча неясной формы, 15 железных трехперых черешковых наконечников стрел, золотые нашивные бляшки — прямоугольные ажурные с ромбом в центре и четырьмя отверстиями и рубчиками — 105 шт. Б-образные с тремя отверстиями — 5 шт., квадратные с выпуклостью в центре и тисненым кружком — 36, в виде знака Боспорского царя Инантимея — 139, цилиндрические бусины светлого стекла — 3, мелкие бусины-бисерины — 16, фрагмент железной пряжки, золотая полусферическая бляшка с заклепкой внутри.

5. Терновский могильник 1966 г. (к. 10/1; I в. до н. э. — I в. н. э.; рис. 8, *5*). Под насыпью в центре обнаружена прямоугольная могила, ориентированная длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ, размерами 2,6 ×1,6×1,55 м. Погребение взрослого человека разрушено. В засыпи и на дне встречен следующий инвентарь: обломки серолощеного сосуда с круговыми бороздками, фрагмент стенки красноглиняного сосуда, 287 золотых бляшек в виде кнопочек, 20 золотых пирамидальных бляшек, 15 золотых крестовидных и 6 золотых полусферических бляшек, много золотых нитей от парчи (?) и остатки органической подстилки.

6. Терновский могильник 1966 г. (к. 12/2; I—II в. н. э.; рис. 8, *6*). В центре под насыпью обнаружена квадратная яма размером 2,6×2,6×1,6 м. На дне в северо-восточном углу — ниша-тайник размером 0,3×0,3×0,35 м. На краю западной стенки стоял бронзовый котел

с костями животных и пробитым корпусом — «следами умерщвления». На дне лежал костяк подростка на спине, вытянуто, головой на юг. Рядом с костяком обнаружен следующий инвентарь: железный стержень, гончарная миска, горшочек и край кувшина, краснолаковый сосуд, железные трехперые черешковые наконечники стрел, три железных ножа, золотой перстень со щитком, красноглиняная гончарная ойнохоя, кремневый скребок, серолощеный кувшин, бисер из голубой египетской пасты, семь золотых нашивных бляшек-пуговок, железная прямоугольная пластина, кости животных.

7. Курган 49/1 у молочно-товарной фермы (МТФ) колх. «Светлый путь», Октябрьского р-на Волгоградской обл. (I в. до н. э.— I в. н. э., рис. 8, *7*). Под центром насыпи обнаружена подквадратная могила, ориентированная длинной осью по линии ССВ—ЮЮЗ, размерами 2,7×2,25×1,6 м. Посредине у дна восточной стенки ниша-тайник размерами 0,4×0,4×0,5 м. Погребение взрослого человека ограблено. На дне и в засыпи могилы обнаружены: железные трехперые черешковые наконечники стрел, обломок гончарного сосуда, обломок стенки сосуда с ручкой, фрагменты железного ножа, фрагмент алебастрового сосуда, две золотые ромбические бляшки (одна в тайнике).

8. Курган 50/1 у МТФ колх. «Светлый путь» (см. предыдущий) (I в. до н. э.— I в. н. э.; рис. 8, *8*). В центре под насыпью обнаружена квадратная яма, сужающаяся ко дну, размером 3,3×2,8×3,15 — 1,6×1,8 м. На дне могилы лежал костяк мужчины на спине, вытянуто, головой на юг. Погребение сильно ограблено. В нем обнаружен следующий инвентарь: обломки железного меча, 50 железных трехперых черешковых наконечника стрел, обломок железного ножа, железная кольцевидная пряжка, фрагмент железного ножа, обломок края алебастрового сосуда, массивное золотое кольцо со сомкнутыми концами, фрагмент сероглиняного сосуда с ручкой.

9. Чиковский могильник 1977 г., хут. Чиков, Октябрьского р-на Волгоградской обл. (к. 6/1; I в. до н. э.— I в. н. э.; рис. 8, *9*). Под центром насыпи обнаружена прямоугольная, видимо разрушенная грабителями, могила, ориентированная длинной осью по линии СЗ—ЮВ, размером 3,8×2,6×2 — 1,65×1,75 м. На дне могилы оказались кости взрослого человека и следующий инвентарь: обломок железного кольца, коралловые бусы, бисер из египетской пасты и золотая амфоровидная серьга, кости ног и лопатка лошади.

10. Чиковский могильник 1977 г. (к. 39/1; I в. до н. э.— I в. н. э.; рис. 8, *10*). В центре под насыпью оказалась среди выкида желтой глины прямоугольная могила, ориентированная по линии С—Ю, размерами 3,6—3,3×3,05 — 2,03×2,6 м. В северо-западном и северо-восточном углах у дна вырыты две ниши-тайника размерами: I — 0,5×0,8×0,8 м; II — 0,55×0,4×1 м. Погребение ограблено. В засыпи и на дне обнаружены фрагменты сероглиняного сосуда, сердоликовые, гешировые и пастовые бусы, золотые нашивные бляшки, фрагменты красноглиняного сосуда, каменные и костяные подвески, каменное навершие, фрагменты алебастрового сосуда и железных предметов, кусочки окиси меди (от сосудов?) и кости барана.

11. Жутовский могильник (см. № 1) (к. 27/4; III в. до н. э.; рис. 8, *11*). Впускная подбойная двойная могила, входная яма которой обнаружена во внутреннем ровике кургана. Колодец прямоугольной формы, ориентирован по линии ССЗ—ЮЮВ, размерами 2,25×1,25×2,20 м. Подбой в восточной стенке. Размеры подбоя 2,25×1,20×1 м. На дне подбоя лежали кости мужчины на спине, вытянуто, головой на юг — юго-восток. Рядом с погребением найден следующий инвентарь: деревянный колчан, обложенный поверх кожей, прошитый по швам золотой лентой; 102 трехперых черешковых железных наконечника стрел (древки, окрашенные красной краской, сохранились частично вместе с яблочками); длинный железный меч со стержнем и прямым перекрестьем, 2 гешировые пряжки от пояса с бронзовыми крюками, нижняя часть сосуда «финикийского» стекла, античный глиняный бальзамарий, 45 ромбических

золотых нашивных бляшек, 190 золотых бляшек в виде городков, каменный оселок, железный нож, медный клепаный котел, красноглиняный гончарный кувшин, сероглиняная гончарная пелика, серебряное дисковидное зеркало, серебряные нитяные обоймы от деревянного колчана, 3 золотые обоймочки с железными заклепками, 4 золотые бляшки-пуговки, железная петля, железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестьем, перекрестье и рукоять обложены золотой фольгой. На золотой обкладке деревянных ножен оттиснуты сцены борьбы зверей.

В восточной стенке вырыт второй подбой, где обнаружен костяк женщины на спине, вытянуто, головой на юг — юго-восток. Верхняя часть костяка буквально покрыта огромным количеством бус из гешира и стекла.

Как видно из краткого описания, с 1964 по 1977 г. в Нижнем Подонье на берегах левого притока Дона, Есауловского Аксая, нами было исследовано 11 погребений сарматской знати. Все эти погребения обнаружены, так же как и в Запорожском кургане, под индивидуальными насыпями, высота которых от 1 до 1,70 м, а диаметр — от 24 до 44 м.

В насыпи некоторых курганов встречены камни песчаника, видимо остатки панциря, разрушенного при систематической распашке насыпей. В рядовых погребениях того же времени Жутовского могильника на древнем горизонте выявлены, как и у Запорожского, остатки каменных кромлехов вокруг оснований курганов.

Под девятью курганами захоронения обнаружены в больших прямоугольных или подквадратных могилах, ориентированных, так же как в Запорожском кургане (ССЗ—ЮЮВ), длинной осью по линии С—Ю, а в одном случае по линии З—В (Жутовский могильник, к. 28). Размеры ям: длина 3,30—2,60 м, ширина 3,15—1,25 м и глубина от уровня древнего горизонта 2,50—1,25 м. Размеры ямы Запорожского кургана также совпадают: 3,1 (2,9) $\times$ 1,8 $\times$ 1,5 м.

В подавляющей части могил (как и в Запорожском) в одном из углов, а иногда в двух и гораздо реже посредине, в одной из стенок, вырыты 1—2 ниши-тайника. В одном нетронутом таком тайнике (Жутово, к. 28) нами был обнаружен набор из 14 золотых фаларов от конской узды. Вокруг всех могил прослеживался выкид желтой материковой глины, перекрытый камышом, а иногда древесной корой. На краях и в засыпях могил прослеживались остатки деревянного перекрытия. В ряде могил удалось установить положение костяка — на спине, вытянуто (Терновский 12/2, 50/1) и ориентировку — головой на юг. Во многих могилах встречены остатки углей (Жутово 28/1 и др.). Все эти данные указывают либо на раннесарматское, либо на среднесарматское время этих захоронений. Не противоречит этому и погребальный инвентарь.

Таким образом, по всем приведенным данным форма и размеры донских богатых могил ничем не отличались от запорожской. Вместе с тем в кургане 27/4 Жутовского могильника встречена одна богатая нетронутая подбойная могила с южной ориентировкой костяка. В продольной стенке камеры вырыт еще один подбой, где обнаружено женское погребение.

Подавляющая часть донских погребений оказалась ограбленной, однако в могилах сохранились остатки богатого погребального инвентаря. Нижнюю хронологическую границу этих захоронений определяет захоронение в подбойной могиле 27/4 — III в. до н. э., которое содержало железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестьем в деревянных ножнах с золотой обкладкой, на которой оттиснуты сцены борьбы зверей, железный длинный меч с прямым перекрестьем, античный бальзамарий III в. до н. э., медный котел и нижняя часть сосуда из так называемого финикийского стекла [8, с. 138, 139].

К прохоровскому времени относится погребение Терновского могильника 7/1 с железным мечом с серповидным навершием и прямым перекрестьем и железными трехперыми втульчатыми наконечниками стрел.

Верхнюю хронологическую границу определяют прежде всего захоронение 28/1 Жутовского могильника, где обнаружена серия серебряных сосудов, которые относятся к стадии BI по Эггерсу [8, с. 151, рис. 58, *1*],

а также обломки канфара дутого стекла типа обнаруженного Н. Б. Анфимовым в погребении № 88 Усть-Лабинского могильника № 2, относящаяся к I в. н. э. [9, с. 196, рис. 12, *17*, с. 197].

Дата верхней границы этих захоронений с тайниками подтверждается находками в них краснолаковых сосудов I в. н. э. (Терновский могильник 12/2).

Особенно близки Запорожскому кургану фалары из Кирсановского, Жутовского и Зубовского курганов [5, с. 208, рис. 4, *5*]. И здесь и там совершенно одинаковая техника изготовления, полное сходство форм стеклянных вставок в глаза, уши и ноздри, тождество материала прокладок для предохранения оттиснутых изображений на золотых обкладках от помятостей, как будто бы они изготовлены в одной и той же мастерской.

Поражает также стилистическая близость — свернувшиеся в кольцо животные с вывернутым задом. Очень близки по стилю изображения на поясных пряжках из Запорожского и на больших фаларах из Жутовского курганов, где наблюдается сплетение животных в отчаянной борьбе. Выступающие части тела животных и здесь и там подчеркнуты идентичными по форме вставками.

Все это плюс сходство форм могильных сооружений и, видимо, обряда погребения заставляет отнести Запорожский курган к среднесарматскому времени и датировать его I в. н. э.

А. П. Манцевич на основании единичной находки навершия меча и обкладки золотых ножен в Болгарии в мужской могиле Рожава Драгана близ Чаталка [10, с. 25, рис. 9, *11*] пытается отнести изготовление всех ювелирных изделий этого типа и даже более ранние изделия коллекции Петра I Государственного Эрмитажа за счет фракийских ювелирных центров [2, с. 178—182]. С этим трудно согласиться. Во-первых, эти изделия в степях Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья имеют широкое распространение. Их здесь сотни, в то время как во Фракии, как правило, они отсутствуют. Во-вторых, форма меча, найденного в могиле № 2 у Чаталка, явно не фракийского, а сарматского происхождения [5, с. 209, прим. 46]. Находки сарматских мечей из района Старой Загоры хорошо известны[5]. К тому же из могильников Болгарии происходят черепа с яркими следами искусственной деформации, так характерные для позднесарматских захоронений [11, с. 65—71, с. 11—21 и др.]. Кроме того, мы знаем из письменных источников о набегах сарматов на римскую провинцию Н. Мезию и даже о поселении их там. В-третьих, на запорожских фаларах воспроизведены не козлы, а сайгаки с горбатым носом, совершенно неизвестные на территории Болгарии как в древности, так и в настоящее время [12]. В-четвертых, фалар, который приводится А. П. Манцевич из той же могилы у Чаталка, как правильно отметил Б. А. Раев [5, с. 209, прим. 46], на самом деле является навершием меча с отверстием в центре. К тому же золотой ободок этого изделия украшен оттисками так называемых царских знаков, которые встречаются на многочисленных памятниках античных колоний Северного Причерноморья [13, т. VII, с. 387] и ряде изделий, обнаруженных в курганах степей Прикубанья и Украины [10, с. 25, рис. 11].

Что же касается вещей так называемой Сибирской коллекции золотых предметов Петра I, то об их происхождении в литературе имеется несколько точек зрения. С. И. Руденко без достаточных оснований утверждал, что все эти вещи происходят из Сибири [3, с. II, 12]. Наоборот, Н. И. Веселовский, сопоставляя вещи из Новочеркасска, Зубовского кургана и золотой коллекции Петра I, утверждал, что они не принадлежат к находкам из Сибири [14, с. 362]. Эту же точку зрения разделяет и А. П. Манцевич [1, с. 187 сл; 2, с. 24 сл.].

Последние археологические исследования со всей наглядностью свидетельствуют о том, что коллекция золота Петра I — собрание сложное. Наряду с вещами сибирского происхождения в ее состав входят вещи,

[5] В 1960 г. в музее Старой Загоры мною был зарегистрирован железный меч с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем, обнаруженный Д. Николовым в одном из курганов Старой Загоры.

найденные в сарматских могилах нижнего Поволжья, Северного Причерноморья и даже Средней Азии. Так, документально установлено, что в 1726 г. в нее вошли две большие коллекции золотых и серебряных вещей из бывшей Астраханской губернии, т. е. оттуда, где обитали сарматы, и найденные в Средней Азии в районе Самарканда [15, с. 31], почти рядом с местонахождением Амударьинского клада.

Достаточно сопоставить две гривны золотой сибирской коллекции Петра I Государственного Эрмитажа с парой браслетов из Амударьинского клада, чтобы убедиться в их ахеменидском происхождении [ср. 3, табл. XVI, XVII; 1 рисунок на обложке]. Они сходны стилистически во всех, даже мелких, деталях. Не права А. П. Мацевич, что в коллекцию золотых вещей Петра I входило лишь несколько предметов из Сибири — дар А. Демидова и Гагарина [1, с. 23 слл.]. В 1726 г. в кунсткамеру поступило «драгоценнейшее собрание из чистого золота вещей, в числе которых находилось 250 вынутых в Сибири из гробов татар, обладавших прежде сею стороною... весу всего золота было 74 фунта» [17, с. 41; 18, с. 63—69, 19, с. 37—53; 20]. И как мы отмечали выше, в нее входили золотые литые поясные бляхи.

Имеются данные о том, что некоторые вещи из золотой коллекции Петра I происходили и из Алтая. Г. Ф. Миллер передал в кунсткамеру золотые вещи, купленные им на Колывано-Воскресенском заводе, среди которых находилось изображение человека «на лошади нарочито чисто выделанной» [3, с. 225].

О различном происхождении вещей золотой коллекции Петра I свидетельствует и различная техника их изготовления, в том числе и поясных пряжек. Среди них имеются и чеканные, как запорожская (единичная), и литые, как у Верхнего Погромного [6, с. 44]. А самое основное, эти вещи хронологически разнородны.

Как показывают материалы Амударьинского клада и раскопок С. И. Руденко на Алтае, ряд вещей этой коллекции бесспорно относятся к скифскому времени, а некоторые датируются, на основании новых исследований курганов в Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье, сарматской эпохой, а часть их, видимо, еще более поздним временем.

Таким образом, блестящая коллекция золотых художественных изделий Петра I Государственного Эрмитажа включает наряду с вещами южносибирского происхождения украшения из Алтая, сарматских могил поволжских степей и региона Самарканда — родины Амударьинского клада.

Последние исследования царских могил в Афганистане В. И. Сарианиди после их полной публикации со всей наглядностью покажут роль Средней и Передней Азии в создании так называемого сарматского звериного стиля. При этом многие стилистические особенности его возникают еще в ахеменидскую эпоху [21, с. 125—132, табл. 1721; 22, обложка; 23, с. 14—17].

Каким сарматским племенам принадлежат рассмотренные выше одинаковые по обряду погребения и инвентарю захоронения? Ответ на этот вопрос дает прежде всего Страбон. Он пишет: «В первую часть от северных стран и океана населяют некоторые кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны (на юг.— *В. Ш.*) — сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» [24, XI, 2, I] [6].

Затем Страбон переходит к более подробному описанию населения своей первой части Азии. Описав Колхиду, Иберию и Албанию, следуя при этом с запада на восток, он переходит к повествованию о племенах, живущих в Северном Предкавказье, ведя его с юга на север: «Спускаясь

[6] Страбон локализует аорсов и сираков в первой части своей Азии, разделенной им для удобства описания на четыре части. В эту первую часть Азии входят страны Закавказья: Колхида, Иберия, Албания — предгорья и степи Северного Кавказа, распространяющиеся между Меотидой и Каспием, и далее она простирается на север в Междуречье Волги и Дона вплоть до океана (Ледовитого океана).

в Подгорья, мы вступаем в области более северные, но с более умеренным климатом. Дело в том, что эта область прилегает к равнинам сираков. Здесь (в этой подгорной области.— *В. Ш.*) живут также некоторые троглодиты, из-за холодов обитающие в звериных берлогах; но даже у них много ячменного хлеба. За троглодитами живут хамекиты (буквально — сидящие на земле) и так называемые полифаги (обжоры) и селения исадиков, которые еще в состоянии заниматься земледелием, так как живут на самом севере» [24, XI, 5, 8], и затем: «Далее (севернее.— *В. Ш.*) следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно нибианы (западнее? — *В. Ш.*) и панксаны (восточнее? — *В. Ш.*), а также племена сираков (западнее.— *В. Ш.*) и аорсов (восточнее.— *В. Ш.*). Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше (севернее.— *В. Ш.*), а аорсы обитают севернее сираков.

Абеак, царь сираков, выставил 2000 всадников в то время как Фарнак владел Боспором. Спадин же, царь аорсов, даже 200 000; обычно верхние аорсы выставляют еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти большей частью Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армен и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса, а сираки по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» [24, XI, 5, 8].

Таким образом, исходя из данных Страбона, аорсы кочевали по Танаису, в то время как многочисленные и сильные верхние аорсы владели Нижним Поволжьем, северным и северо-западным Прикаспием, и владения их, вероятно, доходили до железных ворот, которые они проходили на верблюдах, ведя караванную торговлю с армянами и мидийцами.

Каковы источники труда Страбона и к какому времени они относятся?

Как установили К. И. Нейман [25, с. 331, сл.] и М. И. Ростовцев [26, с. 380], источниками исторических справок XI книги Страбона были труды Артемидора Эфесского (конец II в. до н. э.) либо Типсикрита из Амиса, жившего в течение почти всего I в. до н. э.

Упоминание в приведенном отрывке боспорского царя Фарнака (63—47 гг. до н. э.), почти современника Страбона (63 г. до н. э.— 20 г. н. э.), также подтверждает, что приведенные фрагменты из Страбона относятся не раньше чем ко второй четверти I в. до н. э. Следовательно, мы можем констатировать полное совпадение датировок рассмотренных фрагментов из XI книги Страбона и значительной части донских погребений в могилах с тайниками в углу.

Наличие в этих могилах, несмотря на их ограбление, довольно большого количества богатых золотых украшений и серебряных сервизов еще раз подтверждает характеристику быта аорской знати, данную Страбоном в этих фрагментах.

Сходство погребальных сооружений, обряда и характера инвентаря Запорожского кургана с донскими заставляет считать, что он принадлежал одному из знатных лиц аорского общества. К тому же имеются письменные свидетельства античных источников, подтверждающих продвижение некоторых аорских племен на запад в I в. н. э. вплоть до Дуная [27, IV, 80; 28, с. 42 сл.].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Манцевич А. П.* До питання про «Сибірську коллекцію Петра I».— Археологія, 1973, № 8.
2. *Манцевич А. П.* Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I).— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
3. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I.— САИ, вып. Д 3—9. М.— Л., 1962.
4. *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркасска.— Вестн. АН СССР, 1963, № 3.
5. *Раев Б. А.* Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье.— СА, 1979, № 4.
6. *Шилов В. П.* Погребение сарматской знати I в. до н. э.— I в. н. э. Предварительное сообщение.— СГЭ, 1956, IX.

7. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
8. *Шилов В. П.* Очерки по истории племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
9. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
10. *Николов Д., Буюклиев Х.* Тракийски могилни гробове Чаталка, Старозагорско.— Археология, 1967, № 1. София.
11. *Чоланов С.* Изкусственно деформирован череп от к"осноантичен некропол в Кабиле.— Интердисциплинарно изследования. София, 1980, т. V—VI.
12. *Боев П., Чоланов С.* Изкусственно деформирован череп от некропол на Августа Траяна.— Биологический журнал Гос. Софийского университета. Т. 68, сер. Антропология, 1973—1975.
13. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975.
14. *Веселовский Н. И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе.— Тр. XII АС, 1902, т. 1.
15. *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской АН. М.— Л.: Наука, 1953.
16. *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Л.: Изд-во ГЭ, 1979.
17. *Завитухина М. П.* Собрание М. П. Гагарина 1716 г. в Сибирской коллекции Петра I.— АСб. ГЭ, 1977, № 18.
18. *Завитухина М. П.* К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I.— В кн.: Культура и искусство Петровского времени. Л.: Изд-во ГЭ, 1977.
19. *Неверов О. Я.* Памятники античного искусства в России Петровского времени.— В кн.: Культура и искусство Петровского времени. Л.: Изд-во ГЭ, 1977.
20. *Бакмейстер.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской академии наук / Пер. Костогова В. Спб., 1779.
21. *Sarianidi V. J.* The treasure of Golden Hill.— AJA, 1980, v. 84, 2.
22. Знание — сила, 1979, № 7.
23. Знание — сила, 1979, № 8.
24. Страбон. География Страбона в семнадцати книгах / Пер. Мищенка О. Г. М., 1879.
25. *Naemann K. J.* Strabons Landeskunde von Kaukasien. Besonderer Abdruck aus dem dreizehnten Supplem.— In: Bande der Jahrbücher für classische Philologie. Leipzig, 1883.
26. *Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора.— В кн.: Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков: Харьковск. ун-т, 1913—1914.
27. Плиний Старший. Естественная история.
28. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наукова думка, 1977.

V. P. Shilov

THE ZAPOROZHIE MOUND

(Towards the Problem of Burials of the Aors Nobility)

Summary

The author gives a new interpretation of the Zaporozhie Mound complex and identifies a new group connected with jewelry from the Amudarya hoard in Peter the Great's gold collection. The Aorses' habitat is established on the basis of written sources (Strabo, Pliny) and archaeological material. It was the lower Don and the Northern Circumpontic. Common criteria for identification of burials of the Aors nobility are indicated. They are: rectangular or almost square pits with hiding-places in the corners and the southern orientation of the buried. Sometimes one comes across large shaft-and-chamber tombs. Burial goods are of considerable richness.

СТАРОСТИН П. Н.

БОГОРОДИЦКИЙ МОГИЛЬНИК

Большинство памятников середины I тысячелетия н. э. Нижнего Прикамья относится к именьковской культуре, впервые выделенной в 50-е годы В. Ф. Генингом [1; 2]. Много внимания им в свое время уделили С. М. Шпилевский, П. А. Пономарев, А. А. Спицын, В. Ф. Смолин, Н. Ф. Калинин, Б. Б. Жиромский, А. М. Ефимова, А. Х. Халиков. Данная культура представлена главным образом поселениями. В настоящее время только на территории Татарии учтено более 350 именьковских городищ и селищ [3]. При раскопках поселений изучены жилища-землянки и полуземлянки, имеющие средние размеры (5×5 м²), хозяйственные ямы-кладовки, очаги-кострища, остатки глинобитных горнов для получения железа, мастерские для отливки мелких украшений и принадлежностей костюма, оборонительные сооружения, а также собран большой вещевой материал (керамика, орудия труда, оружие, украшения, зерно, шлаки, крицы и т. д.).

Судя по имеющимся данным, ведущую роль в хозяйственной жизни населения, оставившего именьковские памятники, играло пашенное земледелие с применением железных ральников [3]. Среди других орудий, связанных с земледелием, следует отметить железные слабоизогнутые серпы с перпендикулярно загнутыми пяточками, косы-горбуши, ручные жернова. Анализ остеологических находок позволил утверждать, что изучаемое население занималось и домашним скотоводством (обнаружены остатки костей свиньи, лошади, крупного и мелкого рогатого скота) [4, с. 57]. Разнообразный набор орудий труда, инструментов, остатки глинобитных горнов, а также отходы производства (шлаки и крицы) свидетельствуют об успехах в развитии металлургии железа. Если поселения именьковской культуры изучены сравнительно неплохо, то до недавнего времени был известен лишь один (II Рождественский) могильник, погребения которого можно связывать с носителями именьковской культуры [5; 6, с. 26—50]. Многие проблемы, связанные с происхождением, этнической принадлежностью и историческими судьбами населения именьковской культуры, являются дискуссионными. В решении их большую научную ценность представляют материалы вновь открытого Богородицкого могильника, которому и посвящена настоящая публикация (рис. 1—3).

Этот памятник был открыт и начал изучаться летом 1979 г. Он расположен в 0,4 км к востоку от бывшей деревни Богородицкое Лаишевского р-на Татарской АССР, в 3,5 км к юго-западу от современного села Именьково, на краю надлуговой террасы правого берега р. Камы, в 1 км ниже устья ее левого притока Брыски. Поверхность могильника ровная, издавна распахивается и используется под посевы. Ныне в большей части она задернована. Южная часть могильника интенсивно разрушается Куйбышевским водохранилищем. Особенно сильные разрушения были весной 1979 г., когда уровень воды был наиболее высоким. При осмотре местности в обнажении берега обнаружено полуразрушенное погребение. Здесь были заложены два небольших раскопа общей площадью около 150 м². Стратиграфия грунта на обоих раскопах близка; сверху в среднем на глубину 10 см шел слой дерна, ниже залегал темно-серый подзол (его мощность составляла 50—60 см), еще ниже — материк — красноватый суглинок. Очертания погребений слабо вырисовывались в слое темно-серого подзола. Наиболее четко они фиксировались там, где в засыпи встреча-

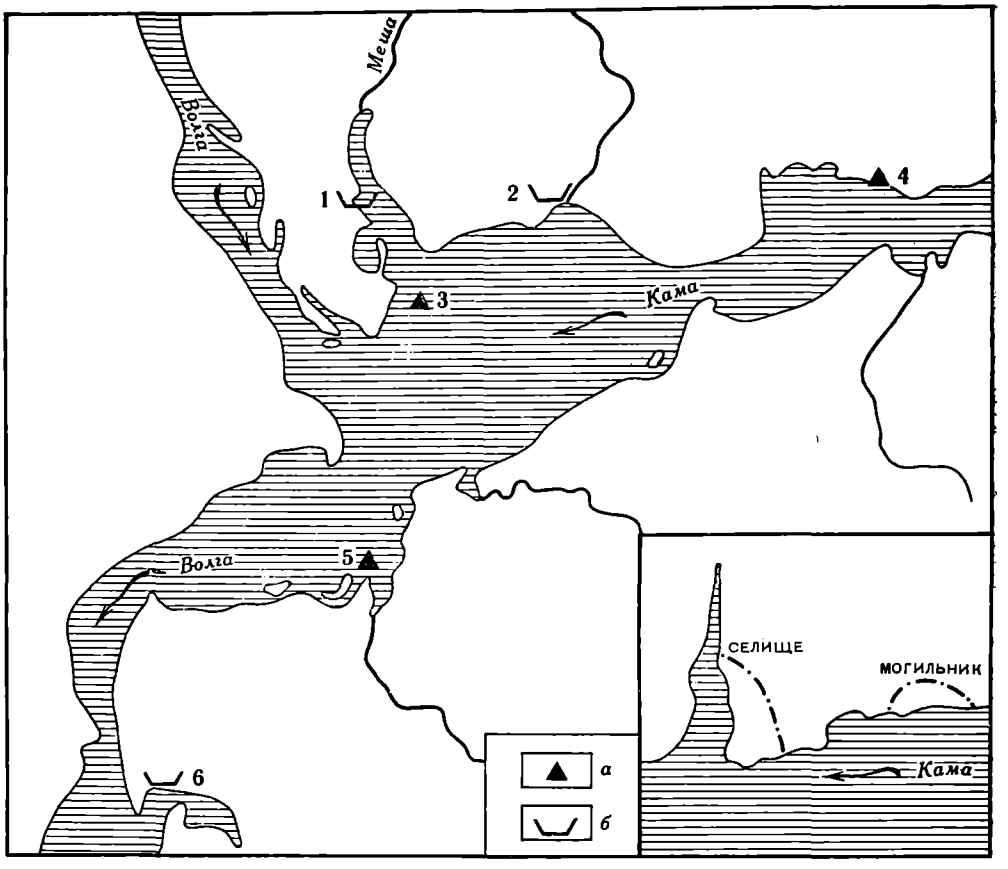


Рис. 1. Именьковские могильники на Нижней Каме. *1* — I—II Рождественский могильник; *2* — Богородицкий могильник; *3* — Байчугинское погребение; *4* — погребение у I Троицко-Урайского городища; *5* — погребение около Старого Куйбышева; *6* — II Маклашеевский могильник. *а* — погребения; *б* — могильники

лись мелкие жженые человеческие кости. В результате работ 1979 г. на могильнике вскрыто 17 погребений. Ни одно из них не перекрывает другое. Возможно, что в древности существовали какие-то надмогильные признаки.

Шесть погребений могильника частично разрушены рекой, поэтому определить точные их размеры невозможно. Остальные данные о погребениях приведены на табл. 1. Длина одного погребения (№ 10) — 70 см, восьми — в пределах от 70 до 100 см, длина четырех погребений свыше 100 см. Ширина трех погребений до 50 см, четырех — в пределах 50—70 см, шести — в пределах 70—90 см. Глубина могильных ям также незначительна. 11 погребений глубиной от 45 до 60 см, четыре — от 60 до 80 см, два — свыше 80 см.

По форме в плане, как указано в табл. 1, могильные ямы можно подразделить на три типа: прямоугольные (рис. 4, I, II) — семь, овальные (рис. 4, IV, V) — три, треугольные (рис. 4, III) — одна. По форме дна выделяются: ямы с плоскими днищами (рис. 4, I, III, IV, V) — восемь; чашевидными — одна; ступенчатыми (рис. 4, II, IV) — семь.

Из 17 вскрытых погребений пять вытянуты по линии север — юг, два — запад — восток, шесть — северо-запад — юго-восток и два — северо-восток — юго-запад. Во всех вскрытых погребениях обнаружены жженые человеческие кости. Они встречались рассыпанными по всему дну (в семи погребениях), ссыпанными в центре ям (в шести погребениях), ссыпанными у стенок ям (в четырех погребениях). Вместе с пережженными костями в погребениях зафиксированы стеклянные спекшиеся в огне бусы, фрагменты бронзовых пластинок-накладок, обломки бронзовых застежек, пряжек и другие предметы. На всех украшениях и принадлежностях костюма следы пребывания в огне. Это позволяет утверждать, что

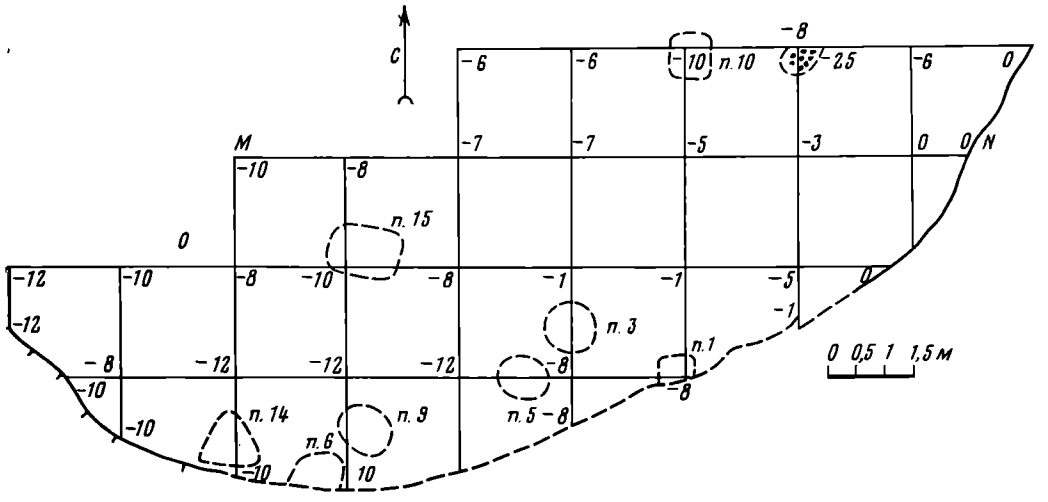


Рис. 2. Раскоп I на Богородицком могильнике

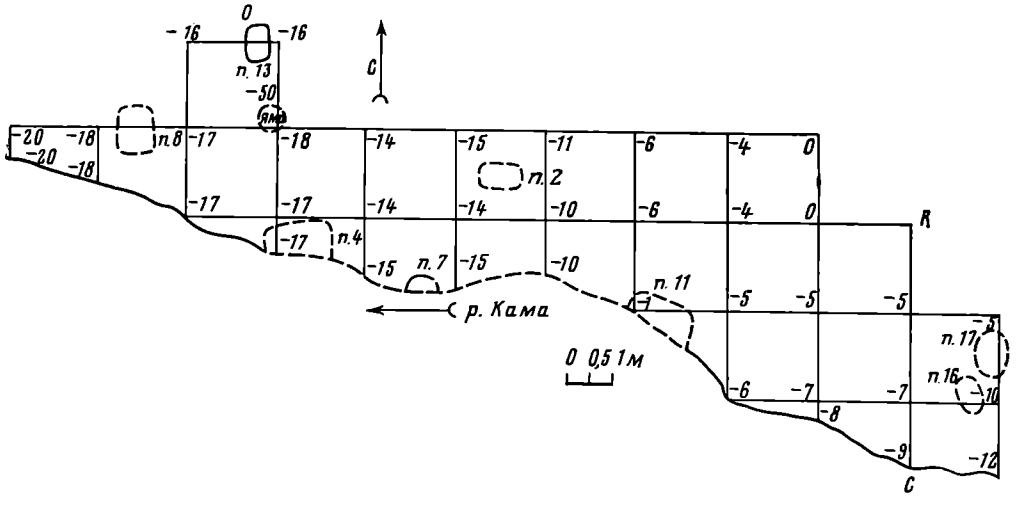


Рис. 3. Раскоп II на Богородицком могильнике

умерших сжигали в полном одеянии на стороне. Следов кострищ ни на территории могильника, ни в ямах не зафиксировано. Остатков кремации в погребениях обычно немного. Видимо, не весь прах собирался. Не исключено также, что в отдельных случаях погребальные костры были очень сильными. Вместе с украшениями и принадлежностями костюма во многих погребениях были обломки лепных сосудов серого цвета, как правило, с примесями крупнозернистого шамота и песка. Поверхность фрагментов имеет следы небрежного сглаживания. Рассматриваемые фрагменты сопоставимы с керамикой из погребений, а также посудой с именьковских поселений. Возможно, что эти фрагменты принадлежали сосудам, которые использовались во время тризны. В большинстве погребений Богородицкого могильника (9 из 17) найдены сосуды полных форм. С одним сосудом обнаружено одно погребение (№ 13), два сосуда встречены в четырех погребениях, три — в двух, четыре — в двух (рис. 5). Еще предшествующими исследователями было подмечено, что в погребения II Рождественского могильника с обрядом кремации ставились сосуды, разнообразные по форме и размерам [6, с. 39]. Аналогичная картина наблюдается также на Богородицком могильнике. Все сосуды исследуемого памятника оказались пустыми. Может быть, в них помещалась растительная пища, а также жидкость, и эти остатки мы просто не фиксируем. В подавляющем большинстве сосуды оказались раздавленными. Однако их удалось реставрировать.

Таблица 1

Общие сведения о погребениях Богородицкого могильника

№ погребения	Характеристика могильных ям										Расположение остатков кремации на дне ям			Сведения о вещевом материале			Примечания
	ориентировка	размеры ям, см			форма в плане			форма сечения нижней части									
		длина	ширина	глубина	прямоугольная	овальная	треугольная	плоская	чашевидная	ступенчатая	рассыпаны по всему дну	в центре	у стенки	кол-во сосудов	кол-во пряслиц	прочий вещевой инвентарь	
1	С–Ю	65(?)	42	90	+(?)	–	–	–	–	+	–	+	–	2	–	Стеклянные бусы	Погребение частично разрушено
2	З–В	84	51	45	+	–	–	–	–	+	–	+	–	2	–	Стеклянные бусы, фрагмент бронзовой пластины	
3	?	90	90	55	–	+	–	+	–	–	+	–	–	–	–	Бронзовая пластинка и пряжка	
4	З–В	160	70(?)	55	+	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	Стеклянная бусина	То же
5	СЗ–ЮВ	90	80	50	–	+	–	+	–	–	+	–	–	–	–	–	»
6	СВ–ЮЗ	?	90	50	–	+(?)	–	+(?)	–	–	+	–	–	–	1	–	
7	?	?	?	50	–	+	–	–	+	–	–	+	–	–	–	–	»
8	С–Ю	100	80	80	+	–	–	–	–	+	–	+	–	4	1	Обломки бронзовой застежки-сюльгамы, железная пряжка	
9	СЗ–ЮВ	100	75	85	–	+	–	–	–	+	+	–	–	2	–	Стеклянные бусы	
10	С–Ю	70	70	45	+	–	–	+	–	–	+	–	–	2	–	Бронзовая проницка, железная игла от пряжки, бронзовая серьга	
11	СЗ–ЮВ	130	?	60	+(?)	–	–	+	–	–	+	–	–	3	–	Стеклянные бусы, фрагмент бронзовой пряжки, бронзовый штифт	»
12	СЗ–ЮВ	?	62(?)	65	+(?)	–	–	+	–	–	–	+	–	–	–	–	»
13	С–Ю	80	50	55	+	–	–	–	–	+	–	–	+	1	–	–	
14	С–Ю	75	70	53	–	–	+	+	–	–	–	–	+	3	–	Бронзовая привеска	
15	СЗ–ЮВ	120	75	55	+	–	–	+	–	–	+	–	–	4	–	Железное шило	
16	СЗ–ЮВ	90	50	62	+	–	–	–	–	+	–	–	+	–	–	–	
17	СВ–ЮЗ	112	70	62	–	+	–	+	–	–	–	–	+	–	–	Стеклянная бусина	

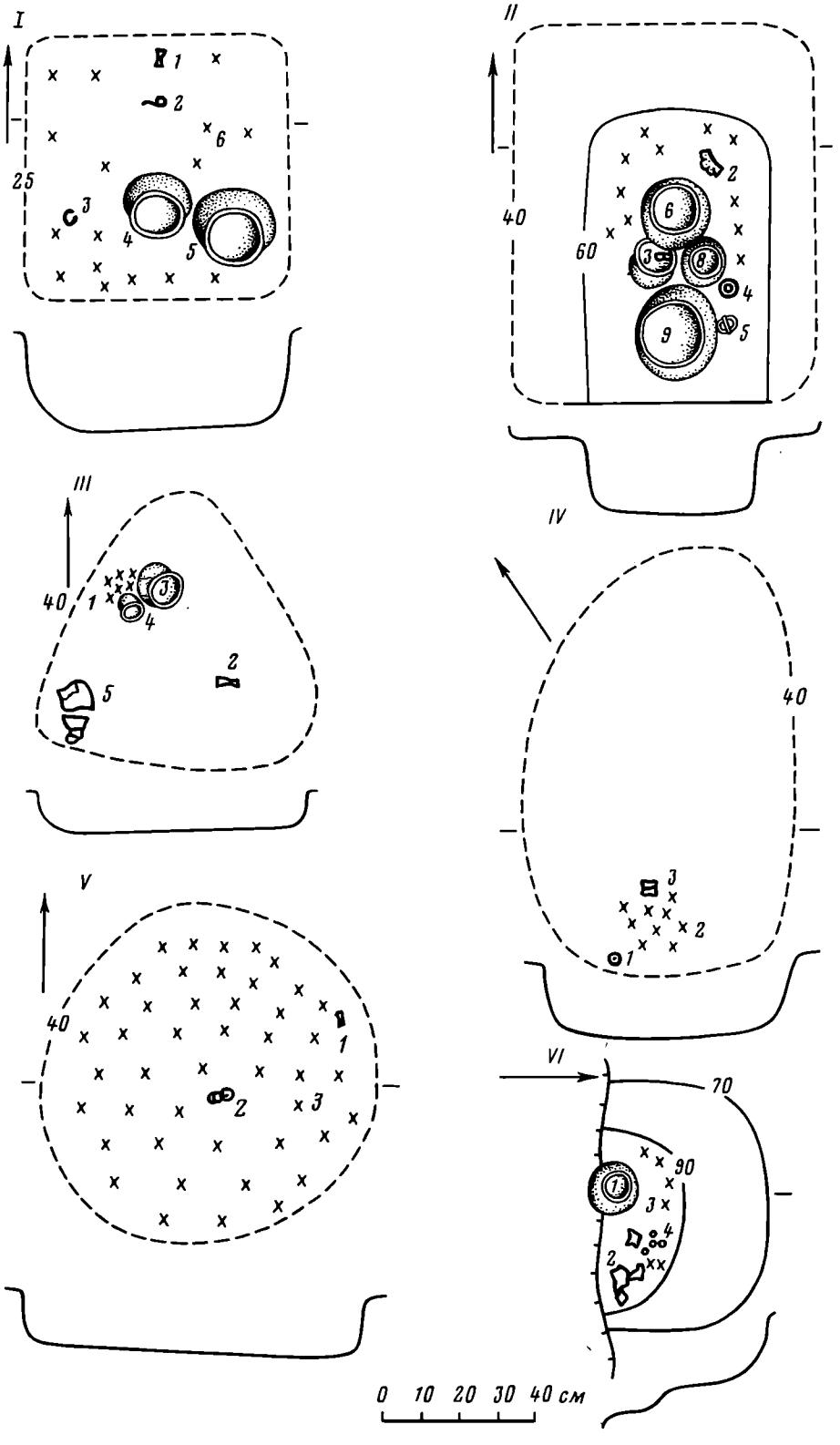


Рис. 4. Планы погребений Богородицкого могильника. I — погр. 10; *1* — пронизка, *2* — игла пряжки, *3* — серьга, *4*, *5* — сосуды; II — погр. 8: *1* — жженые кости, *2*, *3* — обломки сюльгамы, *4* — пряслице, *5* — пряжка, *6—9* — сосуды; III — погр. 14: *1* — жженые кости, *2* — привеска, *3—5* — сосуды; IV — погр. 17: *1* — бусина, *2* — жженые кости, *3* — фрагменты сосуда; V — погр. 3: *1* — бронзовая пластина, *2* — пряжка, *3* — жженые кости, VI — погр. 1: *1*, *2* — сосуды, *3* — жженые кости, *4* — бусы

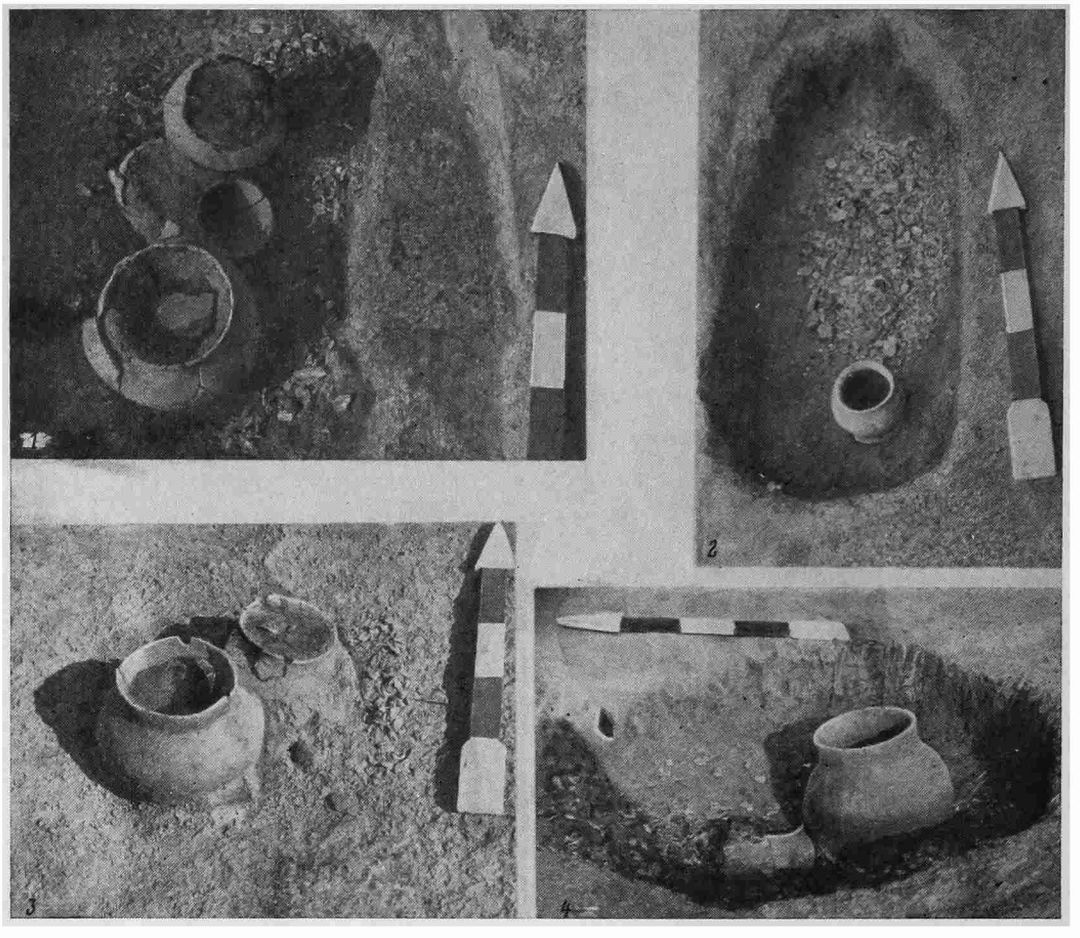


Рис. 5. Погребения Богородицкого могильника. *1* — погр. 8, *2* — 13, *3* — 2, *4* — погр. 9

Вся посуда, обнаруженная в погребениях Богородицкого могильника, изготовлена от руки. Глиняное тесто одного из сосудов (табл. 2) без существенных примесей, в тесте семи сосудов зафиксирована примесь песка, в остальных — шамота.

По характеру обработки поверхности все сосуды могут быть подразделены на две группы. К группе А относятся сосуды с неровной, бугристой поверхностью (13 экз.). В глиняном тесте этой керамики, как правило, примесь шамота. Поверхность иногда с остатками небрежного сглаживания или подмазана. На некоторых сосудах заметны следы зачистки травой или щепой. К группе Б относятся 10 сосудов с гладкими, местами подлощенными стенками, содержащими в тесте обычно песок или мелкий шамот. В количественном отношении преобладает керамика группы А. Эта особенность керамики нами подмечена для материалов всех именьковских памятников, подвергнутых значительным раскопкам [3, с. 18]. Но в материалах Богородицкого могильника, как и II Рождественского, высок процент керамики группы Б. Это, очевидно, объясняется характером данных памятников.

Орнаментация на рассматриваемой керамике отсутствует. Обжиг посуды костровый, неравномерный; на многих стенках сосудов сохранились следы языков пламени.

По наиболее общим признакам изучаемая керамика подразделяется на две категории — горшки и чаши. Наибольшее количество (21 экз.) составляют плоскодонные горшковидные сосуды (рис. 6, *1—5*; *7*, *8*; *10—23*). Диаметр горла их колеблется в пределах от 6, 7 до 17 см. По месту расположения наибольшего диаметра тулова относительно общей высоты тулова все горшковидные сосуды подразделяются на два отдела: 1) сосуды, наибольшие диаметры тулова которых расположены около середи-

Таблица 2

Характеристика глиняных сосудов Богородицкого могильника

№ погребения	Размер сосуда, см				Состав теста			Обработка поверхности		Номера на рис. 6
	диаметр горла	наибольший диаметр тулова	диаметр днища	высота тулова	без существенных примесей	песок	шамот	группа Б (гладкая)	группа А (грубая)	
1	17	27,5	12,5	24		+	+	+		22
1	12,5	16	11	14			+		+	19
2	11,5	13	7,5	12			+		+	10
2	13,5	18,5	9,5	16,5	+			+		18
8	11	12	–	4,5		+		+		6
8	10,5	11	–	4,5			+	+		9
8	11	14	8	13			+	+		16
8	16	21	9,7	16		+		+		23
9	14,5	22,5	9,5	21		+		+		20
9	10,5	12	6,7	9,2			+		+	15
10	15,5	25,5	12	20		+		+		21
10	13	15,5	8,5	12			+		+	17
11	13,5	16,5	10	14			+		+	14
11	11	13,5	9	11,5			+		+	11
11	8,5	10	5	10		+		+		8
13	7,4	10	8,5	7			+		+	1
14	11,2	12	10,5	9,5			+		+	12
14	7,5	9	6	5			+		+	2
14	8,2	8,5	5,5	7		+		+		3
15	10,5	12	7	7,5			+		+	7
15	7,5	7,8	5	5			+		+	4
15	6,7	8,1	5	5			+		+	5
15	10,5	13,7	8	10,2			+		+	13

ны общей высоты тулова. К данному отделу относится один небольшой по размерам сосуд (рис. 6, *1*) из погр. 13 с блоковидным горлом и относительно широким дном с выступающей закраиной; 2) сосуды, наибольшие диаметры тулова которых расположены примерно на $^2/_3$ общей высоты тулова. Наличие сравнительно небольших днищ и расположение наибольших диаметров тулова на $^2/_3$ общей высоты тулова придает рассматриваемым сосудам стройные пропорции. К данному отделу относятся 20 сосудов. У всех сосудов второго отдела сравнительно открытые горловины (диаметры горла составляют более $^1/_2$ наибольших диаметров тулова).

По наличию или отсутствию горловин сосуды второго отдела подразделяются на две группы. К первой относятся два относительно небольших сосуда (рис. 6, *3*, *16*) из погребений 14 и 8. Ко второй группе относятся 18 сосудов с горловинами. По форме горла сосуды второй группы подразделяются на три типа: 1) с блоковидным горлом (рис. 6, *2*, *7*, *10*, *12*, *15*); 2) с прямой горловиной (рис. 6, *4*, *5*, *8*, *11*, *13*, *14*, *17–20*, *22*, *23*); 3) с горловиной в виде раструба (рис. 6, *21*).

К категории чаш относятся два сосуда (рис. 6, *6*, *9*), обнаруженные в погр. 8 вместе с двумя горшками. В глиняном буроватого цвета тесте одной из чаш (рис. 6, *6*) примесь песка, поверхность ее стенок гладкая. Диаметр устья чаши составлял 11 см, наибольший диаметр тулова 12 см, высота 4,5 см. Вторая чашечка (рис. 6, *9*) тоже буроватого цвета, с примесями в тесте мелкого шамота. Поверхность чашечки гладкая. Диаметр ее устья составлял 10,5 см, наибольший диаметр тулова 11 см, высота 4,5 см. Следует заметить, что чашевидные круглодонные сосуды на памятниках именьковского типа принадлежат к числу редких находок. Они отражают контакты именьковской культуры с южными и юго-восточными соседями.

В погребениях 6 и 8 найдены два глиняных остроребрых усеченно-биконических пряслица, изготовленных из хорошо промешанного теста.

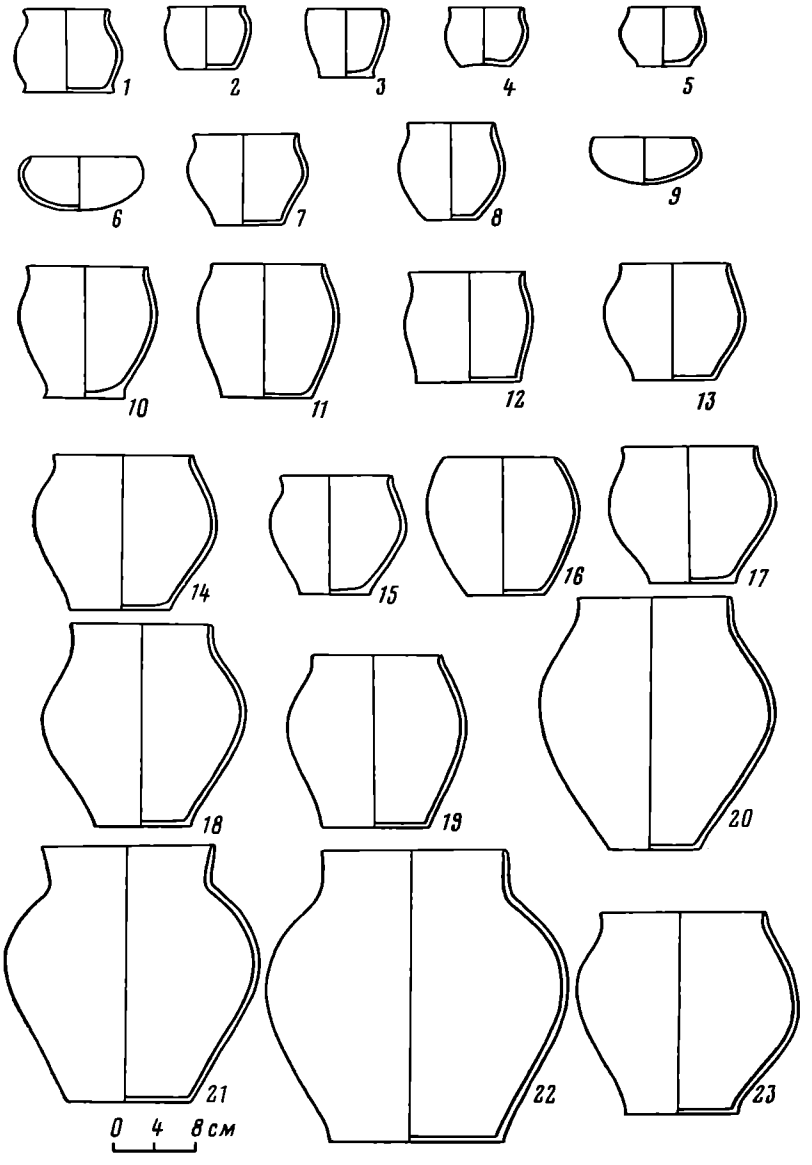


Рис. 6. Сосуды из погребений Богородицкого могильника. *1* — погр. 13; *2*, *3*, *12* — погр. 14; *6*, *9*, *16*, *23* — погр. 8; *4*, *5*, *7*, *13* — погр. 15; *8*, *11*, *14* — погр. 11; *10*, *18* — погр. 2; *15*, *20* — погр. 9; *17*, *21* — погр. 10; *19*, *22* — погр. 1

Диаметры пряслиц по ребру составляют 2,5 и 2,7 см; диаметры отверстий — 0,9 и 1 см. Аналогичные пряслица были найдены в погребениях II Рождественского могильника [6, табл. XVI, *16*, *17*] и на именьковских поселениях [3, с. 21].

В погребениях обнаружено 14 бусин из синего, голубого, красного и зеленого стекла. Все бусины со следами пребывания в огне, многие из них спекшиеся и представлены фрагментарно. Судя по остаткам, можно выделить шаровидные стеклянные диаметром около 0,4 см, голубые стеклянные продолговатые немного сжатые с боков (рис. 7, *1*), крупные колесовидные бусины из синего стекла (рис. 7, *5*, *9*, *10*).

В погр. 8 обнаружены обломки пластинчатой сюльгамы с округлыми выступами по краю (рис. 7, *12*), украшенной по лицевой стороне веревочным орнаментом и аналогичной находкам из погребений Бахмутинского [7, табл. VI, *6*, *9*], Бирского [8, табл. 16, *5*], Кушнаренковского [9, с. 93, рис. 3, *41*] и других памятников Прикамья. Обломок бронзовой застежки, близкой по форме рассматриваемой, происходит также из погр. 94 II Рождественского могильника [6, табл. XVI, *6*]. В погр. 10 встречена цилиндрическая пронизка с утолщенными концами (рис. 7, *11*),

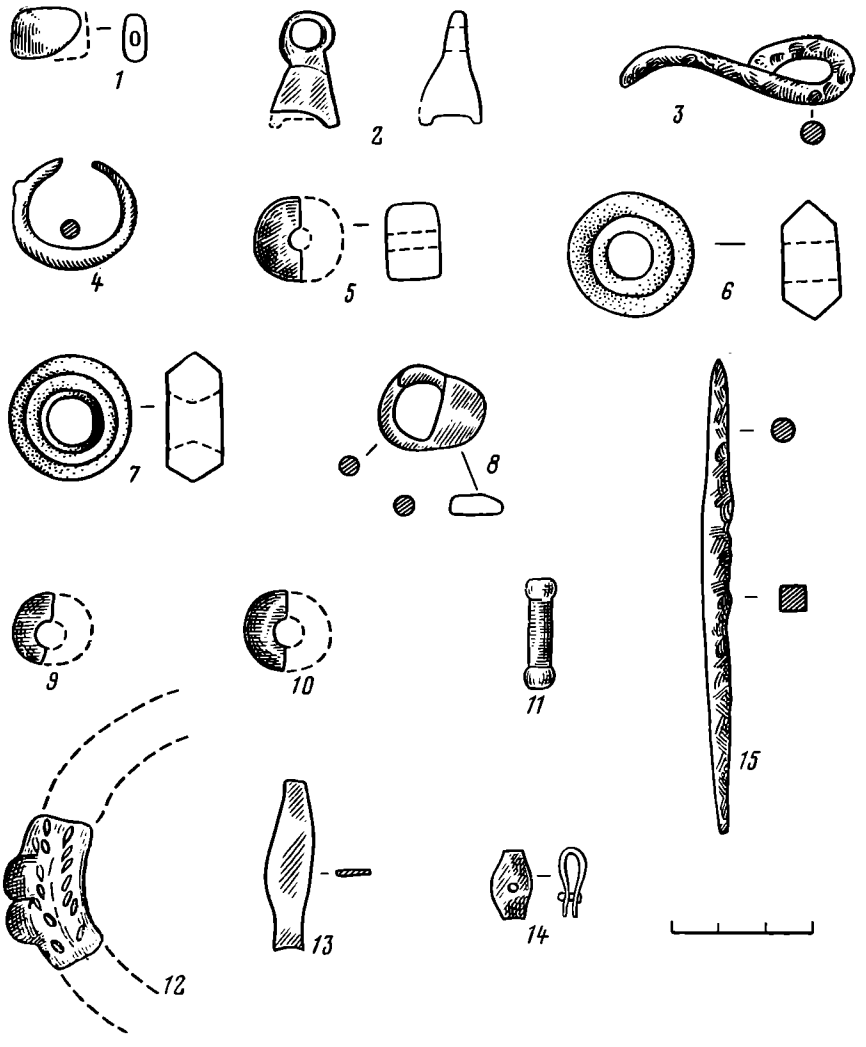


Рис. 7. Находки из погребений Богородицкого могильника. *1*, *5*, *9*, *10* — стекло; *2*, *4*, *8*, *11—14* — бронза; *6*, *7* — глина; остальное железо. *1* — погр. 17; *2* — погр. 14; *3*, *4*, *11* — погр. 10; *5*, *9*, *10* — погр. 11; *6* — погр. 6; *7*, *12* — погр. 8; *8*, *14* — погр. 3; *13* — погр. 2; *15* — погр. 15

аналогичная находкам из погребений могильника на Чертовом городище на Ветлуге [10, рис. 14], Черемисского кладбища [11, рис. 22, *5*], Петропавловского могильника [12, табл. IV, *1*] и других памятников. В погр. 14 обнаружена бронзовая привеска-пирамидка (рис. 7, *2*), широко известная у финно-угорских народов в I тысячелетии н. э.

В погр. 3 встречена сильно обгоревшая пряжка (рис. 7, *8*). Кольцо пряжки бронзовое из круглой проволоки, щиток пряжки железный, подвижный, сильно обгоревший, а также разрушенный коррозией. В погр. 10 найдена игла (рис. 7, *3*) от круглой пряжки, изготовленная из круглого в сечении дрота, а также бронзовая серьга (рис. 7, *4*). В погр. 15 обнаружено железное шило с четырехгранным черешком и округлым острием (рис. 7, *15*). Длина шила 10 см. В погр. 11 найден небольшой бронзовый штифт с шайбой. Из погр. 3 происходит бронзовая согнутая обкладка со штифтом для крепления (рис. 7, *14*). Возможно, что это накладка от кожаного пояса. В ряде других погребений были обнаружены мелкие кусочки бронзы, вероятно, обломки каких-то украшений и принадлежностей костюма. Таков погребальный инвентарь Богородицкого могильника. Дата памятника нами может быть определена концом VI—VII вв. н. э. Она устанавливается на основании обломков сюльгамы с выступающими краями из погр. 8, бытующей, как правило, в данный период. Этой дате не противоречит и весь остальной материал,

в том числе бронзовая цилиндрическая пронизка с утолщенными концами, серьга в виде колечка с заостренными концами, пряжка и т. д.

Богородицкий могильник наиболее близок по обряду II Рождественскому могильнику, изученному сравнительно широко в 50-е годы. Отдельные одиночные захоронения аналогичного типа нами обнаружены (рис. 1) около бывшей деревни Байчуга в низовьях р. Меши в Лаишевском р-не Татарской АССР [13, с. 47], в низовьях р. Бездны в Куйбышевском р-не Татарской АССР [14] и около I Троицко-Урайского городища в Рыбно-Слободском р-не Татарской АССР на правом берегу р. Камы. Подобные захоронения (погр. 10 и 29) зафиксированы на Кушнаренковском могильнике [9, с. 107]. Летом 1980 г. в устье р. Утки, левого притока Волги, на месте бывшей деревни Маклашеевки Куйбышевского р-на Татарии открыт еще один могильник (II Маклашеевский), где вскрыто 38 погребений с обрядом трупосожжения, аналогичных по вещам и ритуалу богородицким.

После открытия II Рождественского могильника вопрос о его культурной принадлежности долгое время оставался дискуссионным. Некоторые исследователи полагали, что этот памятник не связан с именьковскими поселениями. Это объясняется во многом тем, что могильник был единственным. Открытие Богородицкого и II Маклашеевского могильников и других одиночных погребений на Нижней Каме еще раз убеждает нас в том, что рассматриваемые погребения следует связывать с именьковской культурой. Подтверждением этому является прежде всего керамика из погребений. По своим формам, тесту, цвету, технике обработки поверхности рассматриваемая посуда аналогична именьковской, о чем мы уже писали ранее.

При определении культурной принадлежности рассматриваемых погребений не следует пренебрегать данными их топографии. Все могильники и одиночные захоронения примыкают к именьковским поселениям. Так, например, в Рождественском комплексе памятников, расположенном на правом берегу р. Меши (правый приток Камы), восточную часть мыса занимало именьковское городище, известное у старожилов под названием «Курган». Ныне остатки городища полностью разрушены водохранилищем. К городищу на краю надлуговой террасы примыкало большое именьковское селище. Наконец, в 100—150 м к югу от селища на небольшом возвышении находился II Рождественский могильник с обрядом кремации [6, с. 5, с. 99, табл. I]. Богородицкий могильник располагается в 200 м к востоку — северо-востоку от Богородицкого селища именьковского типа (рис. 1). Последнее занимает тот же край подлуговой террасы правого берега р. Камы между ручьем и правым берегом. Ныне значительная часть поселения размыта водохранилищем. На размытой поверхности селища зафиксировано несколько десятков ям-кладовок, а также собрана именьковская керамика. Вновь обнаруженный II Маклашеевский могильник также примыкает к поселениям именьковского типа.

Исследование Богородицкого и II Маклашеевского могильников позволяет утверждать, что рассматриваемый погребальный обряд имел значительное распространение у носителей именьковской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генинг В. Ф.* Этнические культуры Прикамья в эпоху железа.— В кн.: Тезисы докладов на конференции по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани. М., 1956.
2. *Генинг В. Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа.— Тр. КФАН СССР, 1959, сер. гуманитарных наук. вып. 2.
3. *Старостин П. Н.* Памятник именьковской культуры.— САИ, вып. Д1—32. М., 1967.
4. *Петренко А. Г.* Некоторые особенности развития животноводства I тыс. н. э. у пришлых племен Волжско-Камского края.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
5. *Генинг В. Ф.* Селище и могильник с обрядом трупосожжения добулгарского времени у с. Рождествено в Татарии.— МИА, 1959, № 80.
6. *Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К.* Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962.
7. *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии.— МИА, 1957, № 58.

8. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
9. *Генинг В. Ф.* Памятники у села Кушнаренково на р. Белой (VI—VII вв. н. э.).— В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
10. *Халиков А. Х., Безухова Б. А.* Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960.
11. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1973.
12. *Семенов В. А.* Петропавловский могильник.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
13. *Старостин П. Н.* Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
14. *Старостин П. Н.* Погребение с остатками кремации в низовьях Камы.— СА, 1975, № 2.

P. N. Starostin

BOGORODITSKY BURIAL GROUND

Summary

Till recently only one burial ground (Rozhdestvensky-II) was tentavively associated with the Imenkovo population. Therefore, materials from the Bogoroditsky burial ground (Laishevo District, Tatar ASSR) discovered in 1979 are of great scientific importance as they associate Imenkovo settlements with the Rozhdestvensky-type burial grounds. This assertion based on the fact that the ceramics from the burials resemble those used by the Imenkovo population in shapes, clay, colour and the technique of surface treatment.

АЛЕКСЕЕВ Л. В.

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ИЗ ДРЕВНЕГО МСТИСЛАВЛЯ

Находки берестяных документов в древнерусских городах[1] в 1980 г. пополнились еще одной грамотой, найденной при раскопках в г. Мстиславле Могилевской обл. БССР [1, с. 330—331]. Древний смоленский центр Мстиславль был основан Ростиславом Смоленским около 40-х годов XII в. на границе с северными радимичами в качестве одного из домениальных центров этого князя и назван, по-видимому, в честь его отца [2, с. 53—59; 3, с. 125—132]. Первое упоминание города в летописи падает на 1156 г., когда вблизи него происходит примирение смоленской коалиции князей с киевско-черниговскими князьями [4, стб. 485]. В позднем средневековье Мстиславль был крупным удельным центром, его князья играли видную роль в истории Руси и Литвы. Близость города к русско-литовской границе была причиной того, что Мстиславль постоянно оказывался в зоне военных действий. 22 июля 1654 г. литовская крепость Мстиславль штурмом была взята русскими, разгромлена и перестала существовать [5, с. 80].

В современном Мстиславле имеются два археологических объекта: городище железного века — так называемая Девичья гора и остатки средневековой крепости — Замковая гора. По свидетельству В. Г. Краснянского, в начале XX в. на территории города были и курганы.

Мстиславль был выстроен Ростиславом Смоленским как мощная крепость, по-видимому, между 1127 и 1156 гг. [3, с. 51—52, 167]. Домонгольский слой выявлен здесь на Замковой горе. Мощность культурных отложений (XII—XVII вв.) достигает 3,3 м, и домонгольскому времени принадлежит лишь нижняя четверть. Анаэробные слои начинаются с глубины 1 м и доходят до материка, благодаря чему хорошо сохраняется дерево. Раскопками автора, производившимися с перерывами с 1959 г., обнаружены две перекрещивающиеся улицы, в северной части городища (где велись работы) перестилавшиеся деревом до 8 раз. По сторонам улиц за частоколами располагались небольшие усадьбы отдельных хозяев с домами, хозяйственными постройками, замощенными деревом дворами и погребами. Среди раскопанных сооружений наиболее интересен прямоугольный донжон (?) XIII в., возведенный из нескольких соединенных вместе трехстенных срубов, погибший в пожаре в том же XIII в. и замененный впоследствии восьмиугольным донжоном (?), в свою очередь погибшим в пожаре XVII в. Встречающиеся здесь же погребения и отдельные (редкие) плинфы свидетельствуют о существовании рядом кирпичной домонгольской церкви, судя по плинфе, конца XII — начала XIII в. Среди многочисленных находок, характеризующих жизнь крепости в разные периоды, отметим уникальный набор костяных пластин колчана с тончайшей резьбой, соединившей черты романского и кочевнического стилей (XIII в.) [6, с. 197—204], фрагменты арабских бокалов [3, с. 89, рис. 12], деревянных точеных чаш и др. В 1979 г. было найдено кольцо розового сланца сравнительно больших размеров с прочерченными на нем древнерусскими уставными буквами — «НТА (?) Ж, РВ»

[1] К 1980 г. в Новгороде было найдено 588 грамот, в Смоленске — 10, в Витебске — 1, в Пскове — 4, в Старой Руссе — 14. К концу сезона 1980 г., следовательно, было известно 617 грамот из шести древнерусских городов.

[7, с. 357—358]. Это первый на памятнике предмет, свидетельствовавший о грамотности в Мстиславле.

В 1980 г. в Мстиславле был найден второй предмет, свидетельствовавший о том же,— берестяная грамота (раскоп XIII[2], квадрат X, глубина от репера — 2,72 м). Находка лежала южнее сруба № 30, неподалеку от улицы № 3, за частоколом — внутри усадьбы, почти полностью уходившей за западный борт раскопа. Уровень, где она найдена, соответствует восьмому ярусу мостовой улицы № 3. Дата более позднего, седьмого яруса — 1249 г. Грамота, следовательно, залегала в слое второго или третьего десятилетий XIII в.

От документа сохранился обрывок размером 13,8×1,5 см, правая его часть испорчена продольной трещиной, что, правда, чтению не мешает (рис. 1). Буквы (шириной 3—4 мм при высоте 5 мм) прочерчены уверенной рукой со слабым наклоном влево. Верхняя строка сохранилась целиком, нижняя дошла во фрагментах и видна лишь в верхней части. Читается:

1... (N) НЦЕПОЛУПАТЪГРНВN

2. .....HNHЛОСМЬN.....

Начнем с палеографии. «Иже» встречается 2 раза и каждый раз написана с горизонтальной перекладиной в середине (XI—XII вв.[3]). «Ци» прочерчена в три приема: сначала две вертикальные мачты (правая длиннее, так как ее низ соответствует хвосту буквы и расположен ниже строки), затем нижняя перекладина, перечеркнувшая обе мачты на уровне нижней строки. «Есть» имеет округлую несимметричную форму и сильно изогнута лишь в нижней части (верхняя — почти прямая), язычок ее горизонтален и поставлен в середине. «Покой» оба раза прочерчена оригинально — лишь двумя штрихами. «Он» написана обыкновенно: она симметрична, состоит из двух полуовалов, соединенных вверху и внизу. «Люди» также симметрична и не имеет ограничительных штрихов. Далее следует «Ук» с небольшим дополнительным штрихом вверху, а за вторым «Покоем» следует «Юс», напоминающий скорее «Аз». «Твьрдо» имеет наклон влево, ее перекладина снабжена ограничительными штрихами, спускающимися вниз и выходящими несколько за пределы строки. Крайне интересен «Ер», целиком уместившийся в строке, первоначально начертанный с геометрической треугольной петлей внизу (XI—XII вв.), но затем переправленный на «набухшую» (XIII в.) — писец как бы вспомнил, что теперь эта буква пишется иначе. После «Ер» строка перемещается несколько вверх. Здесь она начинается с «Глаголя», имеющего внизу ограничительную черту мачты; его вертикальная черта поднимается выше строки. Прочерченная следом буква «Рьци» имеет мачту, равную ширине строки, ее головка соответствует верхней половине буквы и образована полуовалом справа, который к мачте далеко не подведен. Оригинальна буква «Веди», где верхняя петля много больше нижней. Верхнюю строчку завершает буква «Наш», прочерченная с косой перекладиной, нижним концом касающейся конца правой мачты (XII в.), а верхним — не достигающей конца левой (чаще — XIII в.). Начертание этой буквы показывает, что она в это время писалась и тем и другим способом — в переходное, следовательно, время. Нижняя строка дает лишь две бесспорных буквы: «Слово» и «Мыслете». Первая написана полудугой, по-видимому, с двумя ограничительными чертами (видна верхняя), вторая составлена из двух треугольников, соединенных между собой немного выше нижней линии строки.

---

[2] Раскоп XIII обозначен на плане Замковой горы в Мстиславле на участке ар-Ж-19 [8, с. 45, рис. 1]. По вине издательства оси координат на этом рисунке при печати сместились и обозначение раскопов в подписи к рисунку оказалось неверным.

[3] При разборе палеографических особенностей грамоты автор пользовался руководствами по палеографии А. И. Соболевского и В. Н. Щепкина [9, 10]. Признателен также Л. П. Жуковской, В. Л. Янину и А. А. Медынцевой за весьма полезные указания.

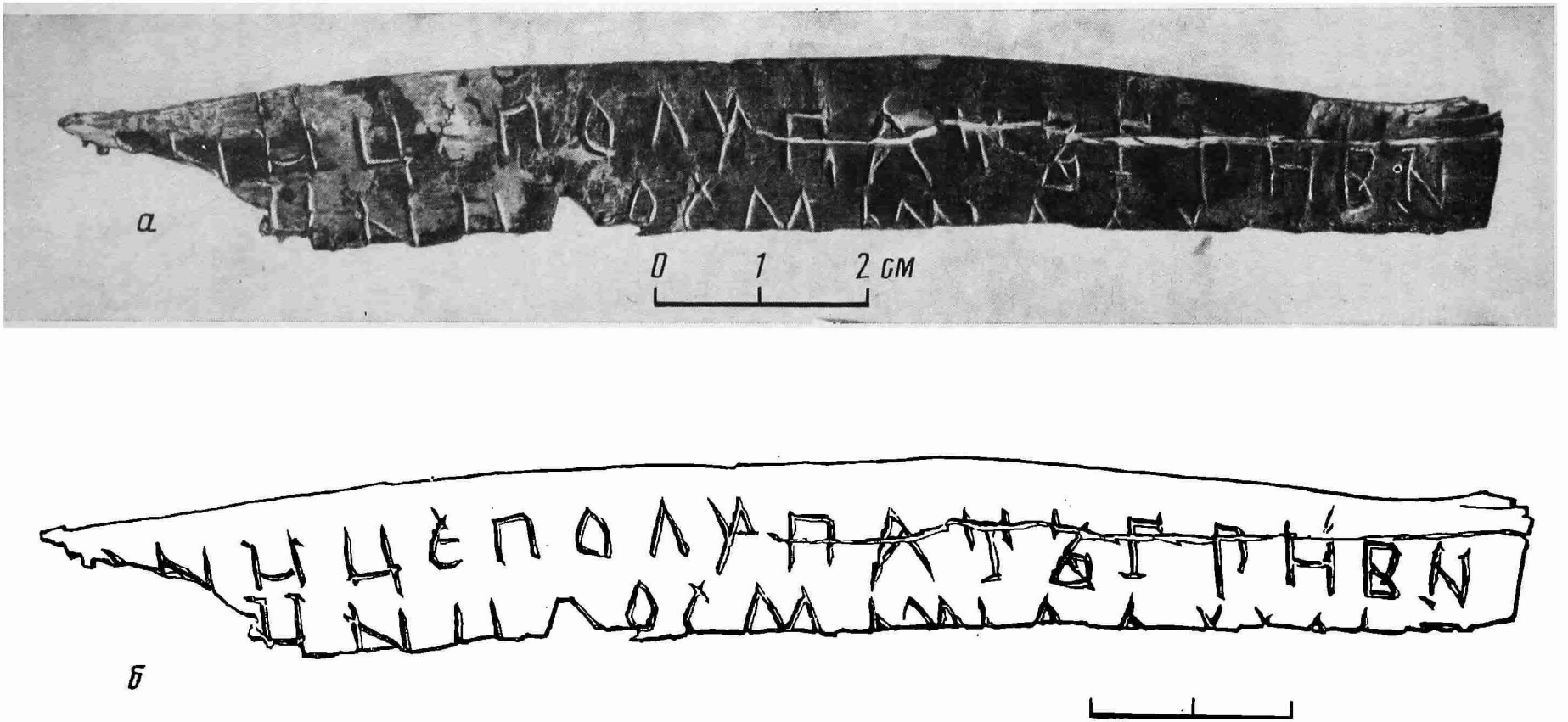


Рис. 1. *а* — берестяная грамота из древнего Мстиславля; *б* — берестяная грамота из древнего Мстиславля (прорись Ю. Р. Берковского).

Говоря о датировке особенностей начертания русских букв, В. Н. Щепкин писал: «Русский тринадцатый век делится на две части татарским нашествием (1237). Первая часть в палеографическом отношении примыкает к 12 веку...» [10, с. 102]. Приведенные выше данные показывают, что и в палеографическом отношении наша грамота может датироваться рубежом XII—XIII вв. и началом XIII в. В ней есть черты XII в. (что видно даже в сравнительно широком распределении букв в строке), но есть и черты, возобладавшие в XIII в. Из берестяных грамот Новгорода к нашей ближе всего палеографически, естественно, те, которые ей одновременны. Однако по почерку и некоторым особенностям письма похожих документов не так много. Таковы грамоты Неревского раскопа, датирующиеся по стратиграфии 1134 г. (№ 168), 1177 г. (№ 115), 1177—1197 гг. (№ 231), 1197 г. (№ 107, 296), и грамота из Троицкого раскопа, написанная, возможно, посадником Мирошкой Наездиничем в конце XII в. [11, с. 53—54 (№ 168); 12, с. 48 (№ 115); 13, с. 54 (№ 231), с. 125 (№ 296); 14, с. 96—99 (№ 502)]. Все же нигде в этих грамотах мы не встречаем «Покой», процарапанный двумя (не тремя!) штрихами, также «Веди» со столь увеличенной верхней петлей. Если «Веди» написана так случайно, то буква «Покой», повторенная дважды, отражает индивидуальную особенность начертавшего мстиславльскую грамоту.

На отдельные слова грамота может быть разбита с некоторым трудом во второй строке:

1. ..(ПШЕ)NНЦЕ ПОЛУПАТЪ ГРНВN(Ъ)
2. ..(КР)НNНЛО СМЬN...

Предполагалось несколько вариантов чтения второй строки («осьминка», «осьмь», «осьмнадцать»[4]), однако наиболее верно видеть здесь имя «Смьнъ» — Семен), ибо лишь при таком чтении удается объяснить (если и не прочесть) предшествующее слово, которое оканчивается на «Ер», замененное здесь на «Он». Падение глухих в древнерусском языке, как известно, произошло в конце XI — начале XII в., смешение «Он» с «Ер» в конце XII — начале XIII в. закономерно.

Рассмотрим отдельные слова мстиславльской грамоты.

1. Пшеница. В опубликованных сейчас 539 грамотах на бересте из Новгорода[5] это слово встречается всего в девяти документах и не ранее середины XIII в. (грамоты № 220 — ярус 1238 г.; № 218 — вторая половина XIII в.; № 132 и 196 — рубеж XIII и XIV вв.; № 136, 254, 366 — XIV в.; № 521 — рубеж XIV и XV вв.; № 471 — начало XV в.). В четырех случаях (№ 136, 196, 218, 254) это грамоты, где речь идет о феодальных повинностях, в остальных — о долгах (№ 521), закабалении (№ 471), о даре церкви на помин души (№ 220), о судебном взыскании (№ 366); одна грамота по краткости не расшифровывается (№ 132). Много шире в это время в Новгородской земле была распространена (освоенная лишь недавно — в XI в. [20, с. 324]) рожь. Она упоминается в 32 документах на бересте, древнейший из которых относится к рубежу XII и XIII вв. (№ 510), причем 19 трактуют вопросы феодальной повинности, четыре — долгов, три связаны с торговлей и т. д.

Как показал А. В. Кирьянов, пшеница и рожь — культуры, возделываемые в лесной полосе на месте [20, с. 331]. Об этом же свидетельствуют и берестяные грамоты: упоминания в них о зерне содержатся чаще всего в документах, связанных с феодальными повинностями и относящихся к XIV—XV вв.— периоду расцвета Новгородской республики [21, с. 369]. Из четырех упоминаний пшеницы в грамотах этого типа три падает на XIV в., из 19 упоминаний в них ржи 13 — на XIV и XV вв. О покупке зерна в берестяных грамотах Новгорода речи мало: видимо, новгородские бояре, владевшие в Новгородской земле крупными латифундиями, но по ряду причин не оставлявшие Новгорода [22, с. 51],

[4] См., например, наше предварительное сообщение о грамоте [1, с. 331].

[5] Грамоты № 1—10 [15]; № 11—83 [16]; № 84—136 [12]; № 137—194 [11]; № 195—318 [13]; № 319—405 [17]; № 406—539 [14]. При толковании грамот использовались также труды Л. В. Черепнина [18] и В. Л. Янина [19].

	XI в.	XII в.		XIII в.		XIV в.	XV в.	Всего
	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.			
Долговые обязательства	–	2	6	3	5	2	2	20
Судебные штрафы	–	1	2	2	2	–	1	8
Торговля	–	1	1	3	–	–	–	5
Повинности	–	–	–	1	3	–	–	4
Завещания	–	–	2	–	2	–	–	4
Ремесло	–	2	1	–	–	–	–	3
Земельные акты	1	–	–	–	–	–	–	1
Итого:	1	18		21		2	3	45

стремились пользоваться своим собственным зерном и приобретали его на стороне лишь в исключительных случаях. Не стремились к покупкам зерна в обычных условиях, нужно думать, и богатые землевладельцы других земель лесной полосы Руси.

2, 3. Полупят гривн. «Полупят» — четыре с половиной — чаще всего относятся именно к гривнам, почему оба слова здесь и рассматриваются вместе. В новгородских берестяных грамотах слово «гривны» употребляется не слишком часто: его содержит всего 45 документов, по содержанию распадающихся на семь типов (таблица).

Было замечено, что количество берестяных грамот, упоминающих деньги, с течением времени уменьшается и вместе с тем возрастает число грамот с текстами феодального характера [23, с. 69]. Это не относится к упоминанию в грамотах гривен. В текстах XI в. о них еще нет речи (да и грамот этого времени найдено всего семь [19, с. 161]). Редко упоминаются гривны и в XIV—XV вв. Более всего о них говорят письма XII—XIII вв., т. е. так называемого безмонетного периода. Термин «гривны» фигурирует в XII в. 18 раз, в XIII в. 19 раз. Чаще всего это связано с долговыми обязательствами (20 грамот — № 61, 114, 161, 162, 168, 213, 219, 227, 293, 326, 334, 349, 355, 407, 449, 483, 509, 524, 526, 539). На втором месте, но далеко отступая от них по количеству, находятся берестяные записи, связанные с судебными штрафами (восемь грамот — № 36, 45, 73, 154, 155, 395, 421, 531); на третьем, четвертом и пятом местах — тексты, относящиеся к торговле, феодальным повинностям и завещаниям, по четыре в каждом случае: № 381, 437, 442, 420 — торговля; 211, 410, 436, 320 — повинности; 78, 108, 138, 148 — завещания. О ремесле свидетельствуют три грамоты (№ 119, 335, 438), земельным актом является одна (№ 338). Наконец, две грамоты по их краткости не могут быть отнесены к какой-либо группе (№ 76, 212). Однако в мстиславльской грамоте речь идет не о целой гривне, а о «полупятъгривн» (как сказано, о четырех с половиной гривнах).

В новгородских берестяных грамотах подобные формы встречаются: «полъ 3 бѣл» (две с половиной белы, грамота № 179, XIV в.), «полотеретея рубля» (№ 45, рубеж XIII и XIV вв.), «полоцетвьртѣ гривнѣ» (три с половиной гривны, № 381, XII в.; № 219, рубеж XII и XIII вв.), «полотретиянацате» (двенадцать с половиной, № 130, рубеж XIV и XV вв.), «полоцтевертынатця гривно» (тринадцать с половиной гривен, № 45, рубеж XIII и XIV вв.). Есть и «полупят» — «полъпАтѣ рѣза (ны)» (четыре с половиной резаны, № 238, рубеж XII и XIII вв.), «полоупаты гривьны» (четыре с половиной гривны, № 246, третья четверть XI в.). Последняя форма, как и в нашем случае, относится к гривне. Написание похоже на написание грамоты из Мстиславля, но буква «Ук» там прочеркнута через «оу», а после «Веди» в слове «гривна» стоит «Ерь» [13, с. 68]. Эта форма полностью повторяет мстиславльскую и, что особенно важно, датируется XII в.

4. Кринил. Исходя из содержания грамоты, можно думать, что первое слово второй строки было (КР)НИЛО — перфект мужского рода от древнерусского «крьноути», являющегося индоевропейским наследием,

не зафиксированным в «старших памятниках старославянской письменности» [24, с. 256, 270]. Означало оно первоначально «взять», затем его значение расширилось — «купить» и, наконец, «приобрести» (в обмен чего-либо [24, с. 256]). Было у него и второе значение — «заплатить» [25, с. 29]. Слово это встречается уже в договоре Игоря с греками 945 г., вошедшего в «Повесть временных лет» второй редакции («от тѣхъ поволокъ аще кто крьнеть» [26, с. 36]), в третьей редакции оно заменено глаголом «купить» [4, стб. 38]. Есть оно и в ст. 118 «Русской Правды» («Аже кто кренеть чюжь холоп...» [27, с. 733]), а также и в договоре Смоленска с Ригой и о. Готландом 1229 г.— редакция D и E («аже немчичь крьнеть гривну золота... еще крьнеть немчич гривну серебра...» [28, с. 38, 43]). Находим этот глагол и на столбе в приделе Двенадцати апостолов Софии Киевской (так называемая «Запись о Бояновой Земле» второй половины XII в.: «Крила землю княгини Бояню Всеволжая» [29, с. 61, 62]). Один раз встречается это слово в новгородских берестяных грамотах (грамота № 153 конца XII в. [11, с. 30]), если принять чтение: «Кринило синоу у Фодора...» («Купил сено у Феодора...» [30, с. 217—218]). Исследователи видят этот глагол и на свинцовой пластине из Новгорода [30, с. 217].

5. С е м е н. Имя «Семен» в форме «Смеон» встречается уже в берестяной грамоте № 7 из Смоленска [31, с. 190—191]. В семи указанных томах берестяных грамот имя это встречается в разных формах 15 раз, причем в XII и XIII вв. оно писалось разнообразно, и его написание стабилизировалось лишь к XIV в. Так, существовало шесть видов написания этого имени: «Семьнъ (№ 522, рубеж XII—XIII вв.); «Смьнъ» (как на мстиславльской грамоте, № 73, рубеж XII и XIII вв.; № 186, XIV в.); «Сьмьнъ» (№ 105, XII в.; № 198, XIII в.); «Семенъ» (№ 45, XIV в.); «Сьменъ» (№ 140, XIV в.); наконец, «Сменъ» (№ 98, XIV в.; № 133, XIV в.; № 138, XIV в.; № 243, XV в.; № 414, XIV в.; № 416, XIV в.; № 534, XIV в.). Как видим, нашей форме соответствует лишь одна, употребленная в Новгороде дважды (один раз тогда, когда писалась наша грамота). Мстиславльская грамота, следовательно, является достаточно редкой. Всматриваясь детальнее, можно заметить, что за словом «Смьн» виден верх какой-то буквы, напоминающий вершину треугольника. Логически можно предположить, что, всего вероятнее, это остатки буквы «Он», которой здесь заменен «Ер», но это может быть и другая буква — либо дающая имени «Семен» падежное окончание, либо с этой буквы начиналось в грамоте новое слово, которое до нас не дошло.

Обратимся к переводу мстиславльской грамоты и попытаемся определить ее назначение. К сожалению, в ней слишком мало слов, чтобы можно было утверждать что-либо категорически, и все наши дальнейшие построения крайне условны.

Начнем с суммы в четыре с половиной гривны. Это, по-видимому, крупные деньги: по «Грамоте о погородье и почестье» смоленской епископии [32, с. 146], датирующейся, как нам удалось доказать, 1211—1218 гг. [3, с. 24, 25, также 33, с. 98—100], по времени, следовательно, нашей грамоте весьма близкой, смоленский епископ получал с городов Смоленского княжества Мстиславля и Копыси по 6 гривен в год, с Ростиславля (Рославля), Лучина, Ельни по 3 гривны, а захиревший в то время Вержавск [3, с. 191] вносил лишь две гривны. Если даже в мстиславльской бересте речь идет не о гривнах серебра, а о гривнах кун, которые в 4 раза меньше гривен серебра [34, с. 44], нам все-таки ясно, что сумма в четыре с половиной гривны для одного лица достаточно крупна и оперировал с ней, всего вероятнее, человек состоятельный — боярин или даже князь.

Текст мстиславльской грамоты приобретает смысл лишь в том случае, если считать, что слово «пшеница» имеет отношение к выражению «полупятъ гривн», и речь, следовательно, здесь идет о деньгах, на которые кому-то надлежало приобрести это зерно. Наиболее правдоподобным представляется следующий перевод документа:

1. ... пшеницы четыре с половиной гривны

2. ... заплатил (купил?) Семен....

Письмо было послано на мстиславльский детинец и представляло собой, очевидно, донесение мстиславльскому феодалу (вряд ли мы ошибемся, если скажем, что это был мстиславльский князь) о выполнении поручения по покупке где-то на стороне зерна. Миссия была ответственной — зерно покупалось на крупную сумму, ее выполняло несколько человек (не менее двух), один из них был распорядителем финансов (Семен), а другой был грамотеем, информирующим князя о ходе выполнения поручения (автор письма).

Когда это могло происходить?

Выше мы говорили, что крупные феодалы не стремились обычно к покупке зерна (тем более к крупной) и шли на это, по-видимому, в исключительных случаях. В мстиславльской берестяной грамоте говорится о покупке пшеницы, но в отличие от грамоты из Витебска (тоже XIII в., там автор просил всего лишь продать его «порты» и «укупить» ему на эти деньги «жита», т. е. ячменя [35]) здесь речь о крупной закупке хлеба, нужного, видимо, в годину неурожая. О недородах, особенно в Новгородской земле, часто говорит летопись, выявляются они и по данным дендрохронологии. Исходя из последней, попробуем определить, когда в Мстиславль была послана берестяная записка.

В период второй половины XII — первой трети XIII в. Новгородская летопись неоднократно свидетельствует о голоде в городе, но не всегда ее данные находят соответствие в дендрохронологии. Не отмечаются, например, сильными угнетениями колец древнего дерева 1170 и 1230 гг., когда над Новгородом в очередной раз нависала угроза голода и цены на хлеб необычайно поднимались. Вникая в летопись, мы понимаем, что в это время голод был не по причине неблагоприятного климата, а в результате политической обстановки (1170 г. [36, с. 33]) либо из-за местных морозов (в «волости нашей», говорит летописец, указывая далее, что новгородцы разошлись в «чужие грады», т. е. за пределы этой «волости»,— туда, где неурожая вследствие местного мороза не было [36, с. 69]). Бревна же, с которых были получены спилы для анализа при раскопках, были срублены, очевидно, также вне пределов «волости нашей» (1230 г.). Сопоставление кривых угнетений годичных колец древних построек Новгорода с кривыми угнетений образцов из построек Смоленска и Полоцка показывает, что в интересующее нас время конца XII и, главное, первых десятилетий XIII в. климат был трижды неблагоприятным: в 1191—1192, 1210—1212, 1219—1220 гг. [37, с. 101, рис. 6]. В первом случае год не был, видимо, особенно неурожайным, так как новгородские летописи о нем молчат и есть лишь слабый отголосок в Ипатьевской летописи[6]. Неблагоприятный климат в начале 90-х годов XII в. сказался не только на дереве Новгорода, но и на бревнах из раскопок древних городов, расположенных к югу и юго-западу от него,— Торопца, Смоленска, Полоцка [37, с. 103, рис. 7; 38; 39, с. 264, сл.]. Однако еще южнее, в древнем дереве из раскопок Мстиславля, его следов нет [37, с. 10, рис. 8]. Очевидно, в это время здесь климат не был плохим. Угнетения годичных колец дерева из раскопок Новгорода, Торопца, Смоленска и Полоцка 1210—1212 гг. в Мстиславле также отсутствуют [37, с. 107, рис. 8, анализы № 14—16, 20, 21, 27, 28]. В эти годы, следовательно, в окрестностях Мстиславля климат также не был неблагоприятным. Остается третье, самое большое общеевропейское угнетение годичных колец древнего дерева, датирующееся по Новгороду 1219—1220 гг. Оно отчетливо видно и на кривых роста камбиальных слоев деревьев из древнего Мстиславля. В русских летописях эти неурожайные годы не отразились (ближайший голодный год в Новгороде — 1215 — с климатом не связан и далее этого города не распространился [36, с. 54]). Как показал Б. А. Рыбаков, засуха этих лет упоминается в известном «Житии преподобного Авраамия Смоленского»: она, сооб-

[6] Под 1193 г. Святослав Всеволодович говорит Рюрику Ростиславичу: «В землѣ нашеи жито не родилося ныне ...» [4, стб. 676].

щает источник, наступила сразу же после суда над Авраамием, т. е. в год его осуждения, и была воспринята современниками как «гнев Божий» [40; 41, с. 184]. Очевидно, именно в эту засуху или в последующее за ней зимнее время мстиславльский князь снарядил экспедицию для закупки хлеба.

Итак, берестяная грамота из древнего смоленского княжеского города Мстиславля, часть которой удалось найти при раскопках детинца в 1980 г., содержала текст о покупке на стороне между прочим пшеницы на крупную сумму в четыре с половиной гривны. Она была написана в год неурожая (1219—1220 гг.), когда мстиславльский князь снарядил, по-видимому, дальнюю экспедицию для приобретения хлеба и, вероятно, других продуктов питания. Экспедиция эта состояла из нескольких человек, один из них (вероятно, Семен) был княжеским казначеем, а другой, автор грамоты, будучи грамотеем, информировал князя об успешном исполнении предприятия. Возможны и другие толкования текста мстиславльского берестяного письма, но они кажутся нам менее убедительными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Л. В.* Исследования Мстиславля.— АО-1980. М., 1981.
2. *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь (сборник памяти Н. Н. Воронина). М.: Наука, 1976.
3. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М.: Наука, 1980.
4. ПСРЛ. Т. II. М., 1962.
5. *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль. ИРГО. Вильна, 1912.
6. *Алексеев Л. В.* Художественные изделия косторезов из некоторых древних городов Белоруссии.— СА, 1962, № 4.
7. *Алексеев Л. В.* Раскопки в Мстиславле.— АО-1979. М., 1980.
8. *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль.— КСИА, 1976, вып. 146.
9. *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. Спб, 1908.
10. *Щепкин В. Н.* Учебник русской палеографии. М., 1920.
11. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 года. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
12. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953—1954 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
13. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
14. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М.: Наука, 1978.
15. *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1953.
16. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1954.
17. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
18. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
19. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М.: Изд-во МГУ, 1975.
20. *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II.— МИА, 1959, № 65.
21. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
22. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
23. *Коновалов А. А.* Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания.— СА, 1966, № 2.
24. *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975.
25. Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1981, вып. 8.
26. Повесть временных лет. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I.
27. Правда Русская. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1947, т. II, комментарии.
28. Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
29. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев: Наукова думка, 1966, вып. 1.
30. *Куза А. В., Медынцева А. А.* Заметки о берестяных грамотах.— НЭ, 1974, т. XI.
31. *Авдусин Д. А.* Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966—1967 гг.— СА, 1969, № 3.
32. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М.: Наука, 1976.
33. *Алексеев Л. В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, 1979, № 4.
34. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М.: Изд-во МГУ, 1956.
35. *Дроченина Н. Н., Рыбаков Б. А.* Берестяная грамота из Витебска.— СА, 1960, № 1.

36. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
37. *Черных Н. Б.* Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы.— ПАДА. М.: Наука, 1972.
38. *Черных Н. Б.* Абсолютные даты деревянных сооружений древнего Смоленска.— МИСО. Вып. VI. М.: Московский рабочий, 1967.
39. *Колчин Б. А.* Дендрохронология древнего Полоцка.— В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
40. *Розанов С. П.* Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Спб., 1912.
41. *Рыбаков Б. А.* Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах».— СА, 1964, № 2.

L. V. Alexeyev

A BIRCH-BARK SCROLL FROM ANCIENT MSTISLAVL

Summary

Old Russian birch-bark scrolls are rare finds. So far they had been found only in five Russian cities: Novgorod, Smolensk, Vitebsk, Pskov and Staraya Russa. In 1980, they were joined by Mstislavl, Mogilev Region, Byelorussian SSR, where the present author has found a birch-bark document.

Mstislavl was first mentioned in chronicles under the year 1156. By the 13th century it became one of the major centres of the Smolensk Principality. The diggings conducted by the author on the territory of the town's citadel revealed 12th-17th century cultural layers: two streets paved with wood, with dwellings on the both sides, and a defensive construction (a donjon?). Town life in the various periods of its existence is displayed through numerous finds. The birch-bark scroll was discovered in the layer corresponding to the first three decades of the 13th century (its palaeography points to the same period). The text is reproduced in Fig. 1. Study of Novgorodan birch-bark scrolls and other 13th-century documents shows that 4.5 *grivnas* mentioned in the document was a considerable sum at the time and only a wealthy person (a prince?) could have handled it. Most probably, the scroll was a dispatch of an official sent to buy grain outside the Smolensk Principality in a lean year. It was established through a dendrochronological analysis that in Mstislavl 1219-1220 was an unfavourable period. We have every reason to believe that the document was written precisely in this period.

ВОРОБЬЕВА Е. В., ТИЦ А. А.

АНАЛИЗ И РЕСТАВРАЦИЯ УСПЕНСКОГО СОБОРА XII в. В ГАЛИЧЕ

Для изучения начальных этапов развития зодчества древнего Галича огромное значение имеют два датированных памятника Галицкого княжества: церковь Спаса (1152 г.) и Успенский собор в Крылосе (около 1156 г.). Княжеская домовая церковь Спаса, о которой говорится в Ипатьевской летописи [1, с. 461—464], находившаяся, по мнению большинства исследователей, на Золотом Токе в Крылосе, не обнаружена [2—6].

Фундаменты Успенского собора с незначительными остатками стен в некоторых местах были открыты в 1936 г. и изучены Я. И. Пастернаком [7].

На основании очертания фундаментов и находок архитектурных деталей учеными созданы «словесные портреты» городского кафедрального собора, возведенного в годы княжения Ярослава Осмомысла (1130—1187 гг.). Наиболее полное описание Успенского собора выполнено Я. И. Пастернаком [8].

Однако вошедшие в специальную литературу данные об Успенском соборе не позволяют ответить на многие вопросы, связанные с галицкой архитектурной школой. Поэтому авторами была поставлена задача — на основании сохранившихся фрагментов архитектурной пластики и анализа пространственной структуры дополнить и воссоздать в чертежах облик Успенского собора в Галиче.

Для более точной характеристики этого важного памятника княжеского Галича и реставрации его внешнего вида необходимо было установить непосредственные прототипы и ближайшие аналоги Успенского собора, т. е. определить место этого сооружения в эволюционном ряду древнерусских памятников XII в.

По типологической схеме Успенский собор принадлежал к четырехстолпным крестовокупольным храмам с тремя апсидами и галереей. Построен он был из местных пород алебастра и мелкозернистого известняка и украшен резными деталями.

Четырехстолпные крестовокупольные храмы, окруженные с трех сторон галереей, характерны для киевских построек времени княжения Ярослава Мудрого (1019—1054 гг.). Планы церквей Георгия (1037 г.), Ирины (1037 г.), Дмитриевского собора (1057—1062 гг.), а также храма, раскопанного на территории усадьбы митрополита, имеют сходную типологическую схему с Успенским собором в Галиче (рис. 1, *а, г*).

В XII в. храмы, окруженные с трех сторон галереями, встречаются (по археологическим данным на сегодняшний день) в Черниговском, Смоленском и Владимиро-Суздальском княжествах [9, с. 92]. К сожалению, ни один даже существующий по сей день храм не сохранил своих галерей.

Хронологически первым шестистолпным храмом с галереями в XII в. является Борисоглебский собор в Чернигове (1120—1123 гг. [10]. Обнаруженные стены галереи выложены из такого же кирпича и в той же технике, что и стены собора [11, с. 70]. Это дало основание ученым, участвовавшим в раскопках, сделать вывод о том, что галерея возводилась в общий для собора строительный период и «была его неотъемлемой частью» [11, с. 71].

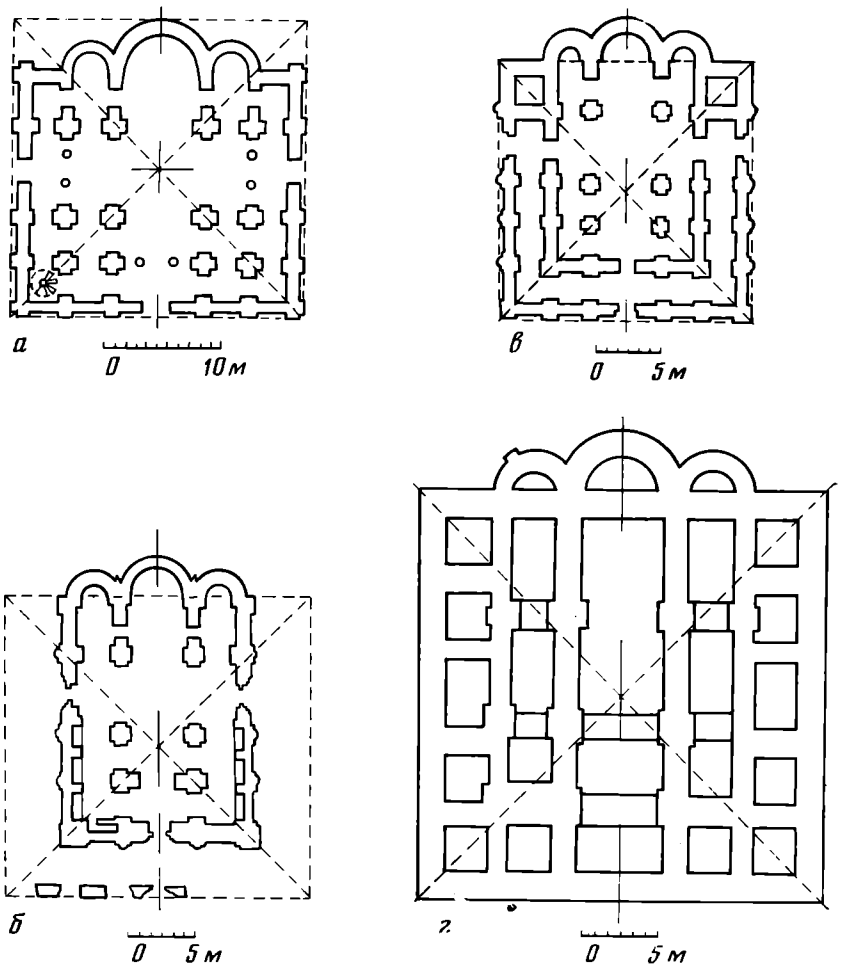


Рис. 1. Планы храмов XI—XII вв. со схемами их построения на участке. *а* — Киев. Ирининская церковь, 1037 г.; *б* — Чернигов. Борисоглебский собор, 1120—1123 гг.; *в* — Чернигов. Благовещенская церковь, 1186 г.; *г* — Галич. Успенский собор, около 1156 г.

Если даже предположить, что галерею пристроили к собору позже, то это, судя по аналогии в материале и технике, было выполнено вскоре же после окончания строительства храма.

Храмы с галереями в XII в. характерны для культовых построек Смоленского княжества [12, с. 58]. Наиболее ранние постройки Смоленска, имеющие галереи,— «великая церковь Бориса и Глеба» на Смядыни (1145 г.) и церковь Петра и Павла на Городенке (середина XII в.). Но их галереи пристроены позднее, скорее всего в конце XII в. [12, с. 61 и 90].

Владимиро-суздальские храмы с галереями — церковь Покрова на Нерли (1165 г.), Дмитриевский собор (1194—1197 гг.), собор Княгинина монастыря (1200—1202 гг.) возводились после начала строительства Успенского собора в Галиче и образцами для него служить не могли. Следовательно, при сооружении Успенского собора в Галиче использовались в качестве типологических примеров культовые постройки Киева XI в. или Чернигова XII в.

Проанализируем исторические условия, в которых создавался собор в Галиче.

В 1140-х годах князь Владимирко Володаревич (1104—1152 гг.) переносит столицу Галицкого княжества из Перемышля, оплота бояр, в Галич, что потребовало определенных мер по поднятию престижа нового стольного города. Его сын — князь Ярослав Осмомысл, вступивший на престол в 1153 г., продолжает политику отца и использует строительство

для укрепления своего авторитета. Летописец не случайно замечает: Ярослав «растроил (застроил) землю свою» [1, с. 656]. Естественно также, что потомок Ярослава Мудрого князь Галича Ярослав стремился и идеологически обосновать преемственность со своим могущественным предком. Ореол мудрого правителя, объединившего русские земли и державшего в страхе врагов, полностью отвечал политическим устремлениям Ярослава Осмомысла. Естественно поэтому обращение Ярослава Осмомысла к распространенному во время могущества Киевского государства типу крестовокупольных храмов с галереями. Нельзя не принимать во внимание и опосредованное влияние типичного для Галичины приема окружения деревянных храмов галереей («опасания»), имевшего очень древние традиции.

Но одно дело типологический прототип, а другое — непосредственный образец, который мог использоваться для сложного процесса разбивки храма на земле — его «размерения». В древней Руси при отсутствии масштабных чертежей выбор типа храма и его строительство производились по аналогии с осуществленными постройками. Поэтому для разметки очертаний здания на строительной площадке нужны были мастера, знакомые с особенностями геометрического построения подобных храмов, с тайною закономерного согласования его частей, с приемами определения размеров галерей.

Анализ показывает, что учителями галичских строителей Успенского собора были, по всей вероятности, черниговские мастера. Во всяком случае, галичские строители были знакомы с характерными для черниговской архитектурной школы приемами «размерения основания» и использовали их в своей практике.

Как показывает геометрический анализ, основой для начала построения киевских четырехстолпных храмов с галереями XI в. (церковь Георгия, церковь Ирины и др.) служил квадрат, описанный вокруг всего сооружения. На пересечении диагоналей этого квадрата расположен главный купол, что придает всей композиции центрический характер (рис. 1,*а*).

Черниговские мастера для разметки шестистолпного Борисоглебского собора (1120—1123 гг.) применили другую разбивочную схему. Они вписали в квадрат только галереи (рис. 1,*б*). Вынос апсид за пределы квадрата для шестистолпного собора с удлиненной осью восток — запад вполне логичен. Схема черниговских зодчих использовалась и позднее при разбивке шестистолпных храмов с галереями. По этой схеме была выполнена Благовещенская церковь в Чернигове (1186 г.) [9] (рис. 1,*в*), Борисоглебский собор Смядынского монастыря в Смоленске (1145 г.) [1] и церковь на Воскресенской горе (конец XII — начало XIII в.). Как известно, в архитектуре Смоленска середины XII в. использовались черниговские строительные традиции [12, с. 376].

Четырехстолпные храмы XII в. и в Смоленске, и во Владимиро-Суздальских землях возводились по киевской схеме (т. е. вписывались вместе с апсидами в квадрат) или приближенной к ней. В этом случае для расширения галерей и приделов северная и южная стены располагались с наружной стороны разбивочного квадрата, а восточная и западная — с внутренней. Во всяком случае, все известные четырехстолпные храмы с галереями XII в. возводились не по черниговской схеме. Поэтому применение для четырехстолпного собора в Галиче черниговской схемы разбивки, характерной для шестистолпных храмов, дает основание считать, что разметка основания Успенского собора выполнялась с помощью черниговских зодчих (рис. 1, *г*). На участие черниговских зодчих в разбивке плана галичского собора указывает и повторение толщины несущих стен. Толщина стен и столбов, близкая 152 см (простая сажень, или 5 греческих футов), встречается в начале и середине XII в. исключительно в постройках, связанных с черниговской школой зодчества; Борисоглебский и Успенский соборы в Чернигове, собор Бориса и

[1] Галереи к Борисоглебскому собору пристроены позднее.

Глеба в Смоленске, собор Юрьевского монастыря в Каневе (1144 г.), Кирилловский собор в Киеве (1146 г.) [10], Успенский собор во Владимире-Волынском (1160 г.) имеют стены и опорные столбы, равные в среднем 150 см.

Следует отметить, что этот размер позднее не встречается. Видимо, он был типичным для определенной артели черниговских зодчих.

Приведенные факты позволяют предполагать, что непосредственным образцом, от которого отталкивались строители Успенского собора, был черниговский Борисоглебский собор. Однако, как всегда, древнерусские мастера механически не повторяли образец, а творчески его применяли в конкретных условиях, с учетом социального заказа, материала, строительных традиций.

В силу этого участие черниговских мастеров сказалось в основном в использовании геометрического канона согласования частей объемно-пространственной структуры.

Галич в середине XII в., видимо, не обладал достаточным опытом возведения больших культовых сооружений, каким являлся Успенский собор, и вынужден был, как это делалось в Средневековье, пользоваться услугами пришлых строительных артелей. Возведение Успенского собора из камня, сам характер резных архитектурных деталей дают основание предполагать наличие среди каменщиков мастеров, знакомых и с романской строительной техникой.

Формирование галичской архитектурной школы проходило в условиях различных художественных воздействий и в основном Великоморавского государства и Киевского. В результате скрещивания восточнославянской структуры храмов и архитектурно-пластического романского декора возникают оригинальные постройки Галича, выполнявшиеся в отличие от Приднепровья в доступном местном материале — камне.

Величественный городской собор Галича, как София Киевская или Новгородская, возвышался над пониженным объемом галерей, создавая монументальную, устойчивую композицию, которая языком искусства выражала политические притязания Ярослава Осмомысла на главенствующую роль среди князей. Искусство, как известно, «всегда было функцией человеческой жизни, быть может самой всеобъемлющей и универсальной наряду с теоретическим мышлением» [13, с. 53].

Одним из кардинальных вопросов для реконструкции внешнего облика собора в Галиче является вопрос расположения хода на хоры и галерею: существовала башня или была внутристенная лестница?

В XII в. заметна тенденция замены башен внутристенными лестницами. В черниговских и смоленских храмах с галереями башен, видимо, не было. Отсутствовала башня и в церкви Покрова на Нерли. Следовательно, логично предположить, что и Успенский собор в Галиче не имел башни, тем более что это был епископский храм. Предположение об отсутствии башни находит подтверждение в очертаниях фундаментов, аналогичных во всех ячейках галереи. В то же самое время северный участок фундамента западного прясла храма, где обычно устраивалась внутристенная лестница, единственный имеет значительное расширение (до 3,4 м), что легко позволяло сделать достаточно широкий ход на хоры в толще стены.

Косвенным фактом, говорящим в пользу применения внутристенного хода, служит композиционное построение Успенского собора. Мастера, разбивавшие план собора, добиваются расположения главного купола посредине между апсидами и западной стеной галереи. Следовательно, они стремились создать центрическую композицию с нарастанием объемов к главному куполу. Устройство башни или лестницы в северо-западной ячейке галереи (что считал возможным Я. И. Пастернак) обусловливало расположение хор над нартексом, что нарушило бы идею центричности. А ведь ради нее, очевидно, мастера значительно удлинили восточную ветвь креста, сделав ее равной подкупольному квадрату, как это имело место в Спасском соборе в Чернигове (заложен до 1036 г.). Удлинение восточного звена — также характерная особенность черниго-

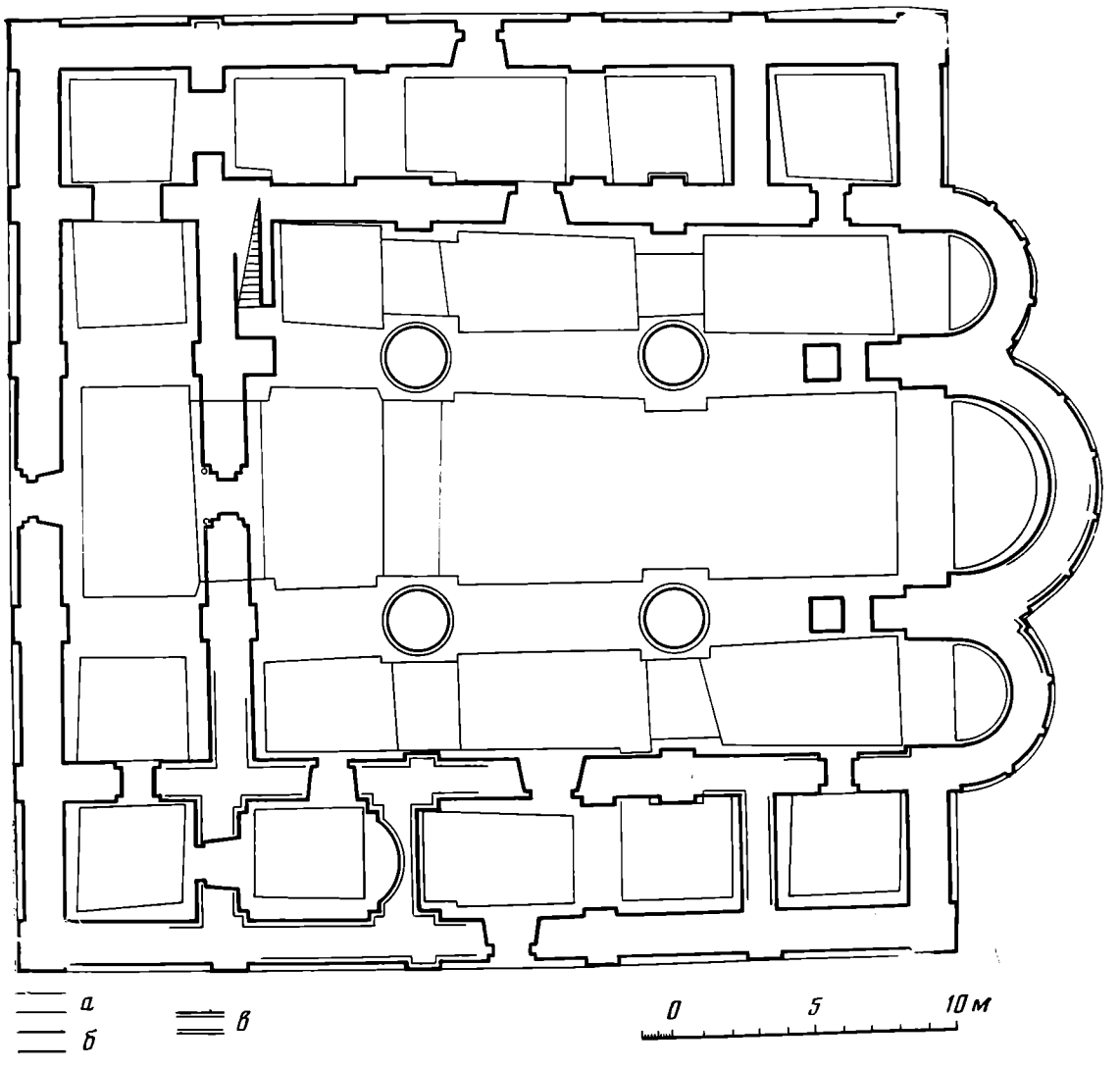


Рис. 2. Реставрация плана Успенского собора в Галиче А. А. Тица. *а* — сохранившиеся фундаменты; *б* — реконструируемые стены; *в* — фрагменты сохранившихся стен

ских построек XI в., что может быть дополнительным свидетельством участия черниговских мастеров в разбивке плана собора в Галиче.

Желание создать уравновешенную симметричную композицию сказалось и в необычной разбивке северной и южной стен галереи, которая, как это видно из очертания фундаментов, повторяет не ритм столбов храма, как обычно, а членения западной стены галереи. Благодаря этому северная и южная стены галереи разбиты на пять прясел с выделением центрального звена, что не согласуется с трехчастной структурой храма (рис. 1, *г*).

Тяготение к центрическим композициям наблюдается и в других постройках Галича (Спасский храм на горе Карпыця, церкви Пантелеймона и Ильи, «Полигон»).

Сохранившиеся полностью фундаменты, хорошо изученные и подвергнутые консервации [14], позволяют достаточно точно восстановить очертания плана (рис. 2). Плановое решение основного объема храма не вызывает сомнений, сложнее вопрос реконструкции галерей. Наличие остатков кладки Успенского собора 1157 г. в южной части галереи дает для этого основания. Уцелевший фрагмент стены в первой с востока поперечной ячейке галереи свидетельствует о наличии здесь закрытого помещения, очевидно, служебного назначения (диаконикона).

В западной части южной галереи находилась крещальня с небольшим притвором. На остатках ее стен около 1500 г. была возведена каплица,

Памятник и дата	Сторона подкупольного квадрата — модуль, в м	Отношение ширины к модулю	Отношение высоты до замка купола к модулю	Отношение высоты до барабана к модулю	Отношение высоты столба к модулю	Отношение высоты хор к модулю
Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове, 1110–1120 гг.	6,15	3,2	4,07	2,42	1,7	1,14
Борисоглебский собор в Чернигове, 1120–1123 гг.	6,15	3,03	3,85	2,42	1,8	1,1
Юрьевский (Успенский) собор в Каневе, 1144 г.	5,90	2,95	3,56	2,27	1,66	1,12
Собор Кирилловского монастыря в Киеве, 1147 (?) г.	7,70–6,80	2,91 3,29	3,63 4,12	2,34 2,66	1,63 1,85	0,9 1,02
Успенский собор во Владимире-Волынском, 1160 г.	7,70	3,05	4,07	2,40	1,72	1,06
Средние отношения по черниговской архитектурной школе		**3,07**	**3,89**	**2,42**	**1,72**	**1,06**

которая дошла до наших дней, сохранив в нижней части фрагменты первоначальной кладки. Наличие в древнем Успенском соборе в юго-западном углу крещальни подтверждается и находкой в этом месте нижней части каменной чаши для крещения [8, табл. XIII, рис. 1 и 4].

Снова приходится вспомнить памятники черниговской архитектурной школы. В Успенском соборе Елецкого монастыря (1110—1120 гг.) в юго-западном углу тоже была устроена крещальня.

По аналогии с южной галереей можно считать, что и в северной (в восточном участке) находилась закрытая ячейка, в которой хранились священные сосуды и пожертвования. Размещение по бокам апсид двух предназначенных для культовых надобностей помещений — явление широко распространенное.

Следующий важный момент для реконструкции — определение основных высотных размеров Успенского собора. Исходя из предположения о стабильности геометрических приемов, использовавшихся мастерами одной строительной артели для разбивки плана и установления высоты здания, а также выявленной связи схемы плана Успенского собора с памятниками Чернигова, был проведен анализ соотношений основных параметров для сооружений черниговской архитектурной школы. С целью установления пропорциональной взаимосвязи и сопоставимости величин были просчитаны в зданиях черниговской школы отношения основных высотных размеров к стороне подкупольного квадрата, принятого за модуль. Результаты подтвердили предположения о наличии канонических соотношений в черниговской архитектурной школе. Расхождения размеров оказались незначительными. Существенно, что аналогичные соотношения для группы владимирских памятников дали другие результаты с меньшей сходимостью показателей. На основании полученных данных была составлена таблица и выведены средние отношения для черниговской архитектурной школы.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что, несмотря на различные размеры подкупольного квадрата, основные отношения его стороны к высотным габаритам практически остаются постоянными, особенно если учитывать строительную технику XII в. и неизбежные погрешности обмерных чертежей, которые послужили основой для определения размеров.

Для выяснения вопроса, входит ли Успенский собор в Галиче в группу этих памятников, были обследованы сохранившиеся архитектурные детали, установлены размеры подкупольных столбов галичского Успенского собора и нанесены их габариты на план фундаментов.

Наличие на участке храма в 1979 г. фрагмента базы большого круглого столба позволило с достаточной степенью точности определить его диаметр, который получился равным 2,08 м[2].

Несмотря на круглую форму столбов, отношение стороны полученного подкупольного квадрата к ширине храма совпало со средней величиной отношения, характерной для черниговской архитектурной школы. В силу неточности при разбивке фундаментов (ширина восточной части равна 20,7, а западной — 21,2 м) отношение для восточной стороны составило 3,04, а для западной — 3,11. Средняя величина 3,075 точно совпала с выведенной величиной черниговской архитектурной школы.

Выявленное совпадение отношений в плане позволило аналитически (путем умножения стороны подкупольного квадрата на вычисленные средние величины отношений) определить размеры от пола храма до замка купола (26,5 м), до барабана (16,5 м), высоту столба (11,7 м) и хор (7,2 м).

На основании вычисленных данных несложным оказалось и определение основных габаритов фасадов. Полученные результаты позволили перейти к следующему этапу по воссозданию первоначального облика древнего храма — архитектурной пластике галичского собора.

Реставрация внешнего облика Успенского собора выполнялась на основании изучения обнаруженных во время раскопок архитектурных деталей и остатков сохранившихся стен.

При определении местонахождения различных фрагментов архитектурной пластики учитывалась их аналогия с деталями владимиро-суздальских памятников середины XII в. и в ряде случаев место их обнаружения во время раскопок.

Лопатки галерей Успенского собора в Галиче не имели базы и начинались от цоколя в виде прямоугольного выступа. Это подтверждается сохранившимся куском южной стены галереи с нижней частью лопатки. Суровые формы стены галереи, расчлененные монументальными лопатками, оживлялись небольшими оконными проемами, расположенными на значительной высоте.

Летописные известия свидетельствуют, что Успенский собор строился с учетом возможности его использования также в качестве оборонительной постройки. Функции собора, как последнего оплота в кровавых столкновениях, потрясавших Галич, достаточно убедительно описываются летописцами. Например, во время освобождения Мстиславом города, занятого в 1219 г. войсками венгров и поляков, уцелевшие после разгрома иноземные воины «возбегоша же на комары (своды галереи. — *Е. В. и А. Т.*) церковния и ини же оужи возвлачишася, а фаре (кони) ихъ поимаша. бе бо градъ створень на церкви; о нем же стреляющимъ и камение мещающимъ на гражаны, изнемогахоу жажею водною, не бе бо воды в них; и приехавшю же Мьстиславоу и вдашася ему и сведени быша со церкви» [1, с. 738].

Таким образом, сводчатые перекрытия галереи были превращены в боевую площадку: «бе бо градъ створенъ на церкви». Несомненно, что верх галереи был огражден парапетом, скорее всего глухим. Он закрывал защитников по грудь, позволяя вести обстрел врагов. Во время военных действий, возможно, устраивались временные защитные устройства из дерева—заборалы.

Парапет отделялся от плоскости стены горизонтальным членением; древнерусские мастера всегда правдиво отражали пространственно-конструктивную основу. Среди архитектурных фрагментов, обнаруженных во время раскопок 1976 г., имеется камень необычной конфигурации со скошенным отступом и выступающим валиком (рис. 3, *а*). Откос кам-

[2] Я. И. Пастернак также указывал на наличие круглых подкупольных столбов.

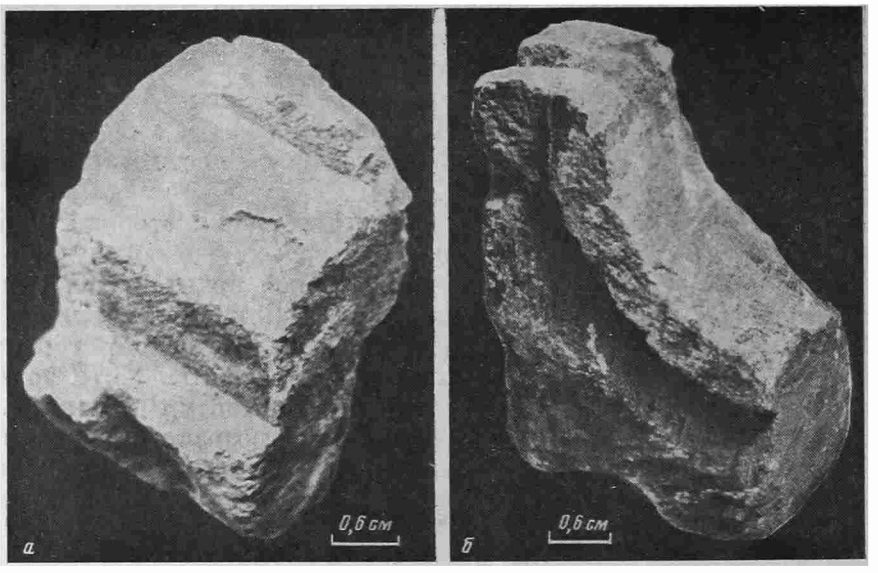


Рис. 3. *а* — архитектурный фрагмент Успенского собора из раскопок 1976 г.; *б* — арочное завершение оконного проема

ня напоминает цокольные части древней церкви Спаса в Суздале (1148—1152 гг.) или Георгия во Владимире (1152 г.) [15, с. 65, 97]. Поскольку цоколь Успенского собора сохранился, то можно предположить, что рассматриваемый камень с откосом и валиком укладывался на уровне площадки галереи. Размещение камня здесь вполне логично, так как этим обеспечивался отступ парапета от наружного края стены и отвод атмосферных осадков.

Среди обнаруженных при раскопках камней имеется фрагмент арочного завершения небольшого оконного проема шириною 58 см (рис. 3, *б*). Скорее всего, эти окна, приближавшиеся к бойницам, располагались между лопатками галереи.

Неприступность, суровость галерей, окружавших с трех сторон наподобие крепостных стен «дом божий», смягчалась пластически более выразительными пятнами порталов.

Среди сохранившихся архитектурных обломков имеются различные детали дверных обрамлений и архивольтов. Трудно сейчас точно определить их место. Но, основываясь на традиционных принципах и архитектурных аналогиях, можно высказать достаточно обоснованные соображения.

Западный вход в собор, очевидно, был наиболее пластически выразителен и мог содержать рельефные изображения, столь характерные для романских порталов соседних с Галицким княжеством государств: Венгрии, Польши, Германии и др. Не лишено оснований предположение, что в тимпане западного портала Успенского собора располагался рельеф Успения Богородицы. Ныне с западной стороны бывшего собора Ярослава Осмомысла возвышается Успенская церковь, построенная в начале XVI в. на средства Марко Шумлянского [7]. Как известно, она сложена из остатков разрушенного Успенского собора XII в. [7]. Над ее западным порталом размещен рельеф Успения Богородицы, состоящий из полукруглого камня и более широкого архитравного (рис. 4). Изображение, находящееся на полукруглой плите, по характеру пропорций человеческих фигур, их анатомической неправильности (преувеличенный размер головы, фронтальное положение лежащей Богородицы и т. д.) более отвечает рельефам XII в., чем XVI в. В то же самое время на архитравном камне, в его углах, находятся головки херувимов, выполненные в более утонченной манере. Объемная и тщательная теска отличает и основания светильников. Можно полагать, что рельеф на полукруглой плите принадлежал древнему Успенскому собору, а архи-

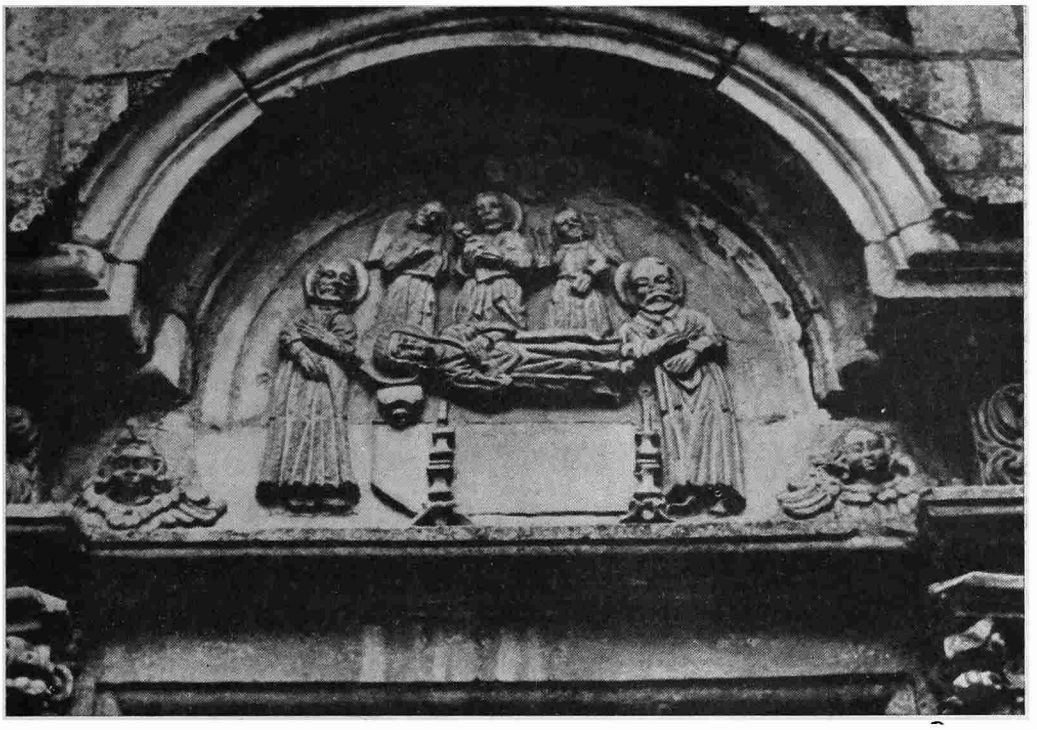


Рис. 4. Тимпан над западным входом в Успенскую церковь в Крылосе, начало XVI в.

Рис. 5. Часть архитравного блока с изображением дракона, очевидно, от обрамления южного входа в Успенский собор, XII в.

травный блок выполнен в XVI в. Это тем более вероятно, что плоское обрамление полукруглой части просто упирается в горизонтальный камень. В стенах Успенской церкви XVI в. имеются и другие древние камни с изображениями и граффити XII в.

Среди них обращает на себя внимание часть горизонтального блока с рельефным изображением дракона (рис. 5). Анализ размеров камня, отсутствие рамки со стороны облома, характер аналогичных изображений и другие детали позволили сделать вывод о том, что это обломок

Рис. 6. *а* — фрагмент арочного обрамления Успенского собора из раскопок 1976 г.; *б* — камень трапециевидной формы, скорее всего от арочного обрамления

архитравного блока с достаточно распространенной ритуальной сценой древнего происхождения [16]. В своем первоначальном виде рельеф состоял из двух симметрично расположенных крылатых драконов, которые охраняли христианизированный символ «древа жизни».

Этот более светский рельеф, впитавший народные предания, скорее всего перекрывал пролет южного входа, предназначавшийся для князя. Характерно, что в обрамлении портала Борисоглебского собора в Чернигове мы тоже встречаем рельеф с драконообразным крылатым существом.

Наружных дверей в галерею с севера, может быть, и не было, так как положение Успенского собора на местности затрудняло подход к храму с этой стороны [3].

В фондах Исторического музея г. Львова сохраняется угловой камень от портала с базой. Углы верхней плиты базы скошены и образуют основание для круглой колонки, равное примерно 14 см. Портал с колонками по углам скорее всего, учитывая защитные функции галереи, обрамлял внутренний западный вход самого собора.

Я. И. Пастернак опубликовал среди архитектурных фрагментов Успенского собора фотографию части архивольта с орнаментальным узором в виде чередующихся в шахматном порядке кубообразных выступов и заглублений [8, табл. VI, рис. 5]. Этот резной камень был найден у западной стены собора в районе входа и, возможно, дополнял резной убор внутреннего портала с колонками.

Обломки с аналогичным выемчатым орнаментом имеются и в фондах Исторического музея г. Львова. В 1976 г. при раскопках в Крылосе была найдена часть оконного обрамления с таким же узором (рис. 6, *а*). Замер этого фрагмента показал, что он мог служить обрамлением проема с радиусом примерно в 26 см. Подобные размеры характерны для вытянутых окон барабанов и апсид.

Различные оконные обрамления по своему функциональному и композиционному назначению требовали, естественно, различных размеров и пластической обработки. Окна собора, расположенные над галереей для того, чтобы хорошо осветить интерьер, должны были иметь достаточно большие размеры и выразительные обрамления. Наиболее подходящим для этих целей представляется трапециевидный камень, имеющий достаточно крупную профилировку из вала, откоса и криволинейной поверхности, отдаленно напоминающий гусёк (рис. 6, *б*). Верхняя часть камня шире, чем нижняя. Форма камня позволяет предполагать, что это элемент арочного обрамления. Об этом говорит и более грубая обработка боковых, невидимых поверхностей архивольта. Геометрически построенная, исходя из скосов камня, кривая показывает, что вся ширина профилиро-

[3] Такого же мнения придержшвался и Я. И. Пастернак.

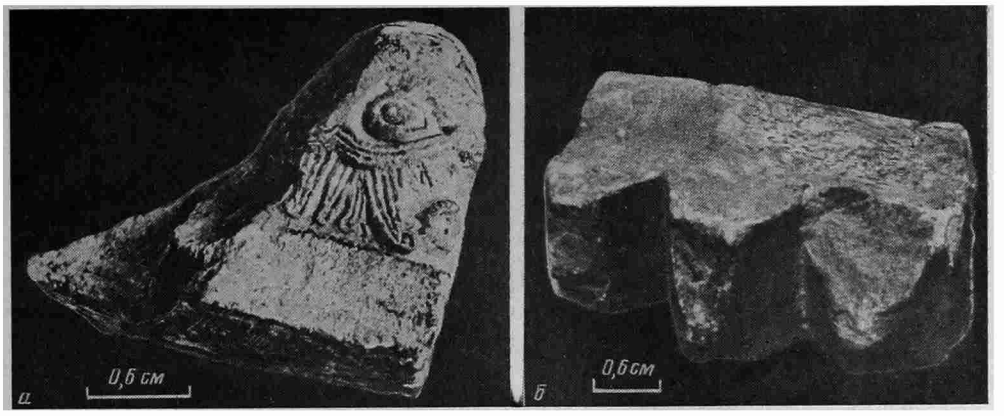


Рис. 7. *а* — часть фигурной консоли из музея в г. Ивано-Франковске; *б* — деталь поребрика

ванного обрамления составляла примерно 1,5 м, а ширина оконного проема — порядка 50 см. Указанные размеры соответствуют имеющимся в натуре окнам культовых сооружений XII в.

Пластическая отделка элементов храма в древнерусском зодчестве согласовывалась с их утилитарным и идейно-художественным назначением. Поэтому и в Успенском соборе в Галиче основные, как бы идейные центры — апсиды и глава храма — должны были иметь наиболее богатую пластическую обработку. Это подтверждается находками двух расколотых консолей с изображением женского лика и головы льва в развалах около апсид собора [8, с. 105]. Основываясь на вышесказанном, можно с большой долей вероятности считать, что поверхности апсид были расчленены тянутыми колонками и завершались аркатурой на консолях подобно Успенскому собору во Владимире (1158—1160 гг.) или церкви Покрова на Нерли (1165 г.). Об этом говорит и близость масок на консолях галичского собора с рельефами Успенского собора во Владимире (1158—1160 гг.) и фигурными консолями церкви Покрова на Нерли [17, с. 101, 105, 147, 149 и др.]. Характерно, что резьба консолей в Галиче воспринимается более архаичной (рис. 7,а).

Среди хранящихся в музеях архитектурных деталей Успенского собора в Галиче имеются фрагменты фактически всех элементов скульптурного декора апсид. Обломки полуколонн диаметром 16—20 см скорее всего принадлежат тягам, которые рачленяли снизу доверху поверхность апсид. Между ними проходил, завершая апсиды, аркатурный фриз. Сохранилась и база с началом колонки диаметром 16—17 см, которая, видимо, располагалась на выступающей части цоколя и служила опорой для вертикальных тяг. Уцелели и составные элементы аркатурного пояса. В развалах около апсид была обнаружена плита с полукруглой нишей от завершающей части аркатуры [8, табл. VI, рис. 4]. Диаметр ее арочки составляет 40—42 см. Такие же размеры имеют и арки аркатурных фризов владимиро-суздальских храмов. Арочка аналогичного камня с полукруглой нишей церкви Борис и Глеба в Кидекше (1152 г.) имеет диаметр 38 см, в Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском (1152—1157 гг.) диаметр аркатуры колеблется от 37 до 40 см, а в церкви Покрова на Нерли (1165 г.) он достигает 42 см.

Колонки аркатурного фриза, судя по размерам консоли с львиной маской, были диаметром 10—12 см, что соответствует величине колонок владимиро-суздальских аркатурных фризов. Капители колонок, очевидно, не были украшены орнаментикой, как и в Успенском соборе во Владимире (1158—1160 гг.). Сохранившаяся под № III-3612 простая конусообразная капитель со срезанными углами должна была располагаться на колонке диаметром (в верхней части) 10 см. Таким образом, можно предполагать, что эта капитель завершала колонки аркатурного фриза.

Сверху аркатурного фриза в галичском соборе, как в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залес-

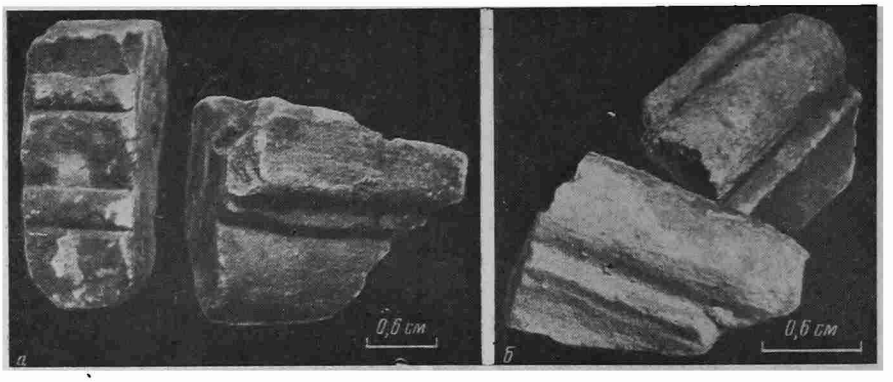


Рис. 8. *а* — профилированные детали Успенского собора; *б* — детали полуколонок барабана

ском и других владимиро-суздальских храмах, проходил пояс поребрика. Среди раскопанных архитектурных деталей имеются остатки этого зубчатого пояса, столь характерного для памятников раннего Средневековья. Сохранилось два фрагмента поребрика, один с шириною зубца в 12—13 см и высотою в 12 см (рис. 7, *б*) и другой с шириною и высотою около 17 см.

Величина и пропорции зубцов также совпадают с размерами поребрика храмов в Кидекше и Переславле-Залесском, что делает более убедительной гипотезу об участии галичских камнерезов в строительстве этих памятников.

Надо думать, что большие зубцы принадлежали поребрику, который проходил у основания закомар собора и по верху апсид. Во всяком случае, их масштаб лучше согласуется с более крупными формами его нижней части. Поребрик же меньшего размера завершал барабан.

Предположение о наличии в соборе Галича простого арочного пояса с поребриком на уровне закомар основано на аналогии с памятниками этого круга. Арочный пояс у основания закомар имеют: Борисоглебский собор (1120—1123 гг.) и Успенский Елецкого монастыря (1110—1120 гг.) в Чернигове, а также Успенский собор во Владимире-Волынском (1160 г.) и др.

Можно с достаточной степенью уверенности реставрировать и карниз апсид.

Среди хранящихся деталей былого убранства Успенского собора имеются два однотипных камня с двумя валиками, расположенными на некотором расстоянии друг от друга и заканчивающимися плоской частью. Подобного типа камни встречаются и в завершениях карнизов апсид и барабанов владимиро-суздальских храмов. Камень несколько больших размеров и более усложненной профилировки скорее всего завершал апсиды, так как небольшие полочки (шириной 1 см) вряд ли могли быть заметны на 20-метровой высоте. Камень с более простым профилем имеет ширину всего 10 см, что облегчало укладку криволинейного завершения на большой высоте (рис. 8, *а*).

Характерно, что и колонки, расчленявшие барабан, имели меньший диаметр, чем колонки, расчленявшие апсиды, что отвечало масштабу этих криволинейных объемов. Незначительное уменьшение аналогичных пластических деталей на барабане вызывало иллюзию большей высоты храма.

Полуколонки барабана Успенского собора имели диаметр около 8 см, поэтому, как и в других храмах, они выполнялись из одного камня вместе с боковыми прямолинейными участками, которые примыкали к плоскости стены (рис. 8, *б*). Вполне вероятно, что полуколонки барабана собора в Галиче увенчивались простыми прямоугольными капителями со скругленными углами и граненой шейкой, а опирались на маленькие конусообразные профилированные консольки (рис. 9, *а*). Размеры капители и консоли соответствуют сечению полуколонок.

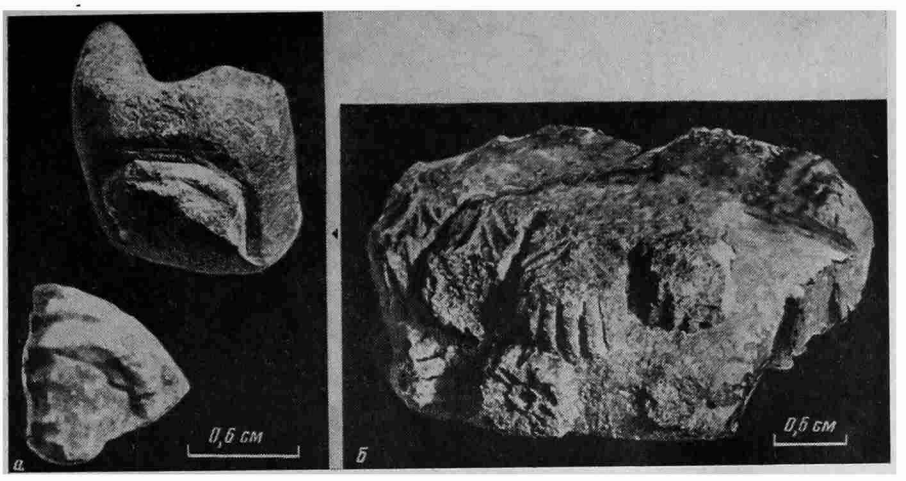


Рис. 9. *а* — капитель полуколонки и фрагмент консоли; *б* — резной камень из Музея украинского искусства во Львове

Таким образом, архитектурная пластика экстерьера храма восстанавливается с достаточной степенью достоверности (рис. 10). К сожалению, облик интерьера, носивший более индивидуальный характер, может быть обрисован только в общих чертах.

В нижней части стены, под северным участком каплицы XV в., сохранилась in situ часть базы пилястры, находившейся под хорами [8, рис. 32]. База имеет достаточно канонизированную форму и пропорции своего аттического прототипа.

Сохранился сегмент базы и круглых столбов, на которых покоился барабан с куполом. Очевидно, это только верхняя часть базы, так как у нее нехарактерный для основания профиль в виде обратного гуська и очень тонкого плинта (6 см). Скорее всего этот камень лежал на массивной квадратной плите с крупным валом. Это тем более вероятно, что почти все сохранившиеся фрагменты опорных элементов включают валообразные профили с плинтом.

Основываясь на аналогии с круглыми столбами Рождественского собора в Боголюбово (1158 г.), завершавшимися композитоподобными капителями, можно полагать, что и столбы Успенского собора тоже имели капители.

Не лишено логики и предположение о том, что значительный фрагмент, длиною около 35 см, из Музея украинского искусства во Львове представляет обломок большой капители. Правда, прямоугольные врезы с одной стороны камня дали повод работникам музея считать, что это деталь резного портала. Однако отсутствие согласованности врезов с общей орнаментальной композицией камня и особенно наличие горизонтальной плоскости, входящей в рельеф листа, позволяют предполагать, что они сделаны позднее, когда обломок капители был приспособлен для других целей. Форма же упрощенных листьев с поясом розеток больше напоминает рисунок капители (рис. 9, *б*). Дошедшие до нас скудные остатки обломков карнизов, резных белокаменных деталей, кусочков штукатурки, покрытых фресками, позволяют сегодня представить поражавший современников многоцветьем и великолепием интерьер собора стольного града Галича. Узорчатые полы из керамических плиток желтых, зеленых, красно-коричневатых оттенков, бронзовые паникадилы, золотые кресты и даже, видимо, мозаика[4] ослепляли людей, создавая неземную среду, столь отличную от убогих жилищ горожан.

Впечатлению большой праздничности, отличавшей древнерусские храмы, способствовало использование цвета в экстерьере. На одном

[4] В экспозиции Исторического музея во Львове выставлены кусочки смальты из Успенского собора.

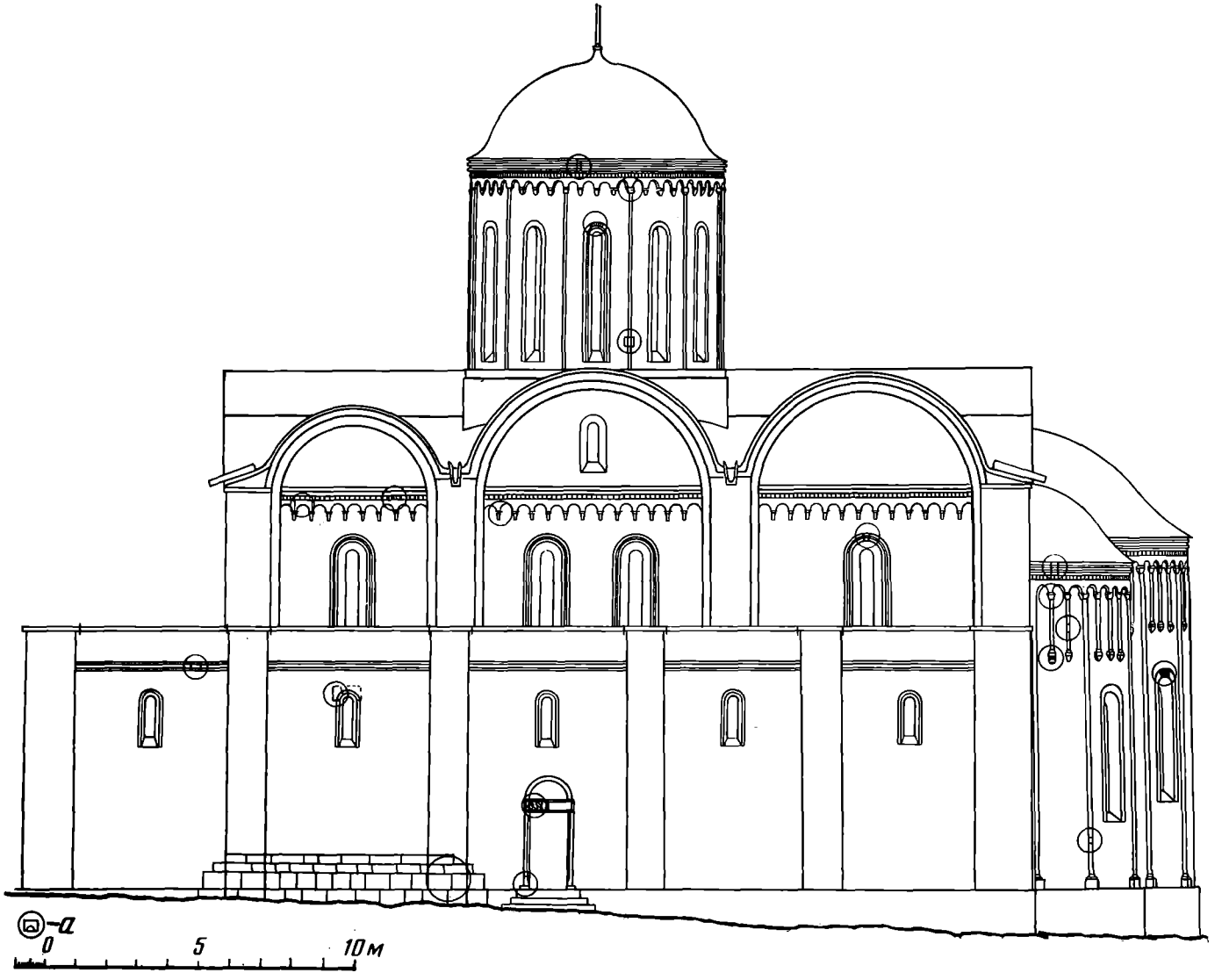


Рис. 10. Реставрация южного фасада Успенского собора в Галиче А. А. Тица. *а* — обнаруженные во время раскопок архитектурные детали

кусочке зубцеобразного обрамления, фрагменты которого характерны для Успенского собора, в выемке между выступами сохранились следы покраски синим цветом[5]. Это дает основание предполагать, что обрамления порталов или оконных проемов имели цветовое оформление.

Светлый, очевидно, с красочными пятнами порталов, с каменным узорочьем апсид и барабанов, Успенский собор, несмотря на сдержанность и суровость почти глухих стен галереи, сохранял черты большей человечности и был ближе к народным художественным идеалам, чем более аскетичные сооружения католического мира.

Архитектура Галича запечатлела духовную жизнь пограничного княжества, стоявшего на западных рубежах древнерусского государства, мастера которого впитывали и творчески перерабатывали достижения культуры многих народов на базе высоких традиций античности, ассимилированных народным творчеством славян. Идущая от Византии, переосмысленная зодчими Киевской Руси структура крестовокупольного храма приобрела своеобразие на галичской почве. Словно закладывая основы будущих украинских церквей-крепостей, зодчие Галича придают галереям оборонительные черты, используют камень в качестве основного строительного материала, увеличивают (не без влияния западноевропейской архитектуры) композиционное значение порталов и широко применяют декоративную пластику. Не отбрасывая отдельные романские архитектурные детали, мастера Галича сохраняют основную принципиальную типологическую схему православного храма, они усиливают центричность его композиции и уступчатость пирамидального построения объемов, завершающихся центральной главой, как бы противопоставляя их структуре романских базилик с главенствующей ролью продольной оси и западного фасада.

Проведенный анализ архитектурных форм Успенского собора в Крылосе позволяет высказать некоторые соображения о сложении архитектурных школ Галича и Владимира. В литературе этот вопрос рассматривался, как правило, в плане влияний и определения происхождения мастеров, которые владели техникой каменного строительства и выполняли архитектурные детали романского типа[6].

При определении участия иностранных мастеров в строительстве того или иного храма мало обращалось внимания на имевшую место широкую дифференциацию строительных работ, которая приводила к совместной деятельности мастеров разных стран и артелей.

В XII в. существовало уже много обособившихся строительных профессий. В описании строительства Всеволода летописец отмечает: «не ища мастеров от Немець, но налезе мастеры от клеврет святое Богородици и от своих, иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити» [8, с. 41]. К этим специалистам в своей области мы можем добавить каменщиков, резчиков по камню, керамистов, плотников, кузнецов и многих других.

Очевидно, решающую роль играли не непосредственные исполнители, а руководители артелей, которые облекали социальный заказ в конкретную объемно-пространственную форму здания.

Определяющим началом в формировании идейно-художественного образа здания являлись общий замысел и принятая типологическая структура, которая получала развитие в архитектурной пластике и других деталях. Поэтому основным фактором при определении принадлежности мастера к той или иной архитектурной школе является типологическая схема храма. Для установления принципиальных композиционных основ той или иной архитектурной школы необходимо прежде всего проследить характер и приемы формирования объемно-пространственной структуры сооружения, которая оговаривалась заказчиком и выполнялась руководителем строительных артелей — зодчим в полном смысле этого слова. Таким вот ведущим мастером, который производил «размерение

[5] Детали № III—3117 (94) из фондов Исторического музея во Львове.

[6] Проблема мастеров владимирской архитектурной школы наиболее подробно рассмотрена Н. Н. Ворониным [15].

основания» и определение размеров объемно-пространственной структуры Успенского собора в Галиче, был, видимо, черниговский зодчий, так как трудно предположить, что совпадение основной разбивочной схемы, определявшей местоположение центральной главы, а также толщины наружных стен (одна простая сажень) с постройками черниговских мастеров — чистая случайность. Это мало вероятно еще и потому, что анализ пропорциональных отношений построек черниговской архитектурной школы показал устойчивость основных соотношений, говорящих об определенной каноничности приемов разбивки очертаний здания в натуре. О связях архитектуры Галицкой земли с архитектурой Черниговского княжества свидетельствует и близость Успенского собора во Владимире-Волынском (1160 г.) Борисоглебскому собору (1120—1123 гг.) и Успенскому собору Елецкого монастыря (1110—1120 гг.) в Чернигове.

Исторические события середины XII в. тоже подтверждают возможное сближение культуры Чернигова и Галича в эти годы. В 1150 г. галицкий князь Владимирко Володаревич принял участие в жестокой усобице между Мстиславичами и Юрием Долгоруким, выступая на стороне своего свата — Юрия. В коалиции против Изяслава Мстиславича принимали активное участие и черниговские князья. Это время совпадает с подготовительным периодом в строительстве Успенского собора в Галиче, и вполне естественно, что галицкие князья ищут мастеров не в Киеве, а в Чернигове, у своих политических соратников.

Черниговские мастера (или детальное ознакомление с приемами «размерения» храмов зодчими Чернигова) были необходимы для выполнения основной задачи — построения необычной для Галича структуры огромного собора с галереями. В осуществлении же каменной кладки, непривычной для черниговских строителей, и выполнении резьбы по камню принимали участие, видимо, местные и приглашенные из соседних стран мастера. П. А. Раппопорт считает, что сложение Галицкой архитектурной школы происходило при участии приглашенных романских мастеров из Польши [19, с. 459]. Но не они определяли идейный замысел и объемно-пространственное решение, продиктованное социальным заказом. Определяющим для культового зодчества Галича была крестово-купольная структура и весь облик сооружения с доминирующим значением центральной вертикальной оси. Эти принципиальные типологические черты не могли быть внесены пришлыми западноевропейскими мастерами.

К середине XII в. в Галиче, очевидно, существовали свои кадры каменодельцев, которые работали на постройке церкви Спаса, входившей в комплекс княжеского дворца[7]. Во всяком случае, для Галицкой Руси каменное строительство было не в новинку. Об этом свидетельствуют обнаруженные остатки каменного княжеского дворца и церкви в кремле Перемышля (примерно XI в.), а также в Звенигороде (XII в.) [20, с. 190].

Эти мастера были знакомы и с деталями романской архитектурной пластики, используемой для усиления выразительности художественного образа православного крестово-купольного храма.

В процессе определения местоположения каменных архитектурных деталей разрушенного Успенского собора в Галиче проводилось их сравнение с ранними памятниками владимиро-суздальского зодчества. Сопоставление ряда деталей (поребрик, завершение аркатуры и др.) показало не только их сходство, но и совпадение размеров. Таким образом подтверждается предположение Н. Н. Воронина и ряда исследователей об участии галичских мастеров в строительстве Спасо-Преображенского собора и церкви Бориса и Глеба в Кидекше [15, с. 108—109], о чем говорит также аналогия в строительной технике. Однако каменодельцы из Галича, видимо, были исполнителями, а руководил ими местный мастер. На это указывает совпадение размеров в плане (при различии пластических деталей) собора Спаса в Переславле-Залесском и церкви Бориса и Глеба,

[7] Церковь Спаса упоминается в летописи под 1152 г., но строилась, видимо, раньше, с начале 1140-х годов, когда сын князя перемышльского Владимирко перенес столицу из Перемышля в Галич.

свидетельствующее о том, что разбивка планов храмов проводилась по единой схеме и, возможно, одним и тем же мастером:

	Подкупольное пространство, в м	Длина с апсидами, в м	Ширина снаружи, в м	Толщина стен, в м
1. Церковь Бориса и Глеба в Кидекше, 1152 г.	4,92×4,92	18,90	15,50	1,23
2. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском, 1152–1157 гг.	5,05×5,05	18,80	15,75	1,24

Особенно обращает на себя внимание стабильное сохранение толщины стен практически почти во всех владимиро-суздальских храмах (половина великой косой сажени — 124 см), позволяющее говорить о наличии местных пропорциональных канонов.

В то же самое время художественный образ собора Спаса в Переславле-Залесском и церкви Бориса и Глеба, несмотря на повторяемость типологической структуры, различен: собор города-крепости более строг и монументален, а княжеской резиденции — мягче и приветливее. Это своеобразие художественного облика храма, тесно связанного с внутренними особенностями политической жизни княжества, тоже скорее результат творчества местного зодчего.

Анализ архитектурных форм Успенского собора и их сравнение с древнерусскими памятниками его круга позволяет говорить о творческой взаимосвязи и обмене мастерами между княжествами. Следовательно, начальные этапы монументального строительства в Галиче связаны с черниговской архитектурной школой [8].

Проведенное исследование показывает, что вопрос сложения архитектурных школ на Руси и их взаимосвязи еще изучены недостаточно. Несомненно и то, что при характеристике отдельных школ и установлении их генезиса нельзя исходить только из аналогии, подобия деталей и на этом основании строить выводы об истоках и путях формирования местных художественных школ. Необходимо проводить комплексный анализ, обращая внимание прежде всего на объемно-пространственную структуру здания и принципы ее формообразования как определяющие типологические черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
2. *Пастернак Я. И.* Перші розкопи на «Золотому Тоці» у Крилосі. Львів: Відбитка із «Сучасного й минулого», 1939.
3. *Чачковський Л., Хмілевський Я.* Княжий Галич. Станиславів, 1938.
4. *Воронин Н. Н., Каргер М. К.* Архитектура.— В кн.: История культуры древней Руси. Т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
5. *Асеев Ю. С.* Архитектура юго-западных областей древней Руси в XII—XIII вв.— ВИА, 1966, т. 3.
6. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, 1967, № 140.
7. *Пастернак Я. И.* Галицька катедра у Крилосі (тимчасове звідомлення з розкопів у 1936 і 1937 рр.) — Відбитка із записок Наукового товариства ім. Шевченко. Львів, 1937, т. 154.
8. *Пастернак Я. И.* Старий Галич. Археологічно-історичні досліди у 1850—1943 рр. Краків — Львів: Українське видавництво, 1944.
9. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11.
10. *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове.— СА, 1974, № 2.
11. *Остапенко М. А.* Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові.— В кн.: Архітектурні пам'ятники. Київ: Видав. Академії Архітектури УРСР, 1950.
12. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979.

[8] После того как рукопись была сдана в редакцию, появилась статья О. М. Иоаннисяна [21], в которой автор считает, что первый этап развития галицкой школы зодчества связан с деятельностью мастеров из Польши (20-е годы XII в.), а второй (конец 40-х годов XII в.) также с романской группой мастеров.

13. *Бенеш О.* Искусство Северного Возрождения. Его связь с современными духовными и интеллектуальными движениями. М.: Искусство, 1973.
14. *Дмитрович Л. М.* Ескізний проект трасування фундаментів Успенського собору XII ст., та церква Іллі в с. Крилосі Івано-Франківській обл.— Архив Львовской межобластной специальной научно-реставрационной производственной мастерской, 1972.
15. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
16. *Воробьева Е. В.* Рельеф с драконом из древнего Галича.— СА, 1981, № 1.
17. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир, Боголюбово. М.: Искусство, 1969.
18. ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926.
19. *Раппопорт П. А.* К вопросу о сложении Галицкой архитектурной школы.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
20. *Ратич А. А.* К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI—XIV вв.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
21. *Иоаннисян О. М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества.— КСИА, 1981, вып. 164.

E. V. Vorobyeva, A. A. Tits

AN ANALYSIS OF 12th-CENTURY CHURCH OF THE ASSUMPTION IN GALICH AND ITS RESTORATION

Summary

The subject of the article is the restoration of the Cathedral of the Assumption, one of the principal architectural monuments of 12th-century Galich, on the basis of architectural and archaeological investigations, study of the extant parts of the foundations and architectural fragments.

The size of the cathedral was established through analogies with Chernigov architectural monuments (Fig. 1) marked by definite correlations between volumes and spatial characteristics of churches. The comparison of the extant fragments of the Galich cathedral with details of the Suzdal-Vladimir architectural school and the Romanesque served to reconstruct its architectural plastics (Fig. 10) and to confirm the participation of Galich stonemasons in the construction of the Boris and Gleb Church in Kideksha (1152) and the Cathedral of Transfiguration in Pereyaslavl-Zalessky (1152-1157).

In the course of their researches the authors came to the conclusion that typological architectural forms and principles of organisation of spatial structures, rather than individual details of plastics, determine the style of an architectural school.

ИОАННИСЯН О. М.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДНОГО ИЗ ПАМЯТНИКОВ ГАЛИЦКОГО ЗОДЧЕСТВА XII ВЕКА

В 1882 г. в окрестностях Галича в урочище «Карпов Гай», недалеко от руин церкви Спаса, Л. Лаврецким были раскопаны, а затем изучены И. Шараневичем и Ю. Захаревичем руины неизвестной постройки, необычная форма которой вызвала очень разноречивые мнения исследователей.

И. Шараневич так и не смог решить вопрос о функциональном назначении раскопанной постройки. Он не исключал возможности, что это остатки сооружения культового назначения [1, с. 75; 2, с. 75], но в то же время склонялся к мысли о том, что раскопанные фундаменты представляют собой основание оборонительной башни [1, с. 76]. Эту же точку зрения разделял и В. Сичинский [3, с. 187].

Обмерявший раскопанный памятник Ю. Захаревич не принял ни ту ни другую точку зрения, оставив вопрос о назначении постройки открытым. В то же время, учитывая небольшую мощность открытого фундамента, он предположил, что стоявшее на нем сооружение могло быть деревянным [4, с. 164—166]. Исходя из полученного им при обмере плана (рис. 1), на котором памятник имел форму многоугольника с двумя скругленными восточными углами, Ю. Захаревич дал постройке условное название «Полигон». Это название прочно закрепилось за памятником в научной литературе.

План, снятый Ю. Захаревичем, явился не столько документом, показывающим истинное состояние открытых руин, сколько попыткой реконструировать непонятное сооружение и тем самым еще больше запутывал последующих исследователей. На это обстоятельство обратил внимание уже И. Пеленьский [5, с. 83], отказавшийся от каких бы то ни было попыток интерпретировать памятник. Постройкой неопределенного назначения считал «Полигон» и Н. Н. Воронин [6, с. 309].

Я. Пастернак, ссылаясь на то, что при раскопках «Полигона» были найдены поливные плитки и человеческие погребения, считал, что это указывает «скорее на часовню, чем на оборонительную башню» [7, с. 76—77].

Из сводного отчета И. Шараневича о проводившихся им на протяжении 1880-х годов исследованиях, опубликованного через 8 лет после раскопок в «Карповом Гаю», известно, что «Полигон» вскрывался не целиком, а лишь траншеями вдоль стен [2, с. 77].

Естественно, такая методика не позволяла получить исчерпывающие сведения о памятнике. Тем не менее из описаний раскопок 1881 г. было известно, что фундамент «Полигона» был сложен «довольно небрежно» из булыжника и осколков белого камня на известковом растворе, что опущен он был неглубоко и ширина его была всего 1 м, а также, что при раскопках было найдено несколько профилированных каменных архитектурных деталей (по предположению Я. Пастернака, фрагменты карниза) и небольшое количество керамических плиток пола, покрытых зеленой или коричневой поливой [7, с. 76].

Находка поливных плиток позволяла отнести «Полигон» к домонгольскому времени; однако датировать его более точно, исходя из имеющихся сведений, не представлялось возможным.

Из девяти памятников, раскопанных в разное время на территории древнего Галича и его окрестностей, вплоть до недавнего времени лишь

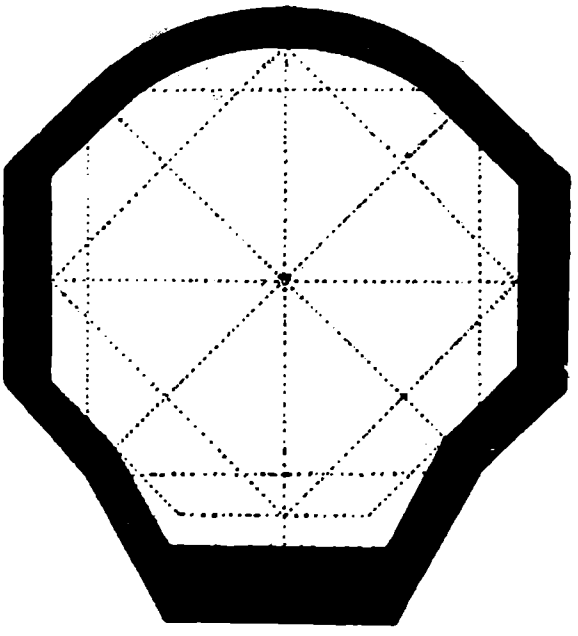


Рис. 1. «Полигон». План (по Ю. Захаревичу)

только два (церковь Спаса и Успенский собор) привязывались к каким-то более или менее определенным датам, остальные же датировались широко в пределах всего домонгольского времени и были (а по большей части и остаются до сих пор) очень слабо изученными. Самым загадочным из всей этой серии памятников был «Полигон». Некоторые исследователи советского времени не доверяли обмерному плану Ю. Захаревича. Так, Ю. С. Асеев даже не счел возможным поместить «Полигон» в общий обзор памятников галицкого зодчества во «Всеобщей истории архитектуры» [8, с. 593—598].

Из упоминавшегося уже сводного отчета И. Шараневича известно, что раскопанный в 1882 г. фундамент «Полигона» не засыпался, а в 1884 г. был законсервирован. Вся консервация свелась к тому, что фундамент был выложен по верху дерном и в таком виде оставлен посреди большого, постоянно распахиваемого поля [2, с. 77].

Естественно, что подобного рода «консервация» не могла способствовать сохранности памятника. Поле, на котором расположены остатки «Полигона», на протяжении 100 лет, прошедших со времени раскопок И. Шараневича, продолжало и продолжает интенсивно распахиваться. Уже в начале 1950-х годов, когда в Галиче работала экспедиция под руководством М. К. Каргера, место «Полигона» было потеряно.

В ходе разведки, проведенной нами в 1978 г., удалось вновь обнаружить место исчезнувшей постройки, и в 1979 г. «Полигон» был повторно вскрыт Галицким отрядом Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР.

Раскопки 1979 г. позволили не только уточнить план памятника и получить более подробные данные о его строительно-технических особенностях, но и ответить, наконец, на вопрос о функциональном назначении «Полигона», а также с большей степенью точности датировать его и отвести памятнику определенное место в исторической картине развития галицкого зодчества.

Выяснилось, что постройка представляет собой в плане не многоугольник-«полигон», а квадрифолий — четырехлепестковую ротонду (рис. 2). Однако лепестки не образуют четко выраженной симметричной компози-

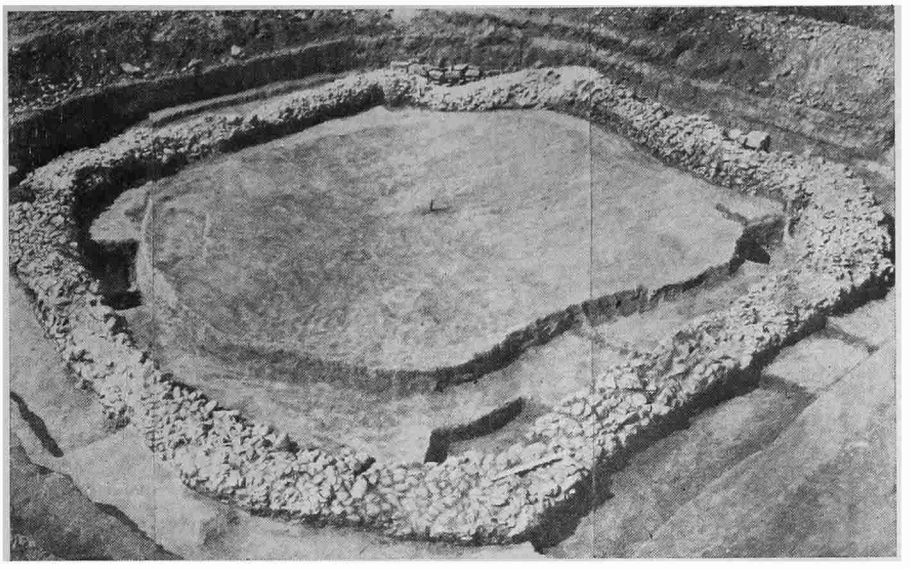


Рис. 2. Общий вид «Полигона» (раскопки 1979 г.)

ции. Участки стен, соединяющие восточную апсиду с боковыми — северной и южной, в интерьере практически прямолинейны, а по внешнему обводу стен имеют легкую кривизну, фундамент западного лепестка более широкий. Его ширина достигает не 1 м, как по всему остальному периметру постройки, а 1,7 м. Это свидетельствует о том, что он нес на себе более сложную часть здания, скорее всего перспективный портал.

Таким образом, форма плана «Полигона» приближается к неправильному многоугольнику со скругленными углами. Правда, все же необходимо учитывать, что постройка сохранилась только на уровне фундамента. На уровне стен ее очертания могли быть более регулярными.

Кладка фундамента неоднородна. В основном он сложен из мелкого булыжника на белом известковом растворе, однако в ряде мест в кладке преобладают осколки белого камня. В таких местах фундамент сложен почти насухо на плотной известковой подушке. Это позволяет судить о последовательности операций при его устройстве: раствор скорее всего прокладывался не послойно, одновременно с засыпаемой в фундаментный ров забутовкой, а заливался сверху, когда забутовка уже была засыпана в ров. В тех местах, где преобладают осколки белого камня, в результате неплотного прилегания друг к другу имеющих рваную форму камней образовались пустоты, сквозь которые свободно проливался раствор, уходя на дно рва.

Наличие в кладке фундамента осколков белого камня дает в то же время возможность установить и одну интересную особенность примененной здесь организации строительства: осколки строительного камня могли попасть в забутовку рва лишь в том случае, если заготовка квадров для кладки стен велась одновременно с разбивкой плана и устройством фундамента.

Фундамент был опущен в культурный слой, образовавшийся на этом месте еще до возведения постройки, и на 40—50 см заглублен в лёссовый материк. Верхняя часть фундамента, лежащая в культурном слое, в среднем составляет ту же высоту (рис. 3). Таким образом, высота сохранившегося фундамента достигает 0,90—1,00 м. Однако, поскольку мы не знаем, с какого уровня начиналась кладка стен, установить истинную высоту фундамента не представляется возможным.

Северная кладка западного лепестка также очень сильно разрушена. Кладка фундамента в этом месте попала на яму, выкопанную в материке еще до возведения постройки. Древние строители приняли во внимание это обстоятельство и, учитывая большую нагрузку на западный лепесток (именно здесь располагался портал), опустили фундамент на гораздо большую глубину. Основание его в этом месте находится на глубине

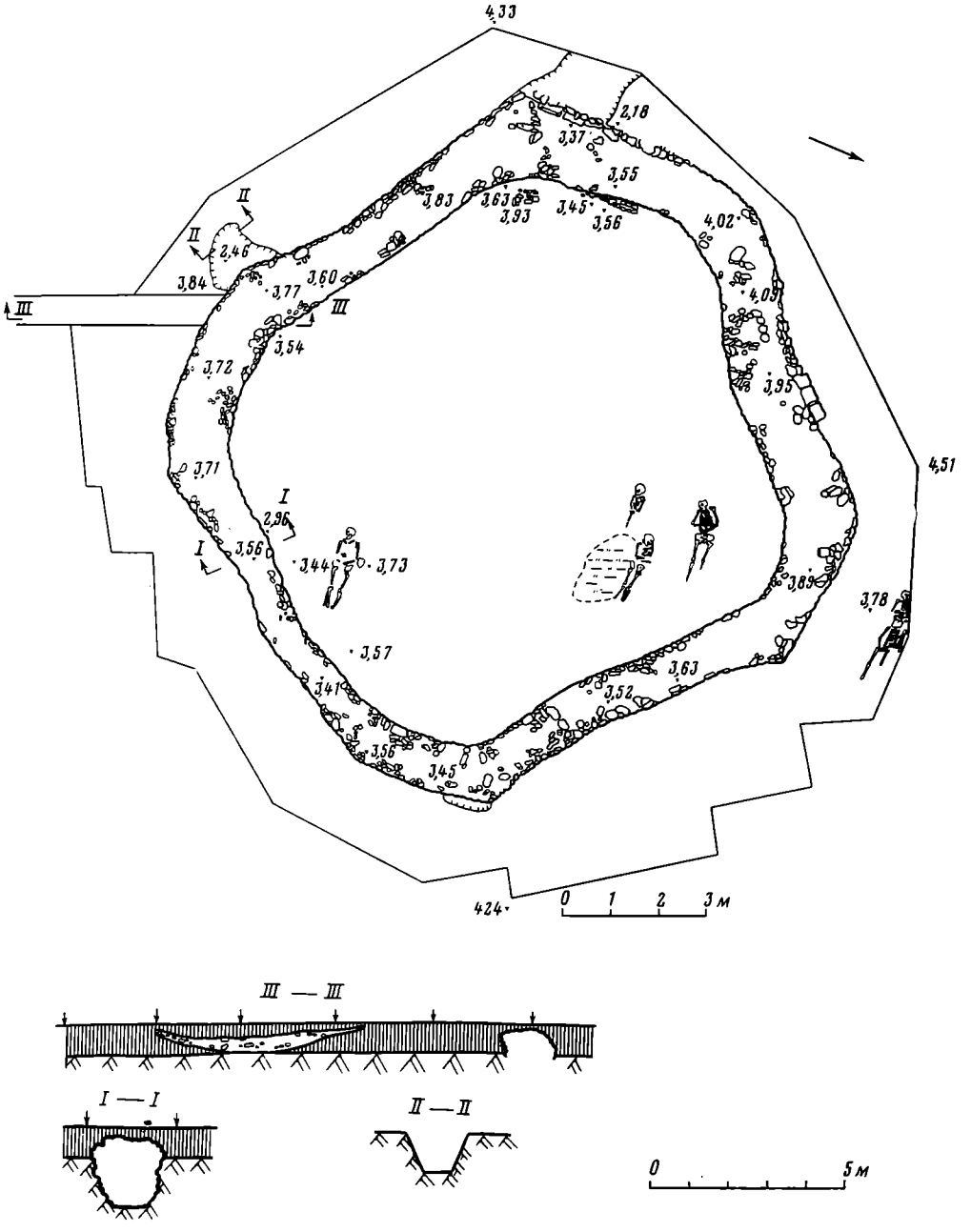


Рис. 3. *1* — «Полигон». План по раскопкам 1979 г.; *2* — разрезы

2,33 м от современной дневной поверхности, в то время как в остальных частях здания нижняя отметка фундамента находится на глубине 0,85—1,00 м.

Однако по каким-то причинам строителям не удалось выбрать яму на всю ее глубину и поставить фундамент западного компартимента на твердое материковое основание. Очевидно, именно это и вызвало происшедшее еще в древности обрушение портала. Об этом кроме сильной разрушенности фундамента (со стороны интерьера он оплыл в яму) свидетельствует также сооруженная еще в древности и приложенная впритык и насухо к разрушенной части (с внешней ее стороны) подпорная стенка из тесанных белокаменных блоков, происходящих, вероятно, из кладки самого здания (на них есть следы раствора), и булыжников из первоначального фундамента (также со следами раствора) (рис. 4). В южной части разрушенного участка подпорная стенка внахлест на 0,80—0,90 м положена на первоначальный фундамент.

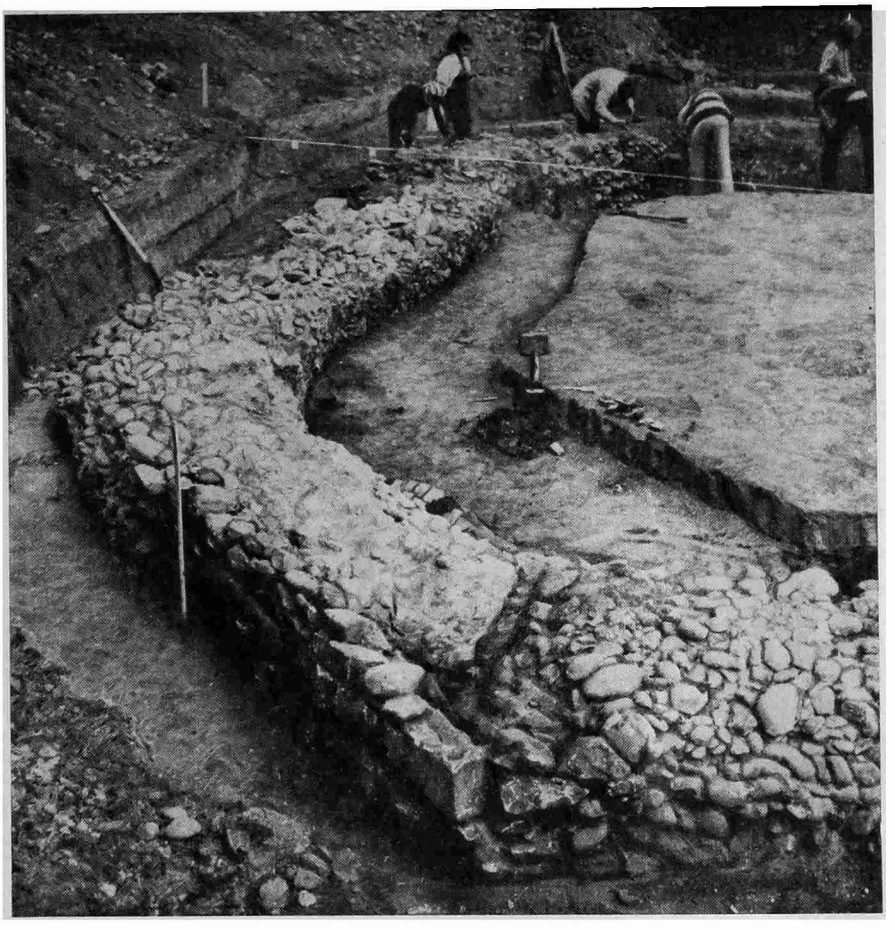


Рис. 4. Подпорная стенка в западной части «Полигона»

Характер плана постройки, наличие у нее портала, а также характер его обрушения позволяют полностью отвергнуть предположение Ю. Захаревича о том, что «Полигон» был деревянным сооружением. Слабая мощность фундамента, смутившая этого исследователя, объясняется сравнительно небольшими размерами здания.

О том, что «Полигон» был каменным сооружением, свидетельствует также и то, что и при раскопках 1882 г., и при раскопках 1979 г. были найдены белокаменные архитектурные детали. К сожалению, о деталях, найденных при раскопках прошлого века, трудно составить какое-либо определенное мнение. И. Шараневич вообще не упоминает о каких-либо каменных деталях, И. Пеленьский сообщает о единичной находке сегментовидно обработанного камня [5, с. 83], а Я. Пастернак пишет о «нескольких каменных архитектурных фрагментах (карнизы и т. п.)» [7, с. 76]. Где находятся найденные в 1882 г. детали, в настоящее время неизвестно.

Вероятно, и И. Пеленьский, и Я. Пастернак имели в виду фрагменты нескольких камней (а не карнизов, как считал Я. Пастернак). Во время раскопок 1979 г. был также найден фрагмент белокаменного цоколя (рис. 5, *1*). Профиль вала сегментовидный, высота сегмента 7,5 см, наибольший выступ от плоскости фасада 4,0 см. Плинт цоколя обломан, однако полное совпадение профиля сегмента с профилями цокольных камней галицкой церкви Пантелеймона позволяет предположить, что плинт имел такую же, как в этом памятнике, простую прямоугольную форму.

Вторая деталь, найденная в 1979 г., представляет собой небольшой фрагмент белокаменного блока с валиком, идущим по лицевой поверхности (рис. 5, *2*). Небольшие размеры фрагмента не дают возможности определить его назначение.

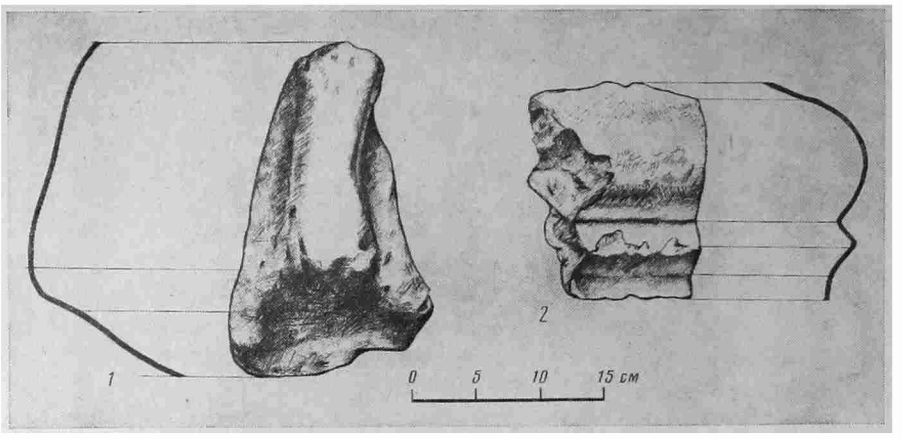


Рис. 5. Белокаменные детали, найденные при раскопках 1979 г.

К сожалению, число найденных в 1979 г. архитектурных деталей исчерпывается всего лишь двумя описанными выше фрагментами. Однако и это ничтожное количество позволяет сделать определенный вывод. Наличие у «Полигона» профильного цоколя дает возможность отнести памятник не к первому этапу развития галицкого зодчества (первая половина XII в.), когда цоколь сводился лишь к небольшому прямоугольному уступу, а к последующему времени.

Более точно определить время создания ротонды позволили другие детали декоративного убранства, найденные в 1979 г.

В ходе раскопок было найдено большое количество поливных керамических плиток, составлявших в древности набор пола. Все плитки прямоугольные, но по размерам их можно разделить на три группы.

Первую группу представляют собой квадратные плитки большого размера (17,0×16,8×2,6 см) желтого и коричневого цветов (рис. 6, *1*). Плитки второй группы (зеленого и коричневого цветов), наоборот, необычайно малы (10,4×9,3×1,6 см; рис. 6, *2*).

Наибольший интерес представляют собой плитки третьей группы. По форме и размерам они мало отличаются от основного типа прямоугольных плиток, известных по другим древнерусским памятникам. Их уникальной особенностью являются рельефные изображения фантастических животных по лицевой, покрытой поливой, поверхности.

Рельефные плитки, кроме Галицкой земли, нигде на Руси не встречаются. Но и там до сих пор они были известны только в трех местах, на городище древнего Галича в с. Крылос, где все их находки связаны с определенным памятником — Успенским собором [7, с. 70, 102—103; 9, с. 87—98]; там же, в урочище «Золотой ток» [7, с. 104; 10, с. 29], памятник, из которого они происходят, не обнаружен); наконец, в небольшом городке Галицкой земли — Василеве, где они происходят из существовавшей там в домонгольское время деревянной церкви [11, с. 112; 12, с. 84].

При раскопках «Полигона» найдено два варианта плиток с рельефами.

К 1-му варианту относятся два фрагмента (один с желтой, другой с зеленой поливой) с изображением грифона (рис. 7, *1*). Очень близкой аналогией им являются плитки этого же типа, на которых также помещено изображение грифона, происходящие из Успенского собора. Они были найдены при раскопках М. К. Каргера [9, с. 90]. Однако на этих плитках грифон повернут вправо, в то время как плитки «Полигона» дают зеркальный вариант изображения. Отличаются также и некоторые другие детали рисунка (рис. 7, *2*).

Я. Пастернаком при раскопках Успенского собора были найдены две плитки, где изображения грифона, так же как и на плитках «Полигона», повернуты влево (рис. 7, *4*) [7, с. 70, 159]. Однако они не только отличаются по рисунку, но и относятся совсем к другому типу — рисунок грифона на этих плитках заключен в прямоугольную рамку.

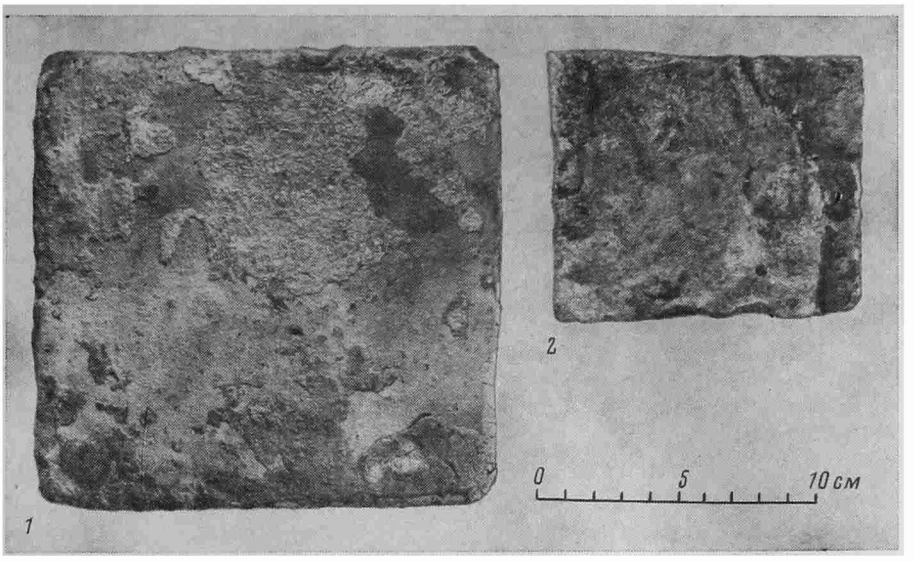


Рис. 6. Гладкие плитки из раскопок 1979 г.

М. В. Малевская и П. А. Раппопорт ошибочно отнесли эти плитки к тому же типу, что и плитки, найденные М. К. Каргером (по их классификации — тип I) [9, с. 90]. Вероятнее всего, плитки из раскопок Я. Пастернака принадлежат к другому — III типу. Возможность существования этого типа М. В. Малевская и П. А. Раппопорт предположили, описывая один из фрагментов, найденных М. К. Каргером, рисунок которого, «судя по плохо сохранившимся следам, был заключен в прямоугольную рамку» [9, с. 88]. Две плитки из раскопок Я. Пастернака [1] подтверждают это предположение.

Таким образом, мы видим, что изображения грифона на плитках из «Полигона» не имеют буквальных аналогий ни в одном из известных нам вариантов изображений на галицких плитках. В то же время сам тип поливной плитки с рельефом (тип I), кроме «Полигона», встречается в Галиче только в Успенском соборе.

2-й вариант изображений на плитках их «Полигона» — изображение орла с развернутыми крыльями (рис. 7, *5*) — в Галиче вообще не встречается. Однако он очень хорошо известен по Василеву. Все найденные там до сих пор плитки относились именно к этому варианту (рис. 7, *6*). Интересно, что все василевские плитки были одного цвета — желтого, в то время как в описываемой ротонде они были покрыты еще и зеленой и коричневой поливой [2].

Типологически плитки с орлами, так же как и плитки 1-го варианта, относятся к типу I.

Изображения на плитках из «Полигона» до мельчайших подробностей повторяют василевские. Вероятнее всего, при их изготовлении использовалась одна и та же матрица. В таком случае возникает вопрос: где они изготовлялись — в Василеве или в Галиче? Трудно предположить, что плитки для украшения пола ротонды, находящейся в окрестностях столицы, причем в непосредственной близости от княжеской резиденции, делались в маленьком городке и оттуда привозились в Галич. Не надо забывать и то, что в Василеве ими был выложен пол небольшой деревянной церкви.

---

[1] Хранятся в Львовском историческом музее.

[2] В настоящее время появилось сообщение о находке в Василеве еще нескольких плиток с рельефными изображениями. Кроме плиток с орлом были найдены и плитки с изображениями грифонов, а также коней (не известный до сих пор вариант изображений). Кроме того, сообщается, что плитки были трех цветов. К сожалению, характер публикации не дает возможности выяснить, каким вариантам изображений соответствуют те или иные цвета поливы. Неизвестно также, с какой постройкой эти плитки связаны [13, с. 413].

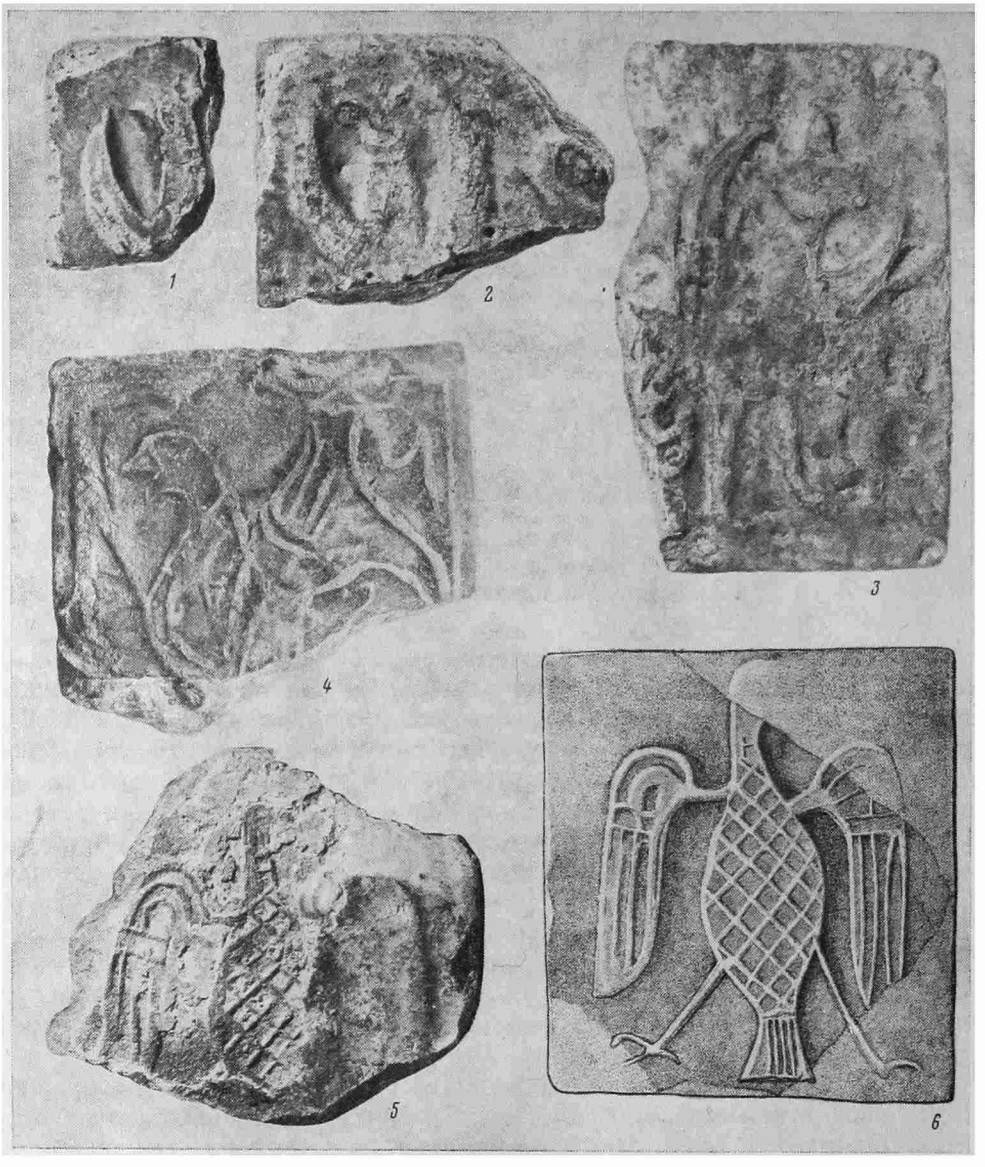


Рис. 7. Рельефные плитки. *1* — плитка с изображением грифона, «Полигон», раскопки 1979 г.; *2* — плитка с изображением грифона, Успенский собор в Галиче (раскопки М. К. Каргера); *3—4* — плитки с изображением грифона Успенский собор в Галиче (раскопки Я. Пастернака); *5* — плитка с изображением орла, «Полигон», раскопки 1979 г.; *6* — плитка с изображением орла, Василев (раскопки Б. А. Тимощука)

Обращает на себя внимание тот факт, что василевские плитки и плитки из «Полигона» и Успенского собора принадлежат к одному и тому же типу, нигде более не встречающемуся. При этом Успенский собор дает наибольшее количество вариантов рельефных изображений. В Василеве использован в основном лишь один вариант изображений. Важно отметить, что как раз именно этот вариант изображения в Успенском соборе отсутствует.

«Полигон» дает два варианта рельефов: орла, полностью аналогичного василевским, и грифона, причем в том его варианте, который также отсутствует в Успенском соборе.

Небольшой сохранившийся in situ участок пола «Полигона», обнаруженный при раскопках 1979 г., показывает, что рельефные плитки были применены в его наборе случайно, без всякой системы. Это заставляет предположить, что они не были специально изготовлены для этой постройки.

Наиболее вероятным оказывается предположение, что рассмотренные варианты плиток были изготовлены для Успенского собора, где, однако,

по каким-то причинам использованы не были. Оставшиеся неиспользованными плитки были применены в наборе пола «Полигона» (наряду со специально изготовленными для него гладкими плитками), а основная их партия была отправлена в Василев.

Если это предположение окажется верным, то тогда можно считать, что «Полигон» был построен вскоре после Успенского собора. Время постройки последнего, определяемое с большей точностью, чем большинства других галицких памятников, укладывается в середину XII в. Поэтому и «Полигон» следует датировать серединой — второй половиной XII в.

Эту датировку подтверждает также и обнаруженный в культурном слое, в который были опущены фундаменты «Полигона», керамический материал. Он датируется в основном XII в. Для того чтобы на месте постройки с начала ее возведения мог накопиться слой мощностью около полуметра с керамикой XII в., с начала этого столетия должно было пройти по крайней мере несколько десятков лет.

Итак, мы видим, что «Полигон» представлял собой каменную ротонду-квадрифолий, построенную в середине — второй половине XII в. План постройки свидетельствует о ее несомненно культовом назначении. Прямым подтверждением культового характера ротонды служит фрагмент белокаменной водосвятной чаши, найденный во время раскопок 1979 г.

Косвенно об этом же свидетельствуют обнаруженные при раскопках памятника человеческие погребения. Именно наличие погребений позволило еще Я. Пастернаку утверждать, что «Полигон» был «скорее часовней, чем оборонительной башней» [7, с. 76—77].

Все обнаруженные в 1979 г. погребения безынвентарны, однако найденные при костяках кованые гвозди с Т-образными шляпками от гробов датируют могилы позднесредневековым временем. Наличие погребений, частично разрушивших кладку фундамента, говорит о том, что захоронения были совершены уже после того, как постройка перестала существовать.

Традиция устройства кладбищ на месте ранее существовавшей церкви, на освященном месте, очень характерна для средневековья. Наличие такого кладбища на месте «Полигона» — дополнительное доказательство его культового назначения.

Особого внимания заслуживает сам тип памятника. Его анализ может пролить свет на особенности развития галицкого зодчества на втором этапе его истории (середина — вторая половина XII в.). Поэтому остановимся на его рассмотрении поподробнее.

Тип центричного храма-ротонды крайне редко встречается в древнерусском зодчестве XII—XIII вв. За пределами Галицкой земли известны лишь единичные памятники подобного типа: построенная во второй половине XII в. «Немецкая божница» в Смоленске [14, с. 140—150] и относящиеся уже ко второй половине XIII в. Михайловская и Васильевская ротонды во Владимире Волынском [15, с. 25—33] [3].

В самом Галиче ротонды представлены более значительной группой памятников. Кроме «Полигона» к ней относятся церковь пророка Ильи [7, с. 77—78; 17, с. 70—71], представляющая собой небольшую круглую часовню с примыкающими к ней апсидой с востока и прямоугольным притвором с запада; плохо изученная церковь Воскресения [7, с. 78—79] и раскопанный М. К. Каргером квадрифолий у с. Побережье в окрестностях Езуполя (ныне Жовтень) близ Галича [18, с. 53—59].

Из всех известных нам древнерусских центрических храмов только два являются квадрифолиями: церковь у с. Побережье (возможно, она была посвящена Борису и Глебу) [18, с. 54—55, прим. 7 (со ссылкой на рукопись Я. Пастернака, хранившуюся в Львовском историческом музее)] и «Полигон», причем оба они — памятники галицкого зодчества.

Квадрифолий у с. Побережье (рис. 8) представляет собой отличный

[3] В данном случае мы не рассматриваем открытую недавно в Киеве ротонду, датируемую ее исследователями концом XII — началом XIII в. [16, с. 90—103], так как ее исследователи считают, что она была не храмом, а постройкой светского назначения.

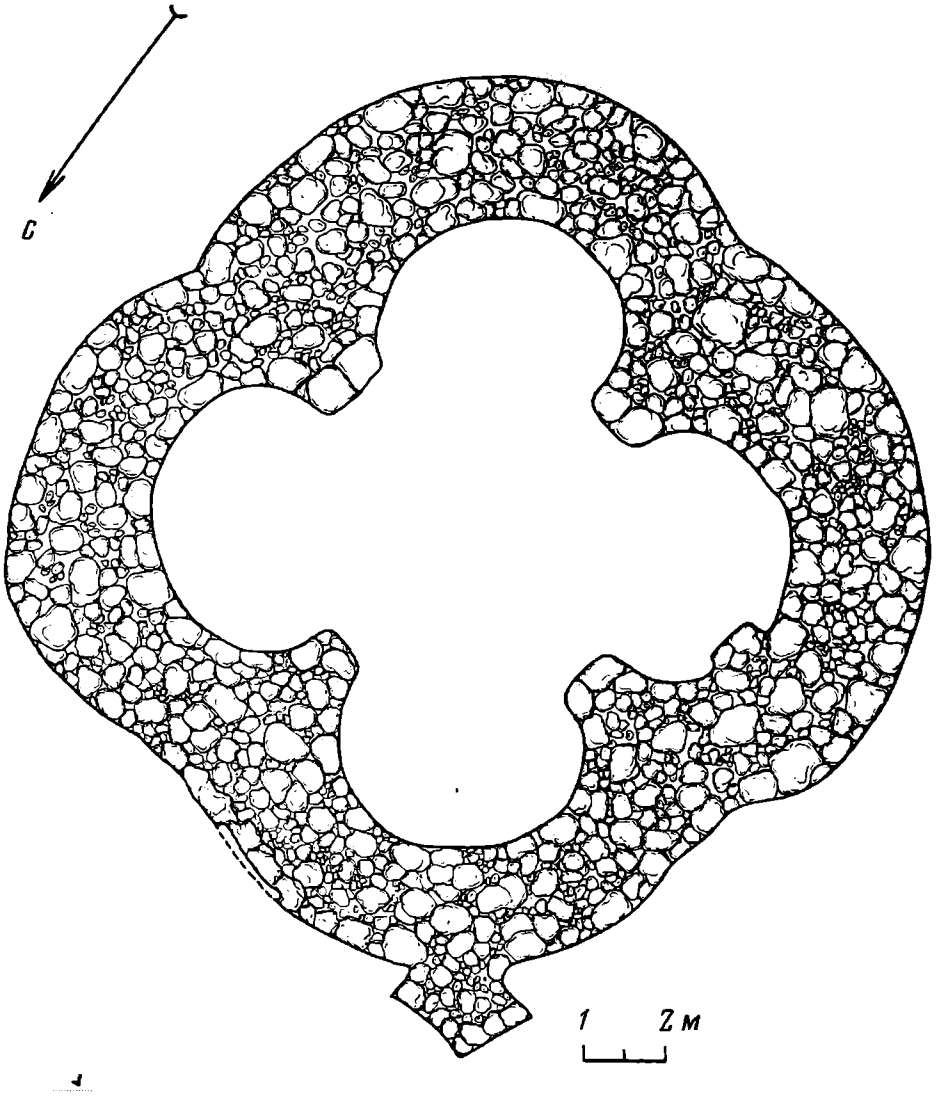


Рис. 8. Квадрифолий у с. Побережье. План (по М. К. Каргеру)

от «Полигона» вариант четырехлистника. Все четыре лепестка четко выражены в плане. В интерьере отчетливо выделены участки стен, разделяющих апсиды. При сравнительно небольших размерах (диаметр по внутреннему контуру 15 м, по внешнему — 22 м) памятник, раскопанный М. К. Каргером, имеет необычайно широкий, достигающий 3 м фундамент (глубина заложения 1,5 м). Я. Пастернак, еще в 1935 г. предпринявший попытку исследования памятника, сообщал о найденных на его месте фрагментах «архитектурной резьбы в романском стиле» [7, с. 82] [4]. Несколько фрагментов, свидетельствующих об эффектном белокаменном декоре церкви, были найдены и М. К. Каргером. Применение романской пластики в декоре храма свидетельствует о том, что этот памятник, как и «Полигон», относится ко второму этапу истории галицкого зодчества.

Если в древнерусском зодчестве центрический тип храма представлен единичными памятниками, то в романском зодчестве, особенно в странах Центральной Европы, он получил очень широкое распространение, на что исследователи уже не раз обращали внимание [18, с. 57—59; 19, с. 28—30; 20, с. 270—271; 21, с. 234]. Все случаи появления ротонд в древнерусском зодчестве так или иначе связаны с влиянием романской архитектуры, существование же в Галиче двух четырехлепестковых ротонд, совершенно уникальных во всем домонгольском зодчестве, представляет особый интерес.

[4] Местонахождение их в настоящее время не удалось установить.

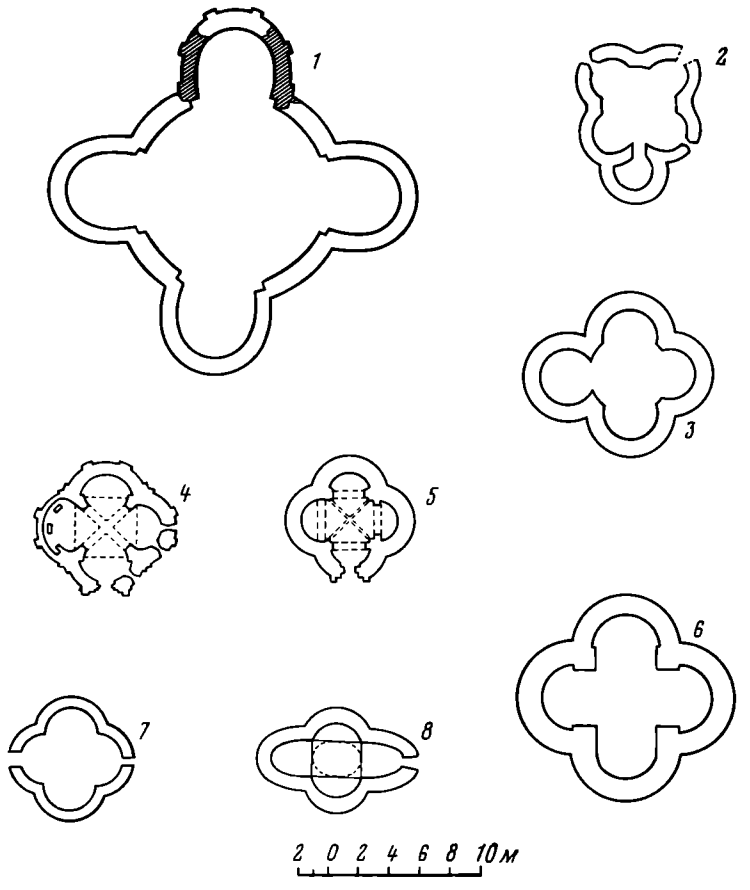


Рис. 9. Планы квадрифолиев: *1* — ротонда св. Вита в Пражском граде (X в.); *2* — костел Марии на Вавеле в Кракове (X в.); *3* — квадрифолий в Надикероше (XI в.); *4* — капелла в Яке (XIII в.); *5* — капелла в Папоце (XIII в.); *6* — квадрифолий в Храсте над Горнадом (XIII в.); *7* — капелла в Одоргей (XIII в.); *8* — капелла в Гурасаде (XIII в.)

Несмотря на широкое распространение в романской архитектуре типа храма-ротонды, квадрифолии и там встречаются исключительно редко. Причем все близкие по времени интересующим нас галицким памятникам находятся на территории Центральной Европы.

В чешском зодчестве известно три четырехлепестковых храма: ротонда святого Вита в Пражском граде, построенная в X в. (рис. 9, *1*) [22, с. 218—224], и церкви Яна на Забродли в Праге и Петра и Павла в Ржепорье под Прагой (XII в.) [22, с. 218—224].

В архитектуре раннесредневековой Польши квадрифолии представлены единственным памятником — костелом Марии на Вавеле в Кракове (рис. 9, *2*) [23, I, с. 78—80; II, с. 708—709]. Уникальность этого памятника в польском зодчестве и время его постройки — вторая половина X в., когда Краков был захвачен чехами, заставили Я. Захватовича считать, что этот памятник своим происхождением обязан чешской архитектуре [24, с. 112].

В романской Венгрии квадрифольный тип получил особое распространение [25, с. 37—38, 58—59, 86, 89]. Самый ранний из подобных венгерских памятников — квадрифолий близ Надикероша (рис. 9, *3*), известный по материалам археологических исследований,— датируется XI в. [25, с. 37—38, 86]. Квадрифолии XII в. не известны, зато XIII в. представлен целой серией построек, сохранившихся до наших дней и распадающихся на три локальные группы [25, с. 58—59]. В центральной Венгрии это две двухэтажные капеллы в Яке и в Папоце[5] (рис. 9, *4*, *5*). Один че-

[5] Именно на эти два памятника М. К. Каргер ссылался как на ближайшие аналогии церкви у с. Побережье [18, с. 57—59].

Рис. 10. Квадрифолий в Храсте над Горнадом

тырехлепестковый храм — церковь в Храсте над Горнадом [25, с. 58—59] — находится в Словакии (рис. 9, *6*). Наибольшим количеством памятников этот тип представлен в Трансильвании[6] (капеллы в Георгиени, Санциене, Одоргее (рис. 9, *7*) и Гурасаде (рис. 9, *8*)) [25, с. 58—59, 89].

Не повторяя буквально друг друга, венгерские квадрифолии показывают разнообразие вариантов одного и того же типа.

Если учесть, что уже при строительстве Успенского собора в Галиче работали венгерские мастера, то появление квадрифолиев в галицком зодчестве не должно вызывать удивления.

Тот факт, что большинство венгерских квадрифолиев относится уже к XIII в., в то время как оба галицких относятся к середине — второй половине XII в., не может служить препятствием для вывода о венгерском происхождении галицких квадрифолиев. Все перечисленные выше памятники XIII в. стали объектом изучения венгерских исследователей, так как сохранились до наших дней. Проведенные в последнее время

[6] Словакия и Трансильвания, входящие в состав Чехословакии и Румынии, в интересующее нас время входили в состав Венгерского королевства, и их культура XII—XIII вв. является неразрывной частью культуры Венгрии.

археологические исследования показали, что уже в XI в. в Венгрии существовала традиция строительства храмов такого типа (ротонда в Надикероше). Вполне вероятно, что в ходе археологических раскопок в Венгрии и Румынии, на территории которой сохранилось наибольшее количество квадрифолиев, еще будут обнаружены и памятники XII в.

Полного совпадения между планами галицких и венгерских квадрифолиев нет. Однако при том разнообразии вариантов квадрифольного типа, который существовал в венгерском зодчестве, это и не обязательно. Характерно, что галицкие квадрифолии также представляют два разных варианта этого типа.

Необычайно мощный (даже для галицкой архитектуры) фундамент квадрифолия у с. Побережья может быть объяснен, исходя из аналогий с некоторыми рассмотренными выше венгерскими памятниками. Так, например, близкие ему по размерам капеллы в Яке и в Папоце были двухэтажными, что требует более мощного, чем обычно, основания. Интересный вариант четырехлепесткового храма представлен перед нами в Храсте над Горнадом. В этом памятнике на углы сопряжений апсид, образующих квадрифолий, опирается массивная четырехгранная башня (рис. 10). Такая композиция также требовала усиленных фундаментов. Квадрифолий у с. Побережье мог представлять собой один из упомянутых вариантов композиции. Имеющий менее мощные фундаменты «Полигон» мог быть небольшим одноярусным храмом.

«Полигон» и квадрифолий у с. Побережье являются интересным примером русско-венгерских художественных связей в XII в. Важным для нас является не только факт участия венгерского зодчего и мастеров-строителей в создании русских храмов, но и то, что здесь мы встречаемся с откровенно западным типом храма в древнерусском зодчестве.

Если, руководя постройкой Успенского собора в Галиче, венгерский зодчий создал типичный для древнерусской традиции четырехстолпный храм с галереей, то с постройкой «Полигона» и церкви у с. Побережье в русское зодчество вводится новый, западный тип храма. Правда, на Руси он остался локальным явлением и не вышел за пределы галицкого зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Szaraniewicz I.* Trzy opysy historyczne staroksiążęckego grodu Halicza w r. 1860, 1880 i 1882. Lwów, 1883.
2. *Szaraniewicz I.* O rezultatach poszukiwań archeologicznych w okolicy Halicza w r. 1884 i 1885.— Przegląd archeologiczny, Lwów, 1890, z. 4.
3. *Січиньский В.* Конспект історії всесвитного мистецтва. Прага, 1928.
4. *Zacharjewicz I.* Opis architektoniczny fundamentów i wykopalisk odkrytych w jesieni, 1882 r.— In: Szaraniewicz J. Trzy opysy historyczne staroksiążęckego grodu Halicza w r. 1860, 1880 i 1882. Lwów, 1883.
5. *Pełeński J.* Haliecz w dziejach sztuki sredniowiecznej. Kraków, 1914.
6. *Воронин Н. Н. и Лазарев В. Н.* Искусство западнорусских княжеств.— В кн.: История русского искусства. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
7. *Пастернак Я.* Старый Галич. Краків — Львів, 1944.
8. *Асеев Ю. С.* Архитектура Южной и Западной Руси в XII—XIII вв.— В кн.: Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.— М.: Изд-во литературы по строительству, 1966.
9. *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича.— Slovenska archeologia. Bratislava, 1978, XXVI — 1.
10. *Гончаров В. К.* Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р.— АП, 1955, т. V.
11. *Тимощук Б. А.* Декоративные плитки XII—XIII вв. из Василева.— КСИА, 1969, вып. 120.
12. *Тимощук Б. О.* Північна Буковина — земля слов'яньска. Ужгород: Карпати, 1969.
13. *Томенчук Б. П.* Исследование летописного Василева.— АО — 1978. М.: 1979.
14. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв.— Л.: Наука, 1979.
15. *Каргер М. К.* Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 252. Сер. истории искусств, вып. 29.
16. *Боровський Я. С., Толочко П. П.* Київська ротонда.— В кн.: Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ: Наукова думка, 1979.
17. *Каргер М. К.* Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г.— КСИА, 1960, вып. 81.

18. *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества XII—XIII вв.— КСИА, 1976, вып. 146.
19. *Ярема В.* Кам'яні свідки місіонерської діяльності слов'янських апостолів.— Православний вісник, № 1, Київ, 1971.
20. *Исаевич Я. Д.* Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII—XIV вв.— В кн.: Польша и Русь. М.: Наука, 1974.
21. *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М.: Наука, 1978.
22. *Merhautová A.* Rane stredoveká architektura v Čechach. Praha, 1971.
23. Sztuka polska przedromańska i romańska do schylku XIII wieku, t. I—II. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971.
24. *Zachwatowicz J.* Polska architektura monumentalna w X i XI wieku.— KAiU, 1961, t. VI, z. 2.
25. *Gervers-Molnár V.* A közepkori magyarország rotundái. Budapest: Akademiai kiado, 1972.

O. M. Ioannisyan

NEW DATA ON ONE OF THE MONUMENTS OF 12th-CENTURY GALICH ARCHITECTURE

Summary

In 1979, the Galich Sector of the Architectural-Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences revealed ruins of a white-stone building in the vicinity of Galich. They had been previously studied by L. Lavretsky and I. Sharanevich back in 1882 and were then conventionally called the «Polygon» (Fig. 1). Our diggings showed, however, that the building was not polygonal but quadrifoliate in plan (Fig. 2). It was a religious building of a rotonda type rare in the Old Russian architecture: one more similar quadrifoliate known today was discovered by M. Karger at the Poberezhye village near Galich in 1959 (Fig. 8). The 12th-13th-century Romanesque in Hungary made wide use of the quadrifoliate type though it was not so popular in Old Russia (Fig. 9). The Polygon is dated to the period following the construction of the Galich Chirch of the Assumption, that is, to the mid-second half of the 12th century using the evidence of the tiles carrying relief images of gryphons and eagles (Fig. 7). The same is true of the Poberezhye monument. The character and type of the carved fragments conjecture that Hungarian craftsmen took part in the construction of churches in Galich in the second half of the 12th century.

ТОЛМАЧЕВА М. М.

ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА СТАРОЙ РЯЗАНИ

Старая Рязань — столица Муромо-Рязанского княжества — исследуется вот уже около 25 лет. Накоплен богатый археологический материал, позволяющий сделать вывод, что Старая Рязань была одним из культурных и ремесленных центров Древней Руси [1, с. 193]. С точки зрения металлографического исследования интерес представляет ремесленная продукция Старой Рязани, а именно изделия кузнечного ремесла.

В результате раскопок было установлено, что основной археологический материал относится к XI—XIII вв. [1, с. 28, 29]. Северный мыс городища был местом первоначального славянского заселения, здесь на археологических материалах прослежен непосредственный хронологический контакт местного финского населения со славянским [2, с. 115]. А. Л. Монгайт датировал славянское поселение на этом мысу X в. [1, с. 19, 20]. На городище имеется культурный слой и после монголо-татарского нашествия, однако город больше не достиг расцвета [1, с. 28].

Изделия из железа, обнаруженные при раскопках Старой Рязани, многочисленны и разнообразны. Это молот-ручник, топоры, сверла, резцы, кузнечные клещи, клещи-кусачки, зубила, косы-горбуши, серпы, ножи, рыболовные крючки, ножницы, кресала, замки, ключи, гирьки, цепи, дужки, пряжки, ручки, булавки, кольца, стили, гвозди, заклепки, накладки, ледоходные конские подковы, наконечники стрел, сулиц, дротиков, шпоры [1; 3, с. 46—54; 4, с. 59, 63, 64]. Редкими находками являются ювелирный молоток с плоским бойком [3, с. 46], обломок полотна лучковой пилы и набор косторезных инструментов, надетых на одно кольцо: нож, пилочка и остатки какого-то третьего предмета [5, с. 16].

Местный характер кузнечного производства не вызывает сомнений. В 1949 г. на Северном городище были найдены наземные и ямные металлургические горны с остатками шлаков и сопел [4, с. 27, 28; 5, с. 13, 14; 6, с. 209]. В 1970 г. обнаружена на Южном городище мастерская с остатками железоделательного производства: две печи, большое количество шлака, крицы [7, с. 8, 9].

Металлографическое изучение изделий из черного металла с городища Старая Рязань проводится не впервые. 15 предметов были исследованы Б. А. Колчиным (среди них набор косторезных инструментов и полотно лучковой пилы) [4]. Однако столь незначительная коллекция не дает развернутого представления о характере кузнечного ремесла Старой Рязани. Следует также учесть длительность изучения города, что значительно расширило накопленный материал за последние годы. Поэтому для металлографического анализа была отобрана коллекция черного металла из материалов раскопок за 1973—1979 гг.[1] Подбор коллекции производился по принципу сохранности, т. е. наличию или отсутствию металла в изделии, что сильно ограничило представительность некоторых категорий и вообще значительно сузило рамки исследования.

Целью данной работы является изучение конкретных технологических схем, применявшихся кузнецами Старой Рязани для каждого вида изделий, определение уровня кузнечного ремесла Старой Рязани в общей системе кузнечного производства Древней Руси.

---

[1] Автор приносит благодарность В. П. Даркевичу, который любезно предоставил эти коллекции для металлографического исследования.

В коллекцию вошли 122 предмета; 19 — из раскопок Северного городища и 103 — из раскопок Южного городища. Ассортимент коллекции довольно разнообразен; это орудия сельского хозяйства и рыбного промысла: косы-горбуши — 3, серпы — 5, рыболовные крючки — 2; ремесленный инструментарий: долота — 2, резец токарный — 1, кузнечные ножницы — 1, двуручный резак — 1, пробойник — 1, шилья — 3; предметы быта: ножи — 91, кресала — 2, ножницы — 2; некоторые предметы вооружения: стрелы — 5, наконечник дротика — 1; заготовки — 2.

Основу коллекции составляют ножи характерной древнерусской формы, размеры которых имеют многочисленные варианты, зависящие от степени сточенности, коррозированности и пр. В основном это универсальный нож, который был необходим как в хозяйстве, так и в быту. Три ножа (№ 1269, 1310, 1525) могут быть отнесены к категории столовых; нож № 1273, вероятнее всего, использовался для обработки дерева; нож № 1982, по всей видимости, боевой, засапожник; два ножа (№ 1279, 1516) представляют собой более древнюю форму — ножи со скошенной спинкой (рис. 1).

В результате металлографического исследования было выявлено семь технологических схем, применяемых при изготовлении ножей. Большую группу составляют цельностальные ножи (рис. 1). Эта технология имеет ряд вариантов. На изготовление основной части ножей шла неравномерно науглероженная сталь со средним количеством шлаковых включений (№ 1256, 1260, 1263, 1270, 1287, 1289, 1291, 1292, 1294, 1298, 1315, 1317, 1319, 1329, 1508, 1521) — 16 экз. Все ножи этой группы термообработаны. Структура стали в основном мартенсит, чаще всего крупноигольчатый. На одном ноже зафиксирована структура сорбита. Микротвердость изделий этой группы колеблется от 383 до 572 кг/мм², хотя основную массу составляет сталь с микротвердостью 420 кг/мм². Четыре ножа (№ 1264, 1281, 1286, 1526) изготовлены из вторичного металла, что после термической обработки давало тот же цельностальной закаленный клинок. Все четыре ножа закалены в резкой закалочной среде, структура стали — мартенсит и мартенсит с трооститом, микротвердость колеблется от 420 до 824 кг/мм², один нож имеет микротвердость 946 кг/мм² на спинке.

Два ножа этой группы изготовлены из высокоуглеродистой стали хорошего качества (№ 1509, 1527) и закалены. Нож № 1509 имеет на всей поверхности структуру мелкодисперсного мартенсита с трооститом, микротвердость 624—724 кг/мм², края ножа обезуглерожены. Нож № 1527 после закалки был подвергнут высокому отпуску, в результате чего образовалась сорбитная структура с сохранившейся кое-где мартенситовой ориентировкой. Микротвердость 295—322 кг/мм².

Из малоуглеродистой стали изготовлены два ножа (№ 1255, 1277). Феррито-перлитная структура имеет мелкодисперсный характер, шлаковых включений почти нет. Содержание углерода 0,2—0,3%. Качество кузнечной работы высокое. На одном ноже зафиксированы следы термической обработки, которая вследствие малого содержания углерода была почти не воспринята. Микротвердость стали 193—254 кг/мм². Нож № 1280 также отнесен нами к группе цельностальных. Лезвие этого ножа не сохранилось, так что, возможно, он был изготовлен по другой технологической схеме. В сохранившемся виде он изготовлен из среднеуглеродистой стали с содержанием углерода 0,4—0,5%. Микротвердость ножа 236—254 кг/мм². Термическая обработка не зафиксирована.

При изготовлении шести ножей (№ 1288, 1295, 1296, 1318, 1330, 1511) была использована пакетная заготовка. В отличие от цельностальных ножей, откованных из вторичного металла, полосы расположены четко вдоль шлифа, сталь, как правило, выходит на острие, что свидетельствует о специальной системе кузнечной обработки заготовки.

Все ножи этой группы прошли термическую обработку, структура стали мартенсит с микротвердостью от 420 до 624 кг/мм². Сварочные швы тонкие, чистые, что свидетельствует о высоком качестве исполнения. Технология изготовления цельностальных клинков широко применялась различными народами, начиная с периода освоения стали, вплоть до

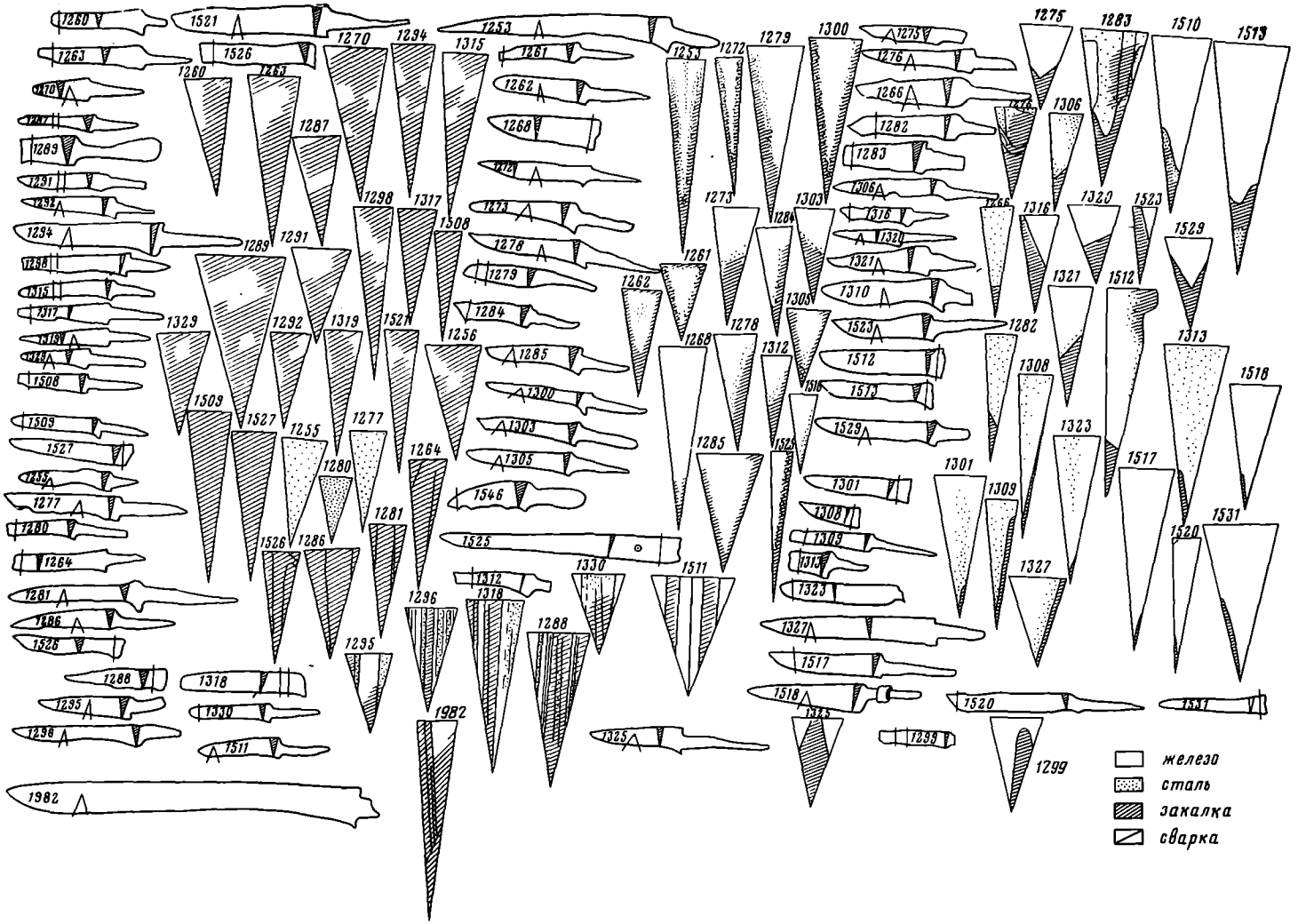


Рис. 1. Технологические схемы изготовления ножей

средневековья [4, 8, 9]. Цельностальные ножи в Старой Рязани составляют 34,3%. На других памятниках эпохи средневековья, материалы которых исследовались металлографически, мы имеем следующую картину: в Новгороде — один нож из 195 исследованных [10, с. 51], в Любече — 12,5% [11, с. 148], в Ярополче Залесском — 51% [12, с. 148], в Серенске — 27% [13, с. 219], в Литве — только один нож из 41 исследованного [14, с. 118].

Одной из самых древних технологий является применение цементации поверхности железных изделий. Эта технологическая схема в коллекции Старой Рязани представлена 16 экз. ножей (№ 1253, 1261, 1262, 1268, 1272, 1273, 1278, 1279, 1284, 1285, 1300, 1303, 1305, 1312, 1516, 1525) (рис. 1). Железо, использованное при изготовлении ножей этой группы, очень хорошего качества с мелким и средним зерном. Шлаковые включения незначительны. Структура стали в основном мелкоигольчатый мартенсит. Микротвердость стали колеблется от 464 до 724 кг/мм², наиболее часто встречается микротвердость 514 кг/мм².

Интересно отметить, что как раз в эту группу входят оба ножа не типичной для Древней Руси формы — 1279, 1516. Причем оба они имеют некоторые особенности в изготовлении: заготовка для ножа № 1279 была откована из вторичного металла, а нож № 1516 закалку воспринял слабо, только на самом острие, так как содержание углерода невелико — 0,3—0,35%, причем закалка была мягкой.

Цементация на ножах этой группы, как правило, поверхностная, двусторонняя с выходом на острие (рис. 2, *5*), в семи случаях процементировано только острие рабочего края изделия.

Эта технологическая схема составляет 17,6% общего числа исследуемых ножей Старой Рязани. Процент довольно высок, если учесть, что ножи с цементированным лезвием встречаются на памятниках средневековья редко. Исключение представляет территория Литвы, где зафиксировано 19,5% [14, с. 118]. В Любече обнаружен всего один нож с цементированным лезвием (незакаленным) из 40 исследованных [11, с. 148]. Также один нож из 20 исследованных известен из коллекции Сарского городища [15, с. 39]. В Серенске, Ярополче Залесском и Новгороде такая технология у ножей вообще не отмечена. Известно несколько экземпляров с территории Польши и Моравии [9, с. 277].

Редкость применения цементации в эпоху развитого средневековья объясняется экономическим давлением рынка. Как известно, образование цементированного слоя в 2 мм происходит в течение 12 ч [9, с. 251]. Следовательно, изготовление качественных изделий путем цементации довольно длительно. Поэтому, если кузнец владеет приемами сварки железа со сталью, то изготовление ножей путем цементации лезвия для него нерентабельно.

В эпоху развитого средневековья сварка железа со сталью становится ведущей операцией в кузнечном ремесле. Варьируя соотношение и положение стальных и железных полос, кузнецы создавали различные технологические схемы поковок.

Наиболее сложной и самой качественной технологией является способ изготовления ножей в схеме трехслойного пакета, так называемое самозатачивающееся лезвие. Если рассматривать поперечное сечение такого клинка, то в центре помещается стальная пластина, а по краям привариваются железные полосы, в результате сталь всегда выходит на острие ножа, несмотря на стачивание; боковые железные пластины придают лезвию необходимую пластичность.

Эта технологическая схема была широко известна на Руси, в Литве, Латвии, Польше, Моравии и других территориях. В новгородском ремесле она является основной в X—XI вв. [10, с. 54]. В коллекции ножей Старой Рязани эта схема представлена 1 экз. (№ 1325) (рис. 2, *1*). Нож подвергся резкой закалке на мартенсит. Сталь, пошедшая на изготовление центральной полосы, была неравномерно науглерожена. Об этом свидетельствуют колебания микротвердости от 724 до 383 кг/мм². Ширина стальной полосы велика по сравнению со стандартной продукцией Новго-

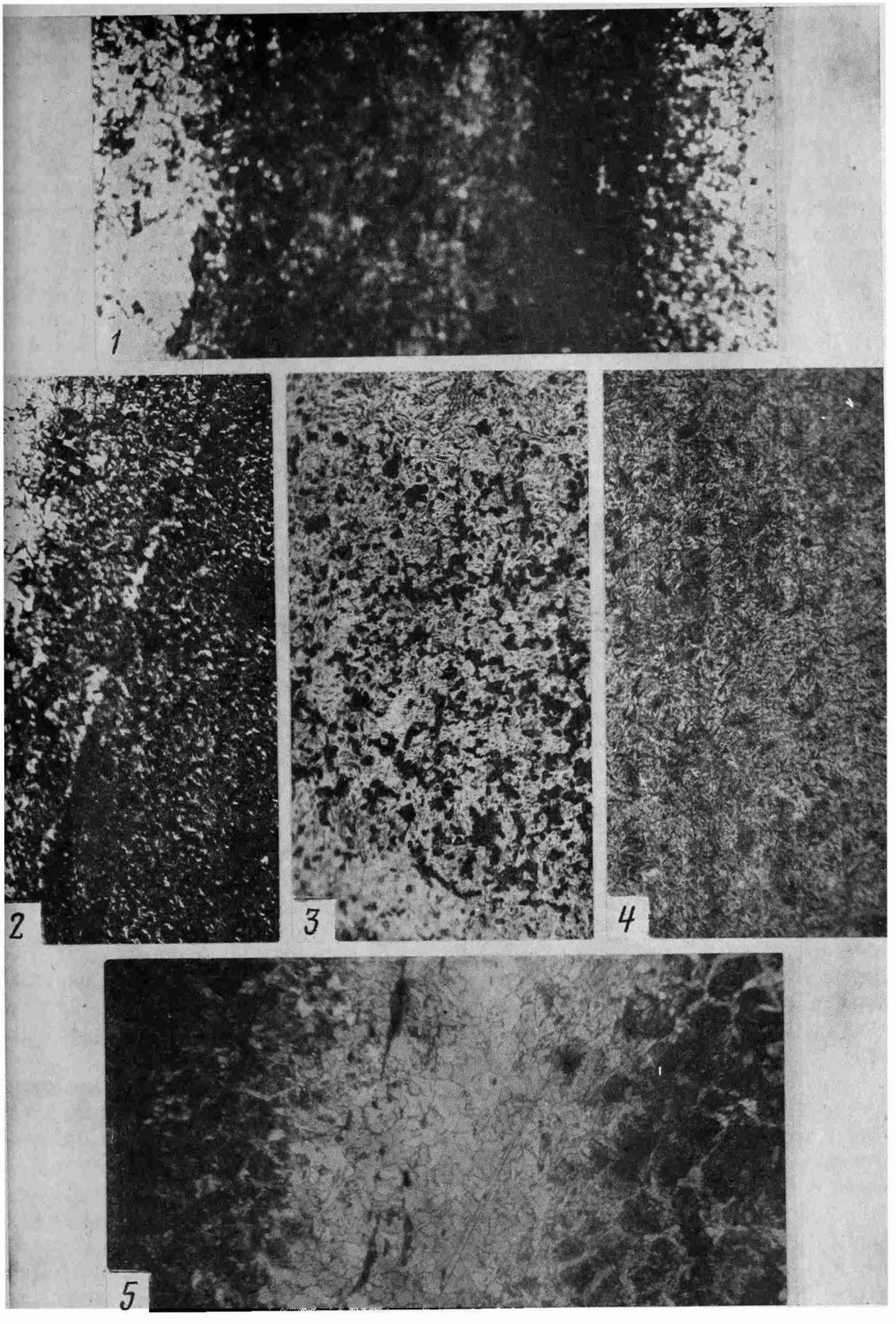


Рис. 2. Фотографии микроструктур: *1* — нож (№ 1325), ув. 70 — трехслойный пакет; *2* — нож (№ 1313), ув. 115 — косая наварка; *3* — ножницы (№ 1462), ув. 200 — мартенсит с троститом; *4* — ножницы (№ 1462), ув. 200 — мелкоигольчатый мартенсит; *5* — нож (№ 1300), ув. 115 — двусторонняя поверхностная цементация

рода. В Любече, Ярополче Залесском, Серенске эта технологическая схема также представлена единичными экземплярами (соответственно 3 из 40 исследованных, 1 из 45 исследованных, 1 из 49 исследованных) [11—13].

Один нож из Старой Рязани изготовлен в технологии вварки стали в железную основу клинка (№ 1299) и закален (рис. 1). Основу ножа

составляет железо (микротвердость феррита — 236 кг/мм²). В лезвие вварена пластина стали, микротвердость мартенсита 464 кг/мм². Сварочный шов тонкий, углерод при сварке диффундировал в феррит. Технология вварки стального лезвия в основу ножа составляет в Любече 7,5% [11, с. 148], в Ярополче — 11,1% [12, с. 148], в Серенске — 4% [13, с. 219]. Эта технологическая схема хорошо представлена на ножах Новгорода в слоях XI — первой половины XII в. [10, с. 52]. По новгородским материалам схема вварки стального лезвия является переходной от технологии трехслойного пакета к технологии наварки стальных лезвий на железную основу.

Технология наварки стального лезвия на железную основу ножа является одной из самых рациональных, так как сочетает в себе экономичность затрат материала и времени с большой технической эффективностью. По сравнению с цельностальными изделиями она позволяет экономить сталь, получение которой по-прежнему было трудоемким процессом.

В коллекции ножей Старой Рязани эта технология представлена 15 экз. (1266, 1275, 1276, 1282, 1283, 1306, 1316, 1320, 1321, 1510, 1512, 1513, 1523, 1529, 1982) (рис. 1). Основа ножей отковывалась из железа хорошего качества: мелкозернистого, хорошо освобожденного от шлаковых включений, в двух случаях — из малоуглеродистой стали. Все ножи этой группы подверглись закалке. Структура наварных пластин в основном мелкоигольчатый мартенсит, иногда с трооститом, с микротвердостью от 514 до 946 кг/мм². Сварка произведена умело, швы тонкие, чистые.

Основа трех ножей этой группы (№ 1276, 1283, 1982) изготовлена из металла вторичного происхождения. На пяти ножах этой группы (№ 1275, 1276, 1283, 1513, 1529) наварка стальной пластины выполнена своеобразно: сварочный шов может быть представлен в виде латинской буквы V. Такая разновидность торцовой наварки зафиксирована в Новгороде, Пскове, Вышгороде [4, с. 78], в славянских памятниках Польши, Чехословакии [9, с. 277].

Лезвие ножа № 1512 имеет с одной стороны обуха небольшую закраину, в результате чего спинка ножа несколько расширена. Микроскопическое исследование полного поперечного сечения лезвия ножа показало, что в области расширения обуха железная основа ножа науглерожена и закалена на мартенсит. Таким образом, мы можем говорить о целенаправленной работе кузнеца, который специально отковал обух такой формы и улучшил его рабочие качества путем цементации, в результате чего после закалки обух приобрел повышенную твердость (420 кг/мм²). Такой нож, вероятно, использовался для работ, связанных с ударными действиями по обуху.

Два ножа этой группы (№ 1513, 1529) имеют обезуглероженные края и участки выгорания на концах стальных пластин. Это свидетельствует о том, что они испытали влияние повышенных температур или на заключительном этапе ковки, или уже после изготовления, в результате попадания изделий в огонь.

Технология торцовой наварки составляет 16,5% среди ножей Старой Рязани. Эта технологическая схема появляется в Новгороде в 10—20-х годах XII в. и в XII—XIII вв. занимает там господствующее положение [10, с. 50]. Довольно часто ее применение и в других древнерусских городах при изготовлении ножей: в Серенске она составляет 37% [13, с. 217], в Ярополче Залесском — 20% [12, с. 149], в Любече — 39% [11, с. 148], в Литве — 19,5% [14, с. 118], в Белоозере — 80% [16, с. 124].

В конце XIII в. технология торцовой наварки еще более упрощается. Стальное лезвие наваривается лишь тонкой полоской с одной стороны клинка ножа. Эта технологическая схема получила название косой боковой наварки. В Новгороде она характеризует слои конца XIII—XV в. [10, с. 54]. Такие ножи быстро изнашиваются, так как тонкая стальная полоска скоро стачивается. Это, по всей вероятности, обеспечивало постоянный спрос на продукцию ножевщиков на рынке сбыта.

Среди ножей Старой Рязани в технологии косой боковой наварки из-

готовлено 10 экз. (№ 1301, 1308, 1309, 1313, 1323, 1327, 1517, 1518, 1520, 1531) (рис. 1; 2, *2*). Железо, из которого отковывалась основа ножа, характеризуется средним и крупным зерном. Засоренность его шлаковыми включениями средняя, хотя и более значительная, чем металла предыдущих групп. Микротвердость феррита от 122 до 236 кг/мм². Сварочные швы очень качественные — тонкие, чистые, что свидетельствует о высокой техничности исполнения. Все ножи этой группы прошли термическую обработку. Структура стали на наварных пластинах — крупноигольчатый и мелкоигольчатый мартенсит с микротвердостью от 350 до 824 кг/мм². Один нож закален на сорбит, в мягкой закалочной среде (№ 1520). Два ножа (№ 1301, 1309) после закалки на мартенсит подверглись небольшому отпуску.

Применение технологии косой боковой наварки на ножах составляет в Старой Рязани 10,9%, в Новгороде (суммарно для XIII—XV вв.) — около 34% [10, с. 50], в Ярополче — 2,2% (один нож из 45 исследованных) [12], в Любече — 9,8% [11, с. 148], в Белоозере — 20% [16, с. 124].

В коллекции ножей Старой Рязани на 17 экз. (№ 1254, 1257—1259, 1265, 1269, 1274, 1290, 1293, 1297, 1304, 1310, 1311, 1515, 1519, 1522, 1533) наблюдается структура чистого железа или сырцовой стали с незначительной науглероженностью. Железо крупно-, средне- и мелкозернистое с различной микротвердостью (от 122 до 236 кг/мм²). Засоренность шлаковыми включениями также различна. Один нож (№ 1290) имеет строчечное строение металла, что свидетельствует об исходно бракованном сырье, ковка велась долго, однако дефект металла исправлен не был.

Семь ножей этой группы (№ 1257, 1259, 1265, 1293, 1304, 1311, 1515) по всей вероятности, подвергались термической обработке, но вследствие малого содержания углерода закалка была воспринята слабо.

Существование железных ножей в эпоху развитого средневековья ставится под сомнение; считается, что мы имеем дело с экземплярами, стальные лезвия которых были сточены или не сохранились из-за коррозии предмета.

Однако морфологическое изучение 17 экз. ножей из Старой Рязани вынуждает нас признать, что состояние рабочего края только у пяти ножей неудовлетворительное, сохранность других экземпляров может быть признана вполне приемлемой.

Если мы обратимся к другим металлографическим исследованиям, то нетрудно заметить, что на всех памятниках, начиная с периода освоения железа и вплоть до начала машинного производства, часть продукции ножевщиков всегда изготовлена из простого железа или сырцовой стали. Хронологически близкие памятники также не искажают этой картины. Железные ножи составляют в Любече 19,78% [11, с. 117], в Ярополче Залесском — 11,1% [12, с. 149]. В нашем материале их 18,7%, в Новгороде также имеется значительное количество [10, с. 52], на Сарском городище — 40% [15, с. 39]. Исследование кузнечной продукции Центральной Европы рисует ту же картину: наряду с качественными, стандартными ножами встречаются простые железные [17, с. 397].

Выковка железного ножа — операция крайне простая и может быть выполнена довольно быстро даже неквалифицированным кузнецом. Поэтому существование такого рода изделий в эпоху развитого ремесленного производства может объясняться потребностями рынка: они являлись просто самой дешевой продукцией.

Из сельскохозяйственных орудий было исследовано пять серпов (рис. 3). Полностью форма не сохранилась ни у одного экземпляра. Два фрагмента (№ 1505, 1507) представляют собой значительную часть лезвия с характерным вытянутым окончанием острия, два фрагмента (№ 1328, 1987) — половину лезвия с прилегающей ручкой и один фрагмент (№ 1514) — небольшой кусочек средней части лезвия. На режущей кромке полотен серпов сохранились кое-где участки зазубренного края. По внешним признакам серпы относятся к обычному типу, распространившемуся в лесной зоне Восточной Европы с приходом славян [18, с. 83].

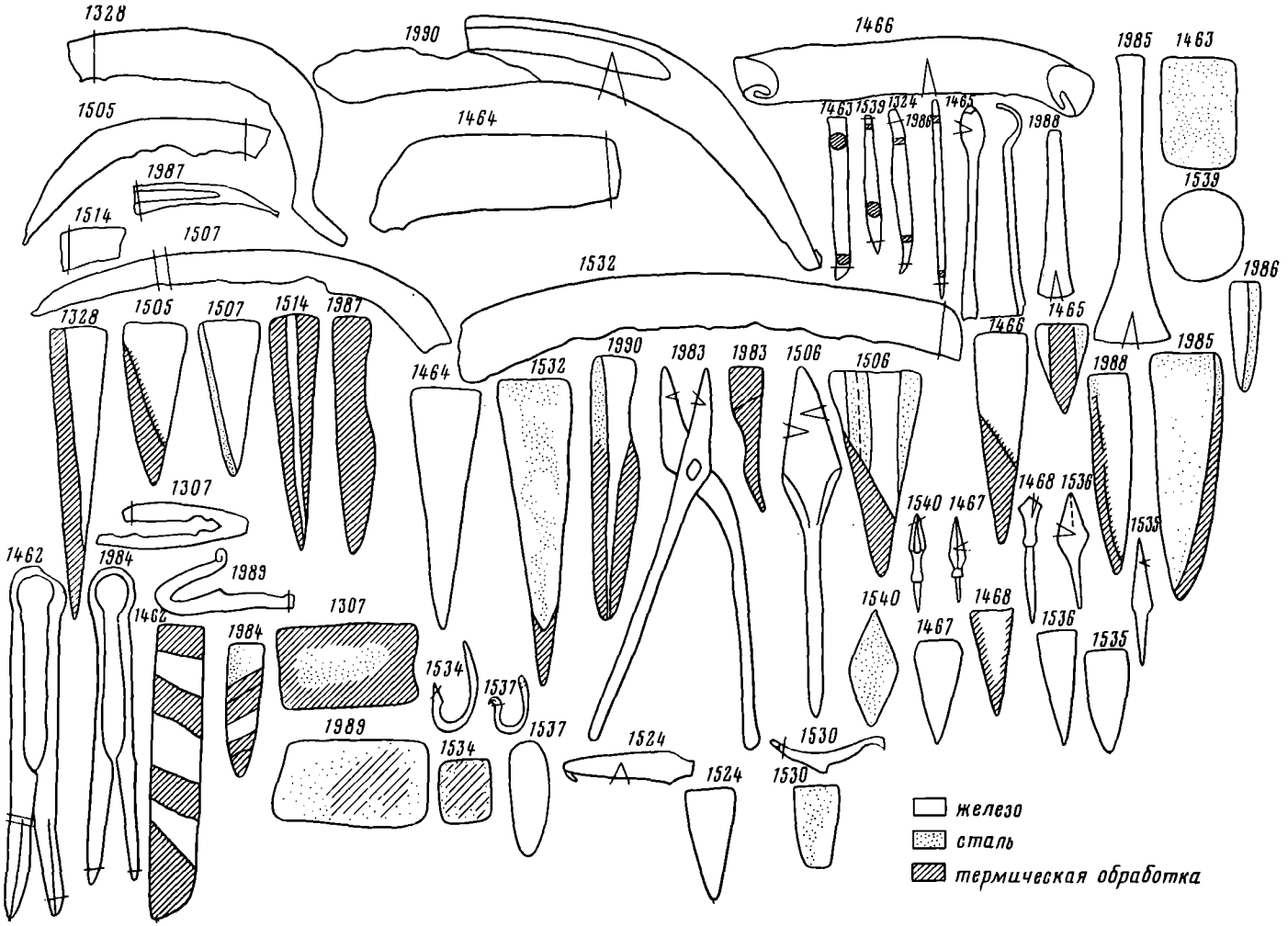


Рис. 3. Технологические схемы изготовления орудий труда, предметов быта, оружия

При изготовлении четырех серпов была применена одна и та же технологическая схема наварки стального лезвия на железную основу полотна (№ 1328, 1505, 1507, 1514). Однако каждый серп имеет индивидуальные особенности. Серп № 1328 был изготовлен из сыродутного железа с довольно большим количеством шлаковых включений. Микротвердость феррита 170 кг/мм². На лезвие наварена полоса неравномерно науглероженной стали, затем серп был закален на мартенсит (микротвердость колеблется от 383 до 514 кг/мм² на различных участках). Сварка выполнена не очень качественно: в сварочном шве присутствует значительное количество шлаков.

Серп № 1505 после закалки был подвергнут отпуску, в результате на лезвии получилась структура сорбита со следами мартенситовой ориентировки с микротвердостью 350 кг/мм². Сварочный шов тонкий и чистый. Режущая кромка серпа № 1507 не сохранилась, в настоящем виде микроструктурное исследование фиксирует наварку очень узкой полосы стали с неравномерным распределением углерода (0,3—0,4%). Микротвердость стали 206 кг/мм². Перлит имеет характерное видманштедтовое строение, что свидетельствует о том, что изделие испытало сильный перегрев. Фрагмент серпа № 1514 имеет более сложное строение. Помимо наварки стальной полосы на лезвие, спинка серпа также укреплена стальной полосой. Затем серп был закален в резкой закалочной среде, в результате на лезвии получилась структура мелкодисперсного мартенсита с микротвердостью 824—946 кг/мм², на спинке — структура крупноигольчатого мартенсита с микротвердостью 464 кг/мм², в центре — структура феррита с микротвердостью 236 кг/мм².

Серп № 1987 имеет на полотне характерное рельефное углубление, облегчающее вес изделия. Изготовлен он из цельностальной заготовки, затем закален в холодной воде. Структура мелкоигольчатого мартенсита имеет микротвердость 724 кг/мм².

Технология изготовления цельностальных серпов, помимо Рязани, прослежена в Новгороде и Пскове [4, с. 99]. Но характерной для древнерусских памятников является технология изготовления серпов с наварным стальным лезвием. Она обнаружена на большинстве серпов Новгорода [10, с. 71], Серенска [13, с. 221], зафиксирована на городищах Княжья Гора и Райковецкое [4, с. 99].

Применение наварки при изготовлении серпов — рациональное конструктивное решение. Важное значение здесь имеет вид термической обработки. Наиболее целесообразной является мягкая закалка или закалка с отпуском, когда на лезвии образуется структура сорбита, которая сочетает достаточную твердость с вязкостью. Такой вид термообработки мы наблюдаем у серпа № 1505. Из пяти исследованных серпов Серенска четыре были закалены на сорбит, а один — на мартенсит [13, с. 221]. Все исследованные серпы из Новгорода закалены на мартенсит [10, с. 71]. Серп № 1514 имеет очень большую твердость на острие; возможно, поэтому (чтобы избежать быстрой поломки предмета) кузнец укрепил спинку серпа дополнительной стальной полосой. Такое технологическое решение уже наблюдалось среди новгородских серпов [10, с. 71].

Были исследованы три косы-горбуши (рис. 3). Форма полностью не сохранилась. Коса № 1464 изготовлена из железа, причем лезвие подверглось более тщательной проковке, в результате чего образовалось мелкозернистое ферритное строение, лучше освобожденное от шлаковых включений, с микротвердостью 221 кг/мм². На спинке косы железо крупнозернистое, микротвердость 170 кг/мм². Коса с такой технологией изготовления могла быть использована в хозяйстве только в случае значительного холодного наклепа лезвия. Коса № 1532 изготовлена из сырцовой стали. На лезвие наварена пластина высокоуглеродистой стали; затем изделие закалили в результате на режущей кромке образовалась структура троостита с мартенситом, с микротвердостью 824 кг/мм². Коса № 1990 имеет на лезвии рельефное углубление, значительно облегчавшее вес такого массивного изделия. Технология ее изготовления в общем может быть определена как наварка. Однако наварены были две стальные

полосы по обе стороны от железной сердцевины. Косу закалили в резкой закалочной среде, причем сначала опустили только лезвие, а затем весь предмет. Структура мелкоигольчатого мартенсита на лезвии имеет микротвердость 514—576 кг/мм², сорбита и сорбитообразного перлита в стальных полосах — 254—350 кг/мм², феррита в центре шлифа — 221 кг/мм². Косы, как правило, изготовлялись в технологии наварки стали на железную основу и закаливались в резкой закалочной среде. Это подтверждают материалы Новгорода, Райковецкого городища, Княжьей Горы [4, с. 97], Серенска [13, с. 221], Литвы [14, с. 129]. Железные косы встречаются редко, известна одна коса из Новгорода [10, с. 73].

К предметам, связанным с хозяйственной деятельностью, относятся рыболовные крючки (рис. 3). Было исследовано два крючка. Один из них (№ 1537) изготовлен из мелкозернистого железа, ковка велась долго и была тщательной, что, видимо, связано с изящной формой острия. Крючок № 1584 откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали и закален, микротвердость мартенсита 420 кг/мм². Как правило, рыболовные крючки отковывались из обычного кричного железа, об этом свидетельствуют материалы из Новгорода [10, с. 77], Ярополча Залесского [12, с. 148], что вполне оправдано их функциональным назначением.

Следующую группу составляют изделия, связанные с ремесленной деятельностью. Были исследованы массивные кузнечные ножницы [№ 1983], которые, вероятно, использовались для разрезания тонких листов цветного металла (рис. 3). Микроскопическому исследованию были подвергнуты оба режущих полотна. Они оказались сваренными из двух полос стали и закалены в резкой закалочной среде; причем сталь, пошедшая на изготовление режущей кромки, имела более высокое содержание углерода, чем сталь на спинке полотнища. Микротвердость мартенсита на лезвии 420—464 кг/мм², на спинке 322—383 кг/мм². Разница в микротвердости, а также расположение сварочного шва приводят к мысли, что технологией изготовления ножниц была торцовая наварка, в данном случае соединяющая сталь со сталью.

Изучение двух долот (№ 1985, 1988) показало, что оба они откованы в технологии наварки стальной полосы на железную основу (рис. 3) с последующей тепловой обработкой. Ковка долота № 1985 велась при повышенной температуре, о чем свидетельствуют участки видманштедтовой структуры на корпусе долота и полоса феррита по краю острия, образовавшаяся в результате выгорания углерода. Закалка была местной, т. е. в закалочную среду было опущено только лезвие, в результате чего на острие образовалась структура мартенсита (микротвердость 642 кг/мм²), постепенно переходящая (по мере удаления от рабочего края) в мартенсит с троститом, а затем в мартенсит с перлитом. Долото № 1988 также, вероятно, подвергнуто местной закалке, так как наблюдается постепенный переход структуры от мартенсита на лезвии (микротвердость 514—572 кг/мм²) к мартенсито-троститу, а затем к перлиту (микротвердость 322 кг/мм²). Технология наварки с последующей местной закалкой типична для древнерусских городов: в Новгороде, Вщиже, на городище Княжья Гора и Райковецком найдены долота с подобной технологической схемой [4].

При микроструктурном исследовании токарного резца № 1465 (рис. 3) (длина 142 мм, радиус режущей части 10 мм) была обнаружена технологическая схема трехслойного пакета. В центре — полоса стали (структура сорбита с микротвердостью 350 кг/мм²), по краям — мелкозернистое, чистое от шлаков железо. Резец закален в мягкой закалочной среде. Рабочие качества этого инструмента были очень высоки. На исследованных токарных резцах из Новгорода, Княжьей Горы, Вщижа применение технологии самозатачивающегося лезвия зафиксировано не было [4, с. 112; 10, с. 43].

Инструмент, классифицированный нами как двуручный резак (№ 1466), был изготовлен способом торцовой наварки стальной полосы на железную основу, затем подвергнут закалке в холодной воде. Микротвердость мартенсита 572 кг/мм² (рис. 3).

При исследовании пробойника (№ 1463) оказалось, что рабочий край инструмента в результате сильной коррозии был утрачен. Микроскопическое исследование показало, что основная часть пробойника была изготовлена из неравномерно науглероженной сырцовой стали с небольшим содержанием углерода (0,2—0,3%); зафиксированы следы закалки: перлит сорбитообразный. Микротвердость 254—295 кг/мм². Качество работы кузнеца высокое (рис. 3).

При структурном изучении трех шильев (№ 1324, 1539, 1986) оказалось, что два шила (№ 1324, 1539) изготовлены из железа хорошего качества, с микротвердостью 160—170 кг/мм². На 1 экз. (№ 1324) по краям шлифа наблюдается присутствие углерода, возможно, шило было процементировано, но в результате коррозии цементованная часть утрачена. Шило № 1986 изготовлено из вторичного металла — железа и малоуглеродистой стали. По материалам Новгорода шилья изготовлялись из кричного железа с последующей поверхностной цементацией рабочего края [10, с. 63].

Предметы домашнего обихода представлены кресалами и ножницами. Кресала № 1307, 1989 (рис. 3) по технологии изготовления относятся к цельностальным изделиям. При изготовлении кресала № 1307 была использована заготовка металла, подвергнутая глубокой сквозной цементации, а затем закаленная в холодной воде. Микротвердость феррита в центральной части 236 кг/мм², микротвердость мартенсита возрастает от центра к краю постепенно от 420 до 1290 кг/мм². Кресало № 1989 откован из сырцовой стали с небольшим содержанием углерода (0,1—0,2%). Некоторое изменение строения перлита свидетельствует о термической обработке, которая не была воспринята вследствие малого содержания углерода. Микротвердость 181—236 кг/мм². По своим техническим данным кресало № 1307 принадлежит к первоклассным изделиям; кресало № 1989 давало слабую искру, его эксплуатационные свойства были очень низкими. По внешним признакам кресало № 1307 может быть отнесено к новгородским кресалам типа II, № 1989 — к позднему варианту I типа, которые датируются соответственно XII—XIII вв. и XI—XII вв. Однако технологическая схема, примененная мастерами Старой Рязани при изготовлении кресал, не типична: кресала Серенска [13, с. 221], Волковыска [20, с. 178], Новгорода [10, с. 102], памятников Латвии [19] изготовлены при помощи наварки ударного стального ребра на железную основу. Цельностальные кресала встречаются редко, известен 1 экз. из Новгорода [10, с. 102].

Технология изготовления ножниц оказалась не совсем обычной (№ 1462, 1984) (рис. 3). В общем виде она может быть рассмотрена как торцовая наварка режущей кромки на основу с последующей резкой закалкой всего изделия. Интерес представляет основа лезвий, которая была откована из чередующихся в вертикальном направлении относительно головки ножниц полос железа и стали. Микротвердость железных полос 206 кг/мм², стальные полосы имеют структуру мартенсита с троостит (рис. 2, *3*) с микротвердостью 420, 464, 642 кг/мм². Структура режущей кромки — мелкодисперсный мартенсит, причем его твердость у ножниц № 1462 — 924 и 1290 кг/мм². Как правило, ножницы изготовлялись в древнерусских городах способом торцовой и косой боковой наварки на железную основу [10, с. 63]. Столь сложное строение основы фиксируется впервые.

Технологические приемы изготовления оружия рассматриваются на примере наконечников стрел и дротика. Было изучено пять наконечников стрел, все стрелы черешковые, разных типов (рис. 3). По технологии изготовления выделяются две схемы. Стрелы (№ 1467, 1535, 1536, 1540) изготовлены из обычного железа или сырцовой стали без каких-либо дополнительных операций. Железо чистое, мелкозернистое, микротвердость от 160 до 221 кг/мм². Стрела № 1540 имеет неравномерное зерно; участки, где присутствует углерод, имеют видманштедтовое строение — все это свидетельствует, что металл испытал влияние высоких температур. В отличие от этих стрел стрела № 1468 изготовлена из чистого и мелкозерни-

стого железа, затем подвергнута сильной двусторонней цементации и закалена в резкой среде. Структура стали — мартенсит с трооститом с микротвердостью 572 кг/мм².

Стрелы, являясь, как правило, оружием разового использования и массовой продукцией кузнеца, обычно изготовлялись из железа и сырцовой стали. Материалы Новгорода, Княжьей Горы, Вщижа [4, с. 144], Серенска [13, с. 222], Ярополча [12, с. 149], Волковыска [21, с. 180] подтверждают это. Стрелы, подвергнутые термической обработке, встречаются редко. Известна одна стрела, технологическая схема которой аналогична стреле № 1468 из Старой Рязани, с городища Княжья Гора [4, с. 144].

Наконечник дротика (№ 1506) (рис. 3) откован из пакетного металла, на лезвия были наварены стальные пластины, затем все изделие закалено в холодной воде. Микротвердость центральной части 181, 221 кг/мм², микротвердость мартенсита на лезвиях 514 кг/мм². Использование такой технологической схемы вполне оправданно при изготовлении дротика, так как изделие имеет мягкую и гибкую сердцевину и твердые режущие края, что отражает профессиональный подход мастера к функциональному назначению поковки.

Два предмета могут быть рассмотрены как заготовки (№ 1524, 1530). Оба они откованы из мелкозернистого железа, хорошо освобожденного от шлаковых включений, с микротвердостью 128—151 кг/мм².

Как показало металлографическое исследование кузнечной продукции из Старой Рязани, металл поковок (и железо, и сталь) отличается мелкозернистостью и равномерностью строения, минимальными шлаковыми включениями. По этим показателям материал коллекции может сопоставляться с продукцией такого крупного ремесленного центра, как Новгород [10, с. 13]. В рядовых древнерусских городах, например в Серенске, Ярополче, кузнечная продукция характеризуется низким качеством исходного материала (сильное загрязнение шлаковыми включениями, крупное зерно) [12, 13].

Кроме исходного материала о качестве кузнечной обработки свидетельствует степень овладения мастерами основным приемом кузнечной ковки — пластической деформацией металла в горячем состоянии. Анализ кузнечной продукции показывает, что ремесленники Старой Рязани в совершенстве владели такими основными операциями горячей ковки, как вытяжка и высадка металла, рубка и обрезка, пробивка и прошивка отверстий, изгиб, обжатие, обточка и сварка. Основная трудность всех этих операций при работе с горячим металлом состоит в соблюдении необходимых температурных режимов. Ковать изделия можно только в узком температурном интервале, так как иначе при перегреве изделия или остывании и повторном нагреве в структуре металла происходит нежелательный рост зерна, обезуглероживание или образуется видманштедтовое строение, в результате чего механические свойства поковки сильно снижаются. Кузнецы Старой Рязани обладали отличными навыками в этой области. Из 122 предметов только на трех зафиксировано видманштедтовое строение и на четырех — обезуглероживание рабочего края.

Знание кузнецами Старой Рязани правильных температурных режимов сказывается и при изучении сварных конструкций, где это особенно важно. Чистые и тонкие, не забитые шлаками сварочные швы свидетельствуют о правильном применении флюсов и строгом соблюдении температуры, что характерно только для ремесленников высокой квалификации.

Важнейшим элементом работы с металлом является термическая обработка стали, или закалка. Анализируя кузнечную продукцию Старой Рязани, мы можем сделать вывод, что все изделия, способные принять закалку, термообработаны, и на многих изделиях, где в силу содержания углерода она не давала больших результатов, мы наблюдаем ее следы.

Основным видом термической обработки в Старой Рязани была резкая закалка в холодной воде, которая дает наивысшую твердость стали и создает структуру мартенсита (рис. 2, *4*). Однако эта структура отличается хрупкостью, во избежание которой кузнецы применяли мягкую закалку (в теплую, соленую, мыльную воду, масло и др.) или отпуск.

Среди нашей коллекции встречено лишь четыре предмета (ножи, резец), закаленные в мягкой среде, и четыре предмета (ножи, серп), подвергнутые после закалки дополнительному отпуску. Это находит свое объяснение в ассортименте исследованной коллекции. Основу ее составляют ножи, а для этой категории изделий резкая закалка на мартенсит является технологически наиболее целесообразной.

Разделение коллекции железных изделий Старой Рязани по месту находки (Северное или Южное городище) и стратиграфическое распределение (по штыкам и раскопам) не обнаруживают закономерной связи с выделенными технологическими схемами: все схемы распределяются равномерно. Можно лишь отметить преобладание цементации на изделиях из верхних штыков Южного городища и отсутствие этой технологической схемы среди поковок с Северного городища, что, вероятно, связано с малочисленностью коллекции этого городища.

Сама возможность представить процесс изготовления поковок в виде технологических схем свидетельствует о том, что кузнечное ремесло достигло высокого уровня стабильности технологических операций (таблица), что в свою очередь отражает тенденцию к стандартизации производства. Как показали многочисленные аналогии, названные технологические схемы не являются прерогативой кузнечного ремесла Старой Рязани, в X—XIV вв. они встречаются на всех археологических памятниках. Однако их соотношение и количественное выражение составляет особенность каждого конкретного памятника и позволяет определить его положение в общей системе средневековых городов. Так, например, в Серенске отмечено применение только четырех схем [13, с. 222], в Ярополче Залесском — шести [12, с. 149], в Любече — шести [11], в Волковыске — шести [21], в Пскове — пяти [4, с. 221—228], в Новгороде, эталонном памятнике Древней Руси, встречаются все перечисленные выше схемы и некоторые другие [10].

Наличие тех или иных технологических схем на каждом древнерусском памятнике зависит и от его датировки, так как сварные конструкции в отличие от цельных дают определенные хронологические указания, которые были получены при исследовании новгородского кузнечного ремесла [10]. В Старой Рязани только два предмета (трехслойный пакет) по технологии изготовления могут быть отнесены к X—XI вв., что косвенно подтверждает датиров-

Соотношение технологических схем с категориями изделий

Технологическая схема	Ножи	Серпы	Косы	Рыболовные крючки	Кузнечные ножницы	Долота	Токарный резец	Резак	Пробойник	Шилья	Кресала	Ножницы	Стрелы	Дротик	Заготовки	Итого	%
1. Железо	17	—	1	1	—	—	—	—	1	3	—	—	4	—	2	28	23
2. Цельностальные	31	1	—	1	—	—	—	—	1	—	2	—	—	1	—	36	29,5
3. Цементация	16	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	1	—	—	17	14
4. Сварка из трех полос	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,6
5. Вварка	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,8
6. Торцовая наварка	15	4	2	—	1	—	—	1	—	—	—	2	—	1	—	26	21,3
7. Косая наварка	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	9,8
Итого	91	5	3	2	1	2	1	1	1	3	2	2	5	1	2	122	100
Из них термически обработано	80	5	2	1	1	2	1	1	1	—	2	2	1	1	—	100	82

ку Старорязанского городища, где основной археологический материал относится к XI—XIII вв.

Технология кузнечного производства Старой Рязани обнаруживает ряд особенностей. Соотношение сварных и цельных конструкций в Старой Рязани показывает, что, хотя ремесленники и располагали знанием всех технологических новшеств, преобладающими оставались традиционные, менее прогрессивные способы изготовления поковок (целиком из железа, стали, цементированные) (66,5%).

Другую особенность кузнечного ремесла Старой Рязани составляет большой процент поковок, изготовленных путем цементации (14%), так как подобная технологическая схема на других памятниках средневековой Руси отмечается единичными случаями. Однако следует заметить, что технология цементации выявлена в основном среди ножей и кресал, т. е. предметов быта. Основные орудия производства, как сельскохозяйственные, так и ремесленные, откованы в типичной для Древней Руси технологии наварки.

В целом, оценивая уровень технического развития металлообрабатывающего ремесла Старой Рязани, можно говорить о том, что он соответствует общерусскому стандарту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49.
2. *Розенфельдт И. Г.* Северный мыс городища Старая Рязань.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
3. *Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани в 1966—1969 гг.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
4. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
5. *Монгайт А. Л.* Раскопки в Старой Рязани.— КСИИМК, 1951, вып. XXXVIII.
6. *Монгайт А. Л.* Раскопки в Старой Рязани.— В кн.: По следам древних культур. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
7. *Монгайт А. Л.* Работы Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
8. *Вознесенская Г. А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
9. *Pleiner R.* Staré evropske kovarstvi. Praha, 1962.
10. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.
11. *Вознесенская Г. А.* Стальные ножи древнего Любеча.— КСИА, 1965, вып. 104.
12. *Хомутова Л. С.* Результаты металлографического исследования кузнечных изделий.— В кн.: *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978.
13. *Хомутова Л. С.* Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске.— СА, 1973, № 2.
14. *Станкус И.* Технология производства железных орудий в Литве в IX—XII вв.— Тр. АН ЛитССР, сер. А, т. 1(32), 1970.
15. *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища.— СА, 1976, № 2.
16. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере в X—XIII вв. М.: Наука, 1973.
17. *Pleiner R.* Die Technik des Schmiedehandwerks im 13. Jahrhundert im Dorf und in der Stadt. Geschichtswissenschaft und Archäologie. Vortrage und Forschungen, XXII, 1979.
18. *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы.— АСб. ГЭ, 1978, № 19.
19. *Антейн А. К.* Железные и стальные изделия древней Латвии.— В кн.: Из истории техники Латвийской ССР. Рига, 1959, т. 1.
20. *Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С.* Металлографическое изучение кузнечных изделий древнего Волковыска.— В кн.: Бэларускія старажытнасці. Мінск: Выдавецкі савет, 1972.

M. M. Tolmacheva

TECHNOLOGY OF BLACKSMITH'S WORK IN STARAYA RYAZAN

Summary

The author takes as her subject blacksmith's products from Staraya Ryazan, capital of the Murom-Ryazan Principality. A collection of 122 ferrous metallic objects, including 91 knives, was analysed metallographically, which permitted a conclusion about the most widespread technologies which were three-layer bar pile, welding on, face plane and slanting welding on, carburising; all-steel and iron artifacts were produced as well. Thermal treatment was applied to all objects bearing hardening. High-quality materials, elaborated welding techniques, high ratio of one-peace objects, carburised forging, face plane and slanted welding on prevailed in Staraya Ryazan the technological level of which fully corresponded to the all-Russia level.

ПУГАЧЕНКОВА Г. А.

ИШТИХАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

(некоторые итоги исследований 1979 г.)

Иштиханский административный район Самаркандской области занимает среднюю часть Мианкаля (как именовался уже в средневековье остров, образованный западнее Самарканда раздвоением Зеравшана на два русла — Акдарью и Карадарью, сливающихся близ Хатырчи) и простирается севернее Акдарьи вплоть до той горной гряды, которая в средние века носила название Сагардж. Область Иштихан неоднократно упоминается в средневековых источниках. Размеры ее определялись в пять дней пути по длине и один день в ширину, т. е. около 150 км с востока на запад и 30 км с юга на север, уходя за Акдарью до предгорий [1, с. 147]. Ныне основное богатство края — сельское хозяйство: поля, сады, виноградники, а в предгорной зоне — скотоводство. Таковым оно было, в силу естественно-природных условий, с давних времен.

Археологическое изучение Иштихана было начато Узбекистанской искусствоведческой экспедицией в 60-х годах [2, 3] и возобновлено после длительного перерыва в последние годы. В 1979 г. экспедиционная группа в составе Г. А. Пугаченковой, В. А. Карасева и С. А. Савчука произвела обследование археологических памятников на всей территории Иштиханского района. Разведки эти были связаны как с давно уже интересующей нас проблемой мианкальского Согда, так и с работой над «Сводом памятников культуры Узбекистана» и задачами республиканского Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана по уточнению охранных списков.

За последние годы многое здесь ушло под распашку, тем не менее по району зафиксировано 85 археологических памятников. Предварительные археологические определения их сделаны по подъемному материалу, но далеко не везде, поскольку многие тепе, занятые старинными кладбищами, поросли непроходимой колючкой.

Памятников ранее античной поры пока нами не зафиксировано. Мы не исключаем возможности их обнаружения в горной черте; что же касается долинной зоны, то очень пониженное расположение, сильные разливы и блуждающие русла обеих рек — все это сделало ее освоение возможным лишь при хорошо налаженной ирригационной системе. Иначе, как это имело место еще в дореволюционное время, угрожало образование болот и постоянная опасность наводнений. Вместе с тем плодородие почвы и изобилие воды уже издавна не могли не привлечь земледельческого населения к освоению этих земель.

Для античного времени пока зафиксировано два пункта, но, вероятно, есть и другие, перекрытые более поздними наслоениями. Оба расположены северней Акдарьи. Один из них — Алпамыш-тепе — на землях колхоза им. Ахунбабаева, у кишлака Мангыт. Тепе было недавно поверху снивелировано бульдозером, так как на нем предполагалось соорудить новое здание. План прямоугольный (80×60 м), высота 3—3,5 м, но прежде в юго-восточном углу было заметное всхолмление. На поверхности нами была собрана керамика, в основном античного типа: тонкостенные красноангобированные фрагменты, среди которых стенки и ножки бокалов (некоторые с лощением), горловина кувшина. Найдены также кусочки привозной перламутровой раковины, пряслица, небольшая зернотерка. Вместе с тем попадались и раннесредневековые фрагменты: стенка хума с бурыми потеками, петельчатые ручки. Для проверки стратиграфии

примерно у середины северного края тепе был осуществлен разведочный раскоп (15×13 м) и здесь же заложено два стратиграфических шурфа. Раскопки показали следующее.

В основании памятника лежит комплекс построек или же единое многокомнатное здание. Оно охвачено толстой стеной, сложенной из пахсы, с заметным скосом внешней грани; внутренние стены также пахсовые. Фрагменты античной красноангобированной керамики (в частности, донца кубков, тонкостенные закраины) определяют датировку этих нижних строений первыми веками нашей эры (может быть, и несколько ранее). Затем комплекс приходит в упадок, и над руинами его разрушенных стен и заполненных глиной помещений осуществляется нивелировка и возводятся новые строения. Судя по сохранности нижних стен всего до 2,5 м (а первоначально строения были почти вдвое выше), период упадка был длительным.

От новой застройки на нашей раскопочной площадке сохранились остатки стен, сложенных из прямоугольного сырца (размеры которого варьируют от 52×22×8 до 48×26×8 см), сохранившихся после современной нивелировки холма до 40—50 см по высоте. Помимо стен в раскоп попала часть коридора (ширина 1,3 м) с глинобитным полом, суфа и на ней небольшой прямоугольный очаг. В составе находок — крупные зернотерки и многочисленные фрагменты грубоватой толстостенной керамики, в основном от хумов и больших кувшинов, на стенках которых нередки потеки бурой краски. Формы и фактура керамики характерны для VI—VII вв.; уточнение датировки дают также прямоугольный формат сырца и медная согдийская монетка с квадратным отверстием. Материалов более поздних ни на тепе, ни вокруг него не обнаружено.

Второй объект — Курган-Тепе значительно крупнее. Он находится в предгорной зоне у кишлака Орлат, на берегу р. Саганак. Здесь выделяется мощная цитадель (около 65×85 м поверху, до 120×180 м внизу), обведенная широким рвом, над которым она возвышается до 18 м. Цитадель расположена в центре города, охваченного крепостными стенами (300×300 м) с башнями на углах и тремя промежуточными по фасу каждой стены. С юго-запада еще часть городской территории обведена крепостными стенами; при этом размеры города в поперечнике достигают почти 600 м. Внутри городских стен и за их пределами высятся слитные всхолмления. Они воспринимались как естественные, тем более что напротив Саганака начинается горная гряда. Между тем разрезы, осуществленные бульдозерами при прокладке через городище совхозных дорог, показали, что в действительности это мощные культурные слои (до 4—5 м и более), глина которых содержит сверху донизу остатки пахсы и сырца, фрагменты керамики, кости, зольники и т. п.

В составе керамики, извлеченной из этих разрезов, а также собранной на склонах цитадели,— тонкостенные и толстостенные красноангобированные фрагменты очень плотного черепка, некоторые с лощением, среди характерных форм — бокалы на полых конических ножках. Весь керамический комплекс типичен для согдийской античности: хорошо представлен, например, в слоях Афрасиаба первых веков до и после начала нашей эры.

Таким образом, Курган-Тепе — это крупный город античного времени. Лишь местами здесь встречаются черепки VI—VIII и XV—XVI вв.

Интенсивное освоение Иштиханского района, как и всего Миankаля, относится к раннему средневековью (VI—VII вв.). По-видимому, связано это было с изменением социальной структуры, распадом страны на множество феодальных владений, когда происходит сосредоточение жизни в сельских районах, при замках крупных и мелких владетелей-дихкан. До половины обследованных нами памятников возникло именно в этот период, причем значительная часть их к VIII в. прекратила свое существование, вероятно, вследствие арабского завоевания и изменения политической системы при централизованной власти халифата. В большинстве это так называемые «тепе с площадкой»: очень высокий бугор былого кешка со шлейфом примыкающего к нему компактно заостренного поса-

да. В тех случаях, когда тепе не занято кладбищем, шлейф снесен под распашку и в обрезе видно, что кешк покоится на высокой (до 4—5 м) насыпной глинобитной платформе, которая пока и спасает его от разрушения. Строительный материал в обрезах — блочная пахса и крупный прямоугольный сырец. Керамика безглазурная, характерная для Самаркандского Согда VI—VIII вв.

Приведем в качестве примера два крупных памятника этой группы. **Ак-Тепе** у одноименного селения в колхозе им. Ленина сильно повреждено, особенно с южной и западной стороны, где берут глину. Основное тепе продолговатое в плане (внизу 84×62 м, вверху 66×40 м при высоте до 10 м). Вокруг него — остатки поселения, простирающиеся в северном направлении до 90 м. По рассказам жителей, к северу от Ак-Тепе некогда располагалось озеро; следы его с каменистым дном видны и сейчас, откуда в направлении к городищу поступала вода. А наверху главного тепе был колодец — контуры его видны в обрезе. Верхние сооружения располагались на высоком глиняном основании, частью естественном, частью насыпном. Строительный материал в обрезах — пахса, но, по словам местной жительницы, вверху здесь расчищались кладки из крупного продолговатого сырцового кирпича. Подъемный керамический материал VI—VIII вв.— преимущественно фрагменты хозяйственной утвари ручной лепки с дресвой в черепке и черным перекалом в изломе и фрагменты станковой светлоангобированной керамики, нередко с потеками черной краски.

Сугат-Тепе (или Овлияли-Тепе) в колхозе Ильича — крупное, подквадратное в плане (внизу около 60×60 м, вверху 40×40 м при высоте 12—15 м); с южной стороны от него частично сохранился шлейф. Ориентировка по странам света. С двух сторон здесь еще недавно брали глину на выжиг кирпича. Хорошо видно, что при возведении строений использовали высокий лёссовый останец; на одном участке его на высоте 2 м от современной подошвы залегает полутораметровая по ширине линза галечника, очевидно, ложе древнего протока. Над естественными же лёссовыми отложениями видны массивы пахсы и кое-где сырцовых кладок, спрессовавшихся в монолит (размер сырца 38×23×(10—11) см). Керамика из обрезов и из сборов безглазурная, с характерными для VI—VII вв. формами фигурно профилированных закраин, обычно светлоангобированная, иногда с красно-бурыми потеками краски. Найден кусок жженого кирпича-маломерка (?×15×2 см), половина каменного ручного жернова (диаметр 35 см при толщине 5—6 см).

Археологических памятников периода мусульманского средневековья зарегистрировано около 20. Датируются они в основном IX—XII вв., после чего жизнь на большинстве из них обрывается, несомненно, в связи с событиями монгольского нашествия в начале XIII в. Число памятников не столь уж значительное, если вспомнить, что арабо-персидскими авторами Иштихан характеризуется как густо заселенная и возделанная область. Кажущееся противоречие археологических и исторических данных мы объясняем тем, что, в отличие от системы раннесредневековых сельских поселений, в IX—XII вв. они имели не компактный, а в основном рассредоточенный характер, в виде ли усадеб с прилежащим земельным участком или же домов бедняков-испольщиков, возделывающих земли феодалов. Те и другие, придя в упадок, не могли бы оставить значительного культурного слоя и потому ушли под распашку колхозных полей, где повсеместно попадаются фрагменты глазурованной и безглазурной керамики этого периода. Сохранились в основном археологические остатки городов или крупных селений, развивающихся на месте былого доарабского кешка либо примыкавшего к нему посада и накопивших за время длительного сосуществования значительные культурные слои.

В письменных источниках в области Иштихана упоминается девять пунктов (не уточнено — городов или значительных селений), а именно: сам Иштихан, Сагардж, Бинкет, Гуредж, Завар, Заз, Наукедек, Растагфер, Хайдештер [1, с. 174—181]; но лишь о двух первых известно, что Иштихан располагался в семи фарсахах от Самарканда, а Сагардж — в пяти

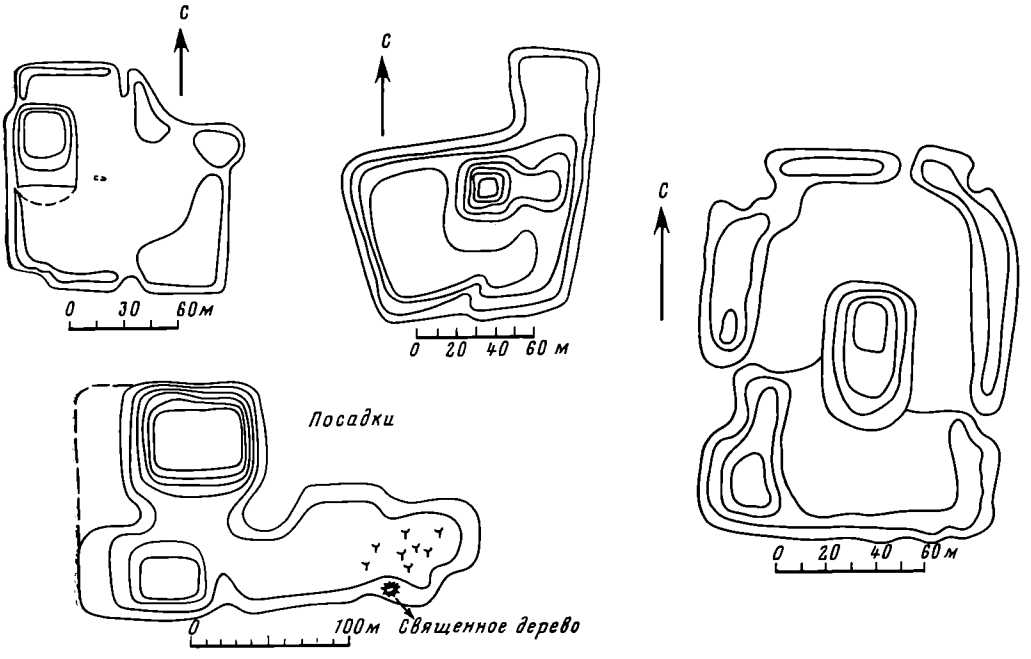


Рис. 1. Планы средневековых городищ Иштиханской области: *а* — Рабат-Тепе; *б* — Мазарат-Тепе; *в* — Чамбил-Тепе; *г* — Аул-Тепе

(очевидно, близ одноименной горной гряды) [1, с. 146, 147]. Что же касается остальных, какие-либо уточнения в отношении их положения или расстояний отсутствуют, что затрудняет возможность их отождествления с выявленными нашей экспедицией средневековыми археологическими пунктами городского типа. В числе их следующие.

Рабат-Тепе у кишлака Мехнат-Рахат (рис. 1, *а*). Подквадратное в плане (125×120), обведено обвалованными стенами с двумя въездами, со шлейфами с северной и южной сторон. У восточного фаса возвышающееся тепе со шлейфом (вверху 22×22 м, внизу 60×30 м, в высоту до 10 м), с крутыми скосами и отлогим спуском в южном направлении. Тепе сильно задерновано, фрагменты керамики в основном безглазурные и единичные глазурованные.

Мазарат-Тепе (рис. 1, *б*) у кишлака Хазарбаба — крупное городище, частично уже срытое в северо-западной и северо-восточной части и в большей части занятое могилами старого кладбища. Размеры 230×130 м. В северном отделе — высокое, плоское поверху прямоугольное тепе (50×35 м вверху, 80×60 м у подошвы, высота до 10 м). В юго-западной части возвышаются до 4 м от подошвы остатки какого-то прямоугольного здания (45×35 м). Подъемного материала среди сплошных зарослей колючки нет, но в северо-западном отделе, срытом бульдозером, виден культурный слой до 2,5 м, с большим числом керамических фрагментов и ржавыми пятнами органических остатков. На одном из участков нами извлечены куски грубых лепных горшков, покрытых красноватым ангобом, а также кувшинов, изготовленных на круге, на одном — потеки красно-бурой краски. Лишь в верхнем горизонте попадаются черепки глазурованной керамики X—XI и XV—XVI вв. Мазарт-Тепе слагался в VI—VII вв. у подножия мощного доарабского кешка и существовал с перерывами в последующие века.

Чамбил-Тепе (рис. 1, *в*) у кишлака Чамбил — прямоугольное в плане (180×120 м), ориентированное по странам света, охвачено оплывшими стенами, примерно в центре высится цитадель (60×30 м; высота 8 м). Многочисленны фрагменты глазурованной и безглазурной керамики X—XII вв., которые попадаются и за пределами стен. В юго-западном отделе — могилы позднего кладбища.

Аул-Тепе (рис. 1, *г*) у кишлака Ахман-аул — раннесредневековое селение с возвышенным кешком (65×45 м при высоте до 8 м) и трапе-

циевидным посадом, охваченным стенами; в обрезе у основания его зачищены сырцовые кирпичи (39×27×10 см). Со временем с северо-востока появляется дополнительный прямоугольный отдел (45×30 м). Подъемная керамика безглазурная, но этот раннесредневековый в своей основе пункт, видимо, существовал и в послеарабское время.

Вопрос о местонахождении средневекового Иштихана был поставлен нашей экспедицией еще в 60-х годах, при первых рекогносцировках Миankаля. Обследование Иштихан-Тепе в современном райцентре тогда поставило под сомнение его отождествление с главным городом средневековой области, поскольку этому, казалось бы, не отвечало его расстояние от Самарканда. Нынешний Иштихан лежит в 60 км от Самарканда, согласно же письменным источникам, Иштихан находился от него в семи фарсахах. Если принять вслед за В. В. Бартольдом 1 фарсах = 3 мили [1, с. 128] или 6 км [4, с. 47; 5, с. 34], получится всего 42 км.

Между тем средневековый фарсах отнюдь не имел единого стандарта, но варьировал в разных историко-культурных областях. Для интересующего нас региона фарсах определяется достаточно точно благодаря следующим данным. Согласно арабским дорожникам, главный путь из Самарканда на Бухару, который Ибн-Хаукаль называет «Большой Хорасанской дорогой» [6, с. 19], шел не через Миankаль, но по южную сторону Карадарьи. Первой крупной станцией здесь был Зерман, в семи фарсахах от Самарканда, и далее в пяти или, по другим данным, в шести фарсахах — Арбинджан, т. е. общий отрезок от Самарканда до Арбинджана равнялся 12 или 13 фарсахам. Местоположение же Арбинджана (городище Рабинджан) установлено абсолютно точно [7, с. 157, сл.], а до него по прямой (хотя путь, конечно, и не был идеально прямым) — около 100 км. Таким образом, местный фарсах был равен примерно 8 км, и, следовательно, средневековый Иштихан располагался в отрезке 50—60 км от Самарканда. В этом интервале лежит лишь два значительных городища — Иштихан-Тепе и Арк-Тепе (или Шагим-Тепе) на границе Иштиханского и Пайарыкского районов. Последнее было обследовано еще в 1962 г. Б. А. Тургуновым [3], который, исходя из более крупных по сравнению с Иштихан-Тепе размеров городища, наличия цитадели, шахристана и простирающегося за его стенами рабада, считал возможным отождествлять со средневековым Иштиханом именно Арк-Тепе. Однако Арк-Тепе находится не на Миankале, а севернее Акдарьи.

В полевом сезоне 1979 г. мы сочли нужным внимательно обследовать Иштихан-Тепе, так как современная застройка и прокладка дорог все более наступают на городище, основное же тепе отведено под городское кладбище, обведенное глухой оградой, которое все больше заполняют новые могилы.

Основная часть Иштихан-Тепе представляет археологический тип «тепе с площадкой» (рис. 2). Возвышенная южная часть высотой до 10 м имеет крутые скаты, но в микрорельефе не видно ограждающих стен, которые позволили бы считать ее цитаделью. Прилежащая «площадка» имеет засваленный контур. В начале 60-х годов еще существовала внешняя северо-западная стена шахристана длиной до 85 м и ее юго-западный поворот; ныне здесь все застроено. Подъемный материал на городище от VI—VII до XII в.— керамика, жженые квадратные кирпичи, фрагменты средневекового стекла, средневековые монеты.

Для выяснения стратиграфии средневекового города нами было заложено два стратиграфических шурфа: один в шахристане на северном склоне в обрезе, образованном при прокладке дороги к нефтебазе (шурф Иш. С), а другой — вне шахристана, в 250 км к югу от главного тепе, где вырыт котлован под современное здание (шурф Иш. Ю).

В шурфе Иш. С (рис. 3) под дерновым слоем следует на 1,5 м рыхловатый завал глины, включающий средневековый материал: куски жженых кирпичей, фрагменты стекла и изобилие безглазурной и глазурованной керамики, представляющей провинциальные варианты афрасиабской керамики X—XI вв. [8] — зеленая, трехцветная, пятнистая, белофонная с росписью черного, красного, фисташкового цветов, чернофонная с рос-

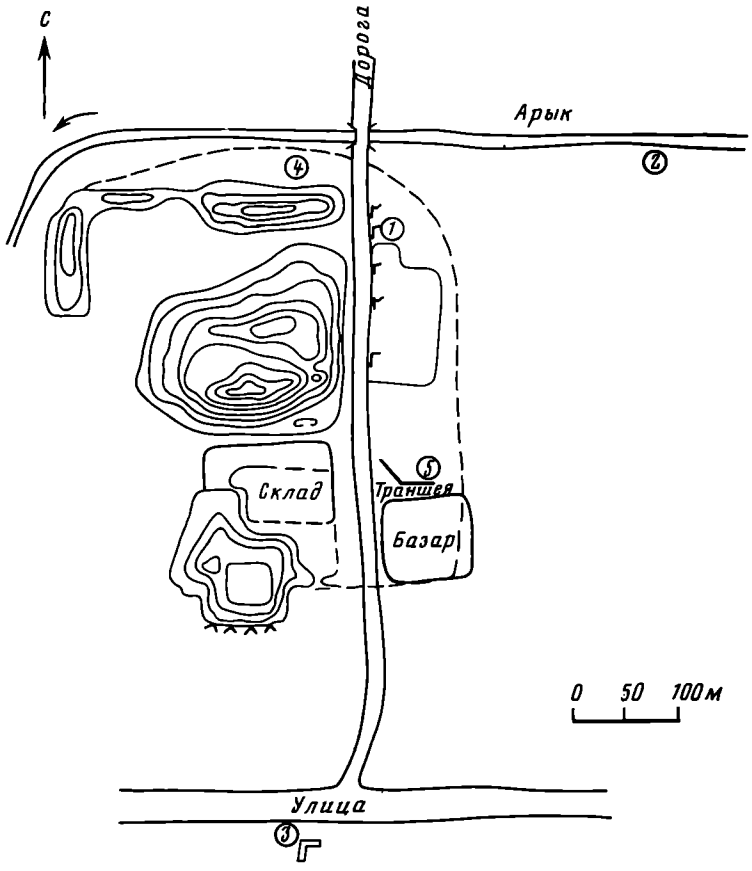


Рис. 2. Иштихан-Тепе. План: *1* — могилы IX—X вв.; *2* — оссуарный могильник; *3* — шурф Иш. Ю; *4* — шурф Иш. С; *5* — шурф с кирпичным полом

писью белым, краснофонная с росписью белым и черным. На глубине 2 м оказался уровень пола и пахсовая стенка, сохранившаяся в высоту до 80 см. Ниже пола следовал плотный слой глины с фрагментами глазурованной керамики IX в. (а может быть, еще и VIII в., судя по единичным черепкам с пшкорной поливой и расплывшимся зеленоватым орнаментом), но преимущественно безглазурной. Далее — материк.

В шурфе (скорее даже стратиграфическом разрезе по всей длине котлована) Иш. Ю на глубине 70 см от дневной поверхности обнаружены остатки здания с пахсовыми стенами и отмосткой пола в два-три ряда жженого кирпича, под который подведена галечная забутовка. Кирпич прямоугольный, в большинстве тонкоплиточный, размеры его 30××15×2,8—3,5 см, есть также 34×17×5 см и очень крупный экземпляр 49×49×6 см (сочетание подобных крупноразмерных кирпичей и тонкоплиточных, но квадратных известно в мавзолее Саманидов). Здание подстилает плотный забутовочный слой глины с включением фрагментов керамики и кусков кирпичей. В северном участке под пол уходит круглый спуск (диаметр 30 см), обложенный половинками кирпичей-маломерков, под которым оказалась мусорная яма глубиной до 80 см. Таким образом, дом с кирпичным полом возводился на каком-то ранее обжитом участке. Позднее над руинами этого дома, когда над его полом накопился слой надувной и комковатой глины, была возведена какая-то новая постройка из сырца (38×?×8 см). Потом разрушается и она.

Шурф дал комплекс керамики археологически восстанавливаемых форм, в основном X в. Состав ее под и над кирпичным полом типологически близок — очевидно, горизонты до и после строительства дома отделены интервалом в несколько десятилетий, причем оба восходят к саманидской эпохе.

В недавно созданном Иштиханском колхозном музее мы ознакомились с археологическими находками, собранными в разных участках к югу

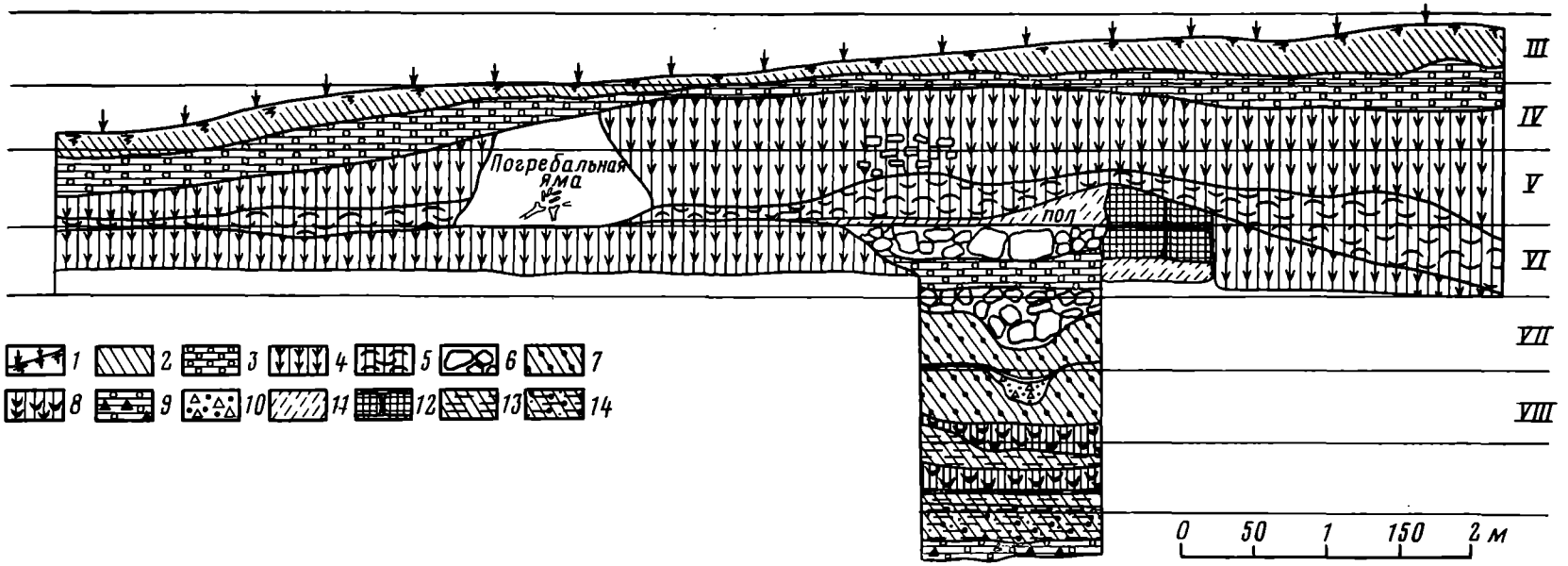


Рис. 3. Иштихан-Тепе. Разрез и шурф (Ип. С) в северной части шахристана: *1* — дневная поверхность; *2* — дерновый слой земли с включениями керамики; *3* — плотный слой серой глины с мелким галечником; *4* — слой серой глины с большим количеством керамики X—XI вв.; *5* — рыхлый слой глины с керамикой и костями животных; *6* — сырцовый битый кирпич; *7* — светлый слой комковатой глины, насыщенный фрагментами цветной штукатурки; *8* — рыхлый слой с большим содержанием золы, обуглившихся костей и комковатой глины; *9* — слой, насыщенный галечником и отдельными фрагментами керамики и костей; *11* — плотный слой коричневой глины; *12* — пахса; *13* — плотный глинистый слой коричневого цвета; *14* — плотный слой зеленовато-серого цвета с вкраплениями угольков

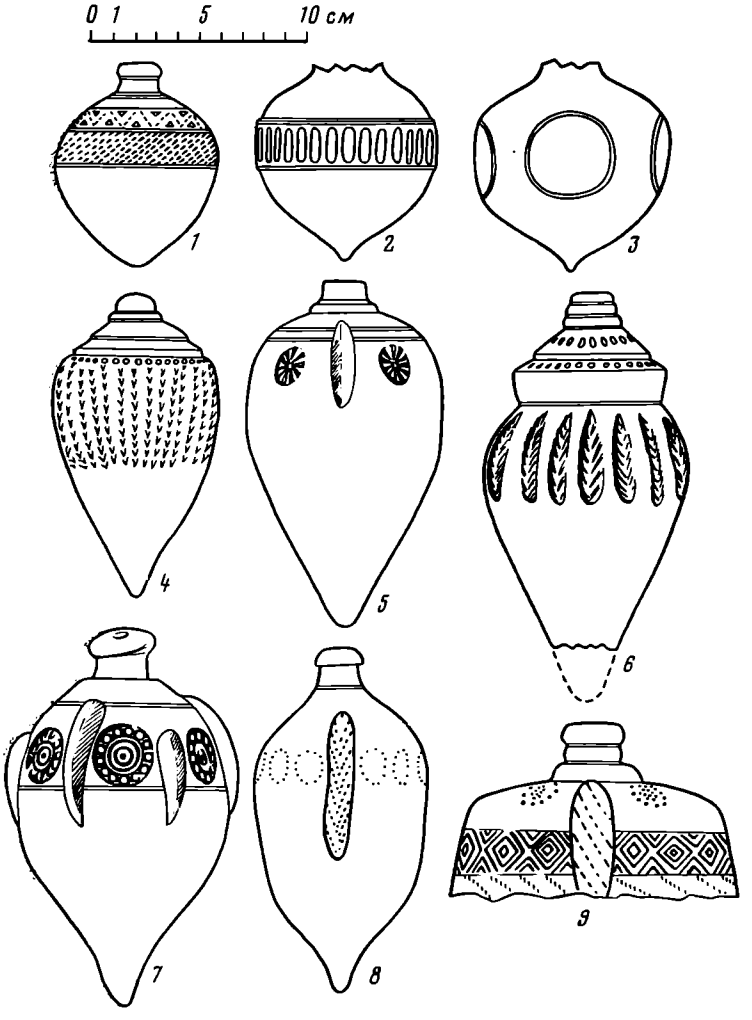


Рис. 4. Средневековые симобкузача из Иштихана

и к востоку (до 1 км) от Иштихан-Тепе, видимо, на месте располагавшихся здесь жилищ и угодий, где при рытье котлованов местами попадаются древние материалы. В основном они относятся к IX—XII вв. Характерны найденные в одном месте сероглиняные «ртутные сосуды» — симобкузача (рис. 4), варьирующие своими формами и орнаментацией; фрагменты глазурованной керамики (роспись по белому черно-коричневой и красной, фисташково-зеленой и черной, трехцветная-пятнистая). Имеются безглазурные кувшинчики XII в. с нанесенной штампом орнаментацией (рис. 5). В разных местах в Иштихане собраны тонкоплиточные жженые кирпичи с оттиснутыми матрицей круговыми орнаментальными мотивами (рис. 6), известные также по находкам в Рабинджане, Калаи-Дабус, Курган-Тепе [9]. Среди новых нумизматических находок из Иштихана несколько медных монет чекана Саманидов, одна — начала XI в., одна — Улугбека XV в. и поздний чекан XIX в. (определены Э. В. Ртвеладзе). К этому следует добавить зарегистрированную нами ранее находку серебряной монеты бухархудатского типа VII—VIII в.

Таким образом, возникновение Иштихан-Тепе восходит еще к VI—VII вв., его разрастание и преобразование в город падает на время Саманидов, функционирует он вплоть до монгольского завоевания, после чего приходит в запустение. Фрагменты керамики XV в. и последующих веков единичны и встречены пока лишь на главном холме городища — может быть, они появились, когда тепе уже служило кладбищем.

Особое внимание было уделено экспедицией раскопкам оссуарных захоронений к востоку от городища. Здесь в обрезе арыка Хазара (или Хазире) школьниками были обнаружены и извлечены куски орнаменти-

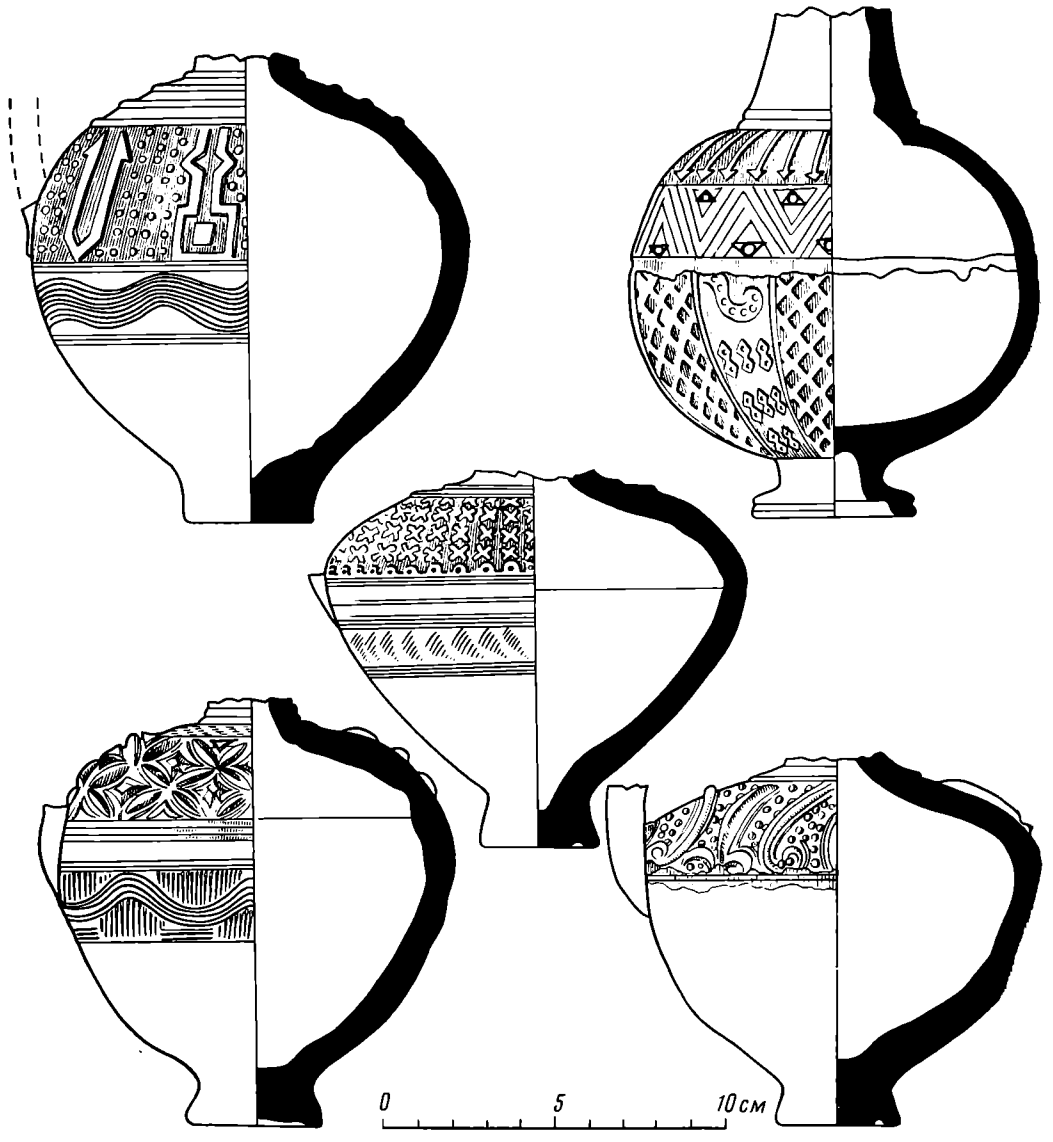


Рис. 5. Кувшины с тисненым орнаментом из Иштихана

рованных стенок оссуария. При осмотре места находки оказалось, что они обнажились при новом оползании берегов в том же участке, что и оссуарные фрагменты 1970 г. [10].

Раскопки, произведенные в данном участке, а также в 4 м западнее его, где мы отметили торчащую кость, выявили два коллективных костных захоронения (Иш. М-1 и Иш. М-2). Выяснено, что захоронения осуществлялись в ямах правильной конфигурации (из-за обреза канала они сохранились лишь частично). По всем данным, это были фамильные погребения, куда на протяжении нескольких поколений помещали костные останки членов единой семьи. Лишь некоторые останки (видимо, каких-то высокочтимых представителей фамилии) были уложены в оссуарии, прочие же являют собой нагромождение костей и черепов. Число черепов из Иш. М-1 достигает 54, на объекте же Иш. М-2 — лишь 5. Черепа из Иш. М-1 образуют три наслаивающихся ряда, а прочие кости (в основном крупные — лучевые и берцовые, а также фрагменты мелких) лежали вперемежку с глиной. Некоторые из черепов были положены на фрагмент толстостенного сосуда или перекрыты им, благодаря чему нами получен комплекс археологически восстанавливаемых керамических форм, характерных для VI—VII вв. Черепа — мужские, женские, детские.

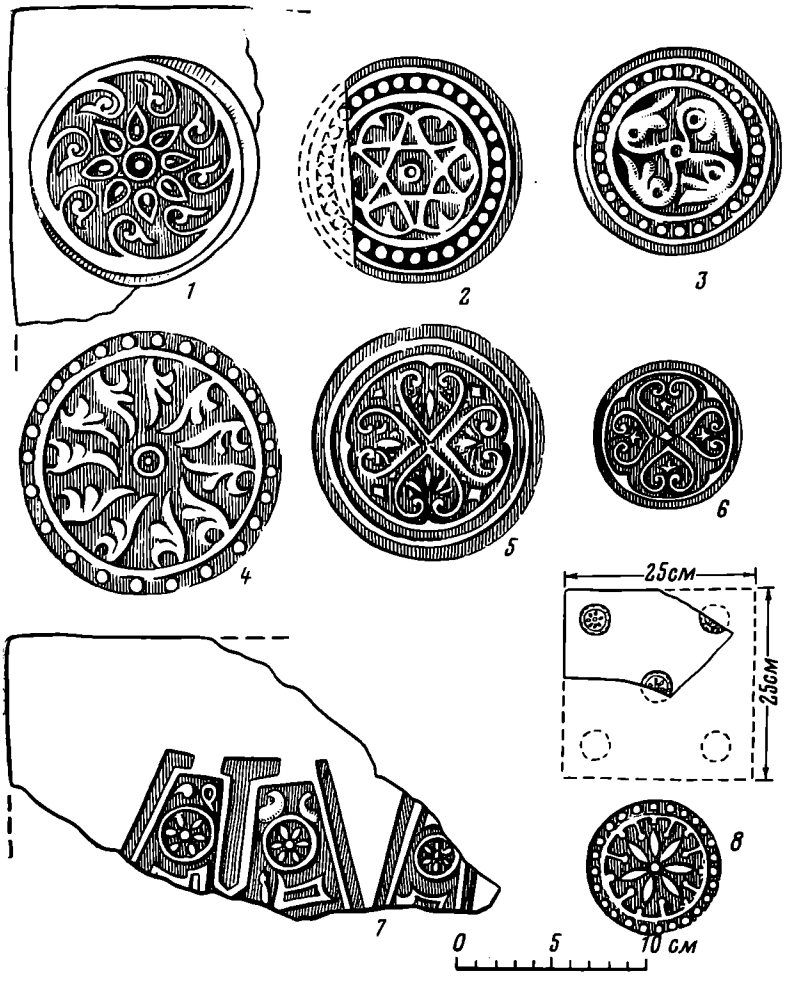


Рис. 6. Штампы на жженых кирпичах из Иштихана

Поскольку почти не вызывает сомнений принадлежность обоих погребальных комплексов нескольким генерациям единых семей, черепа эти в антропологическом отношении представляют особый интерес (все они переданы на обработку антропологу Т. Ходжаеву).

Оссуарии — в основном в виде множества фрагментов, и лишь на объекте Иш. М-2 оказался один почти целый оссуарий (утрачена лишь его верхняя часть), в котором был неполный череп, несколько костей и глина. В лабораторных условиях реставратору В. А. Луневу удалось восстановить основную форму или отдельные стенки других оссуариев. Форма их прямоугольная, днище плоское, крышки, судя по треугольным плоским фрагментам с орнаментацией, были четырехскатными.

Все стенки орнаментированы оттиском с матриц. Основной изобразительный мотив — аркада, основанная на фигурных колонках, и стоящие под арками мужчины и женщины с разнообразными ритуальными атрибутами в руках (плошка с огнем, жезл, ступка с пестиком, венец, растение и др.) (рис. 7). На некоторых оссуариях повторяются одни и те же персонажи, но на оссуарии из Иш. М-2 все 10 — разные), Один из вариантов почти идентичен известным бия-найманским оссуариям [11; 12, с. 61 сл., рис. 56—61], но прочие отличны, хотя состав персонажей и атрибутов с ними близок. Есть также оссуарий с орнаментально-символическим мотивом растения о трех стеблях, завершенных пятилепестковыми цветочками и завитком-волной.

Что касается техники исполнения, то надо заметить, что В. Н. Кастальский заблуждался, полагая, что рельефы на бия-найманских оссуариях отдавливались формами на длинной глиняной «ленте», которой затем

Рис. 7. Фрагменты иштиханского оссуария

придавалась перегибами четырехугольная форма [11, с. 8]. В действительности оттиски осуществлялись на каждой стенке по отдельности и затем соединялись, заглаживаясь на углах: следы стыковки ясно видны с внутренней стороны. Края оссуариев завершались зубчатым парапетом, зубцы которого то вырезные, то рельефно оттиснутые.

Детальный анализ иштиханских оссуариев будет предметом особой публикации. Здесь хотелось бы лишь отметить, что они, так же как и бия-найманские и как оссуарий, недавно поступивший в Самаркандский музей из Аккурганского района, радикально отличаются своим изобразительным комплексом от пластических мотивов на оссуариях из Самарканда, что выделяет их в особый по отношению к столице Согда художественный круг. Области по Акдарье входили в состав основных земель древнего Согда, причем характерно, что еще в прошлом веке местное население именовало земли севернее Акдарьи Сугуди-Калян (Большой Согд), а по Миankалю — Ним-Сугуд (полу-Согд).

Ко времени утверждения ислама население Иштихан-Тепе еще продолжало некоторое время хоронить своих усопших близ домусульманского некрополя, но уже по мусульманскому обряду. В 1970 г. восточней главного тепе, у современной дороги, нашей экспедицией были обнаружены и затем вскрывались захоронения ящичного типа, обложенные жженым кирпичом, с трупоположением на спине и обращенной на Мекку головой. Датировку их определяет характерный для саманидского времени формат тонкоплиточного кирпича, а также саманидская монета IX в.

Таким образом, Иштихан-Тепе в свете новых археологических наблюдений предстает как значительный для Миankаля средневековый город, один из тех, что упомянуты восточными авторами X—XIII вв. в области Иштихан, и скорее всего — сам одноименный главный город этой области, надолго сохранивший свое древнее название.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. I. М., 1963.
2. *Пугаченкова Г. А.* К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года.— Обществ. науки в Узбекистане, 1963, № 4.
3. *Тургунов Б. А.* О местоположении средневекового города Иштихана.— Обществ. науки в Узбекистане, 1963, № 11.
4. *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в.— Сочинения. Т. III. М., 1965.
5. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг.— Сочинения. Т. IV. М., 1966.
6. *Бетгер Е. К.* Извлечение из книги «Пути и страны» Абул-Касыма ибн Хаукаля.— Тр. САГУ, 1957, вып. 81.
7. *Якубовский А. Ю.* Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину 1934 года.— Гос. Эрмитаж. Тр. Отдела Востока. Т. II, Л., 1940.
8. *Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент: Фан, 1979.
9. *Пугаченкова Г. А.* К датировке кирпичей с орнаментальными штампами из Миан-каля.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1974.
10. *Пугаченкова Г. А.* Иштиханский оссуарий — новый памятник согдийского искусства.— Обществ. науки в Узбекистане, 1975, № 3.
11. *Кастальский Б. Н.* Бия-найманские оссуарии.— Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, год 13 (приложение). Ташкент, 1909.
12. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит. УзССР, 1960.

G. A. Pugachenkova

ISHTIKHAN ANTIQUITIES

Summary

The survey of the Ishtikhan area, mentioned in mediaeval sources, which had been previously ignored revealed 85 archaeological monuments — tepes. Two of them — Alpamysh-tepe and Kurgan-tepe — date to the first centuries A.D. The latter was a large antique city of a regular form with a citadel surrounded by walls. Most Ishtikhan tepes are dated to the 6th-8th centuries A.D. and represent settlements around feudal castles though 9th-12th-century urban remains were also found. Ishtikhan-tepe was studied more extensively. It yielded archaeological materials of the 6th-12th centuries such as ceramics, burnt bricks with stamped decorations, coins and a 6th-8th-century complex of ossuaries embellished with reliefs showing arcades on figured columns and men and women carrying diverse objects under them.

Заметки

ЖУРАВЛЕВ А. П.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПЕГРЕМА IX
(Онежское озеро)

Поселение Пегрема IX расположено на западном берегу Уницкой губы Онежского озера, севернее одноименного поселка, на песчаной террасе, приподнятой над уровнем Онежского озера на 11—12 м, в сосновом бору. Оно удалено от воды на 120 м. Ниже на высоте 3,5—5 м находится неолитическое поселение с чистым комплексом кругло-ямочной керамики — Пегрема V. Севернее последнего, на гипсометрических отметках 9—11 м располагаются стоянки Пегрема II и Пегрема III.

С запада к поселению Пегрема IX примыкают поля, за ними — сенокосные угодья, заросшие мелким сосняком, еще дальше распространяется сухое длинное болото, где во время существования стоянки был залив Онежского озера. С юга, в непосредственной близости от поселения, с запада на восток проходит высокий каменистый кряж, поросший хвойным лесом и кустарником. Во время бытования поселения он образовывал удобную бухту, защищенную от сильных ветров.

Площадь, занимаемая поселением, составляет около 3000 м². Располагаясь вдоль бровки древнего берега, оно тянется с севера на юг на 150 м при ширине 20—26 м. Через центр его проходят две дороги, изрядно разрушившие в ряде мест культурный слой. На дневной поверхности четко фиксируется несколько овальных впадин, расположенных вдоль бровки древнего берега Онежского озера.

Стоянка исследовалась автором в 1975 и 1978 гг. Общая площадь раскопов составила 166 м². Сверху вниз обозначилась следующая колонка напластований: а) дерн и тонкая прослойка серого подзола (3—5 см); б) мелкозернистый песок с красноватым, местами коричневатым оттенками (до 40 см), в нем линзы темного и охристого песка (культурный слой); желтый среднезернистый песок — подстилающий (рис. 1).

В пределах раскопа исследованы: мастерская по изготовлению каменных орудий, очаги, хозяйственные ямы. Вещевой комплекс представлен многочисленными изделиями из кварца, сланца, отходами производства (осколками и отщепами) и керамикой.

Остатки мастерской выявлены в центральной части поселения в виде овальной западины, заполненной культурным слоем (глубина — до 50 см) с более интенсивной окраской. Здесь найдены осколки и отщепы кварца, заготовки орудий и их обломки, прослежено несколько ямок конусообразной формы и хозяйственные ямы. Одна размерами 1×0,8×0,21 м с двумя валунами на дне заполнена темным песком. Другая размерами 1,2×0,9×0,5 м была заполнена песком пепельного цвета, содержащим осколки и отщепы кварца и сланца. Третья яма (0,8×0,8×0,4 м) заполнена темногумусированным песком с осколками сланца и кварца.

В пределах раскопа выявлены еще две ямы с аналогичным заполнением, а также кострища. Кострище 1 состоит из обожженных камней, расположенных в виде круга диаметром 1,2 м. Часть его разрушена дорогой. В кострище найдены две заготовки сланцевых рубящих орудий. Кострище 2 состоит из камней, подвергнутых сильному обжигу. Мощность зольно-углистой прослойки здесь 0,4 м. Вокруг кострища найдены осколки

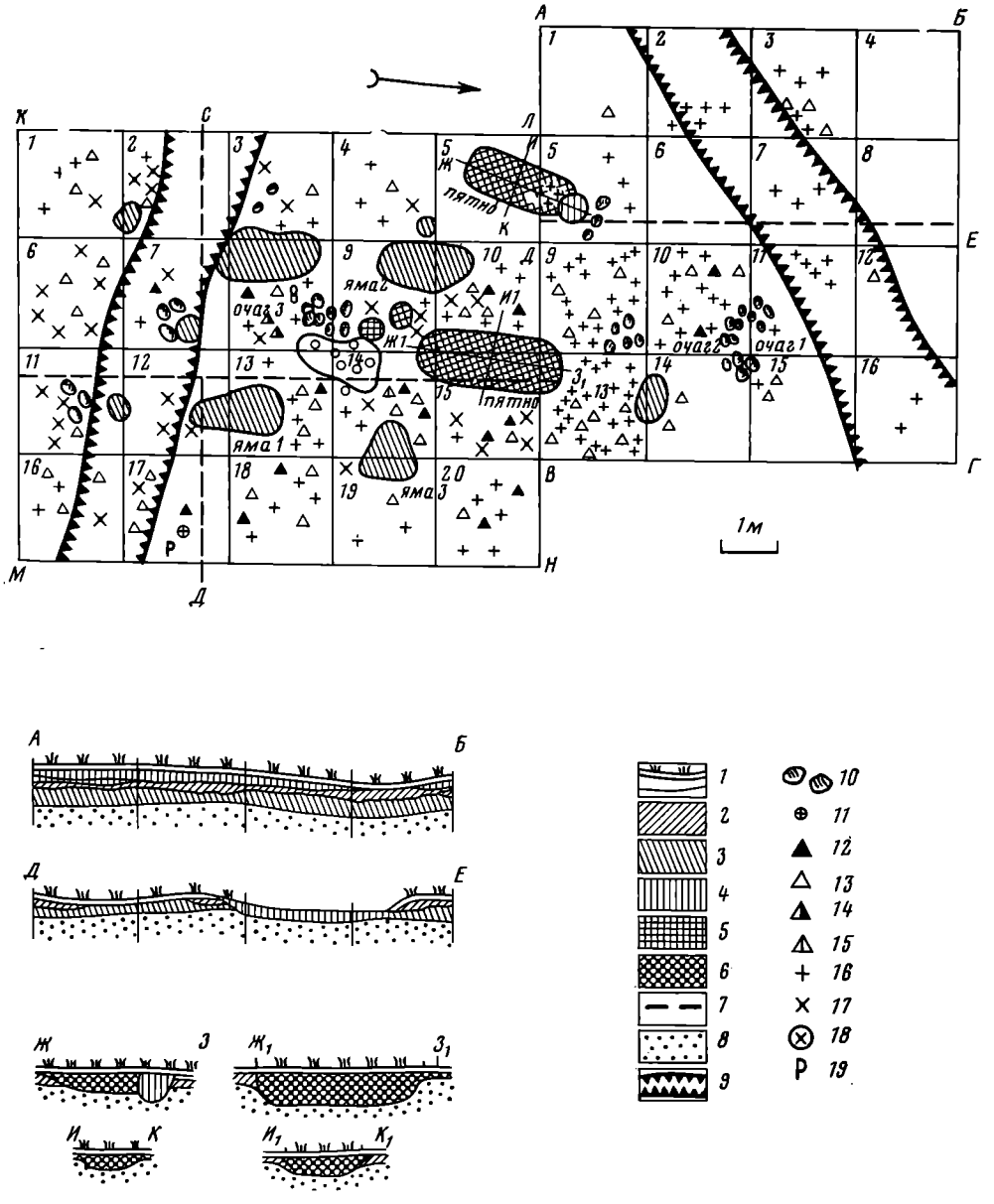


Рис. 1. План раскопа на поселении Пегрема IX. *1* — дерн, *2* — серый подзол; *3* — желтый песок с красным оттенком; *4* — темный песок; *5* — кострища; *6* — охристый песок; *7* — углистые линзы; *8* — подстилающий песок; *9* — дороги; *10* — камни; *11* — керамика; *12* — орудия из сланца; *13* — орудия из кварца; *14* — орудия из кремня; *15* — орудия из кварцита; *16* — отщепы и осколки сланца; *17* — отщепы и осколки кварца; *18* — осколки кремня; *19* — кусочки роговика

и отщепы сланца и кварца. Кострище 3 размерами 1×0,8×0,7 м также состоит из обожженных камней. В центре сохранилась слабая зольно-углистая прослойка. С севера располагалась хозяйственная яма глубиной 0,8 м, заполненная темным песком. На дне ямы обнаружены уголь и керамика сперрингс. Другая яма размерами 0,95×1,5×0,25 м состояла из темного песка. Находки в ней отсутствовали. У западной стенки ямы выявлена полуразрушенная каменная кладка из 14 камней.

К северо-западу от мастерской обнаружены две охристые линзы. Одна из них (1,5×0,9×0,3 м) ориентирована по направлению СЗ—ЮВ. В основании линзы найдены отщепы и осколки кварца и обломок полированной сланцевой кирки (рис. 2). С севера находилась ямка диаметром 0,6 м и глубиной 0,4 м, заполненная темным песком без находок. Тут же лежали в ряд по направлению В—З три валуна. Другое охристое пятно (1,8×1,1×0,3 м) также ориентировано с ЮВ на СЗ. Оно располагалось в 0,5 м к востоку от первого и содержало осколок кварца и обломок

сланцевого орудия. С юга к этому пятну примыкала ямка диаметром 0,4 м и глубиной 0,3 м, заполненная красной охрой.

Можно думать, что охристые линзы связаны с захоронением на стоянке. В пользу этого свидетельствуют: а) большой размер и подчетырехугольная форма, б) ориентация с северо-запада на юго-восток, в) значительная толщина линз и наличие в них обломков орудий и отходов производства, г) наличие ритуальных ямок, заполненных темным песком или охрой.

Отсутствию костяков находится вполне надежное объяснение: в условиях карельских почв происходит достаточно быстрое разложение кости и исследователи при раскопках древних могил довольствуются лишь скромными остатками, которые зачастую только косвенно могут свидетельствовать о погребениях [1, с. 56—78]. Впрочем, аналогичная картина зафиксирована и в других районах [2, 3].

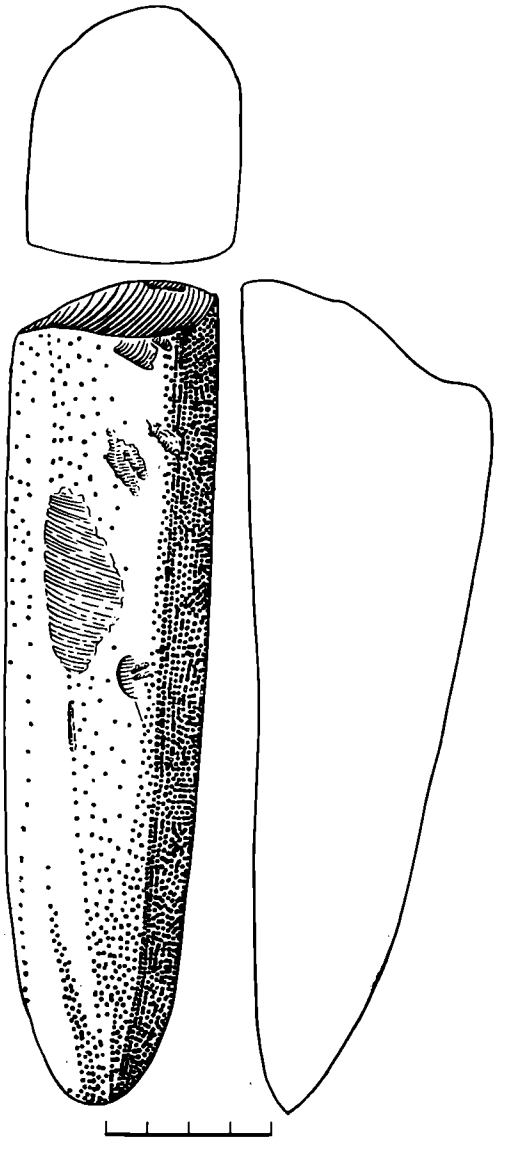


Рис. 2. Сланцевая кирка

Каменный инвентарь памятника представлен изделиями из кварца, сланца, кварцита и многочисленными отходами производства. Всего найдено 635 орудий: 418 кварцевых, 107 из сланца, остальные из кварцита и кремня. Найдены также 1361 осколок и отщеп кварца и 731 — сланца. Кварцевый инвентарь включает в основном пластинчатые отщепы и осколки. Длина пластин от 1,2 до 4,5 см, ширина — 0,5—2,5 см. Треугольные и полуовальные в сечении, они имеют ретушь на боковых гранях и следы залощенности. Материалом служил светлый плотный кварц (рис. 3, *1*—28). Зачастую края их неровные, как бы рваные, имеют трещины и сбитости. Многие можно назвать пластинами лишь условно: они аморфны, края не параллельны, спинки не имеют четкого ограничения. Залощенность краев может свидетельствовать о том, что пластины использовались в качестве ножичков. В качестве заготовок пластины могли служить материалом для изготовления резцов, проколок, ножей.

Кроме пластин найдены срединные и угловые резцы (12 экз.) (рис. 3, *29—32*), короткие, маленькие, конические и призматические нуклеусы 21 экз.; рис. 3, *47*), скребки концевые (рис. 3, *34—36*), скребло (рис. 3, *33*); орудия с желобчатыми лезвиями (рис. 3, *41—44*); орудия с прямыми лезвиями (рис. 3, *49—50*); проколки (рис. 3, *37—40*); отбойники — мелкие и крупные желваки с оббитыми сторонами (рис. 3, *48*).

Характеризуя кварцевый инвентарь поселения, следует обратить внимание на его особенности. Прежде всего бросается в глаза своеобразие некоторых изделий, сближающихся с инвентарем позднемезолитических стоянок Карелии с кварцево-сланцевой индустрией (резцы, пластинки, орудия с желобчатыми лезвиями, концевые скребки, сланцевые стамесочки, сужающиеся к обуху и т. д.) Вместо с тем большинство изделий из

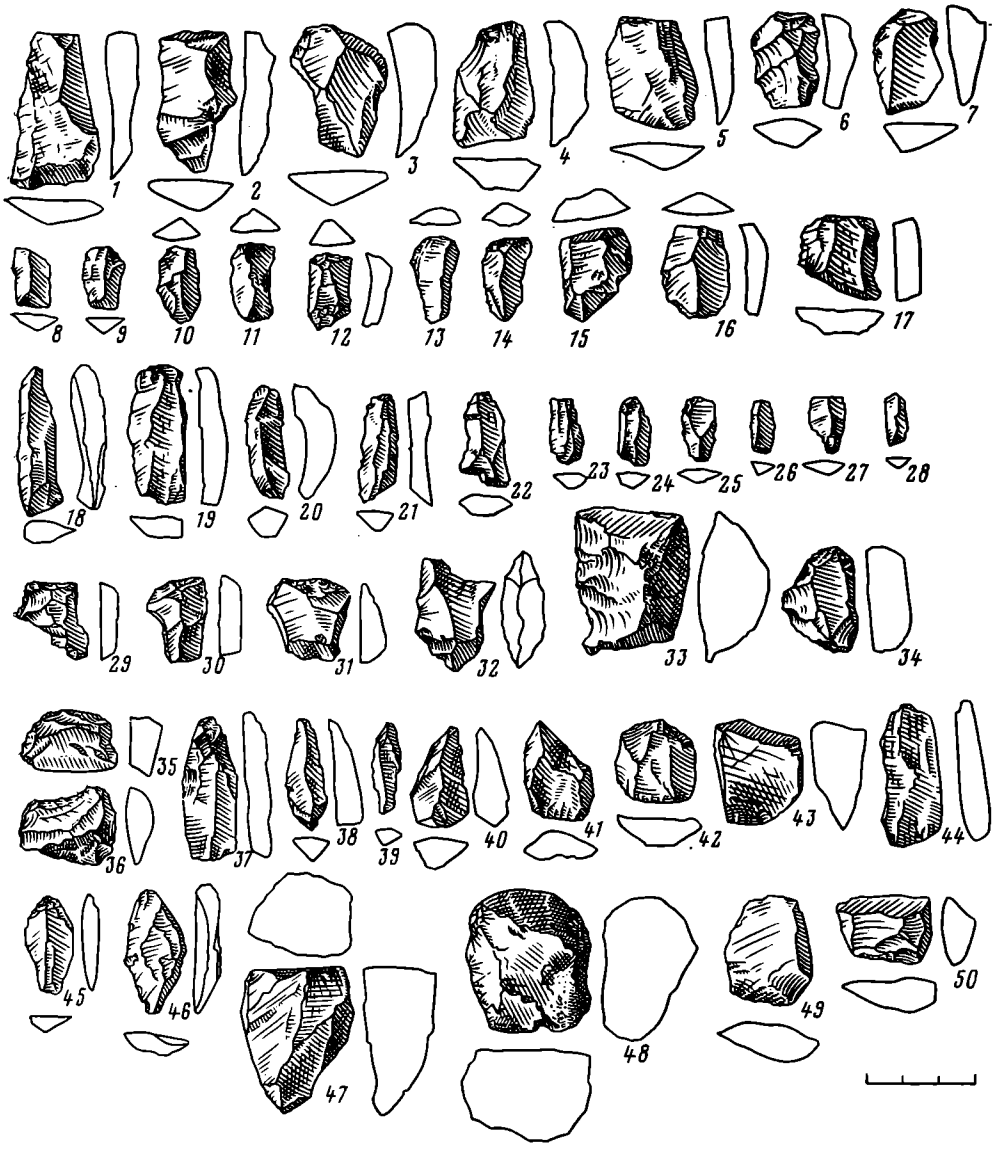


Рис. 3. Кварцевый инвентарь поселения Пегрема IX. *1—28* — пластинки; *29—32* — резцы; *33* — скребло; *34—36* — скребки; *37—40* — проколки; *41—44* — орудия с желобчатыми лезвиями; *45—46* — наконечники стрел; *47* — нуклеус; *48* — отбойник; *49—50* — орудия с прямыми лезвиями

кварца на стоянке Пегрема IX не выразительны, заметна определенная деградация по сравнению с кварцевым инвентарем позднемезолитических стоянок. Объяснить причину упадка кварцевой индустрии на поселении пока трудно.

Среди кварцевых изделий имеется много осколков и отщепов с едва заметными следами работы. На отдельных орудиях следы работы удалось обнаружить лишь под микроскопом. У ряда инструментов края выкрошены в процессе использования. Часть пластин могла применяться в качестве наконечников стрел, хотя четкие типы таковых на стоянке отсутствуют. Для них могли применяться острия с черешком, формы которых не кажутся случайными (подтреугольные в плане, ромбические в сечении, ретушь отсутствует, см. рис. 3, *45*, *46*). Отдельные экземпляры применялись, видимо, в качестве сверл и проколок. Об этом свидетельствует залощенность краев. Значительное количество кварцевых пластинок использовалось в работе вообще без обработки. Этому способствовала структура кварца, дающего острые грани при сколах.

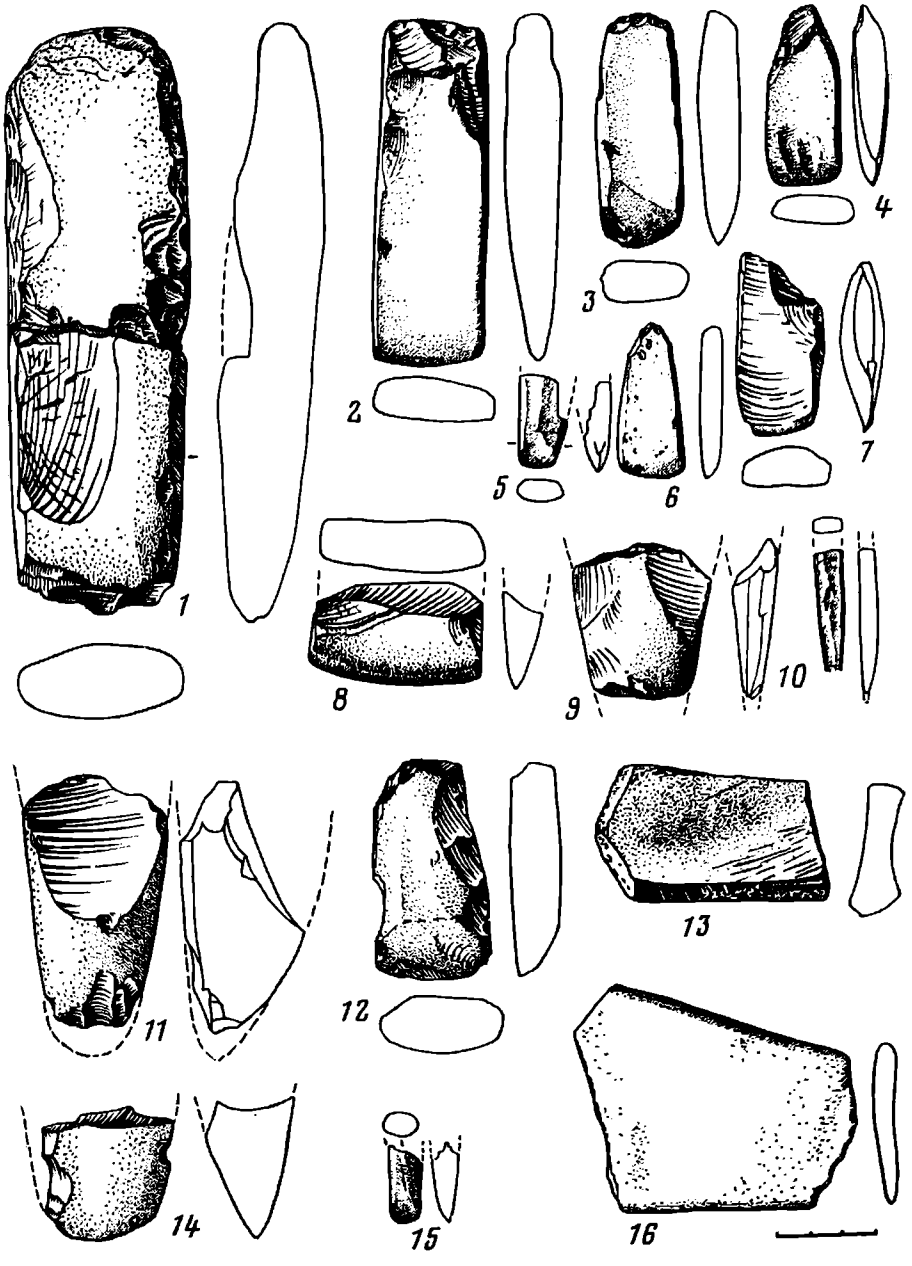


Рис. 4. Сланцевый инвентарь поселения Пегрема IX. *1* — топор; *2* — тесло; *3*, *4*, *6*, *7*, *12* — стамески; *5*, *8*, *9*, *11*, *15* — обломки топоров, тесел, долот; *10* — проколка; *13*—*16* — абразивы

Среди изделий из сланца отметим овальный в сечении топор четырехугольной формы, длиной 17 см, поверхность которого обработана шлифовкой, а лезвие сбито (рис. 4, *1*); прямоугольное в сечении тесло длиной 10,2 см, шириной 3,5 см и толщиной 1,2 см, отшлифованное повсей поверхности (рис. 4, *2*); стамеска на сланцевом отщепе, один край которого подвергнут односторонней заточке (рис. 4, *7*); две стамески, сужающиеся к обуху (рис. 4, *3*, *12*) и две остроубушных стамески с грубообработанной поверхностью (рис. 4, *4*, *6*), на одной из которых слегка намечено желобчатое лезвие (рис. 4, *4*), проколка длиной 4,5 см (рис. 4, *10*), обломки топоров (рис. 4, *8*, *9*, *11*), обломки тесел и долот (рис. 4, *3*, *15*) и абразивные инструменты (рис. 4, *13*, *16*).

Кремневые изделия представлены аморфными обломками и кусочками кремня, на которых в отдельных местах сохранились следы грубой обработки. Встречены два рыболовных грузила из кварцитовых плиток с боковыми выемами для привязывания.

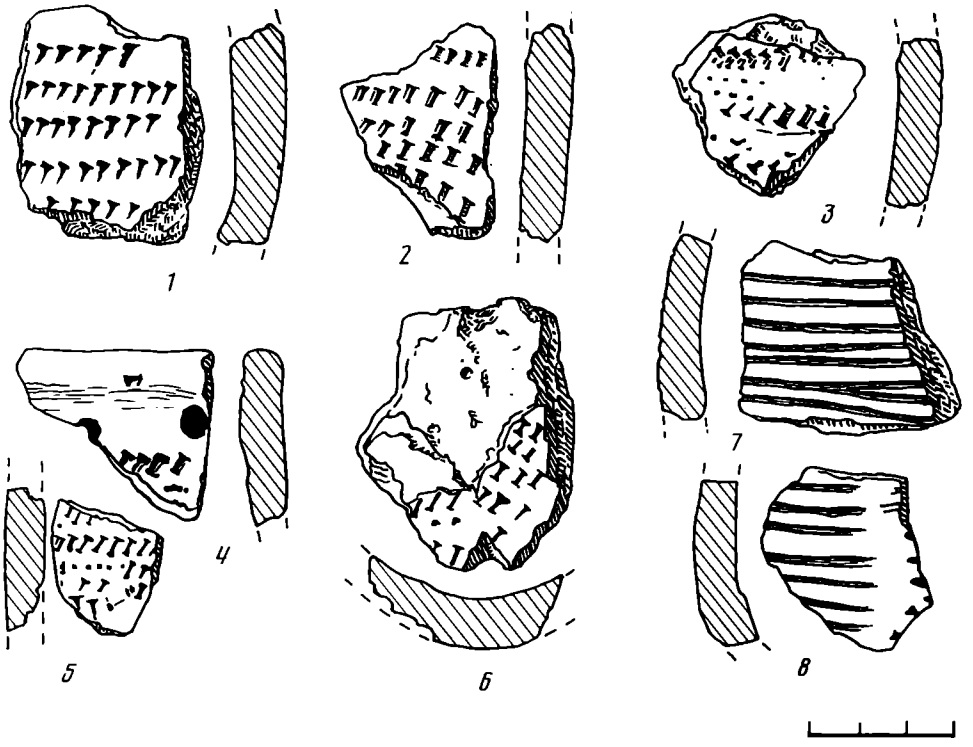


Рис. 5. Керамика сперрингс с поселения Пегрема IX. *1—6* — с позвонковым орнаментом; *7*, *8* — с нарезными горизонтальными линиями

Таким образом, каменный инвентарь поселения Пегрема IX по своему функциональному назначению довольно разнообразен и включает все основные типы орудий: рубящие, режущие, скребущие, колющие, орудия охоты и рыбной ловли и орудия для производства каменных орудий. В целом можно отметить следующее: 1) в инвентаре преобладают кварцевые изделия (пластинки, нуклеусы, отбойники, реже скребки и резцы и большое число отходов производства в виде осколков и отщепов); 2) имеются мелкие сланцевые стамесочки, сужающиеся к обуху, и малое число крупных сланцевых орудий; 3) встречено много абразивных инструментов; 4) используются в основном местные породы камня. Типологически инвентарь тяготеет к ранним формам. Ряд изделий сохраняет мезолитические формы. Но вместе с тем на стоянке найдены орудия типично неолитических форм и технологии обработки (сланцевый топор четырехугольной формы, тесло с вторичной заточкой лезвия и др.), убеждающие в том, что Пегрема IX относится к начальной поре неолита на Севере. Об этом же свидетельствуют и находки керамики, шесть фрагментов из которых орнаментированы позвонковыми оттисками. Они принадлежат остродонному сосуду с диаметром по венчику 34 см (рис. 5, *1—6*). Сосуд светло-коричневого цвета, среднего обжига, с примесью толченого камня к глиняному тесту; венчик прямой, слегка выгнут на внешнюю сторону, неорнаментирован, край его закруглен толщиной 0,9 см, у днища толщина сосуда 1,5 см, в средней части 1,1 см. На сосуде ниже венчика нанесен поясок из ямок, произведенных торцовой частью позвонка. На остальной поверхности, включая и днище, располагаются пояски оттисков в виде римской цифры I, II. Два фрагмента керамики принадлежат сосуду коричневого цвета, среднего обжига с примесью толченого камня к глиняному тесту, орнаментированному горизонтальными нарезными линиями (рис. 5, *7—8*).

Таким образом, рассмотренный выше каменный инвентарь и керамика сперрингс позволяют датировать поселение Пегрема IX ранненеолитическим временем.

Поселения с керамикой сперрингс в основном были распространены на территории Карелии и Финляндии. За пределами указанного ареала

отдельные памятники с такой керамикой встречены в Ленинградской и Архангельской областях [1, 5]. Однако культурные слои с чистыми комплексами керамики сперрингс оставались до сих пор неизученными, и было неясно, откуда шел отсчет времени. Это внесло разнобой в датировку: Р. В. Козырева относит памятники к III тысячелетию до н. э. [5, с. 94], Ю. В. Титов и Г. А. Панкрушев датируют их второй половиной IV тысячелетия до н. э. [6, с. 131; 1, с. 79], финские археологи считают их еще более древними [7].

В этой связи материалы поселения Пегрема IX имеют существенное значение. Типологически некоторые орудия стоянки тяготеют к мезолитическим, однако в целом каменный инвентарь поселения несет переходные формы от мезолита к раннему неолиту. На стоянке найдена также керамика, принадлежность которой к данному археологическому комплексу не вызывает сомнения. Ее малое количество может свидетельствовать в пользу значительной древности памятника, фиксирующего время появления глиняной посуды в рассматриваемом регионе. Радиоуглеродная дата — 6510±90 (ТА — 1161) не противоречит общему выводу о глубоком возрасте стоянки. Об этом же говорят данные палеогеографии и высокое гипсометрическое положение памятника [8].

Корреляция всех сведений позволяет считать стоянку Пегрема IX одной из наиболее ранних поселений неолитической эпохи Европейского Севера. В целом эта датировка не противоречит наметившейся тенденции к удревнению нижней границы неолита центра Русской равнины и Европейского Севера [9, 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. II. Неолит. Л.: Наука, 1978.
2. *Зимина М. П.* О работе северо-западной экспедиции.— АО-1979, М., 1980.
3. *Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Малоокуловский грунтовый могильник Волосовской культуры.— СА, 1980, № 4.
4. *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
5. *Козырева Р. В.* Керамика типа сперрингс на стоянке Ильинский остров Архангельской области.— КСИА, 1975, вып. 141.
6. *Титов Ю. В.* Неолитическая культура сперрингс Карелии и Финляндии.— КСИА, 1972, вып. 126.
7. *Carpelan C.* Bofast-ieke bofast under forshistrorisk tid i Finland. Oslo — Bergen, 1973.
8. *Журавлев А. П., Лийва А. А.* О датировке археологических памятников Пегремы (Карелия).— В кн.: Геохронология четвертичного периода. М.: Наука, 1980.
9. *Завельский Ф. С., Марков Ю. Н., Романова Е. Н., Хотинский Н. А.* Определение возраста нижней границы неолита центра русской равнины.— В кн.: Геохронология четвертичного периода. М.: Наука, 1980.
10. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.

КОЛОТУХИН В. А.

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В 1978 г. Тавроскифской экспедицией Института археологии АН УССР были проведены разведочные раскопки поселения у пос. Планерское в юго-восточном Крыму.

Поселение расположено в узкой долине, ограниченной с юга горным хребтом, с севера — невысоким водоразделом. Размеры поселения 800×60—80 м. На поселении заложено два разведочных раскопа, шесть шурфов и зачищены три хозяйственные ямы, выявленные в обнажениях.

Раскоп 1. Площадь — 95 м². Заложен в центре поселения. Здесь вскрыты остатки каменной стены дуговидной формы, ориентированной с запада на восток. Длина стены 10 м. Почти на всем протяжении она нарушена распашкой. Кладка двухпанцирная. Северный панцирь состоит из необработанных известняковых плит, поставленных на ребро. Южный

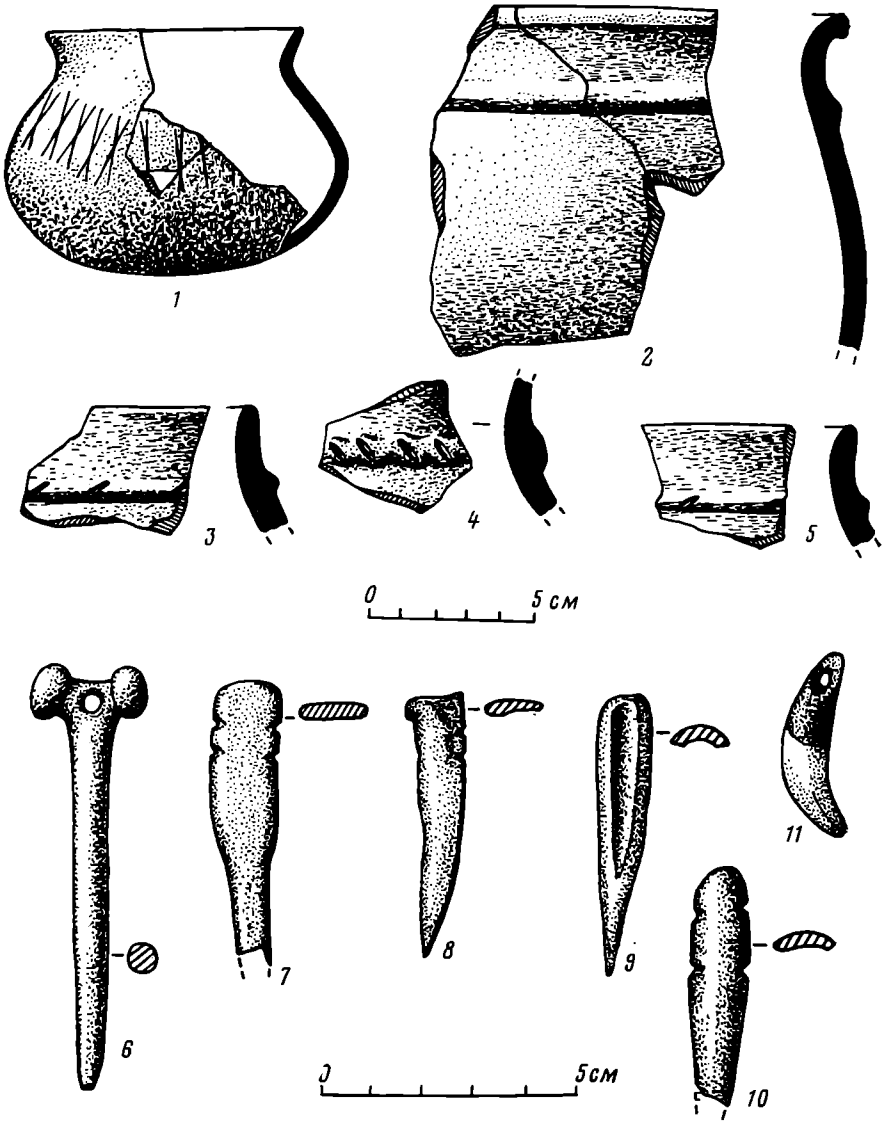


Рис. 1. Керамика (*1—5*) и изделия из кости (*6—11*)

панцирь состоит из таких же плит, уложенных плашмя одна на другую. Пространство между панцирями и швы заполнены щебнем и суглинком. Ширина стены 1,2—1,3 м, сохранившаяся высота до 0,7 м. Ее основание находится на древней поверхности (0,55—0,90 м от современного горизонта), которая имеет темно-коричневый цвет и по всей площади насыщена мельчайшими угольками.

Находок в раскопе немного, в основном обломки сильно фрагментированной лепной керамики, распределенной по площади раскопа относительно равномерно. Кроме того, найдено несколько известняковых терочников дисковидной формы, костяные проколки, костяная молоточковидная булавка и подвеска из зуба животного (рис. 1, *6*, *8—11*).

Раскоп 2. Площадь — 130 м². До материка доведен на небольшом участке в восточной части, где мощность культурных напластований достигает 2 м. Заложен на западной окраине поселения, на склоне водораздела, в 430 м от раскопа 1. Культурный слой на значительной площади нарушен при строительных работах.

В площади раскопа вскрыты основания каменных построек, относящихся к двум разным строительным периодам. В западной части раскопа они разделены между собой золотистым грунтом, в восточной — слоем суглинка мощностью до 0,30 м (рис. 2). Строительные периоды разделены также прослойками горения. В южной части раскопа стена позднего

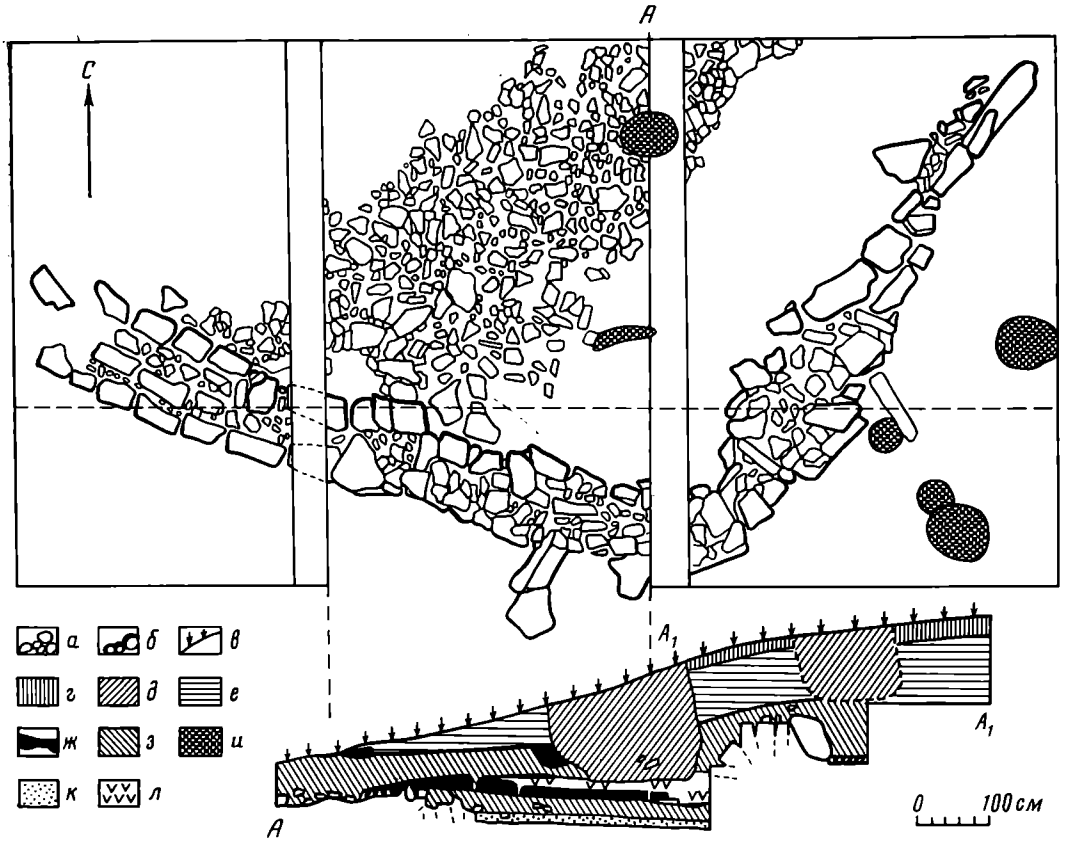


Рис. 2. Раскоп 2. План и стратиграфия восточного борта квадратов № 2 и 5 (*а* — развал стены раннего строительного периода; *б* — стена позднего строительного периода; *в* — современная дневная поверхность; *г* — гумус; *д* — перекоп; *е* — золистый грунт; *ж* — горелая прослойка; *з* — суглинок с культурными остатками; *и* — очажное пятно; *к* — материк; *л* — мешаный грунт)

строительного периода перекрыта также слоем золистого грунта мощностью до 1,2 м.

Кладка раннего строительного периода сложена из мелкого рваного камня (развал остался неразобранным). Кладка позднего строительного периода сооружена из крупных камней подпрямоугольной или уплощенной формы, ширина ее 0,9—1,4 м, сохранившаяся высота до 0,8 м. Характер сооружений не установлен, так как в северной части они разрушены при прокладке водовода и дороги.

В раскопе 2 найдены кости животных и обломки лепной керамики. Наиболее выразительные фрагменты, дающие представление о формах и характере орнаментации посуды, получены из слоя, перекрывающего стену второго строительного периода, преимущественно из зоны ее развала. Керамический материал из раскопа 1, за исключением двух фрагментов (рис. 3, *6*, *9*), идентичен керамике из раскопа 2.

Обжиг неравномерный, поверхность сосудов неровного черного, серого, красновато-бурого цветов. Глиняное тесто черное, плотное, иногда с примесью мелкотолченой ракушки или песка. Большинство сосудов с внутренней стороны имеет гребенчатую штриховку. При обработке наружной поверхности применялись различные приемы: гребенчатая штриховка, сглаживание, обмазка слоем жидкой глины, некоторые обломки носят следы лощения. Преобладает рельефный орнамент в виде гладких и расчлененных валиков и их комбинаций, иногда образующих сложный узор. Валики налепные, оттянутые или образованы из глиняной обмазки; в последнем случае они низкие и имеют в сечении форму полуовала. В отдельных случаях отмечено сочетание рельефного орнамента с веревочным. Незначительным количеством представлены фрагменты со шнуровым и нарезным орнаментом, единичными экземплярами — с отпечат-

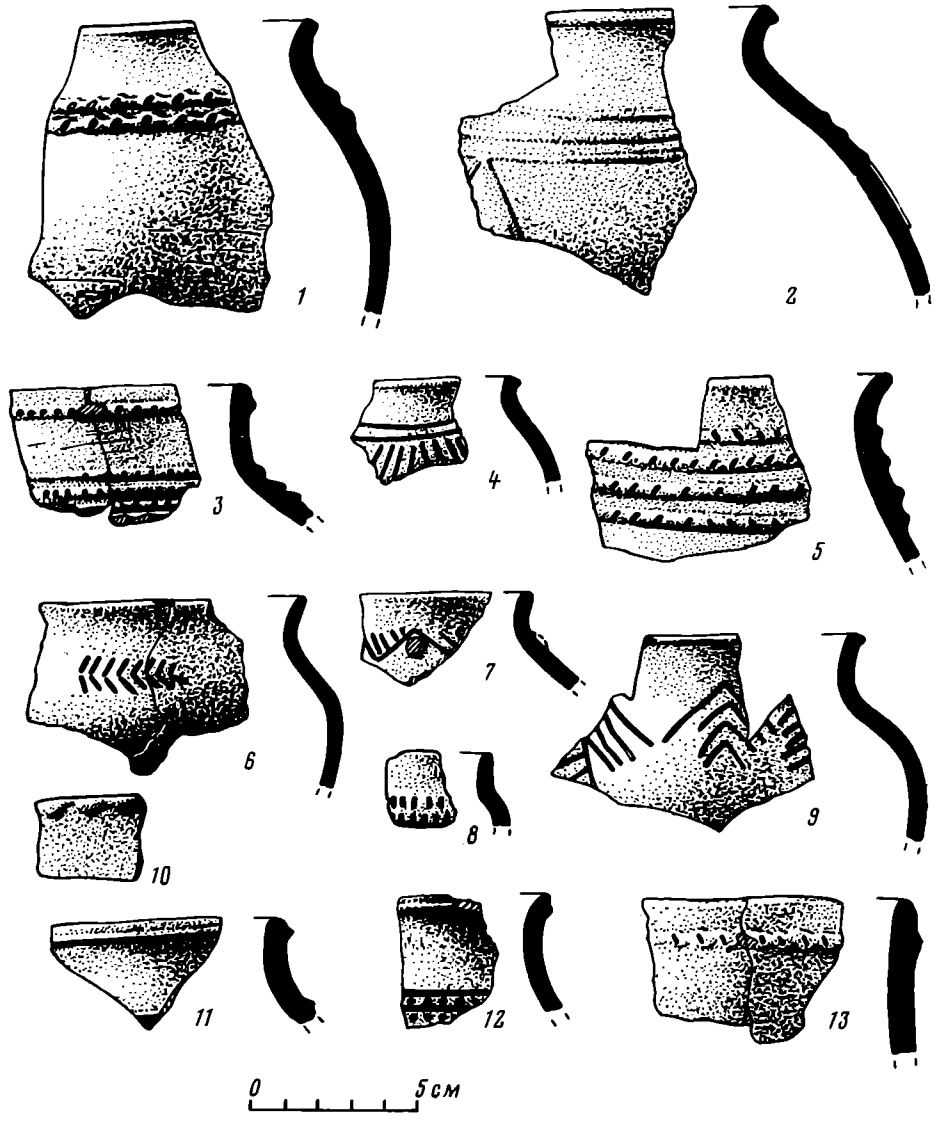


Рис. 3. Лепная керамика из раскопа 1 (*6*, *9*, *10*) и раскопа 2 (*1—5*, *7*, *8*, *11—13*)

ками С-видного штампа, треугольных вдавлений и узких коротких насечек. Несколько невыразительных обломков принадлежат небольшим чашкам, основная масса керамики — горшковидным сосудам разных размеров, отличающимся друг от друга высотой шейки и ее положением по отношению к плечикам (рис. 3).

Из костяных изделий в раскопе 2 найдено пять проколок, одна из которых имеет парные нарезки на широком конце (рис. 1, 7), и фрагмент гребенки, служившей, очевидно, для нанесения орнамента на керамику.

Находки из раскопов 1 и 2 позволяют датировать эти участки поселения эпохой средней бронзы и отнести их к культуре многоваликовой керамики.

Шурфы, заложенные в центральной и восточной частях поселения, дали керамику позднесрубного (рис. 1, *2—5*) и кизил-кобинского (рис. 1, *1*) типов. Четко выраженного культурного слоя этих эпох не выявлено. В основном он разрушен распашкой, лишь на северной окраине (склон водораздела) культурные остатки (кости животных, обломки лепной посуды позднесрубного времени) залегали в слабогумусированном суглинке под дерновым слоем на глубине до 0,35 м. Аналогичный материал содержала хозяйственная яма, основание которой выявлено в юго-восточной части раскопа 1; ее стенки сохранились на высоту 10—20 см, остальная часть уничтожена распашкой. Диаметр ямы по дну 1,25 м, глубина 0,65 м от уровня современной поверхности.

Две хозяйственные ямы, зачищенные в обнажении северного водораздела, дали лепную посуду без валиков (обломки кухонных горшков) и фрагменты чернолощеных кубков кизил-кобинского типа с врезным орнаментом (рис. 1, 1).

Разведочные раскопы и шурфы, а также зачистка обнажений показали, что в западной части поселения группируются культурные остатки эпохи средней бронзы, в восточной — поздней бронзы и раннего железа, в центральной — трех названных эпох. Мощность культурных напластований на разных участках неодинакова, причем на площади между раскопами 1 и 2 культурный слой отсутствует.

Наибольший интерес представляют материалы эпохи средней бронзы. Каменные дисковидные и усеченно-конические терочники, костяные проколки с парными нарезками на концах, технология изготовления и характер орнаментации посуды — все это находит ближайшие аналогии в материалах поселения Каменка в Восточном Крыму, для жилищ которого также характерны каменные основания стен [1, с. 21 сл.]. Ряд параллелей, преимущественно в орнаментике посуды, дают катакомбные погребения степного Крыма [2, рис. 37, *9*; 43, *9*; 47, *9*; 54, *7*; 68, *9*].

Датирующих вещей в Планерском не найдено, однако состав и характер керамического материала позволяют синхронизировать поселение с Каменкой, несколько удревнив его ранний этап. Последнее обусловлено наличием в комплексе молоточковидной булавки, найденной на уровне древнего горизонта в раскопе 1, а также ярче выраженной шнуровой орнаментацией керамики. Эти признаки больше показательны для катакомбной культуры.

Время существования Каменки В. Д. Рыбалова определила от рубежа XV—XIV вв. до н. э. до начала XIII в. до н. э. включительно [1, с. 49]. Отметив возможность существования в XIV в. до н. э. колесовидных псалиев, тесел костромского и топоров «бородинского» типов — вещей, на основании которых А. М. Лесков [3, с. 17] датировал восточнокрымские поселения культуры многоваликовой керамики XVI—XV вв. до н. э., В. Д. Рыбалова сделала основной упор на выявление аналогий каменской керамики в материалах раннесабатиновского и предсабатиновского времени. Попытку найти такие аналогии в Кировском поселении [1, с. 38] следует признать неудачной: керамика последнего совершенно утратила черты многоваликовой и представляет собой сложившийся позднесрубный комплекс. Иначе обстоит дело с поселениями Обиточная-12 и Сабатиновское, в керамике которых отчетливо прослеживаются элементы, характерные для культуры многоваликовой керамики: обмазка сосудов слоем жидкой глины и формовка валиков из этой обмазки [4, с. 128], наличие фрагментов керамики с типичной орнаментацией [4, с. 154], сходство ряда каменских сосудов типа 2 (по В. Д. Рыбаловой) с группой обиточненских и сабатиновских. Число аналогий этим ограничивается. Самостоятельность керамических комплексов сопоставляемых памятников очевидна — различаются ведущие типы посуды и ее орнаментика. В Сабатиновском поселении представлены лощеные столовые сосуды малых форм, не имеющие прототипов в культуре многоваликовой керамики. Здесь мы имеем иное культурное образование, предполагающее хронологический разрыв, необходимый для формирования этих новых черт. Именно поэтому нельзя принять вывод В. Д. Рыбаловой о том, что верхняя дата Каменки близка к началу сабатиновского этапа [1, с. 49]. Раскопки последних лет дали новый материал, свидетельствующий о раннем проникновении срубных племен в Северное Причерноморье. Смешавшись с местным населением, они образовали новый культурный сплав, выделенный на Днепропетровщине в маевский вариант раннесрубной культуры [5, с. 13]. Памятники этого типа датируются XV—XIV вв. до н. э., следовательно, к этому времени культура многоваликовой керамики, как таковая, прекратила свое существование. Отражением аналогичного этнокультурного процесса в Приазовье являются досабатиновские поселения типа Обиточная-12. Исследования, связанные с уточнением абсолютной хронологии памятников эпохи бронзы — раннего железа,

позволили А. И. Тереножкину отнести начало сабатиновского этапа к 1400 г. до н. э. [6, с. 208]; Н. Н. Чередниченко определил его в рамках XIV в. до н. э. [7, с. 13]. В соответствии с изложенным второй этап поселения Каменка можно датировать временем никак не позднее XV в. до н. э. К этому же времени относятся наиболее поздние материалы многоваликовой культуры на поселении Планерское.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму.— АСб. ГЭ, 1974, № 16.
2. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье. Симферополь: Крым, 1969.
3. *Лесков А. М.* Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
4. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
5. *Ковальова І. Ф., Волкобой С. С.* Маївський локальний варіант зрубної культури.— Археологія, 1977, № 22.
6. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
7. *Чередніченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причерномор'я.— Археологія, 1977, № 22.

ЧАЛЫЙ В. В.

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ

На территории Нижнего Подонья среди многочисленных разновременных археологических памятников большое место занимают памятники срубной культуры. Полевые исследования затронули в основном могильники, поселения изучены крайне слабо. В связи с этим большой интерес представляют два поселения срубной культуры, открытые в последние годы сотрудниками Областного краеведческого музея и Ростовского университета (рис. 1).

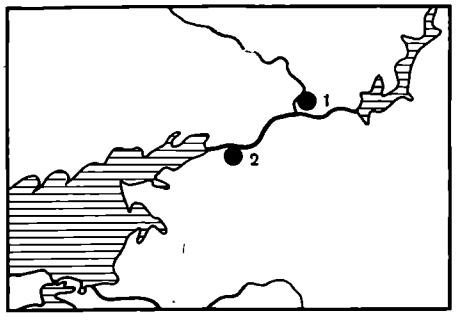


Рис. 1. Новые поселения срубной культуры в Нижнем Подонье. *1* — Броницкое, *2* — Батайское I

Броницкое поселение расположено на северном склоне песчаной дюны левого берега р. Северский Донец, в 4—5 км от впадения последней в Дон. Размеры поселения: длина до 80 м, ширина 50 м. Культурный слой перепахан, мощность его не превышает 30 см. В подъемном материале собраны многочисленные фрагменты керамики, каменные орудия, остеологический материал, представленный главным образом костями крупного и мелкого рогатого скота.

Керамика Броницкого поселения содержит примесь шамота, песка, иногда толченой ракушки или растительные включения. Она сравнительно тонкостенна, хорошо обожжена, поверхность сосудов заглажена или слабо залощена. Сосуды в основном имели баночную, горшковидную или остроребериую форму, имеются также мисковидные сосуды. Бо́льшая часть керамики орнаментирована. Орнамент обычно покрывал верхнюю часть сосуда, но на нескольких фрагментах остроребериых сосудов он прослежен и на нижней части тулова (ниже ребра). Преобладают прочерченный и ямочный орнаменты. Мотивами прочерченного орнамента являются загзаг, заштрихованный треугольник или елочка (рис. 2, *1*, 10, *24*, *25*, *28*). Ямочный орнамент представлен вдавлениями палочки или ногтя, а также вдавлениями прямого угла (рис. 2, *4*, *6*, *8*, *9*, *12*, *15*, *20*). Широко распространен зубчатый штамп, зубцы которого были

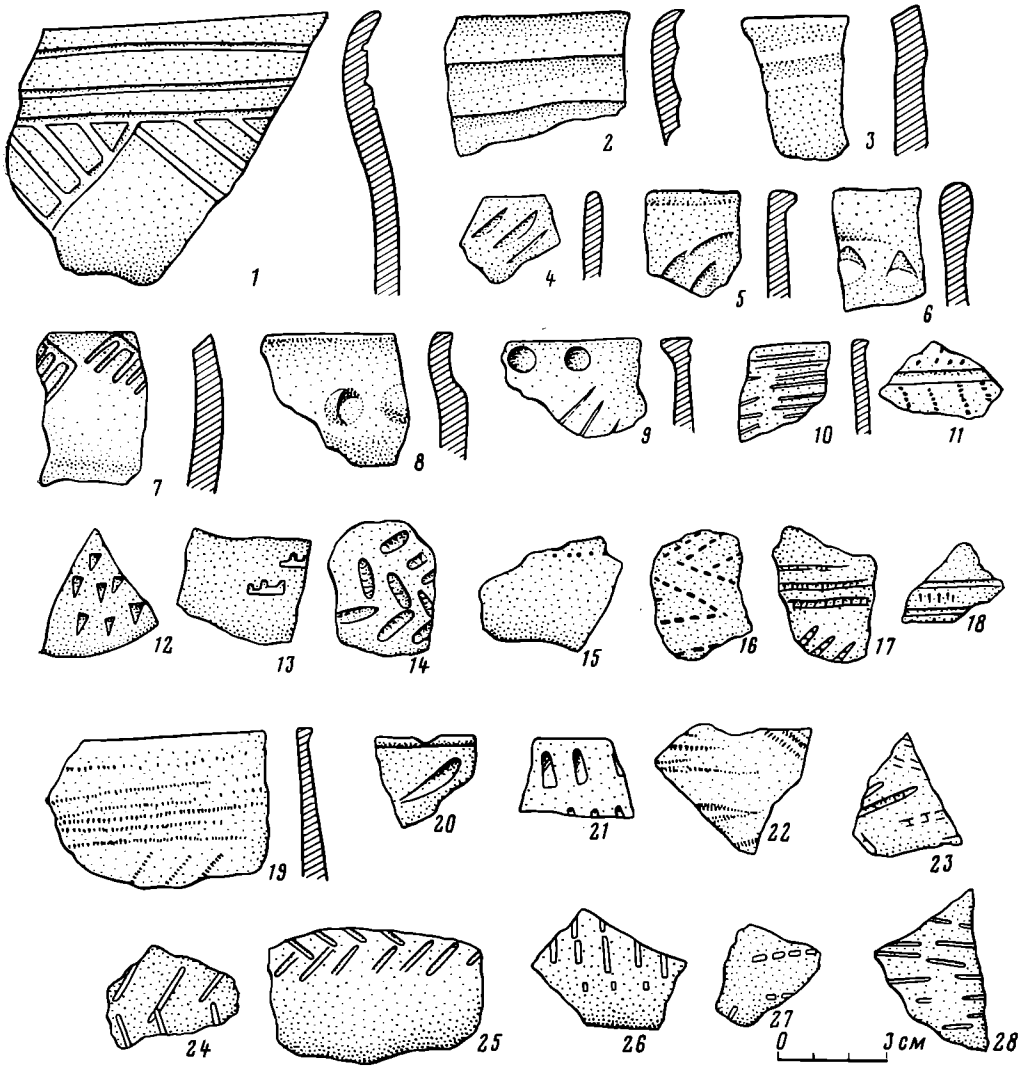


Рис. 2. Керамика Броницкого поселения

различной величины и формы. Более редки валиковый и веревочный орнаменты (рис. 2, *2*, *3*, 11, *13*, *16—19*, *21—23*, *26—28*).

Таким образом, в керамике Броницкого поселения прослеживаются признаки, характерные для «раннесрубной» керамики: орнамент в виде «елочки», «личинки», треугольников, выполненных вдавлением прямого угла, широкое применение мелкозубчатого штампа, употребление веревочного орнамента, принцип орнаментации по срезу венчика и распространение орнамента на нижнюю часть сосудов. В украшениях валиками и в приемах их орнаментации не наблюдаются признаки, характерные для «позднесрубной» керамики. Большинство сосудов в верхней части имело прямые стенки, оканчивающиеся закругленным либо срезанным внутрь венчиком. Из 48 найденных днищ сосудов рантик четко обозначен лишь в девяти случаях. На поселении отсутствуют фрагменты сосудов с сильно отогнутым наружу венчиком, резко изогнутой шейкой, переходящей в высокие, выпуклые бока, т. е. фрагменты сосудов, характерные для «позднесрубной» керамики [2, с. 39; 3, с. 81].

По технике изготовления, формам и орнаментации керамика Броницкого поселения отличается от керамики Ливенцовского 1-го поселения— наиболее исследованного поселения срубной культуры в Нижнем Подонье, относящегося к сабатиновскому времени (XII в. до н. э.) [1, с. 210]. Для керамики Ливенцовского 1-го поселения характерна толстостенность, более грубая орнаментация и техника изготовления, отсутствие лощения. По-видимому, Броницкое поселение можно считать одним из наиболее ранних срубных поселений на территории Нижнего Дона.

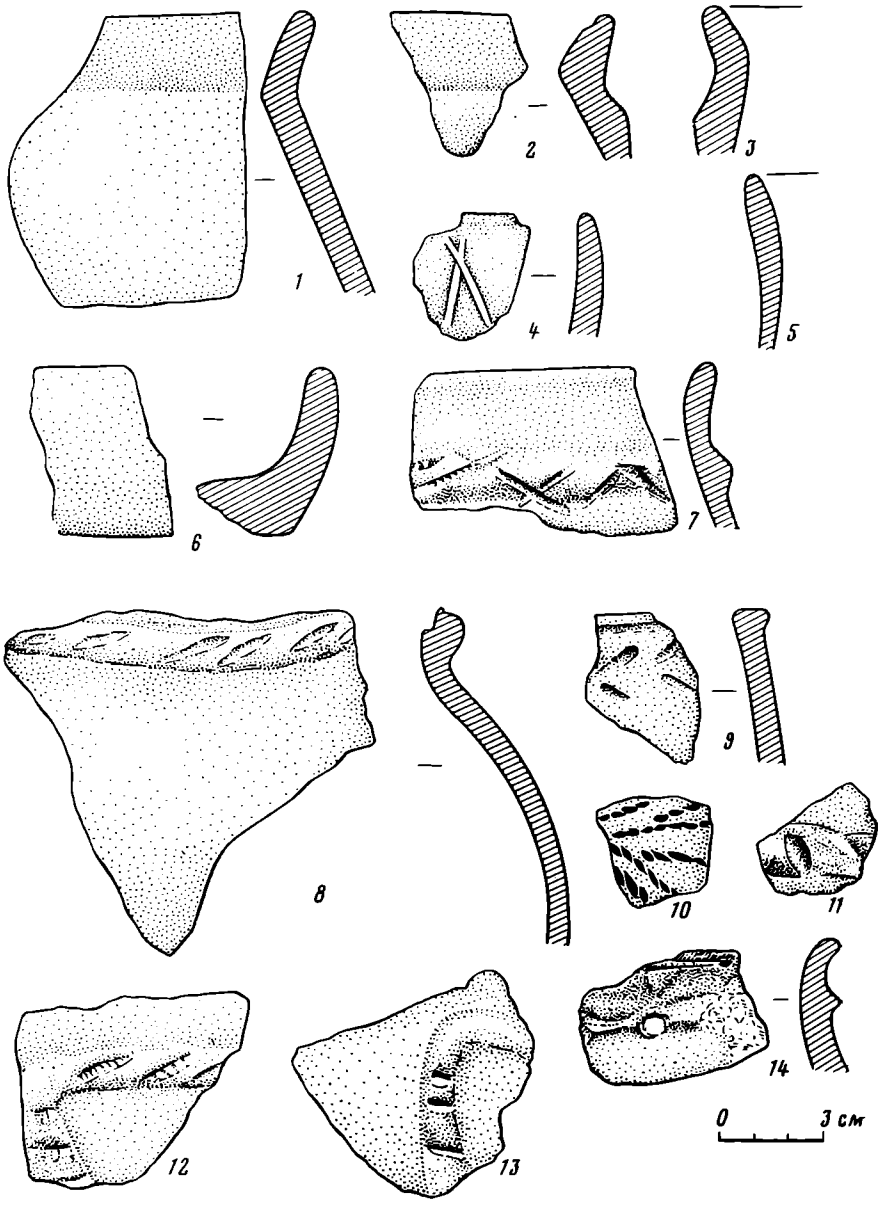


Рис. 3. Керамика поселения Батайское I

Раннесрубные элементы прослеживаются также в керамике ряда других поселений и погребений на территории Нижнего Подонья и в прилегающих северных районах [4, с. 23; 5, с. 8, 10, 20, 21, 23, 24].

Большинство поселений срубной культуры на территории Нижнего Подонья топографически близки Ливенцовскому 1-му поселению. Сходны у всех этих памятников и керамические комплексы. По-видимому, бóльшая часть поселений Нижнего Подонья [1; 5—8] относится к сабатиновскому этапу срубной культуры. Существенно, однако, что керамика с поселений срубной культуры, находящихся к северу от современного города Ростова-на-Дону несколько отличается от керамики поселений, расположенных у побережья Азовского моря. Для северных памятников характерен более светлый цвет глины, богатые мотивы орнамента, орнаментация зубчатым штампом и вдавлением прямого угла; более строг ямочный и прочерченный орнаменты. В керамике южных поселений срубной культуры орнаментация менее сложная, грубая, большой процент керамики орнаментирован валиками и отпечатками веревки. Эти памятники по погребальному обряду, характеру каменного домостроительства, по формам сосудов и их орнаментации сближаются с сабатиновскими памятниками срубной культуры Северного Причерноморья.

Поселение Батайское I расположено на краю донской поймы у восточной окраины г. Батайска. Длина поселения более 100 м, ширина до 20 м, мощность культурного слоя 20—40 см. Керамика поселения отличается от керамики поселений типа Ливенцовского 1-го большей толстостенностью и более грубыми формами. Преобладают сосуды горшковидных форм. Отличается и орнаментация сосудов. Ведущие орнаментальные композиции — валиковые и прочерченные. Валики массивные и грубые, большей частью расположены на переходе шейки в тулово, в нескольких случаях валик разомкнут и концы его опущены вниз. На валиках нанесены насечки (рис. 3, *7*, *8*, *11—14*). В целом для орнаментации керамики характерна небрежность и простота орнаментальных мотивов. Среди керамики поселения Батайское I выделяется небольшая группа венчиков сосудов, не имеющих пока аналогии на срубных памятниках сабатиновского времени в Низовьях Дона: 1) заостренный, утолщенный венчик, прямо отогнутый наружу, с внешней стороны на месте изгиба иногда образуется своеобразная канавка (рис. 3, *2*, *3*); 2) высокие прямые, утолщенные венчики (рис. 3, *5*). Аналогии для этой керамики имеются в керамике белозерского времени Кировского поселения в Восточном Крыму [9, с. 21—22, рис. 13].

Учитывая отмеченные признаки и аналогии, поселение Батайское I можно датировать X—IX вв. до н. э. и считать его одним из наиболее поздних поселений срубной культуры на территории Нижнего Подонья [10, с. 85].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону.— Археологія, 1969, т. XXII.
2. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
3. *Кривцова-Гракова О. А.* Поселения бронзового века на Белозерском лимане.— КСИИМК, 1949, вып. XXVI.
4. *Братченко С. Н.* Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1969.
5. *Чередниченко Н. Н.* История срубных племен Подонья: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1977.
6. *Шарафутдинова Э. С.* К вопросу о топографии поселений типа Кобякова на Нижнем Дону.— КСИА, 1970, вып. 123.
7. *Шарафутдинова Э. С.* Предскифский период на Нижнем Дону.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1973.
8. *Грязнов М. П.* Землянки бронзового века близ х. Ляпичева на Дону.— КСИИМК, 1953, вып. 50.
9. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
10. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.

РУБАН В. В.

КЕРАМИКА ЯГОРЛЫЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ ХЕРСОНСКОГО МУЗЕЯ

В начале 70-х годов достоянием науки стал уникальный археологический памятник, находящийся на побережье Ягорлыцкого залива к юго-востоку от Ольвии. Своеобразие, коренным образом отличавшее его от других античных поселений Причерноморья, обусловлено не только локальными топографическими и экологическими особенностями, но и целым рядом других факторов, среди которых наиболее значительным является ярко выраженная ремесленная ориентация экономики поселения [1, с. 12—17]. Последнее обстоятельство послужило основанием для появления серии работ, специально посвященных различным отраслям ремесла на Ягорлыке [2, с. 41—49; 3; 4, с. 32, 33; 5, с. 61—65]. Керамический комплекс Ягорлыцкого поселения получил пока сжатую характе-

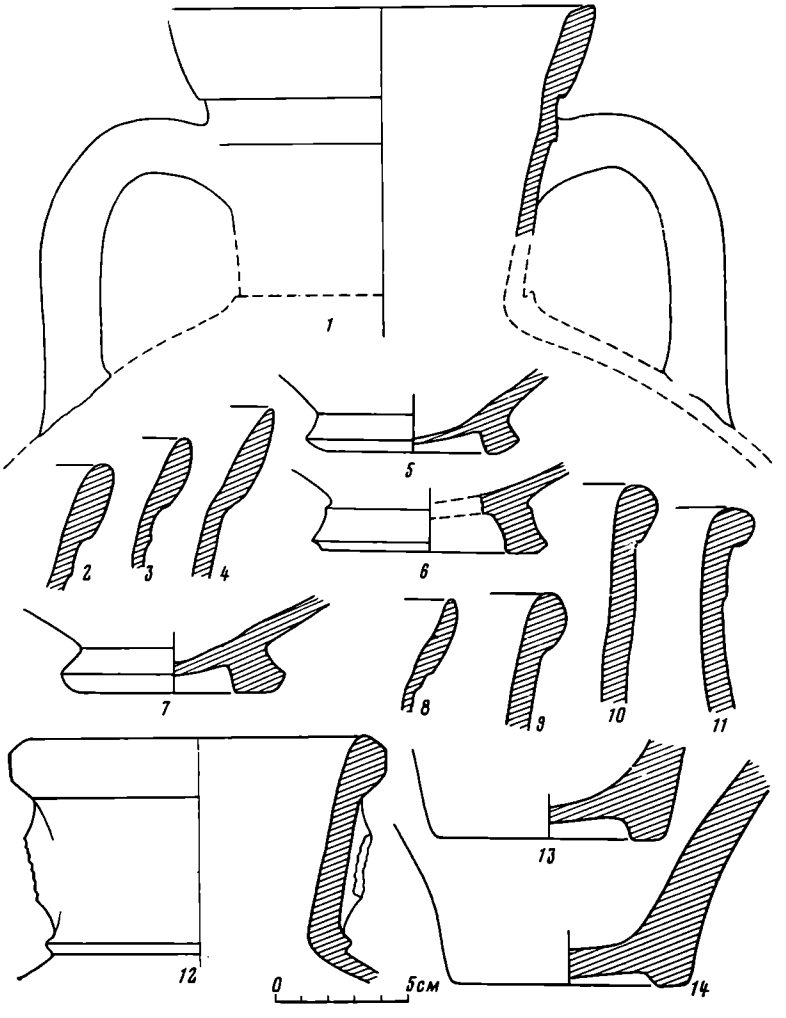


Рис. 1. Фрагменты амфор различных центров из поселения у Ягорлыцкого залива: *1* — Яг.78.п.м.; *2* — Яг.74.103; *3* — Хем-а-317.58; *4* — Яг.74.101; *5* — Хем-а-317.67; *6* — Яг.74.109; *7* — Хем-а-317.64; *8* — Хем-а-317.57; *9* — Хем-а-317.51; *10* — Яг.74.97; *11* — Хем-а-4482; *12* — Хем-а-317.49; *13* — Хем-а-317.65; *14* — Яг.74.107

ристику [6, с. 63, 64]. Именно недостаточная изученность керамики до сих пор остается причиной разногласий, касающихся датировки памятника. Если А. С. Островерхов и Н. А. Гаврилюк относят Ягорлыцкое поселение к рубежу VII — началу V в. до н. э. [6, с. 63], то Н. П. Оленковский высказывается в пользу первой половины VI в. до н. э. [7, с. 374]. Керамика, хранящаяся в Ольвийском заповеднике ИА АН УССР [8, с. 304, 305], послужила основанием для датировки поселения в пределах второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. [9].

В ноябре 1979 г. мне удалось ознакомиться с археологическим материалом из Ягорлыцкого поселения, поступившим в Херсонский краеведческий музей[1] и имеющим самое непосредственное отношение к вопросу о датировке этого памятника. Наиболее надежным и массовым датирующим источником в рассматриваемой коллекции являются обломки остродонных амфор и восточногреческих килико в. Расписная керамика очень плохой сохранности и представлена к тому же ничтожным количеством обломков.

Среди керамики Ягорлыцкого поселения имеются обломки хиосских амфор с белой облицовкой, время производства которых приходится на

[1] Благодарю сотрудника музея М. И. Абикулову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалом.

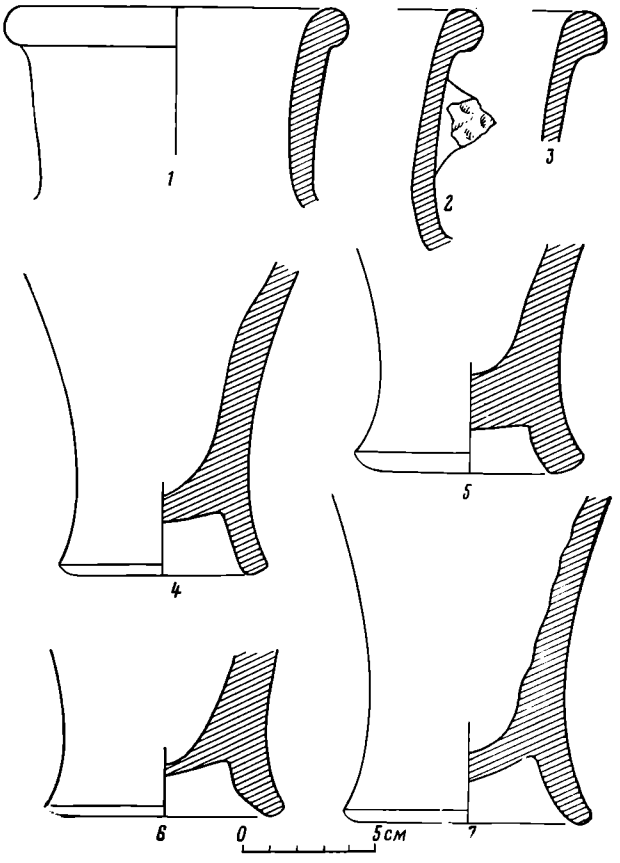


Рис. 2. Фрагменты ионийских амфор из Ягорлыцкого поселения. *1* — Хем-а-317.50; *2* — Яг.74.95; *3* — Хем-а-5611: 4—6 — Яг.78.п.м.; *7* — Яг.74.п.м.

период ранней архаики — VII — первая половина VI в. до н. э. [10, табл. 1, 2; 11, с. 935, рис. 34; 12, с. 448, 449, рис. 25]. В Херсонской коллекции их, к сожалению, очень мало. Наибольшее количество обломков принадлежит амфорам, которые считаются продукцией Самоса [10, табл. 1, 3; 13, с. 79]. Глина большинства их светло-коричневая, розоватая, охристых оттенков, хорошо отмученная и насыщенная мелкими частицами слюды (рис. 1, *2—6*; 3, *11—14*). Редки сероглиняные экземпляры со светлой зеленоватой поверхностью (рис. 1, *1*). Последнее обстоятельство свидетельствует о производстве некоторой части амфор этой группы в других центрах. Наиболее характерен широкий венчик, снабженный при переходе в стенку горла двумя или одним уступом, а также плоское и широкое дно. Целая амфора такого типа обнаружена на Фере [14, рис. 425-а]. Аналогичные фрагменты амфор имеются среди керамических находок в Истрии — как в самой цитадели [15, с. 175, рис. 127], так и на плато extra muros в слоях последней четверти VII — первой половины VI в. до н. э. [16, кат. 531, 532]. Примерно тем же временем датируются и ножки самосских амфор из Истрии [*16*, кат. 426, 427] и Токры [17, кат. 1419, 1423]. О том, что время бытования этих амфор не выходит за пределы середины VI в. до н. э., свидетельствует факт отсутствия подобных находок на раннеантичных памятниках Бугского лимана к северу от Ольвии. Последние датируются второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. [18, с. 362, 363]. Всего самосские амфоры в Ягорлыцком поселении составляют 45,2% найденной тарной керамики.

После самосской керамической тары в количественном отношении следуют ионийские амфоры (33,3%). Отличительной чертой этих сосудов является наличие декора в виде полос, нанесенных лаком различных теплых оттенков на венчике, ручках и тулове. В плане хронологии вен-

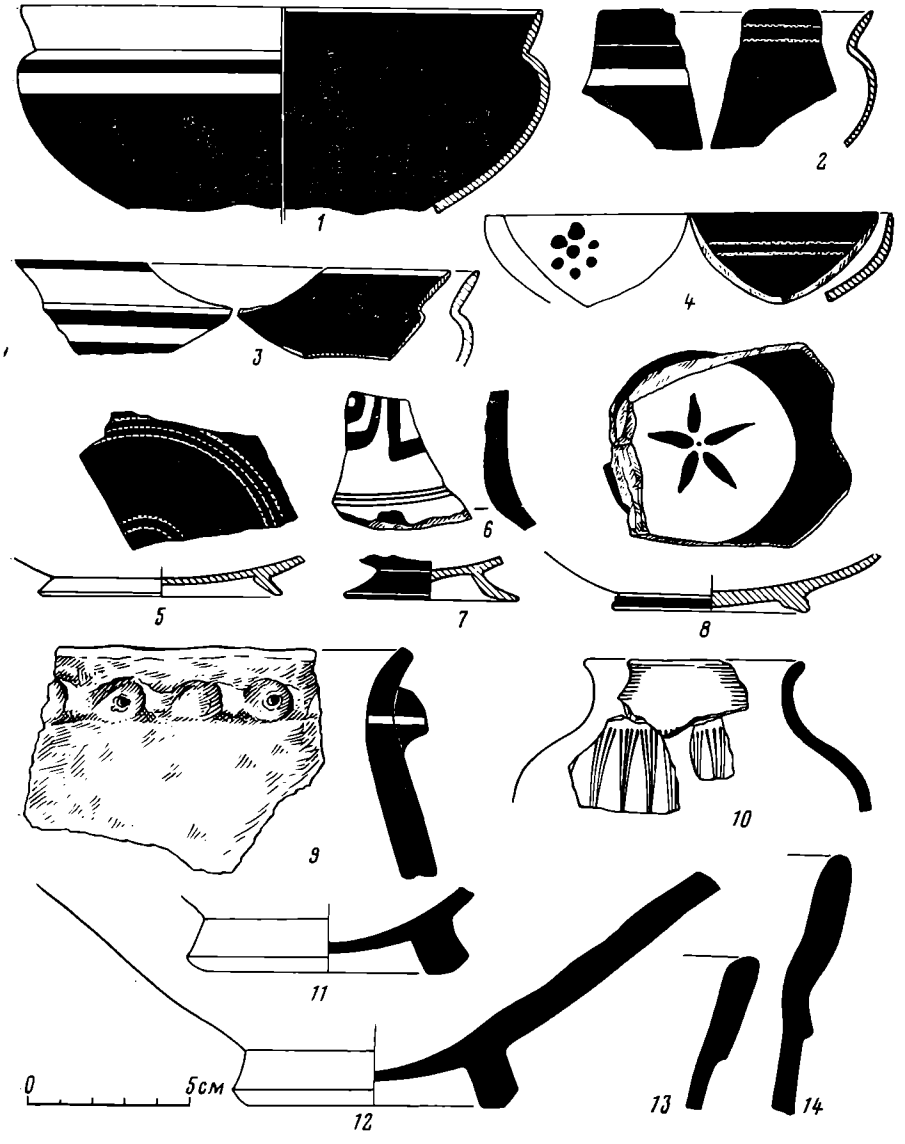


Рис. 3. Керамика из Ягорлыцкого поселения. *1* — Хем-а-4437.1; *2* — Яг.74.119; *3* — Хем-а-5945.148; *4* — Хем-а-5945.150; *5* — Яг.74.82; *6* — Хем-а-4444; *7* — Хем-а-4441; *8* — Яг.74.88; *9* — Яг.74.п.м.; *10* — Яг.78.п.м.; *11* — Хем-а-317.68; *12* — Яг.75.411; *13* — Яг.74.96; *14* — Хем-а-317.56

чики ионийских амфор не столь показательны (рис. 2, *1—3*), как их ножки (рис. 2, *4—7*), которые гораздо стремительней подвергались изменениям в процессе эволюции. Своими вытянутыми пропорциями они заметно отличаются от понийских амфор второй половины VI в. до н. э. [10, табл. II, 6в]. Ножка амфоры, близкая по форме публикуемым, найдена при раскопках Токры [17, кат. 1418]. Приведенные данные, а также отсутствие таких ножек ионийских амфор на упомянутых поселениях Бугского лимана позволяют считать их синхронными описанным амфорам Самоса.

Интерес представляет группа амфор неизвестного центра производства с низким горлом в виде раструба и широкой уплощенной ножкой (рис. 1, *7*, *9—10*, *12*). Глина у них светло-коричневая, розоватая, обладает множеством различных темных и светлых включений, в том числе блесток слюды. Ближайшую аналогию описанные сосуды находят себе среди керамического материала из поселения Мешад Хашавьяху на средиземноморском побережье Палестины [19, рис. 6, *1—3*]. Остатки указанного памятника представляют собой практически закрытый археологический комплекс, датирующийся последней третью VII в. до н. э.

(разрушен в 609 г.) [19, с. 97—99]. Имеется также один венчик другого типа (рис. 1, *11*) от амфоры неизвестного центра производства. Глина изначально была охристого цвета с белыми выгоревшими частицами и другими включениями, однако после вторичного обжига фрагмент частично ошлаковался и приобрел сероватый цвет. Всего обломки амфор неизвестных центров производства составляют 14,2%.

В рассматриваемой коллекции имеется небольшое количество (7,3%) фрагментов ранних вариантов красноглиняных амфор со стаканообразными донышами, относящимися к позднеархаическому времени (рис. 1, *13—14*) [10, табл. III, 9; 16, кат. 843—848]. Поскольку ножки амфор такой формы отсутствуют на поселениях Бугского лимана второй половины VI — первой половины V в. до н. э., то их следует считать синхронными остальным группам амфор из Ягорлыцкого поселения.

Наиболее распространенным типом восточногреческих полосатых килнков на Ягорлыцком поселении являются тонкостенные сосуды с небольшим, отогнутым наружу венчиком и широким низким днищем (рис. 3, *2*, *5*). Внешняя поверхность этих килнков орнаментирована горизонтальными полосами лака: внутренняя поверхность сплошь залита лаком, по которому нанесены узкие горизонтальные полоски пурпура. Килики рассматриваемого типа встречаются как в Причерноморье, так и в Средиземноморье. Классифицируя восточногреческие килики из некрополя Мегар Гиблейских, Ф. Виллар и Ж. Валле относят их к типу B-I, датированному ими около 620—580 гг. до н. э. [20, с. 26, рис. 4]. Дж. М. А. Ханфманн относит такие килики к более широкому отрезку времени — к VII — первой половине VI в. до н. э. [21, рис. 46]. Аналогичные килики обнаружены также в древнейших слоях Истрии [15, с. 91—94; 16, кат. 246, 252—255; 22, с. 114, 115, рис. 30, пл. 70]. При раскопках Токры фрагменты подобных сосудов найдены в комплексах последней четверти VII — первой половины VI в. до н. э. [17, кат. 1197].

Другой тип восточногреческих полосатых килнков из Ягорлыцкого поселения характеризуется большой массивностью форм (рис. 3, *1*, *3*, *7*). Внешняя поверхность этих сосудов украшена горизонтальными полосами лака, внутренняя — сплошь залита лаком, за исключением узкой полоски у края венчика, оставленной в цвете глины. По форме и орнаментации они ближе всего килнкам первой половины VI в. до н. э. [17, кат. 1204, 1218; 22, кат. 257, 258].

Наибольшее количество восточногреческих килнков, орнаментированных точечными розетками (рис. 3, *4*), относится к началу VI в. до н. э. [17, кат. 734]. Днище с розеткой из листьев в медальоне (рис. 3, *8*) аналогично килику первой половины VI в. до н. э. из Токры [17, кат. 1302]. К этому же периоду принадлежат малочисленные обломки закрытых сосудов с росписью в виде меандра (рис. 3, *6*).

Лепная керамика из Ягорлыцкого поселения в херсонской коллекции представлена фрагментами обычных для памятников Нижнего Побужья архаического времени кухонных горшков, часто орнаментированных налепными валиками (рис 3, *9*), а также обломками лощеных сосудов с врезным орнаментом (рис. 3, *10*). Интересно, что в Средиземноморье такая керамика встречается в более древних слоях. На Фасосе она датируется первой половиной VII в. до н. э. по совместным находкам лепной керамики серого буккеро (bucchero gris) [23, с. 110, 112, рис. 24, 74; 25, 83—87] и простой лепной керамики местного производства (vaisselles communes locales) [24, с. 234, рис. 45, 191].

Таким образом, публикуемый материал позволяет сделать следующие выводы: поселение у Ягорлыцкого залива возникло где-то в пределах последней трети VII в. до н. э., а прекратило свое существование около середины VI в. до н. э. или вскоре после указанной даты. В пользу последнего вывода свидетельствует также отсутствие на Ягорлыцком поселении обломков амфор (в первую очередь хиосских пухлогорлых), характерных для позднеархаического и раннеклассического периодов (вторая половина VI—V в. до н. э.), а также аттической расписной и чернола-

ковой керамики, интенсивный импорт которой в Северное Причерноморье приходится на то же время.

Как показывают материалы археологических раскопок раннеантичных поселений Нижнего Побужья, время около середины VI в. до н. э. являлось переломным моментом в истории греческой общины этого района. Прежде всего бросается в глаза стремительный рост демографического потенциала. На вторую половину VI в. до н. э. приходится апогей в территориальном развитии Березанского поселения [24, с. 109, 110], резко увеличивается ареал земляночной застройки Ольвии, которая охватывает почти всю площадь Верхнего города [25, с. 11, рис. 2, *2*], появляются новые поселения на хоре, среди которых имеются памятники огромных размеров [18, с. 362]. Столь резкий демографический взрыв на территории Нижнего Побужья около середины VI в. до н. э. вряд ли объясним лишь естественным приростом собственного населения. Скорее всего, его причины заключаются в притоке эмигрантов из малоазийских полисов в результате их разорения армией Кира II. С другой стороны, в рассматриваемый период в Нижнем Побужье прослеживается существенная перестройка пространственной структуры греческого полиса, за которой скрываются, очевидно, причины политического и экономического характера [25, с. 257, 258]. Если в первой половине VI в. до н. э. доминирующую роль в этом районе играло Березанское поселение, то во второй половине столетия политическим, экономическим и культурно-религиозным центром общины становится Ольвия. Синхронность прекращения существования Ягорлыцкого поселения с указанными событиями представляется не случайной. Следует полагать, что функции поселения оказались исчерпанными в связи с появлением Ольвии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Островерхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V в. до н. э.): Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1978.
2. *Островерхов А. С.* Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, № 25.
3. *Островерхов А. С.* Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, № 28.
4. *Безбородов М. А., Островерхов А. С.* Стеклоделательная мастерская в северном Причерноморье в VI в. до н. э.— СК, 1978, № 2.
5. *Безбородов М. А., Островерхов А. С.* Ранние этапы стеклоделия в Восточной Европе.— Природа, 1978, № 4.
6. *Гаврилюк Н. А., Островерхов А. С.* Керамический комплекс Ягорлыцкого поселения.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978.
7. *Оленковский Н. П.* Работы Херсонского музея.— АО — 1976. М., 1977.
8. *Буйских С. Б., Островерхов А. С.* Работы на Ягорлыцком поселении.— АО — 1977. М., 1978.
9. *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыцкого поселения.— В кн.: Материалы и исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1980.
10. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
11. *Daux G.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1960.— BCH, 1961, v. LXXXV, № 11.
12. *Karageorghis V.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre en 1968.— BCH, 1969, v. XCIII, № 11.
13. *Grace V.* Samian Amphoras.— Hesperia, 1971, v. XL, № 1.
14. *Dragendorf H.* Thera. B. II. Berlin, 1903.
15. *Lambrino M. F.* Les vases archaïques d'Histria. Bucarest, 1938.
16. *Dimitriu S.* Cartierul de locuinţe din zona de vest a cetăţii, în epoca archaică.— In: Histria. V. II. Bucureşti, 1966.
17. *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra 1963—1965. The Archaic Deposits I. (BSA, Suppl., v. 4). Oxford, 1966.
18. *Рубан В. В., Рычка В. М.* Исследования античных памятников близ Ольвии.— АО — 1976. М., 1977.
19. *Naveh J.* The Excavations at Mesad Hashavyahu.— IEJ, 1962, v. 12.
20. *Villard F., Vallet G.* Mégara Hyblaea V. Lampes du VIIe siècle et chronologie des coupes ioniennes.— MEFR, 1955, v. LXVII.
21. *Hanfmann G. M. A.* On Some Eastern Greek Wares found at Tarsus.— In: The Aegean and the Near East (Studies presented to Hetty Goldman). New York — Locust Valley, 1965).

22. *Alexandrescu P.* La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.).— In: Histria. V. IV. Bucureşti, 1978.
23. *Bernard P.* Céramique de la première moitie du VIIe siècle à Thasos.— BCH, 1964, v. LXXXVIII, № 1.
24. *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
25. *Крыжицкий С. Д.* Основные итоги работы Ольвийской экспедиции.— КСИА, 1979, вып. 159.
26. *Рубан В. В.* Литейная форма из поселения Козырка XV.— СА, 1979, № 3.

ФАХРУТДИНОВ Р. Г.

СКИФСКИЕ ЗЕРКАЛА БАССЕЙНА КАЗАНКИ

Летом 1979 г. в период проведения раскопок Камаевского городища — цитадели Старой Казани — у жителя с. Татарская Айша Высокогорского р-на Татарской АССР Р. Валеева были приобретены два бронзовых зеркала довольно хорошей сохранности. Зеркала были найдены в 1977 г. на подошве горы под Камаевским городищем, чуть восточнее его, на берегу старого русла Казанки, и, как рассказывал находчик, «торчали из земли».

Наиболее интересно из них круглое зеркало с ручкой (№ 1). Диаметр круга 18,5 см, общая длина зеркала вместе с ручкой 32 см. Конец ручки оформлен в виде головы барана (рис. 1—3). Зеркало относится

Рис. 1. Зеркало 1 с бассейна Казанки. Фотографпя

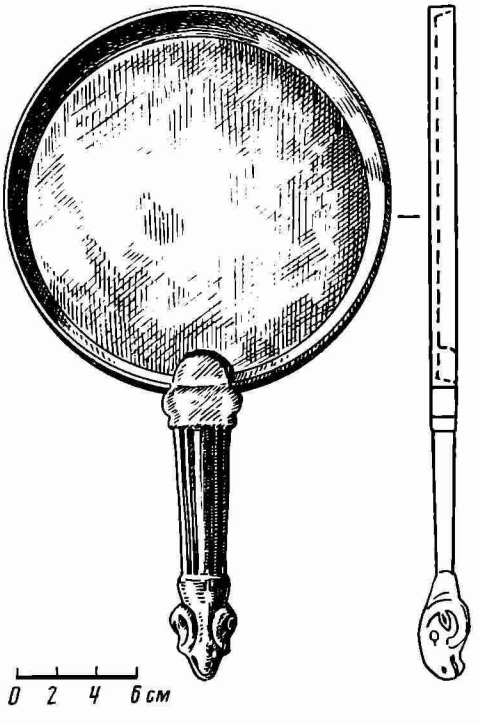


Рис. 2. Зеркало 1. Прорисовка

к категории зеркал так называемого «ольвийского типа» (тип VIII, по классификации К. Ф. Смирнова) и датируется VI в. до н. э. Подобные зеркала, которым посвящена значительная археологическая литература, распространены на обширной территории от Венгрии до оренбургских степей[1]. Как отмечает К. Ф. Смирнов, «в их форме и скульптурной

[1] Библиографию см. в работе К. Ф. Смирнова [1, с. 157—159].

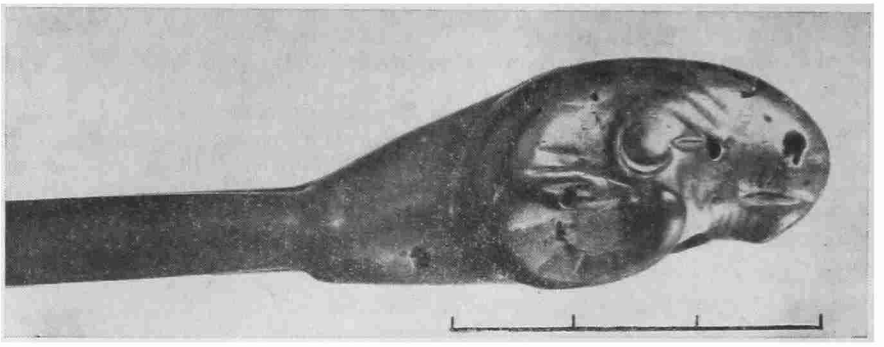


Рис. 3. Зеркало 1. Конец ручки с головой барана

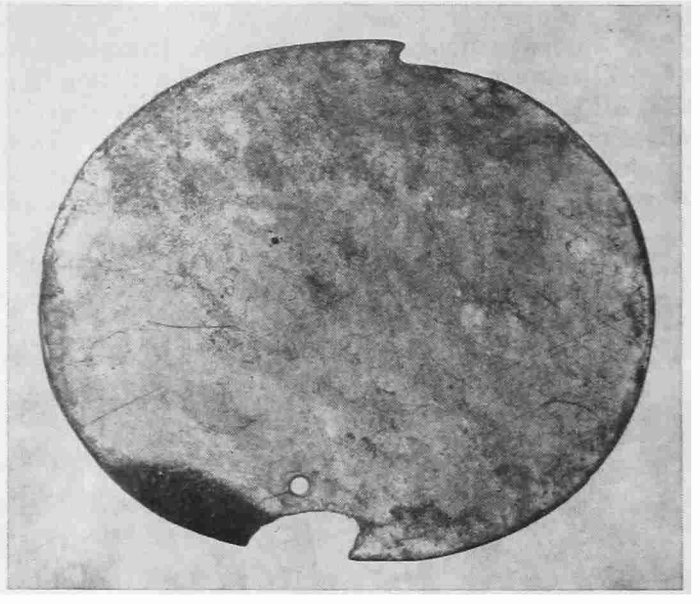


Рис. 4. Зеркало 2 с бассейна Казанки

орнаментике ручек ярко проявляются черты, характерные для скифских изделий с выразительным архаическим скифским звериным стилем» [1, с. 157]. Вслед за А. А. Бобринским, М. Гернесом и Э. Миннзом К. Ф. Смирнов считает эти зеркала скифскими по происхождению, допуская возможность их изготовления и скифскими, и греческими мастерами, работавшими в Ольвии [1, с. 158]. В науке известны два вида подобных зеркал: имеющие ручку с фигурой пантеры и ручку в виде головы барана. Первые имеют общую длину 32—33 см с диаметром диска 18—19 см, вторые имеют длину 24—27 см при диаметре диска 13,5—14,5 см [1, с. 158—159]. «Иски-казанское» зеркало с головой барана имеет такие размеры, которые присущи зеркалам с фигурой пантеры.

Второе зеркало (№ 2, рис. 4) — более простое по сравнению с первым, литое, овальной формы, размерами 14,5×12,5 см, ручка не сохранилась, очевидно, она была деревянной или костяной, и зеркало прикреплялось к ней с помощью гвоздика, отверстие для которого есть у нижнего края диска. Под отверстием — небольшой старый излом. На противоположном, верхнем краю диска имеется небольшая выемка. Бортик по краю диска с тыльной стороны отсутствует. Данное зеркало можно отнести к типу XI, по классификации К. Ф. Смирнова [1, с. 160], предварительно также связывая его происхождение со скифами.

Зеркала описанных типов своим распространением в Восточной (Юго-Восточной) Европе связываются с савроматами — восточными соседями скифов. Известно, что ни скифы, ни савроматы не жили на территории современной Татарии и проникновение этих зеркал на север, по всей

вероятности, связано с носителями известной ананьинской культуры. Эти зеркала (как отдельные находки или же как часть вещевого клада) могут быть связаны с находящимся рядом памятником раннего железного века — Камаевским Вторым городищем, предварительно обследованным в 1960 г. А. П. Смирновым [2]. Место находки зеркал было внимательно осмотрено, однако следов каких-либо находок не обнаружено.

Если учесть, что на территории ананьинцев или в сопредельных районах до настоящего времени не было известно ни одного подобного зеркала, то описанные выше зеркала с бассейна Казанки являются уникальными не только для Татарии, но и всего древнего финно-угорского Волго-Камья. В целом публикуемые зеркала являются еще одним подтверждением существования тесных культурных взаимоотношений между ананьинцами и их южными соседями-савроматами, а через последних и с более южными — скифо-греческим античным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
2. *Смирнов А. П.* Работы Поволжской экспедиции 1960 г.— КСИА, 1962, вып. 90.

Критика и библиография

Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979. Тираж 4900, 55 с. с илл.

Вероятно, ни один эпиграфический памятник не имеет такой известности, как знаменитый Тмутараканский камень. О надписи в две строки написано более 60 статей, несколько книг, а список работ, в которых упоминается Тмутараканский камень, насчитывает сотни наименований.

Споры вокруг надписи не утихают до настоящего времени. «Так уж случилось,— замечает А. А. Медынцева,— что первая эпиграфическая находка до сих пор является одной из самых важных по своему историческому значению» (с. 48). Именно поэтому настала необходимость в серьезной работе, которая обобщила бы все имеющиеся в распоряжении науки сведения. И рецензируемая книга действительно «подводит итоги почти двухсотлетней дискуссии о камне» (с. 4).

Работа А. А. Медынцевой состоит из двух глав, введения, заключения, снабжена библиографическим списком. Текст сопровождается прекрасно выполненными и удачно подобранными иллюстрациями. В первой главе дана историография вопроса и освещаются обстоятельства находки камня. Вторая глава («Исследование камня и надписи»), которой автор справедливо отвела бóльшую часть работы, посвящена историческому содержанию, палеографическим и филологическим особенностям надписи. А. А. Медынцева приводит не только обширные аналогии начертаний букв на эпиграфических памятниках, одновременных Тмутараканскому камню, но и примеры чисто филологического характера. При этом в научный оборот введено большое количество надписей на разнообразных предметах, открытых в последнее десятилетие. Завершает книгу А. А. Медынцевой библиографический список. Однако, на наш взгляд, он недостаточно полон. В работе, подводящей итоги многолетним исследованиям памятника, безусловно, следовало бы поместить список всей литературы о Тмутараканском камне, а не только той, которую использует автор. В частности, в библиографии, приведенной А. А. Медынцевой, отсутствует чрезвычайно важная и обстоятельная статья А. Л. Бертье-Делагарда [1, с. 45—96], учет которой позволил бы автору избежать ряда неточностей историографического порядка (о них ниже). В список следовало бы включить, как минимум, еще несколько работ, специально посвященных Тмутараканскому камню, но ныне незаслуженно забытых [2, 3, 4 и др.].

Книга А. А. Медынцевой, безусловно, является последним словом в дискуссии вокруг Тмутараканского камня — уникального эпиграфического памятника древнерусской истории. Поэтому желательно было увидеть в работе объяснение многих фактов, связанных с находкой камня. Тем более что эти сведения начисто отметают любые предположения о подложности Тмутараканского камня.

А. А. Медынцева считает, что «...до сих пор нельзя точно сказать, чьей заслугой является открытие надписи: источники называют двух лиц — майора Х. К. Розенберга и бригадира П. В. Пустошкина. Известно также, что мраморная плита с надписью обнаружена казаками при разборке на камень старой турецкой крепости возле станицы Таманской. Эта плита была перевезена в казарму и положена у дверей вместо порога» (с. 6). Представляется, что есть возможность однозначно установить, кто и когда нашел камень. Можно также проследить судьбу находки до начала сентября 1792 г., т. е. до времени первого упоминания о ней.

Находка камня непосредственно связана с историей заселения Кубани, о чем автор книги практически не говорит ни слова. Ясский мир 1791 г., установивший границу России по правобережью Кубани, положил начало переселению запорожцев из-за Буга. Но прежде чем перевести казачью флотилию на новое место, адмирал Н. С. Мордвинов 11 мая 1792 г. отправил 1-й Днепровский егерский батальон под

командованием премьер-майора Х. К. Розенберга в Тамань «...для исправления и вооружения тамошних укреплений» [5, с. 134]. В обязанности батальона входили: ремонт бывшей турецкой крепости Таман и строительство землянок для ожидавшихся запорожцев.

В письме таврического губернатора С. С. Жегулина таврическому вице-губернатору К. И. Габлицу от 4 июля 1793 г. указано: «...камень сей найден таврическаго егерскаго корпуса 1-го баталиона служителями» [6, с. 170].

Находка егерей была, по-видимому, вторичной. Тмутараканский камень, вероятно, был найден между 1787—1790 гг. солдатами перевозной команды, которые использовали плиту в качестве порога казармы, а точнее — дома перевозчиков [7, с. 41]. Как раз в те годы турецкая крепость Таман ремонтировалась, тогда же и был построен для перевозчиков дом. Рисунок М. И. Иванова «Вид казармы в Фанагории», на котором изображен камень, ввел многих исследователей в заблуждение [8, с. 1] [1]. Казарма, стоящая на берегу, находилась в 200 саженях от крепости Таман, а не в крепости Фанагория, расположенной на значительном удалении от Тамана.

Найдя камень с надписью «...от Тамана без малого на версту, близь разрушенного фантала» [7, с. 180][2], рядовые егерского батальона доложили своему командиру Х. К. Розенбергу. Розенберг сообщил о находке бригадиру П. В. Пустошкину, и тот в свою очередь 8 сентября 1792 г. отправил камень в Таганрог. По возвращении камня в Тамань в 1793 г. его положили к фонтану, построив вокруг деревянный навес.

Фонтан, возле которого нашли Тмутараканский камень, описан в 1834 г. Ф. Дюбуа де Монпере: «...единственный древний фонтан, который мне известен и который еще не иссяк, хотя наполовину находится в развалинах, это фонтан, устроенный на берегу моря, у подошвы старой турецкой крепости; он окаймлен обломками мрамора разных времен и получает свою воду из вышеупомянутого артезианского кратера (речь идет о так называемом Сухом озере.— *В. З.*)» [10, с. 78]. Этот же фонтан обозначен на плане Фанагорийского рейда Будищева 1812 г. [1, с. 68—71]. За последние годы в Центральном государственном военно-историческом архиве обнаружены еще планы Тамани и ее окрестностей (например, план 1771 г.[3]).

Требует уточнения ряд вопросов, связанных с дальнейшей судьбой Тмутараканского камня. Из всех современников особое внимание уделил камню, понимая важность находки, войсковой судья А. А. Головатый. Именно он возбудил ходатайство о перенесении камня во двор Покровской церкви, построенной на его средства. Только по его приказу в апреле 1795 г. землемер Санбулов изготовил чертежи «...для постановления под оной камень столбов» [6, с. 181]. Оказавшись далеко от Тамани, А. А. Головатый спешил для завершения «...такова достопамятнаго дела... препроводить фонагорийскому полковнику господин секунд-майору Бурносу довлеевой тому месту план» [6, с. 181—182]. Однако смерть А. А. Головатого помешала закончить начатое дело до конца. Тмутараканский камень на долгие годы остался лежать во дворе Покровской церкви.

А. А. Медынцева неверно поместила церковь в «...двух верстах от Тамани в крепости «Фанагория» (с. 7). На самом деле церковь была выстроена в 1794 г. в «прекрасном саду», сохранившемся еще от турецкого времени и находившемся в версте от крепости Таман на юг. Крепость Фанагория действительно располагалась в двух верстах от Тамани, но на северо-восток, находилась на берегу моря. Никакой церкви за полувековую историю существования Фанагорийской крепости на ее территории никогда не было [4].

---

[1] Книга А. Н. Оленина вышла не в 1809 г., как указывает А. А. Медынцева, а в 1806, кроме того, в ее описании допущено несколько ошибок [ср. 8]. Встречаются неточности при цитировании. Так, в цитате из книги А. И. Мусина-Пушкина надо писать: «...близ крепости Тамана» [9, с. 57, прим. 35], а не «Тамани», как у А. А. Медынцевой (с. 21). В XVIII в. Тамань именовали Таманом — по турецкой крепости Таман, существовавшей там до прихода запорожских казаков.

[2] Фоналом (на местном диалекте — «фантал») называли в Тамани всякий водоем, получающий воду посредством трубопровода [10, с. 77, прим. 1].

[3] Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 418, колл. ВИА, № 22636.

[4] К сожалению, подобная же неточность допущена А. А. Формозовым, который пишет: «В Фанагорийской крепости Пушкин мог видеть Тмутараканский камень» [11, с. 197; 12, с. 28].

В 1799 г. Тамань посетил В. Измайлов. Осмотрев церковь, он записал в дневнике: «...я видел сей камень возле церкви, под деревянною кровлею и за железною решоткою» [13, с. 142].

17 августа 1803 г. в Тамань приехал тайный советник известный архитектор и писатель Н. А. Львов-Никольский, который нашел Тмутараканский камень «...заваленным в церковной ограде другими мраморными отломками... тронутый жалостным столь зрелищем для любителя наук и художеств, решился он помощию бывших с ним спутников знаменитый сей камень торжественно перенесть во внутренность храма и, собрав разные примечания достойные остатки других древних камней, составил памятник, означающий перехождение острова Тамана под владение разных народов» [8, с. 29]. В основании монумента должна была лежать колонна, на которой высекли следующую надпись:

СВИДЕТЕЛ(Ь) : ВѢКОВ : ПРОШЕДШИХ : ПОСЛУЖИЛ :
ВЕЛИКОИ ЕКАТЕРИНЫ : К : ОБРѢТЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИСТИНЫ : О ЦАРСТВѢ ТМУТАРАКАНСКОМ : найден в 179 (2)
АТАМАН[О]М : ГОЛОВАТЫ[М] : СВИДЕТЕЛЬСТВО ЕГО СВѢТУ
Сообщил: ГР[А]Ф : ПУШКИН: из БЫЛИЯ ИЗВѢЛ ЛЬВОВ :
НИКОЛЬСКОИ: 1803 : 1111.17: при нач[альстве] маіор(а) васю(ренцо)ва: при пастыр[стве] : протоіер[ея] : павла: демешко: [5]

Монумент установить так и не удалось, хотя ряд исследователей ошибочно считают, что он существовал [11. с. 197]. Единственным основанием для такой точки зрения служит гравюра в книге А. Н. Оленина. Покинув Тамань, Н. А. Львов 24 августа оказался в Керчи, преждевременная смерть в конце 1803 г. помешала выполнить задуманное. Колонна с надписью на долгие годы осталась лежать в Тамани во дворе Покровской церкви. Только в 1911 г. ей нашли применение — установили на постаменте у подножия памятника первым запорожцам, высадившимся в Тамани [14, фотография на с. 28]. В 20-е годы колонна была утеряна и обнаружена вновь лишь в 1975 г. [6]

В 1835 г., а не в 1832 г., как указывает А. А. Медынцева (с. 7), камень перевезли в Керченский музей [15, с. 106]. Ф. Дюбуа де Монпере видел Тмутараканский камень в Тамани в 1834, а не в 1832 г. [1, с. 87].

В данной рецензии мы столь подробно останавливаемся на ряде не отмеченных А. А. Медынцевой фактах, относящихся к истории находки камня, прежде всего потому, что эта проблема выделена автором книги как первая из целой группы причин, по которым «...в течение 180 лет не утихают споры вокруг тмутараканской надписи» (с. 13).

Еще в 1806 г. А. Н. Оленин в своем исследовании писал: «...скучно будет читать несколько страниц, наполненных рассуждением: две ли косые ноги, или одна из них перпендикулярная принадлежит литере Л; а без того мне нельзя и в речь вступить» [8, с. 1]. Это замечание родоначальника русской научной палеографии показывает, какое значение для подтверждения подлинности надписи придается этой науке.

Отмеченные просчеты и досадные недоразумения должны быть учтены автором при переиздании этой крайне необходимой книги. В целом следует подчеркнуть важность и своевременность появления монографии А. А. Медынцевой — книги, подводящей итоги изучению Тмутараканского камня и, по сути дела, положившей начало качественно новому этапу исследования этого замечательного эпиграфического памятника Древней Руси. Справедливым представляется и конечный вывод исследователя: «Длительная история изучения Тмутараканского камня доказывает,

---

[5] В настоящее время колонна хранится в Таманском отделе Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника, инв. № ТАМ-429. Надпись частично пострадала, отбиты окончания слов и даты. В круглые скобки заключены поврежденные буквы, в квадратные — недостающие. Первая публикация принадлежит А. Н. Оленину. Все исследователи допускали ошибку при чтении фамилии Демешко; не были отмечены особенности надписи. заключающиеся в большом количестве лигатур: ИК, НЫ, НИЮ, НН, ЧЕ, АР, ТВ, ЫИ, АК, АМ, АТ, ТЕ, ГР, ИА, ПР, МА, ТЫ, ПАВ, ШК.

[6] В Архиве Академии наук СССР хранится «дорожная тетрадь» А. Н. Львова, содержащая большое количество зарисовок. Среди них «вид места, где найден камень с именем тмутараканского князя Глеба», «обломок греческого барельефа... из Фанагории привезенного и в церкви Таманьской оставленного» (Архив АН СССР, ф. 108, оп. 2, № 29).

что каждое новое поколение исследователей раскрывало и объясняло такую заложенную в нем информацию, которой не замечали их предшественники». Тмутараканская надпись выдержала испытание временем. Но, очевидно, будущим исследователям придется не раз обращаться к этой надписи и выявить новые ее особенности, не замеченные современными исследователями» (с. 49).

В. А. Захаров

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бертье-Делагард А. Л.* Заметки о Тмутараканском камне.— ИТУАК, 1918, № 55.
2. *Лунин Б. В.* В поисках древнего Тмутараканя.— В кн.: На подъеме. Ростов-на-Дону, 1935, № 3—4.
3. *Мазон А.* Тьмутороканьский блъванъ.— Revue des Etudes Slaves. T. 39. Paris, 1981.
4. *Орлов П. М.* Тмутороканский камень — древнейший памятник русской письменности и русских геодезических работ.— Доклады Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Вып. 10. М., 1949.
5. *Иванов И.* Переселение запорожцев в Тамань.— Киевская старина, 1891, июль, т. XXXIV.
6. *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. Изд. 2-е. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
7. *Соколов В.* Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской.— ИТУАК, 1919, № 56.
8. *О[ленин] А.* Письмо к графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину. О камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. Спб., 1806.
9. *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского Княжения. Спб., 1794.
10. *Соколов В.* Таманское озеро (Древний «артезианский кратер»).— ИТУАК, 1919, № 56.
11. *Формозов А. А.* Пушкин и древности юга России:— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л.: Наука, 1979.
12. *Формозов А. А.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука, 1979.
13. *Веселовский Н.* К истории открытия Тмутараканского камня.— Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом. Вып. XXII. Пг., 1917.
14. Хрестоматия по истории Кубани. Документы и материалы. Ч. 1. Краснодар, 1975.
15. *Спицын А.* Тмутараканский камень.— ЗОРСА, 1915, т. XI.

Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979. Тираж 4900, 55 с. с илл.

В 1979 г. издательство «Наука» выпустило в свет подробное исследование замечательной эпиграфической находки — Тмутараканского камня (автор А. А. Медынцева). Книга и затронутые в ней проблемы актуальны и представляют интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Интерес к книге прежде всего определяет поставленная в ней задача — рассмотрение и комментирование наиболее спорных и острых моментов в исследовании памятника. Такая постановка оправданна и своевременна, так как среди исследователей отсутствует единство как в вопросе аутентичности камня, так и в оценке его языковых и палеографических особенностей.

Труд состоит из трех основных частей: введение, историография и исследование камня и надписи.

При решении широкого круга вопросов автор исходит из того, что уже сказано о надписи, и предпринимает полный критический обзор высказанных мнений. Все вопросы рассматриваются и преподносятся в синтезированном виде. В конце раздела «Историография» А. А. Медынцева суммирует причины, из-за которых в течение около 180 лет не стихают споры вокруг Тмутараканской надписи. Автор объединяет их в несколько групп (с. 13). Одной из основных причин является «очевидная бесцельность содержания», которая смущала ряд известных исследователей и знатоков русской истории. В сущности, как отмечал еще и А. И. Соболевский, «если мы не видим цели, это не значит, что ее не было на самом деле». Практика измерений расстояний по суше и воде известна еще с античности, а позднее и в раннем средневековье. Такие данные содержат и русские источники. Исторические сведения, приведенные А. А. Медынцевой, подтверждают свидетельство надписи (с. 15).

На основе целостного изучения Тмутараканского камня А. А. Медынцева стремится доказать его аутентичность и опровергнуть научный скептицизм по отношению к подлинности памятника.

В разделе «Исследование камня и надписи» (с. 14—47) автор убедительно объясняет историческую ценность надписи. Сопоставление исторических сведений, отраженных в тексте надписи (пребывание князя Глеба в Тмутаракани), с данными Киевско-Печорского патерика подтверждает правильность исследовательского подхода автора.

Прослеживая неспокойную историческую обстановку в Причерноморье во второй половине XI в. и быструю смену князей в Тмутараканском княжестве, А. А. Медынцева приходит к труднодоказуемому, как нам представляется, выводу, «что надпись об измерении ширины пролива князем Глебом могла преследовать и политические цели: письменно утвердить его права на тмутараканский стол, на западную и восточную часть Тмутараканского княжества» (с. 15), т. е. князь Глеб посредством этой надписи или, точнее, посредством глагола «МЕРИЛ» хотел подчеркнуть свои права и на другую часть Боспора.

Как уже отмечалось, Тмутараканская надпись не давала покоя ученым даже и в наше столетие. В своей книге А. Л. Монгайт [1] делает попытку переоценки надписи, рассматривая сохранность камня, воздействие на него времени, историческую обстановку в годы открытия памятника и т. д. А. А. Медынцева умело сопоставляет тезис А. Л. Монгайта и наблюдения Б. В. Сапунова, подробно изучившего степень разрушения камня [2, с. 457—471]. Опираясь на собственные наблюдения (я имел счастливую возможность видеть памятник в оригинале), могу определенно утверждать, что степень разрушенности самого камня, а отчасти и надписи одинаковы. Они вызваны воздействием времени и различных механических и химических факторов. Справедливо и весьма своевременно поэтому и утверждение А. А. Медынцевой о том, что высказывания ряда ученых о Тмутараканском камне, который якобы и сегодня выглядит как новенький, совсем без следов разрушения от времени, не соответствуют действительности и только вводят в заблуждение исследователей, никогда не видевших камня (с. 19).

Нужно отметить, что Тмутараканский камень исследовался учеными разных специальностей — историками, лингвистами, археологами. Но каждый из исследователей в большей или меньшей степени пропускал одну из самых важных сторон изучения надписи — ее палеографические особенности. Вероятно, отсутствие достаточного эпиграфического материала в конце прошлого и начале нашего века не позволяло специалистам обратиться к палеографическим особенностям надписи, что, видимо, и привело к сомнениям в его подлинности. Опыт в этом направлении был предпринят И. Кудрявцевым, Л. Тихановым и Н. Тихомировым в критической рецензии по поводу книги А. Л. Монгайта, посвященной Тмутараканской надписи [3].

В поисках аналогий авторы с полным основанием обратились и к древнеболгарским эпиграфическим памятникам. Но сходство Темницкой надписи и Тмутараканской, на наш взгляд, проявляется только в изысканном графическом стиле и начертаниях некоторых букв, в то время как совокупность особенностей скорее показывает различие, чем сходство. И в этом отношении А. А. Медынцева сделала много больше своих предшественников. Она привлекает разнообразные письменные памятники — лапидарные, рукописи, надписи на фресках, мозаиках, металлических сосудах. Подробный и тщательный сравнительный палеографический анализ этих материалов позволил ей убедительно доказать аутентичность Тмутараканской надписи. При подробном палеографическом анализе (с. 30—39) А. А. Медынцева приводит графическое воспроизведение форм букв — прием, редко встречающийся в подобного рода исследованиях. Это освобождает читателя от необходимости постоянного обращения к прориси. Частое цитирование работ других исследователей не утяжеляет текст, а дает возможность читателю сразу ориентироваться в мнениях, высказанных по тому или иному поводу. Некоторые из авторов при анализе графических особенностей надписи справедливо привлекали греческие параллели византийской эпохи (в северном Причерноморье открыто большое количество греческих надписей и граффити). В этой связи следовало бы, может быть, включить в иллюстративный материал несколько фотографий греческих эпиграфических памятников. Эти надписи, так же как и греческие рукописи той эпохи, иллюстрируют влияние греческого письма на графику некоторых кириллических лапидарных памятников. Этим влиянием объясняется и знак между N и S, который использовался для сокращения слова «индикт». Такое сокращение известно по ряду датированных греческих рукописей: «Слово св. Василия Великого» (977 г.), «Слово Иоанна Златоуста» (999 г.) и др.

Дополнительно к приведенным в работе данным (с. 20) нужно отметить, что крест в начале надписи замещал собой символическую инвокацию «Во имя отца и сына и святаго духа», встречающуюся в надписях разнообразного содержания. После поврежденного при неизвестных обстоятельствах знака креста вырезан знак, толкуемый исследователями по-разному. Подобный знак известен по «Архангельскому евангелию», в других славянских рукописях точки образуют крестообразную форму. Вместе с палеографическим анализом автор рецензируемой книги с умением рассматривает лингвистические особенности надписи, этимологию некоторых слов.

К недостаткам книги, впрочем незначительным, следует отнести то, что автор привлекает в качестве аналогий недатированные и дискуссионные памятники — такие, как Гнездовская, Темницкая надписи и др. Кроме того, полагаю, что при обращении к древнеболгарским надписям А. А. Медынцева неоправданно употребляет термин «южнославянские» — понятие, очень широкое в смысле этническом и географическом.

Труд А. А. Медынцевой несомненно содержит много новых сведений, глубоких наблюдений и интересных идей. Это исследование — вклад в изучение Тмутараканской надписи, которая почти два столетия волнует ученых. Наиболее важный вопрос — вопрос об аутентичности надписи. А. А. Медынцева решает его положительно — в своей работе она безусловно доказывает, что «сегодня нет никаких фактических данных сомневаться в подлинности Тмутараканской надписи» (с. 49).

К. Попконстантинов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Монгайт А. Л.* Надпись на камне. М.: Наука, 1969.
2. *Сапунов Б. В.* О Тмутороканском камне 1068 г.— ПКНО — 1975. М., 1976.
3. *Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихомиров Н.* Поддельные сомнения.— Молодая гвардия, 1970, № 1.

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979. 414 с. Тираж 17 100

Одним из основных недостатков, препятствовавших изучению истории русской архитектуры домонгольского периода, являлось крайне незначительное количество сохранившихся памятников. В настоящее время над поверхностью земли существует лишь около 50 памятников домонгольского зодчества, если считать не только сохранившиеся полностью, но и дошедшие до нашего времени с перестройками, утратами, в руинированном виде и проч. Учитывая, что это относится ко всей русской архитектуре от конца X до середины XIII в., легко представить, какими обрывочными данными мы располагаем. Естественно, что для успешного изучения истории русской архитектуры древнейшего периода прежде всего необходимо попытаться увеличить объем источника, т. е. привлечь к исследованию и те из них, остатки которых скрыты под землей.

Раскопки памятников древнерусского зодчества проводили уже в прошлом веке, однако это были единичные примеры, к тому же они носили большей частью дилетантский характер. Серьезные и систематические археологические исследования памятников русского зодчества начались лишь с конца 30-х годов XX в. и особенно большой размах получили в послевоенные годы. Широкие раскопки памятников древнерусского зодчества проведены уже почти во всех землях древней Руси, а количество изученных памятников увеличилось примерно втрое. Были открыты и детально исследованы некоторые важнейшие памятники, определившие этапы в истории русской архитектуры, яркую характеристику получили основные школы домонгольского зодчества — киево-черниговская, владимиро-суздальская, новгородская. Более того, благодаря археологическим исследованиям удалось выявить даже неизвестные ранее архитектурные школы. Лучшим примером этому является книга Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.».

Древности Смоленска, и в первую очередь его архитектура, привлекали внимание исследователей уже в начале XIX в. В первой главе книги — «Изучение древнего смоленского зодчества» (с. 7—24) авторы дают подробный историографический очерк работ своих предшественников. Последней в обзоре названа вышедшая в 1964 г. книга М. К. Каргера [1], со всей наглядностью показавшая, что Смоленск

располагает большим количеством памятников монументального зодчества. Однако изученность их была настолько плохой, что М. К. Каргер даже не попытался охарактеризовать смоленскую архитектурную школу, ограничившись сводкой фактического материала.

Действительно, до нашего времени в Смоленске сохранилось всего три храма XII—XIII вв., из них два целиком, а третий частично перестроенный. Еще семь построек, обнаруженных при различных земляных работах, было частично раскрыто раскопками, проведенными на недостаточно высоком профессиональном уровне и без точной фиксации. Особенно мало внимания уделялось при этих раскопках вопросам строительной техники. Чтобы понять процесс развития смоленского зодчества, были необходимы систематические исследования.

В 1962 г. была создана смоленская архитектурно-археологическая экспедиция под руководством Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта. Экспедиция проработала в Смоленске до 1967 г., а затем — с 1972 по 1975 г. (всего 10 полевых сезонов). За это время были проведены раскопки 10 построек XII—XIII вв., раскопаны галереи у двух сохранившихся храмов и подвергнуты частичным контрольным раскопкам два памятника, исследованные еще в дореволюционные годы. Кроме того, на территории города проведены тщательные разведки, раскопаны две кирпичеобжигательные печи XII—XIII вв. и остатки одной церкви XVI в. Огромная, не имеющая себе равной по масштабу в пределах одного города архитектурно-археологическая деятельность экспедиции дала совершенно исключительные результаты. Вместо нескольких случайно сохранившихся построек в распоряжении исследователей оказалась целая серия памятников зодчества древнего Смоленска — 19! Чтобы понять, сколь велика эта цифра, напомним, что в Киеве для значительно более продолжительного периода — с конца X до начала XIII в.— известно только 23 памятника архитектуры, а для отрезка времени, синхронного строительству в Смоленске (середина XII — начало XIII в.),— всего 7 памятников! При этом памятники смоленского зодчества так детально исследованы и так полно опубликованы, что дают ясное представление и об архитектурных формах, и о строительной технике. Подробное описание и анализ открытых памятников, составляющие основную часть работы (глава «Памятники», с. 25—329), сопровождается исчерпывающей графической и фотодокументацией. Особенно важно подчеркнуть, что авторы дают реконструкции не только планов раскопанных построек, но в ряде случаев и реконструкции их объемно-пространственной композиции, хотя и оговаривают гипотетичность некоторых из них [1].

Таким образом, работа Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта прежде всего содержит огромный новый материал, превосходно методически обработанный и поданный с исчерпывающей полнотой. Среди изученных памятников — церковь-ротонда немецких купцов, бесстолпная княжеская церковь на детинце с остатками майоликового пола, княжеский терем — одна из немногих монументальных гражданских построек домонгольской Руси.

Весьма затруднительной оказалась датировка смоленских построек. Смоленские летописи до нас не дошли, и большая часть памятников неизвестна по первоначальным названиям, в связи с чем не имеет датировки, основанной на письменных источниках. Точно датированы только две постройки и еще три — приблизительно. Но авторы и здесь блестяще вышли из трудного положения: они использовали и сопоставили все возможные методы датирования: немногочисленные письменные сведения, типологические и стилистические особенности памятников, их строительную технику, совпадение знаков на кирпичах и, наконец, формат кирпичей. Датирование по формату кирпича — метод, несомненно чрезвычайно своеобразный и перспективный,— был обоснован П. А. Раппопортом в отдельной статье [2, с. 83] и в полной мере использован в рецензируемой книге в главе «Датировка памятников» (с. 372—383) [2]. Комплексное исследование всех датирующих признаков, сведенных в соответствующие таблицы, позволило авторам составить достаточно прочно обоснованную хронологическую шкалу смоленских построек,

---

[1] Проект реконструкции церкви архангела Михаила, как и ее описание, выполнены С. С. Подъяпольским, специально изучавшим этот хорошо сохранившийся памятник.

[2] Кстати, когда метод уже был опубликован, выяснилось, что совершенно независимо к почти идентичным результатам на материалах новгородской архитектуры пришел Г. И. Штендер [3, с. 442].

в которой они датированы с точностью до 20 лет, выявить последовательность их возведения, определить время создания галерей и приделов ряда памятников, время некоторых перестроек.

Особенно важное значение имеет глава «История смоленского зодчества» (с. 384—408). На основании архитектурных форм отдельных памятников и их места в хронологической шкале Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт рассматривают картину сложения смоленской архитектурной школы. Авторы убедительно показывают, как начиная с 40-х годов XII в. в Смоленске работала местная строительная артель, характеризуют ее деятельность и выявляют тесную связь с киево-черниговским зодчеством. Исследователи прослеживают перелом, происшедший в смоленской архитектуре в 80-х годах XII в., объясняют его причины и обрисовывают дальнейшую судьбу смоленского зодчества. Чрезвычайно ярко и убедительно показан самостоятельный характер смоленской архитектурной школы конца XII — первой трети XIII в., характеризуемой башнеобразно поднятыми барабанами глав, сочетанием разновеликих объемов, создающих ступенчатые силуэты храмов, а также сложностью профилировки пилястр, вызывающей на фасаде множество вертикальных членений, подчеркивающих напряженную динамику композиции. Фасады храмов поражают богатством декоративной разработки, почти скульптурной выразительностью пластического решения. Яркость архитектурного образа смоленских памятников, несомненно, делала их популярными по всей территории Руси. С конца XII в. в Смоленске одновременно работали уже две строительные артели (по-видимому — княжеская и епископская), организованные по вертикальному признаку, т. е. обеспечивавшие все этапы строительства — от формовки и обжига кирпича до полного завершения здания. Памятники, возведенные этими двумя артелями, заметно различаются, хотя относятся к одной архитектурной школе.

Исследователи убедительно показали, что смоленская школа зодчества оказала огромное влияние на архитектуру других русских земель. Выяснилось, что смоленские зодчие работали и в Новгороде, и в Рязани, и даже в самом Киеве. Памятникам, возведенным смоленскими мастерами на территории других княжеств, посвящена отдельная глава в книге (с. 348—371).

Блестящий расцвет смоленской архитектуры был оборван катастрофой 1230 г. — страшной эпидемией, опустошившей город. После этого монументальное строительство в Смоленске надолго прекратилось.

Археологические исследования, проведенные Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом в Смоленске, дали богатейший материал не только по архитектурным памятникам, но и по целому ряду вопросов, связанных с архитектурой: монументальная живопись, строительная техника, историческая топография города (с. 330—347) и проч. Эти проблемы в книге специально не рассматриваются, поскольку им посвящены отдельные работы авторов. Монументальная живопись древнего Смоленска уже опубликована Н. Н. Ворониным отдельной книгой [4], а вопросы строительной техники и организации строительного производства затронуты в нескольких статьях П. А. Раппопорта (например, [5, с. 402]).

Раскрытие яркой картины развития зодчества древнего Смоленска имеет значение для истории культуры не только этой земли, но и всей Руси. Авторам удалось показать, как к концу XII в. слагается новый общерусский этап в развитии архитектуры, как появились памятники, отмеченные динамической устремленностью ступенчато-башнеобразной композиции объема. Это явление, в какой-то мере параллельное тем процессам, которые в Западной Европе привели к сложению готической архитектуры, на Руси зародилось уже в середине XII в. в зодчестве Полоцка, а затем на основе достижений полоцких мастеров блестяще развернулось в Смоленске [3].

Несомненно, что раскрытие яркой и своеобразной смоленской архитектурной школы заставит во многом пересмотреть сложившиеся представления на общий процесс развития русского зодчества в XII—XIII вв. Свидетельством этому может служить, например, принципиально важная статья П. А. Раппопорта [7], в которой совершенно по-новому раскрывается картина взаимосвязи русских архитектурных школ в предмонгольские годы.

---

[3] Позднее П. А. Раппопорт провел археологические раскопки в Полоцке и на основании полученных там материалов показал, как слагалось новое направление в зодчестве Полоцка [6].

Работа Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.» — несомненно крупный вклад в изучение древнерусской архитектуры и, более того, древнерусской культуры в целом. Жаль, что рецензию приходится кончать печальной фразой: по вине типографии иллюстрации в книге напечатаны совершенно неудовлетворительно.

Малевская М. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
2. *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича.— СА, 1976, № 2.
3. *Штендер Г. М.* О ранних федоровских храмах древнего Новгорода.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, М., 1977.
4. *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12—13 веков. М.: Искусство, 1977.
5. *Раппопорт П. А.* Зодчие и строители древнего Смоленска.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
6. *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII века.— СА, 1980, № 3.
7. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков.— В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.: Наука, 1977.

БУТУЗОВА Г. А., ФРЕЙДЕНБЕРГ М. М., ХОХЛОВ А. Н.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОРУЖИЕ НА БАЛКАНАХ В РАБОТАХ Д. ПЕТРОВИЧ

В литературе существует устойчивый интерес к истории военного дела и вооружения на Балканах в XIV—XV вв. — эти два столетия были временем создания и распада крупных государств, феодальных усобиц, османского завоевания [1—4]. Естественно, что в списке причин, обеспечивших успех завоевания, фигурирует и вопрос о соотношении оружия у завоеванных и завоевателей. Работы же югославских исследователей по истории оружия, появившиеся в последние годы, отмечают еще два стимула: 1) интерес к истории доосманского города в южнославянских землях, степени его развитости (или неразвитости), а следовательно, и уровню развитости ремесла как производственной основы этого города; 2) необходимость использовать архив в приморском городе Дубровнике — богатейшее собрание средневековых документов, проливающее свет на историю вооружения.

Активное использование неопубликованных текстов из дубровницкого архива — характерная черта большинства исследований, увидевших свет в 60-е и 70-е годы.

Эти особенности присущи и работам Джурджицы Петрович, профессора Белградского университета, видного специалиста по истории материальной культуры южных славян. В списке тем, которые привлекают ее внимание, в качестве одной из важнейших назовем проблему связей между Дубровником и славянскими странами полуострова. Статья о снабжении средневековой Боснии оружием из Дубровника в этом отношении весьма характерна [5]. Боснийское оружие (арбалеты, доспехи, пушки, пищали) находилось под сильным влиянием Венгрии и итальянских городов — Милана, Венеции, Флоренции. Оружие сюда привозили либо уполномоченные боснийского короля, либо дубровницкие купцы, находившиеся на королевской службе [5, с. 69—71], причем дубровчане не только ввозили оружие, но и в стенах своего города обучали боснийскую молодежь оружейному мастерству.

Количество ввезенного в страну оружия, по мнению автора, установить трудно, но этот приток был значителен. С апреля 1452 по декабрь 1453 г. один из местных магнатов закупил только в Дубровнике 4 пушки, 2 пищали, 18 доспехов, 6 арбалетов, 1500 стрел для них, 2 тыс. стрел для лука, 100 копий, 200 тетив, 300 фунтов серы, 1000 фунтов пороха [5, с. 72]. И доспехами, и арбалетами (самострелами) Босния была вооружена на европейском уровне. Короткая статья Д. Петрович убедительно аргументирована архивными данными и литературой. Но справедливо ли утверждать, что Босния первой из балканских стран начала применять огнестрельное оружие [5, с. 73]? Автор ссылается на использование пушек в Которе в 1378 г. Но Котор находился в составе боснийского государства лишь короткое время, да и развитие его характерно для Далмации, а не для континентальных стран. И еще одно замечание по поводу типично «боснийского» оружия. «Scutum bosniensis»

вполне мог являться именно таким оружием, но «spada de bosna» [5, с. 74] — это, конечно, просто меч, вывезенный из Боснии, по аналогии с теми «servi de Bossina», о которых так часто упоминают далматинские акты.

Важным сюжетом для специалистов по истории оружия оказывается проблема огнестрельного оружия в XV в. Именно так ставит этот вопрос Д. Петрович в обстоятельной статье «Огнестрельное оружие на Балканах накануне и после османского завоевания в XIV—XV вв.» [6]. Вначале она датирует первое упоминание огнестрельного оружия на Балканах (1351 г., венецианские balote cum igne [6, с. 84]), затем рассматривает пути его распространения на полуострове и вывоз пушек из Венеции и Дубровника [6, с. 84—89] и затем переходит к анализу материала XV в. Здесь исследователя занимает проблема дубровницкой артиллерии. В конце столетия здешние ядра не превышали 100 кг. В то же время на Западе вес ядер достигал 360 и даже 400 кг [6, с. 92]. Автор сообщает важные сведения о вывозе пушек в Сербию и Боснию [6, с. 94—97], о появлении пищалей (здесь они назывались «пушками» — puscas латинских грамот) и об обособлении специалистов по отливке пушек и пищалей [6, с. 98—101]. Эта статья служит для Д. Петрович как бы подготовительным этюдом к капитальному исследованию — монографии «Дубровницкое оружие в XIV в.» [7] [1].

Д. Петрович не случайно ограничила рамки своего анализа XIV в. — столетием, когда Дубровник обретает коммунальную независимость, временем энергичных торговых связей, бурного экономического взлета города. Материал этого столетия обилен и многообразен. Его можно разделить на три группы. Во-первых, это музейный материал, оружие (и не только из югославских хранилищ); во-вторых — иконографические данные (изображения на фресках, рельефах, статуях, книжных миниатюрах и надгробных памятниках); наконец, это письменные данные, преимущественно из дубровницкого архива. Эти последние не только обработаны особенно тщательно — самое обращение к ним открыло перед исследовательницей возможность сочетать вещеведческий и источниковедческий анализ. Результаты этого сочетания заслуживают всяческого внимания.

Д. Петрович выдвинула следующие проблемы. 1. Какие виды и типы оружия изготовлялись и употреблялись в Дубровнике в XIV в., каков был ритм их развития и как на это воздействовали внешние и внутренние политические, экономические и демографические факторы? 2. Насколько интенсивно было влияние Италии на дубровницкое вооружение, как оно осуществлялось и было ли оно единственным? 3. Как и почему Дубровник стал значительным центром оружейного дела на Балканах? Ответ на эти вопросы изложен в нескольких разделах: I. Оружие нападения. 1. Холодное оружие — колющее и рубящее. Меч. Переходные типы между мечом и кинжалом. Кинжал. Сабля. «Корда». Ножи. 2. Оружие на древках — копье. Палица-шестопер. 3. Холодное оружие для удара на расстоянии — праща. Лук со стрелами и колчаны. Самострелы. Военные машины (спингарда, трабуко, манган). II. Защитное оружие — щит, доспехи. III. Огнестрельное оружие — бомбарда.

Основные наблюдения автора (по разделам) сводятся к следующему.

I. 1. Один из самых распространенных видов оружия, меч лишь с XIII в. отмечен на фресках и в находках, а в XIV в. он претерпевает ту же эволюцию, что и в остальных странах Европы — из рубящего становится также и колющим оружием. Его рукоятка оканчивается теперь уже не диском, а треугольным навершием — это тип «семпах»; автор склоняется к мысли, что он не только использовался, но и производился в Дубровнике. Меч «готский» или «большой», двуручный — традиционное оружие рыцарей — естественно не прижился в бюргерской среде Дубровника. Зато «малый меч», восходящий к римскому gladium и чем-то напоминающий «крестьянское» оружие в странах северной Европы (Bauerwehr), в городе «пришелся ко двору» и активно ковался. Наконец, завещание одного мастера-мечника (1391 г.) упоминает «spade schiavonesche», т. е. «славянский» (или иначе «сербский») меч [7, с. 19—27].

Здесь, как и в других местах работы, автор исходит в своем анализе из письменных источников. Задача анализа выглядит как дешифровка того, что скрывается за латинским или итальянским термином, и в большинстве случаев такой и является. Наполнить термин, найденный в акте, конкретным содержанием — такова

[1] Подготовительные работы к этой книге см. [8, 9].

цель автора. Подобная работа была проведена почти над каждым типом оружия. Рассматривая термины «custellerius» и «stocco», автор приходит к выводу, что первый — это нож с коротким клинком, а второй — узкое колющее оружие, возникающее в ответ на появление панциря для нанесения удара между пластинами. Это переходные типы к кинжалу, сословному оружию дубровницкого общества. Кинжалы разрешено было носить только нобилям [7, с. 27—35]. Около середины III в. в документах впервые появляется сабля («sabia grande»), оружие, в Дубровнике лишь упоминаемое, но не изготавливавшееся и не характерное. Широким слоям городского населения были привычны обычные ножи и особенно «корды», типа короткого меча, получившие необыкновенное распространение как деталь мужского костюма [7, с. 37—42]. Этимологически же термин «корда» восходит к странам Востока.

I. 2. К оружию, находившемуся под контролем коммуны, относились в первую очередь копья и палицы («буздованы»). На протяжении XIV в. все те же виды копий находятся в кладовых крепостей и судов — Дубровник не ведет войн, копья не ломаются, не требуют замены и усовершенствований. Палицы делятся на две группы: деревянные на вооружении окрестных крестьян со скотоводами и железные у горожан. Впрочем, сколько-нибудь важным оружием палица здесь не считается, для обороны города на стенах она мало применима [7, с. 47—56].

I. 3. Лук, оружие дальнего боя, был распространен чрезвычайно широко в XIII—XIV вв. Он использовался представителями всех слоев населения. Лук приходит из Венгрии; в конце XIII в. он изготовляется еще из дерева и входит в вооружение всадника, а с XIV в. появляется сложный лук из рога и кости (отсюда название — «archus de cornu» — «роговой лук»). Длина стрел — 70—80 см, наконечники листовидной (как в Боснии и Сербии), много реже — треугольной формы. Свои мастера по изготовлению стрел появляются в Дубровнике не раньше 80-х годов XIV в. [7, с. 57—66].

Нетрудно заметить, что терминологическая дешифровка не является единственной целью автора книги. Ей важно не только установить, что конкретно обозначают оружейные понятия, встречающиеся в документах дубровницкого архива, но и выяснить, какие из встречающихся видов оружия производятся в городе. Разделение видов оружия на те, что только упоминаются, и те, что и производятся в городе, является еще одной сквозной темой, которая занимает автора на всем протяжении книги.

Характеристика лука, естественно, ведет автора к самострелам, арбалетам — оружию очень действенному, одному из главных видов вооружения в Дубровнике. Оно всегда хранилось в арсеналах коммуны и на кораблях. Д. Петрович детально рассматривает принцип действия самострела [7, с. 71—73], приводит схемы и иллюстрации, отмечает существование двух типов оружия — ручного и крепостного.

При характеристике арбалетов — оружия, распространенного по всей Европе — особенно заметна черта, присущая исследовательскому почерку Д. Петрович: она рассматривает развитие дубровницкого оружия в контексте европейской военной культуры. И здесь уместно упомянуть иностранную литературу, привлекаемую автором. Круг этой литературы весьма широк, судя по ссылкам и библиографии [7, с. 147—160]. Автору хорошо знакома английская, итальянская и немецкая литература, она знает и ссылается на работы А. Н. Кирпичникова. Основательное знакомство с зарубежными публикациями вообще характерно для современной югославской историографии. Обращение к западной литературе позволяет Д. Петрович уверенно ответить на вопрос, поставленный в начале работы: влияние Италии было не единственным, дубровницкое оружейное дело испытало воздействие многих стран Европы. Добавим, что книга обращена и к читателю, не владеющему сербскохорватским,— она снабжена обширным резюме на английском языке [7, с. 251—282].

Анализ оружия дальнего боя логически приводит автора к рассмотрению метательных машин, часто упоминаемых в источниках, но без описания. Две из них — «трабуко» и «манган» — были камнеметами, а «спингарда» являлась разновидностью большого самострела на подставке или на колесах. Наиболее крупным из них являлся «трабуко» или рычаг, на одном конце которого находилась праща с каменным ядром (до 300 ф.), а другой тянул вниз под действием большого груза и позволял ядру лететь на расстояние до 270 м. Были и более крупные трабуки; при осаде Задара, например, в 1346 г. венецианцы бросали в город ядра до тонны весом. Впрочем, в Дубровнике трабуки не нашли широкого применения.

II. Среди защитного вооружения автор различает два типа щита: небольшой, овальный, до 80—90 см — «скутум» и большой прямоугольный, восходящий к римскому — «павезе» (т. е. из г. Павии), применявшийся в ряде случаев, в том числе и на галерах. Особое внимание автора привлекают доспехи, в развитии которых она отмечает три этапа: а) преобладание кольчуги (середина XI — середина XIII в.), б) появление металлических пластин (1250—1330), в) возникновение раннего пластинчатого доспеха (1330—1410). Д. Петрович последовательно приводит и рассматривает свидетельства о появлении, изготовлении и внешнем виде панцирей, воротников, металлических рукавиц, шлемов (cervelleria, basinet, barbuta, capellus) и впервые упоминаемого bacinellum.

III. Крошечная главка об огнестрельном оружии [7, с. 127—132] логично завершает монографию о дубровницком оружии XIV в. Ее небольшие размеры вполне оправданны: подлинные успехи огнестрельного оружия начнутся в следующем столетии. Первое достоверное свидетельство не просто существования, а также и производства этого оружия — это разрешение кузнецам изготовить бомбарду для города Трогира в сентябре 1378 г. К этому времени ключевые позиции вокруг Дубровника уже были вооружены 9 бомбардами. Изготовляемые в городе бомбарды типологически были близки итальянским, (длина 1 м, калибр — 20 см). Некоторые из них имели выступы для опоры, составляя особый тип, другие относятся к так называемому типу «малых бомбард» (длиной до 40 см), третьи — к «крупным», стрелявшим ядрами до 300 ф. Появление последних (1393 г., договор с мастером Мартином Мадъяром), по мысли автора, является новым этапом в истории огнестрельного оружия в Дубровнике. В истории города более нет безымянных пушкарей, договоры с мастерами на отливку пушек отныне фиксируются в официальных документах коммуны, и Мартин Мадъяр открывает галерею известных исследователям специалистов артиллерийского дела [10, 11].

Материал, собранный и проанализированный Д. Петрович, приводит автора к заключению, что в XIV в. Дубровник становится важным центром оружейного дела на Балканах, поставщиком оружия, изготовленного мастерами-специалистами. К их числу на первых порах можно отнести мечников, лучников, щитников, панцирников и арбалетчиков, в то время как ножи, кинжалы, стрелы, железные булавы изготовляли кузнецы-универсалы.

История производства оружия в городе распадается на два периода. Первый (с конца XIII в.— до 70-х годов XIV в.) — это время, когда оружейное дело не требует специальной выучки, и поэтому самострелы, щиты-павезе и некоторые части доспехов не изготовляются, это оружие ввозится в Дубровник из Венеции. Да и мечи, главное оружие городской стражи, а значит, и всех взрослых мужчин-горожан, в значительной степени ввозятся также оттуда — в самом городе работают только два мечника.

Таким образом, в первые 60 лет XIV в. Дубровник никоим образом не представляет сколько-нибудь значительного центра оружейного производства, он выступает лишь как посредник.

Второй период наступает почти сразу же после освобождения от власти Венеции (в 1358 г.), оружейное производство получает энергичный стимул для нового развития. Теперь в городе постоянно работают 6—7 мастерских по изготовлению мечей и 5—6 по изготовлению луков, деятельность их достаточна, чтобы обеспечить и собственные нужды, и вывоз. Очень выразительна таблица, позволяющая судить о том, как нарастает темп сбыта дубровницкого оружия в Сербию и Боснию [7, с. 140—142].

Уже в 1362 г. Дубровник начинает поставлять оружие в балканские земли. Чему обязан город этим стремительным ростом? Д. Петрович называет в качестве решающих факторов обретение самоуправления, развитие торговых, континентальных и морских связей, присущую горожанам находчивость и умение быстро реагировать на политические и экономические события. На наш взгляд, в этом списке отсутствует одно существенное обстоятельство — развитая ремесленная база города, наличие которой было известно давно, а для XIII в. было убедительно подтверждено новейшими исследованиями Й. Лучича [12]. И это развитость не одного только оружейного, но и многих других ремесел. Сама Д. Петрович отмечает не раз, с какой легкостью переключаются на производство оружия мастера других специальностей. Таким образом, именно устойчивость производственных традиций скорее, чем развитые торговые связи, объясняет рывок, который совершил Дубровник

в области изготовления оружия, точно так же, как они позволяют, на наш взгляд, объяснить «загадку» дубровницкого расцвета, начавшегося с XV в.

Производят впечатление не только выводы, предложенные Д. Петрович, но и сам метод ее работы, в первую очередь — уровень доказательности ее исследования. Список одних только публикаций источников, использованных автором, насчитывает 47 названий, и среди них учтено немало изданий по истории Венеции — публикации Дж. Монтиколо, Р. Чесси, В. Ладзарини. Непонятно лишь, почему 8 томов, изданных Л. Муратори, упомянуты без выходных данных, а в двухтомнике «Miscellanea» (Zadar, 1949, 1952) пропущено имя редактора, С. Антоляка.

Исследование Д. Петрович невозможно рассматривать в отрыве от иллюстраций, которыми оно сопровождается [7, рис. 1—76, с. 209—248]. Здесь представлены фотографии надгробных памятников, музейных экспонатов, схемы действия разных видов оружия, фазы развития меча, репродукции книжных иллюстраций. Они многообразны, но неравномерны по уровню исполнения и характеру объяснительного текста. В большинстве случаев этот текст (он дается и на сербскохорватском, и на английском языке) достаточно полон и содержит указания, откуда взята иллюстрация, однако рисунки, которые относятся к самострелам и метательным машинам [7, рис. 21, 24, 29, 32—34], необъяснимо лишены этого.

Осенью 1980 г. Д. Петрович (вместе с Л. Лачевац) явилась одним из организаторов выставки «Оружие и снаряжение средневекового воина в Сербии», развернутой в залах Музея города Белграда и подготовленной совместно с Историческим музеем Сербии. Изданный по этому поводу каталог [13] состоит из краткого текста (с. 3—11) и 15 таблиц, где представлены мечи, копья, шестоперы и палицы, боевые топоры, самострелы, пищали, сабли, шпоры, кольчуги и колчаны. Они иллюстрируют развитие вооружения в Сербии с XII до середины XV в. Сербское войско в конце этого периода, в XIV — первой половине XV в., находилось на уровне военной организации остальной Европы, то же относится и к истории оружия — по разнообразию видов его и качеству Сербия не уступает европейским странам [13, с. 5].

Изготовление оружия в средневековой Сербии в XII—XIII вв. локализуется в монастырских владениях и совершается руками вотчинных мастеров. Нередко эти мастера образуют целые поселения — Стрелари, Щитари, Копляри. С начала XIV в. оружейное производство испытывает на себе мощное воздействие экономического подъема, переживаемого страной,— роста горных выработок, рынков и местного обмена; изготовление оружия перемещается в города, центры горного дела, а позднее — в крепости (со второй четверти XIV в.). Оружейное дело дифференцируется — среди кузнецов выделяются щитники, лучники, изготовители стрел и мечники, создатели особого, уже упоминавшегося «сербского» типа меча. С последних десятилетий XIV в. появляются собственные сербские кольчужники. В крупных крепостях мастера, находившиеся на государственной службе, изготовляли самострелы, лили пушки и пищали, ковали сабли и тесали каменные ядра. Во всех этих случаях речь идет о мастерах местного (не иностранного!) происхождения. Впрочем, собственное производство доспехов в Сербии организовано так и не было, и попытка деспота Джураджа Бранковича создать его (в 40-х годах XV в.) ни к чему не привела.

Оружие, изготовлявшееся в течение всего этого периода, Д. Петрович классифицирует по признаку соответствия характеру эпохи. Так, самострелы, пищали и пушки, мечи, щиты, железные булавы относятся ею к группе, которую она предлагает считать «современной тому времени, когда (это оружие.— *Авт.*) употреблялось». И напротив, деревянные луки, дубины, ножи, некоторые виды стрел относятся к оружию, которое не меняется на протяжении столетий.

Но центральная проблема, к которой Д. Петрович возвращается несколько раз на протяжении всей работы,— это проблема соотношения местного производства и иноземного влияния. Сербские государи и вельможи, являвшиеся со своими дружинами на поле боя, с XIV в. все чаще начинают приобретать основное вооружение (мечи, самострелы, а затем и пищали) в Милане и Генуе, Флоренции и Венеции — эти города становятся главными поставщиками оружия для сербского войска. По подсчетам авторов, в сербские земли было завезено 1300 нагрудных доспехов, 800 шлемов, 700 панцирных комплектов, 510 пластинчатых рукавиц и множество других предметов [13, с. 7]. С 80-х годов XIV в. огромную роль в снабжении сербского войска оружием и снаряжением — и как посредник, и как производитель — начинает играть Дубровник.

В Сербию ввозится итальянское оружие, носящее все признаки средиземноморской военной культуры: круглые навершия на рукоятках мечей, щиты-павезе, доспехи, состоящие из прямоугольных пластин на тканевой основе. Миланские доспехи часто были вороненными («черные стальные доспехи» вспомогательных сербских контингентов упоминаются в битве турок с войсками Тимура в 1402 г., а 300 всадников, закованных в железо, по сообщению турецкого хрониста, стояли подобно «железному берегу» в сражении на Косовом поле). Вторая волна оружейного импорта шла из стран Средней Европы — путем закупки или через наемников. Это были мечи типа «семпах», «готские» длинные мечи (на некоторых из них сохранился знак волка, марка оружейных мастерских из Пассау), треугольные немецкие щиты, прямоугольные шлемы с одной прорезью для глаз — изображения подобных шлемов перешли в гербы и печати сербских деспотов. Особенно много оружия ввозилось из Венгрии — пищали, пушки, луки, колчаны, четырехугольные щиты, ножи. Наконец, с конца XIII в. в Сербии появляется оружие восточного типа — стрелы треугольного сечения, кривые мечи, колчаны, а со второй половины XIV в. уже типично турецкие предметы — сабли с расширяющейся секущей частью («елманъ» русских источников), ножи с персидской ручкой, плетеные щиты, дротики, особого облика булавы и шестоперы.

Внешний облик оружия, воспроизведенного на табл. II и V—VI, дает возможность провести аналогии с оружием из археологических раскопок на территории СССР. Эти аналогии могут быть установлены для наконечников копий (с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы; с пером удлиненно-треугольной формы с сильно скошенными плечиками; с широким коротким пером треугольной формы с сильно скошенными плечиками; с пером ланцевидной формы; с пером лавролистной формы [14, с. 6, 12, 13, 14, табл. V, *13*; VII, *11*; XXII, *2*; VII, *5*, *7*; IV, *4*; VIII, *2*, *3*; XXI, *7*]; для боевых топоров (а — с «опущенным» лезвием и трубкообразным вытянутым вдоль топорища обухом; б — с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом; в — с треугольным скошенным книзу лезвием, округлыми щековицами и коротким молоточком на обухе [14, с. 33—35, 36, 38, табл. XIV, *6*, XVI, *2*, XXIII, *5*, ср. также табл. XIII, *4*, *6*, XI, *2*, XVIII, *4*]). Эти параллели, как нам кажется, представляют интерес.

Рассмотренные выше работы по истории оружия на Балканах позволяют судить о тех путях, которыми движется в последние годы изучение военного дела в югославской науке. Продолжает успешно применяться метод комплексного исследования вещественных, письменных и иконографических памятников; ведется энергичный поиск архивных данных; сопоставляется материал из разных субрегионов Европы. Активное использование этой методики и обеспечило исследованиям Д. Петрович столь значительные результаты, позволив ее работам занять важное место в развитии югославской исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дероко А.* Најстарије ватрено оружје у средњовјековној Србији.— В кн.: Глас САНУ, књ 246. Београд, 1961.
2. *Шкриванић Г.* Прилози за проучвањ у развоја ватреног оружја.— ВВМ, 2, 1954.
3. *Шкриванић Г.* Оружје у средњовјековној Србији, Босни и Дубровнику. Београд, 1957.
4. *Шкриванић Г.* Топови на Косову 1389.— ВВМ, св. 18, 1972.
5. *Petrović Đ.* Uloga Dubrovnika u snabdevanju srednjovekovne Bosne oružjem. XIV—XV vek.— In: Radovi III. Muzej grada Zenice. Zenica, 1973.
6. *Петровић Ђ.* Ватрено оружје на Балкану уочи и после Османског освајања у XIV—XV веку.— В кн.: Гласник Цетињских музеја. III књ. Цетиње, 1970.
7. *Petrović Đ.* Dubrovačko oružje u XIV veku. Vojni muzej. Posebna izdanja, knj. V. Beograd, 1976.
8. *Петровић Ђ.* О ватреном оружју у Дубровнику у XIV веку.— ВВМ, св. 15, 1969.
9. *Петровић Ђ.* Ратне справе XIV века према градњи из Дубровачког архива.— ВВМ, св. 16, 1970.
10. *Petrović Đ.* Un balestriere marchigiano a Ragusa nel XIV secolo.— In: Quaderni storici, anno 13. Ancona, 1970.
11. *Petrović Đ.* Magister Johannes — Zoane, oklopar Dubrovacke republike, 1433—1456.— ВВМ, cl. 18, 1972.
12. *Lučić J.* Obrti i usluge u Dubrovniku do početka XIV stoljecá.— In: Sveučiliste u Zagrebu. Institut za hrvatsku povijestr. Zagreb, 1979.
13. Оружје и опрема средњовековног ратника у Србији. (Каталог изложбе). Београд, Историјски музеј Србије, 1980.
14. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие IX—XIII вв. Вып. 2.— САИ, вып. Е1—33. М.— Л., 1966.

Хроника

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

V Международный конгресс финно-угроведения происходил в г. Турку (Финляндия) 20—27 августа 1980 г. В его работе участвовало около 1000 ученых из 24 стран — лингвисты, историки, археологи, этнографы, антропологи, фольклористы, литературоведы, топонимисты. Наиболее представительными были делегации государств, где проживают финно-угорские народности — СССР, Финляндии и Венгрии.

На двух пленарных заседаниях были заслушаны доклады, представляющие общий интерес: Л. Пости (Финляндия) «Зарождение и развитие возвратного спряжения в прибалтийско-финских языках», Ю. В. Бромлея (СССР) «Иерархия историко-культурных общностей», П. Хайду (Венгрия) «Стилистически мотивированные и обусловленные жанром изменения в уральских языках», Г. Фром (ФРГ) «К истории освоения Калевалы», М. Корхонена (Финляндия) «О структурно-типологических тенденциях в уральских языках» [1].

Основная часть докладов заслушивалась на секционных заседаниях. Работало восемь секций: 1. Фонология и морфология. 2. Синтаксис и семантика. 3. Лексикология и ономастика. 4. Другие темы лингвистики. 5. Этнология. 6. Фольклор и мифология. 7. Археология и физическая антропология. 8. Литература.

Активное участие в работе конгресса приняли археологи. На пяти заседаниях секции «Археология и физическая антропология» было прочитано и обсуждено 20 докладов. В рамках секции проведен симпозиум, для которого была избрана тема «Континуитет населения в ареале финно-угорских народов по данным археологии». Основой дискуссии стали три предварительно опубликованных доклада: В. В. Седова (СССР) «Из этнической истории прибалтийско-финских племен»; П. Симонсена (Норвегия) «Континуитет населения Финнмарк от каменного века до средневековья», Л. и К. Янитсов (СССР) «О преемственности населения и культуры каменного века в Эстонии» [2].

В первом докладе обосновывалось следующее положение: несмотря на преемственное развитие культур в восточной части Балтийского региона, начиная с эпохи каменного века, формирование прибалтийско-финской этноязыковой общности можно относить лишь к культуре текстильной керамики I тысячелетия н. э. В это время пермские финны уже отделились и развивались самостоятельно, а предки прибалтийских и поволжских финнов составляли еще общность, которой и принадлежит культура текстильной керамики. В западной части ее ареала наряду с текстильной постоянно в большей или меньшей степени встречается штрихованная керамика, характерная для балтов. Это дает основание предполагать широкую инфильтрацию балтов в финно-угорскую среду. Результатом внутрирегионального взаимодействия части финно-угров с балтами и было образование прибалтийско-финского этноса.

П. Симонсен в докладе показал, что в северо-восточных районах Норвегии наблюдается преемственность эволюции материальной культуры на протяжении почти 10 тыс. лет. Однако это не означает, что история саамов восходит к отдаленной древности. Археология фиксирует в этом регионе две крупные миграции — вторжение племен культуры гребенчатой керамики около 3400 г. до н. э. и проникновение нового населения около 100 г. н. э. В обоих случаях пришельцы смешались с местным населением, но роль иммигрантов в этногенезе остается неясной. Материальная культура саамов восходит к эпохе средневековья; относительно более раннего времени можно говорить только о «протосаамах».

Доклад Л. и К. Янитсов был посвящен истории заселения Эстонии начиная с VIII тысячелетия до н. э. (культура Кунда). В эпоху мезолита и в начале неолита население пополнялось пришельцами с востока, но, судя по материальной культуре, в основном состояло из потомков первоначальных поселенцев. Следующая миграция связана с распространением гребенчато-ямочной керамики (середина III тысячелетия до н. э.). К концу III тысячелетия до н. э. с юга распространяется культура ладьевидных топоров. В обоих случаях пришлое население опять-таки постепенно смешалось с местным, внеся более или менее значительный вклад в развитие материальной культуры.

Открывая дискуссию, координатор симпозиума К. Ф. Мейнандер (Финляндия) отметил большое значение обсуждаемой проблемы для археологии в целом и

[1] К началу конгресса были изданы первые четыре части его трудов: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. I—IV. Turku, 1980. В первой части опубликованы пленарные доклады, во второй — тезисы секционных докладов, в третьей и четвертой — материалы симпозиумов.

[2] Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. IV, p. 417—447.

высказал несколько положений относительно методики ее изучения. Он подчеркнул, что континуитет нуждается во всестороннем анализе его различных аспектов — культурном, экономическом, хронологическом, типологическом, культовом, экологическом. Существен анализ причин, вызвавших кризисы континуитета. Эти кризисы могут быть обусловлены и социально-экономическим развитием общества, и экономическими сдвигами, и приходом нового этноса. В последнем случае первостепенным является выяснение ролей нового этноса и прежнего населения в дальнейшем развитии культуры.

По предложению У. Сало (Финляндия), проблема континуитета обсуждалась по отдельным вопросам. Первой темой диспута стал вопрос о прародине финно-угров. По мнению У. Сало, эта прародина до сих пор понималась неправильно как сравнительно небольшой регион. Между тем она должна охватывать значительные территории. А. Х. Халиков (СССР) говорил о возможности формирования уральской этноязыковой общности уже в мезолите, а в бронзовом веке произошел отрыв финно-угров от уральского массива. В. Ф. Генинг (СССР) отнес уральскую общность к позднему палеолиту Казахстана, Алтая и Средней Азии. Именно отсюда шло расселение. Распространение гребенчато-накольчатой керамики является результатом такого расселения и отражением дифференциации уральской общности. Е. Койвулехто (Финляндия) говорил о взаимоотношении лингвистики и археологии и о необходимости считаться с индоевропейским воздействием на разные финно-угорские языки при решении проблемы прародины. Дискуссия шла и о том, является ли вопрос о прародине финно-угров лингвистическим или археологическим (Э. Тыниссон (СССР), В. Ф. Генинг и др.), на который ответить пока невозможно.

Вопрос о формировании прибалтийско-финской общности затрагивался в выступлении У. Сало, который, как и Л. Янитс, полагает, что сложение этой общности восходит к культуре гребенчато-ямочной керамики прибалтийского типа.

И. Фодор (Венгрия) обратил внимание на то, что нарушение континуитета иногда вызывается географическими мотивами. Так, в культуре венгров после расселения в Паннонии происходят заметные изменения, что по ряду признаков отделяет их от финно-угров. К. Ф. Мейнандер добавил, что такая же ситуация, возможно, была при финнизации территории Эстонии.

Р. Я. Денисова (СССР) говорила об отсутствии преемственности в юго-восточной Прибалтике по данным антропологии. Для объяснения необходимо допустить крупную миграцию в этот регион населения Северной Европы, что и повлияло на антропологию местного населения.

В дискуссии был затронут вопрос о взаимоотношении культуры и этноса. Т. Тот (Венгрия) полагает, что это различные явления: культура — это археология, этнос — лингвистика. К. Ф. Мейнандер, возражая ему, отметил, что этнические вопросы нельзя решать только на материалах языка, они должны решаться синтетически на основе лингвистических, археологических, антропологических и иных материалов. В. Ф. Генинг утверждал, что этногенез — не исключительно лингвистическая проблема, поскольку языковеды пользуются при этом реконструкциями, основанными на современных языках; это проблема историческая. По мнению П. Симонсена, изучение этногенеза доминов строится на археологических материалах, но при этом должны постоянно привлекаться данные других наук.

В докладах, прочитанных на археолого-антропологической секции, были рассмотрены самые различные вопросы древней и средневековой истории финно-угров. В докладе В. Ф. Генинга «Культурные контакты финно-угров и индоиранцев во II тысячелетии до н. э.» анализировались материалы могильника на р. Синташта в Челябинской обл., исследованном в 1972—1975 гг. До недавнего времени контакты индоиранцев с финно-уграми не были отражены конкретными археологическими материалами. Могильник Синташта дал таковые. В формировании населения, оставившего этот памятник, участвовали местные финно-угорские племена и индоиранцы. Исследование могильника показало, что многие стороны верований обитателей Южного Урала находят параллели в памятниках индоиранцев — Ригведе и Авесте. В этот период среди финно-угров широко распространяются металлургия меди, скотоводство и земледелие.

К. А. Смирнов (СССР) в докладе «О двух районах появления сетчатой керамики» исследовал вопрос о сложении археологических культур раннего железа в Восточной Европе. Изучение поверхности сетчатой керамики позволило выделить две самостоятельные группы: 1) «сетка», нанесенная на поверхность сосудов путем наложения тканей или нитей; 2) «сетка», нанесенная штампами типа гребенки. Картография их позволяет утверждать, что «сетка» первой группы преобладает в регионе Средней Оки, а на памятниках Верхней Волги господствует «сетка» второй группы. Последняя известна и на верхневолжских стоянках II тысячелетия до н. э. По-видимому, в ее появлении главную роль сыграли племена ямочно-гребенчатой керамики. «Сетка» же, нанесенная на сосуды при помощи ткани, впервые появляется в керамике поздняковской культуры. Таким образом, первоначальные регионы появления сетчатой керамики двух групп различны, независимы друг от друга и представляли самостоятельные явления. Около рубежа I и II тысячелетий до н. э. происходило широкое расселение из этих регионов, которое и привело к сложению на значительной территории родственных культур с общими чертами (сетчатой керамикой).

У. Сало прочитал доклад «О континуитете доисторических поселений на побережье Финляндии», в котором продемонстрировал непрерывность эволюции мате-

риальной культуры от культуры суомиярви (7000—4200 гг. до н. э.) до II тысячелетия н. э., когда можно определенно говорить о принадлежности населения к финно-уграм. По мнению докладчика, первыми финно-уграми здесь были племена гребенчатой керамики (3300—2800 гг. до н. э.). Их переселение в прибрежные области Финляндии, а также вторжение носителей шнуровой керамики (балты) не нарушили континуитета.

Доклад С. К. Лаул (СССР) был посвящен формированию западной ветви прибалтийско-финских племен. Разделение последних на западных и восточных, по мнению докладчицы, обусловлено привнесением извне в западный регион обычая сооружать каменные могильники. Эта миграция и явилась импульсом дифференциации прибалтийско-финских племен.

А. Х. Халиков в докладе «Структура археологических культур финно-угров Восточной Европы в I тысячелетии н. э.», проанализировав погребальную обрядность, украшения и жилища, выделяет шесть археологических регионов расселения финно-угорских племен: 1. Приуральский, сопоставляемый им с угро-мадьярами; 2. Вычегодский (пермские финны); 3. Волжский (марийско-муромско-мерянские племена); 4. Цнинско-Мокшанско-Сурский (мордовские племена); 5. Северноволжский (весь); 6. Балтийский (прибалтийско-финские племена).

Выступивший в прениях И. Фодор положительно отозвался о докладе, однако заметил, что в I тысячелетии н. э. предки венгров и обские угры уже жили отдельно друг от друга, не составляя общности.

В докладе «К проблеме происхождения древневенгерского искусства» И. Фодор показал, что новейшие работы по изучению предметов восточного ювелирного дела позволяют говорить о том, что наибольшее влияние на сложение венгерского искусства оказали согдийские изделия. По мнению докладчика, формирование этого искусства относится к VIII—IX вв. и обусловлено потребностями венгерской племенной верхушки. На первой стадии, очевидно, привлекались чужеземные мастера. Точных аналогий венгерским ювелирным изделиям на Востоке не известно. Это объясняется двумя причинами: во-первых, расцвет венгерского искусства относится к X в., когда венгры занимали уже Дунайскую котловину; во-вторых, венгерские ремесленники использовали в своих произведениях только те элементы и мотивы, которые имели для них и заказчиков смысловое значение. По мнению А. Х. Халикова, выступившего в прениях, венгерское искусство сформировалось под воздействием сасанидского Ирана и Согда.

В докладе «Древнеэстонское жилище и его место в деревенской архитектуре Северо-Восточной Европы» Э. Тыниссон проанализировал археологические материалы первых столетий II тысячелетия н. э. В это время господствовали срубные жилища с печью, расположенной в углу. Эти постройки сопоставимы с восточноевропейской курной избой. Вместе с этими жилищами в Эстонии в XI—XIII вв. бытовали постройки с очагами, типологически связанные с древнейшими жилищами Северной Европы. Их роль была более значительна в западных районах Зафиксированы случаи соединения избы с печью и постройки с очагом, положившие начало формированию западного типа прибалтийских жилищ.

С результатами археологических работ, проводимых в последние годы мордовскими исследователями, познакомил участников конгресса М. Ф. Жиганов (СССР), прочитавший доклад «Новые археологические исследования в северной части междуречья Оки, Волги и Суры и некоторые проблемы этногенеза мордовского народа».

В докладе Ч. Балинта (Венгрия) «О ценности европейских кладов дирхемов» речь шла о возможности изучения стоимостей по восточным монетным кладам.

С. Шадецки (Венгрия) в докладе «К вопросу о понтийско-кавказском фоне венгерской предыстории» обратил внимание на племенные названия, созвучные с этнонимом «мадьяры» и встречающиеся в греко-латинских письменных источниках. Отсюда исследователь предполагает, что предыстория венгров связана с Причерноморьем и Кавказом.

Среди антропологических докладов заметный интерес вызвало сообщение Т. Тота (Венгрия) «Некоторые антропологические данные по этногенезу венгров». На основе сравнительного анализа антропологических материалов, собранных археологами за последние годы в Среднем Подунавье, в Поволжье и Западной Сибири, исследователь пришел к заключению, что угры, в том числе предки венгров, в I тысячелетии до н. э. обитали в Западной Сибири и соседствовали с сарматами. В эпоху бронзы северные части андроновской культуры принадлежали протоуграм.

При обсуждении доклада А. А. Зубов (СССР) подтвердил положение Т. Тота о значительном вкладе монгольского компонента в антропологическом строении венгров. Лингвист П. Вереш (Венгрия) заметил, что выводы докладчика соответствуют данным других наук. В частности, в венгерском языке название проса весьма древнее, а эта культура в древности была распространена в ареале между Волгой и Аральским морем.

Э. Кинча (Венгрия) в докладе «Антропологические данные по этногенезу венгров» показала, что в сериях черепов Среднего Подунавья выделяются три группы: А) древняя тюркская, сопоставимая с хронологическими материалами Казахстана и более восточных территорий; В) собственно угорская, сопоставимая с черепами Приуралья; С) сопоставимые с сарматами и славянами Среднего Поднепровья (автор полагает, что эти черепа принадлежали наиболее поздним переселенцам — кабирам северо-восточной Венгрии).

Р. Я. Денисова в докладе «Основные антропологические типы прибалтийских финнов и их происхождение» показала наличие в антропологическом строении

населения средневековой Прибалтики двух типов — мезокранного широколицего и долихокранного узколицего. Первый был характерен еще для неолитических племен культуры гребенчато-ямочной керамики, а появление его относится к мезолиту. Этот антропологический тип можно связывать с протосаамским субстратом. Долихокранный узколицый тип появился в Прибалтике в эпоху бронзы, но в его составе есть и более древние компоненты, восходящие к неолиту.

Результаты новых экспедиционных исследований в Финляндии и на Кольском полуострове были изложены в докладе К. Марк (СССР) «Происхождение и взаимные связи лопарей и северных финнов по данным антропологии». Эти материалы позволяют сделать заключение о близости лопарей и финно-угров по своему происхождению. По основным признакам лопари близки с вепсами и карелами, а по отдельным данным сопоставимы с марийцами, удмуртами, коми и обскими уграми.

А. А. Зубов (Москва) в докладе «Сравнительно-одонтологический анализ материалов по современному населению Финляндии в связи с вопросами этногенеза финно-угорских народов» рассказал о результатах 10-летних работ Советско-Финляндской антропологической экспедиции.

Доклад Э. С. Мугуревича (СССР) «Взаимосвязи ливской и куршской культур в отображении материалов поселений в Северной Курземе (X—XVI вв.)» состоялся вне секции, среди так называемых «выставочных» выступлений. Такие доклады читались в большом зале, разделенном на отдельные аудитории стендами с картами и иллюстративными материалами, и позволили участникам конгресса ознакомиться с некоторыми докладами по смежным дисциплинам. Выступление Э. С. Мугуревича было посвящено взаимоотношениям ливов и расселившихся среди них куршей на протяжении семи столетий.

Обсуждение основных тем финно-угорской археологии и антропологии на секционных заседаниях проходило активно в доброжелательной атмосфере. Весьма полезным был обмен мнениями как в процессах дискуссий, так и в результате личных общений между участниками конгресса. Была организована археологическая экскурсия, во время которой ее участники ознакомились с городищем Ванхалинна в Лието и некоторыми погребальными памятниками.

Местом проведения следующего (VI) финно-угорского конгресса (1985 г.) будет столица Коми АССР г. Сыктывкар.

В. В. Седов, К. А. Смирнов

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ НОВЕЙШИМ ОТКРЫТИЯМ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И 100-ЛЕТИЮ V АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

21 апреля 1981 г. в Тбилиси состоялось открытие всесоюзной научной конференции, посвященной новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда. В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана, Баку, Одессы, Ростова, Новосибирска, Чернигова, Ташкента и других городов Советского Союза. Пленарные заседания проводились в Тбилиси, а секционные — на местах археологических и архитектурных памятников (города Ахалцихе, Гори, Кутаиси, Телави и Тбилиси).

Конференцию открыл вице-президент АН ГССР, акад. АН ГССР А. С. Прангишвили. С приветствием от ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР к присутствующим обратился зам. председателя Совета Министров ГССР О. Е. Черкезия. Вступительное слово произнес директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков.

На первом пленарном заседании был заслушан доклад акад. Б. Б. Пиотровского (Ленинград) «Значение V Всероссийского археологического съезда (1881 г.) для развития археологии Закавказья». Автор отметил, что V Археологический съезд установил связи между кавказскими научными учреждениями и Московским археологическим обществом, возбудил интерес к древностям в широких кругах кавказской интеллигенции, способствовал развитию археологических работ на Кавказе.

В докладе Т. К. Микеладзе и Т. Г. Берпашвили (Тбилиси) «V Археологический съезд и грузинская общественность» говорилось о большом интересе передовой интеллигенции Грузии к V Археологическому съезду. Грузинская общественность ясно сознавала значение проведения в Тбилиси съезда ученых, который мог бы стать началом планомерного изучения истории и культуры народов Кавказа.

Достижения грузинской советской археологии были обобщены в докладе О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). За годы советской власти грузинские ученые сделали огромные успехи в области изучения археологии, древней и средневековой истории и культуры Грузии и Кавказа. Они провели широкие по масштабам полевые и исследовательские работы, выявив и изучив громадное количество археологических памятников — от палеолита до позднего средневековья.

Б. А. Рыбаков (Москва) в докладе «Лада (культ весеннего земледельческого божества)» указал на тесные связи, существующие между хорошо известной в античной мифологии богиней Лато, культ которой восходил к критомикенской эпохе (Лато), с северными «гиперборейскими» странами. По мнению автора, культ Лады представляется очень древним, продвигавшимся с юга на север в связи с неолитической земледельческой колонизацией.

Б. Н. Аракелян (Ереван) в своем докладе осветил результаты археологических исследований в Армении, начиная с нижнего палеолита и до средневековья.

Исследованию древнего города Горгиппии, возникшего в V в. до н. э. на месте современной Анапы и просуществовавшего до IV в. н. э., был посвящен доклад Е. М. Алексеевой, И. Т. Кругликовой и А. С. Шавырина (Москва) «20 лет работы Анапской экспедиции».

История боспорского города Илурата, построенного как город-крепость при помощи римских военных инженеров в середине I в. н. э., была освещена в докладе И. Т. Шургая (Ленинград) «Илурат, итоги археологических исследований». По мнению автора, Илурат следует рассматривать как военно-административный центр ближайшего к Пантикапею района в глубине материка.

В докладе «Археологические исследования в Азербайджанской ССР» И. Г. Алиев и Г. М. Ахмедов (Баку) дали последовательную картину развития археологии в Азербайджане. Интерес к археологическим памятникам Азербайджана возник в последней трети XIX в. и усилился в связи с проведением в 1881 г. V Археологического съезда в Тифлисе. Но археология в Азербайджане как наука сформировалась и развивалась в годы Советской власти и особенно больших успехов достигла в последние годы.

В докладе О. М. Джапаридзе (Тбилиси) «Из истории археологического изучения эпохи бронзы Грузии» дана убедительная характеристика истории развития древнейшей металлургии в Грузии. По словам автора, после раскопок в Южной Грузии, в Триалети, по-новому были освещены вопросы древнейшей истории Закавказья и Кавказа в целом, была создана научно обоснованная периодизация, значительно раздвинувшая вглубь хронологические рамки бронзового века Закавказья. В Закавказье эпохе поздней бронзы предшествовали блестящие культуры — куро-аракская и триалетская. О. М. Джапаридзе подчеркнул важную роль Б. А. Куфтина в изучении археологии Грузии и Закавказья.

Н. Я. Мерперт (Москва) в докладе «Вопросы культурно-исторического развития Юго-Восточной Европы на грани энеолита и раннего бронзового века» отметил значение Балкано-Дунайского региона как ключевой территории на ряде этапов древнейшей истории нашего континента. В IV тысячелетии до н. э. происходит один из наиболее глубоких этнокультурных сдвигов в развитии Балкано-Дунайского района. Он неразрывно связан с событиями, охватившими Центральную и Восточную Европу и заметно изменившими культурную характеристику континента в целом. Для Юго-Восточной Европы период ознаменован переходом от энеолита к раннему бронзовому веку.

Одну из актуальных проблем кавказоведения затронул Г. Г. Гамбашидзе (Тбилиси) в своем докладе «К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Центрального, Восточного и Северного Кавказа». Автор проиллюстрировал средневековые грузинско-северокавказские связи на основании некоторых памятников грузинской культуры в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане. Эти памятники доказывают распространение христианства в отдельных районах Центрального и Северо-Восточного Кавказа, которое шло из Грузии, начиная главным образом с X в.

Секционные заседания были проведены 23—25 апреля 1981 г.

Секция **археологии каменного века** заседала в г. Кутаиси. В работе принимали участие около 40 человек. Было заслушано 25 докладов: В. П. Любин — «Ашель Европейской части СССР и Кавказа (некоторые проблемы)»; И. И. Коробков — «Индустриальные особенности Яштухского древнепалеолитического местонахождения»; В. Е. Щепинский — «Новые данные о Ильской мустьерской стоянке в Прикубанье»; З. А. Абрамова — «Мустьерский грот Двуглазка в Хакасии»; А. Д. Столяр — «Проблема мустьерских „шаро" (1872—1980 гг.) в конкретно-историческом освещении»; М. М. Гусейнов, Н. К. Джафаров — «Палеолит Азербайджана»; Р. П. Казарян — «Некоторые вопросы техники Леваллуа»; Т. К. Мешвелиани — «Некоторые особенности раннего верхнего палеолита Западной Грузии»; Д. М. Тушабрамишвили — «Современное состояние изучения палеолита Грузии»; М. К. Габуния — «Первые свидетельства верхнего палеолита в Южной Грузии»; З. Д. Церетели — «Многослойная пещерная стоянка Апианча»; Р. С. Васильевский — «Результаты исследования палеолитического поселения Устиновки (Приморье), 1980 г.»; Л. М. Тарасов — «Палеолит бассейна Верхней Десны»; Н. Д. Праслов — «Некоторые итоги исследований Гмельчинской палеолитической стоянки в Костенках»; Г. В. Григорьева — «Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами»; Л. Г. Мацкевой — «Исследования по мезолиту Предкарпатья, Закарпатья и Западного Подолья»; С. В. Ошибкина — «Хронология и культурная принадлежность мезолитических памятников севера Европейской части СССР»; Н. М. Долуханов — «Природа и первобытное население Кавказа и Руставской равнины в верхнем плейстоцене и голоцене»; В. И. Тимофеев — «Об абсолютной датировке неолита СССР по данным радиоуглеродного анализа»; Н. Б. Селиванова, В. А. Галибин — «Определение природных источников кремневых орудий»; М. П. Зимина — «О раскопках Колчанского могильника», С. В. Смирнов — «Использование системного подхода в определении статуса орудия труда (применительно к проблеме антропогенеза)»; Н. Е. Урушадзе — «К исследованию типологии и функции палеолитических женских фигурок (по данным археологии СССР)».

Важнейшим результатом работы секции можно считать ознакомление ее участников с группой опорных палеолитических стоянок центра Колхиды, расположенных в долине Цхалцителa—Сакажиа, Ортвала, Чахати и в пределах г. Цхалтубо (Белая пещера). Доклады, сделанные непосредственно на стоянках (перед отлично-

подготовленными разрезами), с демонстрацией образцов находок, представляли большую научную ценность для специалистов. Таковыми были доклады: К. Г. Каландадзе — «Раскопки в Тетри Мгвиме» и М. Г. Ниорадзе — «О древнейшем заселении ущелья р. Цхалцитела». Участники конференции посетили также Язонскую пещеру (в ущелье р. Цхалцитела), с которой связаны первые попытки обнаружения следов культуры четвертичного периода на Кавказе.

Секция **археологии энеолита и бронзового века** (ранняя и средняя бронза) проводила свои заседания в г. Телави. На заседаниях были зачитаны следующие доклады: Н. В. Рындина и Л. В. Конькова — «К проблеме происхождения и хронологии больших усатовских кинжалов»; Л. Я. Крижевская — «К вопросу о неолитических-энеолитических культурах лесостепи Днепровского левобережья»; Т. М. Потемкина — «К вопросу о происхождении и ареале алакульской культуры»; В. П. Шилов — «О доследовании кургана № 9 «Три брата» в Калмыкии»; В. Т. Ковалева — «Некоторые итоги изучения энеолита лесного Зауралья», А. М. Микляев — «Подводные исследования свайных поселений III—II тысячелетий до н. э. в Псковской и Смоленской областях (1979—1980 гг.)»; С. И. Круц — «Новые исследования в области палеоантропологии энеолита — бронзы степной Украины»; И. Г. Нариманов — «Энеолитическое поселение Чолагантепе»; В. Алиев, А. Г. Сеидов — «Поселение Кюльтепе в эпоху ранней бронзы»; Г. Ф. Джафаров, Г. П. Кесаманлы — «Исследование курганов Осман бозу эпохи ранней бронзы»; Г. Е. Арешян, С. Г. Деведжян, А. Р. Исраелян — «Охранные раскопки в Норабаце»; Н. Н. Терехова — «Металлообработка в памятниках раннегородских культур древневосточного типа»; Н. Е. Ермолова — «Скотоводство и охота в Араратской долине в эпоху бронзы», М. Г. Гаджиев — «О генетической связи культур эпохи энеолита и ранней бронзы Восточного Кавказа»; Т. Б. Кигурадзе — «Памятники типа Сиони»; Г. Г. Пхакадзе — «К вопросу взаимосвязи западногрузинской, куро-аракской и майкопской культур». Доклады К. Н. Пицхелаури — «Археологические памятники в Иори» и «Основные результаты археологических исследований памятников эпохи энеолита, ранней и средней бронзы в Кахети» были заслушаны на местах памятников и на базе Кахетской археологической экспедиции в Сигнахи, где была устроена большая выставка археологических материалов из Кахети с эпохи энеолита до периода поздней бронзы включительно. Участники конференции осмотрели памятники Кахети, древнего города Телави, монастырский комплекс Шуамта, кафедральный собор XI в. Алаверди, древнейшую академию Икалто.

Секция **археологии эпохи поздней бронзы и раннего железа** работала в Тбилиси, в актовом зале Государственного музея Грузии. Были зачитаны следующие доклады: М. П. Грязнов — «Начальная фаза развития скифо-сибирских культур»; В. И. Козенкова — «О протокобанской группе древностей Северного Кавказа»; Р. М. Абрамишвили — «Археологические исследования территории Большого Тбилиси» (этот доклад был представлен на местах самих памятников и раскопок, а затем участники конференции ознакомились с обширным археологическим материалом на базе экспедиции в Армази); М. Н. Погребова — «Закавказье и Ближний Восток (особенности направления связей в VII—V вв. до н. э.)»; Н. В. Анфимов — «К вопросу об этнической принадлежности скифо-меотских племен»; Н. Е. Урушадзе — «Образная система и изобразительные принципы древнегрузинской металлопластики (опыт историко-художественного и семантического анализа)»; О. С. Гамбашидзе — «Основные итоги работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции»; М. В. Барамидзе — «Основные итоги работ Абхазской археологической экспедиции»; Р. М. Абрамишвили — «Археологические культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа на территории Грузии»; Г. В. Иванишвили — «Горно-металлургический комплекс эпохи бронзы Центрального Кавказа (Рача)»; Н. Н. Тушишвили — «Археологические памятники в Алгетском ущелье» (доклад был сделан на месте памятников).

Секция **археологии античного периода** проводила заседания в г. Гори, где были прослушаны следующие доклады: Г. А. Тирацян — «Раскопки Армавира. Основные результаты»; Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян — «Новые открытия шедевров греческого и бактрийского искусства V—II вв. до н. э.»; В. И. Сарианиди, Г. А. Кошеленко — «Изображение Ареса-Верет-рагны на застежках из Тилля-Тепе»; К. К. Марченко, Я. В. Доманский — «Раскопки поселений античного времени в нижнем Побужье»; Л. В. Копейкина — «Исследование западной границы Березанского поселения и некрополя архаического времени за период с 1976 по 1980 г.»; С. Б. Охотников — «Греко-варварские этнические связи в Нижнем Поднестровье в VI—V вв. до н. э.»; В. С. Драчук, В. А. Кутайсов — «Раскопки Керкинитиды в 1980 г.»; А. Н. Щеглов — «Комплексные исследования в Северо-Западном Крыму (1979—1980 гг.)»; О. Д. Дашевская — «Городище Беляус (итоги раскопок)»; А. К. Коровина — «Раскопки Гермонассы в 1979—1980 гг.»; Н. Н. Негматов, Т. В. Беляева. А. К. Мирбабаев — «Древнейшая крепость Усрушаны»; Г. М. Асланов, С. М. Кашкай — «Харабагиляр в античный период»; И. А. Бабаев — «Строительные остатки античного времени в Кабале»; Ф. Л. Османов, Р. С. Меликов — «О ранних кувшинных погребениях в Азербайджане»; Ф. И. Мартиросов, Т. О. Караханян — «Раскопки античного Ширавакана»; А. Г. Канецян — «Результаты раскопок древнего поселения Джерали»; Р. В. Путуридзе — «Керамическая тара Грузии античного времени»; В. Т. Личели — «К вопросу о типологии поселений эллинистического периода внутренней Колхиды»; Р. Х. Гаглоев — «Раскопки позднеантичных

памятников на территории Южной Осетии». Несколько докладов было зачитано на местах археологических памятников: А. М. Апакидзе — «Взгляд на Мцхетский могильник»; Ю. Гагошидзе — «Храмовый комплекс Дедоплис Миндори»; Г. Г. Цкитишвили — «Цихиа-гора — храм античного периода»; А. В. Бохочадзе, Н. Мирианашвили — «Античные города Центральной Иберии». Слушатели осмотрели развалины древнего храма с мозаичным полом в с. Дзалиси, ознакомились с археологическими материалами на базах Каспской экспедиции в с. Кавтисхеви и Настакисской экспедиции в с. Ксани.

Заседания секции средневековой археологии проходили в городах Ахалцихе и Боржоми. На конференции были представлены следующие доклады: А. З. Винников — «Славяно-алано-болгарские контакты (лесостепное Подонье)»; Л. Д. Поболь — «Средневековые славянские древности Белорусского Поднепровья (по материалам археологических исследований в Тайманове Могилевской области, II—IX вв. н. э.)»; Я. Г. Зверуго — «Археологическое изучение городов Понеманья»; В. Е. Медведев — «О культурных связях средневекового населения Приамурья (VII—XII вв.) в свете новых исследований»; А. И. Романчук — «Слои XII—XV вв. на участке 2-го портового квартала Херсонеса»; А. С. Хорошев — «Фортификация Новгорода XI—XIV вв.»; А. Э. Зариня — «Одежда населения территории Латвии VII—XIII вв. (по данным археологии)»; А. В. Чернецов — «Посох Стефана Пермского»; И. Л. Кызласов — «Новый вид погребальных памятников Южной Сибири»; М. В. Седова — «Археологическое изучение Суздаля»; П. А. Раппопорт — «Итоги археологического изучения памятников русского зодчества домонгольского периода»; Е. Н. Носов — «Новгород и новгородская округа (по материалам раскопок поселений Припьменья)»; Е. Д. Салтовская и У. П. Пулатов — «Раннесредневековый Тиркаш-Тепа»; Ю. Я. Якубов — «Исследование сельских поселений Верхнего Зеравшана раннего средневековья»; Г. Гаприндашвили — «Пещерный комплекс Вардзия» (доклад на месте памятника); Х. Х. Биджиев — «Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Хумаринского городища в Карачаево-Черкессии»; А. А. Иерусалимская — «Два этнокультурных компонента в материалах могильника Мощевая Балка (VIII—IX вв. Северный Кавказ)»; А. А. Кудрявцев — «Новые данные о сложении, фортификации и структуре древнего Дербента»; М. Г. Магомедов — «К вопросу о денежном обращении в Хазарии»; М. Б. Мужухоев — «О путях и результатах христианизации вайнахов в средние века»; Н. А. Охонько — «Семантика изображений на стенах гробницы аланского правителя с р. Кривой»; Е. Атагаррыев — «Средневековый город Дехистан в свете новых раскопок»; Г. А. Архипов — «Новые исследования по древним марийцам (Дубовский могильник и Ардинское городище)»; В. Б. Арутюнян — «Новые материалы из раскопок Звартноца»; И. Г. Гарибян — «Раскопки средневековой крепости Бджни»; А. А. Калантарян, Р. М. Джанполадян, Ф. С. Бабян, Н. Г. Акопян и А. С. Жамкочян — «Основные итоги раскопок Двина (1975—1980 гг.)»; В. Л. Садоян — «Раскопки средневековой крепости в Аруче»; Р. О. Варданян и Д. Г. Асатрян — «К вопросу об определении длины ступни, используемой в Армении по данным архитектурных памятников»; Дж. А. Халилов — «Археологические памятники на северо-восточных склонах Большого Кавказа (в пределах АзССР)»; Р. Геюшев, «Городище Шабран»; Е. Г. Джандиери — «Ахалкалаки Джавахетский»; В. А. Джорбенадзе — «Средневековый могильник городища с. Жинвали»; Р. М. Рамишвили — «Археологические изыскания в Анатори»; Г. Рчеулишвили — «Селища Арагвского ущелья»; Л. Г. Хрушкова — «Раскопки Цандрипшской базилики в с. Гантиади Абхазской АССР»; В. В. Джапаридзе — «Раннесредневековые памятники грузинского искусства и эпиграфики из Квемо Картли (Южная Грузия)»; М. И. Синауридзе — «Результаты работы Казретской археологической экспедиции 1970—1980 гг.»; Р. М. Долаберидзе — «Зооморфная керамика из с. Шенако»; Б. В. Техов, Р. Х. Гаглоев и Р. Г. Дзатиаты — «Раскопки в Южной Осетии».

Участники конференции ознакомились с новой выставкой Месхет-Джавахетского исторического музея, с архитектурными памятниками Вардзия, Спара, Зарзма, Цунда.

26 апреля состоялось заключительное пленарное заседание, на котором было представлено несколько докладов.

В докладе Н. Н. Гуриной (Ленинград) «Излюбленные образы в изобразительном искусстве древних лесных племен» говорилось следующее: одна из форм общественного сознания, первобытное искусство может служить также источником познания характера окружавшей человека природной среды и формы его хозяйственной деятельности.

Доклад Г. Ф. Коробковой (Ленинград) «Общее и особенное в хозяйстве земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР» был построен на материалах Кавказа, Средней Азии и Северо-Западного Причерноморья. Открытие ранних земледельческо-скотоводческих комплексов, обнаруженных в этих регионах, ярко характеризуют те огромные изменения, которые произошли в истории человечества с появлением земледелия и скотоводства.

О новейших открытиях Новгородской археологической экспедиции доложили В. Л. Янин и Б. А. Колчин (Москва). Добытый при раскопках археологический материал позволил совершенно по-новому осветить ряд вопросов истории, экономики средневекового Новгорода.

После докладов выступили председатели секций. Они рассказали о работе своих секций и дали высокую оценку научным докладам, прочитанным на заседаниях.

Итоги работы конференции подвел в заключительном слове акад. Б. А. Рыбаков.

Е. Гиголашвили

XI КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Новороссийск, 1981 г.)

12—15 октября 1981 г. в г. Новороссийске состоялась очередная конференция по археологии Северного Кавказа, посвященная памяти замечательного исследователя северокавказских древностей д-ра исторических наук Е. И. Крупнова. На конференцию съехались специалисты-археологи, музейные работники и краеведы из Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Сухуми, из автономных республик Северного Кавказа и Краснодарского и Ставропольского краев. В работе принял участие гость конференции из Венгерской Народной Республики, известный специалист по средневековью, д-р Иштван Эрдели.

На заседаниях было заслушано и обсуждено 25 докладов и сообщений по различной тематике. Основной темой XI Крупновских чтений являлась проблема экономических, культурных и этнических связей Северного Кавказа в древности и средневековье. Открывая конференцию, заместитель председателя Новороссийского горисполкома Ю. И. Гришин приветствовал участников и пожелал им успехов в работе. В ответном слове председатель Оргкомитета Крупновских чтений доктор исторических наук В. А. Кузнецов поблагодарил от имени всех участников партийное и советское руководство города, а также коллектив историко-краеведческого музея за предоставленную возможность провести Крупновские чтения на священной земле Новороссийска.

В первый день работы конференции было заслушано 8 докладов по основной теме.

А. Д. Дмитриев (Новороссийск) прочитал доклад «Древние и средневековые связи племен района Новороссийска». На ярких примерах докладчик показал разнообразие открытых в окрестностях города археологических памятников, свидетельствующих о том, что эти места были освоены человеком начиная с верхнего палеолита. Обнаружены отдельные памятники майкопской и дольменной культур эпохи бронзы, бронзовые изделия (кельты, кинжалы с упором), свидетельствующие о контактах населения с киммерийцами. В районе нередки находки оружия и украшений скифского типа. По материалам могильников прослеживаются глубокие связи местного населения с древними греками, а позднее — с сарматами, готами — тетракситами и средневековыми кочевниками южнорусских степей Поволжья и Южной Сибири. Продемонстрированы также интересные материалы по археологии и древней истории самого Новороссийска, расположенного на месте древнего города Бата, упоминаемого Страбоном.

Н. В. Анфимов (Краснодар) посвятил свой доклад родосскому импорту в Прикубанье. На основе данных, полученных при изучении клейменой керамической тары, докладчик констатировал зарождение родосско-боспорских связей в Прикубанье в конце IV в. до н. э., наивысший их расцвет достигает к концу III—началу II в. до н. э. В конце II — начале I в. до н. э. родосский импорт на Боспор, по мнению Н. В. Анфимова, прекращается. Посредническая роль в распространении синопских и родосских амфор принадлежала Елизаветинскому городищу на правобережье Кубани. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) зачитал доклад А. Л. Якобсона (Ленинград) «Взаимосвязи Северного и Восточного Причерноморья в эпоху средневековья». На примере сопоставления древних письменных источников и археологических памятников, в основном могильников, прослеживаются многовековые связи населения Кавказского Причерноморья и Крыма начиная с IV и по XI в. Наряду с общими признаками в материальной культуре этих районов выявлены и региональные особенности могильников, по мнению докладчика отражающие этнические различия. И. Эрдели (Будапешт) в небольшом сообщении продемонстрировал великолепные золотые предметы из окрестности г. Печь (обл. Баранья). По мнению докладчика, эти предметы, открытые случайно еще в 1900 г. и неоднократно привлекавшие внимание исследователей, скорее всего происходят из погребения V в., а не являются аварскими, как их атрибутировал И. Хемпель. В сообщении приведены убедительные аналогии из памятников Чехословакии и Венгрии, подтверждающие точку зрения докладчика. А. Л. Нечитайло (Киев) в докладе «Время и характер взаимовлияний культур ранней бронзы Северного Причерноморья и Северного Кавказа» обратила внимание на ряд новых материалов, фиксирующих связи между территорией степной Украины и Северным Кавказом в эпоху ранней бронзы. Многосторонние контакты двух регионов выражались, по мнению докладчицы, как в наличии древних импортов, так и в возникновении подражаний чуждым формам. На Украине к таким предметам относится браслет из древнеямного комплекса близ Михайловки, а на Кубани — пронизи древнеямной культуры в слое Мешоко, остродонные сосуды с веревочным орнаментом и являвшиеся, по мнению А. Л. Нечитайло, подражанием синхронным северопричерноморским. Докладчица считает, что связи осуществлялись как путем обмена, так и в результате перемещения этнических групп кавказского населения в глубь степей, и наоборот. Доклад Ю. Ю. Пиотровского (Ленинград) «Комплекс антропоморфной скульптуры Ульского аула и вопросы контактов Северного Кавказа в эпоху средней бронзы» был посвящен вопросам связей северокавказского населения со Средиземноморьем. Возвращение к анализу известных антропоморфных статуэток из Ульского аула, с привлечением новых аналогичных материалов, позволило докладчику более убедительно обосновать тезис о направлении связей через Балканы и Малую Азию. В докладе И. Н. Анфимова (Краснодар) «Елизаветин-

ское городище — эмпорий Боспора в Среднем Прикубанье» рассматривались вопросы взаимоотношений Боспорского государства с местными меотскими племенами в IV—I вв. до н. э. По мнению докладчика, Елизаветинское городище возникло как меото-греческое поселение и вскоре превратилось в крупный торговый центр на Кубани. Расцвет эмпория относится к III—II вв. до н. э., о чем свидетельствуют многочисленные находки синопских и родосских амфор конца III—II в. до н. э., чернолаковая греческая посуда, боспорская черепица, украшения и т. п. Доклад Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажбы (Сухуми) был посвящен одному из аспектов византийско-северокавказских отношений VI в. На основе изучения уникального комплекса оборонительных, жилых, хозяйственных и культовых сооружений центра древней Абсилии Цибилиума (современная Цебельда) была уточнена дата сооружения абсилийской системы укреплений, которую докладчики относят к 20—30-м годам VI в. Эта система, по их мнению, возникла не без активной военной и финансовой помощи со стороны Византии. Получены археологические данные, позволившие более аргументированно говорить о большом значении этого района для Византийской империи в период ее военных действий против Ирана в союзе с местными политическими образованиями Колхиды (Абсилией и Лазикой).

В обсуждении докладов первого дня конференции приняли участие 8 человек. В выступлениях по докладу А. В. Дмитриева единодушно отмечена большая работа, проделанная Новороссийским музеем по исследованию памятников. Особо говорилось о наличии фонда уникальных раннесредневековых материалов, которые являются в настоящее время эталонными (А. К. Амброз, А. В. Гадло). А. В. Гадло не согласился с мнением докладчика о проживании на Тамани готского населения. В этот период в эпоху переселения народов шла активная миграция элементов готской культуры, которые активно воспринимались местным адыгским населением. Важность доклада Н. В. Анфимова для уточнения хронологии прикубанских памятников конца I тысячелетия до н. э. отметил А. В. Гадло. В выступлении было высказано предположение о существовании особого пути, помимо кубанского, для проникновения клейменных амфор на Северный Кавказ. По мнению А. В. Гадло, доказательство существования такого пути дает амфорный материал Грушевского городища на Ставропольской возвышенности. О большом значении в сравнительном плане с Северным Кавказом материалов Венгрии, проанализированных И. Эрдели, говорили в прениях по его докладу А. К. Амброз и А. В. Гадло. Указав докладчику на наличие ряда сходных материалов на Центральном Кавказе, все выступавшие отмечали более раннее время (III в.) их бытования здесь по сравнению с венгерской территорией. Ряд замечаний по докладам Ю. Ю. Пиотровского и А. Л. Нечитайло сделал В. Я. Кияшко. Касаясь доклада Ю. Н. Воронова, все выступившие (А. К. Амброз, В. А. Кузнецов, А. В. Гадло) отметили большое значение материалов из раскопок Цебельды для уточнения хронологии колхидских памятников. На важность материалов, представленных в докладе А. В. Дмитриева, обратил внимание в своем выступлении В. А. Кузнецов.

Еще более разнообразна была тематика 9 докладов второго дня конференции. Сообщение Л. А. Булавы (Краснодар) «К проблеме алано-адыгских связей в XI—XII вв.» было посвящено характеристике нового погребального комплекса в медном гробу из пос. Приреченский. Из поступивших отсюда в Краснодарский музей вещей особый интерес представляют колчан, украшенный серебряной пластиной, части серебряной оббивки луки седла, обломки железной сабли и стеклянный сосуд. Н. Г. Ловпаче (Майкоп) в докладе «Отражение этнокультурных контактов адыгов в средневековой торевтике» попытался дать ретроспекцию материалов художественной торевтики из могильников разных периодов с территории Адыгеи (от XIV в. н. э. до VI в. до н. э.) По мнению докладчика, эти материалы свидетельствуют о разносторонних связях территории Адыгеи с окружающим миром. В сообщении М. Х. Багаева (Грозный) «Новые данные о взаимосвязях восточной Чечни с окружающим миром (VI в. до н. э.— VI в. н. э.)» представлена попытка показать на материалах Галайтинского 2-го могильника (бассейн р. Аксай) наличие мирных и военных контактов местного населения со многими племенами и народами, начиная со скифского периода. Аналогии импортам из разновременных погребений этого могильника уводят в области Северного Причерноморья и Западной Европы. Молодые археологи В. Н. Каминский и И. В. Лавриненко познакомили в своем сообщении «Раннесредневековые погребения из могильника близ станицы Старокорсунской Краснодарского края» с результатами исследования нового могильника второй половины VIII — первой половины IX в. в Динском районе на правом берегу Краснодарского водохранилища. Исследовано 64 погребения и 5 конских захоронений. Большинство материалов относится к раннему средневековью. Конструкции погребальных камер и погребальный обряд, предметы из могил имеют прямые аналогии в могильниках этого же времени на Северном Кавказе, на Дону, в Среднем Поволжье и в Прикамье. Особо докладчики отметили факт находки в могильнике, впервые для территории бассейна Средней Кубани, аланских катакомб VIII—IX вв. Доклад Х. А. Амирханова (Москва) «К пересмотру датировок Чохской многослойной стоянки в Дагестане» был посвящен результатам новых раскопок этого известного памятника, датировка которого определялась ранее верхним палеолитом и мезолитом. Археологические исследования 1980 г. показали необходимость существенного пересмотра геологической и особенно археологической стратиграфии стоянки. В верхних ее слоях были обнаружены фрагменты керамики эпохи неолита. Этому же периоду, но на территории Калмыкии было посвящено сообщение П. М. Кольцова (Элиста) «Неолитическая

стоянка Джангар в Сарпинской низменности». Кремневый инвентарь и керамика из слоя стоянки, обладая рядом специфических особенностей, имеют много общего с материалами неолитических памятников Кавказа V тысячелетия до н. э. В докладе В. И. Марковина (Москва) «О распространении составных дольменов на Северном Кавказе» критически проанализированы работы некоторых исследователей, неправильно объединявших в понятие «дольмен» погребальные памятники конструктивно другого типа. Такое расширение ареала составных дольменов за счет неправильно осмысленных памятников других типов (например, подбойных склепов эпохи бронзы у селений Ирганай, Эгикал, Амгата и т. п.) вносит путаницу в исторические выводы о происхождении дольменов и объективном определении района их распространения. В докладе Н. А. Чмыхова (Киев) «Опыт зодиакального датирования северокавказских памятников» изложен в порядке рабочей гипотезы метод астрономического датирования древних предметов, несущих, по мнению докладчика, символы зодиака (кресты, круги с крестами или лучами и т. п.). И. В. Отюцкий и Н. А. Охонько (Ставрополь) продемонстрировали блестящие материалы богатого захоронения гуннского времени, случайно обнаруженного около города Зеленокумска. Великолепные бронзовые (предметы туалета, котел) и золотые (кулоны, бляшки, перстни, накладки) изделия, бусы из жемчуга и альмандинов хорошо датируются по аналогии с материалами из Поволжья, Крыма и Балкан концом IV — первой половиной V в.

В дискуссии по докладам второго дня приняли участие 8 человек. Все выступившие по докладу Л. А. Булавы отметили большую ценность и интерес представленных материалов. Но в то же время было указано на некоторое несоответствие названия доклада. Оно шире, чем содержание (Н. В. Анфимов). На проблематичность связи материалов с аланским этносом указала докладчику В. Б. Ковалевская. Многие предметы комплекса из Приреченского несут печать общекавказской моды, а наличие медного гроба скорее говорит в пользу адыгской принадлежности памятника. К большей осторожности в этнических определениях призвал Л. А. Булаву и В. И. Марковин, приведя в качестве примера материалы раскопок в Сенты. Некоторые соображения были высказаны в адрес доклада Н. Г. Ловпаче. В. Б. Ковалевская отметила интересные антропоморфные изображения всадников, которые докладчик, по ее мнению, справедливо связал с более ранними так называемыми гуннскими изображениями. В то же время было указано, что Н. Г. Ловпаче неправильно датировал пряжки Борисовского могильника, что повлекло их неверную атрибуцию в докладе. Эти пряжки, по мнению В. Б. Ковалевской, более раннего периода и не могут быть отнесены к адыгейским. Призвал докладчика к более тщательным хронологическим построениям и В. И. Марковин. Чрезвычайно интересными были признаны специалистами материалы, представленные в докладе В. Н. Каминского и И. В. Лавриненко. Все выступавшие по докладу (Н. В. Анфимов, В. Б. Ковалевская, А. А. Иерусалимская, В. И. Марковин, А. К. Амброз, В. А. Кузнецов) отмечали, однако, предварительный характер выводов, предложенных докладчиками. По мнению всех выступивших, авторам предстоит значительная работа по более тщательной аргументации своих выводов, особенно в части, касающейся этногенеза. На большую значимость материалов ранних памятников Дагестана и Калмыкии, представленных в докладах Х. А. Амирханова и П. М. Кольцова, обратил внимание в своем выступлении В. И. Марковин.

Последний день работы XI Крупновских чтений был посвящен сармато-аланской тематике. На утреннем и дневном заседаниях было заслушано 8 докладов. В докладе М. П. Абрамовой (Москва) «Некоторые особенности погребений III—I вв. до н. э. предгорной зоны Центрального Предкавказья» были охарактеризованы основные определяющие признаки погребений III—I вв. до н. э. предгорной зоны от Чечено-Ингушетии до Кавминвод. Таковыми, по мнению докладчика, являлись сосуды с гальками, сосуды с железной цепью, миски с плоским орнаментированным краем, железные втульчатые наконечники стрел, железные крюки колчанов, бронзовые зеркала больших размеров с валиком по краю, наличие заупокойной пищи. Проделанный заново анализ материалов Нижнеджулатского могильника позволил уточнить его начальную (II в. до н. э.) и конечную (рубеж нашей эры) даты. В этногенетическом плане местное население, оставившее эти погребения, было, по мнению М. П. Абрамовой, разноэтничным. Доклад А. А. Иерусалимской (Ленинград) «Северокавказский «шелковый путь» и Хазария» был посвящен характеристике группы импортных предметов культового назначения, найденных в могильнике Мощевая балка (VIII—IX вв.), расположенного в зоне функционирования северокавказского «шелкового пути». Все предметы по технике изготовления, по форме и сюжетам иконографии происходят из одного и того же сиропалестинского региона и предназначались для доставки в Хазарию с ее уникальным сочетанием двух религий — христианства и иудаизма. Это: 1) фрагменты стеклянных лампадок; 2) фрагмент культового сосуда с надписью древнееврейским квадратным письмом; 3) серебряный и самшитовый реликварии. В местной кавказской среде все указанные предметы использовались не по назначению. В Хазарию направлялись и шелковые ткани, провозившиеся теми же путями по северо-западу Кавказа. А. М. Ждановский (Краснодар) в докладе «Аланы в Прикубанье» обратился к материалам известного еще с начала века могильника «Золотое кладбище». На основе старых и новых раскопок докладчик охарактеризовал погребальные обычаи и обряд населения, оставившего этот интересный памятник. Докладчик обратил внимание на наличие подкурганных катакомб I—III вв. н. э. Принадлежность курганов он определил как аланскую. Большое место в докладе отведено определению социальной стратификации населения района расположе-

ния могильника. А. В. Гадло (Ленинград) в докладе «Адыги и Салтовцы (к постановке вопроса)» обратился к проблеме взаимоотношений булгар, носителей салтово-маяцкой культуры, с адыгскими племенами Западного Кавказа. Отметив широкое бытование как у «Салтовцев», так и у адыгов сходных форм керамики, и прежде всего сосудов с горизонтальным рифлением поверхности, докладчик высказал предположение о том, что традиция рифления была усвоена булгарами в конце VII — начале VIII в., через посредство адыгов Прикубанья, из Восточного Причерноморья. Характеристике новых материалов салтово-маяцкой культуры Прикубанья было посвящено сообщение В. А. Тарабанова (Краснодар) «Ранние болгары на Средней Кубани». Выявленные при сооружении Краснодарского водохранилища в 1972—1980 гг. такие памятники, как Казазовский и Ленинохабльский могильники VII—IX вв., ряд селищ VIII—X вв. близ хутора им. Ленина и до станицы Старокорсунской, докладчик определил как протоболгарские. Основанием послужила керамика с этих памятников (в том числе котлы с внутренними ушками), находящая ближайшие аналогии в салтово-маяцких памятниках зливкинской группы. Керамический импорт (амфоры, баклажки, кувшины) из Прикубанья близок аналогичной посуде крымских памятников VIII—X вв. В докладе М. Б. Мужухоева (Грозный) «Исследование средневековых культовых памятников в горных районах Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии в 1980 г.» изложены результаты археологического обследования святилищ Ассинской котловины Алагирского и Дигорского ущелий, а также верховий р. Чегем. Комплексное изучение культовых памятников названного региона позволит, по мнению докладчика, лучше понять сложную картину религиозных воззрений населения края в период средневековья. Небольшое сообщение Е. А. Милованова и М. Н. Ложкина (ст. Отрадная, Краснодарский край) было посвящено вновь открытым аланским христианским храмам XI—XIII вв. в бассейне р. Уруп. Здесь за последние два десятилетия зарегистрировано 11 церквей, в шести из них проводились исследования.

Заключительным на заседании последнего дня было сообщение М. К. Тешева (Туапсе) «Протоахейский могильник Псыбе — новый памятник поздней бронзы на Черноморском побережье Западного Кавказа», посвященное результатам раскопок в 1981 г. могильника с грунтовыми ямами, каменными ящиками и каменной гробницей близ поселка Новомихайловский. Погребальный обряд и могильный инвентарь, особенно керамика, близки материалам из протомеотских могильников Закубанья (Ясная поляна, Николаевский, Кубанский). Докладчик датировал могильник IX—VIII вв. до н. э. Этническая принадлежность населения, оставившего могильник, определена как протоахейская.

В обсуждении докладов последнего дня работы конференции приняли участие 11 человек. В выступлениях по докладу М. П. Абрамовой отмечалось обычное для докладчика стремление глубже заглянуть в суть материалов, характеризующих местную культуру (А. К. Амброз), проводить исследования, руководствуясь конкретными данными, а не заранее созданной схемой (М. Х. Багаев). Большое значение работы М. П. Абрамовой по уточнению хронологии могильных конструкций сарматского периода отметил в своем выступлении Н. В. Анфимов. Живой интерес у присутствовавших вызвал доклад А. А. Иерусалимской. По мнению выступивших, доклад содержал блестящий анализ определенной группы материалов Мощевой Балки (А. К. Амброз, В. Б. Ковалевская), позволивший более основательно говорить о наличии еще одного торгового пути (Ю. Н. Воронов). Весьма критическую оценку получил доклад А. М. Ждановского. М. П. Абрамова и В. Б. Ковалевская указали докладчику на недостаточную аргументацию основного тезиса доклада об аланской принадлежности Золотого кладбища. По их мнению, прежде чем решать этногенетические и социальные аспекты проблемы, необходимо основательно и детально классифицировать материалы этого памятника. Н. В. Анфимов, присоединившись к высказанным в адрес А. М. Ждановского замечаниям, кроме того, не согласился с предложенной докладчиком верхней датой Усть-Лабинского могильника. По мнению Н. В. Анфимова, функционирование этого кладбища не прекращается в конце I в., а продолжается до конца II в. Был отмечен также излишний крен в сторону исторических реконструкций (В. А. Кузнецов). В ответном слове А. М. Ждановский внес уточнение относительно выбора темы доклада. В прениях по докладу А. В. Гадло приняли участие Н. Г. Ловпаче, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов и Ю. Н. Воронов. Отметив оригинальность постановки вопроса об истоках салтово-маяцкой керамики, большинство участников дискуссии все же единодушно указали докладчику, что искать истоки рифления керамики кочевников из Закавказья неправомерно. Н. Г. Ловпаче, Н. В. Анфимов, А. В. Дмитриев обратили внимание на большую важность для разработки проблемы салтово-маяцкой культуры материалов, продемонстрированных В. А. Тарабановым. Великолепные результаты раскопок могильника Псыбе отметили в своих выступлениях Ю. Н. Воронов и Н. В. Анфимов. По их мнению, могильник относится к кругу протомеотских памятников VIII в. до н. э. Важность исследованного могильника еще и в том, что он территориально заполняет лакуну между Геленджиком и Гагрой.

На заключительном заседании XI Крупновских чтений обсуждались также организационные вопросы, прежде всего новый состав Оргкомитета. Участники конференции общим голосованием утвердили Оргкомитет в следующем составе: от Москвы — В. И. Козенкова; от Дагестанской АССР — М. Г. Гаджиев; от Чечено-Ингушской АССР — М. Б. Мужухоев; от Северо-Осетинской АССР — В. А. Кузнецов (председатель); от Кабардино-Балкарской АССР — И. М. Чеченов (зам. пред-

седателя); от Карачаево-Черкесской АО и Ставропольского края — Х. Х. Биджиев; от Краснодарского края — Н. В. Анфимов. В принятой участниками конференции резолюции особо была отмечена большая работа коллектива музея истории города Новороссийска по подготовке и проведению чтений. Было высказано пожелание о создании в структуре музея отдела археологии, поскольку район города насыщен выдающимися археологическими памятниками, а в фондах музея накоплены значительные археологические коллекции общесоюзного и европейского значения.

В период работы конференции участники посетили специально организованную археологическую выставку, познакомились с экспозицией и фондами музея истории города, осмотрели великолепные ювелирные золотые изделия из средневековых могильников «Широкая балка» и «Дюрсо», раскопанных А. В. Дмитриевым. Состоялась также экскурсия по археологическим и историческим памятникам Новороссийска и его окрестностей. Работа конференции освещалась в местной прессе.

В. И. Козенкова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВА — Вопросы антропологии
ВВМ — Весник Војног музеја. Београд
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры в 12-ти томах. Л.— М.
ГИМ — Гос. Исторический музей
ИАИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР. Сухуми
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИРГО — Известия Русского Географического общества
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Спмферополь
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
ИЯЛИ КФ АН СССР — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
КД — Каракумские древности. Ашхабад
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МГУ — Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО — Материалы по истории Смоленской области
МОИП — Московское общество испытателей природы
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН СССР
ПАДА — Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972
ПКНО ...г.— Ежегодник «Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология.» М.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.— Л.
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САНУ — Српска Академија наука и уметности
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СК — Стекло и керамика
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
Тр. АГМ — Труды Абхазского гос. музея. Сухуми
Тр. АдыгИЯЛИЭ — Труды Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Майкоп
Тр. ...АС — Труды ...Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Гос. Исторического музея
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского гос. университета. Ташкент
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УЗ БГПИ — Ученые записки Башкирского гос. пединститута. Уфа
УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл
УрГУ — Уральский гос. университет им. А. М. Горького. Свердловск
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЭО — Этнографическое обозрение
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AAC — Acta arhaeologica Carpathica. Kraków
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AÉ — Arhaeologial Értesitõ. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. Institute of America
AmA — American Antiquity. Menasha-Salt Lake City
AMitt — Mittheilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AP — Archeologia Polski. Wrocław-Warszawa-Kraków
AR — Archeologické rozhledy. Praha
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
BIA — Bulletin of the Institute of Archaeology. L.
BRCI — Bulletin of Research Counsil of Israel
BSA — British Shool at Athens. The Annual. L.
IEJ — Israel Exploration J.
JAS — J. of Archaeological Science. L.-N. Y.
JDAI — Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
JNS — J. of Hellenic Studies. L.
KAiU — Kwartalnik architektury i urbanistyki. Warszawa
MEFR — Mélanges d'Ecôle française de Rome
MS — Materiały starożytne. Warszawa
RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
SA — Slovenská ărcheológia. Bratislava-Nitra
SNM — Sbornik Narodnego musea v Prahe
SPF — Société Préhistorique française. Paris

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 18.10.82 Подписано к печати 04.01.83 Т-03901 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Усл. кр.-отт. 94,9 тыс. Уч.-изд. л. 33,0 Бум. л. 10,0
Тираж 3338 экз. Зак. 2122

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10